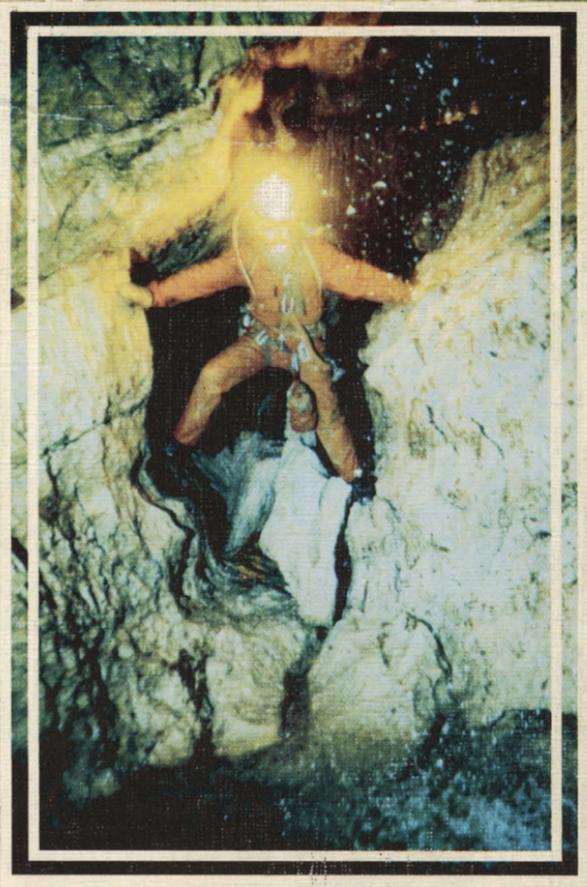

**Александр
Ефремов**

ПУТЬ ВНИЗ ПРЕГРАЖДАЮТ СИФОНЫ

Москва
Издательство Российского университета
дружбы народов
2005

Александр Ефремов

**ПУТЬ ВНИЗ ПРЕГРАЖДАЮТ
СИФОНЫ**

Хроника

**Москва
Издательство Российского университета дружбы народов
2005**

ББК 26.823

Е 92

Ефремов А.П.

Путь вниз преграждают сифоны: Хроника. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 548 с.: илл.

ISBN 5-209-04081-x

В книге известного путешественника-спелеолога Александра Ефремова в увлекательной литературной форме воссоздается история открытия «Великих пещер», найденных и исследованных на территории бывшего Советского Союза в период 60–80-х годов прошлого века. В правдивом повествовании тесно переплетаются рассказы об удивительных приключениях, о сильных и бесстрашных людях, о смешных, странных и драматических событиях в горах и глубоко под землей.

Книга предназначена для самого широкого круга читателей, но в первую очередь для молодых людей, жаждущих испытать себя, найти верных друзей и сделать великое открытие.

ISBN 5-209-04081-x

ББК 26.823

© Ефремов А.П., 2005

© Издательство Российского университета дружбы народов, 2005

*Моим учителям
и любимым друзьям
Владимиру Илюхину
и Юрию Колесникову
посвящается.*

О, люди странные, идущие во тьму,
В немые и грохочущие недра,
В природу, чуждую людскому естеству.
Скажите, что находите вы там –
Не груды ли камней бесценных,
Не клады ли давно забытых царств
Или награды за свою отвагу?

Но если бескорыстен ваш порыв,
То объясните, что же заставляет
Вас сделать первый, самый трудный шаг
В еще не покоренные глубины
Опасностям наперекор?

Ответьте, что рождают в ваших душах
Пещерный холод, мрак и темнота,
Усталость и привычка к неудобству,
О чем на ваших неземных привалах
В ночи подземной думаете вы?

О, люди с необычною судьбой,
Вы выбрали нелегкое занятие
И не свернете с этого пути.
Так пусть же вас в суровом подземелье
Во все века несчастья минуют,
Но только сами – будьте осторожны,
Вы помните: мы ждем вас на Земле.

Эй, путник, по Земле идущий,
Остановись, прислушайся к себе.
И если в сердце царствует твоём
Любовь к вещам и тепленькому месту,
То очень нелегко тебе понять
Других людей упорное стремленье
К преодоленью, риску и борьбе
В чистейшем, первозданном их обличье –
В подземных пропастях.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Сейчас, когда эта книга написана, исполняется ровно сорок лет с того дня, как ее автор начал заниматься спелеологией.

Что это такое – спелеология?

Одни говорят: это наука о пещерах – подземных полостях, естественным путем образовавшихся в горных породах.

Другие утверждают, что это увлекательные путешествия в неземной мир.

Третьи уверены, что это экстремальный спорт, имеющий своей целью установление рекордов в самых глубоких пещерах мира.

Все верно. Спелеология – это и наука, даже целый спектр наук, это и спорт, и путешествия. Но автор данной книги, лично открывший десятки новых пещер и побывавший в сотне спелеологических экспедиций, считает, что греческое слово «спелеология», буквально означающее «изучение пещер», для него приобрело иной, гораздо больший смысл. Для автора спелеология – это стиль мышления, стиль поведения, стиль жизни. Хочет он того или нет, но сорок лет непростого общения с прекрасным и строгим миром запутанных подземных лабиринтов и бездонных шахт наложили свой отпечаток на его характер.

Вода, проникая в земные недра, упрямо точит твердый камень и образует пещеры, огромные подземные дворцы. Так и человек, взявшись за какое-то дело, должен проявить упорство и довести его до логического конца. Но сначала нужно как следует подумать: браться или нет. Если надолго уходишь под землю, то до мелочей продумываешь, что там может с тобой случиться и что может оказаться необходимым. Лозунг «сначала вяжемся в драку, а там – посмотрим» в серьезной спелеологии не проходит. Пещеры – не люди, они не прощают слепого азарта.

Но они – учителя. Они заставляют приобщиться к тем наукам, без которых нельзя быть спелеологом. Геология, карстоведение, география, геодезия, медицина, биология, психология, математика, физика – неполный список. Пещеры заставляют становиться физически сильным и бесконечно выносливым. Десятки часов выполнять тяжелую работу в самых сложных условиях. Еще пещеры учат быстро соображать. Особенно, когда летишь вниз в стометровый колодец с оборвавшегося крюка или когда глубоко под землей в заполненном ледяной водой сифоне вдруг ломается твой акваланг. Просто умного пещеры со временем превращают в мудрого: перестаешь попадать в ситуации, из которых потом нужно выкручиваться.

Пещеры умеют дарить восторг открытия – одно из самых сильных ощущений человека, способного осознать высоту этого чувства. Говорят, что каждый метр поверхности нашей планеты уже досконально обследован. Не исключено, хотя и сомнительно. Но нет никакого сомнения в том, что до сегодняшнего дня остаются неизвестными сотни и тысячи пещер, скрытые в земных недрах. Спелеологи – те «последние могикане», которые продолжают – и успешно, каждый год – делать великие и малые географические открытия и давать им те имена, которые кажутся наиболее подходящими. Если открытие поистине великое – как мировой рекорд глубины, который за последние десять лет «переезжал» из одной пещеры в другую несколько раз, – то счастливых первопроходцев настигают известность и слава. Правда, суетная и зыбкая.

Пещеры помогают познать себя и вознаграждают чувством уверенности. После испытаний темнотой, холодом, камнепадами и страшными подземными паводками возвращаешься наверх человеком, который ничего не боится. Ничего. А испытание неземной красотой и трогательной душевностью друзей пробуждает в душе любовь. Сначала – к ближним, позже – к людям вообще. И не только к людям – к

природе, Земле, миру, Вселенной, своей жизни. Любовь к жизни.

Еще пещеры продлевают молодость. Не только той живой водой, которую пьешь из ручьев и рек в самом сердце Земли задолго до того, как они появятся в источниках, освященных преклонением людей. Молодость твою не отпускают те юные создания, которые жаждут причаститься трудного подземного пути и требуют от тебя поделиться своим знанием и даже пройти хотя бы малую долю этого пути вместе с ними. В награду ты получаешь часть их энергии и азарта – того самого, от которого вроде бы давно открестился. И снова чувствуешь восторг и счастье бытия.

Потом эти люди вырастают и становятся похожими на тебя, а ты – если ты достоин того – похожим на них. Биопля сходятся, и на многие годы ты обретаешь друзей. Люди, друзья – это самое главное, самое интересное и дорогое в спелеологии.

С годами те пещеры, которые ты часто посещаешь, тоже становятся твоими друзьями. Но, как и с людьми, с ними всегда следует соблюдать такт и достоинство. Пещеры, прожившие миллионы лет в одиночестве, очень независимы и горды, стать их другом для человека большая честь.

О чем же эта книга? Обо всем, что сказано выше, о пещерах, путешествиях, науках. Но в первую очередь о событиях и людях так, как они представлялись автору и как представлялся ему он сам. Со всеми достижениями и радостями, со всеми ошибками и глупым недомыслием. Со всем увлекательным и смешным, со всем трагическим и странным.

Следует также сказать, что автор попытался подробно описать в этой книге только те события, участником которых был сам. Без домыслов и фантазий – так, как оно действительно было или как казалось, что было. А о том, что происходило без личного участия автора, для поддержания смысловой связи лишь кратко упомянуто. Так что открытая вами

книга написана непосредственным и заинтересованным очевидцем, и ее текст местами подчеркнуто окрашен персональным отношением. Не обессудьте – авторская версия.

И последнее. В книге описаны события, которые можно отнести, так сказать, к периоду отечественного «спелеологического средневековья» – с 1962 по 1979 годы, а также часть «новой спелеоистории» до 1986 года. Обладая известной полнотой информации и недурной памятью, автор считает своим неременным долгом рассказать здесь именно о тех уже отдаленных временах и об исследованиях первых великих пещер, в которых ему посчастливилось побывать.

Более поздний период «новой истории» – до 1992 года, когда уже распалась прежняя общественно-экономическая формация и началась война в Абхазии, а также последний период «новейшей спелеоистории» вполне свежи в памяти нынешнего поколения, и его лучшим представителям, безусловно, достанет таланта и досуга достойно их отобразить в увлекательной литературной форме.

ПРОЛОГ

ОТКРЫТИЕ ПОДЗЕМНОГО МИРА

Катакомбы

Время было очень интересное, но мы этого не понимали. Мы плыли в шестидесятых, как в естественной нашей среде и не считали, что возможно иначе. Слышались еще окрики осторожничающих взрослых, мозолили глаза разные запреты и правила: в первую дверь не входить, без билетов в транспорте – ни-ни, но это были мелочи. В целом мир предстоял перед нами замечательно свободным, и мы без угрызений совести и, конечно же, без боязни правила нарушали.

Отнюдь не абстрактное понятие, наша свобода имела вполне реальное воплощение. Полчаса от любого московского вокзала на электричке – и вот она: буреломные леса с рыжими болотами или исчерченные следами лыж белые горизонты полей. Они гарантировали нам пространство, а путь для его пересечения мы должны были выбирать сами. Ответственность выбора и предчувствие потрясающей необъятности за пределами этого еще не познанного пространства щемили наши души сладостным нетерпением. Это было прекрасное время принятия первых собственных решений, рождения уверенности в себе, время утверждения мужского характера.

Впрочем, тогда нам было наплевать на критический анализ взросления. Нам было по шестнадцать, и кроме семейного быта и занудливой школьной рутины мы толком ничего не испытали. А хотелось. Как и всех молодых тогда, нас тянуло к выпивке и женщинам, и после очередной вечеринки (так это называлось) мы гордо задирали носы и считали себя вполне мужчинами. Но скоро тесны стали стены домов, и бес, сидевший в каждом, погнал нас на волю. Привыкшие к уюту и теплу подруги наши быстро от нас отстали, и мы двинулись на свободу одни – четверо совсем разных, но близких по духу пацанов: Урбан, Осипов, Зюзин и я.

Сначала мы делали так: закупали дешевые и доступные тогда хлеб, тушенку, вино и ехали с утра «на природу», чаще всего в березовые рощи у канала Москва–Волга. Было весело: купались, боролись в траве, бросали в цель нож. Вино подстегивало задор. Но быстро приелось. Тогда начали ходить в походы с ночевкой, сбросившись по три рубля, купили подержанную палатку, на выгоревшей крыше которой углем было начертано: «Бди!». Уходили от дорог все дальше в лесную глубину, стали брать компас и ужасную карту, в которой почти все было наврано.

Особенно нравилось нам приходиться к озерам. В те времена в Подмосковье были чудные чистые озера. Запало в душу одно из них – Светлое, в семидесяти километрах к востоку от Москвы. Это совсем не большое, почти круглое ледниковое озеро едва ли двести метров в диаметре. Но по глубине – это серебряный призер Московской области: тогда в центре озера лот уходил на двадцать метров. Вода в нем была абсолютно прозрачна, на дне произрастали чудесные подводные джунгли, в которых в изобилии водилась рыба. Это я не по справочникам знаю. В один из августовских дней 1962 года мы пришли к Светлому озеру, поставили нашу палатку и до крайней дрожи плавали в холодной воде с бывшими тогда внове маской и ластами, охотились с пикой на рыбу. Подстрелить ничего не удалось. Зато мы обнаружили на дне пару брошенных браконьерских вершей, где пребывали в заключении два уставших щуренка и лещ. Пришлось прихватить также трех больших раков, заинтересованно ползавших неподалеку. Помню, мы не без труда справились с дележом добычи. Мне по жребию достался самый большой рак, которого уже дома мы с родителями съели без пива (я тогда терпеть не мог пива).

Теперь, десятилетия спустя, я иногда езжу мимо Светлого озера по асфальтовой дороге, которая легла у самого его берега. Всякий раз останавливаю машину и с комом в горле подхожу к воде. Горе. Надо менять название этой сизой об-

мелевшей лужи, из которой безобразными скелетами торчат ржавые остовы брошенных пионерских купален* Купаться в мутной, дурно пахнущей жидкости нельзя. Подводные растения мутировали. Вместо бывших джунглей из илистого дна торчат редкие колючки бордово-красного цвета. А с высоко-го берегового склона ядовитой змейкой сползает в умирающий водоем зловонный ручеек, берущий начало то ли в пионерском лагере, то ли в примыкающей к нему автобазе.

Воистину, не возвращайся в места, где был счастлив!

Компания наша оказалась довольно забавной. Начать с того, что всех вместе нас столкнул астрономический кружок Московского планетария, куда каждый пришел изучать небо. Нельзя сказать, что мы в этом преуспели. Вместо наблюдения светил мы, четверо, вцепились друг в друга и так, не отпуская хватки, двинулись вбок. До сих пор не понимаю, что нас объединило тогда и продолжало объединять много лет потом.

Урбан был по характеру ленив, добродушен и отходчив, но у него был раньше всех день рождения и большая масса тела. Поэтому, несмотря на врожденный дефект ноги, он претендовал на лидерство. Осипов был ехиден, шустр, но тоже любил сачкануть. Зюзин грешил необязательностью и при этом хватался сразу за много дел. Я же отличался ослиным упрямством и нелицеприятным воспитанием московского приарбатского двора.

После некоторого перемешивания и деления на четыре все эти качества оказались весьма приемлемыми для длительного тесного взаимодействия индивидуумов, которое на выпрессованном языке именуют дружбой.

Поскольку, как я уже говорил, девушки не ходили с нами «на природу», мы были вынуждены выпендриваться друг перед другом. В одном из поздних осенних походов, когда уже инеем покрывалась трава по утрам, Урбан в голом

* Не так давно купальни разобрали, но озеро по-прежнему умирает...

виде форсировал подмосковную речку Десну, заботливо уложив свой протез в специальную надувную лодку, которую ему из Индонезии привез его отец – известный геолог. Чтобы не отстать в геройстве, мы, дрожа худыми телами, плыли за ним. А потом делали то, чего он не мог: лезли на самые высокие березы и повисали там на одной руке – кто дольше. Самое интересное, что никто не падал. Приходил похмельный лесник, матерился за костер и порубленную кору дерева, в которое метали топор. Грозил страшными карами. Тут Урбан сходу брал реванш: протягивал мужику кружку с остатками слитой туда из всех бутылок вчерашней выпивки. Тот, кряхтя, выпивал, добрел на глазах и уже сам предлагал пальнуть «во что-нито» из его двустволки. На глазах у восхищенной публики Урбан картечью в клочки разносил жестяную банку из-под тушенки. Все закуривали.

Стремительно темнело. За дальними холмами по дороге к станции стихали взрывы, которые тупо долбили землю. Там, в карьере, брали известняк. Мы собирали вещи и возвращались как раз той дорогой. Пройти мимо раскороченного чрева планеты было выше наших сил. Уже в сумерках, прыгая с глыбы на глыбу, мы подобрались к подножию высокого обрыва – «обнажения», на котором, как на карте, потомственный знаток недр Урбан намеревался продемонстрировать нам историю эволюции юрских морей.

Но вместо поучительного и нудного экскурса вся компания, включая лектора, уставилась на аккуратную дыру правильной прямоугольной формы, черневшую прямо посередине только что срубленного взрывом отвеса. Это было нечто! Пещер в нашем, как мы были убеждены, богатом опыте еще не случалось. В памяти осталось нестерпимое желание тотчас же влезть в эту дыру. Но гладкая скала – не дерево. И к тому же непривычный, языческий какой-то страх перед неизвестным подземельем вдруг дал неожиданный эффект: мы стали резко благоразумными. Поплевав на камни и повторив в вариациях редкую мысль, что без веревки тут

лучше не рыпаться, мы решили отложить штурм пещеры до следующего раза.

Так и погибло бы это решение вместе с сотнями других, которые мы отважно принимаем и в детстве, и в зрелом возрасте, если бы не первое в моей жизни совпадение. С того времени самые странные совпадения неотступно преследуют меня уже много лет, о некоторых я расскажу в этой книге.

А именно, одновременно с открытием дыры в свет вышел русский перевод книги замечательного французского спелеолога Норбера Кастере «Зов бездны». Книгу принес Осипов, он всегда успевал быстрее всех. Мы прочли ее запомним, и с тех пор разговоры шли только о пещерной системе Тромба да о пропасти Хенн Морт. Точно в контекст легла и наша дыра, но брать ее приступом мы собрались только в апреле, когда чуть ли не к центру Москвы ветры задували пьяный запах просыпающегося леса.

Было солнечное воскресенье. Почему-то не поехал Зюзин, и мы, как обычно без билета подъезжая в электричке к заветной станции, предвкушали приключение втроем. Обсуждался главный вопрос: кто полезет первым. В рюкзаке лежала толстая бельевая веревка, которую незаметно от родителей снял с балкона Урбан. Он великодушно снял также и свою кандидатуру с почетной роли первопроходца и вызвался страховать. После некоторой перепалки Осипов так и быть согласился быть вторым: чашу весов перевесил тот факт, что я мог на два раза больше подтянуться. План штурма отвеса составили такой. Урбан одним концом привязывает веревку к елке на верху обрыва, другим – меня вокруг пояса. После этого я, цепляясь за выступы, спускаюсь к дыре. Урбан и Осипов протравливают веревку, затем по очереди спускаются ко мне. Каждый несет с собой фонарь. Все вместе мы лезем под землю и начинаем исследования. Все. В чем эти исследования заключаются, сколько времени они продлятся, а самое главное, как мы будем вылезать назад, – эти вопросы

выпали из обсуждения, хотя веревки до дна карьера явно не хватало.

Но безумцам везет. Прошлепав три километра по весенней слякоти, мы обнаружили, что сверху на дно карьера обрушился земляной оползень, который едва не закрыл вожделенный вход. По скользкому склону не без труда, но зато без опасного скалолазания мы через пять минут ступили на плоскую привходовую площадку.

Велико же было наше разочарование, когда первым предметом, который мы обнаружили у входа в таинственное обиталище подземных духов, оказалась пустая бутылка из-под портвейна! Рядом с ней уютно ржавела банка с классической наклейкой «Бычки в томате», а остатки костерка и пара окурков свидетельствовали о бесстрашии и непобедимом аскетизме советского рабочего человека. Выпить в укрытии от начальства или от дождя – святое дело! За него можно штурмануть и отвесную стену. К счастью, эти последние посетители ограничились пикником с видом на карьерный кавардак, в глубь пещеры они не пошли. Мы поняли это сразу, как только увидели ледяные сталагмиты. Нетронутые, они во множестве торчали из пола, полупрозрачные, до полуметра высотой, и здесь на сумрачной грани полусвета-полутьмы, полухолода-полутепла являли штрек брошенной каменоломни фрагментом капища древнего фаллического культа. И запах. Еле заметный ток воздуха нес из чрева скалы тревожный дух сырого камня.

В тот момент, впрочем, я бы счел, что спятил, если бы такие идиотские мысли взбрели мне в голову. Понадобилось почти сорок лет, чтобы первый мой шаг под землю отозвался столь сладким поэтическим эхом. Тогда же просто было не по себе. Зато Урбан быстро забыл, что он собирался страховать, и, бросив нас разбираться с вещами, захромал с фонарем через сталагмиты. Хрупкие ледяные изваяния со стонами рушились под его всеокрушающим протезом. Минута, и наш Портос скрылся в темноте. Осипов кинулся вслед за ним

и тоже исчез. Из упрямства я заставил себя сложить рюкзаки в кучку и, стараясь не поломать больше того, что уже было поломано (мне очень понравились ледяные сталагмиты), двинулся в темноту.

Начитавшись Кастере, я психологически был уже готов к странностям настоящего подземелья. И все равно был ошеломлен, когда через десять шагов перестал видеть. Фонарь с новыми батарейками старался вовсю, но зрачки ловили лишь какие-то слабые блики. Впереди раздался сдавленный крик. Плюнув на свою куриную слепоту, я рванулся вперед, к ребятам, и тут же получил сильнейший удар в лоб. Теперь перед глазами поплыло вообще черти что. Испугаться я не успел и только, лихорадочно избегая второй – наверняка нокаутующей – затрещины, сделал обманный нырок. Уловка оказалась успешной: после жесткого контакта с твердым выступом потолка я на сей раз ткнулся головой в мягкий живот Урбана. Оба друга, притулившись к стене, шепотом ругались. Похоже, как и я, с синяками на лбу, они переживали адаптацию зрения. С тех пор я хожу под землю только в каске.

Дальше пошли сказочные приключения. Впереди открылся аккуратный прямоугольный ход, в нем можно было идти, слегка согнувшись. На ровном полу лежали какие-то ржавые длинные железяки, в которых мы признали рельсы узкоколейной дороги. Местами с плоского потолка капала вода, там на полу стояли лужи и целые озера. Железная дорога оборвалась, ход пошел ветвиться. Мы оставляли бумажки на развилках и шли все дальше, не думая о времени, о еде, о запасах света. Когда потолок стал снижаться, по бокам хода появились ровные продолговатые предметы, весьма похожие на гробы (потом я выяснил, что именно так все одновременно и подумали). Дальше эти каменные блоки стали попадаться все чаще, и наконец, мы вышли в просторный грот, пол которого сплошь состоял из таких «гробов». Местами граница между ними была лишь намечена: зубчатый

неглубокий шов, заполненный каменной крошкой. Это был покинутый забой, где когда-то добывали камень. По еле заметным трещинам его рубили с помощью кувалды и стальных рубил, а затем катили по рельсам двухсоткилограммовые глыбы к выходу. Пошарив по углам забоя, мы нашли пару закопченных лилипутских ламп и трехлитровую жестяную банку с фирменной надписью «Керосин Бони и К°, 1908 год». Интересно, что ни пустых бутылок, ни окурков трудящиеся царской России на своем рабочем месте не оставили.

Здесь мы остановились на отдых. Зажгли свечку, молча курили. Желтоватый известняк играл в прыгающем свете загадочными черточками природной клинописи. С прогнивших деревянных крепей свисали белые кудри плесени. Мы были одни – и первые после долгого перерыва в этом заброшенном мире. Хотя и не нашли драгоценных кладов, кажется, были счастливы. Осипов фальшиво насвистывал популярную песню «Бригантина». Я поплеывал в лужу. Урбан задумчиво выводил копотью свечи на потолке имя его любимой на тот момент девушки. После на всех виденных мною картах этих катакомб тот грот так и был обозначен «Таня».

Проклятое музейное воспитание: «Экспонаты не трогать!» Естественно, желая сохранить для благородного потомства реликвии, мы возвращались назад с пустыми руками, керосиновые лампы и бидон начала века остались на месте. До сих пор кусаю локти, что мы не взяли их себе, – уже через полгода все было разворовано*

* Отрывок «Пролога» был опубликован в «Спелеологическом журнале» МГУ (1994, ноябрь, №1, с. 10–14). На последней странице журнала в разделе «Нарочно не придумаешь» есть заметка «Наследник»: «Интересное совпадение постигло недавно одного из сотрудников нашей редакции. Просматривая отрывки из книги А. Ефремова для этого номера, он наткнулся на фамилию своего прапрапрадеда: его далекий предок был владельцем компании, торговавшей керосином. Соответствующие документы по сей день хранятся в его семейном архиве». Совпадение...

Илюхин и Колесников

Скоро мы считали себя асами подземелий. Сделали подобие касок из жести, на них укрепили налобные фонари. Завели пещерную одежду, которую прятали от родителей: те были по-прежнему уверены, что мы ходим в планетарий. А мы на каждый выходной уезжали в свои катакомбы. Рисовали схему ходов, давали названия галереям и залам. Схема все усложнялась, мы прошли под землей уже несколько километров.

Известие о том, что Московский клуб туристов приглашает желающих в секцию спелеологов, принес вездесущий Осипов. Надо сказать, что рациональное начало в нем всегда было сильно. Он предложил рассказать в секции о нашем открытии в обмен на «их» информацию о других пещерах. Согласились все, кроме меня. Ни за что – спорил я – никакой зависимости! Нас же там заставят тренироваться, пить-курить бросим!

Зюзин ходил в клуб на разведку* По его словам, записывает мужик лет тридцати, здоровый, как танк, «вот с таким шнобелем» – Зюзин поискал сравнение и неуверенно показал на мой нос. Фамилия – Илюхин. Он пригласил на тренировку, которая состоится на Ленинских горах. А в клубе висит карта-разрез пропасти, рядом с которой для масштаба изображено высотное здание МГУ; небоскреб явно проигрывает рядом с пещерой. Последний аргумент сломал и меня, и мы пошли на тренировку.

Обстановка нам понравилась. Вокруг самодельного футбольного поля на средней террасе гор, прямо под храмом с золоченым крестом трусили по кругу человек шесть взрослых парней. А чуть в стороне перед стайкой девиц в синих тренировочных костюмах делал «пистолетики» здоровенный мужик: на широких плечах его, вообще говоря, нормальная

* Еще один знак свыше: оказалось, что клуб туристов располагается в точности напротив планетария, на противоположной стороне Садового кольца.

голова казалась маленькой. Это и был Илюхин – председатель Московской секции спелеологов, кандидат наук. Познакомились, сразу договорились на «ты», – это нам понравилось еще больше. Илюхин предложил включиться в занятия.

Урбан непревзойденно присел бесчисленное число раз на здоровой ноге, Осипов и Зюзин пристроились поболтать с девицами, я пошел бегать с ребятами. На втором круге надо было ускориться. Я увидел, что группа пошла в отрыв, и бешено засучил ногами. Секунд через десять дышать стало нечем, и мир пещерно почернел. Отстав метров на двести, почти пешком я добрал до финиша. Внимательно наблюдавший Илюхин высказался в том смысле, что некоторые не совсем правильно понимают термин «ускорение». Тогда я впервые подумал о том, что неплохо бы бросить курить.

В большом теле Илюхина энергия была через край. Он хватался сразу за сто дел и успевал довести до конца все. Кроме научной работы в институте кристаллографии, о котором он рассказывал взахлеб, надо было организовать экспедиции, наладить связи с зарубежом, сходить в подмосковный поход, наконец, пробиться наверх в суетной политической борьбе среди лидеров только что родившейся в стране спелеологии. Он жил в коммуналке на Арбате, и в его комнате с утра до ночи толклись люди. Сюда приходили, как к себе домой, вели бесконечные беседы, пили чай с ванильными сухарями. В комнате не курили – Илюхин этого не любил; никогда не пил спиртного. Здоровье свое берег, тренировался круглый год и вовлекал в тренировки всех. Зимой, когда не мог «достать» спортзал или стадион, устраивал ристалища на улице. Как-то в январе организовал футбольные матчи на лужайке прямо под Кремлевской стеной. Мы приходили туда вечером, передевались на снегу и, проваливаясь по колено, самозабвенно гоняли мяч. Изумленные милиционеры пялили глаза, но нас не трогали; была почти свобода.

Всегда занятый Илюхин перепоручил нашу четверку Колесникову – главному специалисту по выращиванию спе-

леологического молодняка. Это был тот еще тип! Выше среднего роста, коренастый, крепкий физически и ясно мыслящий, он имел волосы ярко-рыжего цвета, за что получил соответствующее прозвище, и охотно на него откликался. Он был на десять лет старше нас, прошел армию и закончил техникум; он знал приемы самбо, прекрасно владел картой и компасом и иронически отзывался о женщинах; он был решителен и отчаянно смел. Первый поход, в который он нас вел, мало того, что был ночью и под проливным дождем, но еще пролегал по территории действующего танкодрома, так что на привалах мы бросались осколками самых настоящих снарядов. Всего за месяц Рыжий стал для нас непререкаемым авторитетом, и мы без колебаний согласились поехать под его руководством в настоящие крымские пещеры тем первым летом 1963 года. Только Урбан остался в Москве. Но не горные тропы, неудобные для его протеза, и не доводы родителей удержали его: он поступал в институт.

Первая пещера

Еще перед отъездом Колесников предупредил нас, что всякое разгильдяйство в группе он будет искоренять самым нещадным образом. Это он сказал на собрании экспедиции во Дворце пионеров, который финансировал нашу поездку. Во-первых, Колесников объявил категорический сухой закон, во-вторых, строго-настрога запретил всем курить и проносить вслух плохие слова. Таким образом, мои мрачные предчувствия по поводу дисциплины в секции начали сбываться. Группа состояла из десятка пацанов, наших ровесников, так что мы быстро нашли общий язык. На родителей Рыжий произвел впечатление положительное, и они с легким сердцем отпустили нас в Крым.

В поезде меня ждало необыкновенное открытие, во многом определившее мою дальнейшую жизнь. После ужина, вместо того, чтобы завалиться спать, «мужики» – наши новые друзья – затащили нас в тамбур и до глубокой ночи

под аккомпанемент колес пели неслыханно прекрасные песни. Эти песни о дорогах, о друзьях, о жизни и скитаниях намертво впечатались в мою память, и я пел их один и с другими, хотя долго не знал имен их авторов – молодых тогда Городничкого, Визбора, Якушевой.

На подъезде к Симферополю выяснилось, что завхоз забыл купить соль и сахар.

Бог мой! – вскричал разъяренный Колесников и отправил всю группу на поезде до Бахчисарая, откуда велел самостоятельно добираться до Ай-Петри, там по карте найти пещеру Геофизическая, поставить рядом со входом лагерь и начать делать навеску снаряжения в ее входной колодец. С замиранием сердца все слушали эту сладкую ругань: наконец-то мы настоящие спелеологи и будем спускаться в настоящую пропасть!

А ты, – Рыжий ткнул пальцем в меня, – потащишь соль и сахар со мной из Симферополя; рюкзак возьмешь пустой, а вещи твои поедут со всеми. Было жаль ехать без ребят, но льстило, что начальник из всех выбрал меня – выходит, не самого слабака.

Как угорелые, мы метались по крымской столице, уговаривая продавщиц отпустить нам дефицитные продукты. Вообще-то, уговаривал Рыжий, а я стоял рядом, как истукан, не зная, что сказать. Уговоры подействовали, и через пару часов наши рюкзаки уже весили килограммов по двадцать. Это Колесникова удовлетворило, и мы на троллейбусе двинулись в Ялту.

Красота вокруг стояла неопишуемая: белые поселки и вишневые аллеи, горы и море. Я едва не свернул шею. В Ялту приехали уже ночью. Съели по бутерброду, запивая водой из фонтана. В свете фонаря, торчавшего меж пальм в центре города, Рыжий достал компас, сверился с картой и решительно указал на асфальтовую дорогу: нам сюда. Хорошо, что не было прохожих, нас наверняка приняли бы за шпионов.

Дорога, петляя, пошла серпантинном в гору. Несмотря на ночное время, было жарко и душно. Скоро мой рюкзачок заметно потяжелел, и тут Рыжий свернул с дороги на тропу. Как он узрел ее во тьме, непонятно. Еще час я шел за ним, не сбавляя темпа. Потом в голове зашумело, и там стали явно слышаться те самые слова, которые начальник не велел произносить вслух. Еще через полчаса Рыжий молча отнял у меня рюкзак и повесил на себя. Но было поздно: ноги меня уже не слушались. Как лунатик, я замедленно ковылял десяток шагов, потом садился прямо на землю. Рыжий уходил по тропе вперед, бросал там рюкзаки, потом возвращался, совал мне в рот кусок сахара и тащил за руку. Стало светать. Во время очередной отсидки, я вдруг понял, что светлое пятно далеко внизу – это покинутая нами Ялта. В черной стене гор открылся широкий проход, из которого потянуло холодным ветром. Тропа нырнула в эти ворота, и вскоре наш несчастный караван выполз на Ай-Петринскую яйлу. Восхождение закончилось.

Я был настолько утомлен, что даже не удивился, когда увидел стоящие посреди плато палатки и высовывающиеся из них сонные физиономии членов нашей группы. Тупо реагируя на вопросы и рассказы, я плюхнулся в первый попавшийся свободный спальник.

Местность, где мы оказались, была весьма примечательной. Ровное известняковое плато, покрытое зеленой травкой и редкими посадками низкорослой горной сосны, обрывалось к морю полукилометровым отвесом, на самом взлете которого красовались скалистые зубцы горы Ай-Петри. Прямо глаз не отвести! Все это я увидел из палатки, когда проснулся. Был ясный день, и, перевернувшись для пробы пару раз в спальнике, я по живости тела пришел к выводу, что спал целые сутки. Но ошибся.

Вокруг лагеря царил страшная суматоха. Ребята носились вдоль и поперек плато, явно что-то разыскивая: они заглядывали под сосновые кустики, шерстили траву и даже

перекатывали камни. Багрового цвета начальник угрюмо сидел на уступчике скалы в тени единственного невесть как попавшего сюда дерева, похожего на березу. Видом он весьма смахивал на Мамаю перед Куликовской битвой, и к нему старались не приближаться. Выяснилось, что ребята прибыли на плато ночью, лагерь поставили наобум, а вход в пещеру Геофизическая не нашли. Узнав об этом, озверевший от усталости, голода и недосыпа Колесников заявил, что в пещеру полезут только в том случае, если найдут ее сами. Затем он сел на краю входного колодца под «березой» и целых два часа наблюдал, как молодой прочесывает плато. За эти-то два часа я и успел выспаться. Пещеру нашел Осипов.

Навеску снаряжения делали всем миром. Путаясь в веревке, вязали вокруг ствола дерева правильные альпинистские узлы – булины и проводники, цепляли карабинами лестницу, организовывали место для страхующего. Лестницу мы делали в Москве сами. Выпиливали из дюралевых лыжных палок ступеньки – трубки длиной пятнадцать сантиметров, сверлили в них дырки и через эти дырки обвязывали ступеньки стальным четырехмиллиметровым тросом. Конструкция получалась увесистая: двадцатиметровая лестница весила килограмма три. Но это был уже серьезный технический прогресс. Еще за год до того спелеологи использовали лестницы из телефонных кабелей с деревянными ступеньками; удельный вес – килограмм на погонный метр. Потаскайка такую махину туда-сюда в пятидесятиметровом колодце! И веревка у нас была новая: найлон-66 диаметром двенадцать миллиметров. Но лежал еще в нашем спасфонде и натуральный сезальский трос.

Спускались так. Тот, кто шел вниз, обвязывался концом веревки и начинал двигаться вниз по лестнице. Наверху другой участник страховал его по-альпинистски – через плечо или через пояс – на тот случай, если первый с лестницы сорвется. Сорваться можно было по многим причинам: ударит по каске крупный камень, закружится голова, кончатся

силы, а то и лестница не выдержит. Интересно, что в моей практике однажды сработал только последний фактор.

Одеты мы были, в основном, в обычные домашние свитера и лыжные штаны, только сверху надевали купленный за трешку на Преображенском рынке хлопчатобумажный рабочий комбинезон. На голове имелись дюралевые каски «Госмонтаж», во множестве ворованные состроек. На ногах – чешские ботинки «вибрам» по девять рублей пара, в руках – китайские фонарики. На руки лично я купил себе в магазине «Турист» шикарные мотоциклетные краги.

Нельзя сказать, чтобы у меня ноги дрожали, когда я спускался по лестнице во входной двадцатисемиметровой колодец пещеры. Скорее, дрожало все внутри – от нетерпения: наконец-то я увижу натуральный сталактит! Ступеньки, однако, оказались довольно скользкими, и мне приходилось сжимать кулаки изо всех сил. При этом удавалось и заметить кое-что вокруг. Отвесные стены колодца медленно плыли мимо меня вверх. Они были светло-голубыми там, где виднелся мокрый голый камень, а остальное заросло то ли мхом, то ли лишайником веселенького зеленого цвета. Пахло какой-то особо вкусной сыростью, вроде той, что чувствуется на новых станциях метро. Притомившись перебирать конечностями, я проорал страхующему закрепить веревку, и в этот миг со свистом и улюлюканьем, едва не задев каску, снизу вверх пронеслась стая огромных страшных птиц. От неожиданности сердце у меня екнуло и упало в пятки. Но страх оказался напрасен: это была мирная семья горных голубей, которые часто вьют себе гнезда в колодцах крымских пещер: там прохладно, есть немного воды и нет врагов.

На наклонном дне колодца я с удивлением обнаружил большую кучу грязноватого, но вполне настоящего снега – и это в середине июля! А в самом нижнем углу при слабом отсвете неба, обрамленного рваной дырой входного отверстия, чернела узкая длинная щель. Вот она, пещера! Я лег на живот и пополз. Через полминуты глаза привыкли к свету фо-

нарика: я понял, что ползу по сырой мягкой глине и цветом уже не отличаюсь от окружающих меня стен. Точнее, стены были чище. Щель расширилась так, что можно было встать. И тут я увидел сталактиты. Они росли из трещин в потолке и были короткие, толстенные, с грубоватой темно-желтой поверхностью. Но они были прекрасны! Не веря себе, я содрал с рук свои превратившиеся в липкие тряпицы бывшие шкарные краги и осторожно дотрагивался до свисавших с низкого пещерного неба вечных каменных сосулук.

Потом сталактиты, сталагмиты и сталагнатовые колонны пошли в изобилии. Мы замороженно не сводили с них глаз, стараясь не задеть, не испачкать глиной. Особенно выделялся могучий сталактит размером с крупную ракету «воздух–земля». Он как бы нацелился в жерло колодца уже в глубине пещеры, и мы, надо сказать, не без опаски спускались под этим прицелом в колодец для топосъемки. Интуитивное подозрение о не слишком большой прочности пещерных кристаллов материально подтверждали рухнувшие когда-то и уже затекшие кальцитом каменные колонны.

В пещере было еще несколько колодцев и разветвлений. Все это заросло кристаллами, было чисто, свежо, незаптано. Колесников еще наверху предупредил нас, что не дай Бог кому-то сломать натек и положить в карман: такового преступника надлежало с позором выгнать в Москву. Но не из страха наказания, а из-за восхищения юных душ чудесным творением природы мы вовсе не помышляли о браконьерстве. Хотя и после нас остались сломанные неловким движением хрупкие трубочки-сталактиты да глиняные следы на светлом натечном полу.

Через пару дней мы уже по-свойски называли нашу первую пещеру дырой. Ежедневно ходили вниз, делали топосъемку: с рулеткой, горным компасом и пикеташкой – блокнотом для записей. Выбравшись на поверхность, камералили чертили на миллиметровке разрезы и план. Как правило, нитки ходов, глубины колодцев и изгибы абриса не сходи-

лись, на бумагу лезла какая-то абракадабра. Тогда Рыжий заставлял снова идти в дыру и переделывать топосъемку. По лестнице мы уже бегали вверх-вниз бегом, каждый закоулок пещеры помнили с закрытыми глазами.

По утрам Колесников строил нас по-армейски и требовал предъявить личное снаряжение: кусочки репшура, используемые для обвязок, карабины и скальные молотки. Растяп, потерявших свои причендалы, начальник заставлял искать их по всему лагерю; остальные стояли в строю и ждали. Это было противно, но мы не злились. Скоро научились быть аккуратными и помогали друг другу собирать вещи с вечера.

В один из дней Рыжий построил команду на краю входного колодца и объявил, что сейчас покажет спуск по веревке способом «дюльфер». После этого он нацепил поверх своего комбинезона пару самодельных пластиковых желобков: один – на левое плечо, другой – на правое бедро. Завязал на веревке схватывающий узел пруссика для самостраховки, пропустил через желобки веревку, надел рукавицы и велел внимательно смотреть. Потом тихонько подошел задом к отвесу и – прыгнул вниз. Раздалось неприятное жужжание, и мы успели только заметить стремительно исчезающую в провале каску начальника и легкий дымок у него из-под мышки. Веревка на несколько секунд натянулась струной, потом ослабла. Снизу послышалось смешанное эхом страшное пиратское ругательство. Все деликатно промолчали. Еще через пару минут Рыжий появился на верху лестницы и, пыхтя, выбрался на землю. Сквозь дырки в левом рукаве и правой штанине явственно виднелась до пузыря сожженная веревкой кожа. Пластиковые желобки съехали с положенного места и болтались как попало. Отцепившись от самостраховки, Колесников снял их, прилюдно швырнул за бугор и сказал, что вот так спускаться «дюльфером» не надо.

Наконец, камералка удовлетворила начальство, и однажды утром нам был дан час на сборы. Экспедиция переходила на северный склон плато, где ей предстояло исследовать горизонтальную пещеру Желтая. В час, естественно, никто не уложился, и выходили на маршрут мы уже в вечерних сумерках. Рюкзаки получились килограмм по тридцать, и этот вес придавил наши молодые тела к сырой земле. К тому же в первые полчаса я в кровь стер ноги заскорузлыми от пещерной грязи ботинками «вибрам». Гамма впечатлений от перехода была настолько богатой, что, переобувшись на привале в кеды, я забыл положить в рюкзак один ботинок; он остался лежать на камне. Это обнаружилось только глубокой ночью уже на биваке возле молочно-товарной фермы (МТФ). Грусть моя была безмерна: какие же пещеры в кедах! К счастью, Колесников не стал долго ругаться и рано утром отпустил меня за пропажей. Сломая голову, я понесся на Ай-Петри и был счастлив, когда ботинок оказался на месте. По дороге назад, однако, возникла проблема: дорога раздваивалась, и я напрочь не помнил, куда сворачивать. Тут навстречу показался местный житель. Я подошел к нему и вежливо узнал, как пройти на ЭМ Тэ ЭФ. Он вытаращил на меня глаза и долго соображал. Потом твердо сказал, что такого тут нет. Понадобилось еще пять минут объяснений, пока мне не была указана дорога на Мэ Тэ Фэ.

Пещера Желтая и Большой каньон

Представьте себе рай – и это будет то самое место, где находится вход в Желтую пещеру. Среди высоких благородных буковых деревьев, с ветвей которых свисают лианы, в пропитанном свежестью и солнцем голубом воздухе широкого ущелья стремится в долину чистейший прохладный ручей. На уступах он разбивается на множество серебряных струй, каждая из которых поет свою песню, а выше русло перегорожено каменной плотиной, сложенной в незапамятные времена, и в этом месте образовался глубокий темно-зеленый

водоем. Выходит же поток из желтой скалы, косо прорубленной мечом неведомого великана, и по золотистому цвету камня и речка, и ее мать-пещера прозваны Желтыми.

Всю эту идилию мы наблюдали, стоя у входа и дожывая бутерброды с вареной колбасой, на которую расщедрился наш добрый завхоз Саша Тимофеев. К тому же колбаса начала портиться.

Задача была та же: сделать топосъемку. В силу горизонтальности пещеры и, по слухам, не слишком большой ее длины мы, уже закаленные в серьезной пропасти, шли в Желтую играючи. У входа, однако, создалась некоторая пробка, поскольку в пещеру нужно было вползать на животе. Наконец, очередь дошла до меня. Я сунулся в щель и, подталкивая каской ботинки впереди ползущего товарища, с усилием начал продвигаться вперед. Вдруг шевелящиеся впереди ботинки внезапно исчезли. Я сделал еще один рывок и в следующую секунду боком свалился с уступа в ледяную воду, где уже барахтались два других опытных спелеолога. Встав на ноги и оглянувшись, я понял, что при осторожном траверсе по полочке купания можно было избежать. Почему же об этом не предупредили впереди идущие?! Те уже тряслись от холода, сгрудившись на берегу подземного озера. Пока, размышляя о людской черствости и эгоизме, я брел по колено в воде в их сторону, сзади один за одним бултыхались в воду остальные наши товарищи.

Потом на воду мы уже не обращали никакого внимания. Внутри пещера была сказочно хороша. И не то, чтобы там были какие-то особенные кристаллы, нет. Она была безупречно, изумительно чиста. Ручей вырывался в самом дальнем ее конце из непроходимой трещины и тут же растекался по полу прозрачным стремительным покрывалом. На уступах вода с грохотом срывалась вниз, воздух ходил ходуним и был наполнен тончайшей водяной пылью. За тысячелетия вода отложила в своем русле пласты желтоватого кальцита, и местами пол был почти гладкий; покрытые от-

ложениями глыбы приобрели округлые формы, а поверхность их пересекали тысячи переплетающихся кривых линий, которые весьма напоминали мозговые извилины. Подземная планета Солярис.

Надо сказать, что сочетание воды с подземельем произвело на нас совсем не легкомысленное впечатление. Как-то подумывалось, а что, если наверху пойдет дождь и воды прибавится? А что, если перекроет ход? Впрочем, про себя мы знали – что. Если не задохнемся в своем же выдохе, то уж наверняка врежем дуба от холода. Работали мы тогда в пещере всего часа два, но зато потом отогревались на солнце и у костра, и в теплые спальники залезли пораньше.

Потом был поход через Большой крымский каньон с полной выкладкой. Горы нещадно стиснули тропу, и мы карабкались вверх по трехметровым уступам, едва вписываясь своими рюкзаками в изгибы высоченных каменных стен. Приходилось тяжело, некоторые даже плакали от усталости и бессилия. Но понемногу мы начинали привыкать к скитальческой жизни и среди тягот и лишений находили те маленькие радости, из которых складывается большое человеческое счастье.

Поход длился уже не один день. Колесников шел последним и подгонял отстающих. На очередном привале он с удивлением обнаружил только валяющиеся под деревом рюкзаки: передовой отряд, обычно лежавший кверху пузом с задранными на рюкзаки ногами, на этот раз загадочно отсутствовал. И только откуда-то сверху сквозь посвист ветра и шум листвы явственно доносилось довольное чавканье. Колесников поднял голову и увидел своих подопечных рассеявшихся, как птички, на ветвях и с жадностью уминавших большие черные ягоды. Это была чудная вишня заброшенного татарского сада. Рыжий сделал гордо-неприступное лицо и уже совсем было собрался построить нас в две шеренги. Но наши фиолетовые физиономии излучали такое детское сча-

стве, что он махнул рукой и полез на усыпанную ягодами свободную ветку.

Ободранные и почерневшие во время перехода мы ночью прибыли в Бахчисарай. Недолго думая, Рыжий направился к городскому парку, перелез через ограду и во мраке зарослей и южной ночи шепотом велел залезать в спальники и сам лег с краю. Засыпая, мы слышали, как певец из другого мира допевает на чуждой нам танцплощадке какой-то потусторонний вальс: «Подмосковный городок, липы желтые в рядок...». И уж совсем сквозь сон наши уши ловили пугливые вскрики спотыкавшихся о Колесникова влюбленных.

Бросок на Караби

Натужный автобус перебрал нас из Бахчисарая в Симферополь, где мы должны были влиться в большую профессиональную экспедицию на Караби-яйлу. Экспедицию готовил спелеолог и карствед из Института минеральных ресурсов Виктор Николаевич Дублянский.

До выезда на Караби оставалось несколько дней, и Колесников решил продолжить наше воспитание вдали от искушений большого города. На троллейбусе он отконвоировал нас в село Перевальное, откуда пешим ходом мы добрались до входа в знаменитую Красную пещеру. Татарское ее название Кызыл-Коба асам вроде нашего шефа казалось слишком торжественным, и они ее называли просто Коба. Легенды об этой самой длинной и красивой дыре мы слышали еще в Москве от самого Колесникова, он участвовал в первопрохождении.

Вход в пещеру впечатлял: два огромных грота в крутом склоне Долгоруковской яйлы; откуда-то снизу из-под камней вырывается светлая струя речки Краснопещерной и прыгает водопадом с уступов туфовой площадки в сторону Симферопольского водохранилища. Рассказывали легенду, что пару лет назад в научных целях Дублянский запустил в исток реки флюоресцин. Пройдя сквозь пещеру, ярко окра-

шенная вода потекла в долину. Испуганные крестьяне было взбунтовались. Дабы снять стресс, Виктор Николаевич объезжал окрестные села и принародно кушал сваренные в крашенной воде зеленые макароны.

Внутри же, в привходовой части, пещера весьма походила на наши катакомбы. Грязный пол и стены с надписями. В их числе якобы была и фамилия Грибоедова. Но уже отболевшие детской болезнью пещерных автографов, мы сошлись в том, что времена и нравы меняются: даже такой крупный гуманист прошлого века, как Александр Сергеевич от проблем экологии был далек.

В конце галереи, вытекая из-под одной скалы и тут же уходя под другую, шелестела река. А рядом был узкий лаз, до половины заполненный жидкой глиной. По очереди мы ложились в жижу и, извиваясь, проскальзывали в новую часть Кобы. Пока это было единственное серьезное препятствие на нашем пути, поэтому к маршруту без веревок и лестниц мы отнеслись слегка презрительно. В свеженьком обвальном зале за грязным шкурником (так или более полно шкуродером специалисты называют пещерные узости) виднелись местами молочно-белые натеки, слегка скрасившие общую неудовлетворенность хваленой Кобой. Но когда ход вдруг перекрыло разлившееся от стены до стены холодное озеро и стало ясно, что без ныряния дальше не пройти, самоуверенность как пещерным сквозняком сдуло. Лично у меня внутри образовалась отвратительная дрожь, когда, глядя на этот сифон, я себе представил, что ныряю под стенку. Однако наверху, при свете солнышка страх испарился, и я подумал, что когда-нибудь попробую нырнуть в сифон.

Утомленный постоянным общением с незрелыми юнцами, Колесников прогнал нас в самостоятельный выход на Чатырдаг Гора-шатер выпирала из земных недр в нескольких километрах от лагеря под Кобой. С рюкзачками, набитыми снаряжением, мы почти бегом взлетели на крутые склоны. Но снаряжение не пригодилось. Так и не остановив-

шись для спуска в карстовые колодцы Чатырдага, мы просвистели прямо на его вершину – выдающийся над окрестностями пик Эклизи-Бурун. Открылся замечательный вид. Справа отсвечивала альпийской лысиной Ялтинская яйла; за ней знакомыми зубами скалился обрыв Ай-Петри. Наоборот слева, выглядывая из-за безликой Долгоруковской яйлы, индивидуалистически торчал стол горы Тырке и туманно виднелись вершины неведомой, но вожделенной Караби. А прямо перед нами в проеме между беспорядочным нагромождением Демерджи и мрачноватым Бабуганом слепящим зеркалом отражало день Черное море. Нельзя сказать, что мы взирали на него равнодушно: прошел уже почти месяц в Крыму, а наши ободранные скалами тела еще ни разу не омылись прозрачными струями морских волн.

Последнее обстоятельство, видимо, понимал и суровый наставник. Посему в последний день перед главным делом – поиском пещер на Караби – был посвящен увольнению на берег, в Алушту. Но под надзором руководства: умение спускаться в отвесные шахты не гарантировало нас от возможности утопления или, что еще хуже, от пьяного дебоша.

Купание в парной воде с видом на лоснящийся пляж санатория «Красное Криворожье» и убогий обед в толкотне приморской столовой повергли нас в глубокое уныние. Высящиеся окрест горы властно потребовали наши души назад, и троллейбус, кативший нас в крымскую столицу, вздрагивал от живости обсуждения деталей предстоящих нам приключений.

По слухам, Караби была вполне доступной яйлой: там круглый год функционировала метеостанция, а летом пастухи загоняли на горный выпас сотни овец. Из книги геолога Александра Крубера «Карстовая область горного Крыма», выпущенной еще при царе, знали, что пещеры там тоже имеются. В том числе ледяной грот Большой Бузлук и гигантская пропасть Монастырь Чокрак. Вот только вниз пока еще никто не спускался. В книге давались лишь описания

входов и окрестного ландшафта. Это был спелеологически девственный край.

И вдруг именно нас капризное колесо судьбы аккуратно доставляет к самому снятию пещерных сливок, и уже второй раз за год (воспоминание о родных подмосковных катакомбах еще отдавалось в сердце сладкой болью). Вроде как некая темная сила соблазняла нас открытиями подземных тайн. Не умея распознать коварство, мы по простоте душевной поступили точно согласно формуле, прояснившейся для нас лишь в зрелые годы: чтобы избавиться от искушения, нужно ему поддаться. Соблазн удался, душа пропала в подземельях, и с тех пор я обреченно несу свой пещерный крест.

Заброска на Караби была курортной. Весь груз уехал на машине, а мы – на автобусе до поворота к северным склонам яйлы. Потом были двадцать веселых километров вдоль абрикосовых садов. Закаленные татарской вишней животы новый продукт приняли достойно.

Приятный подъем на плато по грунтовой дороге был слегка омрачен жаждой и парой легких тепловых ударов. Светило палило нещадно, голая спина плотного Колесникова пускала на пыльную дорогу солнечные зайчики. Но вот потянуло встречным ветерком, и за очередным зигзагом пологого серпантина открылась неожиданная панорама. Прямо перед нами в желтоватой дымке знойного крымского полудня тянулась унылая глинистая равнина, поросшая бледными кустистыми травами и перерезанная рыжими полосками автомобильных следов. На южном горизонте тускло торчала короткая цепочка гор верхнего плато, обрывающегося к невидимому морю. Вокруг не было не то что пещер, даже карстовых воронок. Разомлевшие от абрикосов и жары, мы почти пали духом. Унылый караван нехотя поплелся к метеостанции, домики которой белыми точками отвечивали на возвышении в десятке километров впереди. Там была назначена встреча с основным отрядом Дублянского.

Карабийские страсти

Все опасения оказались пустыми. Южная часть плоскогорья была то, что надо: известняковые хребтики, воронки и карры налезали друг на друга, как сограждане в очереди за колбасой. Виднелись только редкие кустики, из коих нам предстояло выбрать сухие веточки для костра. А вода предоставлялась в железной бочке на метеостанции, где уже полдня ожидали стосковавшиеся по нашим спинам рюкзаки.

В нарушение всех норм безопасности лагерь мы поставили на самом дне карстовой воронки: бытовало мнение, что под каждой воронкой обязательно есть колодец. Однако эфемерный шанс ухнуть в полость перекрывался значительными удобствами. В зной мы укрывались под кустиками, обрамлявшими наш пятачок, в плохую же погоду ветер не рвал палатки и не задувал под кашей костер. Главный лагерь крымчан стоял неподалеку на бугорке и таковых преимуществ не имел. К тому же обособленность нашего лагеря облегчала Колесникову осуществление диктатуры.

Впрочем, нельзя сказать, что у крымчан была такая уж демократия. Дублянский тоже руководил жестко, но более интеллигентно: он вроде бы просил, но звучало это как приказ. В его команде были и мальчишки-новички, вроде нас, и отъявленные пещерные бродяги – Геннадий Пантюхин с братом Славой, Вадим Душевский, Борис Коган. Пантюхин-старший азартно пел песни и метал камни в длину. Душевский и Коган угрюмо повествовали об ужасных пещерных приключениях. Широко раскрытыми глазами взирали мы на этих людей из легенды – первопроходцев Кобы и «Трехсотдевятки» – той самой пропасти, в которой помещался небоскреб МГУ. И гордости нашей не было конца: мы в одной экспедиции с сильнейшими спелеологами страны!

Для знакомства Дублянский прочитал нам лекцию по спелеогенезису (еще пару месяцев до того мне бы и в голову не пришло, что я произнесу такое слово!), то есть о происхождении пещер. К нашему изумлению оказалось, что огром-

ные пропасти и длиннющие подземные ходы образуются не могучими потоками и землетрясениями, а медленными капельками воды, которые, стекая по трещинам в известняке, точат камень миллионы лет. Теоретические выкладки Дублинский предложил проиллюстрировать на следующий день в шахте Крубера – единственной более или менее известной на яйле карстовой полости. Чтобы не осрамиться перед именитыми хозяевами, Колесников загнал нас в нашу воронку и до полуночи проводил нудный инструктаж.

Когда на следующий день начался массовый спуск в шахту, выяснилось, что от душевного волнения почти каждый из нас что-нибудь забыл в лагере: кто – карабин, кто – обвязку, а кто – и второй источник света. Однако желающих идти вниз было так много, что к моменту подхода нашей очереди мы успели сгонять в лагерь за забытыми вещами. Крымчане работали на лестнице дивно. С гиканьем и перебивистом один за другим они скрывались в сорокаметровом колодце, и уже через пару минут снизу раздавался сигнал об успешном окончании вертикального маршрута. Правда, внизу мы вначале слегка удивились, увидев, что налобные фонари у некоторых асов не функционируют и те бродят по залам со свечками. Но нам авторитетно объяснили, что именно в этом и состоит настоящий спелеологический шик.

Прозрачные озерца, отражающие розовые кристаллы, гигантские сталактиты и сталагмиты вкупе с рассказом об их происхождении оставили у нас вполне благоприятное впечатление, которое, впрочем, несколько подпортилось в томительном ожидании очереди выхода на поверхность. Далекое небо в кривой рамке шахты почернело и на нем особо ярко замигали южные звезды. Тут нам впервые стало ясно, что в большой и красивой пещере можно сильно скучать. Особенно когда сосет под ложечкой и тело при этом пробирает сырая пещерная дрожь.

Потом началось самое захватывающее: мы стали ходить на поиск и первопрохождения. Разбились на двойки,

брали веревку и лестницу и с самого утра до поздней ночи гуляли по плато и под ним. Это было прекрасно. Дырки попадались чуть ли ни в каждой воронке. На первую «свою» пещеру я напал через полчаса после выхода. Это был узковатый колодец на перемычке между двумя воронками. Я шел с Осиповым. Он, если честно, от спусков уже несколько притомился и вовсе не возражал посидеть на солнышке и постраховать. Пропустив веревку сквозь дырку в каррах, мы шустро сделали навеску, и я пошел вниз. Метров через двадцать колодец заткнулся: на дне лежали старые бараньи кости и обрывки подгнившей прошлогодней травы. Разочарование было неопишное. Я крикнул Осипову, что вылезая, и, действительно, полез было наверх, но вдруг заметил в нескольких метрах от дна узкий горизонтальный лаз. Каска с широкими полями туда не пролезала, и я ее снял. Свет, естественно, был на каске, поэтому я полез в щель в полной темноте, закрыв глаза для экономии сил. Вскоре почувствовалось некоторое расширение. На всякий случай я зацепился ногой за камень – чтобы не свалиться вниз, если там окажется другой колодец. Потом протащил руки с каской и налобным фонарем. Открыл глаза – и обомлел от удовольствия. Я оказался в низком гроте, где стоять можно было только на четвереньках. Отражая луч моего налобника, пол, стены и потолок светились каким-то необыкновенным перламутровым светом. С потолка свисали сотни маленьких аккуратных сталактитов, выстроившихся в ровные шеренги вдоль затекших кальцитом и уже невидимых трещин. На белом полу – ни единого следа, лишь матовыми свечками торчат молоденькие сталагмиты. Первозданная чистота и вечный покой. Я лежал на животе и слушал тишину. Прошло сколько-то времени, прежде чем я понял, что своим появлением уже испортил заповедную пещеру: грязный комбинезон оставил на девственном полу бурое пятно. Все попытки стереть его картину только усугубили. Тогда я быстро задом – по-рачьи – продрался сквозь щель, без страховки выскочил на поверх-

ность и, сделав унылое лицо, предложил проснувшегося Осипову продолжить поиск: в этой грязной дыре делать нечего.

Вечером того же дня я с ужасом смотрел на старших крымских товарищей, с детским восторгом передававших друг другу прекрасную кальцитовую друзу, на которой явно виднелись следы, оставленные скальным молотком.

Быт на Караби вошел в свою норму. С утра нас для проформы гоняли на зарядку, хотя наши похудевшие и загорело-обветренные тела справлялись с дырами в лучшем виде. Потом легкий завтрак – и гуляй, Вася! Каску на лоб, веревку под мышку – в свободный поиск до ужина. Перекус брали с собой, дабы голодное урчание живота не отвлекало от первопроходческого азарта. Впрочем, нельзя сказать, что нам – команде Рыжего – так уж везло. Дырочки попадались все какие-то плюгавые: то мелкие, то узкие, то некрасивые. Не было наших рекордов, не было. А вот спелеологи Дублянского что ни день гуляли победу.

Для начала ухнули в Монастырь Чокрак, известный поверхностно еще по описаниям Крубера. Оказалась классная дыра. Сначала колодец метров восемьдесят сплошняком – ни одного уступа, потом зал с колоссальными колоннами и сталактитами. Пошарив окрест около высоты местного значения под названием Иртыш, Пантюхин с Душевским и компанией наткнулись на симпатичный колодец. Широкий наклонный шельюган кривым коленом врубался в гору и на глубине метров сорок раскрывался бутылкой в просторный зал, из которого в разных направлениях шли девственно чистые ходы. Один ход тут же выклинивался в непроходимый шкурник, зато второй привел спелеологов в неземной красоты грот. Друзы прозрачных кристаллов опоясывали стены, с потолка свисали полупрозрачные занавеси, а из-за них выказывало край этакое натуральное пещерное солнце – круглое и с лучами. Впрочем, некоторые утверждали, что это солнце скорей похоже на летающую тарелку – о них молва шла уже

и в те далекие времена. Отменную пещеру решили назвать именем Норбера Кастере (я, правда, думаю, что он об этом так и не узнал).

Мы завидовали черной завистью. Вроде не крымчане искали пещеры, а пещеры искали крымчан. Один отошел от лагеря по небольшому делу. Вдруг видит: все течет под камень. Кликнул корешей. Отвалили этот камень – а под ним каскад колодцев, один другого глубже, в сумме до полутора-ста метров. Рекорд не рекорд, а колупались сутки. Даже нас позвали лестницы снизу тягать, на чем мы с превеликим удовольствием и помучились. Правда, не было в той дыре никаких особых натеков, да и название ей вышло дурацкое – «Профсоюзная» (не знаю, почему). С названиями вообще было туговато: слишком много пещер, слишком молоды и неразумны спелеологи. Так, идет по яйле наш товарищ Валера Сторожиллов с одним из крымчан и вдруг находит колодец метров в тридцать с тупиком. Слазили, сделали топосъемку, поместили вход на карте. Надо называть. Думал, Валера, думал – ведь он нашел, его право дать название. Надоело крымчанину, он и говорит: ты где в Москве живешь? – На Соколе, – отвечает Валера. – Вот и отлично, – пишет крымчанин, – будет называться «Колодец сокола».

Потом мужики Дублянского нашли Эгиз-Тинахи, сразу три штуки. Три небольшие пещеры в карстовой долине неподалеку от мутноватого озера Эгиз-Тинах, в котором многочисленные местные овцы любят мыть перед сном ноги. Небольшие пещеры, но какие! В первой – всего-то двадцатиметровой глубины – кроме неплохих натеков обнаружилась маленькая желтенькая букашка. При ближайшем рассмотрении с помощью лупы оказалось, что она угрожающе размахивает двумя клешнями и норовит наподдать обидчика изогнутым хвостом, как настоящий скорпион. Но это был не настоящий, а ложный скорпион – совершенно безобидное и довольно редкое существо: к моему большому сожалению, его

не отпустили обратно в пещеру, а сдали на пополнение чьей-то коллекции.

Пещера Эгиз-Тинах-два преподнесла сюрприз почисте. Ее широкая входная воронка с покатыми краями непрерывно переходит в семнадцатиметровый отвесный колодец – настоящая ловушка для неосторожной живности. И впрямь, на дне колодца первый спустившийся туда спелеолог увидел целую кучу различных костей – от лисицы до коровы. В сторону вел широкий ход. В азарте первооткрывателя спелеолог ринулся туда и вдруг отпрянул в ужасе. На сыром пещерном полу навзничь лежал и смотрел на пришельца пустыми черными глазницами полный человеческий скелет. Кто был этот несчастный? Как долго он мучился на дне этой ловушки? Пытался ли выбраться из нее? На эти вопросы не смог ответить никто. Спелеологи детально исследовали пещеру. И, о чудо! Выяснилось, что она имеет второе отверстие на поверхность. Чтобы его достичь, нужно было пройти по горизонтальному ходу и там отыскать небольшую дырку. Втиснувшись в нее, человек оказывается в узком колодце, по которому, используя распоры, можно все-таки выбраться на волю. Но для этого нужно иметь свет, силы, а главное – уверенность, что это путь к свободе. У несчастного же, погибшего здесь, конечно, не было ни первого, ни второго, ни третьего. Хотелось думать, что, упав вниз, он потерял сознание и умер, не приходя в него.

Но через два года я убедился, что навряд ли все было именно так. Во время тренировочного спуска в колодец Эгиз-Тинах-два упал слушатель школы спелеологов первого года обучения Юра Стародуб. Он оперся на завязанную бантиком веревку и, пролетев семнадцать метров, рухнул на дно вместе с ней. Считалось, что я к тому времени имел большой опыт, так что мне пришлось возглавить спасательную команду. Когда поздно ночью Стародуба вытащили на поверхность, он был вполне в сознании, даже шутил, а прибывший

наутро врач не обнаружил не только сотрясения мозга, но ни одного перелома. Только ушибы.

Еще более удивительный случай произошел еще через восемь лет на Кавказе, в пещере Снежная. В ее сорокаметровый входной колодец упал другой мой знакомый – Саша Муранов. Он позировал фотокорреспонденту Леониду Репину на краю грандиозной пропасти и тоже застраховался за незакрепленную веревку. Глухо ударяясь о стены, Саша пролетел сорок метров и упал на твердый слежавшийся фирн, на самое дно. Опять я работал в спаскоманде, поднимал пострадавшего на поверхность и сопровождал на вертолете до больницы в Сухуми. Велико же было всеобщее изумление, когда у Муранова врачи не обнаружили ничего, кроме ушибов! Еще через пару лет он успешно защитил кандидатскую диссертацию по химии. Такие вот чудеса.

Так что тот невезучий человек в Эгиз-Тинахе-два мог ой как еще мучиться! Вовсе не хотелось быть на его месте.

Между тем, такие сочувственные и высокогуманные мысли, по-видимому, отнюдь не владели юными крымчанами. Не забывая голову пустяками, они вынули из пещеры человеческий череп и приволокли его в лагерь. Дублянский был временно в отъезде, и до нас дошли слухи, будто идет речь о том, чтобы поиграть черепом в футбол. Не успели мы восхититься великолепием столь дерзостного цинизма, как приехал строгий Виктор Николаевич и, выдав своим оболтусам хорошую порцию словесных подзатыльников, повелел вернуть череп на место и обложить место гибели каменным бордюром. Что и было вскорости исполнено.

Уязвленные успехами наших хозяев, мы в поисках новых пропастей с утра до ночи носились по Караби. Солнце, свежий горный ветер и десятки обязательных ежедневных километров по яйле превратили рахитичных и бледных городских школяров в выносливых, загорелых, ловких и отважных путешественников-первопроходцев. Что, конечно, не убавило гонора, и без того бывшего в достатке, и ничего не

прибавило к худобе измотанных беготней тел. Если честно, есть хотелось почти все время. Рано утром поднимались дежурные, которых будил безжалостный Колесников – в той экспедиции он вставал всегда с рассветом. Позевывая и поживаясь, они стряпали на буковом костерке какую-нибудь перловую кашу с сушеным мясом и резали сыр – по одному кусочку на нос. Когда закипала вода под чай, будили остальных. Короткий туалет, не всегда с чисткой зубов и умыванием, и толпа помятых со сна покорителей бездны, стараясь не плеснуть и не обжечься, медленно расплзлась от раздачи по насиженным камням в бортах воронки. Вечернее меню разнообразием не отличалось. А традиционная обеденная банка тушенки на двоих с сухарем и водой из фляжки уже к концу первой недели наших скитаний вызывала душевную тоску.

Поэтому можно было представить себе животный восторг, который обуял нас при виде подыхающей овцы. Дело было под вечер. Мы – человек пять москвичей – возвращались с поиска в лагерь и увидели ее на хребтике над карстовой долиной. Овца была черная, но с бледными губами; легкий ветерок болтал ее на тонких ногах, как пьяную. Пока мы обсуждали, как бы ее умыкнуть, из-под земли возник чабан с ножом в руке. Он сказал, что у овцы болезнь крови – «переплазмоз» (правильно – пироплазмоз), после чего, не торопясь, перерезал ей горло. Твердокаменных героев пещер передернуло, кое-кого затошнило. Мы постарались скрыть свои ощущения и вежливо справились у пастуха, можно ли кушать убиенную овцу. Тот ответил, что обычно мясо больных «переплазмозом» животных отдают собакам, и вроде бы дурного после еды за ними не замечалось. Поскольку больных овец в стаде собакам хватало, эту чабан уступил нам, однако просил непременно вернуть шкуру.

Вечер и весь следующий день прошли под знаком овцы. Потрошение и снятие шкуры я взял на себя, дабы еще одним способом испытать силу воли. Надо сказать, первое

отвращение от разделки только что живого существа быстро уступило место соображениям технологического характера и приложению заметных усилий: худая горная овца оказалась весьма жилистой. Потом овцу ели всем лагерем, и это было прекрасно! Мясо все равно осталось, и им по примеру аборигенов, поделились с собаками. С крымчанами были по крайней мере две собаки: породистая сука Геба (в ее честь даже пещеру назвали – шахта Гебы) и непонятого происхождения шенок Мишка, лохматый и невоспитанный. Он съел столько баранины, что живот его прочно осел на землю. Мишка бегал вокруг живота и тявкал.

И все же мы нашли достойную пещеру. Точнее, пропасть. Продираясь сквозь кустарник у восточного склона Иртыша, один из наших наткнулся на круглое пятиметровое в диаметре отверстие. Звук падающего туда камня затихал секунд через десять. В тот же вечер московская группа в полном составе и со всем наличным снаряжением штурмовала новую шахту. Для спуска сцепили карабинами одну за другой все лестницы, набралось восемьдесят метров; для страховки связали две длинные веревки. Организовали штурмовую и вспомогательную группы – по четыре человека в каждой. Наготове были аптечка и аварийный запас питания. Потом начался штурм. Отрывистые команды, решительные лица, волнение первых, идущих вниз. Мне посчастливилось быть среди них.

Непередаваемо это чувство, когда, дергая грудью жесткую страховку, одну за одной выпускаешь из рук ступеньки лестницы – и они остаются наверху, а ты медленно ползешь вниз, в неизвестную пропасть, и широкое отверстие входа сужается до размеров копеечной монеты, а испуганные каменные голуби мечутся по огромному стволу и крыльями сбрасывают с уступов камешки, которые пулями свистят около твоего лица.

Глубина входной шахты оказалась семьдесят пять метров. Затем она разветвлялась на несколько коротких ту-

пиковых колодцев и горизонтальной галереи не имела. Но мы не слишком отчаивались – ведь это была первая очень серьезная дыра, которую мы «сделали» сами. Колесников оставался в лагере и заговаривал зубы крымским «профи». Слава богу, те были не курсе, они слетали бы в новую дыру – ее назвали Голубиной – за каких-нибудь полчаса.

Через пару дней мы нашли маленькую уютную «горизонталку», которую в честь любимой сельскохозяйственной культуры тогдашнего руководителя партии и правительства Никиты Сергеевича Хрущева назвали «Чудесницей» (по названию мультфильма про кукурузу). Входной шкурник Чудесницы вываливался в два смежных, но отделенных проходом зала средней вместительности и скромного натечного декора. Как нельзя лучше эта пещерка подходила для торжественных собраний трудового коллектива, каковое и решено было там провести в ознаменование семнадцатилетия Зюзина. Тайными путями на Караби были доставлены контрабандные товары: бутылка кагора и торт. Перед торжеством все надраили карабины, пригладили выгоревшие лохмы и даже почистили зубы.

Вечеру один за другим члены московской экспедиции во главе с руководством исчезли в шкуродере; особо доверенные лица бережно несли деликатесы под землю. В смежно-изолированных залах горели свечи и было благостно. При свете фотовспышек Зюзин, сделав зверское лицо, (как на фотографии Кастере в аналогичных обстоятельствах, но в возрасте шестидесяти лет), огромным разбойничьим ножом поделил торт на микроскопические дозы. Рыжий произнес слова, разрешающие нарушение сухого закона, и все закапали свои кагорные капли в иссушенные скитаниями глотки. Потом помечтали о будущем. Вперед, впрочем, далеко не заглядывали: лет на пять-шесть. Речь шла о том, что было бы классно найти дыру глубиной метров триста, а повезет – так и триста пятьдесят; а то и горизонталку километров на десять, с хорошей подземной рекой, можно с сифо-

ном. На Кавказ бы съездить или на Тянь-Шань – вот там должны быть дыры, что надо. Но где уж нам! Учеба, зараза, совсем достала, да и денег ни шиша. Будущее представлялось недоступно прекрасным, а день сегодняшний – тернистой будничной прозой. И никто – ни умудренный приемами самбо начальник, ни витавший поблизости дух царя Валтасара с его огненными настенными письменами не шепнули нам известного заклинания для остановки мгновений. А, может, оно было ни к чему.

Наступил день прощания. Назавтра наша экспедиция расходилась с Караби по частям, кто – куда. Колесников и Зюзин оставались еще на неделю поработать с крымчанами; иные возвращались в Москву, а мы с Осиповым должны были в шесть часов вечера 7 августа встретиться с Урбаном в Алуште у фонтана.

Вечером Рыжий устроил разбор нашего похода. Каждому предлагалось в открытой форме высказать все, что он думает по поводу любого из своих товарищей. Мы лежали на траве под чудными карабийскими звездами неподалеку от романтически тлеющих головешек костра и резали друг другу в глаза правду-матку. Хотя такой лютеранский вариант исповеди многих привел в изумление, все по молодости говорили, что думали, и выяснилось, что не все в группе оказались друзьями. Досталось и Рыжему за чрезмерное завинчивание гаек и авторитарность. Колесников совсем не обиделся и с критикой согласился, а после по очереди проехался по каждому из нас – чтоб знали. Однако он не назвал никого, с кем бы отказался пойти в следующий поход.

ВСТРЕЧА С АРАБИКОЙ

Моя встреча с Арабикой произошла благодаря Виктору Николаевичу Дублянскому. К середине 70-х он уже был авторитетным профессором Симферопольского университета. Великолепный лектор и полемист, он как истинный ученый был также склонен к естествоиспытательству и не упускал случая удовлетворить любопытство лично.

Летом 1978 года Владимир Илюхин, бывший тогда председателем Центральной комиссии спелеотуризма, проводил сборы старших инструкторов-спелеологов на Кавказе в районе Воронцовских пещер. Дублянский был на этих сборах научным руководителем, я – инструктором одного из отделений. Мне это учебно-методическое мероприятие представлялось весьма скучным. Бесконечно тянулась целая неделя теоретических споров, где упрямые парни из Свердловска (ныне Екатеринбург) с пеной у рта отстаивали принципы охраны здоровья в экстремальных пещерных условиях и концепцию динамики работы тросово-веревочного снаряжения. Моему же двадцатисемилетнему организму, между прочим, не чуждому теории, не терпелось ринуться в бездну новых подземных приключений. Поэтому предложение пройти шахту Нежданная – якобы для закрепления полученных навыков – было воспринято с энтузиазмом.

Воронцовка и Нежданная

Нежданную открыли ленинградские спелеологи летом 1972 года, когда прочесывали хребет Ах-Цу, нависший над Воронцовским массивом. Этот хребет является как бы продолжением хребта Алек – настоящего пещерного Эльдorado, где в конце 60-х годов были найдены десятки пещер и пропастей рекордной тогда глубины – до пятисот метров. Чуть ли не в каждой балке дыра! Подобный же урожай надеялись собрать и на Ах-Цу. Но спелеология – дама обманчивая: пещер на хребте почему-то не оказалось. Потеряв всякую на-

дежду, ленинградцы уныло скитались по пустынным склонам, пока не наткнулись на скромный вход у обрывов к реке Псахэ. Каково же было изумление первопроходцев, когда эта одинокая непримечательная дыра вдруг «повалила» круто вниз, предлагая желающим колодец за колодцем, один глубже другого. Желающие, конечно, наличествовали, но как часто бывает в поисковой экспедиции, не хватило снаряжения, времени и сил. Честно сказать, не ожидали такого ребята, отсюда и название пещеры.

Штурм ленинградцы отложили на осень. Тогда-то я впервые и услышал о Нежданной. В ноябре 1972 года для участия в исследовании дальних галерей Воронцовки – пещеры Лабиринтовая – меня пригласил замечательный спелеолог и мой друг Олег Падалко. Он договорился с ленинградцами, что в традиционно «их» районе Воронцовских пещер группа москвичей проведет испытания самодельной телефонной связи. В группу вошли, в основном, ветераны московской спелеологии: кроме Падалко и меня Евгений Мухин, Олег Васильев, Николай Новиков; была и молодежь – Вольдемар Арефьев, Нина Яковлева. Москвичи намеревались также помочь ленинградцам на выемке из Нежданной, если работа в «горизонталке» не слишком утомит.

Работа не утомила. Юная ленинградка без карты и компаса за пару дней провела нас по бесконечным ходам Лабиринтовой от входного шкурника до мутного сифона, выходящего «другим концом» в пещеру Долгая. Получив довольно серое впечатление от долгого лазания среди заляпанных глиной сталагмитов, мы начали проверку телефонной связи. Для этого проползали с легкой трубкой по ручейкам сквозь самые узкие калибры и из уединенных гротов вели беседы с абонентом на другом конце провода. Готовились к будущим опасным штурмам.

Это занятие было внезапно прервано. В район испытаний галопом вползли встревоженные товарищи и сообще-

ли, что на поверхности начался жуткий ливень, и гроты может затопить вместе с испытателями. Мы поспешили на поверхность и, кажется, вовремя. В гигантские входные ворота Воронцовки хлестал не менее гигантский поток. Через просторные залы пещеры неслась могучая горная река, выплескиваясь водопадами через вход (или выход) Очажный. Классный байдарочник мог бы, наверное, сделать по ней сквозной спелеоводный маршрут высокой категории сложности.

Впрочем, любоваться природным катаклизмом и сожалеть о прерванной работе было некогда. Насквозь мокрые и дрожащие от холода, мы срывали с себя комбинезоны и свитера, бросали их на мокрую пожухлую листву и стремглав летели в палатки согреваться. Одеждой, естественно: во всех наших экспедициях участники неукоснительно блюли суровый сухой закон. Только аккуратная Ниночка Яковлева не бросила свой новый комбинезон на землю, и бережно развесила его на веревке у «печки Мухина».

Евгений Константинович Мухин, тогда просто Женя, к тому времени уже несколько лет был известен на Алеке как главный освободитель троп. Тропа в горном лесу – это все. Дойти до пещеры с грузом под шестидесяти килограммов без тропы – дохлый номер. Поэтому тропы берегли. Но лес есть лес: каждый год огромные подгнившие буковые стволы десятками падали и перегораживали путь. Мухин освобождал тропы просто, но эффективно: упавшие стволы он прожигал насквозь. Раскладывал на тропе небольшой костерок рядом с упавшим деревом и ждал, пока оно займется. Потом костер гасил, и далее дерево тлело самостоятельно, невзирая на метеоусловия. Через неделю-другую в полутораметровом бревне образовывался нужный проход, после чего Мухин, регулярно совершавший противопожарные обходы, заливал свою «печку» водой.

Такая же «печка» была сооружена под огромным падающим буком и в нашем лагере на Воронцовке, но с иной целью: непрекращающееся ненастье располагало иметь под ру-

кой запас тепла. К началу ливней «печка Мухина» достигла высокого накала. Ярко-алая зона тления составляла уже больше метра в высоту и трех метров в ширину, вдаваясь в ствол сложной геометрической поверхностью второго порядка, и напоминала гиперболическое зеркало большого телескопа-рефлектора. Именно перед ним аккуратно повесила сушиться свой комбинезон Нина Яковлева. Комбинезон можно было выжимать, к тому же сверху на него шел сильный дождь. Тем не менее, через пять минут комбинезон сгорел. Дотла. Бедная Нина выскочила из палатки и попыталась потушить пылающую ткань. Но, по-видимому, комбинезон попал в самый фокус гиперболоида, мгновенно высох – и... Не сушите, девушки, на костре носки.

В нескончаемом холодном дожде к нам в лагерь бегом сбежал с горы невысокий крепкий парень в мокрой красной майке. Это был руководитель ленинградской штурмовой группы Сергей Илюхин, однофамилец Владимира Валентиновича. Он говорил спокойным тихим голосом, но был определенно взволнован. Питерцы в непогоду хлебнули лиха на Ах-Цу. Напрягшись до предела, Нежданную до конца вроде бы прошли. Глубина шахты выдающаяся – четыреста пятьдесят метров. Но на выемку снаряжения сил не было. К сожалению, помочь мы им не смогли: на завтра самые сильные москвичи уезжали домой...

С ностальгическим волнением вспоминал я эти события шестилетней давности, шагая след в след с Володей Илюхиным по пути от Воронцовки на Нежданную. Сквозь зелень каштановой листвы к земле протянулись светлые солнечные струны. Взрыхленная горной обувью влажная земля курилась пьяным запахом кавказского леса. Нетяжелый тридцатикилограммовый рюкзак слегка оттягивал плечи, но здоровье било через край, идти было легко и весело. Илюхин показывал на деревья и рассказывал о некоем человеке по имени Граер, который в начале века бродил по этим лесам,

похоже, специально для того, чтобы чуть ли не на каждом буковом стволе вырезать свою редкую для этих мест фамилию. Впрочем, возможно, это было имя. За разговорчиками я не запомнил дорогу к пещере, и двадцать лет спустя, когда снова собрался в Нежданную, мне пришлось вычислять ее местоположение методом дедукции.

Шахту готовились проходить двумя штурмовыми группами на новой тросово-веревочной технике. Первыми ушли вниз авторы новинки – свердловчане. Пока они, как предполагалось, в течение суток транспортировали по пещере и развешивали по колодцам тросы и веревки, мы – смешанная московско-красноярская тройка – поставили неподалеку от входа палатку и били баклуши в предвкушении легкой пробежки по готовой навеске. Съемка и выемка снаряжения сверхзадачей не казались. Часов через двадцать свердловчане – Александр Рыжков, Сергей Голубев и Александр Вишневский – вышли наверх. К своему и всеобщему огорчению, они были вынуждены остановиться перед узким лазом в конце наклонной части шахты. Габаритному Саше Рыжкову не удалось пройти калибр. К тому же, по разработанным ими нормам безопасного пребывания под землей, свердловчанам настало время обязательного отдыха, каковое предписание они дисциплинированно и соблюли. Правда, ночевка вышла не слишком комфортной, поскольку подземного лагеря с собой не оказалось. Дальнейшее движение вниз после отдыха было уже нарушением графика штурма, поэтому первая тройка в срок вернулась на поверхность.

Нашей тройке оставалось или отказаться от посещения дна шахты и грустно вынимать с глубины сто восемьдесят метров принесенные туда транспортные мешки, или напрячься и все же дыру «сделать». Но тут надо сказать, что сибиряки не менее упрямы, чем уральцы. Юра Ковалев и Коля Васильев твердо заявили, что пойдут до дна. Меня тоже уговаривать не пришлось. Честно сказать, выиграл дух соперничества. Захотелось доказать слишком уж обстоятель-

ным и непоколебимым свердловчанам, что и другие что-то могут.

И вот, мы «ныряем» в обмазанный сырой землей входной колодец. Спускаемся по веревке, страхуемся тросовым самохватом за трехмиллиметровый трос. Я, как старый консерватор, кроме новеньких тросовых самохватов, на всякий случай прихватил с собой и мои проверенные жумары*, если вдруг «универсальная» тросовая техника подведет. Непримечательный – не широкий и не узкий ход падает каскадами по десять – двадцать метров. Сталактитов не видно. Мы не несем мешков, и поэтому быстро и без больших усилий доходим то места ночевки первой группы. Здесь лежит пяток трансов со снаряжением, а в нескольких метрах ниже – узость, которую не прошли наши предшественники. С веселым удивлением открываем для себя, что суровый на вид калибр преодолевается сравнительно легко, не сравнить с кошмарной «молнией» в пропасти Ход конем на Чатырдаге или со шкурником в Солдатской на Караби в Крыму. И что свердловчане не пролезли!?

Задаваясь этим риторическим вопросом, еще сколько-то времени тащим мешки по скучной «наклонке», и вдруг перед нами во всей жутковатой красе раскрывается жерло Большого каскада. Огромный двухсоттридцатиметровой глубины колодец, перегороженный разной ширины полками, не просвечивается до дна нашими налобными фонарями. Верхняя кромка колодца имела бы вполне девственный вид, если бы не пара старых шлямбурных крюков, забитых, наверное, еще ленинградскими первопроходцами. Отсюда начинается настоящая работа: час на забивку двух новых крюков, десять минут на навеску троса с веревкой и одна минута на спуск одного спелеолога до ближайшего уступа. Потом все снача-

* Жумар – изобретенный бельгийскими скалолазами самохват для движения по веревке. Скалолазов звали Жюль и Марсель, отсюда – название зажима. В России многие спелеологи жумаром называют похожий самохват с несущим корпусом, но правильно называемый «пуани» – кулачок.

ла. В пещере не холодно: +6°С. Когда бьешь крюк, просто жарко. Но если стоишь и ждешь – пробирает дрожь. Поэтому забиваем крюки по очереди: скальный молоток и пробойник – в единственном экземпляре. В Большом Каскаде четыре уступа – шесть часов интеллектуального труда молотобойца-любителя. Затянувшуюся мелодию на ударном инструменте оранжирует точная сибирская лексика по поводу имеющейся в нашем распоряжении схемы: глубина ни одного из колодцев Каскада с картой не совпадала. Особенно напряг последний пролет, глубиной – как обещала схема – метров пятьдесят. В действительности, он оказался восьмидесятиметровым и Юре Ковалеву приходится с часик помучаться, прилепившись к стене со страховкой за трос, пока мы с Васильевым перевешиваем с верхнего колодца оказавшуюся там по ошибке длинную веревку.

Наконец, все внизу. Широкое дно Каскада, покрытое толстым слоем темно-коричневой глины, перерезает глубокая траншея, прорытая хилым ручейком. Захваченные азартом прохождения, мы движемся вниз по течению сначала во весь рост, потом нагнувшись, потом на четвереньках. Ход начинает ветвиться, и каждому из нас достается по узкому лазу. Я уже ползу по воде, отталкиваясь от песчаного дна пальцами ног. Потолок лаза начинает скрипеть по каске, и тут в голову приходит мысль о том, что наверху может пойти дождь. Или уже идет. Или прошел два часа назад – и через минуту мутный поток до верха заполнит этот капилляр вместе с застрявшими в нем червячками. Короче, как оно выглядит – самое-самое дно пещеры Нежданная – я не знаю до сих пор.

Ползание по ручью закончилось тем, что все страшно проголодались и собрались под Большим Каскадом на перекус. Завесили закуток между глыбами полиэтиленовой накидкой, вскипятили на примусе чай. Только тут стало понятно, что над землей стоит глухая ночь, и что мы путешествуем в пещере уже часов двадцать. А впереди еще был подъем и выемка веревок и троса с Большого Каскада. Первым пошел

наверх Юра Ковалев. Примерно через полчаса с восьмидесятиметровой высоты раздался его как всегда спокойный голос: «Дошел! Навеска свободна!»

К тросу пошел цепляться самохватами Коля Васильев, а я пристроился у скалы покемарить. Под накидкой было почти тепло, и на меня уже стали накатываться какие-то отрывочные сны. Вдруг в минуту просветления мне показалось, что я сплю очень давно. Я вытащил из-за пазухи часы и посмотрел на циферблат. Выходило, что Коля поднимается часа два. Крик об освобождении навески я проспять не мог, шуршащего звука подъема слышно тоже не было. Тогда я выглянул из-под накидки и увидел, что фонарь Коли недвижно светится всего метрах в тридцати над дном колодца.

Это был очень тревожный знак. Не так давно в пещерах Алека были случаи, когда на колодцах подолгу зависали люди. Некоторые, когда их наконец, спускали вниз, вяло реагировали на окружающих, как-то угасали, потом переставали подавать признаки жизни. Наступала смерть от переутомления и переохлаждения организма.

Надо было срочно действовать. Сначала самое дорогое – информация. На первые мои крики: «Наверху, как дела?» – отозвался только Юра Ковалев, он мерз на верху колодца и был не в курсе событий. Стало страшновато. Я кричал еще, взывая непосредственно к Коле, и к счастью услышал его слабый, сбивчивый ответ: самохваты заклинило на тросе, они не идут ни вверх, ни вниз. Колю нужно было спускать, отогревать, еще раз отпаивать чаем. К счастью, колодец прокрикивался отлично. Мы договорились с Юрой, что он спустится сам и поможет спуститься Коле, это будет гораздо быстрее, чем подниматься до Васильева и перестегиваться на спуск мне. Естественно, не было и речи о том, чтобы поднимать Колю наверх, такое могли бы сделать пять-шесть здоровых хорошо отдохнувших мужчин. Действительно, через десять минут оба уже были внизу под той же накидкой, что и три часа назад, и снова пили чай. Коля Василь-

ев – тридцатилетний мужчина в полном расцвете, отнюдь не худосочный юноша-новичок, был, тем не менее, здорово вымотан. Он не потерял сознания, не переохладился, но было заметно, что психологически ему нелегко. Несколько раз он повторил: «Не вылезу я отсюда». Впрочем, его можно было понять: двести тридцать отвесных метров Большого Каскада тяжело давили сверху на трех возомнивших о себе лилипутов.

Чай сделали покрепче. Повеселело. Ковалев снова обреченно двинулся к навеске, а я стал привязывать к Коле свои верные жумары. Стабильный и уравновешенный Юра опять поднимался полчаса. Когда он крикнул о конце маршрута, я уже не стал отсиживаться в тепле и лично зацепил жумары за веревку, а самостраховочный самохват – за трос, оттянул для удобства подъема обе опоры чуть в сторону и бодреньким голосом начал давать советы: когда подтянуть колени к подбородку, когда выпрямиться во весь рост. Жумары шли по веревке отлично, Коля обрел уверенность в благополучном исходе приключения и через час вылез-таки на первый снизу уступ.

Остаток путешествия прошел буднично и тяжело. Я шел последним. А у последнего судьба такая: вылезает из колодца, вытаскивает веревку, маркируешь ее, запикиваешь в транс. Потом то же самое проделываешь с тросом. Руки в кровь ободраны о стальные заусенцы и плохо раскрывающиеся карабины. Мешок пристегиваешь к веревке, идущей сверху. Его вытаскивают, потом веревку снова бросают прямо тебе на голову. Смертельно хочется спать, и уже не слишком радуешься, когда на вершине Большого Каскада вдруг видишь очкастое лицо с большим носом – Шуша Вишневский прибыл с подкреплением вынимать снарягу. Мы бросаем все барахло сменщикам и, как нам кажется, бегом несемся по серым безликим верхним галереям пещеры. Над входным колодцем наши тусклые фонари высвечивают падающие на землю сумерки. Мы пробыли под землей почти двое суток. Сил все же хватает, чтобы помыть тело теплой водой из кана,

чего-то бросить в рот и с чувством исполненного долга зарыться в пуховый спальник. Спим после этого тоже немало – ровно 24 часа.

Сандрипш и Гелгелук

После приятной нервной встряски в Нежданной лагерь у Воронцовки показался слишком уж санаторно-благостным, и все, кажется, были счастливы, когда мероприятие подошло к концу.

Только Дублянский покидал сборы не слишком-то довольный. Дело в том, что неотесанный Илюхин грубо шуганул из лагеря студентку-практикантку Виктора Николаевича за то, что она каждое утро сначала красила глазки, а затем целый день строила их суровым спелеологам. Видимо, всем, кроме Володи, что его и рассердило. Вит – так друзья называли Дублянского – дал зарвавшемуся начальнику резкую отповедь в классическом смысле, что женщина – она тоже... и повез девицу к подножью горы Дзыхра – основному месту дислокации практикантов.

Я увязался с Витом, поскольку мне, как и всем остальным, девушка весьма нравилась. Были, однако, и другие причины. Прежде всего, душа тянулась к чудному Дзыхринскому заповеднику. Там в 1973 году, пять лет назад, в составе московской группы мне повезло исследовать небольшие красивые, абсолютно девственные пещеры. Та маленькая экспедиция в живописном горном лесу в кругу добрых друзей оставила самые светлые чувства, и «забытая Богом гора», овеянная романтическим ореолом молодости, всегда притягивала меня. Но вернуться на Дзыхру я смог только через двадцать лет, и об этом рассказ в другом месте.

Другая – и, конечно, главная – причина моего присутствия в группе практикантов Дублянского состояла в том, что он собирался на Арабнику.

Об этой горе я впервые услышал зимой 1964 года, когда в своей маленькой комнате на Арбате Илюхин демонст-

рировал собравшимся карту пропасти Вахушти Багратиони. Карта, сделанная тбилисскими спелеологами, выглядела странновато: на разрезе вход соседствовал с дном. При этом в прилагаемой записке полость объявлялась глубиной в триста шестьдесят метров. По тем временам это был безусловный рекорд страны. Пропасть имени Вахушти располагалась на Арабике, где к тому времени уже несколько лет работали спелеологи из Грузии: Тамаз Кикнадзе, Зураб Тентилозов, Резо Раквиашвили, Джумбер Джишкариани.

У Илюхина был отменный нюх, и он был человеком дела. Летом того же 1964 года московская экспедиция под его руководством отправилась измерять Вахушти. Я впервые был руководителем поисковой экспедиции на Бабуган-яйле в Крыму и с ним не поехал.

Арабийская экспедиция Илюхина сенсаций не принесла. Глубина шахты имени Вахушти оказалась всего сто шестьдесят метров: тбилисцы назвали глубиной протяженность полости. Поиск новых пещер на крутых арабийских хребтиках тоже заметных результатов не дал. Только несколько забитых снегом карстовых воронок, похожих на входы, поместили красной краской. Полное разочарование. По свежим следам прошлись по Арабике и другие группы: свердловчане и красноярцы. Но и они вернулись ни с чем. Не пришло еще время Арабики. Свое не отговорил Крым, впереди были Алек, Сумган, Ах-Цу, Бзыбь, Кырктау...

Теперь, четырнадцать лет спустя, Дублянский сказал: «Пора на Арабику!» Я не мог с ним не согласиться, поскольку всегда считал его великим карстоведом и, кроме того, слышал легенду, что в начале века патриарх французской спелеологии Эдуард Мартель был на Арабике и предсказал здесь самые глубокие пещеры в мире.

Всего в группе Вита образовалось человек десять: четверо мужчин – Вит, его аспирант, студент и я, остальные симферопольские девчата. В качестве путеводной нити у начальника партии имелась потрепанная карта и какая-то ста-

рая схема. Точного пути никто не знал. Но надо заметить, что черноморское побережье Кавказа – не какой-нибудь дикий Тибет. Путешествие началось на рейсовых автобусах. Сначала из Адлера вдоль живописного берега моря, мимо цветущих магнолий и лоснящихся на пляже красавиц переехали в поселок Гантиади.

В этой части Абхазии – от границы по реке Псоу вплоть до известнейшего курорта Гагры на реке Бзыбь – проживает, в основном, армянское население – потомки беженцев из Турции, которым в период армянского геноцида 1915 года царское правительство России великодушно предоставило землю для вечного поселения. Кроме армян, здесь, почти на границе с Россией, жили мингрелы и абхазцы. После войны 1992–1993 годов остались армяне и абхазцы. От Псоу до Бзыби сначала в отдалении, потом накатываясь всей мощью на море поднимается могучий Гагрский хребет. От Гантиади вдоль речки Хошупсе асфальтовая дорога уходит от моря к горам. Туда на втором рейсовом автобусе мы прибыли в конечный пункт – армянскую деревню Ачмарда. Сотня одноэтажных деревянных домов с садами и огородами, заросшими кукурузой и табаком, вытянулась вдоль дороги. Почетное место в деревне рядом с магазином и автобусной остановкой занимает ухоженное кладбище.

Вся цивилизованная дорога заняла всего часа три, что вызвало у Дублянского тихий восторг, и он предложил переночевать тут же на полянке в центре деревни. Что и было сделано. Из собранных вдоль дороги палок и досок сложили костерок, чего-то сварили, поели, поточили лясы и на виду у общественности залегли спать. Я лежал под фиговым деревом, смотрел на зеленые звезды в черном небе и думал о бренности земной жизни. Симпатичная девушка с глазками сладко посапывала в палатке аспиранта.

Обстоятельный Вит любил все делать с хорошим запасом. Поэтому проснулись мы в пять утра. Местные крестьяне уже не спали и, проявляя высокий интеллект, довольно

внятно объяснили нам, как пройти на Арабику. Получалось километров двадцать. Рюкзаки у нас были просто детские – килограммов по двадцать пять, и мы сразу приняли высокий темп движения. Прямо за деревней пересекли обширное кукурузное поле и углубились в заросли кизила. Продолговатые темно-красные ягоды экспедицию ненадолго задержали. В кизиле тропа круто пошла вниз и через полчаса мы подошли к глубокому сухому руслу реки. Пересекли его по хлипкому висячему мостику и оказались на вполне пристойной грунтовой дороге. По раннему времени в глубоком ущелье было сумрачно. Серые стены справа и слева взлетали высоко в небо. Было почти тихо, но воздух все же слегка дрожал от еле слышного ровного гула. Мы прошли по дороге с километр вверх по ущелью, и только тогда поняли, в чем дело.

За поворотом открылась волнующая картина. Гигантский пенящийся вал с ревом вырывался из ущелья, натыкался на известняковые глыбы, навороченные под разрушенным мостом, переваливал через них, тут же слабел, хирел и незаметно как-то утопал в своем же собственном галечном дне. Река надолго уходила под землю.

Часов пять мы двигались вверх по течению Сандрипша – так назывался бурный поток. В свете солнечного летнего дня ущелье было сказочно красиво. Река то разливалась тихими прозрачными озерами, то, клокоча, рвалась из стремнин. С высоченных стен сквозь зелень самшита, оплетенного лианами, летели серебряные струи стометровых водопадов. Свежесть воздуха, синева неба, ощущение молодости и силы вызывали у всех необыкновенный душевный подъем. Молодежь, подставляя под водопады руки и носы, по-поросячьи повизгивала. Дублянский рассказывал одесские анекдоты с характерным акцентом. Я шел молча, как зачарованный, в предвкушении встречи с новым миром.

Под серо-желтым скальным навесом, испещренным гротами, дорога расширилась, образуя нечто вроде площадки. На площадке стояли крытый каштановой драпкой про-

сторный балаган, загон для скота и ржавый трелевочный трактор с поломанными гусеницами. Здесь дорога раздваивалась. Одна – наезженная, лесовозная – ушла влево вверх, вторая – скорее, тропа для скота – уводила на правый склон. Несколько притомленные практиканты перекусили и залегли отдохнуть на лежащее тут неподъемное пихтовое бревно. В последующие десятилетия это место устойчиво называлось «Тракторная поляна», хотя изначально никакой поляны здесь не было, а через пару лет исчез и трактор.

Прохлада ущелья и свежесть реки остались внизу. Тропа пошла зигзагами вверх по самому солнцепеку. Практиканты закричали, начали отставать, растягиваться в длинную цепочку. Бравая экспедиция потащилась вверх со скоростью черепахи. Ландшафт сменился. Тропа втянулась в тень высокого букового леса, и гнет палящего солнца сразу ослаб. Одновременно серпантин кончился, дорога вышла на хребтик, стала прямой и круче, что полностью компенсировало облегчение от прохлады. Хотелось пить. В соседней долине слышалась призывная песня недостижимого танталова ручья. На лесных полянах в мутных лужах сладко чавкали счастливые черные буйволы. Глядя на их мокрые загнутые к холке рога, пить хотелось еще больше. Мокрые от пота рубашки быстро сохли и твердели на спине соленой коркой. Ноги скользили по сырой глине. Глаза на ходу закрывались, начали наступать сонные миражи.

Но вот деревья расступились, и в лицо пахнул неповторимый медовый запах альпийского луга. На ярком свете пришлось сощурить глаза и запрокинуть головы: к самому небу взлетели над нами крутые зеленые склоны, сверху вниз перерезанные снежными лентами. На скалистых вершинах зависли сверкающие ледяные карнизы. А у подножья всего этого великолепия притулились два десятка убогих деревянных лачуг. Это был конечный пункт нашего путешествия – пастуший летник Гелгелук, названный так по звуку воды, вытекавшей из большого карстового источника.

Походный лагерь разбили на ровной лужайке поблизости от летника. Армянские детишки скучковались у ближайшей изгороди и с интересом пялили на нас свои черные глаза; подойти ближе не решались. Взрослые с деланным безразличием занимались повседневным трудом: кололи дрова, носили из источника воду. Что же касается ишаков, привязанных почти у каждой хижины, им на нас, действительно, было наплевать.

Собрав последние силы, мы натаскали из лесу дров и уже в сумерках расселись вокруг костра. Вдруг в тихую беседу за неторопливым вечерним чаем вклинился странный дробный звук. Будто бы с самого верха горы на нас неслась лавина среднего габарита булыжников, глухо подпрыгивающих на травянистом склоне. Целую минуту мы сидели в оцепенении, ожидая худшего. Потом увидели саму лавину: темное облако, погромыхая, накатывалось на нашу лужайку. Я включил свой дальнобойный фонарь и... все ахнули! Облако, как по команде, остановилось и загорелось сотнями ярких зеленых огоньков. Потом нестройным хором заблеяло: так вернувшееся с дневного выпаса огромное козье стадо выражало недовольство по поводу занятого нашими палатками своего законного места.

Назавтра к нам уже привыкли и козы, и дети, а самое главное – взрослые. Они выражали свое расположение просто и весомо: каждый день приносили свежее козье молоко и сыр. От денег категорически отказывались. Это было приятно и трогательно. Чтобы не слыть неблагодарными, мы, уходя, оставили пастухам все свои электрические батарейки и фонарики.

Гагрский хребет сквозь дождь и туман

Дублянский не имел глубоко продуманного плана работ на Гагрском хребте, и это было хорошо. В первый же день стало ясно, что Арабика способна провалить любой план: на горы налетели быстрые рваные облака, посыпал

дождь. Поэтому наши действия носили характер весьма поверхностной разведки. Для начала Вит повел всю команду в ближайшую Гелгелукскую долину, где в борту обрыва легко обнаружился вход в легендарную Вахушти Багратиони. Мы по очереди засовывали головы во входное отверстие и бросали вниз камень. Камни летели недалеко и падали негулко, что вызвало у привыкших к стометровым шахтам крымчан презрительные ухмылки.

Потом мимо мелкого летника Ортобалаган, насчитывающего всего с пяток хижин, мы двинулись по конной тропе в сторону горы Берчиль, на самую ближнюю к Гантиади гряде Гагрского хребта. Окрестности совсем не были похожи на те зоны альпийского карста, где мне приходилось бывать раньше – на соседний Бзыбский хребет или на плато Кыртау под Самаркандом. То, где мы шли, меньше всего хотелось назвать «плато». Скорее, это была миниатюрная горная страна, расположенная на высоком массивном фундаменте. Здесь встречались свои хребты, долины и ущелья, свои вершины и даже горные цепи и перевалы. В пределах безлесной альпийской зоны можно было осуществлять подъемы и спуски до восьмисот метров. Это мы хорошо прочувствовали, когда восходили на Кушонский перевал высотой две тысячи двести метров над уровнем моря.

Над перевалом бушевал ураган ветров. Ледяной северный ветер гнал снизу тяжелые облака, они сходу натякались на встречный теплый южный поток, рвались в клочья, закручивались в смерчи и разбрасывали во все стороны мелкие водяные брызги.

В полукилометре ниже перевала на пути к морю сквозь дыры в тумане виднелись микроскопические домики – штук сто. Это был самый большой в этих местах летний поселок Гюзле. В отличие от Гелгелука, здесь не все занимались пастушьим промыслом. Многие жители Гантиади и Гагры строили себе балаган в горах просто для летнего отдыха: здесь и воздух чище, и дети здоровее. Как горожане –

дачу под Москвой. В Гюзле, по слухам, вела неплохая грунтовая дорога, но где ее начало мы не знали.

За Гюзле, далеко впереди и внизу, светился в просветах теплый берег Гантиади. Правее нас в глубоком ущелье бились о скалы холодные воды Сандрипша. На той стороне ущелья возвышалась скромная лысина горы Ачмарда. Еще дальше за ней еле просматривалась узкая полоска Адлерского мыса, далеко выдававшегося в море.

Слева крутой дугой загибался к северу хребет Берчиль с одноименной горой во главе. От него внутрь хребта отходили гигантские отроги, образуя долины Ортобалагана, Гелгелука и еще несколько безымянных лощин. Их ложа были покрыты широкими снежниками и завалены огромными глыбами, неведь когда сорвавшимися с крутых скальных обрывов.

С внешней стороны хребет Берчиль уходил к морю длинным и пологим хребтом Люкивоху, левый склон которого вскоре становился отвесным, образуя борт глубокого непроходимого ущелья не приметной речки Жове-Квара, текущей прямо в Гагру. Вдали за этим ущельем протянулась унылая узкая полоска хребтика Момздышха, падавшего своим дальним склоном к реке Бзыбь, а за ней в дымке синели крутые южные склоны Бзыбского хребта.

Но самое главное было на севере, откуда непогода не забывала гнать на нас низкие серые тучи.

Дождь продолжался и на другой день. Тем не менее, хотя одежда, в основном, уже промокла, а по мокрому известняку ходить было просто небезопасно, любопытство взяло свое, и по одной из лощин мы отправились на северную оконечность хребта Берчиль.

Вид с хребта поразил своей мрачной красотой. Теперь мы смотрели на север, и уже никакой мираж теплого курортного бриза не грел душу. В пелене слоистых облаков перед нами предстала островерхая черная громада, униженная белым ожерельем нерастаивших снежников. Ее кривоватые

склоны тяжело нависли над верховьями ущелья Жове-Квары. На самой вершине как жалкая корона – дар от не менее жалкого человечества – торчала пика триангуляционного репера. Это была королева местных гор – Арабика.

Напротив королевы как верная скромная фрейлина гармонично завершала гигантскую дугу Берчиля аккуратная трехгранная гора Пирамида. А еще дальше на север взметнулись в небо штормовые скалистые волны хребта Каменный Клад.

Взирая на эту картину, я неожиданно для самого себя испытал странное волнение. Вид карровых полей, глубокими бороздами перечеркнувших склоны обширного цирка в самом сердце Каменного клада, вдруг вызвал неведомое предчувствие, охватившее все мое существо. Яркое ощущение реальности бытия смешалось с полумистическим осознанием причастности к величайшим тайнам мира, хранимым где-то поблизости. В душе возникло чувство неопишуемого восторга, радостного ожидания и уверенности, что в моей судьбе произошло что-то очень важное, может быть, самое главное.

С детства лишенный предрассудков и далекий от религии, я в те годы начисто отрицал все, что другие называли чудом, и готов был посмеяться над любым рассказом о необъяснимых явлениях. Но именно тогда, в августе 1978 года, то, что составляет мою сущность, видимо, наконец, созрело, стало достойным внимания сил, которые помимо всего, что мы знаем, управляют миром. Не буду биться об заклад, но глубоко и искренне убежден, что эти таинственные силы особенно мощны вблизи сверхгигантских подземных полостей. Более того, люди, по той или иной причине часто вступающие с ними в контакт, сами становятся носителями или, если угодно, жертвами этих сил. С ними – даже вдали от пещер – происходят странные вещи, не объяснимые с рациональной точки зрения. Многие из таких людей, к сожалению, рано уходят из жизни. Еще за десять лет до того, но уже будучи спелеологом, я вдруг замечал, что два маловероятных

события вдруг происходят для меня почти одновременно. После первого похода на Арабику совпадения – и смешные, и трагические – посыпались, как из рога изобилия, и можно сказать, продолжают по сей день. О некоторых рассказ ниже.

Наше знакомство с Арабикой закончилось бесконечным дождем. Под снежными полями и крутыми осыпями новых пещер мы не обнаружили. Измученные непогодой, последний день провели в палатках, и поскольку делать было нечего, пели песни под шелест капель по крышам. Симпатичная девушка с глазками, обхватив меня рукой, притулилась рядом. Не исключаю, что ей нравилось, как сиплым, но максимально нежным голосом я выводил сладкие для крымского сердца слова народной песни: «Над Караби опять клубятся облака...» Дублянский, однако, лежа в соседнем спальнике, косился на нас неодобрительно.

Пещерная модель советского строя

1978 год был годом апофеоза централизованной советской спелеологии. Над всей территорией страны царила созданная Илюхиным жесткая система подготовки спелеокадров – участников и руководителей пещерных экспедиций. Официальный участник обязан был отучиться по специальной программе в спелеошколе и затем пройти практику в двух спелеолагерях. Дисциплинированных подающих надежды курсантов готовили на начальников. Они обучались на сборах сначала просто инструкторов, потом – старших инструкторов спелеотуризма. Для удобства все люди и пещеры были поделены на категории. Маршрутные комиссии строго следили, чтобы новичок, не дай Бог, не полез в пропасть высшей категории трудности. Группы с несоответствующим составом в экспедицию не выпускали, а нарушителей наказывали понижением статуса вплоть до полного отлучения от официальной спелеологии.

Вынужден признать, что мой вклад в становлении этой железной системы тоже был не мал. Вместе с Владимиром Илюхиным и Юрием Колесниковым я разрабатывал методики обучения, расписывал пещеры по категориям, лично проводил школы и спелеолагеря. При этом менее всего меня привлекали привилегии элиты и ощущение власти, хотя система к этому располагала и кое-кто от нее, как сегодня говорят, просто тащился. В десятках экспедиций я работал с разными людьми и имел возможность сравнить спелеологов, получивших систематическое образование, с амбициозными, но весьма аварийными самородками.

Как и любые рамки, эта система, конечно, сдерживала развитие. Тех, кто в нее не вписывался, система грубо отторгала. Одиночки, даже талантливые и хорошо подготовленные, не в силах были организовать сколь-либо серьезные пещерные походы. Тем более, что их подвергали репрессиям: «отлучали от церкви» и старались «не пущать» всеми доступными средствами, включая хулигательные письма от туристских организаций по месту работы. Это мало кому вредило, но вызывало справедливый гнев бывшей пока в меньшинстве демократической спелеообщественности. С годами недовольных становилось все больше.

И все же пещерная модель советского строя была действующей. Ежегодно по просторам и узостям подземелий родины проползали сотни экспедиций, десятки тысяч рискованных коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Суровые партийные газеты регулярно публиковали сведения об открытии новых пещер* Что удивительно, пещеры действительно открывали!

В начале 60-х только в Крыму за два–три сезона спелеологи открыли сотни карстовых полостей – горизонтальных пещер и отвесных шахт. Почти все они были найдены на яйлах

* Например, в газете «Правда» статья «Коварство Графского провала». А Граф – это томский спелеолог и мой друг Виктор Леринман.

главной гряды Крымских гор. В 1961–1962 годах в недрах Долгоруковской яйлы – где ползком, а где и вплавь – прошли двенадцать километров по запутанным ходам и руслу подземной реки в Кызыл-Кобе (Красной пещере). На Чатырдаге на зыбких тросовых лесенках преодолели двадцатиметровый отвес Бездонного Колодца. На Ай-Петри в многодневном штурме достигли «старого дна» пропасти Каскадная на рекордной глубине двести сорок шесть метров. А уже через год этот рекорд был побит: еще на пятнадцать метров глубже оказалась шахта Молодежная на Караби-яйле – в «фраю» классического карста. В 1963 году там нашли множество пещер, среди которых украшенные натечными образованиями шахты Крубера, Кастере, Виолы, Монастырь Чокрак. Через десять лет здесь была пройдена самая глубокая пятисотметровая пропасть Солдатская* Организатором и душой почти всех этих открытий был бесспорный лидер крымской спелеологии Виктор Дублянский. С ним работали его коллега-ученый Борис Иванов и множество спелеологов-любителей. Самые известные из крымчан – Геннадий Пантюхин, Вадим Душевский, Борис Коган, Игорь Черныш, Олег Соломко, Саша Назаров. Несколько особняком держался старый одинокий спелеоволк Костя Аверкиев.

Но вскоре центр спелеологических изысканий переместился на Кавказ. В 1961 году пытливый молодой человек Гиви Смыр из Нового Афона спустился на веревках в Анакопийскую пропасть. За каскадом отвесных колодцев открылись гигантские залы с подземными озерами и гроты, завешенные натечными каменными шедеврами. После проведения в нее искусственного тоннеля пещера в 1975 году получила название Новоафонской и получила мировую известность как туристский объект, соперничающий с пещерами Югославии и США. Кроме Гиви, первопроходцами Анако-

* В начале 90-х годов на Караби исследована еще одна глубокая трехсотпятидесятиметровая шахта Нахимовская.

пийской пропасти стали Виктор Юшин из Сухуми, Зураб Тинтилозов из Тбилиси.

Тем временем на хребтах Алек и Ах-Цу близ Сочи полным ходом развивалась спортивная спелеология. Летом 1965 года местный лесник Назаров показал москвичам большой провал, скрывавшийся в зарослях букового леса. Спелеологи спустились туда, и уже через несколько дней в столицы отечественной спелеологии – Симферополь, Москву, Ленинград, Свердловск, Красноярск – полетели телеграммы: есть новый рекорд! В пещере, которая стала называться Назаровской, достигли глубины триста пятьдесят метров. Потом здесь же обнаружили шахты Заблудших, ТЕП, Осенняя, где (как позднее и в Назаровской) дошли до глубины почти пятьсот метров.

Это были уже совсем другие пещеры, не похожие на Крымские. По голым уступам и галереям здесь стремились вниз холодные ручьи. Иногда ход обрывался колодцем или стягивался в шкуродер. Казалось, до бесконечности можно ползти по мокрым, изрытым морщинами скалам. Но как не дойти до очередной рекордной отметки!? Случалось, штурмовые группы работали под землей по несколько суток без сна, часто – впроголодь. Тут-то и таилось коварство хребта Алек. До того спелеология была делом не совсем безопасным, но все же сравнительно безаварийным. На Алке стали гибнуть люди. Холод и сырость, недостаточное питание под землей, физическая и моральная усталость вели к потере самоконтроля, а то и к психическим срывам. Рвались перетертые о камни капроновые веревки, от тепловых ударов теряли сознание застрявшие в шкуродерах, тонули попавшие в мутные грохочущие потоки, которые появлялись после ливней. Именно тогда спелеология стала осторожной: появились обязательные школы для новичков, первые образцы легкого снаряжения и теплой одежды, начали разрабатываться графики штурмов и целых экспедиций.

Тон на Алеке задавали москвичи: Володя Илюхин, Евгений Черенков, Юрий Колесников, Евгений Мухин. И, конечно же, один из самых замечательных спелеологов – строгий учитель, требовательный начальник и добрый верный друг – Олег Вадимович Падалко.

Тем временем новые пути под землей проложили спелеологи Красноярска, Урала, Западной Украины. Еще в самом начале 60-х красноярцы под руководством Игоря Ефремова, Юрия Ковалева, Валерия Бобринна, Юрия Карначева исследовали пещеры в отрогах Саянского хребта. Вертикальные шахты Баджейская и Кубинская почти трехсотметровой глубины считались одно время рекордсменами. И навсегда остались чемпионами те, кто побывал на дне этих шахт. Теперь оно недостижимо: шахты подтоплены водами Красноярского водохранилища. В тех же краях открыли одну из крупнейших в мире карстовую полость в конгломератах – лабиринтовую пещеру Большая орешная.

Уральские спелеологи под руководством признанного лидера Юрия Лобанова исследовали многокилометровую пещеру Сумган-Кутук, начинающуюся редким для этого района восьмидесятиметровым отвесным колодцем. Там же продолжалось изучение уникальнейшей Каповой пещеры, на стенах которой со времен палеолита сохранились рисунки древнего человека. А спелеологи из Львова и Тернополя, возглавляемые Мироном Савчиным и Галиной Ткачук, из года в год уходили под землю на многие недели в супергигантские лабиринты горизонтальных пещер Оптимистическая и Голубые Озера, прорезавших гипсовые массивы предгорий Карпат.

В начале 70-х пришла пора высокогорного карста. Первыми на высоте оказались московские спелеологи из МГУ под руководством Михаила Зверева. Они обнаружили на привершинном склоне отрога Бзыбского хребта на высоте две тысячи метров над уровнем моря колоссальный карстовый колодец, на дне которого и ниже в пещере лежал снег.

Поэтому пещеру назвали Снежная. Экспедиция москвичей опустилась в пропасти на глубину семьсот метров. Это был абсолютный рекорд страны, державшийся несколько лет.

В 1977 году состоялась всесоюзная экспедиция на плато Кырктау в Узбекистане, где раньше киевляне Валерий Рогожников и Александр Климчук нашли вход в «перспективную» пещеру. Уже было известно, что глубина пропасти около километра и кончается она колодезем, на дне которого стоит озеро. В экспедиции участвовало более восьмидесяти человек. Всего за двадцать дней они сделали полную топографическую съемку пещеры, измерили с помощью гидрони-велира ее глубину, а самое главное – доставили на дно акваланги и погрузились в озеро в надежде найти продолжение хода под водой. Из-за мутной воды найти его не удалось. Но это была самая первая попытка наших спелеологов пронырнуть сифон на такой огромной глубине.

Список уникальных пещер пополнялся из года в год. Километровая пропасть Напра на Бзыбском хребте соперничала по трудности прохождения с пятисотметровой шахтой Парящая птица, на горном массиве Фишт Северного Кавказа. Тоже «неглубокая» (пятьсот метров) и довольно-таки «мирная» – без паводков и ледяных сквозников – пещера Майская, найденная черкесскими спелеологами на склонах горы Дженту, оказалась единственной в стране карстовой полостью с мирабилитовыми кристаллами, сравнимыми по красоте только с кальцитовыми «цветами» пещеры Баир-Хасар на Чатырдаге в Крыму. На том же Бзыбском хребте уже нашли продолжение шестисотметровой пропасти имени Вячеслава Пантюхина, а в источнике реки Мчишта близ курорта Гагра спелеоподводники начали нырять с аквалангом на небывалую глубину: больше сорока метров.

Спелеологи на конференции

Надо заметить, что авторам этих замечательных достижений доставались не только горький вкус суровой пе-

щерной планиды и сомнительная слава чемпионов. Система предполагала обязательный обмен опытом на представительных совместных собраниях. Чиновники от путешествий не скупилась на всякого рода слеты и конференции, где могли продемонстрировать начальству эффективность своей неутомимой руководящей работы, а также блеснуть – не в пещерах же! – персонально, хотя бы плотной фигурой на фоне тщедушных спелеологических тел. Не стоит скрывать, и для подземных бродяг эти слеты были праздником. Уж кто-кто, а спелеологи, прошедшие боль, страх и каминные трубы, умели славно повеселиться!

В ноябре 1978 года, вскоре после моей первой поездки на Арабику, Илюхин организовал грандиозное общественное мероприятие. В Сухуми проводилась всесоюзная конференция по пещерному туризму. Место было выбрано не случайно. Уже несколько лет на территории Абхазской автономной области Грузии в ее столице Сухуми действовал институт туризма. И уже три полновесных года поблизости работал посещаемый туристский объект – Новоафонская пещера, а вокруг было в избытке других «диких» дыр. Наконец, в ноябре в Сухуми было тепло и сухо, что располагало к приятному времяпровождению. Проезд и пролет по стране стоили недорого, и на турбазе имени XV Съезда ВЛКСМ собиралась тьма всякого пещерного и околоспещерного бомонда.

Московская команда вылетала из Внуково вместе с красноярцами. Они по привычке везли с собой акваланги. Нравы «Аэрофлота» отличались невинностью: заряженные баллоны без проблем сдали в багаж под не далекие от истины шуточки, что это взрывчатка.

На турбазе развернулся широкий спектр мероприятий. С утра в переполненных залах десятки докладчиков, обряженных чуть ли не в смокинги, делали важные научные сообщения, как-то: «Теоретические основы поисков карстовых пещер, не имеющих выхода на поверхность», авторы И.А. Печеркин и др. Или: В.Я. Рогожников, «Тактика иссле-

дования карстовых пещер Киевской комиссией спелеотуризма». Доклады терпеливо слушали. После обеда удалялись на игрища. До посинения играли в футбол: город на город, или «старики» на «молодежь». Красноярец в полном пещерном облачении ныряли в спокойное осеннее море со своими аквалангами. Давали попробовать желающим. В том числе досталось и мне.

Погружался я первый раз в жизни. Напялил гидрокостюм, надел маску, ласты и аппарат АВМ-1М. «Ныряй», – говорят. Я вставил в рот загубник, влез в воду и попробовал пойти ко дну. Это не удалось: резиновая «гидра» надулась и держала меня, как поплавков. Глядя на мои безуспешные попытки утонуть, народ на берегу покатывался со смеху. Натешившись от души, красноярцы посоветовали мне наложить камней за пазуху. Это тотчас дало нужный эффект, и вскоре я уже обозревал вечерний подводный пейзаж. Он был довольно тосклив: на голом песчаном дне в такт волнению покачивалась большая дохлая рыба. Сделав глубокий скорбный выдох, я было поплыл в глубь моря, как вдруг понял, что вдохнуть обратно не удастся. Что-то случилось с аквалангом. Всплыть тоже вначале не вышло, и я уже подумал, что мы с дохлой рыбой составим живописную пару. Но вспомнил о камнях, повыбрасывал их из-за пазухи и пузырем взлетел на поверхность. Метров сто до берега плыл с натугой, но и с уверенностью, что плавание окончится без летального исхода.

По вечерам народ отходил от дневных трудов. Собирались компании по интересам и «оттягивались» отменными грузинскими и абхазскими винами: в ресторане, гостиничном номере, а то и на свежем воздухе. Не большой любитель возлияний, я изъясил из местного клуба двухпудовую гирьку алого пожарного цвета и незаметно, как мне казалось, перенес ее к себе в гостиницу. Но факт был зафиксирован общественностью, и если кто-то из выпивающих вдруг интересовался, а что это, мол, Ефремова не видно, следовал ехидный ответ: «Он разминается в номере красненьким».

Наше высокое собрание не было обделено вниманием прессы и телевидения. Режиссер уже тогда знаменитого Клуба кинопутешествий Валерий Лещинский внимательно прислушивался к рассказам о скитаниях, но ничего не снимал. Наоборот, показывал. Однажды вечером он показал ролик о теплых пещерах на острове Борнео. Там ведущий – худой швед в шортах – стоял по колено в помете летучих мышей и с упоением рассказывал о прекрасных подземных тараканах, которые в этом помете водятся. Тараканы во множестве ползали по ведущему. После этого он ел ласточкины гнезда; их голые туземцы снимали тут же с потолка и делали из них суп.

Просмотр фильма вызвал у меня чувство уважения к смелому Лещинскому: за такие мерзкие кадры «тепленькие» спелеологи спокойно могли и побить. Я не преминул засвидетельствовать свое уважение лично, и после бутылочки красного «Имерели» мы с Валерием Семеновичем железно договорились следующим летом поехать вместе в пещеру Снежная и снять там шикарный отечественный фильм про пещеры.

Гвоздем конференции стала научно-познавательная экскурсия в Новоафонскую пещеру. Директор пещеры Валерий Сократович Воуба хозяйской походкой провел нас по бетонным дорожкам, высотным эстакадам, проложенным в залах и закоулках огромного подземелья. Участники конференции громко восторгались удобными переходами и цветной подсветкой. Я, как во сне, смотрел и не видел всю эту железобетонную сверкающую лепоту. Перед глазами стоял до боли родной дикий пейзаж великой и ужасной Анакопийской пропасти...

Сэр Пачулия и подземный космос

Я узнал о ней в декабре 1964 года в Сухуми на организационном пленуме Центральной комиссии спелеотуризма, куда попал как председатель московского городского клуба спелеологов. Пленум был непримечательный: основное его время занимала борьба за власть. Кандидаты в начальство яростно ругались. Руководителям спелеоклуба МГУ Валентину Алексинскому и Лене Алексеевой доставалось от Илюхина, по его словам, за всякие нарушения. Те огрызались, что Илюхин не умеет руководить. Всем очень хотелось встать во главе советской спелеологии. Было скучно и противно.

Просвет образовался, когда нашу протухшую компанию вывезли проветриться в маленькие Андреевские пещерки на реке Восточная Гумиста, где я отвел душу, с удовольствием поползав по уши в воде и в глине. Вечером радушные власти устроили банкет в ресторане «Советская Абхазия». Я сидел в конце стола и был искренне изумлен, когда шеф Абхазского правительства вдруг провозгласил тост за мое здоровье. Внимательный Илюхин подсказал ему, что мне на медни исполнилось девятнадцать лет. Я встал, с волнением выслушал тост и, не долго думая, вылил в себя большой кубок «Хванчкары». Когда начал садиться, понял, что попасть нужным местом на стул не могу. Качнулся, опрокинул бокал соседа: красное вино залило белоснежную скатерть. Если бы спелеологи боялись провалиться сквозь землю, именно этого мне б и захотелось. Но через шесть секунд на стол накинута чистое покрывало, а у соседа стоял новый полный фужер. Я оценил высокий класс сухумского сервиса и сквозь легкий туман в голове услышал о том, что в Новом Афоне открыли Анакопийскую пропасть – очень большую и красивую пещеру. Занятые политическими склоками участники пещерного пленума в Анакопию не попали.

Я тогда учился в авиационном техникуме и в январе 1965 года проходил практику в Научно-исследовательском институте гражданской авиации. Мы, практиканты, там только путались под ногами, и нас предоставили самим себе. Поскольку делать было особо нечего, я вынашивал планы зимней поездки на Караби. Даже получил на это письменное разрешение Дублянского, который выступал за создание на Караби карстового заповедника. К экспедиции было уже все готово, как вдруг позвонил Илюхин и пригласил поучаствовать в «очень интересной встрече».

На следующее утро мы втроем входили под шикарные своды гостиницы «Метрополь». Третьим был Виктор Арсеньев – интересная личность двадцати лет от роду. Крепыш с ехидным характером, он имел задатки лидера, но ему не везло. В юности он нырнул с берега в реку глубиной полметра, сильно травмировал шею. Уже будучи спелеологом, на тренировке в Царицыно начал спускаться по непривязанной веревке, упал с отвеса десять метров спиной вниз. Повредил позвоночник еще раз и лежал на доске в больнице. Поправлялся он поразительно быстро и не терял чувства юмора. Было у него любимое словечко: «хобот». Так он называл людей, вещи, ситуации. Но в силу того, что на его худощавом лице заметно выделялся крупный нос, это слово, как кличка, намертво прилипло к нему самому. Иначе, как Хобот, Арсеньев в глаза и за глаза не звали. Он с этим легко свыкся и на новое имя откликался.

В просторном номере гостиницы нас встретил полный краснолицый мужчина с редющей рыжеватой шевелюрой – директор «Абхазской лаборатории туризма» Вианор Паньчжович Пачулия. Он радушно высыпал на стол яблоки, вынул из портфеля пару бутылок шампанского, наполнил стаканы и предложил для знакомства выпить. Илюхин вежливо отказался, но нам с Хоботом ободряюще кивнул. Вино пахло нежно и сладко. Мы решительно опрокинули сосуды и потянулись было за яблоками.

В последующие две минуты наши глаза медленно возвращались в орбиты, а души – в тело. В бутылках из-под шампанского оказалась ядреная семидесятиградусная чача. Пачулия, заметно повеселев, сказал, что приехал в Москву с секретной миссией. Его руководству потребовалась точная карта Анакопийской пропасти, и вот он нашел самых лучших в стране подземных топографов, то есть нас, и просит срочно и без шума карту сделать. Лишних денег у руководства, впрочем, не было, поэтому об оплате работ речь не шла.

Романтическая таинственность переговоров вкупе с легким алкогольным кайфом возымели нужный эффект: мы с Хоботом немедленно согласились променять суровую зимнюю Караби на прекрасную абхазскую незнакомку.

Поехали пятеро: Арсеньев – негласный руководитель группы, мои товарищи по первой экспедиции 1963 года два Валерия – Зюзин и Сторожилов, работающий Миша Бурлешин и я. Все – молодняк московской городской секции спелеологов. Поздно вечером на вокзале в Сухуми нас встретили тайные агенты «сэра» Пачулия (как мы его прозвали) и в черной южной ночи довели на машине до укромной турбазы в поселке Новый Афон. Там мы плотно поели, переночевали и уже на другой машине, очевидно, заметая следы, двинулись к пещере.

Утреннее солнце освещало дивный пейзаж. Над широкой плоскостью бледного моря и безликой лентой пустого зимнего пляжа нависла тяжелая, мохнатая Иверская гора. На вершине ее сосредоточились остатки одноименной средневековой крепости, откуда местные князья давали успешный отпор настырным турецким янычарам. Успех отпора в значительной степени обеспечивался наличием чудесного источника на самой вершине горы. Место явно претендовало на святость, каковую вскоре и обрело. Греческие монахи основали у подножия горы популярную обитель, слава которой весьма поддерживалась именем Симона Канонита – правед-

ного отшельника, до глубокой старости обитавшего в привершинном гроте. С годами монастырь разросся, вокруг него возник поселок. В прошлом веке новоафонские монахи, люди передовые, запрудили реку Псырцху и построили чуть ли не первую на Кавказе электростанцию. В поселке развели воду по прудам, пустили лебедей. Окрестности приняли вид райского уголка. Слава Нового Афона долетела до августейших особ Российской империи, и те не преминули посетить сие благодное место в начале XX века, о чем по сей день напоминает чугунная мемориальная доска, вмурованная непосредственно в плотину монастырской ГЭС.

Советская власть клерикалов изгнала. В монастыре разместились туристы, и поселок надолго попал в разряд черноморского захолустья. И лишь упорные греки, как и многие века до того, настойчиво наезжали сюда для отправления религиозного культа. В храм их не пускали, и они прятались по ущельям, расставляя по укромным скальным нишам свои дешевые иконки и свечи. Молились о чуде.

Чудо произошло в начале 60-х годов. На седловине между Иверской и Новоафонской горой с давних пор был известен глубокий провал. Назывался естественно: «Бездонная яма». Жители ближайшей деревни бросали туда мусор, хотя дыры и побаивались. Но нашелся один, кто не испугался. Это был совсем молодой человек – шестнадцатилетний Гиви Смыр. Он с детства отличался любознательностью и нестандартным способом мышления. И позже стал известным художником в Абхазии, любимцем своего народа. И моим другом. А тогда, в 1961 году, он по простой веревке спустился в провал и обнаружил, что за входным колодцем идет другой, за тем – еще один... Спускаться дальше без специального снаряжения было очень опасно. О находке сообщили в руководство республики, и вскоре в Новом Афоне работала целая экспедиция. В ее составе были спелеологи из Тбилиси под руководством Зураба Тентилозова, из Сухуми – Виктор Юшин и, конечно, Гиви Смыр.

Экспедиция сделала феноменальное открытие. Выяснилось, что внутри Иверской горы скрывается огромная полость. Преодолев отвесные карстовые колодцы общей глубиной сто десять метров исследователи оказались в гигантских пещерных залах. Стены и потолки их были покрыты прекрасными кальцитовыми кристаллами, в глубоких впадинах зеленели недвижные подземные озера.

Работы было не на один день. Поэтому у большого красивого сталагмита Белая гора спелеологи разбили лагерь, занесли продукты. Позже протянули по пещере толстый электрический кабель. Ходили по залам с теодолитом, делали топосъемку. Снимали кино. Но внезапно все кончилось. Кто-то вдруг услышал странный звук. Вроде бы всплеск воды. Все были в лагере, отдыхали при свечах. Когда включили фонари и оглянулись – пришли в ужас. Со всех сторон к Белой горе подступала черная водяная гладь. Вода неуклонно поднималась и грозила вот-вот затопить лагерь. На счастье путь к выходу был еще свободен, и людям ничего не оставалось, как спастись от наводнения бегством. Как позже выяснилось, это было единственно верное решение: в месте расположения грузинского подземного лагеря уровень воды иногда поднимался на сорок метров – почти до потолка пещеры.

Все это нам рассказал сухумский спелеолог Виктор Юшин в кузове грузовика, который, огибая склоны Иверской горы, вез нашу московскую пятерку на штурм Анакопийской пропасти – так официально стала называться бывшая Бездонная яма.

К краю Пропасти мы подходили с некоторым трепетом: в гигантских пещерах из нас еще не бывал никто. Тем не менее, не теряя времени, начали готовиться к спуску. Скромный сухумец Юшин с явным уважением смотрел на наши ухоженные веревки и длинные тросовые лестницы. Новейшее устройства для спуска – рогатки – просто привели его в восторг. Но именно он, не увенчанный лаврами героя, уже побывал в гигантской полости и был нашим проводником.

Нам предстояло установить подземный лагерь в безопасном месте и за неделю сделать топосъемку всех залов и галерей. После краткого совещания решили, что из пятерых кто-то один все время должен быть наверху: сторожить навеску, чтобы не сняли злоумышленники. Тут же рядом со снежником поставили палаточку и определили, что раз в сутки – днем – будем производить «смену караула». После этого начался штурм.

Все снаряжение и продукты были упакованы в весьма объемные абалаковские рюкзаки, каждый килограммов по двадцать. Их с некоторой натугой сгрузили на дно широкой входной воронки к черневшему в углу жерлу первого колодца. Хобот заколотил пару скальных крюков, навесил за них и за глыбу лестницу с веревкой и ушел вниз до дна колодца. За ним Юшин и Бурлешин. Я пристроился на уступе с самоотраховкой где-то посредине. Зюзин, как самый здоровый, должен быть спускать на веревке рюкзаки, я – пропихивать их вниз, чтобы не застревали. Сторожилов остался дежурить наверху. Колодец был замечательный: гладкий, сухой, «теплый» и в меру глубокий, под шестьдесят метров. Разве что чуть винтом. Груз шел вниз как по маслу, веревка – вверх – еще лучше.

После второго рюкзака снизу раздался крик: «Тащи осторожно! Тебе идет подарок!» Каких подарочков можно ждать от Хобота я знал хорошо: или булжжик в рюкзаке окажется, или лягушка в ботинке. Поэтому иллюзий не питал и тянул веревку с опаской. Но действительность превзошла все ожидания. За конец «основной» была привязана мятая жестяная банка с синей наклейкой. Я было решил, что внизу так неординарно начали кампанию по очистке пещеры от мусора, но при ближайшем рассмотрении банка оказалась полной. Это было сладкое сгущенное молоко! Я проколол ножом дырку, отпил, сколько на сердце легло, и переправил банку Зюзину, дабы и он вкусил «райского наслаждения» 60-х годов. Тот со слышимым удовольствием причастился,

метнул сгущенку Валере Сторожилову и с удвоенной энергией стал спускать очередной груз. Даже камни мне на каску посыпались, и я подумал, что вредно пить сгущенки так много. Веревка в очередной раз пошла наверх, и на ее конце опять оказалась полная банка сгущенки. «Что у вас там, склад что ли?» – крикнул вниз Зюзин. И угадал. На дне колодца лежала кучка синих банок – запасы тбилисской экспедиции, ретировавшейся во время наводнения. Мы решили, что всегда объяснимся с друзьями-спелеологами и присовокупили сгущенку к своему не слишком шикарному рациону. Это был несколько опрометчивый шаг: к концу экспедиции мы уничтожили восемьдесят банок молока. После этого несколько лет я не только не потреблял сам, но не мог видеть, как кто-то другой с наслаждением засасывает липкую белую жижу из ненавистой банки с синей наклейкой.

Следующий колодец был как будто пробит в скале косым ударом гигантского меча. В эту тесноватую щель тридцатиметровой глубины наши пухлые рюкзаки шли со скрипом. За ней оказался узкий лаз. Я внедрил в шкурник свое худое тело и извивался в нем метра три. Затем было расширение с небольшим уступом; я сполз туда головой вниз. Потом осмотрелся.

Последовал настоящий психический шок. Меня и моих товарищей окружал истинный космос. Не тот, что виден в окно орбитальной станции: тот не настоящий. В нем полно разнокалиберных светил, хаотически разбросанных по небесным сферам. Истинный космос – это истинный порядок, он никак не совместим с хаосом. Перед нами был полный порядок. Чистая темнота. Абсолютно черное тело. Наши слегка «подсевшие» фонарики не освещали ничего, кроме бесконечно малой окрестности под ногами. Лично меня, признаюсь, взяла некая оторопь: что же дальше-то делать. Куда идти?

С нами, слава Богу, был проводник. Виктор Юшин немного пошарил своим фонарем землю, потом уверенно пошагал вниз. Мы поспешили за ним, не задумываясь об об-

ратном пути. Пошли крутые спуски, скользкие – по глине – подъемы, карабкање по каменным осыпям. Только через некоторое время стало понятно, что Юшин прокладывает путь по подземному ландшафту не «от фонаря», но вдоль серо-коричневого бесконечно длинного шланга. Это был толстенный кабель, который грузинские спелеологи героически за-тащили в земную глубь, дабы иметь возможность осматривать карстовый шедевр при электрическом свете. Заодно и для съемки фильма. Фильма мы не видели, но кабель оказался очень полезным. От входного шкурника он тянулся из одного огромного зала в другой и был отменным ориентиром.

Мы брели за Юшиным, обливаясь потом. В пещере было тепло, градусов десять; к тому же за плечами у каждого был приличный рюкзак, а «пол» пещеры, если так можно назвать пространство в тысячи квадратных метров, представлял собой гористую местность со скользкими глинистыми склонами. Спуски в глубокие впадины чередовались с крутыми подъемами, и это единственное, что угадывалось чутьем. Самого ландшафта мы просто не видели. Как у моих товарищей – не знаю, но у меня на душе появилось ощущение потерянности и даже некой тоски.

Кабель кончился, и мы оказались перед гигантским глыбовым навалом. Осколки скал в сотни тонн весом образовали целый лабиринт ходов, поплутав в которых, мы выбрались на широкую площадку. Влево вниз уходил мрачный зев огромного черного зала, а вправо открылась широкая галерея. Ее стены уже высвечивались нашими фонарями, и мы не упустили момент побаловать свои уставшие от безраздельной черноты глаза.

В нише под самым потолком лежал каменный олень. Вскинув голову, он с видимым неудовольствием взирал на пришельцев, потревоживших его тысячелетний покой. Перед ним на склоне сидела не менее каменная обезьяна. Но она обратила нам свой тыл и особых эмоций не выражала. Слегка обалдевшие от впечатлений, мы дали волю фантазии, и уже

каждый уступ представлялся то бедром русалки, то кошмарной людоедской мордой. Не стоит забывать, что путешественникам в среднем было по девятнадцать лет.

С потолка в изобилии свешивались сталактиты, а из глинистых отложений пола им навстречу оплывшими свечами вытянулись многочисленные красноватого цвета сталагмиты. Поэтому мы без колебаний назвали этот чудный сухой ход Галерея красных сталагмитов. Много позже галереи и залы Анакопийской пропасти (или по-новому – Новоафонской пещеры) получили весьма бледные имена собственные, которые еще позже к тому же не один раз менялись.

В том месте, где галерея делала крутой поворот, Юшин показал нам место для подземного лагеря: укромный лаз с полкой для спальников и двухметровой ванной, заполненной кристально чистой пещерной водой. Потом он пожелал нам счастливо потрудиться во благо отечественной спелеологии и не спеша отправился к выходу. Мы с некоторым ужасом смотрели ему вслед: идти в одиночку по этой бесконечной дыре было не только нарушением всех норм, но просто жутко! Тем не менее, каждый из нас в дальнейшем был вынужден преодолеть себя и в полном одиночестве совершить путь от подземного лагеря до поверхности и обратно. По установленной очереди раз в сутки один участник группы дежурил у входа в пещеру, пока остальные работали внизу.

Из соображений удобства кухню сделали прямо в галерее, перед ходом к спальній полке. Как показали последующие события, это было очень удачное решение. На маленьких, но очень шумных примусах «Турист» готовили всякую еду, которую, впрочем, ели без особого удовольствия: изобилие сгущенного молока притупило все вкусовые ощущения. На полке разложили ватные спальные мешки, взятые напрокат в турклубе. На одном из мешков фиолетовыми чернилами было написано: «Петрович». Естественно, именно его всучили мне. С этого мешка и начались наши удивительные приключения в Анакопии.

Наутро сверху прибежал сменный дежурный – Валера Сторожилов. Оценив уют лагеря, он невзначай глянул на надпись на спальнике и аж побледнел. Выяснилось, что в день его дежурства ко входу в пещеру подошла целая экскурсия каких-то странных диких туристов. Вел их и рассказывал о смертельных ужасах окрестных подземелий человек не менее дикого вида и с кривым глазом. И что самое удивительное, сказал Валера, зовут этого человека не как-нибудь, а в точности, как спальник, – Петрович!* Такое вот необъяснимое совпадение. Дух странного экскурсовода настроил нас на мистический лад, и мы с трепетом стали ожидать от этой заколдованной дыры чего угодно.

Началось тут же. Едва мы вышли в ознакомительный маршрут, как я поскользнулся на глине и со всего маху врезался правой рукой в стену. Острые кальцитовые кристаллы, которые росли на ней в изобилии, рассекли ладонь ужасной раной. Я опрометью бросился в наш лагерный ход и погрузил изнывающую болью руку в холодную ванну. Вода вмиг порозовела. Аптечка, к счастью, была рядом, и Валера Зюзин как будущий врач (хотя сам он об этом еще не знал – врачом стал только через пятнадцать лет) нещадно залил травму йодом и обмотал куском бинта. Так я и проходил всю экспедицию с больной рукой. Она зажила только через месяц в Москве, после того, как, внимательно изучив незарастающую рану, я обнаружил в ней кусок красивого перламутрового кораллита и, морщась от боли, вытащил его пинцетом. На ладони остался шрам в форме точного плана Анакопийской пропасти, и вот уж сорок лет я не без удовольствия на него поглядываю.

Потом пошли прекрасные чудеса. Пройдя по широким галереям с полкилометра среди глыб и сталагмитов, мы очутились в огромном белоснежном зале. Его неровный пол сту-

* Как выяснилось много лет спустя, это был вовсе не Петрович, а Петя – житель Нового Афона. Он был экскурсовод-самоучка и горький пьяница – весь доход от своих экскурсий сразу пропивал.

пенями вел вниз, в глубокую тупиковую нишу, куда собирались струи воды, падающей сверху. Мы подняли головы – и ахнули: струи летели с гигантского туфового натека, похожего на застывший каменный водопад. Очевидного продолжения пещеры не было, и мы стали внимательно присматриваться, куда бы еще залезть. Прямо над «водопадом» явственно чернело отверстие хода. Но попасть туда по отвесной скользкой стенке не представлялось возможным. Зато левее под потолком виднелась более доступная дыра. Помогая друг другу на скальных отвесах, мы поднялись к ней и в согнутом виде проникли в неведомый ход.

А когда разогнулись – в гроте, то уже не ахнули, а просто онемели. Широкий ход заканчивался тупиком, но каким! Нашим взорам открылся самый прекрасный из уголков подземного мира, какой только можно было себе представить. Пол грота был исчерчен белоснежными тонкими складками гуров – мелких кальцитовых ванночек, уже пересохших. Неровные стены сплошь покрыты полупрозрачными кристаллическими покрывалами. С низкого потолка во множестве свисали тончайшие трубочки-сталактиты. И все это великолепие сверкало и переливалось самыми нежными красками – от розового до красного и даже фиолетового. Но самое-самое были геликтиты. Миллионы прозрачных каменных веточек, змеек, спиралей, как поистине неземное кружево, покрывали потолок, и за их хрупким сплетеньем не виден был грубый серый известняк. Геликтиты вились и тянулись в стороны, вверх, но только не вниз. Загадочные редкие натеки явно нарушали закон земного притяжения и были здесь в невиданном изобилии. Это поражало сознание.

Мы зажгли свечи, расставили их по углам грота и уселись на пол. Молчали. Блики огня преломлялись и двоились в огромной призме исландского шпата, висевшей на конце длинной трубочки-сталактита в самом центре грота. Как медиатор другого мира, призма притягивала внимание и завораживала. Перед глазами стали возникать зыбкие, но пре-

красные цветные виденья. На душу легло ощущение счастья и покоя. Забылись усталость и холод, проблемы и неудачи. Потерялся ход времени, мгновение остановилось.

Мы присидели в Геликтитовом гроте семь часов. Но это не была потеря рабочего дня. Мы возвращались в наш лагерь с чувством обретенного чуда, одного из тех состояний психики человека, которое не забывается в течение всей оставшейся жизни.

В экспедиции москвичей, которая состоялась вскоре после нашей – в феврале 1965 года – чудесную призму Геликтитового зала отломали от трубочки-сталактита. Потом я видел ее уже в Москве в доме своего старого друга – Урбана; после его смерти следы призмы затерялись...

Метод замкнутого полигона

Однако сэр Пачулия приглашал нас в Анакопийскую пропасть вовсе не любоваться, а работать. К чему мы и приступили на следующий день. Сменили в фонарях батарейки, взяли рулетки, горные компасы, карандаши и пикеташки – записные книжки, где были расчерчены таблицы для занесения в них данных полуинструментальной топографической съемки. Научиться снимать план и камералить карту пещеры все, конечно, умели. Зюзина, Сторожилова и меня вымуштровал в Крыму Колесников еще пару лет назад. Хобот и Бурлешин отличались сметливым умом и постигли топо съемку не хуже. Но все это мы умели делать в умеренных по габаритам пещерах, где от стены до стены если не рукой подать (или не плечами процарапать), то, по крайней мере, хоть видно было эти стенки! Здесь же ситуация выглядела почти безнадежной. В галерее и в натечных верхних залах свет фонаря еще «добивал» от стены до стены и до потолка. Расстояние можно было и на глаз оценить, и смерить рулеткой от центральной «нитки» хода. А в огромных нижних залах не видно было ничего! Темная глина поглощала слабенький лу-

чик на первом десятке метров. В какую сторону двигаться и куда потом возвращаться было совершенно непонятно.

Поломав голову, мы изобрели давно известный способ. Нужно идти вдоль одной стены, все время держась за нее рукой. Поскольку пещера – пространство замкнутое, через некоторое время обязательно вернешься в точку, откуда начал путешествие во мраке. Если при этом делать топосъемку, то на вычерченной потом карте появится контур подземелья в плане. А чтобы хоть как-то принять во внимание середину залов, можно несколько раз пересечь их, идя по компасу от одной стенки до противоположной, при этом тоже прокладывая «нитку» топосъемки. Такое вот ориентирование под землей.

Эта замечательная схема настолько нас вдохновила, что мы немедленно принялись ее осуществлять. Вначале ходили вчетвером – всей толпой, при этом сильно мешали друг другу советами. Потом пообвыкли, разбились на пары, и дело пошло веселей. Были, конечно, и сложности.

Так, спускаемся мы в самом большом зале вдоль стены по склону. Долго спускаемся и все замеры делаем. Я – с компасом и пикеташкой, Валера Сторожилов – с концом мерного шнура в одной руке и с кипой нумерованных бумажек – пикетов – в другой. Пикеты он кладет к себе под ноги: маркирует точку съемки. Вот он положил пикет и, стоя, замер. Я тоже вытягиваюсь во весь рост и навожу визир компаса на его налобный фонарь. Мы с Валерой примерно одного роста, и столь напряженные позы позволяют уменьшить ошибку съемки по высоте. Я внимательно смотрю на шкалу компаса (не перепутать бы северный и южный конец стрелки, а то на плане получится ахиenea) и записываю в таблицу азимут. Потом замеряю угол превышения и опять записываю. Валера кричит мне: «Десять метров!», – я фиксирую. Это расстояние между нами: большая пещера, рулетку можно выбирать на всю длину. Потом я смотрю налево и пишу в графе «ширина влево»: три метра. Это – на глаз – расстояние

до левой стены. Направо лучше не смотреть – черная пустота. Задираю голову вверх: что писать в графе, обозначенной буквой «h»? Писать нечего, темнеющая стена уходит в бесконечное каменное небо. Ставлю в пикеташке грустные прочерки и кричу Валере, что можно двигаться дальше. Спотыкаясь и скользя, спускаюсь к оставленному на полу пикету, подбираю его и кладу в карман. Бумажка уже измазана глиной и промокла насквозь. К повторному использованию не годна – одноразовая вещь. К концу съемки у нас наберется целый рюкзак всякого мусора, в том числе и использованных пикетов. Мусор мы честно вынесем наверх, чтобы не загадить дивную дыру. Еще несколько замеров на скользком склоне, очередной переход на новую точку – и я слышу явственный плеск воды и несколько ненормативное восклицание вообще-то очень интеллигентного Сторожилова – его папа, кажется, был крупным дипломатом. Соблюдая осторожность, подхожу ближе и сквозь мрак и туман сочувственно наблюдаю, как Валера с трудом выбирается на скользкий берег из самого настоящего подземного озера. В свете хлипкого налобника он не углядел опасности и, сделав неверный шаг, поехал по глине в абсолютно прозрачную и потому невидимую воду.

Озеро оказалось почти круглым, метров пятнадцать в диаметре. Берег, на котором мы стояли, был пологим, а с противоположной стороны над водой нависала отвесная скала, исчерченная коричневыми горизонтальными полосами. Это были отметки уровня стоячей воды, заполнявшей пещеру в разные времена. Судя по уровням, воде случалось подниматься до самого потолка. Что не радовало: вспоминалась спешная эвакуация тбилисской экспедиции. Хотя сейчас – зимой – вероятность наводнения была ничтожной.

Мы зафиксировали озеро на абрисе и продолжили топосъемку вдоль стены. От зеркала воды пришлось карабкаться в крутую гору, и мы на всякий случай старались быть осторожней. Как выяснилось, не напрасно. Через сотню мет-

ров покрытый темно-коричневой глиной пол пещеры опять стал понижаться, и вдруг оборвался самым настоящим колодецем. Хорошо, мы вовремя притормозили! А то лететь бы нам метров этак... А вот сколько этих самых метров – было неясно. Мы врубили весь наличный свет и, мучительно всматриваясь во мглу и туман от нашего дыхания и бросая вниз комки глины, оценили глубину колодца в двадцать метров. Судя по всплескам, доносившимся из глубины, на дне находилась большая лужа или еще одно озеро. Мы, естественно, были склонны предположить второе.

Третье озеро – самое маленькое – обнаружилось уже на другой день в огромном зале почти посредине пещеры. С высокого глыбового навала – почти от Каменного оленя – мы бесконечно долго спускались вниз вдоль его стены уже вчетвером: двойки встретились на одном из полигонов. Вдруг Витя-Хобот замер в неудобной позе. Зная его пристрастие к розыгрышам, мы пошли было дальше, но он зашипел на нас и приложил палец к губам: тихо! Мы послушались. Секунд десять стояла полная тишина, как вдруг ее перерезал протяжный тонкий свист – и снова мертвая тишина. Через несколько мгновений опять свист. Привидения? Отважным юношам стало не по себе. Одолевши робость, мы двинулись в ту сторону, где свистело. Оказались у небольшого озера. Часть его была закрыта от взоров высоким уступом, и там, за этим самым уступом, рождался загадочный тонкий звук. Правда, здесь он слышался более резким и коротким. После долгих споров мы успокоили себя выводом, что свист производят капли воды. Они якобы падают откуда-то сверху и тихонько булькают в воду озера за уступом. А стены гигантского каменного мешка, как мощный резонатор, превращают банальную протечку водопроводного крана в таинственное явление природы. Впрочем, самого явления нам тогда увидеть не удалось, а в более поздние времена свиста уже слышно не было. Так что причастность привидений исклю-

чать не стоит. На всякий случай мы назвали этот зал «Эхо», хотя это имя за ним, конечно, не удержалось.

Привидения – не привидения, но живые существа в пещере немедленно обнаружили. Мы карабкались обратно – вверх по взрыхленной нашими же «вибрамами» глине зала Эхо, когда остроглазый биолог-любитель Зюзин разглядел под ногами коричневых жуков. Они выскакивали из-под перевернутых глиняных пластов и стремглав неслись по склону, чтобы скрыться в ближайшую трещину. Жуки смахивали на тараканов и, по-видимому, были их близкими родичами. Но мы без страха и отвращения бросились их ловить. Во-первых, потому, что в пещере чувство брезгливости сильно притупляется. А во-вторых, потому, что эти насекомые уже были всемирно знамениты: они носили красивое имя «жанелиусы» и были напрочь лишены глаз, что доказывалось прямым наблюдением в микроскоп. Они являли собой древнейшую ветвь аналогичных наземных особей и, стало быть, представляли научный интерес. Поэтому с десятков противных коричневых тварей были заспиртованы в пузырьке и в дальнейшем переданы сухумскому ученому-краеведу Миляновскому, от которого я об этих жуках узнал на Первом сухумском пленуме центральной комиссии спелеотуризма.

За пять пещерных «дней» мы прошли всю пещеру по периметру и сделали съемку плана и подъемов-спусков «дна». Открытым оставался вопрос высоты потолков. Но у нас был вариант его решения. Хитроумный Зюзин, успевший поработать в школьном химическом кабинете лаборантом и, кроме того, начитавшийся сказок про Винни Пуха, предложил измерить высоту залов с помощью воздушного шара. Еще в Москве он упаковал в специальный пакет с десятком надувных резиновых шариков и стеклянную бутылку с концентрированной соляной кислотой. К этому набору прилагалась катушка тонкой, но прочной нитки.

Мы спустились на дно одного из залов, где, как нам казалось, высота потолка была наибольшей. Пока Зюзин ак-

куратно разворачивал бутылку с кислотой, Хобот разламывал на кусочки цинковый корпус отслужившей батареек. Я держал наготове шарик, а Сторожилов – нитку. Действовали по команде. Хобот бросил в бутылку два больших куса цинка. Пошла бурная реакция с выделением чистого водорода. Я натянул на горлышко бутылки резиновый ободок шарика, и он начал быстро надуваться. Но когда Сторожилов уже хотел обвязать надутый шар, он вдруг лопнул – видимо, кислота попала на резину и испортила ее. Последующие попытки тоже оказались неудачными. Шарик лопались один за другим, их становилось все меньше, и реализация гениальной идеи по замеру высоты оказалась под угрозой. Мне пришла в голову мысль, что в бутылке слишком много цинка, из-за этого кислота очень интенсивно «кипит» и брызгает на резину. Химик Зюзин пинцетом выловил один кусок цинка, пузырьки пошли реже. Потом горлышко бутылки насухо протерли тряпкой и нацепили на него очередной – чуть ли не последний – шар. Он медленно, но успешно надулся. Сторожилов намертво завязал горловину, и наш экзотический измерительный прибор был готов к употреблению. Неясно только было, поднимет ли шарик вес нитки до потолка.

Шар вес взял! В перекрещенных лучах наших фонарей, как «мессершмит» в прожекторах зенитной обороны, шарик поднялся на ниточке до самого потолка – он виделся уже совсем маленьким, – и для увеличения грандиозности пещеры управлявший полетом Сторожилов загнал его в широкую трещину на потолке. На нитке завязали внятный бантик, после чего притянули шар обратно и оборвали нитку у его горлышка. Длину нитки от конца до бантика измерили рулеткой: оказалось пятьдесят шесть метров. Это внушительная цифра была с гордостью занесена в журнал. Измерять явно меньшую высоту в других местах как-то уже не хотелось, и встал вопрос, что делать с шариком.

В этой экспедиции вообще было много споров и разногласий – трудно ожидать консенсуса от слегка сдвинутых

подземными чудесами юнцов, каждый из которых претендует на лидерство. Впрочем, до конфликтов не доходило. И по поводу шарика мнения оказались противоположными. Одно – рациональное – принадлежало мне. Во-первых, говорил я, у нас здесь нет врагов, а во-вторых, ни у кого из них – то есть врагов – нет дня рождения, чтобы надутый водородом шарик ему подарить. Поэтому в целях безопасности из шара следует выпустить газ, а оболочку сложить в пакетик с мусором.

Адептом любознательности и научного метода выступил мой оппонент Хобот. Он сказал, что шарик, наоборот, нужно отпустить летать по пещере и отследить время, когда он опустится. Это якобы позволит выработать рекомендации будущим подземным воздухоплатателям. Столь неожиданная мысль большинству показалась изумительной, и шарик отправился в полет. Он надолго завис под потолком, а мы, попялив на него глаза, двинулись обследовать и снимать боковую галерею, которую приметили в соседнем зале. Галерея оказалась симпатичной: она многократно ветвилась в оранжевой породе, под коркой белоснежных гуров, покрывавших пол, струилась светлая вода, а с потолка местами свисали искрящиеся кальцитовыми гранями сталактиты.

Когда через час мы выбрались из галереи снова в зал, прямо к нам под ноги с неба опустился похудевший и сморщенный шарик. Его точное возвращение к нам не могло быть ничем иным, как знамением небес, и тут уж спорить не стали. Было ясно, что шарик нужно поджечь. Все отошли к стенке, а смелый Хобот зажег спичку и сунул ее внутрь. Раздался страшный взрыв. Арсеньев кубарем скатился с крутого склона прямо в бывший грузинский лагерь, а мы вжались в скалу, ожидая неминуемого обвала. По пещере долгим эхом ходил туда–обратно тяжелый низкий гул. Но крыша выдержала, и было на удивление тихо. Только с потолка спикировал сталактит и неприцельно вонзился в глину.

Мы побежали делать Хоботу искусственное дыхание. Но он, как ни в чем не бывало, сидел на корточках и что-то

внимательно разглядывал. Убедившись, что он цел и только незначительно контужен, мы тоже с интересом уставились на предмет его внимания. Это было нечто! Перед нами стоял средних размеров, с метр высотой, сноп белоснежных тонких нитей, ветвистых и сплетающихся. В глубине их нежная структура приобретала кремовый оттенок, а в плетении невиданных кружев сияли капли светлой росы. Таких прекрасных пещерных образований никто из нас раньше не встречал, да никогда о таких и не слышал. Мы смотрели, как зачарованные. Наконец, кто-то догадался подуть. Нити зашевелились и, обрываясь, стали улетать. Вместе с ними улетучился и наш восторг. Белый сноп оказался всего лишь гигантской плесенью. За полгода она выросла на мешке прогорклого сливочного масла, брошенного тбилисской экспедицией.

Поскольку дела в пещере шли к концу, Хобота неудержимо тянуло на подвиги. Он решил улучшить экологию бывшего лагеря Зураба Тинтилозова. Сложил в кучку остатки деревянных ящиков, полиэтилен, тряпки какие-то, полил бензином и зажег. По всей пещере потянулся шлейф едкого дыма, и мы чуть не задохнулись, пробираясь вдоль кабеля в наш тихий грот. Никогда не забуду картину: мы идем по дну глиняного зала мимо оскалившегося гнилымы желтыми «зубами» понора (я про себя назвал его Голодный Мальстрем), высоко над головой клубится облако зеленого дыма, и сквозь него в неровном пламени меркнувшего Хоботова костра кровавыми отсветами высвечивается профиль черного подземелья. Преисподня, да и только.

Потом мы паковали наш подземный лагерь. Набралось пять больших рюкзаков и полиэтиленовая канистра. В ней плескалось еще много бензина: грузинская сгущенка заметно сэкономила топливо для примуса. Тащить бензин вверх было просто глупо, и его вылили в щель между камней. Тут же начался душевный зуд: а вдруг следующие поколения спелеологов придут сюда и закурят? Ведь на воздух взлетят! Зуд удовлетворили, и Хобот полез со спичкой к щели.

А мы, надо сказать, кроме исследования и картирования пещеры, вели тщательные наблюдения за жизнедеятельностью наших организмов под землей. Это заключалось в том, что все трижды в день измеряли частоту пульса. Вот и сейчас, после обеда померяли пульс, и он оказался, как всегда, хорошим – до семидесяти ударов в минуту.

Арсеньев черкнул спичкой о коробок. Сначала возник огненный шар, потом ударило по барабанным перепонкам. Грянул объемный взрыв, от которого мы своей грудью заслонили будущие поколения. Сильнее всех заслонил Хобот. После шарика с гремучим газом у него и так было неважно со слухом. Теперь же на всякую сентенцию в свой адрес он делал ладонь лопаточкой и прикладывал к уху. Кроме того, у него напрочь сгорели брови и ресницы; пропала также половина легкой щетинки, отросшей за неделю на гладком лице двадцатилетнего юноши. В остальном катаклизм обошелся безболезненно, если не считать сердечной деятельности. Зюзин сразу же после взрыва предложил померять пульс, и оказалось, что у рядовых участников экспедиции он составляет примерно сто двадцать ударов в минуту, а у штатного поджигателя Виктора Арсеньева – все двести.

Перед тем, как покинуть насиженное место, мы решили еще разок пройтись по окрестностям лагеря. И тут Анакопийская пропасть выкинула очередной фортель. Всего в полусотне метров от нашей столовой вдруг обнаружился большой ход наверх. Мы десятки раз проходили здесь и ничего не видели! Загадка какая-то. Пришлось экстренно продолжить исследования. Ход-фантом расширился, в одном месте он образовывал как бы ворота, над которыми нависла почти отколовшаяся от стены большая скала. Казалось, крикни погромче, и скала рухнет и перекроет ход. Поэтому мы начали говорить между собой шопотом, что добавило таинственности. И ощущение полной растерянности и потешности овладело всеми, когда мы вдруг оказались в совсем

уж гигантском, но на этот раз не глиняном зале. Лучи фонарей бледными пятнами шарили по его невообразимо высокому потолку и далеким стенам. Вот уж где нужно было измерять высоту! Мы долго спотыкались по глыбовым навалам, покрывшим неровный пол, пока не уткнулись в высокую и крутую горку, сплошь покрытую желтоватой натечной корой. Из горки там и сям торчали то ли медузы, то ли летающие тарелки, а на самом ее верху росли высокие стройные сталагмиты. У подножия можно было наблюдать большие скопления гуано летучих мышей, хотя за все время пребывания под землей мы не видели ни одной мыши. Очевидно, мышам не требовалось пользоваться другими пещерными галереями, они могли летать сквозь каминные трубы на поверхность за мухами прямо отсюда.

Своей грандиозностью и высотой этот зал создавал иллюзию необычайной близостью к поверхности земли. Это, кстати, мы быстро подсчитали. По топосъемке выходило, что максимальная глубина пещеры – от верха входного колодца до зеркала озер – составляет сто семьдесят метров. Пол нового зала находился примерно на восемьдесят метров выше нижней отметки. Высота зала – даже на глаз – была не меньше восьмидесяти метров, так что будь поверхность земли ровной, толщина кровли оказалась бы не более десяти метров. Так и чудилось, что не сталактиты еле-еле видны на потолке, а корни деревьев пронзили насквозь эти несчастные десять метров. Какое-нибудь карманное землетрясение местного значения – и все рухнет! Но нет, держится и поныне.

Мистическое явление зала, его поднебесная высота, а главное – торжественная тишина, которую мы там дисциплинированно блюли, вызвали у нас своего рода религиозный пароксизм, так что зал получил название «Храм». Трудиться над полной топосъемкой Храма было уже некогда, и сделал лишь несколько замеров, мы удалились.

Вся предыдущая история исследования Анакопийской пропасти показывала: пещера явно не хочет, чтобы в нее

проникали люди. Она едва не утопила лагерь тбилисцев и не очень-то гуманно отнеслась к нам. То она наносила нам раны или на многие часы околдовывала неземной красотой, то норовила затянуть в озеро, то заставляла терять голову и делать самоубийственные взрывы и поджоги, то она нас пугала загадочными посвистами или возникающими из небытия гигантскими залами-призраками. Наконец, она напрочь сбила нам сахарный баланс грузинской сгущенкой!

Мы это чувствовали и покидали ставшую уже родной пещеру даже с некоторым облегчением. Всего за пять часов мы молодецки вылетели на поверхность вместе со всем своим снаряжением. Наверху сиял прозрачный солнечный день. В ручейке близ деревни мы смыли глину с сапог и комбезов, подышали целебным воздухом зимних прибрежных гор и на грузовике, который прислал к нам сэр Пачулия, уехали в Сухуми. Там Хобот имел с сэром тайную встречу. Босс был доволен: ему передали копию журнала топосъемки (что он с ним делал?) и вещественное доказательство уникальности карстовой полости – два упавших от взрыва сталактита, красный и желтый.

Пока Арсеньев обретался в верхах, мы сконцентрировались в доме Виктора Юшина. Сюда же подтянулась еще одна группа москвичей из нашего клуба; привез их Данила Усиков. В нем жил дух авантюризма и уверенности в себе. Поэтому на свой страх и риск Данила задумал прорваться в Анакопийскую пропасть без поддержки властей. Мы поделились с его командой всем, чем могли: рассказами про пещеру, снаряжением и даже грузинской сгущенкой, которую в количестве жалких остатков из десяти банок вытащили наверх. Спелеологи с жадностью присосались к дырочкам, проколотым в синих банках, а нам пришлось отвернуться, чтобы не выдать тошноту, вызванную этой сценой. Взамен нам предложили отведать новый продукт – сухое молоко.

Молоко оказалось неожиданно приятным, и, видимо, от ощущения сверхъестественности комфорта мы вдруг за-

спорили с Валерой Сторожиловым. Он заявил, что охотно съест целую банку сухого молока без воды. Я изумился и заявил, что это невозможно. Поспорили на канистру шикар- ной местной «Изабеллы», что стоило пять рублей – вполне пристойную сумму. Заинтригованный народ расселся смотреть. Валера сунул в рот полную столовую ложку белого порошка и стал жевать. Жевал минут десять – все устали. Потом он вышел во двор, выплюнул все в сточный арык, взял чистую питьевую канистру и, ни слова не говоря, удалился. Десять литров вина честной компании едва хватило, чтобы слегка промочить горло.

Экспедиция Усикова, как и наша, удалась на славу, и потом в Москве по инициативе Илюхина мы делали сообщение на сессии географического общества о морфологии и происхождении Анакопийской пропасти. Ученые старцы удивленно тарачились на двух зеленых и наглых юнцов – Усикова и меня – и с недоверием внимали рассказам о гигантских подземных объемах, жутких наводнениях и грозных обвалах. Это был мой первый в жизни научный доклад.

Мечь Анакопийской пропасти

Жизнь моя полна удивительнейших совпадений. Я не мог найти им объяснения, пока уже в зрелом возрасте не открыл вероятной парности трехмерного мира. Это совсем другая история, и я не буду вдаваться в философские детали. Но о некоторых совпадениях и странных явлениях, хочешь – не хочешь, в этой книге рассказывать придется.

Одно из таких странных явлений – непреходящее присутствие в моей жизни Анакопийской пропасти. Вот уже почти сорок лет с того далекого первого знакомства пропасть не покидает меня. И я – ее. Когда наступает момент вынужденной разлуки, четко срабатывает тайный механизм, и наши судьбы снова тесно пересекаются. Кое о чем стоит рассказать подробнее.

Вскоре после нашей экспедиции правительство приняло решение о превращении Анакопийской пропасти в посещаемый туристский объект. Поскольку спуск в пещеру туристов через стометровый колодец вряд ли принес бы стране ощутимый доход, остановились на том, чтобы продолбить туннель прямо из Нового Афона. Что и начали делать в 1966 году. Тогда я честно служил в армии и между нарядами на кухню и в караул со сладкой тоской вспоминал суровые, но прекрасные подземные скитания. Прямо скажем, после илюхинской и колесниковской муштры да суточных выходов под землю в мокрой насквозь одежде (не было еще гидр!) армейские тяготы и лишения казались детской забавой. А когда в первый же вечер в казарме я двадцать раз подтянулся на турнике (он стоял между кроватей) и, несмотря на известную стройность фигуры, столько же раз каждой рукой выжал двухпудовую гирю (она стояла рядом с турником), ни у кого из сослуживцев, в том числе и сержантов, не возникло ни малейшего желания обижать «молодого». Впрочем силы и наглости мало, чтобы завоевать авторитет или – еще дороже – дружбу. Нужны и другие человеческие качества. Спелеология мне их дала. Она научила не бегать от трудностей и держать удар. Короче, быть надежным. Это всегда ценилось и, надеюсь, продолжает цениться у молодых мужчин. Так что люди, с которыми мне за три года армейской службы случилось взаимодействовать, не имели ко мне претензий. И я к ним.

Вот одно странное совпадение. В армии, кроме службы, я делал еще три дела. Неспешно выбирал себе дальнейшее направление в жизни*, готовился к поступлению в уни-

* Провожать меня на три года в армию приехало много спелеологов. В том числе Илюхин и Колесников. Илюхин вручил мне тогдашний уже раритет – значок «спелеолог», предмет моего давнего вожделения. После застолья всю ночь гуляли по Москве. Тогда Колесников изрек: человеку в жизни нужно заниматься тем, чем ему хотелось в детстве, тогда он будет счастлив. Я в детстве был без ума от астрономии и космологии, но учился на авиационного техника. В армии поразмыслил над высказыванием Ры-

верситет и – бес попутал – писал стихи. В их тематике пре-
вальировала романтическая составляющая, в том числе и
подземных путешествий. В какой-то из вечеров меня вдруг
обуяло вдохновение, и я написал стихотворение «Карст»:

Сплошная чернота вокруг, не тень.
Глаза слепы, их нет, как смерть, ничто.
Хоть черного кота прижми к зрачкам – и то
Темней не станет в этой темноте.

Но свет велик. Впусти его, тогда
Взлетят колонн величественны стены
И заискрит их спутник неизменный –
Летящая в безмолвии вода.

Удар – и капля оставляет свет.
Не точит, но творит, сама увечась,
Дворцы чудес. Жаль, им стоять не вечность,
Какой-нибудь десяток тысяч лет.

Ведь наверху, сквозь листопад и дерн
Вцепилась жизнь корнями, как руками,
И тает, растворяясь, грубый камень
Под пресным протекающим дождем.

Все тоньше кровля. Белая гора
Увидит, для нее, наверно, скоро,
Как рухнут в пропасть мрачных коридоров
И листопад, и ливни из ведра,

И завладеют солнце и трава
Бесстыдно обнаженными ходами,
И будут горы стариться с годами
В тоскливые останцы-острова...

жего, прислушался к себе и в результате выбрал профессию теоретиче-
ского физика. От чего и счастлив.

Ясно, как Божий день, – чистые, притом сознательные реминисценции Анакопийской экспедиции. И что же вы думаете? Буквально на следующий день после творческого акта в казарму приносят газету «Известия», где читаю: «Сюрприз Новофонской пещеры».

Новофонская пещера – это Анакопийская пропасть. Так ее переназвали по социально-политическим мотивам. Старое название не устраивало Тбилиси, поскольку Анакопия – древнее название Абхазии, стало быть, в имени пещеры сквозила претензия на самостоятельность автономной республики. Альтернативное предложение – Иверская пещера, вроде бы, в честь Иверской горы – вызвало протест уже в Сухуми, поскольку Иверия, как известно, синоним Грузии, и использовать его – означало лишний раз раздражать попыткой великодержавного шовинизма чуткую к обидам автономии. Пошли третьим путем и назвали пещеру по-русски.

Так вот, читаю статью в газете. Написано, что проходчики туннеля по пути в пещеру неожиданно наткнулись на неизвестный подземный зал. Огромный, весь заполненный глиной, с озером на дне и замкнутый со всех сторон. Чисто внешне зал показался неинтересным для будущих туристов. Ему дали название «Сюрприз», дырку загородили деревянной стенкой и стали тянуть туннель дальше – в главную пещеру.

Так, так, думаю про себя, со всех сторон замкнутый, говоришь! А у озера-то в Сюрпризе уровень, небось, тот же, что у озер главной пещеры. Померять бы не мешало да меры принять, а то ведь затопить может!

Были такие мысли. Но вероятность того, что просьба отпустить померять озеро вызовет у командира сочувствие, равнялась точному нулю. Как минимум, отправили бы в лазарет лечить голову (или за тем же – разгружать уголь). Пришлось пустить события на самотек.

В Новофонской пещере было три озера. По результатам нашей съемки оказалось, что их поверхности находятся

на одной высоте. Последующие измерения уточнили цифру: тридцать шесть метров над уровнем моря. Но на этой отметке зеркала озер покоились не всегда. В какой-то миг вода сразу во всех озерах и без явных причин вдруг начинала подниматься и заполняла нижние глиняные залы чуть ли не до потолка. Чуть позже она начинала поступать в пещеру и из оскаленного желтыми зубами Голодного Мальстрема.

Вообще-то картина не казалось такой уж загадочной. Все озера, очевидно, сообщались с подземной речкой, которая дренировала воды горных массивов в десятках километров отсюда и, по-видимому, сбрасывала их субмаринным источником. Когда в горах шел дождь или быстро таял снег, маленькие отверстия «на выходе» в море не могли быстро пропустить всю воду и она временно скапливалась в специально сделанном для этого резервуаре – огромной пещере. В более древние времена, вода была не только обильная, но, возможно, и горячая – ее подогревали притухшие теперь вулканы. Под напором термальных вод в мягких меловых известняках Иверской горы и образовались огромные подземные залы.

Однако вычислить время наступления подземных паводков было непросто. По правде сказать, этим вообще никто не занимался: будущая администрация пещеры доходов от туристов еще не имела, а строителям на это было глубоко наплевать. Как выяснилось, совершенно напрасно.

Однажды утром из глубины Иверской горы раздался гул. Сначала чуть слышный, он с каждой минутой становился все громче и тяжелей. В строящемся туннеле явно что-то стряслось. Жители ближайших домов на всякий случай выбежали на улицу, и это их спасло.

Через несколько мгновений из наружного отверстия туннеля, как снаряды из автоматической пушки, один за другим с воем вылетели два электровоза и, выкинув их на свет божий, из-под земли пошла могучая мутная река. Она металась и бушевала по склону от входа в туннель до реки

Псырцха, все сметая на своем пути. В зоне катастрофы были разрушены дома и сломаны все деревья. По грубым оценкам из-под земли вышло около двух миллионов кубометров воды. Потери в рублях никто не считал.

К счастью, обошлось без людских жертв: жители успели убраться с пути потока, а в пещере по раннему времени никого не было. Но строительство категорически встало. Начальство было, с одной стороны, в шоке: потеряны огромные государственные средства, с другой – в тупике: наводнение, очевидно было не последним, и за последствия следующего катаклизма отвечать никто не хотел. Тогда на пепелище приехал Алексей Николаевич Косыгин, бывший тогда премьер-министром, и сказал умную вещь: нужно пригласить ученых. Конечно, науку можно было привлечь и раньше, тем более, что о наводнениях в пещере твердили уже лет десять. Но в стране развитого социализма всякий начальник сам по себе был или маршалом, или академиком, то есть ученым по определению. Теперь же речь шла о том, чтобы пригласить настоящих ученых. Пригласили, конечно, Дублянского. Он, в свою очередь, позвал поработать в пещере Володю Илюхина с товарищами. Стоял февраль 1974 года. Тогда я уже заканчивал университет и, будучи дипломником, то есть человеком свободным, с радостью принял приглашение посетить мою любимую Анакопийскую пропасть. Тем более что дорогу и питание Косыгин оплачивал.

В Новом Афоне нас поселили на турбазе по четыре человека в комнате. Со мной вместе оказались Валерий Фурман, бывший тогда председателем Московской комиссии спелеотуризма, Володя Шашурин – спокойный и интеллигентный, а также мой старый знакомый Гена Пантюхин. Так и работали – четверкой. Работа была несложной: делать в пещере и окрестных речках визуальные и гидрологические замеры. По результатам этих замеров можно было определить, откуда вода берется и куда уходит.

Мы ходили с «вертушкой» – прибором для измерения расхода воды по Псырцхе и Мааникваре и определяли зоны поглощения жидкости. Зоны поглощения не слишком-то вырисовывались. Это означало, что вода проникает в пещеру не из ближайших окрестностей и подтверждало тезис об отдаленном водосборе высоко в горах.

Визуальные наблюдения проводились под землей. Выяснилось, что катастрофический паводок целиком вышел из зала Сюрприз, разнеся в щепки деревянную стенку, отгораживающую его от туннеля. При этом нижние залы пещеры тоже были затоплены. Остается только удивляться безалаберности людей, работавших в пещере. По их рассказам, строителям уже несколько раз за время работ приходилось ретироваться из-за подъема уровня воды. И это никого не насторожило!

Пещера определенно не хотела, чтобы нарушали ее покой. Но она совсем не жаждала крови и тактично предупредила, что с ней шутки плохи. Когда же стало ясно, что люди не отстанут, она опять-таки без излишнего неистовства – все остались живы, – но весьма чувствительно отомстила двуногим наглецам.

Неблагодарные люди это поняли и строптивую пещеру «сломали». В ее стене продолбили еще два узких туннеля, и теперь поднимающаяся вода выливалась в Армянское ущелье. А бывшую деревянную перегородку сменила бронированная дверь с огромной винтовой задвижкой. Паводки могут отдыхать!

В последний вечер работ Пантюхин повел нас в гости к Гиви Смыру. Гиви принял нас в своем большом, самом заметном в поселке доме. Он давно уже не ходил в пещеру, занимался только живописью и скульптурой. Пантюхин подарил ему небесной красоты шлифованный агат, а я – книгу о египетском искусстве на английском языке. Мы долго сидели в студии, рассматривали и обсуждали картины Гиви, пили красное вино и заедали его огненной от перца жареной ин-

дейкой. Говорили о жизни, о пещерах, о друзьях. На душе было тепло, а впереди – вся жизнь. И никто не мог предположить, что через семнадцать лет мы – Смыр, Пантюхин и я – будем жить в разных странах, что здесь, в райском углу нашей планеты будут рваться снаряды, а бывшие соседи будут рады видеть друг друга только через прорезь автоматного прицела.

СНЕЖНАЯ – НАСТОЯЩАЯ ПРОПАСТЬ

Клубы-конкуренты

Не нужно думать, что в названии этой главы есть приращение Анакопии. В начале 60-х всякая пещера глубже ста метров была настоящей пропастью. В 1960 году при глубине двести сорок шесть метров рекордом была «Трехсотдевятка» шахта Каскадная на Ай-Петри в Крыму. Потом – в 1963-м – шахта Молодежная на Караби. Еще через два года – почти пятисотметровая шахта Назаровская на кавказском хребте Алек. Так что Анакопийская пропасть при своих ста семидесяти метрах занимала в рейтинге вполне достойное место.

Однако в невысоких крымских горах и прибрежной зоне Кавказа становилось тесно. В пещеры Алека выстраивались очереди: спелеологов развелось видимо-невидимо. Особенно в Москве. Здесь в 60–70-х годах остро конкурировали два клуба.

Первый – так называемая московская комиссия спелеотуризма – «жил» в помещении Московского клуба туристов и собирал людей без учета их производственного или территориального признака. Здесь встречались и строили планы любители пещерной экзотики отовсюду – из Москвы, Подмосковья и других городов. Бессменным идейным вождем был Илюхин, хотя формально клуб возглавляли разные люди: в середине 60-х председателем пришлось побыть мне, потом у руля постояли Леонид Королев и Владимир Никитин, потом, в течение многих лет, – Валерий Фурман. Некоторые известные имена московского клуба: Юрий Колесников, Марлен Аронов, Евгений Черенков, Евгений Мухин, Олег Падалко, Маргарита Шашурина (Гаврилова), Владимир Кучин, Анатолий Никитин, Виктор Шеблаков, Владимир Шашурин, Андрей Михайлович Петров, Геннадий Баранов, Андрей Евгеньевич Петров, Вольдемар Арефьев, Виталий Шиманов, Александр Игнатов, Николай Невский, Михаил Дя-

кин, Владимир Киселев. Поскольку Илюхин взял власть в Центральной комиссии спелеотуризма, в тот же почти законодательный орган входили и его друзья – многие названы в списке.

Пик активности московского клуба пришелся на 60-е годы. В ту пору страна снимала пещерные сливки с Крыма и Алека, а будущие ветераны были молоды и полны ревнивого задора. Тогда на счету «городских» были и открытия с первопрохождениями – Назаровская, Заблудших, ТЕП, и спелеошколы человек по сто, и слеты – по двести...

Потом клуб обюрократился, заважничал. Его «бродяги и пропойцы» подернулись флером академичности, стали вальяжными и научились надуть щеки. Что ж, история не нова на всех уровнях: от эллинских голодранцев, ставших римскими патрициями, до пламенных революционеров, дегенерировавших в партноменклатуру. Бытие определяет. Теперь спелеологи московского клуба ходили в пещеры, в основном, по чужим следам: с целью контроля правильности топосъемки и уточнения глубины. Глубина всегда оказывалась меньше. Еще нравилось учить других – в школах других городов, на сборах инструкторов, особенно старших. Зато в экспедициях московского клуба царила железная дисциплина, строго соблюдался сухой закон, были сильны тактика, методика и безопасность.

Клуб-конкурент базировался в Московском государственном университете. Гнездо русского вольнодумства и в пещерном деле осталось последовательным. Основатель спелеоклуба МГУ Валентин Алексинский и его помощник и друг Елена Алексеева, начинавшие спелеологию в Москве одновременно с Илюхиным, вскоре выступили как его непримиримые оппоненты. В спелеоклубе МГУ предполагалась естественная для храма науки более высокая степень демократии, терпимость к чужому мнению и царила благостная по тем временам атмосфера студенческой общаги. Я был знаком с Алексинским, в основном, «по городу». Только од-

нажды – на Сухумском пленуме 1964 года – мы вместе с упоением барахтались в глине Андреевских пещер на Гумисте. Невысокий, плотный, он легко и быстро двигался. Был в меру улыбочив, свободно говорил, не подыскивал слова.

Алексинский был безусловный лидер и боец. Не упускал случая доказать это. В ноябре 1965 года мы бежали кросс на городских спелеосоревнованиях по крутым дорожкам Царицынского парка. Вперед вырвались два шустрых бегуна-профессионала, за ними во весь дух гнались мы с Алексинским. Валентин был на десяток лет старше и бежал тяжелее, но не отставал. Чувствовалось, что он «завелся» и уступать не собирается. Так и пыхтели рядом, «ноздря в ноздю». Вскоре выяснилось: его или моя победа зависит от четности спусков и подъемов. Под гору он скатывался шариком и уходил в отрыв, в гору тормозил. Последним оказался подъем, и я видел, как сильно Валентин огорчился, что не вошел в тройку призеров.

Его настойчивость в делах вызывала уважение, «холодная война» с Илюхиным – сожаление. Будь эти неординарные люди союзниками, уже давным-давно в центре Москвы жил бы и работал уважаемый во всем мире пещерный клуб. Но история такова как есть.

Валентин Алексинский был бойцом и остался им навсегда. Зимой 1967 года он погиб в пещере Сумган-Кутук. Историю его гибели знаю по рассказам. Он и его группа спустились в восьмидесятиметровый входной колодец по старинке: с использованием тросовой лестницы и страховочной веревки. Жили в подземном лагере несколько дней. Когда из глубины пещерных ходов вернулись ко входу, оказалось, что лестница и веревка в верхней части колодца вмерзли в лед. Наверху над колодцем никого не было, а помощь из города можно было ждать долго. Алексинский взял скальный молоток, поднялся почти до верха и, стоя на лестнице, стал вырубать навеску изо льда. Кто не пробовал стоять на тросовой лестнице, тот не знает, насколько это трудно и тя-

жело. Силы у Валентина быстро кончились, и он завис на самостраховке. Это видели товарищи внизу, среди них – Лена Алексеева. Она пошла вверх по той же лестнице, добралась до Алексинского и попыталась его спустить. Ее силы кончились еще быстрее, и она зависла рядом с Вале́й. Через несколько дней пришли люди из Уфы. Подняли наверх живых – тех, кто был на дне, – и погибших: Валентин и Лена замерзли.

Это была трагедия людей, трагедия спелеологии, трагедия клуба МГУ. Клуб вышел из испытания с честью. Его демократический строй продемонстрировал всей стране неоспоримые преимущества. На смену ушедшим быстро пришли новые, по-настоящему сильные лидеры. Некоторые известные имена спелеологов МГУ тех лет: Михаил Зверев, Виктор Благодатских, Валентин Галактионов, Муся Григорян, Евгений Астрахарчик, Владимир Глебов, Александр Муранов, Николай Чеботарев, Булат Мавлюдов, Юрий Косоруков. Клуб не только не попал в кризис, он еще теснее сплотился – и вокруг новых лидеров и, самое главное, вокруг новой пещеры: гигантской пропасти Снежная.

Ее нашли летом 1971 года в Абхазии, на отроге Бзыбского хребта на высоте две тысячи метров. В такую глушь спелеологи МГУ под руководством Михаила Зверева забрались еще и потому, что все лакомые места в карстовых кавказских предгорьях были заняты: на Алеке обосновались илюхинцы, а горизонтальную систему Воронцовка–Лабиринтовая–Долгая плотно оккупировали спелеологи из Питера (так Северную столицу называли и в бытность ее Ленинградом).

Впрочем, гордым первопроходцам из МГУ не очень-то и хотелось ковыряться в мелких дырках. Их символ – здание с устремленным в небо шпилем – настойчиво призывал к вершинам и рекордам, и пожалуй, это было главной причиной, почему они оказались на Бзыбском хребте. Выбрали новый район, хотя, конечно, слышали и об Арабике. Но она

представлялась малоперспективной, поскольку пять лет назад «высочка Илюхин» потерпел на ней «заслуженное фиаско».

На склоне высокого и крутого отрога Бзыбского хребта – на хребте Раздельном – прямо под вершиной горы Хипста экспедиция Зверева обнаружила гигантский колодец, наполовину заполненный снегом. По тросовым лестницам и веревкам спелеологи с трудом преодолели систему колодцев, пронзивших вековой спрессованный снег. Проблема была, конечно, не в том, что кто-то мерз или плохо лез по вертикали. Что вы! Бойцы из МГУ были отменно закалены в походах, а на лестницах били все рекорды. Но в обледенелом фирне нелегко было найти участок коренной известняковой скалы, чтобы вбить в него крюк и навесить снаряжение. Труды были вознаграждены, когда в очередном колодце веревка и лестница повисли в великолепной черной пустоте – с потолка большого подземного зала. Восторг первопроходцев утроился, когда выяснилось, что по этой навеске спускаешься точно на вершину ледяного конуса высотой тридцать и сто метров в диаметре. Конус занимал практически все пространство в нижней части зала и от своего подножья смотрелся в пещерном мраке серебряной пирамидой, воздвигнутой пришельцами с другой галактики. Впрочем, для человека на вершине конус был просто опасным для спуска. Кто-то даже умудрился съехать с него без веревки на «пятой точке», но к счастью, в нужную сторону, отделавшись синяками: в иных местах скользкий склон обрывался пятиметровыми уступами и глубокими ледяными колодцами-ловушками. Это был настоящий ледник на глубине двести метров под землей – открытие, какого наша спелеология еще не знала!

Но что значат научные открытия по сравнению с азартом первопроходцев и возможностью установить новый рекорд! Вполне пристойная двухсотметровая глубина уже никого не удовлетворяла: на Алеке уже были пещеры вдвое глубже. Однако из зала Конуса очевидного хода дальше вниз не было. Ледник, казалось, накрыл собой все нижние колод-

цы и галереи вместе с надеждой на продолжение. Разочарование было недолгим. В одной из щелей в углу зала Владимир Глебов учуял ток воздуха. Щель расширили до нужных размеров и пролезли в шкуродер. За ним оказался узкий лаз, в полу которого – несколько справа – открылось отверстие вниз. По скальной стенке туда спустились, но оказались в полностью изолированном небольшом зале с ровным глинистым полом. Этот Малый зал был идеальным местом для будущего подземного лагеря, если не считать отсутствия воды, за которой нужно было лезть обратно в зал Конуса.

Поскольку узкий лаз над Малым залом продолжался, поползли по нему дальше и через несколько метров оказались на верху двадцатиметрового колодца. За ним следовал еще один широкий десятиметровый колодец, из стены которого шла высокая узковатая щель. Протиснуться в нее можно было только на определенном уровне, угадать который было непросто. Поэтому щель получила название «Вертикальный лабиринт». В дальней своей части Лабиринт обрывался вниз тридцатиметровым колодцем. Внизу шел самый настоящий меандр. Пройдя по нему с десятков метров, увидели небольшой ручей, падающий в очередной колодец, метров двадцать глубиной. Спустились и туда – прямо под струями воды. Внизу ручеек собирался, пересекал дно колодца и падал в небольшое круглое отверстие в углу. На эту дыру уже не было ни времени, ни снаряжения. Поэтому просто бросили туда камень. Сначала слышались удары об уступы, потом далекий, но гулкий звук падения на дно. Успели досчитать до семи. Перед застывшими от радостного изумления счастливцами было еще не виданное в истории отечественной спелеологии препятствие: гигантская карстовая шахта глубиной более ста пятидесяти метров.

Снежная – так назвали пещеру – была настоящей пропастью.

Я был участником четырех экспедиций в эту пропасть.

Снежная тропа и водопад в Большом Колодце. Ноябрь 1971 года

Информацию о Снежной клуб МГУ держал в некоторой тайне, опасаясь как бы коварный Илюхин не выслал свой десант в их пещеру. Тем не менее слух о феноменальном открытии экспедиции Михаила Зверева распространился среди спелеологов мгновенно. Поэтому Миша решил не откладывать дело до следующего лета, а продолжить исследование пещеры в период ноябрьских праздников. Тогда выходными были 7 и 8 ноября, к ним добавлялось воскресенье, остальные несколько дней студенты непринужденно прогуливали.

Мне домой позвонил Колесников и сказал, что Зверев приглашает его и меня в экспедицию. Это было понятно. По тем временам мы с Рыжим считались не самыми слабыми в смысле пещер, а такие люди в Снежной были очень кстати. К тому же оба мы находились в конфронтационных отношениях с Володей Илюхиным. Колесников – по причине полного отрицания авторитетов, я – из-за того, что провел в МГУ школу спелеологов. Среди выпускников были Евгений Кудрявцев, Евгений Цыбиков, Сергей Меженный, Константин Фирсов, Андрей Лебедев. Эта слаженная команда, хотя и не состояла тогда в клубе МГУ, тем не менее, заметно усиливала его влияние. Это вызвало неудовольствие Владимира Валентиновича, и он, придравшись к недостаткам в документах школы, потребовал, чтобы слушателям ее не зачли. Тут уж было задето мое самолюбие. В течение двух лет я честно вел эту школу по просьбе друга и соратника Илюхина – Леонида Королева, который тогда был председателем Московской спелеокомиссии. И делал я это, не получая, естественно, никакого вознаграждения, кроме морального. А тут вместо морального удовольствия получай обвинение в халтуре! Упрямства мне не занимать, и я довел дело до кадровой комиссии Московского совета по туризму, где ребятам школу все же зачли (а мне руководство школой – нет!). Илюхин проиграл и на мое упрямство временно обиделся. Конфликт был

исчерпан только через год. Так что как борец за правду против авторитарной власти я политически вполне подходил для экспедиции клуба МГУ

Был и еще один нюанс: у подножья Бзыбского хребта нашлись маленькие карстовые дырочки, на которых клуб МГУ в сроки ноябрьской экспедиции собирался проводить обучение новичков. Как действующего инструктора спелеотуризма, Зверев попросил меня формально записаться начальником этого спелеолагеря. Я не отказал, но признаюсь, что так ни разу не видел ни этих дырочек, ни новичков, хотя они там, может, и были.

Планирование экспедиции происходило в кафе «Русский чай» на улице Кирова (теперь Мясницкая). Сдвигались три стола; на пятнадцать человек брали пять больших чайников и гору пирожков с мясом и яблочным повидлом – все это стоило копейки. Сидели часами над картой пещеры, составляли планы штурма, расписывали составы групп. Ничего путного из такого коллективного творчества не выходило. Тогда Зверев просил двух-трех наиболее способных к логике составить план штурма у себя дома, а потом согласовать с остальными. Я тоже написал такой план с тщательно обдуманными вариантами. Но действительность оказалась еще богаче.

Команда Зверева – человек двадцать пять – улетала рейсом Москва–Сухуми. Встретиться договорились прямо в аэропорту Шереметьево, и за полтора часа до вылета все участники экспедиции с огромными рюкзаками и с приподнятым настроением подтянулись к стойке регистрации пассажиров. Все, кроме одного – Саши Муранова, который занимался покупкой билетов на самолет. Покрапывал дождик, но погода была летной. За полчаса до вылета Муранова еще не было. Народ занервничал. Когда объявили окончание посадки, спелеологи уже почти в голос кляли и пропавшего ответственного за билеты, и имеющегося в наличии руководителя экспедиции. Миша Зверев несколько растерянно, но сурово и

настойчиво вглядывался в мокрое от дождя шоссе, по которому все не ехал Муранов. Сиротливый, почти пустой самолет «Ту-124» уже начал выруливать на взлетную полосу, как из сырого тумана и визжащего тормозами такси вдруг явился Саша Муранов, бледный, как дух, вызванный медитацией Зверева. Потерявшие надежду путешественники вскинули трехпудовые рюкзаки и с криками «ура!» ринулись на взлетную полосу. Кто-то из аэрофлотского начальства дал команду остановить взлет. К самолету подогнали трап и мы, счастливые, столпились у его подножья, сдерживаемые лишь бортпроводницей, которая просила даже не взвешивать груз, не предъявлять паспорта, а всего лишь показать двадцать пять билетов. И тут произошло ужасное. Оказалось, что у Муранова нет этих билетов. Он их потерял. То ли дома куда-то засунул, то ли на улице из сумки выронил. Не было билетов – и все!

С негодованием и презрением служители воздушного транспорта выдворили нас со служебной территории на мокрую автобусную остановку. Пустой самолет сквозь дождливый мрак улетел к теплomu морю без нас. Пришлось возвращаться в Москву на аэровокзал и покупать новые билеты – благо они были – на завтрашний самый ранний рейс.

Помимо морального урона, для участников экспедиции – в основном студентов – это была ощутимая финансовая неожиданность. Я в то время учился на втором курсе физмата Университета дружбы народов и, в силу серьезной занятости науками, не имел возможности подработать на какой-то постоянной работе. Иногда меня выручал мой приятель – бывший спелеолог Дюн (Докукин Юрий Николаевич). Он тогда уже не ходил в пещеры, а числился на Лосиноостровском кладбище могильщиком и время от времени приглашал меня поработать «негром»: вырыть могилу за пять рублей. В свободные дни и по воскресеньям я как настоящий интернационалист из Университета Патриса Лумумбы влезал в шкуру «негра» и батрачил на кладбище: две

могилы – червонец в день. Так что лишний билетик на самолет стоил мне три смены земляных работ в приюте скорби. Кстати, потом Дюн стал настоящим и довольно известным православным священником; я и поныне с ним встречаюсь и дружу.

На следующий после фальстарта день аналогичный «Ту-124» благополучно доставил экспедицию на Кавказ. От аэропорта мы доехали до Гудауты, а оттуда на местном рейсовом автобусе – до абхазского села Дурипш. Еще не привыкшие к спелеологам местные жители с изумлением смотрели на занявшую пол-автобуса гору груза и на ее обладателей – здоровых, но, видимо, не шибко умных молодых людей.

Дурипш очаровал своей невиданной самобытностью. В этом большом и богатом селе было все: кафе, магазин, большой стадион. Но самое главное, здесь были дома: совсем не те дома, что мы привыкли видеть в среднерусском селе, а виллы, или скорее даже дворцы. Все в два или три этажа, с колоннадами, фонтанами во дворе, с пальмами, гранатовыми деревьями, ухоженными газонами и павлинами. Это был в буквальном смысле колхоз-миллионер. Сюда якобы даже привозили Хрущева в бытность его главой страны – показать, как люди правильно живут при социализме. Лидер партии по достоинству оценил успехи сельчан и не отказался принять из рук представителей народа рог с вином. Потом вроде бы упал в кювет, откуда был бережно извлечен охраной. По примеру ныне опального вождя мы тоже приняли красного вина – но умеренно, по стаканчику. Угощал абхазский парень Валерий Герзмава, который предложил сложить часть снаряжения на территории своей усадьбы в сарае. Там же мы и заночевали.

Утром была чудесная погода: солнечно и тепло. Прямо над селом в прозрачном осеннем воздухе взлетала на двухкилометровую высоту крутая стена Бзыбского хребта. Вершинная часть ее нежно белела от недавно выпавшего снега. Это было ново – путешествовать из лета в зиму на та-

кую высоту с немалым грузом. Сначала помучились на жаре, перенося вещи несколько километров по селу к началу подъема. Потом начался очень крутой и длинный подъем по тропе, вмятой в павшую буковую и каштановую листву. Шли с рюкзаками по сорок килограмм, почти упираясь носом в склон. Делали две ходки. Впрочем, уж очень тяжело не казалось, случалось делать заброски и посложней. К концу дня движение сильно замедлилось: на километровой высоте тропа стала влажной и скользкой. Потом на склоне появились совсем маленькие снежники, выше они увеличивались, разрастались, сливались друг с другом, и вдруг оказалось, что мы идем по сплошному снежному покрову, по настоящему зимнему лесу, но круто в гору.

Почти на границе леса остановились на ночлег. Не только и не столько потому, что стемнело и устали, а потому что ноги проваливались в снег уже выше колена и прокладывать тропу с грузом за плечами стало невыносимо тяжело. Пока все ставили палатки и варили поесть, группа ребят – человек пять – пошла топтать тропу в ночь. Лично у меня эта акция вызвала прилив большого уважения к спелеологам МГУ Их мужество и верность идее, самоотверженность и энтузиазм стали залогом успеха всей экспедиции.

Особенно понятно это стало на следующий день, когда караван тронулся в дальнейший путь. На выходе из леса в альпийскую зону глубина снега была уже больше метра. Глубокая снежная траншея вилась на километры вверх по склонам альпики, и где-то далеко впереди, в самом ее конце в слепающем снегу барахтались черные точки. Это очередная группа билась тропу ко входу в Снежную.

Поверхностный базовый лагерь ставили уже в полной темноте, в полукилометре от входного колодца, куда нужно было еще подниматься вверх по крутому склону. Впрочем, большого комфорта от этого лагеря и не требовалось, поскольку по плану Зверева почти вся экспедиция должна была обретаться в Малом зале по соседству с Ледяным конусом.

На следующий день одна за другой ушли под землю несколько групп, неся с собой навеску, снаряжение для лагеря, еду, топливо.

Мне выпало работать в пещере с замечательными партнерами. Во-первых, это был мой дорогой Колесников, уверенный в себе, кряжистый и упорный, всегда сохраняющий железное спокойствие. Вторым оказался веселый и круглый, как шарик, но необычайно выносливый Виктор Благодатских из МГУ. Я был третьим. В группе не было снобов, не было лидеров, не было соперничества. Несмотря на разницу в возрасте, все были равны, все умели посмеяться, в том числе над самим собой, но в шутках не подводило чувство такта. Все умели – и хорошо – работать. Я думаю, что в нашей группе был весьма высоким показатель информационного качества участников, который я про себя называю индексом сложности и гармоничности системы. По крайней мере, индекс был одинаковый, и это позволяло чувствовать себя в коллективе очень комфортно. Мне приходилось работать в группах, участники которых имели весьма различные индексы – и воспоминания об этом не из лучших.

Каждый нес с собой рюкзак, свой собственный большой рюкзак весом килограммов двадцать пять. Рюкзаки были набиты спальниками, палаткой, одеждой, примусами, запасными батарейками и всем остальным, что посчитал нужным впихнуть его хозяин. Всем, кроме еды: питание завхоз экспедиции должен был раздавать группам в Малом зале по имеющемуся графику и списку. До нас прошли уже две группы, и навеска в снежно-ледовой части была готова: лестница и веревка прикреплялись за шлямбурные крюки, а еще чаще – за большие глыбы. Двое спускались на рогатке по веревке, оставшийся наверху спускал один за другим все рюкзаки, потом спускался с самостраховкой сам. Классика работы на вертикалях конца 60-х годов.

За шуточками и легким приятным спуском мы не заметили, как вывалились в Зал конуса. Зал, действительно,

впечатлял. Я спустился первым и, стоя у подножья конуса, любовался картиной: по тонкой ниточке прямо с каменного неба на вершину космической пирамиды в безбрежной темноте спускается вниз ловкий маленький человечек. Красота! Восторг улетучился, когда наши рюкзаки оказались перед шкурником, ведущим в нижние галереи пещеры, в том числе в Малый зал, где было место подземного лагеря. В отличие от хозяев, рюкзаки категорически не пролезали в калибр. Пришлось разбирать каждый рюкзак наполовину, со скрипом протискивать за узость сначала его, потом передавать по очереди вынутые вещички, а за шкурником в положении лежа со стиснутыми плечами и руками все упаковывать обратно. Процедура преодоления калибра в сумме заняла едва ли не больше времени, чем весь спуск на двести метров.

Непосредственно за узостью по скальной стенке спустились в Малый зал. Там уже стояли палатки, достаточно места было и для нас. Мы установили свою обычную брезентовую палатку на уютном отшибе, надули резиновые матрасы и расстелили спальные мешки. Я особенно гордился своим – настоящим пуховым мешком, купленным на базе альпинистского снаряжения пять лет назад. Развязанный и развернутый мешок самопроизвольно надувался и грел, как печка. Все рассупонились, сняли комбинезоны и разложили личные вещи каждый в своем отдельном уголке. Рядом со своим абалаковским поясом и карабинами я любовно уложил серьезную пещерную новинку – аккуратно склеенные из тонкой резины большие колготки. Гидроштаны надевались на шерстяную одежду под комбинезон и должны были убереечь тело от охлаждения в обводненных участках пещеры.

Потом Благодатских – как самый общительный и «свой» в МГУ – получил у завхоза наш сухой паек на сутки. Мы сами приготовили горячую пищу на примусе, поели и легли спать в предвкушении завтрашнего выхода. Наша тройка считалась сильной, и Зверев поручил нам первыми спускаться в гигантскую шахту, открытую в прошлой экспе-

диции. А пока мы спали, другая группа делала навеску до того места.

Спалось неважно, потому что было шумно: кто-то рассказывал байки, другие громко разговаривали и смеялись. Было слышно, как вернулась снизу группа навески, это означало, что пора вставать. Пещерное утро совпало с астрономическим, поэтому мы поднялись довольно бодро и через пару часов были готовы к выходу. Предвкушая встречу с ледяными потоками воды, я с гордостью надел на себя замечательные гидроштаны.

С пустыми руками идти не пришлось: нам вручили веревки и лестницы на Большой Колодец. В рюкзаке у Рыжего лежали также скальный молоток, пробойник и шлямбурные крючья. Хотя груз был и полегче, чем вчера, но в сухой части пещеры мы моментально вспотели, проползая по узостям и карабкаясь по лестницам в колодцах. Особенно нелегко пришлось в Вертикальном лабиринте: дорогу никто из нас не знал, и выбор пути в узкой высокой щели занял много времени.

Лично мне пещерная глубина начала действовать на психику. Человек впечатлительный, особенно в те молодые годы, я подумал, что аккуратные полукруглые ниши, ступая по которым мы шли в распорах по Лабиринту, очень удобны для того, чтобы рассадить в них с десятков человеческих мумий. Это трансцендентное соображение весомо подкреплялось возможностью застрять здесь надолго: выход из Лабиринта к лестнице и веревке зарос кораллитами, был дико неудобен и узок.

Часа через два после начала путешествия по новому для нас подземелью мы подошли к началу Большого Колодца. Решили, что первыми вниз пойдут Колесников и я, потом Благодатских. Оценили глубину пролета до ближайшего уступа, показалось метров семьдесят. Сделали навеску, и Рыжий с верхней страховкой пошел вниз. По резкости команд, которые он отдавал страхующему, и по суровости тона чув-

ствовалось, что ему некомфортно. Прошло несколько минут. Наконец снизу услышали: «Дошел, навеска свободна!» Наступила моя очередь.

С волнением и некоторой опаской я шагнул за перегиб: в таких гигантских пропастях бывать еще не доводилось. Спускаться пришлось прямо под водопадом, и на первых же метрах я понял свою роковую ошибку. Резиновые гидроштаны надевать было нельзя. Ледяная вода промочила комбинезон, всю одежду под ним и стала скапливаться в штанинах. Когда я оказался на уступе рядом с Рыжим, штанины заметно раздулись, и ноги, обремененные водяными веригами, двигаться не хотели. Проклиная свое легкомыслие, я ножом прорезал дырки на пятках, и вода вылилась. Разгоряченный спуском и острыми ощущениями я еще помог Колесникову и подоспевшему Благодатских навесить лестницу и веревки на вновь вбитые крючья. Потом начался кошмар медленного замерзания. Собачий холод насквозь пронизал все мое естество. Сотрясаясь от озноба, я прижался к стене подальше от ледяного дождя и апатично ждал, когда все кончится. На моих спутников водопад лил в полную силу. Они были в полных гидрах, наверно, чувствовали себя лучше, но все равно заметно нервничали. Давило подземное пространство.

Эта картина стоит перед моим мысленным взором так отчетливо, как будто все происходит сейчас.

Впереди и под ногами бесконечная черная пустота. Широкий уступ, похожий на серп молодой луны. Справа и чуть ниже два мокрых человека совершают странные действия. Один встает на колени и, пропустив веревку через привоканное к скале железное кольцо, хватает ее двумя руками. Второй, привязанный к этой веревке, пятится задом к обрыву. Движения людей торопливы, лица грустны. Сверху на них падают сверкающие серебряные звезды. Два часа непрерывного звездопада.

Страхуемый Виктором Благодатских, Колесников преодолел метров пятьдесят отвеса и оказался на очередном

большом уступе. Шахта продолжалась еще ниже, но для нашей группы это был предел. Рыжий прокричал, что выходит обратно. Когда его красноватый налобный фонарь показался над срезом обрыва, Благодатских, сочувственно на меня поглядывавший, посоветовал начать подъем и, не дожидаясь остальных, бежать в подземный лагерь. Несмотря на сильное охлаждение, я среагировал, прицепил самостраховку и начал подъем. Мне казалось, что по лестнице я не лезу, а бегу, и видимо, действительно, поднимался быстро. Но наверху колодца мне было так же холодно, как на уступе. Здесь была сухая часть пещеры, однако движение уже замедлилось и не согревало. Когда в полусомнамбулическом состоянии я сползал по скале в Малый зал, сзади раздались голоса: мои спутники меня догнали. Пальцы не сгибались, и мне помогли снять одежду – всю, кроме тонкого шерстяного трико, тоже мокрого насквозь. Прямо в нем я вполз в пуховый спальник. Рыжий успел влить в меня полкружки горячего молока, и этот причудливый мир куда-то провалился.

Позже, анализируя свое состояние, я понял, что в результате собственной неосмотрительности и последующей неадекватности действий был на самой грани переохлаждения, может быть даже переступил ее. Спелеологи знают, что перейти эту грань в обратном направлении возможно далеко не всегда, так что я оказался счастливым.

Переохлаждение на уступе Большого Колодца Снежной было моим вторым случаем из тех нескольких, когда в пещерах или благодаря им я оказывался на краю жизни.

Первый произошел в ноябре 1970 года в пещере Ход Конем на Чатырдаге в Крыму. Тогда я проводил тренировочный поход школы спелеологов МГУ, о которой упоминал выше. Со мной на дно этой двухсотметровой шахты шли трое: Меженный, Лебедев и Фирсов. Для быстроты я навесил в один из колодцев найденную на уступе старую тросовую лесенку метров десять длиной. На ее конце моталась веревка

вочная петля, и ее логично было набросить на торчащий рядом скальный зуб. Что я и сделал, после чего стал спускаться по лесенке вниз, пренебрегая страховкой. Веровочная петля тут же оборвалась, и я полетел в колодец. Но аккуратно – вдоль стены и ногами вниз. Прилетел на ровное дно метров через восемь, сделал глубокое приседание и остался цел и невредим. Религия была не в почете, поэтому я перекрестился мысленно и, вытирая со лба холодный пот, шепнул сам себе пару слов: «рабочий момент». После чего вместе с Сергеем Меженным даже пролез в ужасный вертикальный шкурник. Потом ободранными в кровь руками целый час вытаскивал его снизу обратно, в то время как Костя Фирсов и Андрей Лебедев, оставшиеся перед щелью в силу крупногабаритности тел, тащили за руки. Про другие случаи расскажу позже.

Но снова о Снежной. Пока наша четверка завалилась спать в палатке в Малом зале, на штурм Большого Колодца пошла следующая – и последняя группа: время, отведенное на экспедицию заканчивалось. В составе группы были начальник Зверев и один из первооткрывателей пропасти Чеботарев. Они навесили снаряжение на последний пролет Колодца. Как и предыдущий, он оказался глубиной около пятидесяти метров. На дно спустился всего один человек – Коля Чеботарев. Он увидел огромный зал с глыбовым навалом на дне. Явного продолжения пещеры не было, в глыбах предстояло покопаться. Однако вера в то, что пещера «пойдет» дальше, была настолько сильна, что Чеботарев вышел наверх с информацией о сразу нескольких возможных ходах вниз. Вера не подвела, через год Снежная, действительно, стала рекордом страны.

Когда часов через десять я проснулся в Малом зале, одежда на мне абсолютно высохла, чего нельзя было сказать о спальнике – он впитал в себя всю влагу, стал сырым и тяжелым. Но несмотря на пережитый вчера стресс, чувствовал

я себя на удивление бодрым. Из чего сделал вывод, подтвержденный потом не раз на опыте: хорошая физическая подготовка – это не только способность долго переносить тяжелый груз, но быстро восстанавливать работоспособность после критических нагрузок и стрессов.

Наша тройка вполне отоспалась и отдохнула, что было очень кстати, так как именно нам выпала честь выносить из пещеры все задействованное в ней снаряжение. Для усиления команды Зверев выделил нам еще одного человека Женю Астрахарчика. Однако до начала выемки следовало еще полдня подождать: сначала к лагерю подтаскивали навеску с нижних колодцев, потом вся толпа собиралась на выход.

Малый зал напоминал растревоженный улей. Из угла в угол при свете тусклых фонарей сумбурно перемещались люди. Кучкуясь и рассеиваясь, они исполняли свои неотложные дела: собирали вещи, ели, сидели на рюкзаках или, стоя по стойке «смирно», дрожали от холода посреди зала. На последних натыкались личности вообще без света. Гудели примуса, в туманном и тяжелом от дыхания воздухе стоял неразборчивый гул голосов. Во всем этом ощущалось какое-то тревожное отчаяние, как у зверушек перед землетрясением. Подземный день Помпеи.

Напряжение объяснилось, когда к нашей обреченной на выемку груза палатке вернулся от завхоза грустный Благодатских. Он сказал, что еду выдают теперь не на группу, а каждому лично. У раздачи пищи мне предложили сложить ладони лодочкой. В лодочку насыпали сахарной крошки, сверху положили один бульонный кубик. Это был весь пещерный паек, по моим расчетам, двухсуточный. «Лучше бы землетрясение», – подумал я. Впрочем, понимая важность нашей задачи, Зверев выдал Колесникову из каких-то сверхлимитов кусок копченой колбасы, грамм на шестьсот.

Это несколько ослабило стресс, и мы решили на радостях попить чаю. Астрахарчик вызвался сбегать за водой и уполз в Зал конуса. Когда раскочегаренный примус уже был

готов принять на себя котелок с водой, наверху показался свет фонаря. В следующий миг раздался грохот, и прямо нам под ноги сначала упала полная канистра, а за ней – Астрахарчик. Он потерял равновесие над щелью, ведущей в Малый зал, и кубарем летел вдоль крутонаклонной стенки. Чтобы защитить голову, вытянул руки вперед. Убиться было, как нечего делать. Но Жене необыкновенно повезло. Он отделался синяками и страшными кровавыми ранами на ладонях. О его участии в выемке не могло быть и речи. После перевязки он тут же пошел на поверхность.

Мы остались втроем, и часов десять ждали, пока толпа удалится из Малого зала. Чтобы экономить энергию, залезли в теплые спальники, но поспать не удалось. Да не очень-то и хотелось: Благодатский рассказывал анекдоты. Без перерыва десять часов. Я до сих пор помню один – про Хрущева, который в Африке совершал мужской ритуал тушения костра. При этом негры сокрушались, ибо – вождь такой большой страны и такой маленький кукумба. В переводе – огурец. Нашу драгоценную колбасу мы тут же перекрестили – кукумба.

Через шкурник в зал Конуса мы протаскивали восемнадцать рюкзаков. Сначала, естественно, разбирая их наполовину. Потом была бесконечно долгая тяжелая работа. Рыжий честно разделил нашу кукумбу на три равные части, и при очередном приступе голодного обморока каждый откусывал от своего запаса маленький кусочек. Часов через двадцать после начала работы, когда я, качаясь, тащил вверх по снежным ступеням очередные два рюкзака, над головой вдруг сверкнули яркие звезды. Это были и настоящие звезды, и налобники подошедших на помощь к входному колодцу спелеологов.

Наземный лагерь уже сняли, экспедиция переместилась ночевать на склон в зону леса. Не без труда мы отыскали свои рюкзаки, сверху напялили еще по мешку со снаряжением и, не переодеваясь, в мокрых комбинезонах, попле-

лись по снежной тропе. На крутом спуске моя нога провалилась между веток, и я свалился лицом вниз. Пятьдесят килограмм груза поехали по спине от пояса к шее, вдавливая тело в снежную кашу и выворачивая при этом голеностопный сустав. Когда Рыжий выковыривал меня из-под груза и снега, я подвывал от боли, но сустав, к счастью, остался цел.

К концу следующего дня мы практически без еды и сна дохромали до Дурипша. Жители села с болью глядели на гордых покорителей недр: ободранные, грязные, мокрые и худые, с лихорадочно сверкающими из под черных синяков очами.

Тут судьба вознаградила нас за лишения: песня возвращения была сладостно короткой. Всего через пару часов мы садились в самолет в сухумском аэропорту, а в полночь уже после душа я делился со своими домашними впечатлением от поездки. И, запивая пирожное рюмочкой ликера, с дрожью вспоминал последний крохотный кусочек сырокопченой кукумбы, который, дрожа от холода и жадности, страстно жевал – когда это было – сегодня или вчера? Минуту назад?

Глыба над палаткой и полет в бездну. Июль 1973 года

Через год Снежная стала знаменитой во всем спелеологическом мире. Летом 1972 года экспедиция МГУ достигла глубины семьсот метров. Это был безусловный рекорд страны и крупное географическое открытие. Однако о пещере не было ни публикаций в центральной печати, ни телевизионных передач. То ли так проявлялась скромность руководителя экспедиций в пропасть Михаила Зверева, то ли он не хотел мелочиться и всенародно объявить сразу уж о рекорде мира.

Как бы там ни было, тридцать лет спустя об экспедициях Зверева знают разве что спелеологи МГУ и узкие специалисты. Сегодня рекорды Снежной связывают с именами

Александра Морозова и Даниила Усикова. Верхний вход в систему Снежной назван в память Сергея Меженного, славного парня, но, конечно, не самого известного спелеолога. Однако справедливо еще раз подчеркнуть, что самым главным в истории первой настоящей отечественной пропасти был и остается Михаил Зверев. Именно он открыл для отечественной спелеологии зону высокогорного альпийского карста и именно он организовал и провел труднейшие экспедиции, в которых спелеологи достигли небывалой по тем временам глубины под землей.

Несмотря на очевидную зависть – белую и черную – спелеологов из других клубов и городов, общественность отнеслась к открытиям клуба МГУ с большим уважением. В течение трех лет без ведома Зверева к Снежной и ее окрестностям даже близко никто не подходил. Однако, все ждали, когда спелеологи МГУ «выдохнутся» и продекларируют свободный доступ в пропасть.

Последняя «монопольная» экспедиция МГУ в Снежную состоялась летом 1973 года. Предстояло выяснить,ходим ли последний – пятый – завал на нынешнем «дне» пещеры. Меня снова пригласили принять участие в экспедиции, на этот раз вместе с другом и учеником Колесникова – Львом Шинским, сам Колесников спелеологию бросил.

Что-то не сложилось по срокам, и я забрасывался на Раздельный хребет на несколько дней позже основного состава экспедиции. Но не один, а вместе с Мусей Григорян. Муся – немногословная молодая дама – числилась ветераном и поддерживала соответствующий суровый образ. Ее одежда и снаряжение были нарочито дешевы и бесцветны, но прочны и тщательно подогнаны. Выгоревшие тренировочный костюм и штормовка были аккуратно залатаны в нужных местах, ботинки «вибрам» защищены надлежащей смазкой, а огромный «яровский» рюкзак (куда, распустив на боках шнуровку, можно было поместить два «абалаковских» – на этом разнообразие рюкзаков кончалось) был уложен грамот-

ным параллелепипедом с центром тяжести у нижней части спины.

Рюкзаки были тяжеленные: кроме своих вещей, мы несли часть экспедиционных продуктов. Но, видимо, Мусю смущало присутствие мужчины из «вражеского» лагеря, и на крутом подъеме она задала такой темп, что мужчина через полчаса сломался. Задыхаясь и обливаясь потом, я сел на землю и сделал печальные глаза. Клановые амбиции тут же уступили место женскому состраданию. Бросая на меня жалостные взгляды, Муся вскипятила в кружке набранную из грязевого ручейка воду, развела в ней кофе с молоком, дабы скрыть непрозрачность жидкости, и дала выпить. После чего темп заметно сбавила, за что я был ей очень благодарен.

Для усиления атаки на Пятый завал (уже с заглавной буквы, ибо теперь это – имя собственное) Зверев пригласил еще свердловчан. Это было мое первое знакомство с одним из самых сильных тогда спелеологических клубов. Уральцы были физически здоровы и работали слаженно. В отличие от многих других, они постоянно экспериментировали: изобретали новое снаряжение, пробовали особое подземное питание, составляли рациональные графики штурмов пещер с учетом психологических особенностей участников. Через несколько лет все это дало удивительные результаты.

А пока что под землю, на самое дно, шли свердловские ветераны: Михаил Загидуллин и Сергей Голубев. Московская часть группы оказалась весьма смешанной: уже известный читателю Александр Муранов, Лев Шинский, я и выпускник моей школы 1971 года в МГУ Евгений Кудрявцев. Меня Зверев попросил руководить выходом группы, хотя я пещеры не знал: из всей команды на дне был только Муранов. Пришлось нарисовать шариковой ручкой на куске оранжевой детской клеенки схему пещеры ниже Большого Колодца. Я положил этот рисунок под каску, и, надо сказать, в пути он оказался полезен.

Наша тройка шла первой, за нами с большим отры-

вом – команда свердловчан. Предполагалось, что подземный лагерь мы разобьем на самом дне, на Пятом завале, и будем там обретаться дня три. За это время предстояло найти обход завала.

Решение задачи оказалось под сомнением, поскольку по плану нам пришлось идти с грузом сразу до дна без промежуточной ночевки где-нибудь на пятистах метрах. Такой бросок представлялся тогда очень серьезным, его трудоемкость скрашивалась лишь тем, что снаряжение было навешено до дна Большого Колодца, где уже и лежала часть наших транспортных мешков. Да-да, никаких рюкзаков с надувными матрацами и продуктами. В той экспедиции мы уже всю использовали трансы, шитые, правда, из чего попало, в том числе и из обычного брезента. Мешка хватало на один выход.

Несмотря на длительность – больше двадцати часов – спуск на дно проходил гладко. С верха Большого Колодца открывался небывалый вид: в ста шестидесяти метрах внизу светились палатки подземного лагеря. Спускались на рогаках по двум веревкам: по одной ехали, по другой – страховались пруссиком. Параллельно висели тросовые лестницы: по ним предстояло подниматься наверх.

Лагерь на дне Большого Колодца был занят группой заброски, и мы только попили чаю, взвалили на плечи наши мешки и двинулись в новую нижнюю часть пещеры. Вначале шли по руслу ручья. Тем летом с помощью Нины Яковлевой, чей мокрый комбинезон год назад легендарно сгорел на Воронцовке, я склеил замечательно прочную сплошь резиновую гидру. Поэтому путешествие по ручью было даже приятно: на сухих завалах тело потело, а в ручейных водопадах умеренно охлаждалось.

На ручье было три завала. В них мы ползли и передавали мешки друг другу. Шесть трансов на троих – по нынешним меркам совсем немного, но утомляло с непривычки. Правда, делали навеску перил, но она была очень проста. Ус-

тупы ручья проходили техникой скалолазания, поскольку на двух–трехметровые отвесы веревка не предусматривалась. К концу нудного ручейного хода все уже порядком устали, и я тоже. Поэтому чуть не сорвался с уступа. Понадеялся на силу пальцев и повис на руках. Вниз лететь метра три, а руки не держат. Спасибо, Кудрявцев подставил спину.

Еще через двадцать метров ручей впадал в реку. Широкая по пещерным меркам – метра четыре – голубоватая, идеально прозрачная водяная лента неспешно двигалась мимо нас справа налево, искрилась и рябила в свете фонарей. Для меня это было счастьем – увидеть перед собой настоящую подземную реку, нисколько не хуже тех, что текут в гигантских пропастях из книг Кастере. Десять лет я ждал этого мига встречи, и вот она, эта река, – не в чужих затертых пещерах, а в новой, совсем недавно открытой моими спутниками и друзьями!

Еще через двадцать метров река упала с обрыва вниз. Рев водопада глушил слова, водяная пыль забивалась под капюшон гидры. Туда, вниз, надо было спускаться, с огромными усилиями протягивать мешки, но все равно это было прекрасно!

Я и поныне считаю, что самое красивое в пещерах – это не друзы кристаллов и не геликтиты. Самое красивое и одновременно самое ужасное в пещерах – это люди и водопады. Водопады тяжелей свинца.

После этого десятиметрового каскада вода летела круто вниз сначала между какими-то глыбами, потом по ломаному каменному желобу, как в каком-то доисторическом аквапарке, и пропадала под очередным завалом. Мы сели на свои мешки на тесной площадке и посмотрели друг на друга. Все. Силы кончились. Нужно было есть и спать. Муранов, единственный из нас, кто был здесь год назад, не мог сказать, далеко ли до дна. Решили ставить лагерь.

Место для палатки было неровным, и мы часа два выкладывали из плоских известняковых плиток ложе. Потом

залезли в сухие, слава Богу, спальники, и через минуту видели тяжелые от усталости сны.

Разбудили нас шаги, голоса и стук камней. Не менее утомленные свердловчане догнали нас и ровняли площадку под свои спальные места. Я выполз из тепла и поставил на огонь воду. Сергей Голубев достал из транса пакетик и сказал, что здесь – лучшее подземное питье. В пакете было сухое молоко и шоколад. Молоко развели в кипятке до сильной густоты, там же растворили плитку шоколада. Получилось ядреное какао. После двух глотков этого какао есть не хотелось совсем. Свердловчане выпили по кружке самого лучшего подземного напитка и завалились спать. Наша тройка тоже с видимым удовольствием причастилась. Потом, кряхтя и поеживаясь, мы стали напяливать на себя гидры, комбезы, каски, сапоги. Предстоял поисковый выход на дно.

Я надел каску, включил мощный налобник и посмотрел вверх, не чернеет ли поблизости неизведанный ход. И тут сердце мое сжалось от ужаса. Прямо над нашей палаткой и над импровизированной столовой, то есть в точности над нашими головами, совершенно ни на чем висела гигантская каменная глыба в тонну весом. Конечно, она во что-то упиралась и пока не падала, но этого «чего-то» абсолютно не было видно. Снежная лавина в горах, говорят, сходит от звука голоса. Я, правда, не видел. А от чего в пещерах случаются обвалы? По двум причинам точно: от землетресений и от спелеологов. Бывает, камни падают сами по себе. Всего два месяца назад я ночевал в просторном зале на глубине двести метров в пещере Заблудших на хребте Алек. Был скромный спортивный выход до дна (четыреста пятьдесят метров) и обратно. В силу скромности задач палатку с собой не брали, только спальники, поэтому лежали под открытым каменным небом. Очень неприятная, скажу вам, была ночевка. Каждые пять минут с потолка зала срывался камешек и пролетев десять метров бился о дно с характерным стуком. Стук слышался то справа, то слева, то ближе, то дальше. Пещерная

рулетка. Лежать на спине лицом вверх категорически не хотелось. Но тогда обошлось. А тут не камешек какой-то над головой, а здоровенный кусок скалы! Так и прошел весь этот период жизни под знаком глыбы над головой. Что бы мы ни делали, все время помнили: спать придется под глыбой. И спали ведь! Но говорили шепотом.

Весь оставший путь вниз по течению реки занял минут десять. По красивому подземному ущелью то по берегу, то перешагивая с камня на камень в голубоватой воде, мы добрались до места, где река, как казалось, навсегда уходит под глыбовый завал. Муранов сказал, что узнает место: это конец пещеры. Вода тихими струями утекала между глыб; прямо перед нами стояла высокая стена с нишами и щелями на разной высоте. Самая узкая щель была точно перед нашим носом. Зато метрах в пяти наверху виднелся широкий черный зев возможного хода. В надежде на открытие все четверо – Муранов, Шинский, Кудрявцев и я, – цепляясь за выступы скалы, залезли в этот ход, прошли в нем на четвереньках метров пять и оказались в тупике. Впрочем, тупик был не безнадежный, здесь можно было и покопаться.

Мы выбрали самое глубокое место и начали отваливать один камень за другим. Через пару часов ямка заметно углубилась, с другой стороны мы почти заложили за собой выход. Передавать камни стало неудобно, начали бросать их друг другу по команде. Килограммов по десять каждый камень. Муранов вдруг сбился с ритма и бросил глыбу Кудрявцеву не в такт. С неприятным звуком глыба придавила ладонь Кудрявцева к полу. Рукавица окрасилась в бордо, и стало ясно, что дальнейшие раскопки тут бесперспективны.

Мы снова спустились к уходящей реке. От отчаяния я сунул голову в узкую щель и увидел, что она вообще-то не такая уж и узкая, на выдохе можно лезть дальше. Полез. Через несколько метров – грот, можно встать в полный рост. На полу грота лежат чьи-то два карабина. Кричу своим спутникам, чтоб ползли за мной. Первым появляется Муранов и го-

ворит: «Ах, черт возьми! Как же я забыл – вот это конец». Хорошо, не сказал, что карабины – его. В углу грота, однако, чернеет еще один шкурник, в который я проникаю, дыша чуть ли не полной грудью. За шкурником, где навсегда пропавшая река снова появилась и снова ушла в завал, опять встаю в полный рост и вижу вокруг себя обширный зал, метров двадцать, а то и тридцать в поперечнике. Никто уже не удивился, когда Муранов в очередной раз признал конец пещеры. Стало неимоверно жалко руки Кудрявцева и тех часов, что мы потратили на раскопки не в том месте.

Осмотр зала очевидного продолжения не дал. Но дырок, куда можно было сунуться, хватало, и мы решили дать шанс отличиться свердловчанам, тем более что чувствовали дикую усталость еще со вчерашнего марша.

В лагере под глыбой Загидуллин и Голубев, полностью игнорируя опасность, заедали свой приторный напиток специальной калорийной смесью: молотые грецкие орешки в меду. Их сосредоточенные лица вызвали у меня двойственную реминисценцию, усиленную пещерным стрессом. Сначала я вспомнил Зюзина, который в подмосковном походе ложками ел сладкое сгущенное молоко, щедро посыпая его сахарным песком. Потом – другого ветерана московской спелеологии Равиля Сайфи. В нашем родном Подольском карьере у входа в Силикаты он демонстрировал новичкам бутерброд старого пещерного бродяги: на куске черного хлеба лежали шпроты, сверху халва, на ней кусок сала с луком, все полито той же сгущенкой. Сайфи ел бутерброд с видимым наслаждением. Это правда!

Свердловчане продолжения пещеры не нашли. На следующий день они собрали вещи и ушли на поверхность. Наша тройка отправилась на вторую попытку. В зале за шкурником наша команда разбрелась кто куда. Направлений поиска было более чем достаточно. Однако почти во всех ходах и дырочках виднелись следы предшественников, и это обескураживало.

Вдруг одно ответвление, по которому, несмотря на следы, мы упорно продвигались вперед, «вывалилось» в огромное ущелье. На его дне в пяти метрах под обрывом шумела река. Секундное счастье сменилось столь же длительным разочарованием. Это была галерея, по которой три часа назад мы уже прошли: пещерный ход сделал кольцо.

Кроме желания найти проход сквозь завал, у меня была еще одна задача – не упускать из виду Муранова. На маршруте от входа пещеры до нашего подземного лагеря он работал отлично. Но теперь чувствовалось, что он утомлен, и, памятуя о его рассеянности, я боялся, как бы чего не вышло. Сам Саша, видимо, понимал свое состояние и боролся с собой изо всех сил. После безуспешных попыток найти проход в глыбах, теснящихся в потолке зала, он решил пробираться по току воды. Вынул несколько больших камней над пропадающим течением и углубился в щели между глыб. Сначала были видны пятки его мокрых сапог, потом и они ввинтились в толщу завала.

Когда Муранов скрылся из виду, мне стало не по себе. В грязно-коричневом крошewe из глыб, глины и щебенки что-то скреблось, гремело, слышались уханья в воду, и было полное впечатление, что весь завал ходит ходуном и вот-вот осядет прямо на отважного первопроходца. Пару раз я крикнул Саше, чтобы он был поосторожней – камни шевелятся. Он промывчал «шас-шас», потом перестал отвечать и копал молча. Я еще подождал и крикнул, чтобы он возвращался, так как есть опасность застрять между глыб. Это предложение возмутило его до глубины души. Он, видимо, как-то специально изогнулся, чтобы быть ртом ко мне, и внятно послал начальника. Я слушал его глуховатый голос и понимал, что обижаться нельзя. Человек глубоко под землей, устал да еще в опасном шкурнике между глыб. Сел на камень и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Минут через десять раздался крик о помощи: вылезти обратно задом наперед не полу-

чалось. Я погрузился в прорытый Мурановым ход и помог высвободиться, подтягивая и направляя его мокрые пятки.

По примеру альпинистов мы написали записку о достижении дна пропасти, замотали ее в изоленту и приклеили к потолку в последнем зале. Потом вернулись в наш опустевший лагерь и по телефону – уж не помню кто протянул сюда тоненький провод – я рассказал Звереву о наших безуспешных поисках и о некоторых трудностях копания в глыбовых завалах. Руководитель экспедиции настойчиво порекомендовал выходить на поверхность. Лагерь и продукты мы оставили следующей группе и попрощались с нашей домокловой глыбой. Она по-прежнему угрюмо свисала с потолка Четвертого завала, того самого, который, как я узнал позже, паводок затапливает так, что глыба оказывается под водой.

Без приключений мы вышли на поверхность поздним вечером следующего дня.

Утро выдалось хмурое, но в базовом лагере экспедиции наблюдалось заметное оживление. Вертолет из Сухуми доставил к Снежной шефа абхазского туризма Вианора Пачулиа. Он прибыл проконтролировать, все ли правильно идет в исследовании глубочайшей пропасти страны. Результатами контроля остался доволен. Мы припомнили нашу давнюю встречу в Метрополе и экспедицию в Анакопию зимой 1965 года, после чего он улетел обратно.

Остался еще один, не менее важный гость – собственный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Леонид Репин. Он пожелал посмотреть на пещеру с более близкого расстояния, чем сэр Пачулиа. Для этого нужно было подняться ко входу с полкилометра – базовый лагерь стоял в том же месте, что и в ноябрьской экспедиции 1971 года. Провожать корреспондента вызвался Муранов.

Тем временем моросящий дождь трансформировался в сильный ливень. Над нишей между скал натянули полиэтилен, и в это убежище набилось человек десять – пили горя-

чий чай. Зверев поинтересовался о проблемах, возникших в нашей штурмовой группе. Не вдаваясь в подробности, я сказал, что Саня Муранов – очень рассеянный человек, и в состоянии утомления за ним следует присматривать. Не успел я закончить эту фразу, как в лагере крикнули, что наблюдают странный сигнал. Мы выскочили из-под тента. На самом верху хребта крошечный человечек крутил над головой темным полотнищем и, видимо, громко кричал. Из-за расстояния и шума дождя голоса слышно не было. Ни у кого не возникло сомнений, что это сигнал тревоги, и Зверев, не мешкая, поднял лагерь. Тренированные свердловчане, еще в полусне, машинально обряжались в обвязки и беседки, засовывали в мешки веревки, блоки и самохваты – тогда уже были настоящие бельгийские жумары, их применяли в основном для организации полиспастов. Другие рубили в кустах жерди, вязали носилки.

Человеком на хребте оказался Репин, а полотнищем – его насквозь мокрый пиджак. Репин бегом скатился по скользкой тропе и прокричал, что Муранов упал во входной колодец. Произошло это так. Репин попросил его пристегнуться к веревке, чтобы сделать фото: спелеолог спускается в пещеру. Муранов по рассеянности вддел рогатку в конец выбранной веревки, подошел спиной к отвесу и встал в позу. И вместе с веревкой улетел вниз. Это была ужасная новость. Я видел, как побледнел и без того неруемый Зверев. Входной колодец в Снежную имеет глубину сорок метров – высота четырнадцатизэтажного дома. Шанс упавшего остаться в живых ничтожный.

В тревожном молчании группа спасателей двинулась ко входу. Напряжение достигло своего пика, когда свердловчане настраивали полиспаст – на это ушли минуты, – а в колодец начал спускаться москвич Евгений Цыбиков. Наконец снизу раздался крик: «Жив!». И мир сразу переменялся. Все оживились, заговорили, начали перебрасываться репликами, давать советы, действовать. Потом Цыбиков рассказывал,

что Муранов ползал по краю слежавшегося снежника и спрашивал, как он туда попал. Часть фирнового козырька обвалилась, это, видимо, смягчило удар и спасло жизнь.

За полчаса Муранова вместе с Цыбиковым вытащили с верхней страховкой на полиспасте. Пострадавший был в шоке: бледен, недвижим и молчал. На носилках его спустили в лагерь и уложили в палатку, в пуховый спальный мешок. Связи с «материком» не было, поэтому вниз побежал спортивный Репин и двое спелеологов: вызвать вертолет из Сухуми и привести врача. Фельдшер из Гудауты Отари Табилая прибыл на лошади поздно ночью. Он осмотрел больного и сказал, что нужна госпитализация. Видимых повреждений, кроме ссадин, нет, но пострадавший выглядит и чувствует себя плохо. Как назло, горы заволокли низкие тучи и протягивались почти двое суток. Все это время Муранов лежал в спальнике и молчал. Поскольку он не ел, его поили сладкими питательными напитками. Так в спальнике его и загрузили в вертолет, который как-то утром нырнул в открывшееся среди облаков голубое окно и сел на ровной полянке возле пастушеского коша. Сопровождали Муранова Репин и я. От аэродрома до Сухумской больницы нас везли в машине «скорой помощи», и контрастное перемещение с промозглого туманного хребта в расплавленный жарой прекрасный асфальтовый город сказалось на больном положительно. Его глаза ожили и с заметным интересом провожали стройные ножки загорелых блондинок. Это был добрый знак, и вера в лучшее подтвердилась. На следующий день врачи объявили невероятный диагноз: ни одного перелома, ни одной серьезной травмы, только легкое сотрясение и ушибы. Больной будет жить.

На радостях мы с Репиным пошли сначала в магазин, а потом на пляж. И там, заедая вино кусочками жареного мяса, рассказали друг другу правду своей жизни, он – мне, я – ему. С тех пор мы дружим. Потом вышла большая статья в «Комсомолке», где автор высоким штилем и на примерах

описал опасность и героизм труда первооткрывателей подземных пропастей.

Вертолетные посиделки. Июль 1974 года

Осенью 1973 года клуб МГУ Снежную сдал. Зверев дал понять, что в пещеру могут идти все желающие. Желающих объявилось много, и Илюхин как шеф Центральной спелеокомиссии предложил летом 1974 года организовать общенациональную экспедицию. Участие заявили Свердловск, Красноярск, Томск, Крым, Ленинград и, конечно, Москва.

Официально это массовое мероприятие имело смехотворную цель – проверить глубину пропасти, которая по топосъемке МГУ составляла семьсот метров. По правде говоря, спелеологам сильнейших спелеоклубов вовсе не хотелось чего-то там проверять. Им хотелось достойно померяться силами с рекордной глубиной. Кроме того, такой необычный спелеослет позволял интенсивно пообщаться и заодно уж кому-то лично показать себя во всей красе. Последнее особенно ценилось у молодых. Смотрины, так сказать.

Проверять глубину предполагалось посредством гидронивелира, изготовленного из подручных средств неутомимым Евгением Мухиным. Прибор являл собой гибкую пластиковую трубку длиной метров в тридцать. Один конец трубки соединялся с резервной емкостью – маленькой бутылочкой, а другой втыкался в штуцер чувствительного манометра. Вся система заполнялась водой. Когда бутылочка устанавливалась выше манометра, последний за счет гидростатического давления показывал разность высот. Прибор был точный, но хрупкий, поэтому для транспортировки его упаковывали в несколько пар запасных теплых штанов и засовывали в самый мягкий и легкий транспортный мешок.

Впрочем, в московской части экспедиции транспортных мешков было не так уж много. Основной груз был упакован в замечательные цилиндрические картонные барабаны метровой высоты. Заполненный барабан весил килограммов

сорок. С десяток этих монстров довели на поезде, потом на машине до вертолетной площадки в адлерском аэропорту. Здесь в ожидании вертолета собралась элита московской команды, не горевшая желанием лезть на Бзыбский хребет пешком, но предпочитавшая приятное путешествие на винтокрылой машине. Любителями полетать были, естественно, члены Центральной комиссии спелеотуризма: автор сложных бутербродов Равиль Сайфи, гроза новичков Олег Падалко по кличке Рекс, профессионал карточной игры «преферанс» Владимир Шашурин, начальник экспедиции Владимир Илюхин и Геннадий Баранов. Последний – единственный, кому и впрямь стоило лететь, а не идти: два года назад он неудачно сел в поезд, потерял ногу и теперь ходил на протезе. В эту замечательную и поныне любимую мной компанию затесался и я. Другие спелеологи, человек тридцать, пошли к пещере своим ходом, но налегке – с запасом продуктов на трое суток. Остальное должен был доставить вертолет.

Вертолета, однако, не было как раз трое суток. Где-то над Лазаревским прошел сель и смыл в море мелкие домики, палатки и автомобили. Вроде бы даже имелись жертвы. Все вертолеты были брошены на поиски и кружили над морем, а мы, несколько нервничая, ждали своей очереди. Уйти от вещей не рекомендовалось – не из-за боязни, что украдут наши тяжеленные цилиндры, но вертолет вдруг мог объявиться. Поэтому вся компания сидела на вертодроме и играла в преферанс. Вечером, когда становилось ясно, что сегодня не полетим, шли к горячему морю и купались без одежд.

Наконец поступила команда на погрузку. Здоровенный «МИ-8», сияя в лучах утреннего солнца алюминиевым серебром, покачивался под бременем перекатываемого в его чреве экспедиционного груза. Летчики с сомнением качали головами в такт своей машине, но лица их отнюдь не сияли: им казалось, что груза слишком много. Нам казалось наоборот, поэтому мы уложили все и сели сами. Вертолет легко поднялся и взял курс на Снежную.

Двадцать минут гремучего полета, и под нами засветились снежники и белые скалы вершин Бзыбского хребта: Дзышры, Хипсты и Турецкой шапки. На склоне Хипсты показался лагерь, под ним – ровная полянка с кошем. По полянке метался Женя Мухин и раскладывал на траве белые простыни в форме буквы Т. Обозначал место посадки. Два летчика одновременно высунулись из окна и ненормативным хором закричали Мухину, чтобы он свои простыни куда нужно убрал. Вертолет был высоко и очень шумел, но Мухин летчиков сразу понял. Машина пошла на второй заход и опять не села. В третий раз получился в буквальном смысле бреющий полет: колеса шасси едва не срывали верхушки зверобоя и валерьянки. Но то ли масса вертолета, действительно, превышала норму и не удавалось погасить скорость, то ли пилоты проявили сверхосторожность, – как бы там ни было, они заявили, что здесь такой вертолет сесть не может, летим обратно в Адлер. Еле-еле удалось их уговорить приземлиться на стадионе в Дурипше.

Только что весь мир вместе с горами был у наших ног. И вот горы неприступной стеной опять нависли сверху. А ведь там ждут нас не очень-то сытые товарищи. Мы злобно выкинули из геликоптера груз на истоптанный футбольный газон и дали отмашку. Вертолет легко поднялся и взял курс на Сочи. Баранов, хромя на протезе, пробежал за ним несколько шагов и помахал кулаком: «Кыш, проклятая птица!».

Друзей нужно было спасать от голодной тоски. С продовольственной миссией вызвались идти Падалко и Шашурин. Мне пришлось участвовать по обязанности как единственному, знающему дорогу. Щедро набитые едой рюкзаки весили килограмм по сорок. Чтобы бысто доставить их на двухкилометровую высоту пришлось заправиться солянкой в местной шашлычной. Солянка – это гора кусочков перченого мяса в большой тарелке. Калорийность продукта совокупно с мизерной ценой, всего пятьдесят копеек, дала результат. Мы быстро пробежали по цветущему селу и пошли в гору. Тело

работало отменно, но голова, видимо, перегрузилась адлерским преферансом. Где-то посредине подъема я напрочь потерял тропу и увел всех налево. Обливаясь потом и кляня проводника, наш караван дотемна полз вверх по дикому крутому склону. Заночевали на краю воронки со снегом, и только к обеду следующего дня сбросили опостылевшие продукты к ногам и под неусыпный взор завхоза экспедиции Маргариты Шашуриной.

Одна за другой подходили группы спелеологов из разных городов, и вскоре над полянкой коша раскинулся целый палаточный городок. Но проверка глубины пещеры пока начаться не могла: основная масса снаряжения, включая гидронивелир, загорала на стадионе в Дурипше. Илюхин уехал в Сухуми добывать вертолет поменьше. Вынужденное безделье скрашивалось непринужденными выходами в поиск и долгими посиделками у костра, где звенели гитары, рассказывались удивительные истории, составлялись новые знакомства.

Илюхин прилетел-таки на голубом вертолете через два дня. Вертолет был что надо – малогабаритный «МИ-2». За два захода он перебрал груз со стадиона на хребет. Начались довольно скучные пещерные работы. Я работал с Илюхиным, Падалко, Шашуриным и Пантюхиным. Подземный лагерь разбили на дне Большого колодца в Университетском зале. До дна и обратно бегали без отдыха, и, хотя это казалось нетрудным, не было и речи о серьезном поиске продолжения на Пятом завале. Мы сняли прошлогоднюю записку, сделали топосъемку всей пещеры и гидронивелирование нижней ее части, после чего манометр разбился.

Отдельным достижением было окрашивание подземной реки. К этому подготовились: Илюхин прихватил под землю большой пакет флюоресцина и поручил Пантюхину размешать краситель в удобном месте. Удобным оказалось место слияния ручья и реки. Геннадий Серафимыч вынул пакет и высыпал его содержимое в водобойную яму перед сли-

вом ручья в реку. Потом прыгнул в эту яму и стал в ней топтаться – мешать краску сапогами. Оранжево-красный раствор побежал к реке и, падая в нее, приобретал в большом объеме воды изумрудно-зеленый цвет.

Сцена из театра абсурда: светлоголубой поток становится яркозеленым в том месте, где в него впадает оранжевый. А этот оранжевый проистекает из глубокой лужи, в которой танцует здоровенный грязный мужик. Ну где еще такое увидишь!

Результат трассирования подземных вод, как и всей экспедиции, вышел довольно смутный. Говорили, что краска вышла то ли в реке Хипсте, то ли в речке Баклановке; были также мнения, что краску выловили в Новоафонской пещере. Глубина пещеры, как и предполагалось после топосъемки и гидронивелирования Илюхина уменьшилась почти на тридцать метров. Но к этой информации отнеслись не слишком серьезно: только многократные измерения разными приборами могут дать более или менее объективное значение габаритов подземной полости.

Закончилась эта эпопея грандиозной выемкой снаряжения. Над входным колодцем Мухин организовал из полукилометра веревки систему разнообразных растяжек и оттяжек, полиспастов и талей как с подвижными, так и с неподвижными блоками. В результате грязные и сырые мешки шли со дна входного колодца, как по маслу, и сразу перекачивались на лагерьный склон. Пятьдесят трансов вынули за два часа.

Холодная война жарким летом.

Июль 1979 года

В ноябре 1978 года на турбазе в Сухуми мы с телережиссером Валерием Лещинским решили, что поедем в Снежную снимать кино для Клуба путешественников. Эту идею с энтузиазмом поддержал Московский совет по туризму: наша экспедиция представляла город, и у чиновников от

туризма появлялся шанс за бесплатно прорекламирровать свою бурную деятельность.

Но одно дело – планы, другое – их осуществление. Во-первых, нужно было преодолеть формальности: сочинить и подписать кипу бумаг, отражающих взаимное желание туристских и телевизионных бюрократов войти во временный союз на ниве спелеологии, для обеих сторон абсолютно чуждой. Во-вторых, утрясти проблемы состава и экипировки экспедиции, включая добычу вертолета. В-третьих, предстояло решить дипломатическую задачу. К осени 1978 года уже было известно, что Пятый завал Снежной прошла группа ни от кого не зависимых спелеологов под руководством Александра Морозова и Даниила Усикова. Без предварительной договоренности с ними затевать поход в Снежную было неправильно.

Так что организация столь необычной экспедиции была делом трудным и ответственным. Инициатива загнать телевизионщиков на Бзыбский хребет исходила от Лещинского, меня и Олега Падалко – по русской традиции мы в Сухуми пили красное «Имерели» втроем, – но руководить этой авантюрой, а значит, решать проблемы мы предложили Илюхину. Сославшись на занятость научной работой, он от участия в экспедиции сразу же благоразумно отказался. Рулить выпало мне.

Повязнув с полгода в болоте процедурной волокиты, я к весне 1979 года наконец утряс бумажные дела. Передача о спелеологах и о пещере была вписана в план показа на конец августа. А план в СССР – закон. Четверо отважных деятелей кино – режиссер Валерий Лещинский, оператор Вадим Язов, ассистенты Игорь Сыромятников и Борис Чесалин начали морально готовиться к съемкам в сверхсложных пещерных условиях.

Постепенно подобралась команда. Были в ней и проверенные ветераны – Олег Падалко, Граф Виктор Леринман, Евгений Мухин с отпрыском – десятилетним хулиганом Кос-

тей, и уже вкусившие несладкой пещерной судьбы представители среднего поколения – Николай Невский, Юрий Неверов, Валентина Касицкая, Михаил Дякин, а также молодые спелеологи – Андрей Болсунов, Володя Жданов, Михаил Эйдинов, Анатолий Смирнов, Александр Николаев. Были и совсем зеленые новички, в частности Юрий Таранушенко, которому достался пост коменданта лагеря. Кроме москвичей, активно включились в подготовку несколько сибиряков – спелеологи из Дивногорска под руководством Петра Устинова.

Как ни странно, мы практически без труда договорились о взаимодействии в Снежной с Усиковым и Морозовым. Произошло это так. Мне позвонил Колесников и сказал, что Морозов приглашает меня к себе домой, где также будет и Усиков.

Морозова я почти не знал: он пришел в наш московский клуб, когда я был в армии. Не найдя общего языка с Илюхиным, Саша пробыл в «городской комиссии» не долго.

С Данилой Усиковым мы, напротив, были знакомы очень хорошо. Среднего роста, ладно скроенный черноволосый, смуглый паренек появился на тренировке в Царицынском парке летом 1964 года. Он приехал в Москву из Крыма, отменно лазил по скальной стенке и, несмотря на заметный южно-русский акцент, внятно и уверенно изъяснялся, чеканя слова. Выяснилось, что мы с Усиковым – почти ровесники и, может быть, даже вместе ели овцу в знаменитой первой экспедиции на Караби летом 1963 года. А сейчас он намеревался поступать в институт, чтобы выучиться на физика. Его занимали элементарные частицы, меня – устройство Вселенной. В то время почти все спелеологи были физики. Все это вызвало с моей стороны немедленную симпатию, которую я не считал нужным скрывать.

Илюхину тоже понравился обстоятельный юноша, и он всячески содействовал его спелеологической карьере в Москве. Для начала благословил руководить мини-экспе-

дицией, и по заказу института «Теплоэлектропроект» я вместе с Усиковым за небольшие деньги искал в берегах реки Прони карстовые дыры, сквозь которые могла уйти вода проектируемого водохранилища. Целую неделю носил нас по бездорожью раздолбанный грузовик, а мы, обнявшись, чтобы не упасть, стояли в его болтающемся кузове на ногах: из-за мозолей на «пятой точке» сидеть было уже невозможно. Натуральных карстовых дыр, кстати, не нашли, только небольшие катакомбы.

После экспедиций в Анакопийскую пропасть зимой 1965 года Илюхин устроил наш совместный доклад на Географическом обществе, где я косноязычно излагал факты, а Усиков – уверенным тоном – собственную гипотезу образования гигантской полости.

Потом Усиков непримиримо разругался с Илюхиным и ушел в свободный от маршрутных комиссий спелеологический полет. У него набралась небольшая команда, с которой он ходил в кавказские пещеры.

Морозов в этой команде был главным изобретателем. Он разработал технику спуска по одной восьмимиллиметровой веревке и подъема по тросовым лесенкам, работавшим на пределе прочности. Снаряжение было сверхлегким, но, прямо скажем, довольно опасным в обращении. Морозов изготовил подземный телефон, передающий сигнал по тонкому медному проводу. Он сам придумал сушить мясо для подземного рациона. Все это заметно облегчало работу малочисленной группы по исследованию Снежной за Пятым завалом.

Хотя группа Морозова–Усикова действовала почти подпольно, весть о том, что нашли продолжение Снежной, быстро распространилась в спелеологической среде. Какие бы чувства ни рождали в умах спелеологов новые открытия – радость или ревность, – за деятельностью «экспедиции одиночек» следили с напряженным любопытством. Было чему удивляться! Впервые за всю историю отечественной спелео-

логии на глубине почти рекорда мира работала не многочисленная людская пирамида, а два-три человека, и каждая группа – несколько недель а то и месяцев. Столь безумная отвага вызывала, с одной стороны, восхищение, с другой – сомнение в необходимости такого риска.

И вот теперь, когда в официально «свободную» Снежную собралась наша экспедиция, Усиков и Морозов сами позвали на переговоры.

Зимним вечером Колесников подвез меня на своей машине к старому дому на Метростроевской улице (ныне Остоженка). Морозов жил в квартире с высокими потолками, кажется, коммунальной: средних габаритов комната, где нас принимали, служила и столовой, и мастерской. Хозяин с гордостью продемонстрировал свои технические достижения, в частности печку для сушки мяса. Когда сели пить чай с вареньем, Усиков осторожно попытался выяснить летние планы киноэкспедиции.

Негодный дипломат, я сразу все честно рассказал: собираемся снимать кино в верхних галереях Снежной, а заодно уж для тренировки прогулять молодежь до старого дна; впрочем, с разрешения первопроходцев мы с удовольствием поглазели бы на новую часть пещеры. После дачи моих показаний атмосфера в комнате заметно потеплела. Конкуренция с нашей стороны не просматривалась, так что первопроходцы тут же разрешили посетить новую часть и любезно дали посмотреть карту. Оказалось, что за Пятым завалом можно идти и плыть по реке несколько километров – на это требовалось не менее недели. Столь длительное пребывание на глубине вовсе не входило в наши планы и практически гарантировало команде Усикова приоритет в дальнейшем прохождении Снежной. Мы договорились о сроках наших экспедиций и расстались, вполне довольные друг другом.

Вскоре стало известно, что сделавшую серьезное открытие экспедицию Усикова и Морозова взял под крыло Институт географии, и в этом вроде бы даже принял участие

президент Академии наук А.П. Александров. Мы порадовались, что добрая фея – большая наука – наконец-то повела на королевский бал золушку-спелеологию, и от души позавидовали бывшим неформалам: теперь у них будут и деньги, и достойная «крыша».

В середине июля наша киноэкспедиция была готова к отъезду из Москвы. Казалось, решены все проблемы: мы подобрали снаряжение, купили и упаковали продукты, согласовали график киносъёмочных работ с телевидением, договорились с дивногорцами о встрече в Дурипше и с властями Сухуми – о вертолете. Мухин-старший даже добыл работающий на бензине генератор, чтобы киношникам под землей было светло. Генератор, хоть и весил семьдесят килограмм, выдавал целый киловатт мощности, и мы решили взять его с собой. Но как выяснилось, предусмотрели не все.

За два дня до отъезда в адрес Московского городского клуба туристов на мое имя пришла телеграмма с известием, что доступ в пещеру Снежная закрыт, так как в ней работает научная экспедиция Института географии. До сих пор этот подрыхлевший почти за четверть века клочок бумаги лежит в моем архиве рядом со списками снаряжения и графиками работы. Подписал телеграмму некий М. – начальник экспедиции.

Неприятно заниматься любимым делом в заведомо конфликтной ситуации. Но пути назад не было, и с надеждой решить проблему путем переговоров, мы отправились в путь.

Поздно вечером на известном читателю стадионе в Дурипше два десятка распаренных голых по пояс молодых людей столпилось у горы экспедиционного груза, только что переброшенного из кузова грузовика на траву. Олег Падалко, Евгений Мухин и я стояли чуть поодаль и взирали на эту картину с удовольствием, но и озадаченно. Прошло пять лет, как не севший на хребте вертолет пустым вернулся в Сочи. За это время нелюбовь к вертолетам поутихла, но могла распалиться заново: в Сухуми вертолет на ближайшие дни

обещали как-то неопределенно. В момент раздумий над тактикой пешей заброски из субтропической тьмы вдруг выдвинулась группа богатырски сложенных людей. Если бы их было тридцать три, я бы не сомневался, что впереди – дядька Черномор: приземистый, широкий темнолицый муж с длинной черной бородой. Это был Петр Устинов, глава дивногорцев. С ним прибыли основательный и серьезный Борис Гуттов, молодые, но бесконечно выносливые Шура Лазуткин и Виталий Лемешко, а также бывший москвич, навсегда продавшийся сибирским красотам, Валерий Бобрин – балагур, здоровяк и отчаянно смелый человек. Глядя на эту отборную рать, мы поняли, что теперь-то киносьемки в пещере состоятся наверняка, даже если не будет вертолета.

Так тяжело мы не носили никогда. Суровые, но прекрасные дивногорцы размеренно и почти в ногу шли под шестидесятикилограммовым грузом каждый. Московская молодежь пыжилась не отстать, но не слишком успешно. Некоторых пришлось разгружать по дороге; в качестве приемщиков избыточного веса наперегонки выступали Андрей Болсунов и я. Соревновались. К концу подъема наши умозрительные расчеты дали такие цифры: мой рюкзак весил пятьдесят семь килограммов, рюкзак Болсунова – шестьдесят. Видимо, из-за такой перегрузки мы подошли ко входу в Снежную не в лучшем расположении духа: требовалась по крайней мере еще одна такая же ходка.

К тому же предстоял неприятный разговор с начальством профессиональной экспедиции, палатки которой пригнулись между скал на верху хребтика, почти у самого входа в пропасть. Мы сгрузилась на полсотни метров ниже, на полукруглой площадке, окруженной склонами со всех сторон, кроме одной, юго-западной. Отсюда открывался отменный вид: на блестящую линзу моря с мутно очерченным полукруглым горизонтом, на кривую береговую линию с пятнышками прибрежных селений, на раскинувшийся двумя ки-

лометрами ниже беспечный Дурипш с желтым пятаком стадиона, где еще ждал нас немалый груз.

После тяжелого подъема страшно хотелось пить. Снежников поблизости видно не было, и мы решили пойти не самым простым, но верным путем: поднять пару трансов снега из входного колодца пещеры. Однако, увидев дивногорцев с веревкой у начала отвеса, начальник М. решил, что мы начинаем штурм пропасти прямо с марша, и с детской непосредственностью потребовал немедленно убраться прочь, поскольку, как нас и упреждали, «вход в пещеру закрыт». Усталым, голодным, а главное, испытывающим сильную жажду сибирякам такие слова говорить ни в коем случае нельзя. Поматывая вдруг распушившейся, как хвост у кошки, бородой, беззлобный, вообще говоря, Черномор Устинов выдал из себя нечто такое, что оппонент поспешил удалиться.

Но терять лица не пристало никому. Через пару минут М. показался в нашем лагере и потребовал сатисфакции уже у меня. Истинную правду о желании попить чаю он отверг как грубый вымысел, ибо щелюга, полная снега, оказалась совсем недалеко от нашей стоянки. Кто ж знал! Потом этого снега нам хватило до конца экспедиции, и спасибо начальнику М., что он избавил нас от необходимости добывать воду из глубокого колодца.

Поначалу, как мог (не исключаю, что мог неважно), я попытался сгладить ситуацию и перевести диалог в дружеское русло. Но все же люди – странные существа. Многие. Нормальное в природе проявление мирных намерений они почему-то принимают за слабость и идут в агрессивную атаку. Психологам (а может, и психиатрам) тут широкий простор для размышлений, особенно когда дело касается околоспелеологической тусовки.

К сожалению, так вышло и на этот раз. М. категорически и довольно резко потребовал, чтобы до полного окончания его экспедиции мы в Снежную не совались. Вообще-то проблему можно было обсуждать, но манеры и термины оп-

понента – тем более перед лицом моих товарищей – не оставляли ничего иного как отказать, впрочем с некими вежливыми увещеваниями. Мои три года армии все же прошли незря: вежливость была на уровне, когда один солдат сетует другому, капающему жидким свинцом на его сапоги. Короче, дружбы с руководителем не вышло.

Впрочем с настоящими спелеологами – Булатом Мавлюдовым, стажером спелеошколы МГУ, где я был руководителем в 1970–1971 годах, Данилой Усиковым и Таней Немченко – никаких свар не было, хотя в той экспедиции мы многократно пересекались с ними и под землей, и на поверхности. Конечно, стороны высказали друг другу свои мысли, но достаточно дипломатично. Это не помешало обеим экспедициям завершиться успешно: тот самый вертолет, который забросил на хребет нашу телевизионную бригаду, снял команду «географов» со Снежной.

Жуткое приключение в Снежной

Экспедиция шла полным ходом. К прибытию киношников мы уже пару раз ходили до старого дна.

Первыми до семисот метров сбегали дивногорцы – Устинов, Лазуткин и Лемешко. «Сбегали», конечно, условно. Они пробыли под землей три дня, делали навеску и до глубины пятьсот метров тянули телефонный провод.

Следующая группа была московско-дивногорская. Валера Бобрин и Боря Гутов составили компанию Мише Дякину и мне. Пещеру я помнил отлично, и спускались мы быстро. Первый лагерь располагался в Университетском зале, на глубине пятьсот метров. За восемь лет со дня открытия здесь скопилась большая куча мусора. Пора было думать о санитарной экспедиции. Мы проснулись рано утром и, взяв трансы с едой и со вторым лагерем, который предполагали поставить на старом дне, двинулись вниз по ручью. Шла рутинная, скучная работа: ползли с завала на завал, шлепали по воде и передавали, передавали, передавали мешки.

Внезапно мерное шелестенье ручья стало менять тон. В тембре подземной музыки внятно зазвучали низкие октавы и притом кто-то включил повышенную громкость. Через мгновения по руслу неслась уже не легкая светлая струя, а вздувшаяся лавина мутной воды. Это означало, что наверху прошел мощный ливень. По ручью, впрочем, вполне можно было идти дальше, что мы и сделали.

Но в том месте, где ручей впадал в реку, пришлось остановиться. Вода в реке поднялась почти на метр и текла вровень с порогом, так что ручей не падал с него, а вливался в могучий поток. Пока я озадаченно скреб затылок, соображая, что предпринять, отчаянный Бобрин обвязался репшнуром и прыгнул в речку. На том берегу он умудрился за что-то зацепить реп, и я последовал за ним. Метрах в десяти отсюда река с грохотом летела вниз. Отвесный десятиметровый водопад дико ревел и казался непреодолимым, так что мы благоразумно отказались от попытки спускаться по такой воде. Привязали мешки на полке и вернулись в лагерь-500.

График работ несколько сбился, но в нем были предусмотрены резервные дни, поэтому второй заход на старое дно мог состояться при благоприятных условиях – если паводок быстро пройдет. Однако стихия разгулялась, и весь следующий день мы просидели на дне Университетского зала, с тоской наблюдая, как с невидимого неба на камни обрушивается бесконечный звенящий занавес.

Под монотонную песню пещерного ливня Валера Бобрин рассказывал сопутствующую моменту историю из своей жизни. Шел он как-то по ночной реке на лыжах и угодил под лед. А зимой в Сибири 40° мороза – обычное дело. Из реки-то он сам выбрался, а вот дальше что делать? Одежду вмиг сковало, и в том жестком скафандре он ковылял до ближайшей деревни километров десять. Потом даже насморк не схватил.

Глубоко под землей, в паводок я слушал этот рассказ с неясным, но все возрастающим ощущением тревоги, испы-

тывая почти физический озноб. Видимо, где-то в эфире уже сгущались флюиды кошмара, ждавшего меня всего через несколько часов.

К утру все стихло. Не чрезмерно напрягаясь, наша четверка во второй раз спустилась к реке. Оставленные транссы тихо лежали на полке. Река после катаклизма просветлела и угомонилась, ее водопады шумели гулко, но вполне миролюбиво. Преодолев первый каскад, мы подошли к изгибу русла, похожему на водосточный желоб. Вода катилась по наклонному ложу несколько метров, потом ударялась о борт и в пенном бешенстве круто поворачивала в сторону. Притом страшноватый с виду, желоб легко проходил в распоре над потоком, и мы, выстроившись в цепочку, начали передавать друг другу мешки.

В этот миг снизу показался слабый свет, и в фейерверке брызжущей воды нашему взору явились два призрака. Мешки окаменели в вытянутых руках спелеологов, на лицах изобразился восторг ужаса. Это я передаю свои впечатления от наблюдения товарищей, мне-то сразу стало ясно: из пещеры выходят Динила Усиков и Таня Немченко. На плечах у них висели по два мешка и, несмотря на демонстрируемую бодрость движений, в фигурах бесстрашных разведчиков глубин чувствовалась накопившаяся усталость. Обменявшись приветствиями и приличествующими моменту проклятиями в адрес чертовых паводков, мы пожелали друг другу успешно добраться и разошлись. В пожеланиях Данилы, впрочем, определенно звучали нотки легкого ехидства.

Когда через полчаса мы дотащились до пятого завала, стало понятно, в чем дело. Телефонной провод аккуратно ввинчивался в каменный тупик и тут обрывался. Таким образом нам предлагалось проявить находчивость и самим отыскать проход в Зал Победы. Вообще-то говоря, в этом необходимости не было, поскольку спортивную задачу экспедиции мы уже выполнили. Но сказать, что не очень-то хотелось посмотреть на новую часть пещеры, значило покривить ду-

шой. К тому же теперь уже перед нами встал вопрос сохранения хорошей мины. Так что вызов был принят.

Бобрин и Гутов принялись ворочать камни, стройный Дякин лез в щели. Все же когда точно знаешь, что продолжение есть, найти его оказывается проще. Не прошло и часа, как Дякин по току воздуха, идущего сверху, вылез в новую для нас часть пещеры. В свете фонарей перед нами открылся широкий и длинный зал высотой метров десять, в дальнем конце его слышался шум воды. Судя по описаниям, это был не Зал Победы, а какой-то совсем другой зал, возможно, даже ранее не известный. Так мы вначале и решили, грубо льстя своему спелеологическому самолюбию. Но вскоре выяснилось, что все совсем не так.

Пока мои спутники складывали более или менее ровное каменное ложе под палатку, я сунул под мышку штаны от гидрокостюма и поплелся в конец зала за водой. Идти пришлось долго. За нараставшим шумом потока голоса в лагере перестали быть слышны, лишь далеко позади маячили туманные блики света. Вдруг пришлось остановиться. По всей своей ширине зал почти отвесно обрывался вниз. Край обрыва был чуть закруглен и покрыт скользкой глиной. Один неосторожный шаг – и улетишь в бездну, а там метрах в двадцати внизу, судя по звуку, несся бурный поток. По-видимому, река вырывалась из тоннеля в левой стене, пересекала зал и, громяхая на порогах, уходила вправо. Получалось, что именно там и находится продолжение пещеры. Впрочем, просветить поток слабеющим фонарем не удалось, и я пошел вдоль обрыва искать спуск. Нет, без навески здесь делать было нечего. Пить и есть, однако, хотелось, а идти за веревкой и спускаться в каньон – ни в какую. Тем более, что запасного конца в лагере не было. Еще меньше хотелось возвращаться за водой к началу пятого завала. Тут Бог помог: я набрел на капез с потолка. Разложил под ним резиновые штаны и сел ждать, пока натечет хотя бы литров шесть.

Водяные часы оказались весьма неторопливыми. Минут через десять в каждой штанине едва набиралось на кружку воды, а по остывшей спине уже побежали первые мурашки; нужно было двигаться. Двигаться без толку не люблю, поэтому пошел вдоль стеночки: вдруг какой-нибудь ход подсеку. И ведь подсек! Круглая дыра метрового диаметра чернела в левой стене почти у самого пола. Тут уж остановиться было невозможно, и я, согнувшись, пролез в отверстие. Передо мной открылась тесная каменная галерея, которая скоро еще сильнее сузилась и пошла зигзагами. Приходилось то перешагивать выступающие из стены камни, то подлезать под них. Вдруг показалось, что фонарь шахтерской лампы, с которой я ходил в пещеры последние несколько лет, вроде бы стал светить ярче. Поскольку аккумулятор уже заметно подсел и свет был на исходе, этот странный факт заставил насторожиться. Я не сразу понял, в чем дело, и только приглядевшись, заметил, что свет моей фары падал теперь не на темную глину, а на ярко-белый порошок, покрывающий пол и часть стены. Отраженный от этого порошка свет казался заметно ярче. Чтобы определить подсохшее это лунное молоко или крошка гипса, я нагнулся к полу и увидел следы.

Человеческие следы десятка ног в обуви с рифленой подошвой. Они направлялись в глубь галереи и из нее, уходили вправо и влево в пересечения безводного белого лабиринта. Определенно, это была уже известная часть пещеры и спелеологи здесь прошли не один раз. С легким разочарованием я повернул назад к своим уже, наверное, полным штанам. Перешагивая через выступы и глыбы, размышлял о счастье первым оставить след на нехоженной поверхности подземной планеты.

Романтический настрой улетучился, когда я вдруг осознал, что все еще иду по белой галерее. Хотя уже пора бы ползти по глиняному ходу. По горячей от движения спине поползла ледяная капля. Сделал еще несколько шагов вперед, потом пробежал назад – глиняного хода нигде не было.

Вглядываясь в пол, попытался идти обратно по своим следам. Частично это удалось: я снова вышел на место, где топтался, разглядывая чужие отпечатки. На душе чуток полегчало и, припав глазами к тропе, я буквально пополз вдоль своих следов в сторону предполагаемого выхода.

Но эту затею скоро пришлось бросить. К моему ужасу свет стал быстро бледнеть, и через минуту фонарь превратился в то, что спелеологи называют «волчий глаз»: зловеще мерцающее во мгле желто-красное пятно. Я повернул выключатель и оказался в полной темноте. Сел на пол и стал соображать, что делать дальше.

Есть писаное правило для потерянных в лабиринте: сядь, где стоишь, и жди, когда за тобой придут. Легко сказать, жди! Тут был особый случай. Предположим, мои спутники спохватились и пошли искать пропавшего товарища. Вот идут они по длинному залу и находят мои расстеленные на камнях уже полные воды штаны. В двух метрах рядом – обрыв, на дне которого ревет река. Что они подумают? Понятно что: упал мужик с обрыва и унесла его подземная река к чертовой матери! Снаряжения для спуска нет, людей мало, еды всего на один день; значит, побегут на связь в лагерь-500. Это сутки. Еще через сутки придут спасатели и будут несколько дней брести по реке в поисках живого или мертвого тела, которого там определенно нет. А я все это время буду сидеть и ждать. Кошмарная перспектива.

Смертная тоска охватила все мое существо. Перед глазами встал зал пещеры Эгиз-Тинах-два и в рамке из камней мрачный черноватый скелет, черепом которого мы, дураки, когда-то намеревались играть в футбол. Ощупал свой череп, пока живую, теплую голову. За шестнадцать лет она мало поумнела, раз так влип. Где тот абсолютно необходимый запасной фонарь, без которого ни одного новичка сам в дыру не пускал?

Снова включил свет: тридцать секунд теплится, потом гаснет. Ни хрена не видно. Мать-перемать, ну что же делать?

Может, они все-таки подумают, что я ушел гулять по залу? Найдут они эту проклятую дыру или нет? А в дыре, в лабиринте повернут куда надо или нет? Может уже поблизости ходят? Я начал кричать: «Куу-у-у-у!!!» Никакого гулкового пещерного эха. Звук глохнет, как в обитой коврами комнате. Сам себя еле слышишь. Или оглох от страха? Еще кричу. Через каждую минуту кричу тридцать раз. Шестьдесят секунд каждой минуты отсчитываю вслух. Меня в лагере нет уже больше часа, почему никто меня не ищет? Может, схватиться за стену правой рукой и, не выпуская ее, вперед по лабиринту? Вслепую. Наверняка колодцы есть в галерее. Уж лучше в колодец грохнуться, чем так. Ни еды, ни воды, ни тепла. Смертная тоска.

Это были первые самые страшные минуты в моей жизни. Потом через шесть лет были еще один раз. Но эти были первые.

Все-таки человеческое существо – великая загадка. Не берусь утверждать, но предполагаю, что в каждом из нас скрываются гигантские резервы сил и возможностей влиять на ситуацию. Скорее даже эти информационно-энергетические резервы не внутри нас, а в специальном хранилище Вселенной, с которым мы связаны невидимыми каналами. В нужную минуту эти каналы широко открываются и слабенькая, вообще говоря, человеческая информационная система получает мощный импульс извне. Безрассудство и страх, зависть и злоба направляют эту энергию на путь разрушения и гибели, логика и воля, любовь и широта души – на благо: и себе, и другим. В каждом человеке намешаны и высокие и самые низкие качества, их сочетание меняется с годами и зависит от обстоятельств. Что на данный момент преобладает, таков и будет исход критической ситуации, для разрешения которой Вселенная открывает свои могучие, но весьма небезопасные шлюзы.

Затерянный в лабиринте глубоко под землей, погруженный в холод и чувство безысходности, в черном безмол-

вии я уже почти явственно слышал поскрипывание сухих костяных сопряжений и позвякивание задевающей камни ко-сы. И вдруг без моей воли снизу вверх, начиная откуда-то от ступней и щиколоток, пронзая живот и грудь, наполняя и пьяня голову, во мне начала подниматься огромная, неодолимая волна жгучего протеста против несправедливости, глупости и смерти. Тело стало легким и подвижным, в мышцы налилась страшная сила, хмельной разум потребовал немедленно вскочить и крушить скалы направо и налево – будь что будет! Даже как-то светлей стало – сам что ль светиться начал? Вроде и рыбы давно не ел.

Последняя мысль заставила улыбнуться. Потом, с трудом сдерживая распирающее организм буйство, я медленно встал, постучал умирающим аккумулятором о стену и в последний раз включил налобник. Почему-то сделал три шага вперед, заглянул под выступ стены и под ним увидел черный лаз. Несколько длинных мгновений на карачках по глине, и справа вдали засуетились тревожные огни подземного лагеря. Я вышел в зал. Бесы завели, ангелы вывели.

Волчий глаз, как ни странно, что-то еще освещал. Я рискнул вернуться к резиновым штанам и по-детски им обрадовался, хотя картина была отвратительна: заполненные водой штанины ушли в расщелины между камней, а по раздутому животу с падением каждой капли пробегала мерзкая сладострастная рябь. Беременный водяной в разрезе. Болела психика. Тем не менее, слил лишнее, взвалил полные штанины на плечи и поплелся на огонек.

Друзья еще издали слышали мои шаги и встретили меня внешне спокойно, хотя и с явным облегчением. Даже самим себе им не хотелось признаваться, что стряслось непоправимое. А мысли такие были: один уже ходил к обрыву и видел оставленную гидру. Но лишних вопросов не задавали, да я и сам не стал углубляться в подробности – зашел в лабиринт, вернулся и все. Рабочий момент. Ох и гордые, и смешные были эти чертовы спелеологи! По песням жили:

Я каменею, поверив словно,
В риск на каменном краю,
В их ледяную немногословность,
Так похожую на твою.

Немногословность «их» – это гор, «твою» – вроде бы как нашу, настоящую мужскую то есть. Женщина написала, Якушева Ада.

Тогда после возвращения в лагерь ничего не обсуждали. Сейчас, двадцать пять лет спустя, все помню, как вчера было. И скрип, и позвякивание, и как сам светился.

На следующий «день» Касицкая и Болсунов провели в лагерь телефонный провод и принесли трубку. Потом Касицкая ушла с Дякиным в лагерь-500 и на выход, а Болсунов остался в нашей четверке: надеялись еще денек поисследовать пещеру. Но телефон почему-то не работал, тела притомились, нервы поистрепались, поэтому мы решили отдохнуть еще сутки в лагере и выбираться на поверхность. Удовлетворение от спортивной части экспедиции уже было: на «старом дне» побывали целых восемь человек, из них семь – впервые на такой глубине, из пятого завала мы прокопались в огромный «новый» зал – тоже своего рода, хотя и несколько оригинальное «открытие», наконец, успешно хлебнули небольшого подземного лиха. Можно было возвращаться на землю и приступить ко второй, не менее волнующей части нашего путешествия – съемкам телевизионного сюжета для знаменитой передачи. Подъем участников и выемка снаряжения прошли без заметных потерь.

Позже выяснилось, что большой зал, где стоял наш подземный лагерь, называется Зал Надежды и что под скользким обрывом никакой реки нет, а шумит там небольшой водопад, приходящий в пещеру в районе Четвертого завала.

Развитие SRT в России

Пока штурмовые отряды копались на дне пещеры, остальная экспедиция в ожидании вертолета с киносъёмочной группой жила размеренной жизнью.

Немаловажную роль в организации этой жизни играл наш новичок Юра Таранушенко. Он не имел начальной спелеологической подготовки, поэтому посылать его в непростую вертикальную пещеру было опасно. Но и он имел свою задачу – был назначен на ответственный пост коменданта базового лагеря.

Лагерь был удобный: просторная ровная площадка загорожена от ветра скалами, вход в пещеру совсем близко, рядом дырка со снегом. Из камней сложили столовую: стол и сиденья, над которыми дивногорцы натянули на деревянные дуги полиэтиленовый тент. Еду готовили на примусах, бензина хватало. Все вроде бы хорошо, но возникла проблема с туалетом. Ограниченное пространство: с трех сторон скалы, с одной – крутой склон, почти обрыв. Отойти и спрятаться некуда, особенно мужчинам, которых в экспедиции было подавляющее большинство.

Проблему мужского туалета гениально решил комендант. Из лагеря он размотал к обрыву основную веревку и на два метра ниже его кромки растянул веревку горизонтально. Скалы под веревкой Таранушенко посыпал хлоркой. Участники собственно акции должны были осуществлять ее в связке со страховкой. Сначала они пристраховывались на горизонтальном участке, потом аккуратно спускались за кромку обрыва так, чтобы их не было видно из лагеря, после чего перестегивались на сильно натянутую горизонтальную веревку, на которую кстати можно было опираться как на перила. По прошествии некоторого времени операция повторялась в обратном порядке. Так зарождалась отечественная техника работы с одной веревкой – single rope technique (SRT).

Надо сказать, что претензий к столь спортивному способу не было, если не считать мелкой детали. Через неделю после введения объекта в действие на хребет прибыла еще одна группа спелеологов из Москвы. Ее привел Игорь Добровольский, выпускник нашей спелеошколы 1975 года, где учились Болсунов, Жданов, а также Володя Киселев, впоследствии ставший одним из ведущих спелеологов страны. Группа Добровольского пришла изучать пещеру «Сувенир», входной колодец в которую находился в полукилометре внизу под нашей площадкой. Добровольский поставил свой лагерь рядом с колодцем, и с нашего обрыва можно было разглядеть фигурки спелеологов, в том числе девочек. Они со своей стороны тоже могли наблюдать некие действия людей на обрыве, и это вносило нотку нервозности при перестежках. Впрочем расстояние было приличным, и манипуляции гномиков на паутинках снизу вполне можно было принять за тренировку. Только позже мы узнали, что в группе «Сувенир» имелся сильный бинокль.

У нас же была подзорная труба, через которую мы наблюдали дурипшинский стадион, где Мухины и Падалко охраняли генератор в ожидании вертолета с телевизионщиками. В ясную погоду окуляр трубы демонстрировал нам Евгения Константиновича, ведущего через стадион Константина Евгеньевича. При этом Мухин-отец почему-то держал Мухина-сына за ухо. По ночам мы перемигивались с Мухиным мощными фонарями, общаясь посредством азбуки Морзе. Впрочем, не очень удачно: рефракция света в двадцатикилометровой толще воздуха давала лишние точки и тире, так что слова получались невразумительные.

Еще подзорную трубу использовал Володя Жданов. Он возлежал на надувном матрасе посреди лагеря и что-то внимательно рассматривал на склонах горы Хипста. Следствие показало, что таким образом Жданов осуществлял визуальную страховку Андрея Болсунова, который в одиночку и без записи в журнал выходов отправился на восхождение.

Сопровождать Болсунова Жданов, по его словам, был не в состоянии в силу болезненности пятки, поврежденной при спуске в подземную полость. За нарушение правил передвижения по карстовому району оба друга получили выговор, а больной был направлен к доктору.

Доктором в экспедиции был Николай Николаевич Невский. Он единственный из всех согласился взять на себя роль эскулапа, хотя по природе являлся учителем физики и музыкантом. В его распоряжении была шикарная аптечка, но лечил он своеобразно. Независимо от вида недомогания, будь то несварение или ушибленная пятка, больным неизбежно прописывалась хлорка – в различных дозах и способах применения. Хлорка в аптечке не значилась, поэтому Невский посылал за ней к коменданту Таранушенку. Как ни странно, экзотическая терапия действовала прекрасно: никто не слег надолго, наоборот, все исправно ходили в пропасть как на навеску, так и на выемку снаряжения.

По вечерам айболит Невский и Юра Неверов чудесно пели под гитару. На два, а то и на три голоса, не понимаю, как им это удавалось. Ласковые песни Визбора, Матвеевой и Дольского мягким кремом ложились на потрескавшиеся души суровых подземных бойцов. Растроганные звезды падали с черного неба прямо к ногам и, отскакивая от земли, летели мимо туалета в лагерь Добровольского.

Однажды утром дежурный разглядел в подзорную трубу на дурипшинском стадионе большой вертолет, в чрево которого Мухин заталкивал свой генератор. Вокруг суетились и давали советы четверо крупных мужчин с заметными животиками. Киношники. Вскоре вертолет вынырнул из ущелья и благополучно сел на полянку около коша в километре от нашего лагеря. Вид тяжеленного генератора, бухт электрического кабеля, многочисленных светильников и аккумуляторов, понятное дело, не вызвали у нас большого энтузиазма, но деваться было некуда. Ведь мы собирались

снимать кино не где-нибудь, а на глубине двести метров в Зале Ледяного конуса! Готовилась первая в истории большая телепередача про спелеологов, и нельзя было ударить в грязь лицом, хотя в пещерах это случается нередко.

Героем переброски киногруза стал Болсунов. Он посмотрелся к генератору, потрогал его, потом прикрутил к своему станку и попросил забросить станок на спину. Два здоровых мужика с трудом подняли вещь. Андрей постоял, подумал и медленно пошел вперед. Так он и шел, не останавливаясь, весь километр – по холмам и впадинам, по скалам и в крутую гору до самого лагеря. Там его разгрузили. Он сначала сел отдохнуть, потом прилег, заснул – и спал до следующего утра. Генератор весил семьдесят килограмм. Остальное перетащили играючи.

Лукавое искусство кино

На краю обрыва, в виду грандиозного входного колодца стоит пристегнутый к веревке не слишком юный человек могучего телосложения и мрачноватым голосом вещает об ужасных пропастях, ледяных водопадах и отважных людях, которые ничего такого не боятся. Голый по пояс загорелый муж с видимым удовольствием снимает кадр большой черной кинокамерой. Это кинооператор-международник Вадим Вязов делает картинку известного спелеолога Олега Падалко по кличке Рекс. Рядом сидит внушительных размеров дядка в наушниках и шевелит ручки настройки в черном ящике: звукооператор Игорь Сыромятников пишет синхрон. В отдалении лежит на подстилочке другой дядька и сладко дремлет: осветитель Боря Чесалин отдыхает, солнце отменно освещает сцену без его софитов. Над всей этой лепотой, как коршун, реет подвижный режиссер Лещинский.

В съемках задействована вся экспедиция – двадцать три человека. Одни снимают, другие позируют, третьи носят. Впрочем, снимают по очереди всех, самые фотогеничные попадут на большой экран. Почти два дня съемок на поверх-

ности у входного колодца. Все ждут выхода под землю, но киносъёмочная команда акклиматизируется.

Привыкание к полевым условиям в районе высокогорного карста давалось нелегко. Более всего творческих работников «придавливал» наш жесткий режим дня: подъем в 7 утра и жизнь по расписанию до 11 вечера. Потом обязательный отбой и сон. Иначе ничего не успеем. На второй вечер ко мне подошел слегка смущенный Сыромятников и сказал, что есть крайняя техническая необходимость в двухстах граммах спирта. Вообще-то говоря, в экспедиции царил жесточайший сухой закон и спирт никому не выдавали, хотя он и имелся в наличии. Но тут был совсем другой случай! Как физик и кандидат наук я сразу понял, что все дело в начинающих ржаветь оптических осях, и на всякий случай проверил у Игоря правильность догадки. Получив утвердительный ответ, я дал указание завхозу выделить в точности требуемый объем растворителя. Довольный Сыромятников, мурлыча себе под нос песенку про черного кота, направился к палатке киногруппы проводить профилактику. Наутро оси блестящие, как новые.

Наконец наступил день, когда кино перемещалось в глубь земли. Для начала решили ограничиться дном входного колодца, чтобы дать возможность нашим новым друзьям постепенно готовиться к походу на серьезную глубину. Каждого из киночетверки предварительно потренировали спускаться на рогатке по веревке и подниматься по лестнице на скале в лагере. «Сажать» зрелых новичков на самохваты не решились, все же двигаться по лестнице с верхней страховкой технически проще, хотя физически несколько тяжелей.

Мухин спустил в колодец пятьдесят метров толстого кабеля со светильниками и сделал пробный пуск генератора. Все работало. Потом в колодец пошел Вязов. Кинокамеру он нес в специальном чехле сам. Один за другим по веревке спустились все сотрудники Центрального телевидения. Открытое серым фирном дно колодца с глубокими черными

рантклюдфтами, куда ничего не стоит поскользнуться и слететь, произвело на них сильное впечатление. Первые пять минут отцепляться от рапели никто категорически не хотел. По натоптаным следам передвигались с большой осторожностью, и это было правильно и понятно. Поэтому, когда Лещинский осторожно приблизился к крутому ходу, ведущему в глубь пещеры, энтузиазм на его лице не читался.

После краткого совещания киногруппа пришла к единому мнению о том, что пейзаж, в центре которого мы в настоящее время находимся, самым замечательным образом похож на зал со снежным конусом, и поэтому нет никакого смысла тащить хрупкие и очень дорогие приборы еще на сто пятьдесят метров вниз. Снимать будем здесь. Робкие попытки спелеологов отстоять первоначальный план, как волны о стену айсберга, разбились о холодную непрístupность художников. Пришлось, скрепя сердце, изображать подъем по ледяному склону глубоко под землей. Пару проходов и интерьер снимали целый день. По несколько дублей. Было холодно и скучно. Душу грела только мысль, что миллионам советских телезрителей глубоко до лампочки, где снимается кино – было бы похоже на пещеру и завлекательно. А тело грел супчик, который дежурные варганили наверху в лагере и прямо в кане передавали его Пете Устинову. Петя виртуозно спускался по веревке, держа кан в руке.

На поверхность выходили несколько часов. Когда Игорь Сыромятников после сорока метров зыбкой тросовой лестницы наконец ступил на твердую землю, он сказал: «Я был в пещере два раза – первый и последний».

На этом съемки в пещере закончились. Но не закончились подземные сюжеты. Непременно потребовалась картинка подземного лагеря и переговоров с поверхностью по телефону. Режиссер побродил меж скал и нашел подходящую щель, в которую приткнули настоящую подземную палатку. Ростки зеленой травы в окрестности выжгли паяльной лампой, заодно слегка подкоптив слишком уж белые камни.

Мосфильмовский пещерный павильон был готов. Художественный фильм снимали глубокой ночью, при этом старались, чтобы в объектив не лезли большие и грустные кавказские звезды.

Заключительные кадры сюжета снимали вообще в базовом лагере, где Валерий Семенович не поленился нарисовать на серой каменной стене белой зубной пастой пещеру Снежная в разрезе. Алой губной помадой, изъятой у немногочисленных дам, на карте были помечены палатки подземных лагерей, из которых мы недавно вели душераздирающий репортаж.

Наконец искусство кончилось. Триста метров так и не понадобившегося электрического кабеля спрятали в маленький сезамчик, закрывающийся тяжелой глыбой. Генератор установили на салазки, сделанные из снятых со столовой деревянных дуг, и под песни сволокли на полянку к кошу, куда вскоре сел вертолет. Он загрузил самое ценное: камеру, пленку, генератор, киногруппу, наши рюкзаки и сопровождающего все это Виктора Львовича Леринмана, или просто Графа. Остальное – не самое ценное – шло пешком, но зато налегке и под гору. Никогда бы раньше не подумал, что склон такой приятный, а лес на нем такой красивый.

На стадион в Дурипш прибыли вечером в состоянии заметного голода и с настроением поспать. Но с удивлением обнаружили, что вещи валяются в беспорядке и нет никакого ужина. Более того, поблизости нет вообще ни одной живой души. Вдруг откуда-то из-под земли возник звукорежиссер и смутно как-то произнес, что все готово. Притом он протягивал нам навстречу ладони, между пальцами которых божьим промыслом удерживались шесть (!) молочных бутылок мутноватой чачи. Я перевел его слова на русский язык: получилось, что все готовы. И не ошибся. Последняя наша надежда на комфортный вечер – Граф – валялся неподалеку в лопухах и на все горячие призывы подать признаки жизни лаконично изрекал: «Я щас». Позже он утверждал, что не валялся, а от-

дышал, и не в лопухах, а в папоротниках. Последние он уважительно называл «реликты».

Потом, уже в Москве, мы с Олегом Вадимовичем Падалко прошли через будни монтажа нашего мини-фильма, дуэтом зачитали сочиненный нами же текст и терпеливо выслушали критику после того, как сюжет прошел в эфире. Конечно же, все получилось не так, как хотелось, и спелеологи, в первую очередь мы сами, были не в восторге. Но те, кто о нюансах изучения высокогорного карста ничего не знал, посмотрели это художественное кино с живым интересом, о чем свидетельствовал лежащий в редакции «Клуба путешественников» большой бумажный мешок, куда складывали (не читая) сопутствующую корреспонденцию.

Я горячо благодарен судьбе за то, что она привела меня в Снежную и за эту последнюю экспедицию 1979 года. Да, это был непростой кусок жизни, в котором переплелись светлые и тяжелые мотивы, веселые и драматические события. И результат был не блестящий. Но все же мы это сделали! Несмотря на препятствия и трудности, без знакомств и родственных связей мы первыми прорвались на практически недостижимый для рядовых любителей пещер номенклатурно-блатной экран главного телевизионного канала. И пусть скромно, но показали стране те ее ценности, о которых она почти ничего не знала: глубочайшие подземные пропасти и странных людей, готовых рисковать собой ради счастья открытия и эфемерной славы. Потом были другие фильмы и сюжеты о пещерах. Но первый остался самым дорогим, и не только потому, что удалось немножко прославить спелеологию, но и потому, что благодаря телевидению повезло встретить по-настоящему творческих и интересных людей. Во-первых, это, конечно, была наша родная киногруппа. Кроме нее – знаменитые полярные лыжники Владимир Чуков и Дмитрий Шпаро, северный мореплавателю Дмитрий Кравченко и настоящий казахский джигит Ержан Джусупбеков. И многие другие. С бессменным ведущим «Клуба путешест-

венников» Юрием Сенкевичем мы «сделали» еще несколько передач, а после – в конце 80-х – трудно и в целом безуспешно создавали отечественную ассоциацию путешественников. Безуспешно потому, что истинные путешественники – все как один лидеры и между собой ладят неважно. Теоретически – по историям Пири и Кука, Скотта и Амундсена – я и раньше это предполагал, но имел возможность убедиться в правильности догадки, «поработав» в организационном плане со многими путешественниками. На фоне страстей, бушующих во льдах полярных морей и на траверсах заоблачных вершин, наши спелеологические разногласия в Снежной 1979 года показали образцом изящной дипломатии.

И один человек с телевидения стал моим другом. Это Станислав Покровский – телережиссер, влюбленный в путешествия и в таких людей, которых, как и его, можно упрекнуть по крайней мере в двух слабостях:

В жадности к дорогам,
В верности друзьям.

После этого активная история Снежной продолжалась еще несколько лет – со взлетами открытий и болью трагедий. В одной из зимних экспедиций 1985 года на Бзыбском хребте под снежной лавиной погиб Александр Морозов и два его спутника. Но исследования не прекратились. По бесконечным меандрам подземной реки спелеологи достигли глубины тысяча триста метров и остановились на последнем завале, обойти который не удалось. Затем к этой глубине приплюсовались еще несколько десятков метров, отсчитанные вверх, до отметки входа в верхний приток – пещеру Меженного, так что в целом глубина системы Снежная–Меженного составила тысячу триста семьдесят метров и долгое время оставалась рекордом страны.

По неписанному праву пропасть теперь принадлежала первооткрывателям второй волны. Все остальным, в том

числе и нам, команде Володи Илюхина, следовало найти свою великую пещеру. Что мы и непременно сделали ровно через год после описываемых событий.

ПРОПАСТЬ КИЕВСКАЯ, или просто КИЛСИ

Ах, Арабика, Арабика...

Какими бы прекрасными ни казались мне из окна самолета снежные вершины Анд, зеленые холмы Австралии или скалистые греческие острова, эта гора уже навеки была моей и любовь к ней уйдет вместе со мной.

Арабика сияла впереди, манила на свои острые хребты, в глубокие долины, на единственное и неповторимое карстовое плато – тайное средоточие мира...

Но ровно за год до первой встречи с ней, в июле 1977-го, случилась удивительная экспедиция в Узбекистан, на карстовый массив Кырктау, в почти километровую пропасть.

Русская революция в технике прохождения отвесов

Пропасть называлась КИЛСИ. Расшифровывалась эта мудреная аббревиатура как «Киевская лаборатория спелеологических исследований», которую основали молодые киевские спелеологи Александр Климчук и Валерий Рогожников. Вместе со своей еще более молодой командой они открыли эту пещеру и проникли в нее довольно глубоко; до дна, однако, не дошли.

Летом 1976 года в КИЛСИ направилась группа крымских спелеологов под руководством Геннадия Серафимовича Пантюхина. Отработали успешно: спустились на километровую глубину и уткнулись в подземное озеро. Это был новый рекорд страны. Весть о нем мгновенно облетела спелеоклубы, всех взволновала и взбудоражила. Стало ясно, что новой общенациональной экспедиции не избежать.

Подготовка к экспедиции началась еще зимой. Главный организатор Илюхин получил из десятка городов заявки на участие в штурме пропасти. Народу собиралось очень много, и всех нужно было занять. И чтобы на этот раз не по-

лучилось скучных посиделок типа Снежной-1974, было задумано невиданное дело.

Красноярские спелеологи сказали, что могут нырнуть в озеро на дне пещеры. Чисто по-нашему: рекорды так рекорды. Для этого на дно, а потом, естественно, наверх нужно было транспортировать груз килограммов в триста – акваланги, гидрокостюмы, свинцовые груза, подземные лагеря, питание, примусы, бензин и много всего другого. Именно этой работой и предлагалось занять энтузиастов, столь неистово стремящихся побывать на дне самой глубокой советской пещеры.

Задача, впрочем, осложнялась тем обстоятельством, что свердловские спелеологи к тому времени придумали совершенно новую технику спуска и подъема на пещерных вертикалях. До того времени техника преодоления отвесов была уже не простой.

Вниз спускались по веревке с помощью какой-либо разновидности спускового приспособления. Наиболее популярной была так называемая «рогатка», хотя встречались «восьмерки», «китовый хвост», «треугольники». При спуске считалась обязательной страховка за параллельно висящую вторую веревку. Страховались «двойным схватывающим» узлом, который иначе назывался «пруссик». Обе веревки крепились на верху колодца и свисали до дна. Спелеологи с видимым удовольствием быстренько «просвистывали» многометровые колодцы, хотя по правилам безопасности «ехать» вниз полагалось не быстрее одного метра в секунду, потому что веревка могла расплавиться от раскалившейся рогатки. Необходимость второй веревки при спуске строго обосновывалась теоретически и подтверждалась практическим опытом: при спуске по одной веревке уже были случаи падения в пропасть.

Подниматься же из колодца наверх приходилось, как и в предыдущие годы, по лестнице, страхуясь за одну из висящих рядом веревок. Так что на одном отвесе одновременно

висели сразу три, как их называли, «линейные опоры» – две веревки и лестница. Понятное дело, все это приходилось тащить на себе вниз, навешивать, потом снимать и сматывать, потом опять тащить – опять же на себе, но уже наверх. Недаром спелеология того времени характеризовалась как «переноска тяжестей в условиях, для этого непригодных».

Свердловские спелеологи из всех других выделялись вдумчивостью, упорством и хорошим отношением к собственному здоровью. Таскать туда–сюда бесконечные грязные мешки, по их мнению, было безумным расточительством жизни. Поэтому они сделали революционный, но очень русский шаг: изобрели тросово-веревочную технику. Собственно, изобрели они так называемый универсальный самохват, который мог зажимать как капроновую веревку, так и тонкий металлический трос. Теперь на отвес достаточно было навесить одну веревку и трос. Вниз спелеолог спускался по веревке, при этом страховался новым самохватом за трос. При подъеме – наоборот, цеплялся самохватами за трос, а страховался за веревку.

Такая техника несколько облегчала подземный груз: лишней оказывалась громоздкая и тяжелая лестница, а вторую веревку на отвесе заменял чуть более легкий трос. Однако появилась проблема выбора наилучшего способа подъема по тросу. Надо сказать, что к тому времени спелеологи уже устали лазить по лестницам и пробовали двигаться по одной веревке не только вниз, но и вверх.

Некоторые способы подъема юная отечественная спелеология заимствовала у альпинизма. Еще в начале 60-х обязательной была тренировка подъема по веревке на двух стременах, сделанных из шестимиллиметрового репшура: в нижний конец каждой петли, завязанной узлом «стремя», вставлялась нога, а верхний обвязывался двойным схватывающим узлом («пруссиком») вокруг веревки. Поочередно передвигая «пруссики» руками и задирая соответствующую ногу, а затем наступая на нее, можно было подниматься по

веревке вверх. Однако держать при таком подъеме равновесие и протягивать тугие узлы было трудно, поэтому вылезали на отвесах все-таки по лестницам, а способ «на пруссиках» отработывался на крайний случай.

Впрочем, вместо «пруссиков» предлагались экзотические самохваты – «абалазы», придумал их альпинист Виталий Абалаков. Они были гнуты из стального прутка и не зажимали, а перегибали веревку. Но мы их так ни разу и не испытывали.

Вверх по веревке все же ходить хотелось. Поэтому осенью 1965 года я придумал новый вариант подъема на «пруссиках». И поскольку не терпелось, решил, не откладывая, испытать его на отвесной стене. Вместе с моим учеником-спелеологом Сашей Власовым поздним октябрьским вечером мы приехали в Царицынский парк к декоративной башне «Руины». Уже в темноте на ближайшей скамейке переделались в спортивное и навесили на башню веревку. Будучи не уверен в успехе, я попросил Сашу страховать меня сверху, за грудную обвязку. Сам обкрутил вокруг веревки два «пруссика»: один прикрепил к своей беседке (или нижней обвязке – вокруг бедер), а другой – к стремянам от обеих ног. Потом подтянул колени к плечам, повис, сидя на беседке, и продвинул «стременной пруссик» по веревке вверх. Встал, держась за веревку, на ноги и продвинул вверх уже «беседочный пруссик». Опять сел на беседку, но оказался уже на полметра над землей. И так, приседая и распрямляясь, как гусеница-землемер, пополз по веревке к вершине башни. Получалось медленно, но сил на подъем я тратил совсем не много. Открытие окрыляло, а минимизация энергозатрат вселяла надежду на то, что способ приживется.

Тем временем хорошо обученный Власов надежно страховал. Вдруг я услышал шорох у скамейки с нашей одеждой. Попытался рассмотреть, что там происходит, но было кромешно темно. И тут выяснилось ужасное неудобство но-

вого способа подъема на пруссиках: от веревки было невозможно отцепиться. Я крикнул Власову, чтобы он бросал страховку и бежал к скамейке, а сам, как пьяная гусеница, пополз вниз. Только встав на землю двумя ногами, смог освободиться от пут. Естественно, наших вещей на скамейке не было. Напрасно мы метались по холодному ночному парку в поисках злоумышленников и бегали за помощью в милицию. Мои великолепные новые польские «вибрамы» и Сашкино пальто пропали бесследно. Остальное было малоценно и не жалко.

Тем не менее, этот печальный опыт не пропал. Через несколько лет я снова лез вверх по веревке на башне в Царицыно тем же способом, но только место пруссиков уже занимали жумары, отлитые по образу и подобию бельгийских нашим клубным мастером Володей Будкиным. Лезть было гораздо удобнее, если жумар, пристегнутый к беседке, еще и привязать верхним концом к грудной обвязке. При этом встегиваться в веревку и слезать с нее оказалось очень легко, а скорость подъема была вполне сравнима со скоростью подъема по лестнице.

Это открытие вызвало двоякое оживление в спелеообщественности: одни приняли способ «на ура», другие (у кого не было жумаров) несли его почем зря. Основные аргументы против: 1) трудно переходить углы – там, где веревка перегибается через уступ, 2) при подъеме на больших отвесах веревка растягивается на несколько метров и употеешь делать приседания на дне глубокого колодца, 3) при подъеме «лягушкой» веревка трется об уступы и может порваться, 4) по мокрой и грязной веревке жумары «едут», и вообще веревка может из них выскочить, 5) при таком подъеме устаешь гораздо больше, чем по лестнице. И так далее.

Однако те, кто попробовал, увидели, что это хорошо. К спелеологам городской секции, у которых жумары были, это относилось в первую очередь. Они начали лазить в пещеры на одних веревках и учить этому новичков. Илюхин даже

попросили меня описать «лягушку» в брошюре по подготовке спелеологов. Что я и сделал, сопроводив текст красивыми картинками и пояснениями. Брошюра была напечатана в 1975 году, когда до изобретения универсального самохвата оставалось еще два года, а до распространения техники СРТ, где «лягушка» только и применяется, – почти десять лет.

Универсальный самохват напрочь сгубил придуманный мой способ, который, как показала история, вел прямоком в Европу. Но Россия – страна великих умельцев, нам нужен особый путь. Вот они, народные герои: Крякутный и Можайский, Ползунов и Черепанов, Кулибин и Левша. Вроде все сами можем, да вот что-то не пляшут аглицкие блохи с нашими подковами. Потому и постукиваем по рельсам на машине Уатта, по воздуху плывем на Монгольфьерах да на модификациях «Дугласа», а по асфальтам несут нас бывший «опель» да родной до боли «фиат». Так и со спелеотехникой. Ушли мы в свой российский тросово-веревочный путь на целых двадцать лет. И способы ведь отменные придумали для подъема: «колено-стопа», «колено-рука»; один спелеолог даже специальный железный костыль с собой носил в пещеру – тяжелый, но по тросу удобно ему ходить было.

И все эти муки творчества по придумыванию способа подъема по тросу выпали именно тогда, когда под сотню человек собралось для регистрации нового рекорда страны и для небывалого в нашей истории проныривания (или хотя бы просто ныряния) с аквалангом в сифон на бесконечно глубоком дне почти километровой пропасти.

Вавилонская поляна

В конце июля 1977 года московская команда выехала в Среднюю Азию двумя группами. Молодежь с грузом – на поезде, спелеологи постарше – на самолете. Я был уже постарше. Летели до Ташкента. Выгрузка из прохладного лайнера на раскаленный бетон подтвердила, что пункт посадки правильный: это был настоящий Ташкент. Но нам нужно бы-

ло в Самарканд, и с толпой других пассажиров мы набились в местный «Ан-24», который еще с час стоял на поле, не включая двигателей. Если снаружи атмосфера напоминала легкую финскую сауну, то внутри была полная душегубка. С кем-то случился удар, и его вынесли. Но на удивление самолет все-таки взлетел и даже хорошо приземлился. Был уже прохладный вечер, и мы без плохих эмоций прибыли на детскую туристскую станцию, где уже собирались всесоюзные спелеологи. Обширный двор станции был заставлен рюкзаками и завален экспедиционным хламом: касками, канистрами, катушками с проводом, ведрами, коробками какими-то. Среди всего этого беспорядка лениво возлежали бледные спелеологические тела, трудно переживающие гипертонический скачок времени и климата.

Экспедицию курировали, а отчасти финансировали и снабжали местные власти (вплоть до секретаря обкома): еще бы, здесь, на родной самаркандской земле, открывалась глубочайшая пещера страны, а если постараться, то и всего мира! Поэтому к спелеологам относились внимательно, кормили виноградом; выпивших милиционеры не трогали. Осмотр достопримечательностей столицы Тимура и праздника отложили до конца экспедиции.

На следующий день человеческий компонент экспедиции с легкими вещами был распределен по грузовикам и автобусам, а не способный к самостоятельному движению вещевой компонент порциями, но торжественно залетал к пещере на вертолете. Кортёж автомобилей тронулся, и горы, синевшие на горизонте, стали быстро приближаться. В городе Ургут, над которым нависли крутые коричневатые скалы, людей перебросили на трактор и повезли в гору к одиноко стоящей буровой вышке; там дорога кончилась.

С вершины хребтика, над которым торчала вышка, открывался специфический местный вид. Голые желтоватые низменные пространства на севере с белыми пятнами селений перемежались зелеными линиями насаженных вдоль до-

рог деревьев. На юге, наоборот, просматривались высокие снежные горы. Кто-то сказал: «Фанские». С востока на запад тянулась длинная горная гряда, по которой нам предстояло прогуляться до места дислокации входа в новую гигантскую пропасть.

Бледно-зеленые безводные холмы, узкие, паутинно ветвящиеся овечьи тропы, оскалившиеся белые клыки камней, палящее солнце над головой – вот панорама пути до плато Кырктау. Почти кавказская карстовая альпика, только жесткая колючка вместо разнотравья да дикая дневная жара.

Плато Кырктау выглядело вначале уныло. Широкая, плоская лощина, похожая на огромное корыто, возвышалась к северу – к обрыву и, наоборот, понижалась к центру массива. Казалось, что ниоткуда, прямо с неба падает на плато и медленно стекает в низину, в одну точку, гигантская желтоватая река. Это дрожащий от жары воздух на горизонте да низкая и редкая трава, шевелящаяся на теплом ветру, создавали обманчивое впечатление течения. Однако в период снеготаяния вода и впрямь должна была течь сюда, в эту одну единственную точку: воронку глубиной метра три. Ничего примечательного в этой воронке не было, таких в Крыму на Караби-яйле тысячи. Но здесь, на Кырктау, щедрая логика Крыма не работала. В скупом карсте каждый объект был на счету, и именно в этой невзрачной воронке за отваленной глыбой скрывался ход в одну из самых глубоких пещер мира (конечно, по тем временам).

Унылый пейзаж сразу преобразился, как только спелеологи установили лагерь. Палатки выстроились правильным каре, их было много, штук сорок. Каждый клуб, город имел свою территорию. Из многих клубов выделялись наиболее известные: Красноярский, Свердловский, Ленинградский, Томский. И, конечно, Московский. Позже подошла школа киевлян во главе с Валерием Рогожниковым.

В центре лагеря установили гигантский тент с длинным деревянным столом и лавками внутри, это была общая

столовая, как в настоящей профессиональной экспедиции. Время от времени на плато прилетал вертолет, сливал воду, бензин, выбрасывал доски, выгружал ящики с яблоками и виноградом. Обо всем этом неустанно заботились местные власти, вдохновленные перспективой иметь на своей территории самую глубокую пещеру. Немалую лепту в эту призрачную надежду внес Володя Илюхин, почти год потративший на переговоры с узбекским правительством и самаркандским муниципалитетом. Так что в целом спелеологи чувствовали себя отнюдь не заброшенными. Тем более, что вместе с вертолетом на плато регулярно налетали различного уровня корреспонденты и просто любопытные начальники, не упускавшие шанса побывать на отдаленном, но таком уже известном плато и хотя бы на час приобщиться к горной и пещерной экзотике.

Днем в базовом лагере стояла страшная жара. Злое солнце нещадно сжигало спины, носы и уши. Несмотря на сухость воздуха, хотелось пить. Поэтому вода расходовалась гораздо быстрее, чем мог обеспечить вертолет. Для укрепления системы водоснабжения нам были выделены в безвозмездное пользование два флегматичных ишака. Одного из них почему-то все звали по-русски Федя. Пастух, вручивший нам это микростадо, объяснил, что кормить ишаков не надо. Вокруг в изобилии росла твердая зеленая колючка; от одной мысли, что такое может оказаться во рту, становилось жутко. Однако ишаки безостановочно и с видимым удовольствием колючку ели. Правда, по ночам страшно и громко орали, наверно, в животах у них все-таки покалывало. К ишакам прилагались четыре пятидесятилитровые бочки для воды и кожаная плетка «камча». Пастух пояснил, что бить ишаков камчой ни в коем случае не следует, они обидятся, и результат будет нулевой. Нужно просто показать камчу с одной стороны, тогда ишак пойдет в противоположную. Такая регулировка движения позволяла более или менее успешно

осуществлять ежедневные походы за водой к источнику в нескольких километрах от лагеря.

Первые дни экспедиции были посвящены разрешению непредвиденных противоречий. Как оговаривалось заранее, красноярцы привезли с собой для ныряния в озеро на дне пропасти все необходимое: баллоны, редуктора, легочные автоматы, свинцовые груза и маски. Прохождение с аквалангом сифонного хода на такой глубине явилось бы гигантским достижением; в отечественной спелеологии, да, пожалуй, и в мировой, такого еще не случалось. Конечно, нужно было нырять! Руководитель красноярцев неторопливый, но основательный Юра Ковалев уверенно сказал, что их команда с нырянием справится, было бы куда плыть.

Но все оборудование для ныряния до сифона нужно было аккуратно донести. А потом – вынести обратно на поверхность. Одних красноярских сил для этого явно не хватало. Остальных, как выяснилось, роль шерпов для элитных ныряльщиков абсолютно не устраивала. И в первую очередь – изобретателей новой техники спелеологов из Свердловска. Еще до начала экспедиции свердловчане прямо-таки настояли на том, чтобы их новое, еще не до конца доведенное и обкатанное снаряжение для страховки и подъема по тросу было использовано в экспедиции всеми участниками. Всем гарантировалось получение во временное пользование, а финансово состоятельным желающим – покупка – универсальных самохватов хорошего качества. Правда, предлагалось несколько модификаций: с поджимающим тросиком, или вовсе без него, или сразу с двумя. Были и кое-какие совсем уж малябарианные варианты, изготовленные уже якобы в Красноярске. И это все притом, что кроме свердловчан и, может быть, нескольких красноярцев, по тросу лазить никто не умел. Только через год на Воронцовке пройдет знаменитый семинар старших инструкторов спелеотуризма, где и в теории и на практике всесторонне будут изучены все детали тросово-веревочной техники, и свердловчане как лидеры в

новой технике и тактике прохождения пещер зазвучат там первой скрипкой.

Зуд лидерства чувствовался ими уже на КИЛСИ, и начальство свердловской группы высказалось в том смысле, что другие спелеологи ныряльщикам-красноярцам вовсе не вспомогатели и вроде как не шерпы. И вообще, в этой пещере нет смысла нырять в донное озеро, ничего там нет. Красноярсцы, наоборот, к нырянию были готовы, их драгоценное подводное снаряжение, привезенное в тьмутаракань, сверкало на солнце и явно не переносило праздности. Назревал серьезный вавилонский вариант разговора на разных языках, грозящий разрушить стройное здание небывалой пещерной экспедиции. К счастью, методами длительной, почти двухдневной народной дипломатии, в которой мне пришлось принять самое активное участие, конфликт был разрешен, и свердловчани согласились принимать участие в транспортировке подводного снаряжения.

Кстати, это были годы, когда начали составлять первые тактические планы прохождения (тогда называли – штурма) сложных пещер. «Начальники штабов» просиживали днями и ночами, подробно расписывая, какая группа (называлось число участников) в каком составе (озвучивались фамилии) на какую глубину (указывалась отметка глубины) что понесет (перечислялось число мешков и их содержимое). Определялось, какую еще работу эта группа будет делать, где ночевать, что есть, чем согреться. Притом неукоснительно блюли принцип соответствия квалификации участника и категории сложности части пещеры, где тому предстояло спелеопутешествовать. Все скрупулезно подсчитывалось, сводилось в единые таблицы закупок и паковки груза, в графики прохождения пещеры (так называемую «пилу») и в специальные пояснительные записки. Как никому, мне хорошо была знакома эта работа: по планам, в составлении которых я принимал участие, проводились еще первые экспедиции в Снежную.

Однако тактика тактикой, но нужно было учиться лазить по тросу. И по вечерам, когда чуть спадала жара, десятки людей облепляли ближайшие скалы, и ползали вверх-вниз по тонким тросам, покряхтывая и тихо ругаясь. Техника шла туго.

Тем временем врач экспедиции москвич Миша Максимов внимательно следил за чистотой фруктов и овощей, а также за состоянием соседней воронки, в которой устроили туалет. Воронку каждый день густо засыпали хлоркой, и эта предосторожность не казалась лишней: предыдущая экспедиция, по слухам, страдала массовой диареей.

В нашем случае хлорка помогла. Видимо, отсюда перенял опыт еще молодой тогда физик Николай Невский, который через пару лет вдруг оказался «врачом» в экспедиции на Снежной и очень успешно лечил хлоркой.

В экспедиции собрались известнейшие и сильнейшие спелеологи страны. Красноярцы Юрий Ковалев, Юрий Карначев, Ренат Асбаув. Свердловчане Юрий Лобанов, Александр Рыжков, Юрий Новиков, Александр Вишневский. Питерцы Николай Коврижных, Эдуард Алекас. И, конечно, москвичи: ветераны Владимир Илюхин, Олег Падалко, Маргарита и Владимир Шашурины, Валерий Фурман; среднее звено – Вольдемар Арефьев, Николай Невский и молодые еще, но подающие надежды Михаил Дякин, Валентина Касицкая, Владимир Киселев, Андрей Болсунов. Московская команда (за исключением киевской школы) была самой многочисленной, она же, как потом оказалось, больше всех и отличилась.

Акклиматизация

Наконец, противоречия снялись, тренировки на скале закончились, и наступили долгожданные дни штурма глубочайшей, почти километровой пропасти. Напомню, что к тому времени официальная глубина Снежной была всего семьсот метров.

Электрические фонари, брезентовые, реже лавсановые комбинезоны, брезентовые рукавицы-верхонки, шерстяные свитера, рейтузы и носки, абалаковские пояса и карабины, беседки-обвязки из куска стропы, самодельные резиновые гидрокостюмы – вот одежда и снаряжение спелеологов той экспедиции.

Для подземных лагерей шили палатки из парашютного шелка, покупали или шили синтетические, а то и ватные спальные мешки, затаскивали под землю тяжеленные надувные резиновые матрасы, примуса и бензин.

Ели под землей сухари, кашу с тушенкой, пили чай с сахаром и печеньем. Был и шоколад. И открывали, проходили, исследовали новые пещеры. Десятки и сотни пещер.

В той экспедиции впервые стали делать компактную упаковку веревки. Ее зацепляли за бур коловорота и плотно наматывали виток к витку так, что стометровый конец легко помещался в один транспортный мешок. Позже догадались обходиться без инструмента и сматывали веревку на руках.

Мой первый выход, как теперь говорят акклиматизационный, был в паре с Ренатом Асбаувым. Мы с ним познакомились за год до того на сборах инструкторов на Алеке (об этом речь впереди). Железный, невозмутимый «потомок хана Мамая» был прекрасным спутником, разве что не слишком разговорчивым.

Надо сказать, я все же побаивался новой техники, не в том смысле, что упаду вниз, а не хотелось неизбежной неловкостью срамиться перед товарищами. Поэтому в личной сумочке кроме новых универсальных самохватов (кстати, оба – без подпружиненного тросиком кулачка) я постоянно носил с собой два проверенных годами жумара и при необходимости всегда мог подняться по веревке «лягушкой», страхуясь свердловским самохватом за трос.

Мы должны были забросить на глубину четыреста метров несколько мешков в подземный лагерь, который там уже успели установить. Для двух крепких тридцатилетних

парней это была смешная задача. Нырнув в свои подземные одежды (естественно, в гидрокостюмы тоже), мы пролезли в узкий ход под глыбу, вниз, в пещеру и... ослепли. В отличие от светлых известняков Крыма и Кавказа, порода, в которой залегла КИЛСИ, оказалась темно-бурой, неблестящей, покрытой тонким слоем абразивной какой-то серой глины. Наш несильный электрический свет совершенно терялся, поглощался стенами. Прошло некоторое время, пока глаза привыкли к этому слабому, несколько туманному освещению.

Хо́да пещеры мы, конечно, не знали, но снаряжение в ней было уже навешано и, ориентируясь на навеску, здравый смысл и чутье, мы двинулись вниз. Потом разглядели также, что по пещере протянут тонкий телефонный провод.

Особых красот в верхней части не оказалось. Только в одном месте путь преградила решетка из мутных сталагматов, нещадно разбитых молотками предыдущих экспедиций: они загораживали ход дальше. Потом был еще какой-то неясный шкурник, называемый «Земляничка», – вроде бы в былые времена тут спелеологи поедали варенье с таким же именем. Продираясь в узости и спускаясь по уступам и мелким колодцам, мы с Ренатом быстро спустились до отметки триста тридцать метров, где пришлось встать в очередь. Здесь начинался семидесятиметровый колодец, на дне которого, чуть сбоку, на уступе располагался лагерь-400.

Желающих спускаться туда или спустить по веревке свой груз было довольно много и мы, прождав часа два, стали мерзнуть, хотя пещера была сравнительно теплой (около 6° выше нуля) и в ней было мало воды. По полу струился мутноватый ручеек, образуя лужи в водобойных ямах под колодцами.

Наконец пришла наша очередь, мы спустили наш груз по веревке вниз и свободные двинулись к поверхности. Вот тут-то и стало ясно, что новое снаряжение для подъема еще далеко от совершенства. Если по лестнице я выбегал пятидесятиметровый колодец за три минуты, то с тросом и веревкой

у меня поначалу вышел полный конфуз. То, что хорошо получалось на поверхности, под землей совсем не шло. Способ подъема был самый передовой: «колени–стопа». Один самохват крепился к колену с помощью веревочки, второй – тоже веревочкой – привязывался к внутренней стороне стопы другой ноги. На грудную обвязку (как правило, альпинистский абалаковский пояс) крепился карабин, в который, как и в самохваты, вдевался трос. Попеременно двигая ноги и зажимая самохваты на тросе, я делал шаг за шагом к верху колодца, а карабин не давал мне опрокинуться, что без него непременно случилось бы, так как точки опоры (самохваты на ногах) всегда оказывались существенно ниже центра тяжести (где-то в животе). Ко всему прочему приходилось еще один самохват все время тащить вверх по параллельно навешенной веревке: пристегнутый репшнуром к верхней обвязке он играл роль страхующего устройства.

Теоретически все выходило прекрасно, но на практике дело шло весьма туго. То трос не хотел протягиваться через нижний (на стопе) самохват, то ограничивающий отбрасывание карабин вдруг соскальзывал вниз, и тело скрючивалось вокруг троса в неестественной позе. Если, конечно, вообще считать естественным процесс лазания по тонкой стальной нити. Ко всему прочему, ничем не подпружиненные кулачки самохватов скользили и не «хватали» опору. В результате я по несколько минут буксовал на одном месте, пока не удавалось изловчиться и придавить эти проклятые кулачки руками.

Потом стало совсем плохо. У одного самохвата трос попал между щечкой муфты и кулачком; его намертво заклинило, и это был конец. Я завис на высоте десять метров и мучительно долго выдираю одну железку из другой. Шли минуты, шли часы. Давали себя знать голод и усталость. Выбравшись на верх одного из отвесов, я крикнул Ренату, что навеска свободна. Ответа не последовало. Я крикнул еще раз. Опять тихо. Понимая, что ничего страшного с Ренатом не произошло, и все же волнуясь и чертыхаясь на проклятые

уступы, я снова спустился на рогатке вниз. Стало досадно и смешно. Мой спутник, как младенец, нежно похрапывал на дне уступа, причем значительная часть его тела, облаченного, правда, в гидру, мирно покоилась в глубокой луже. В такт похрапыванию вода в луже мерно колыхалась.

Мы вышли на поверхность уже ночью. Было звездно и холодно. Ренат потопал искать свою палатку в длинном строю на красноярской территории. Мне было легче: штабной флагманский домик, шитый из веселенького ситца в цветочек, стоял первым, совсем не далеко от входа в пещеру. Этот домик шили девушки из нашей секции в расчете на жуткую среднеазиатскую жару. В домике ночевали Илюхин, Падалко, Фурман и я. Около него стояли четыре кружки с водой, их выдавали по одной каждый день – на чистку зубов и мытье тела. Но совершать утренний туалет было нелегко: за ночь вода в кружке промерзала почти наполовину.

Русская баня в спальном мешке

Экспедиция шла полным ходом, когда в дело была брошена наша сборная команда. Уже была сделана навеска до восьмисот метров и установлены два лагеря на глубине четыреста и восемьсот метров. Настало время установки лагеря-900. На эту работу попали ветераны спелеологии. Группу из шести человек составили Илюхин, Падалко, Лобанов, Коврижных, Асбаув и я. Такой состав вызвал тихое изумление среди участников экспедиции: лихие красноярцы и упорные рассудительные свердловчане определенно считали, что москвичи, и в первую очередь Володя Илюхин, – весьма слабые спортсмены и годятся скорее на то, чтобы важно надувать свои начальственные щеки.

Не тут-то было! Кроме установки подземного лагеря нам предстояло доделать навеску до дна пещеры, занести туда продукты для себя и ныряльщиков, протянуть телефон и... сделать «гидронивелирование» нижней части пещеры, заявленная глубина которой вызывала некоторое сомнение.

То есть нам предстояла нуднейшая работа по замеру глубины с помощью гидронивелира – хрупкого прибора, позволяющего наиболее точно определить превышение одной точки пещеры над другой.

Сборы были недолги, и вот наша шестерка двинулась к входной воронке. К тому времени в качестве солнцезащитного тента над ней расстелили большую белую простыню. Действительно, в тени натягивать на себя шерстяные свитера, резиновые гидры и уже грязные, затвердевшие комбинезоны было значительно легче, чем под палящим солнцем. Кто-то пришел под тент сфотографировать наше одевание и уход под землю. Все, кроме Лобанова, легко перенесли бремя известности. Юра, однако, закрыл лицо рукой в пароксизме суеверия. Пещера, действительно, была глубокой и опасной, а наш выход нешуточным.

Уже в начале пути нам вручили по мешку. По слухам, в них была еда и это делало переноску более приятной. С таким небольшим грузом мы, не торопясь, двинулись вниз, перекрикиваясь на колодцах и передавая мешки в узких местах. Обычный пещерный труд. Шли даже как-то весело и не боялись устать или замерзнуть, нас согревало предвкушение переночевать в уютном лагере-400. Оттуда позвонили еще до нашего выхода и сообщили, что лагерь для нас будет свободен.

Впервые мы спускались в семидесятиметровый колодец этой пещеры. Рогатки по веревке шли легко, самохваты скользили по тросу плавно. Если отпустить руку, самохват цеплялся за трос, и это наполняло уверенностью в надежности страховки.

И тут гладкий ход событий неожиданно нарушился. Вдруг оказалось, что в самом низу колодца веревка и трос плотно переплелись друг с другом. Пришлось применять непростую гимнастику, для того чтобы распутать под собой эту мотню. Причем, если один спелеолог, спускаясь вниз, все распутывал, то следующий запутывал снова: рогатки сильно крутили веревку.

На дне колодца все собрались, порядком измотавшись на навеске. Поднялись на высокий уступ к подземному лагерью. И тут нашим глазам явилась крайне безрадостная картина. По стене колодца тонкой пленкой сочилась грязноватая глиняная вода. Она текла под полиэтиленовую крышу, поползала на белый капрон палатки и пропитывала его, оставляя темно-серые следы. Потом проникала внутрь и заполняла толстые спальные мешки, нам места не было. Мешки были мокры насквозь; каждый, напитанный тяжелой влагой, весил килограмм по десять. Тут-то мы и вспомнили о легкомысленной небоязни устать и замерзнуть! Но делать было нечего, КИЛСИ устроила нам первое суровое испытание – ночевку в лагере-400.

Кто не бывал в глубоких пещерах высокогорного карста, тот никогда не поймет отвращение человека перед насквозь мокрым спальным мешком. Он ведь еще и ледяной, как мертвец! Но борьба за жизнь и тепло у настоящих спелеологов в крови. Мы быстро сообразили, что нужно сделать. Скоро загудели маленькие, но сердитые примуса «Турист» отечественного производства, я взял один из них и полез в чрево ближайшего спальника. Внутри мгновенно стало жарко и влажно, как в русской бане, снаружи из спальника повалил густой пар. Скоро дышать в этой парилке стало нечем, я начал изнемогать от жары; к тому же резко захотелось поест. Илюхин с Коврижных колдовали над чаем, Асбаув грел второй трехместный спальник, Падалко и Лобанов резали колбасу и ломали шоколад. Покидав еду в рот, все по команде прыгнули в нагретые мешки, из которых предусмотрительно убрали примуса. Втроем в спальниках было тесновато, очень влажно, но тепло. Тела в неге расслабились, слышался первый довольный храп. Я тоже забылся в сонных грезax, но не забыл перед тем посмотреть на часы, которые болтались на веревочке у меня на шее. Было полвторого ночи.

Проснулся я от легкого озноба, но скорее все же от того, что весь наш спальник сотрясала асинхронная дрожь. Со-

седи силились сделать вид и убедить себя, что спят, но это им явно не удавалось. Слышалось даже, как стучат зубы от холода, причем в соседнем мешке стучали почему-то громче. Стало ясно, что дальнейшее пребыванием в такой позиции не только не даст отдыха, но может нанести непоправимый вред здоровью. Почки так застуживаются быстро и навсегда. Я робко предложил повторить процедуру нагрева спальников, и это вызвало бурную положительную реакцию. Для ускорения процесса в спальник теперь лезли сразу двое с двумя рычащими «Туристами». Несколько минут парилки, потом команда, и все снова блаженно впали в забытье. Я опять посмотрел на часы. Было три часа ночи.

Третий прогрев оказался последним, и в шесть утра озябшие, не выспавшиеся и суровые от всего этого спелеологи уже натягивали на себя тесные мокрые гидры на не менее мокрое «исподнее», а сверху на гидры надевали тоже вдрызг промокшие, но к тому же мерзко грязные комбинезоны. Все-таки спелеология – занятие не для слабонервных. Зато поели от души: в продуктах недостатка не было.

Подземные поросята, гидронивелир и взлетная полоса

Следующий этап нашего путешествия носил число транспортировочный характер. Требовалось доставить груз в лагерь-800 и там переночевать. Тут прозвучала великая фраза, которая преследует меня всю оставшуюся жизнь, ее произнес Олег Вадимович Падалко. Он сказал: «Надо волноваться поэтапно!». И получилось, что называется, не в бровь, а в глаз, поскольку этот транспортировочный этап заставил нас очень серьезно поволноваться: на дне колодца в ожидании транспортировки лежали двадцать шесть туго набитых всякой всячиной мешков. Двадцать шесть! На шестерых, наверное, не самых молодых и не самых здоровых (в смысле физической силы) почтенных мужчин. Можно сказать, основателей современной отечественной спелеологии. Я тогда

подумал: Илюхин есть, Лобанов есть, Коврижных есть. Дублянского для комплекта не хватает.

И мы пошли, если этим словом можно назвать то, что началось. Вытягивались в цепочку по меандрам и передавали друг другу мокрые, серые, тяжелые трансы. В те времена их делали примитивно. Шили из брезентухи мешок, в нижней части по диаметру прорезали две дырки. В дырки вставляли репшнур, им завязывали горловину и он же служил лямками для переноски. Такой мешок держался всего одну экспедицию и хорошо, если «доживал» до ее конца. Реп быстро продирает верхонки, потом безжалостно режет кожу ладоней. Из намокшей или задубевшей от грязи петли горловина мешка часто выскальзывала, мешок раскрывался, содержимое из него сыпалось. Бывало, реп или брезент рвались на отвесах, и тогда с ревом и гудом транс несся к центру Земли, и это бывало очень опасно, хуже камнепада. Одно из основных правил тех времен: «никогда не стой под навеской, когда по ней лезет человек, но прячься в щель, если наверх тянут трансы».

Мы гнали и гнали вниз нескончаемое стадо плотных брезентовых «поросят». Прицепляли к себе по два–три мешка и, рискуя навсегда зависнуть на малознакомой тросовой самостраховке, спускались в колодцы по сорок–пятьдесят метров. Был один и в девяносто метров глубиной. Темно-серые стены пропасти с изумлением прислушивались к филологическим изыскам, которые сопровождали разматывание путаницы троса с веревкой, к тому же с тремя трансам, привязанными к поясу. То, что не удавалось увезти по отвесу с собой, прицепляли к вытянутой веревке и через рогатку спускали товарищам.

Тут неожиданно выяснилась положительная роль троса как направляющей для спуска мешков. Трос оттягивался в дальний угол дна колодца, в него сверху встегивали карабин с навешенными на него трансам, и по этому наклонному троллею мешки доезжали до адресата, не цепляясь за стены и уступы. Мы стали спускаться таким образом сразу по шесть

мешков, и дело пошло заметно веселее. Нечего и говорить, что к концу дня рукавицы у всех протерлись, руки были изодраны в кровь.

В лагерь-800 мы прибыли в 10 часов вечера. Глаз радовала белая стерильно-чистая палатка, стоящая, как дворец, в сухом зале на коричневой глине. Однако нашим чаяниям уютно здесь поспать сбыться было не суждено. В тот самый момент, когда мы спустились в зал лагеря-800, снизу показалась менее многочисленная, но не менее усталая группа свердловчан во главе с Александром Рыжковым. Суровые покорители недр были измотаны навеской снаряжения, насколько хватило. Они сказали, что до места последнего лагеря отсюда уже недалеко, и будет лучше, если мы сократим одну ночевку, поставив сразу лагерь-950 и переночевав в нем.

К нашему счастью, часть «поросят» оставалась в лагере-800, и мы приняли этот удар судьбы с некоторым все же облегчением. Но дальнейший путь продолжался уже почти во сне. Мы на «автопилоте» прицепляли мешки за веревку, спускали их вниз, потом цеплялись и спускались сами. Стены плыли вверх, не торопясь, но неумолимо. По каскам стучала вода. Хотелось есть вкусное и спать в тепле. Когда пошли колодцы без навески, силы кончились совсем. Кто-то бил крюки, кто-то разматывал и швырял в колодец веревку, кто-то тянул тоненький зеленый телефонный проводок. Кто-то сидел на мягких трансах и наблюдал плавные движения работающих.

Один колодец сорок метров. Следующий – тридцать пять. Смотрю сквозь дырку в верхонке как веревка рвет кожу ладони. Совсем не больно. Снизу крик: прибыли на место лагеря. Что ж, неплохо. Но можно уже идти дальше, в сифон. Почему бы нет? Ах, не надо, ну ладно...

На просторном дне колодца выбираем место поровней и без очевидного дождя, раскладываем и натягиваем палатки. Сверху – новенький блестящий полиэтилен, по крыше мерно и звучно лупит капель. Надуваем матрасы, вытаскиваем дев-

ственно чистые и сухие двухместные спальники. Что-то за-
пихиваем в рот. Я беру телефонную трубку, прикручиваю
один ее провод к зеленому концу, другой – глубоко топлю в
луже серой воды. Нажимаю кнопку, телефон противно пи-
щит. Как ни странно, в трубке раздается голос дежурного по
связи. С далекой, такой теплой и сухой земли, где у всех чистые
одежды, светлые веселые лица и неокровавленные руки.
С недостижимой земли. Докладываю, что мы выполнили
первую задачу: поставили лагерь-950 и ложимся спать.
Спрашиваю время, лезть за шиворот за часами противно,
больно и лень. Говорят: восемь утра. Мы шли вниз столько
же часов, сколько «поросят» было в нашем «стаде» – два-
дцать шесть. Пусть мелкое, но очередное совпадение. Или
просто я слишком дотошный.

Отрываю телефон от провода и падаю в сухую палатку
в дивный теплый спальник под бочок Олегу Падалко.
Сразу накрывает сон.

Снились красивые девушки – это у меня почти всегда
под землей. На этот раз, впрочем, весьма целомудренно, хотя
бывало по-разному. Может, поэтому и в пещеры так долго
хожу? Было тесновато, и мы крутились с боку на бок на вол-
нующихся матрасах. Никогда не приходилось ночевать на
такой глубине. Но ощущения большой глубины, изолирован-
ности, опасности не накрывало. Была усталость.

Наконец определенно проснулись. По-прежнему сухо
и тепло: мы грамотно укрыли лагерь пластиковой крышей,
вода не попадает под тент. Она журчит рядом в ручейке, и
этот звук заставляет вылезать из палатки и уединяться на
краю ближайшего обрыва. Ощущение состоявшегося отдыха
и счастья, хотя тело вялое, а в животе – сильный голод. К то-
му же нестерпимо болят опухшие и ободранные пальцы и
кости рук. Ничего, сейчас немного намокнут, разомнутся и
отойдут. Смотрю на часы: восемь ноль-ноль. Опять совпаде-
ния преследуют меня, спали ровно двенадцать часов. Иду к
телефону, прикручиваю проводок, нажимаю зуммер. Сверху

глуховатый голос какого-то другого дежурного звучит строго, с упреком: «Какого... вы пропали? Что случилось?» Я не понимаю причины злости и косноязычно говорю, что только проснулись мы, туалет у нас тут и все дела... Завтрак, вот. Сверху слышится определенное облегчение. Сверяем время с базой. Да, действительно, восемь часов. Но не вечера, а утра. Мы проспали ровно сутки. Крепкие ребята.

Илюхин прямо с утра не выпускал из рук гидронивелир. Ко всеобщему удивлению, он не разбился и работал, хотя никто не знал, в какой мешок его упаковали и при транспортировке специально не отслеживали. Все мешки одинаково пихали ногами и дергали на веревках. Также извлекли из недр груза топографический комплект, поскольку предстояло сделать топографическую карту поверхности сифонного озера на дне пропасти. Эта карта должна была помочь ныряльщикам сориентироваться по рельефу островов и полуостровов, если таковые на озере найдутся.

Острова нашлись. После завтрака и спуска еще в пару колодцев ниже лагеря наша команда ступила на камни, лежащие в мутной воде. Мы с Ренатом побегали по отмелям и глыбам, зарисовывая контуры берегов, беря азимуты и замеряя длины. Потом я рискнул и зашел в воду по пояс. Гидра не текла. Под ногами шевелились те же глыбы, может быть, немного более склизкие, чем на берегу. Я побродил по дну, определенного наклона в какую-то сторону не отмечалось, хотя глубокие ямы я старательно обходил. Может быть, там сифонный ход? Пока что было абсолютно не ясно, куда плыть с аквалангом. Тем не менее, я пометил все замеренные глубины на своей карте и примерно прикинул профиль дна озера. Когда через день мы встретили спускающихся нырять красноярских подводников, карту, лежащую у меня под каской, я отдать забыл. Потом она совсем потерялась...

Илюхин и Коврижных пошли наверх от озера с гидронивелиром. Решили, что наш лагерь-950 мы проследуем снизу вверх без остановки, а ночевать будем в лагере-800,

который на этот раз был полностью в нашем распоряжении. Проходя мимо кучи продуктов в нашем лагере, я вдруг ощутил такой непреодолимый голод, что схватил банку шпрот, открыл ее ножом и тут же с жадностью съел всех бледных рыбок без хлеба. Хотя вообще рыбные консервы недолюбиваю.

Движение вверх происходило налегке, поэтому особых приключений не было. Гидронивелирщики неистово измеряли глубину своим прибором и несколько сбивали темп. Иногда они сидели на колодцах по полчаса, оставляя пикеты в трещинах стен и на уступах. Потом пикеты снимали, чтобы не засорять пещеру бумажками. Думаю, у остальных участников нашей группы, как и у меня, в душе неуклонно росло сожаление о том, что по дороге вниз мы этот проклятый гидронивелир все-таки не разбили.

К вечеру шестерка загрузилась в лагерь-800. Как уже отмечалось выше, по сравнению с остальными двумя, этот лагерь был довольно сух. Его можно было бы назвать даже комфортным, если бы не одно обстоятельство. Пол невысокого грота, в котором стояли палатки, был покрыт толстым слоем жирной пластичной глины, нога в ней утопала до середины голени. Сапоги норовили завязнуть и соскользнуть с ноги, рискуя навсегда остаться в пещере. Мы с чавканьем прошлепали до спальных мест, сбросили свою почти втрое потяжелевшую обувь и весь вечер и ночь не вылезали из палатки, ну разве что по крайней нужде. Там же готовили и ели еду, вели бесконечные разговоры о науке, о спелеологии, о смысле жизни. Из дискуссии следовало, что последние два предмета тесно связаны друг с другом.

На следующий день где-то под девяностометровым колодцем ненавистный гидронивелир наконец сломался. Не исключаю, что имела место диверсия, но это не я. Потом уже на поверхности разбираясь в записях, Илюхин обнаружил, что глубина пещеры почти на тридцать метров меньше, чем было заявлено предыдущей экспедицией крымчан. Я не поленился и внимательно изучил съемку превышения, сравнил

ее со схемой навески и пришел к выводу, что Владимир Валентинович либо слукавил, либо просто-напросто потерял один колодец как раз тридцатиметровой глубины, один из тех, куда мы делали навеску в сомнамбулическом состоянии.

Под девяностометровой шахтой мы призадумались. Нужно было пройти весь отвес по тросу, а самохваты, надо сказать, слегка уже поломались. Где тросики разлохматились и не лезли в дырку втулки, где щечки разогнулись, грозя опасностью заклинить на середине огромного отвеса. Как-то не хотелось лезть вверх на новых самохватах. Тем более что из личных сумочек призывно выпирали испытанные жумары, которые все опытные спелеологи благоразумно прихватили с собой.

Пока мы размышляли, сверху раздалась жизнерадостные голоса, и мимо нас сверху вниз промчалась группа красноярских ныряльщиков, позвякивая карабинами о рогатки и баллонами об уступы. С некоторой уже стариковской завистью смотрели мы на этих невозмутимых здоровяков, которым предстояло небывалое подводно-пещерное путешествие, может быть, новое открытие. Потом все-таки на жумарах начали свой подъем в небо.

Я стоял в конце очереди и с интересом наблюдал, как Илюхин проходит «взлетную полосу». Выглядело это так. Массивный Илюхин пристегнулся жумарами к веревке, висевшей одним пролетом все девяносто метров. Потом он присел и одновременно поднял руки. При этом один жумар продвинулся по веревке вверх сантиметров на тридцать. Илюхин выпрямил ноги, встал. При этом жумар, закрепленный на груди, тоже поехал вверх по веревке на те же тридцать сантиметров. Однако Володя по-прежнему прочно стоял на дне колодца: длинная, сырая и отнюдь не статическая веревка легко растянулась на эти треть метра. Так присесть и встать нужно было раз двадцать, и только потом человек отрывался от пола и начинал двигаться вверх. Со стороны эти приседания с задранными вверх руками выглядели довольно

комично, особенно когда понимаешь, что такие бессмысленные действия совершает не сумасшедший, а доктор физико-математических наук.

Памятуя о правилах поведения в карстовых колодцах и шахтах, я на всякий случай отошел подальше от навески, к началу ведущего вниз колодца, куда сейчас спускался последний ныряльщик. И тут мое смешливое настроение вмиг испарилось. Снизу послышался страшный грохот, леденящее душу шипение и испуганные крики. Как выяснилось, на мешке с воздушным баллоном порвался репшнур, баллон сорвался вниз и со всего маху грянулся о камни. Представьте себе, что почувствовали люди, стоявшие на дне колодца! Прямо на голову вам летит не какой-нибудь спальный, пусть даже трехместный, а стальной разрывной снаряд, изнутри которого на каждый квадратный сантиметр площади давит сила в сто пятьдесят килограмм! Надо немедленно убегать, забиваться в щели и всячески маскироваться под складки местности, иначе непременно убьет. Но времени думать нет, да к тому же не видно ведь, что летит-то. Поэтому истинные спелеологи более всего полагаются на личное счастье и стараются не сердить Господа, когда живут обычной гражданской жизнью.

В тот раз всем повезло. Баллон, к счастью, никого не задел, корпус его остался цел, но вентиль своротило на бок, и целый кубометр воздуха с жутким шипом влился в пещерную атмосферу. Очевидцы утверждали, что в считанные секунды стальной цилиндр покрылся толстой коркой льда в результате термодинамического процесса. Сами очевидцы тоже ненадолго заледенели, но от ужаса.

Кстати сказать, в этой экспедиции мешки в колодцы летали часто, аккуратности и опыта спелеологам еще не хватало. Предусмотрительность, впрочем, присутствовала, и красноярцы прихватили с собой на дно два лишних баллона в расчете на то, что часть выйдет из строя. Так и случилось.

Когда я вернулся к низу девяностометрового колодца, Илюхин был уже наверху, Падалко занимал навеску; подъем одного человека занимал не меньше двадцати минут. Остальные спелеологи ждали своей очереди на подъем и тряслись от холода. Кроме одного. Лобанов молча и недвижимо сидел в углу зальчика и зубами не стучал. Я спросил, не холодно ли ему. Юра как всегда тихим и спокойным голосом ответил, что несколько не холодно. Причин тому было две. Во-первых, он успешно медитировал и вызывал космическую энергию для согрева своего организма. Во-вторых, как выяснилось, он каким-то неуловимым чутьем находил специальные места, где было чуть-чуть теплее, чем везде.

Этот необыкновенный феномен изумил меня тогда до глубины души и через год на сборах старших инструкторов у Воронцовских пещер я прошел у Лобанова краткий курс элементов простейшей йоги, научился согреваться и без труда переносить не слишком сильную боль. Потом в жизни мне эта наука очень пригодилась, особенно тогда, когда, будучи уже совсем не молодым, я спускался в километровые бездны и нырял там в глубокие сифоны с ледяной водой. Жаль только, что Лобанов не смог научить меня левитации.

Без ночевки в мокром лагере-400 наша шестерка за сутки (без отдыха, но с едой) добралась до поверхности. Стоял яркий солнечный день. Глаза слепли от света даже в тени тента из простыни. Предупрежденные о нашем появлении спелеологи пришли поприветствовать отважных ветеранов. Под простыней было тесно, щелкали фотоаппараты.

Когда из дырки под камнем показалась каска Илюхина, встречающие поставили рядом с ней маленькую клизму – атрибут начальника экспедиции. Для смягчения тона Валя Касицкая воткнула в пипочку клизмы три бледных азиатских цветочка.

Очарованный теплом, сухостью и солнцем, я не стал ложиться спать, а взял ишака Федю и сгонял за водой на источник. Нужно было очень фундаментально помыться.

Полиспаг и гирлянда

Красноярцы нырнули в сифонное озеро. Непосредственно перед этим они тщательно побрились, но это не был акт суеверия (белых рубашек тоже не надевали). Просто жесткая щетина бород и усов мешала подводной маске плотно прилегать к коже лица, в образующиеся щели затекала вода.

Но предосторожности не помогли. Вода озера сочилась сквозь каменный завал на дне; проходимого хода обнаружить не удалось. Это была и неудача, и все равно большое достижение. Впервые в нашей истории аквалангисты погрузились в сифонное озеро на такой огромной глубине – почти на километровой глубине по вертикали. И не просто погрузились, но тщательно исследовали сифон.

Другая заслуга этой экспедиции была в том, что после нее почти вся страна (если так можно выразиться) перешла с архаичных лестниц на тросово-веревочную технику. Кроме Свердловска и Красноярска универсальные самохваты стали делать в Ленинграде, Новосибирске, Москве. Десятки ведущих спелеологов страны получили неоценимый опыт длительных подземных путешествий со множеством подземных лагерей, с большим числом рабочих групп. Научились работать в разнородных коллективах, легче решать психологические и, если хотите, политические проблемы. Нет никакого сомнения в том, что Всесоюзная экспедиция в КИЛСИ 1977 года дала мощный импульс техническому, технологическому и тактическому развитию всей отечественной спелеологии. Кроме того, она явилась стимулом продвижения вверх по квалификационной лестнице для спелеологического молодняка, во множестве присутствующего на Кырктау.

Молодым еще предстояло отличиться в КИЛСИ.

Красноярцы вытащили снаряжение снизу до дна девяностометрового колодца. До поверхности оставалось еще шестьсот метров, а гора мешков с каждым уступом все росла. Наступал звездный час свердловчанина Юрия Новикова. Он

изобрел коромысло с двумя самохватами на концах, с независимой точкой подвески и специальным рычагом. Если установить самохваты на висящий трос и качать рычаг, попеременно передвигая и зажимая самохваты, то на этом тросе можно было – пусть медленно, но сразу – поднять невероятное количество груза.

Команда Новикова ушла на шестьсот метров демонстрировать преимущество научной мысли перед тупой силой. Эта группа должна была вытащить все трансы на верх колодца над лагере-400.

Тем временем наверху готовились тащить все это по меандрам и уступам верхней части пещеры. Уже подтягивался для этой работы отряд школьников-киевлян во главе с Валерием Рогожниковым.

Мне выпало дежурство на телефоне. Как ни странно, несмотря на множество групп, спящих по пещере туда-сюда, телефонный провод был в сохранности и связь работала неплохо. К вечеру раздался писк зуммера. В трубке раздался голос Юры Новикова, он грустно сказал, что мешки из девяностометрового колодца достать не удалось. К тросу, висящему на отвесе, прицепили пятнадцать трансов, полиспап легко и хорошо поднял их на несколько метров, после чего трос намертво заклинило в каменной щели. Короче, они ночуют в лагере-400 и выходят наверх.

Это была почти катастрофа. Бросить снаряжение в пещере было невозможно, потому что оно было во всех смыслах дорого. И вообще, так заканчивать экспедицию означало, если не ее провал, то близко к тому. Необходимо было всеми силами вытаскивать груз.

«Живых», кому можно было идти на шестьсот метров, оставалось не так уж много. Едва набралось пять человек. На выемку с шестисот до трехсот тридцати пошли свердловчанин Шуша Вишневецкий, красноярец Ренат Асбаув и москвичи: Володя Шашурин, Валера Фурман и я. В арьергарде шла

московская молодежь: Арефьев, Невский, Дякин, Киселев, Болсунов, Касицкая.

Наша «нижняя» пятерка быстро «бежала» к девяностометровому колодцу. Остались позади лагерь-400, меандр, несколько уступов. На дно большого отвеса уже спускался Вишневский, мы с Ренатом подходили к навеске, когда сзади раздался глуховатый удар и послышались тревожные крики. Я вернулся чуть назад и увидел Валеру Фурмана, на его лице был написан ужас. Он сказал, что шедший перед ним Володя Шашурин упал в семнадцатиметровый колодец. Это была уже точно катастрофа. Оказалось, что второпях Володя неправильно застегнул нижнюю обвязку, она распустилась, и карабин вместе с рогаткой вылетел из нее. Тросовая само страховка не удержала, и Володя, стоя, летел вниз полтора десятка метров. Но в тот раз Провидение было на его стороне. Физически крепкий, гибкий, жилистый, он был прекрасно тренирован и отменно координирован. В полете ему удалось занять наилучшее в этой кошмарной ситуации положение и приземлиться, амортизируя удар. Он все равно упал навзничь, но отделался сравнительно легко: сломал два ребра и повредил кость руки. Боль он переносил молча и с помощью Фурмана и подошедших за ним молодых сам дошел до лагеря-400. Там его уложили в сухой спальник, кормили и давали обезболивающее. Шок от падения прошел, голова его работала нормально, но сам идти выше он не мог.

Все это мы узнали уже потом. Пока Володю выводила в лагерь группа поддержки, мы вчетвером (Фурман вернулся) вытягивали из девяностометрового колодца десятки тросов. Это были часы и часы работы тупой, грубой силы. Потом вылез посиневший от холода Шуша, мы смотали длинную веревку, подняв ее с большого отвеса, но трос так и остался висеть зажатым в щели, вытащить его не удалось. Затем все смешалось в бесконечном каторжном труде: уступы, меандры, грязные «поросята», лужи, усталые лица товарищей, нестерпимая боль в руках. Уже никто не удивился, ко-

гда впереди, то есть вверху, показались фонари. Молодежь вышла нам навстречу, на помощь, освободив для нас лагерь-400 после ночевки.

Я лег спать в одном мешке вместе с Володей Шашуриным, больше мест не было. Старался греть его и не шевелиться, чтобы лишний раз не сделать ему больно. Но во сне это не всегда удавалось, и я просыпался, когда вдруг слышал, как он скрипнет зубами или тихо застонет. Потом Володю аккуратно извлекли из мешка и обрядили в пещерную амуницию. К его беседке пристегнули веревку и на ней подняли пострадавшего на верх семидесятиметрового колодца. Потом медленно и осторожно транспортировали по уступам и колодцам, сквозь шкурники и сталагнативые решетки. Доставили на поверхность. Сколько боли и отчаяния выпало на его долю за эти двое суток! Но ни жалобы, ни слова упрека не позволил себе железный Шашурин. Через день после подъема он улетел в Москву. Еще через полтора года ушел из жизни.

Ребята, которые вытаскивали Володю из-под земли, измотались вконец. Киселев, один из молодых участников выемки, пострадал сильнее всех. Его тошнило и рвало от переутомления.

Мы еще оставались в лагере-400. Кончался свет, кончилась еда. Отказали примуса. Все ушли наверх, вытягивали мешки. Время от времени с отвеса раздавался грозный гул, и оторвавшийся транс с грохотом падал на дно колодца. К этому относились уже безразлично, как к чему-то нормальному. Упавший транс привязывали и начинали поднимать снова. Лагерь остались собирать двое: я и Миша Дякин. В пустую банку из-под рыбных консервов положили мокрую тряпку, налили последний бензин и подожгли. Сначала вспыхнуло, потом низ колодца осветился ярким красноватым светом. Миша ходил по лагерному уступу и собирал остатки воска от давно сгоревших свечей. Бросал воск в банку, жестяной светильник трещал, воск шипел, но пламя не гасло, билось вверх, и при этом неровном, но ярком свете мы заталкивали в

трансы распухшие от воды спальные мешки, палатки, матрасы, сломанные примуса и посуду. Потом все кончилось, и мы вышли наверх.

Десятки лет я себя спрашиваю, что это? Бесконечные неудобства, холод, тяжелейшая работа, драная о скалы кожа, бессонные сутки. Зачем это, почему? Что за психический феномен кроется в спелеологических душах, получающих удовольствие от путешествий, где физический дискомфорт является собой едва ли не основное ощущение? Неужели, желание помучиться – базовое у людей, связавших свою жизнь с исследованиями карстовых пещер?

По прошествии многих лет понимаю: нет, не контраст ночи и солнца, холода и курортного тепла зазывает нас под землю, хотя и не без этого. Есть нечто гораздо более сильное, чем желание максимально расслабиться после экстремальных физических и психических перегрузок. Я уверен: спелеологам нравятся пещеры, они их любят. Эти опасные отвесы с камнепадами, подземные реки и озера, уютные, тихие гроты, чудесные кристаллы... Спелеологи любят тишину и рев воды, они испытывают счастье, пролетая вниз по гигантским колодцам на тонких веревках, как нигде, они умеют дышать в своих влажноватых подземных лагерях, радоваться огню свечи и гудению примуса под котелком с чаем.

Конечно, кроме любви к этому необыкновенному пещерному миру, есть и элемент самоутверждения: я это могу (а другие – нет), есть и радость открытия, и ощущение новизны, и восторг потому, что на этой тысячелетней пыли или глине первый след – твой. Но любовь к пещерному космосу я бы поставил на первое место. Конечно, приедается все, самое сладкое – тоже. Но устав от тьмы, безмолвия и трудов, уезжаешь в город, начинаешь пробираться сквозь рутину жизни и вдруг слышишь в душе своей зов подземного мира. Тихий, но настойчивый зов бездны.

После драматического выхода с выемкой пострадавшего и трех десятков мешков на триста тридцать метров базовый лагерь притих. Люди стали потихоньку разъезжаться, расползаться. Наша московская команда оставалась до последнего, хотя главную свою задачу она уже выполнила. Спелеологи дежурили по лагерю, помогали паковать доставленное из пещеры снаряжение.

Наступила пора «вступить в бой» киевлянам. Это они нашли пещеру и первыми начали ее исследование. Теперь человек тридцать киевских школьников, облачившись в подземные одежды, по очереди забивались в узкий вход. Валерий Рогожников распределил их по «точкам», и началась небывалая выемка «гирляндой». Дело в том, что кроме мешков, с трехсот тридцати метров нужно было также вытащить всю веревку, навешенную по колодцам и уступам. Упаковывать ее все равно было некуда, поэтому киевляне предложили связать все концы друг с другом, и на эту почти трехсотметровую змею через некоторые интервалы навешивать мешки. И продвигать все это усилиями тридцати человек по пещере вверх. Оригинальную по тем временам мысль реализовали.

Лично я не участвовал в этом кошмарном действе, так как сидел в лагере и чистил на всех картошку. Зато финал меня захватил. Примерно через сутки после того, как школьники скрылись под землей, явился сигнал готовности к приему гирлянды. Он возник на склоне воронки в виде темно-серого, абсолютно измученного человека в рваном комбинезоне. Человек держал в руке размочаленный конец мокрой и задеревеневшей от глины двенадцатимиллиметровой веревки; не менее грязная и разлохмаченная верхонка протягивала в пространство этот конец: хоть кто-нибудь возьмите! Брать никому не хотелось, и человек долго стоял в этой позе. В глазах его светилось отчаяние.

Наконец у входа в пропасть собралась группа выдерживания гирлянды, в группу включился и я. Процесс вытаскивания оказался очень мучительным. По неизвестно откуда

раздававшейся команде мы начинали тянуть веревку. Она продергивалась на один метр и надолго застревала, это цеплялся за камень какой-то из бесчисленных трансов. Некто невидимый полз к этому трансу, освобождал его и по цепочке передавал о содеянном. Кто-то опять командовал, и веревка продвигалась еще метра на полтора. И так несколько часов. Облегчало работу то обстоятельство, что в пещере мешков становилось все меньше и вероятность торможения плавно снижалась. Когда все снаряжение вытащили наверх, был уже поздний вечер. Битые-перебитые, грязнющие транссы лежали мрачной грудой. Из них брезгливо извлекли всю бывшую в пещере негнущуюся веревку, с трудом ее смотали и смакировали. Потом набросали одну бухту на другую, получилась пирамида высотой под два метра. Около этой пирамиды села Валя Касицкая, и, вспомнив художника Верещагина, я сделал фото «Апофеоз КИЛСИ».

То был последний вечер на Кырктау. Никто не пел песен, не точил ляс, все устали. Утром в 5 часов прилетел вертолет, забрал вещи и часть людей. Остальные скатывались в Ургут налегке. Я оказался в числе последних и не пожалел. Мы отменно посидели в чайхане, попили зеленого чая с навкуснейшими в мире лепешками. Потом пошли в местный книжный магазин и почти половину его скупили. По сей день, бывает, сниму с полки «Звезду Улуг-бека» или «Чингиз Хана», перелистаю читанные-перечитанные страницы, и перед глазами вдруг встанут голое плато, мокрый спальник под колодцем да ленивое стадо серых пещерных «поросят».

В Самарканд доехали на автобусе и, хотя совсем недавно подкреплялись лепешками, опять страшно захотели есть. Илюхин, Падалко, Фурман и я зашли в какую-то столовую и взяли по три-четыре блюда еды с гигантской самаркандской дыней на десерт. С трудом все это съели и направились на детскую станцию, где базировалась экспедиция. Выяснилось, что там как раз приготовлен обильный прощальный банкет с легкой выпивкой и с дынями. Пришлось

поучаствовать и в банкете. Потом старшее поколение без сил свалилось спать, а неумная молодежь продолжила «гудение». Компания в составе Касицкая, Болсунов и Киселев пошла по ночному городу и угодила на свадьбу. Они опять оказались за столом, ели и наблюдали счастливого жениха с товарищами. Невесту обещали показать дня через три. У спелеологов времени ждать не было, поэтому их с миром отпустили, подарив на прощание очень большой арбуз, от которого никак нельзя было отказаться. Сил нести этот арбуз тоже не было, и до дома арбуз нежно катили по асфальту.

С гор до детской станции дошел и Шуша Вишневский. По дороге он нашел большое орлиное перо и гордо приладил его к своему рюкзаку. Реакция спелеологической общественности на этот жест высокомерного самолюбования была единодушной. Чуть ли не хором общественность прокричала: «Шуша, ты не туда перо себе воткнул!».

В порыве благодушия красноярцы братались со свердловчанами и вместе ехали на экскурсию по Самарканду и окрестностям: смотрели площадь Регистан, развалины мечети Биби-ханым, которую заносчивый Тимур пытался построить любимой жене, да так у него и не вышло, и могилу самого Тимура – всемирно известный мавзолей «Гур-эмир», возле которой мирно спали коровы.

Москвичи не поленились и съездили познакомиться с легендарным секстантом Улуг-бека, убитого родственниками за чрезмерное увлечение астрономией взамен адекватного отправления княжеских обязанностей, а также совершили хадж на кладбище правоверных «Шахи-Зинда», правда, хадж одноразовый и на автобусе. Повторное посещение этого святого мусульманского места (правда, в рубище и пешком) приравнивается к хаджу в Мекку, и за это можно легко заработать зеленую чалму хаджи.

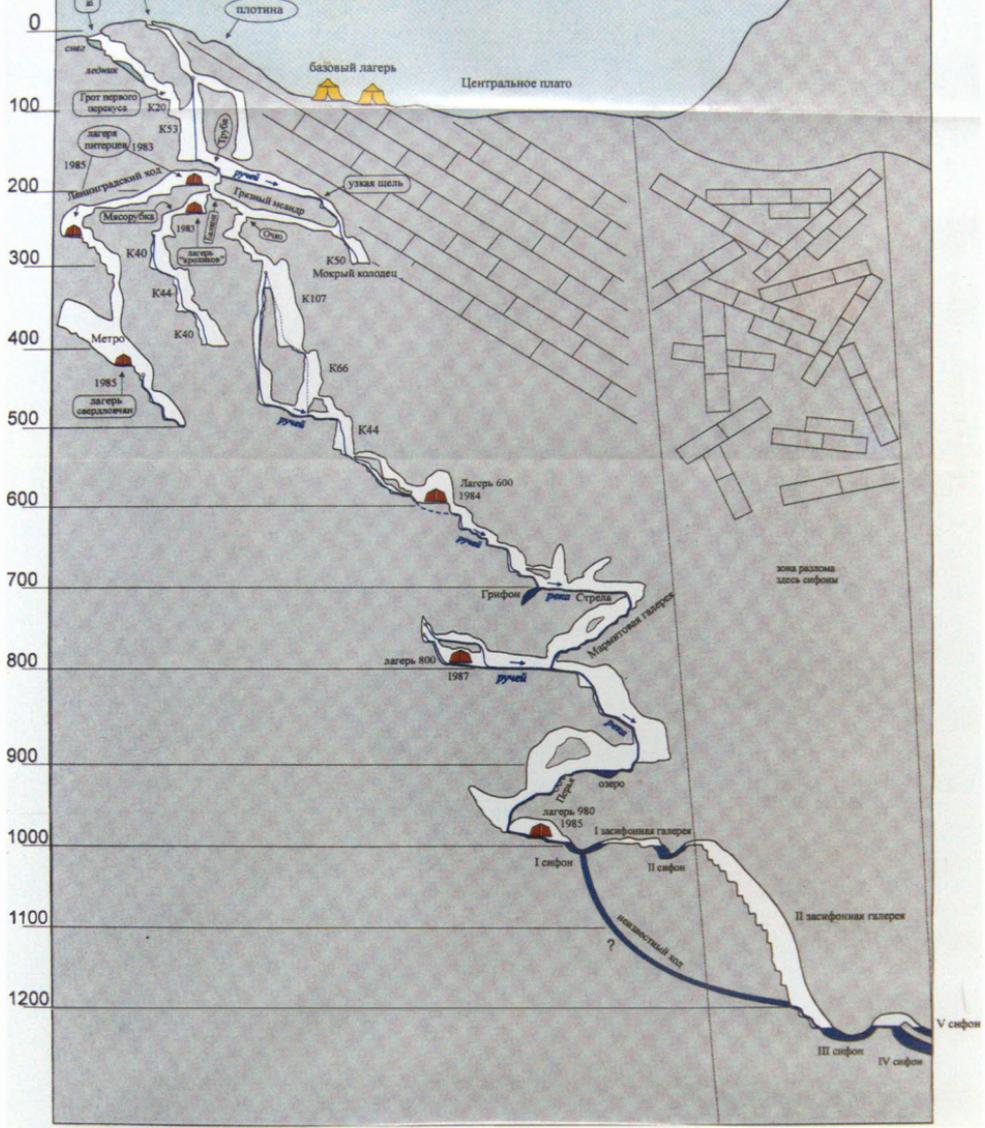
Культурная программа шла полным ходом, спелеологов любили, газеты прославляли их необыкновенные подвиги. Сытость, тепло и любовь народа прозвучали сладкими

нотами мажорного финального аккорда этой прекрасной и ужасной экспедиции.

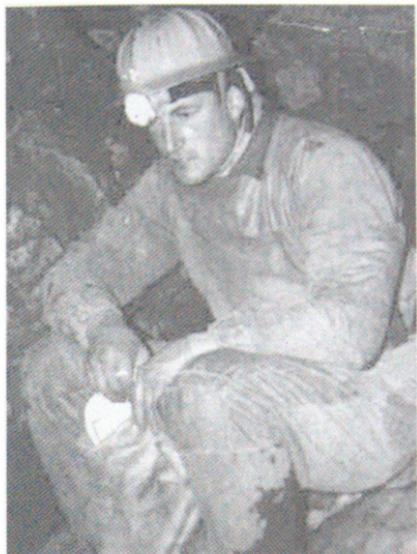
Подранные в Килси руки заживали у меня почти полгода.

Схема пещерной системы имени Владимира Илюхина

г. Арабика

V сифон

*Владимир Илюхин в пещере
Начало 60-х годов.*

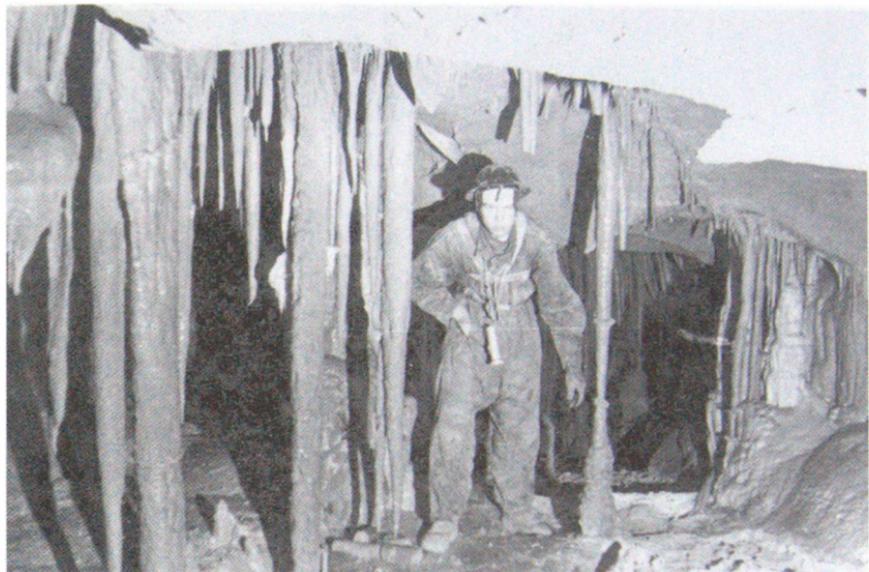
*Юрий Колесников на Караби-
яйле 1966 год.*

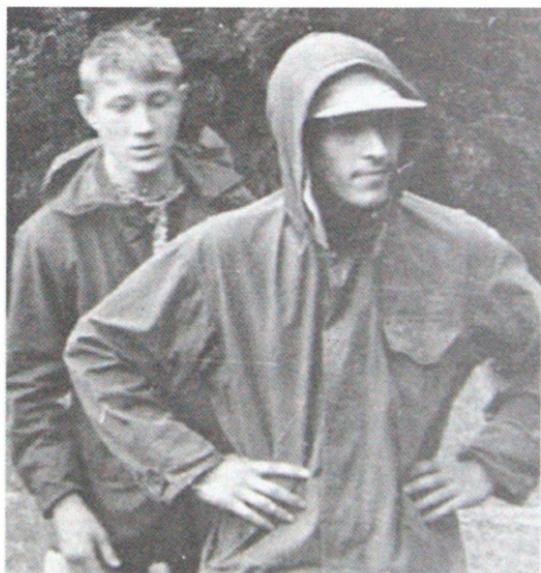
*«Вперед к пещерным рекордам!»
Сергей Карпухин,
Александр Ефремов,
Валерий Зюзин в
экспедиции
1963 года.*

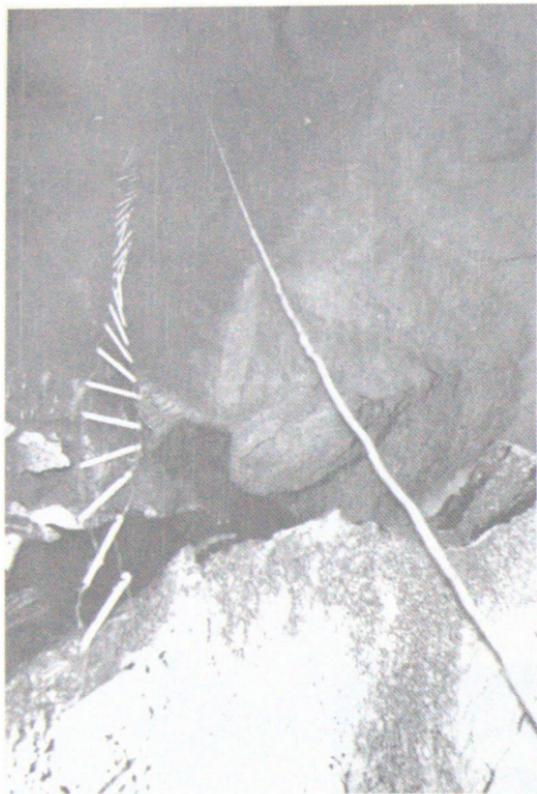
*Спелеолог
спускается в
карстовую шахту
по лестнице.*

В. Зюзин в пещере Геофизическая. Крым, Ай-Петри. 1963 год.

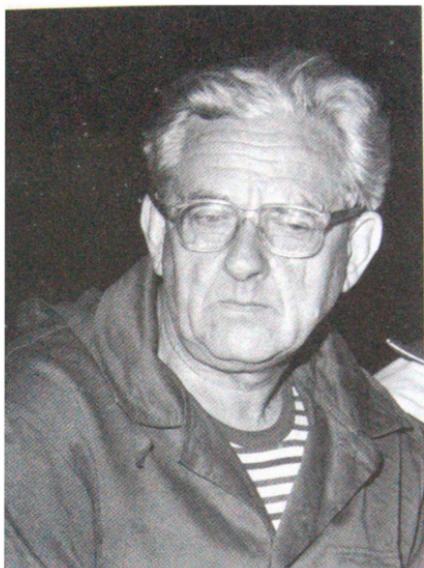
*А. Ефремов и
С Осипов
в экспедиции
1963 года.*

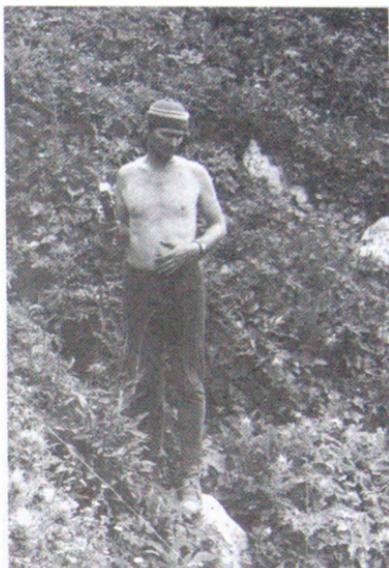
*По такой навеске
ходили на отвесах.*

*Спелеологи в пещере
Монастырь Чокрак.
Крым, Караби-яйла*

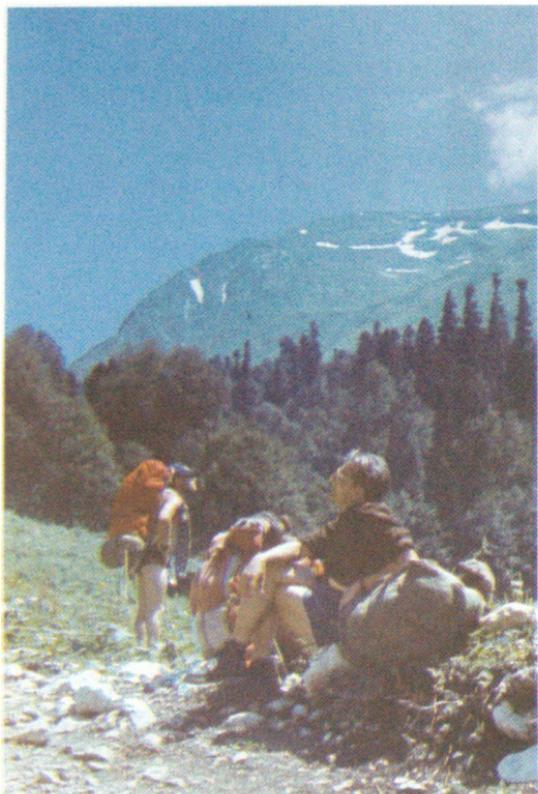
Виктор Николаевич Дублянский.

Евгений Константинович Мухин на Кавказе.

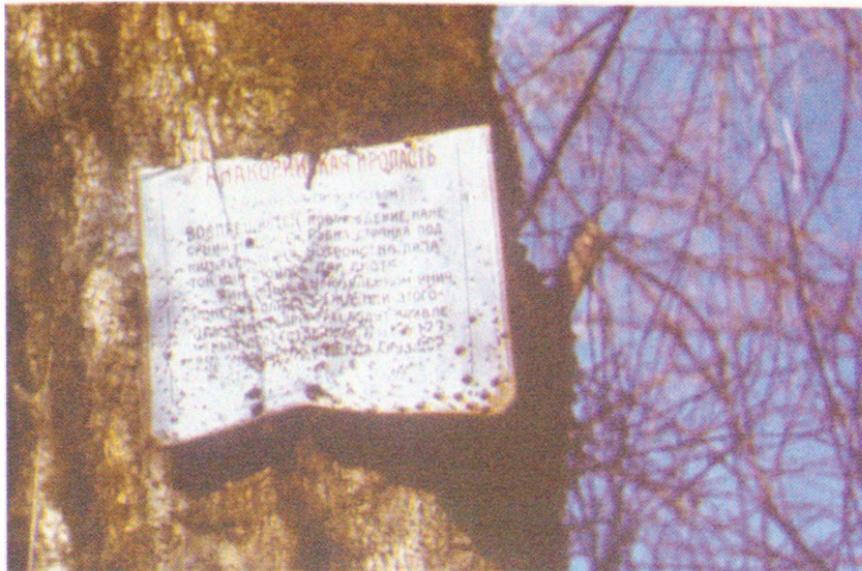
«Тракторная поляна» в 1978 году. Абхазия, река Сандрипи, Гарский хребет

*Подъем на Арабику
у ледника Гелгелук.
В.Н. Дублянский
отдыхает. 1978 год.*

Гора Арабика.

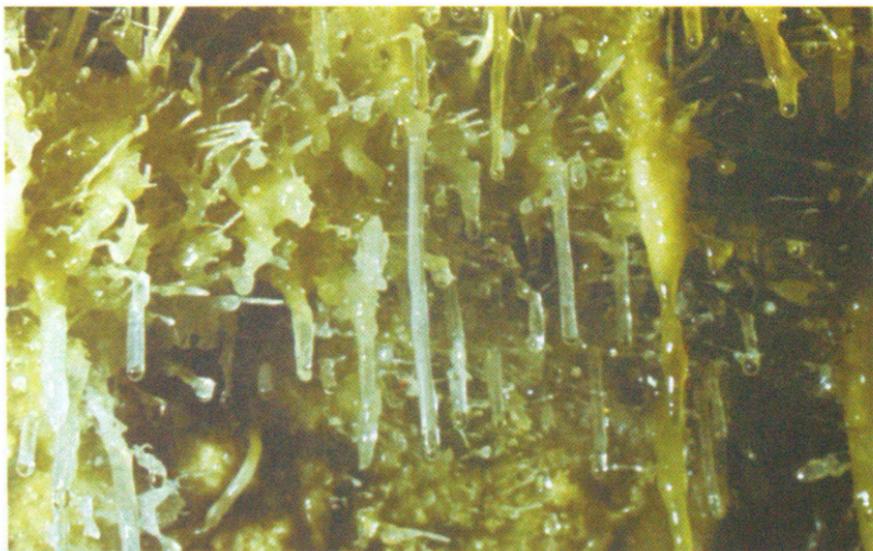
Охраняемый объект «Анакопийская пропасть» Абхазия, Новый Афон.

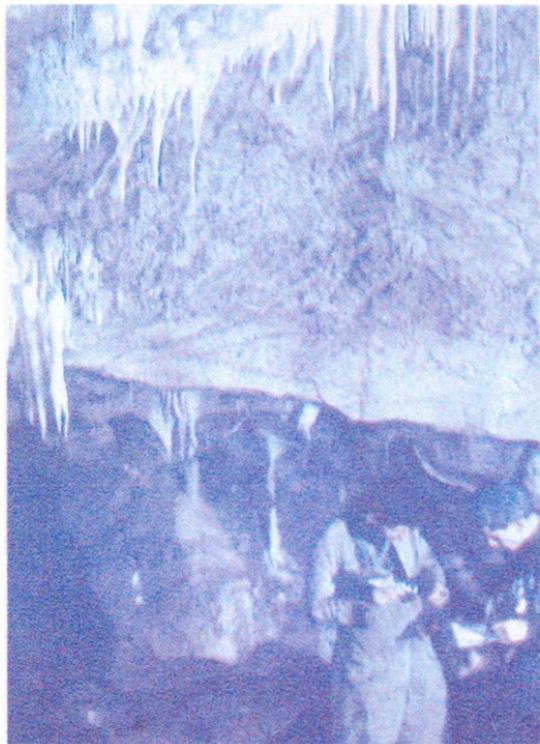
Гуры кружевной пол Анакопи.

Сталактитовые заросли в Анакопийской пропасти.

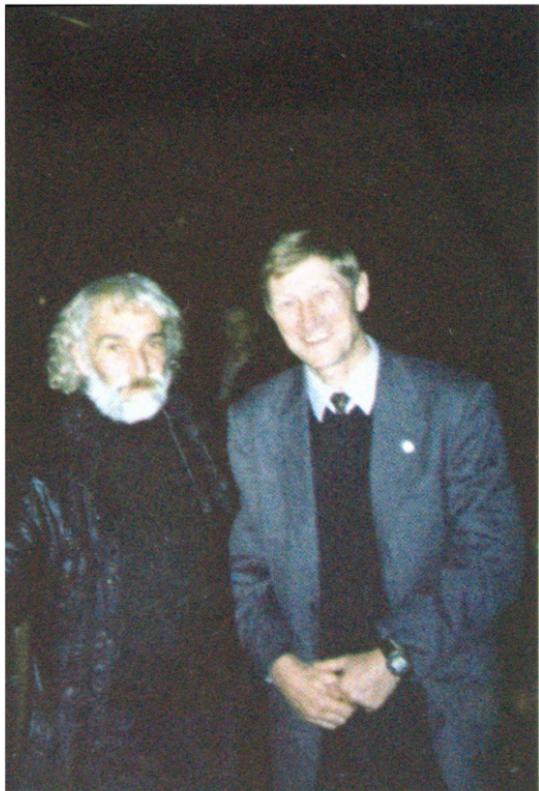
Сталактиты и геликтиты в Геликтитовом гроте

*В. Сторожилов и
А. Ефремов делают
топографическую
съемку.
Анакопийская
пропасть, 1965 год.*

*Зал «Эхо» в
Анакопии.
Теперь называется
«Глиняный»*

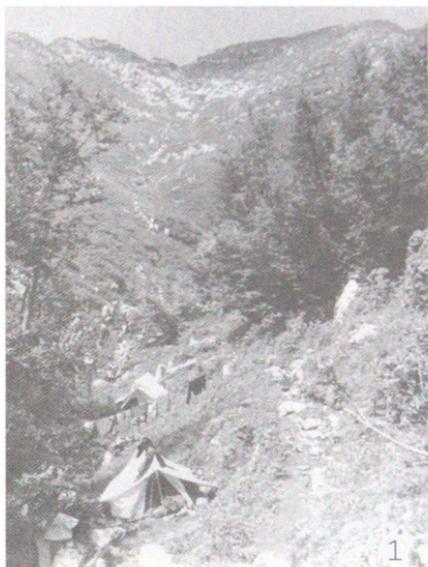

*Гиви Смыр и автор
в Новоафонской пе-
щере. 2002 год.*

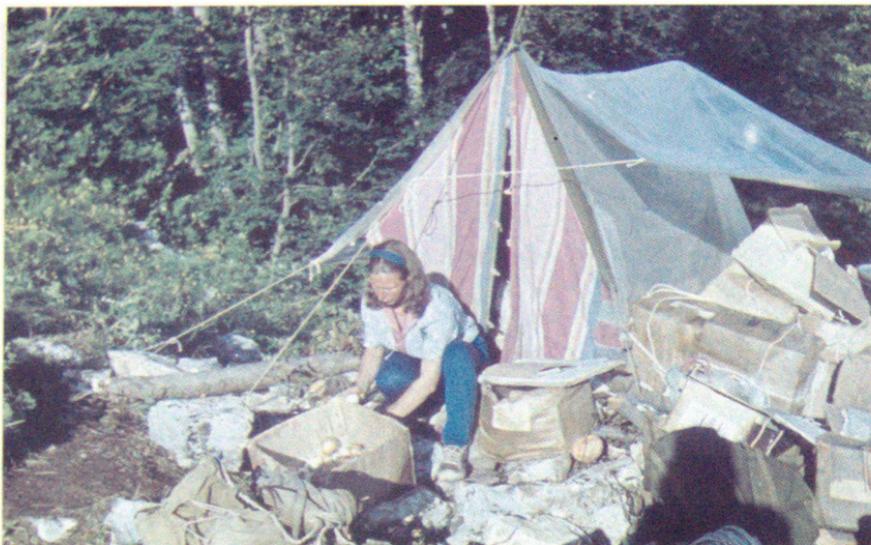

*Валентин
Алексинский.*

1. Базовый лагерь у Снежной. Абхазия. Бзыбский хребет.
2. Михаил Зверев (слева) обсуждает план штурма Снежной, 1973 год. 3. Сашу Муранова в носилках грузят в вертолет, пещера Снежная, 1973 год. 4. Геннадий Баранов вертолету: «Кыи проклятая птица!» Абхазия, стадион в селении Дурипи 1974 год.

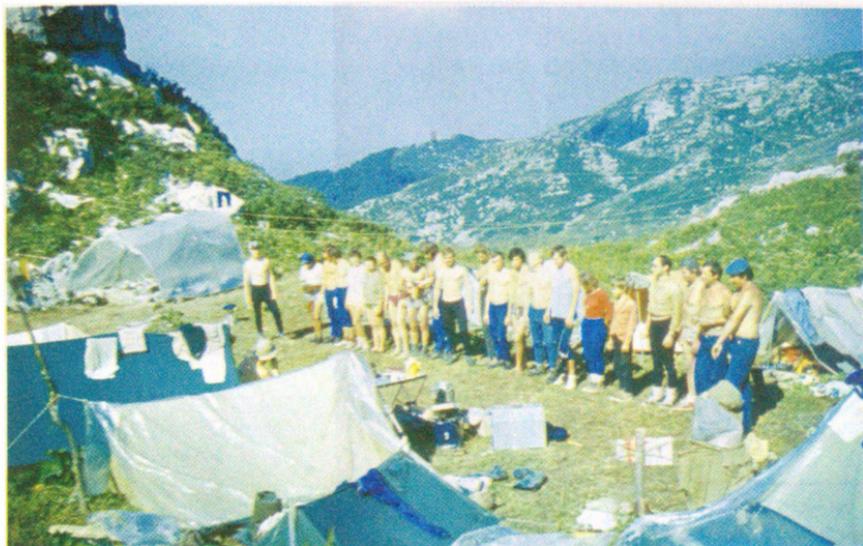

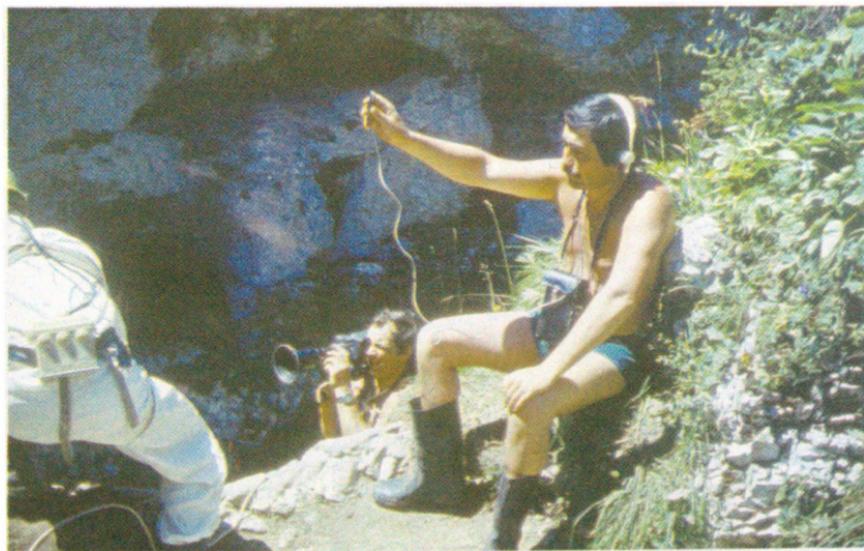
Завхоз экспедиции Маргарита Шашурина. Снежная, 1974 год.

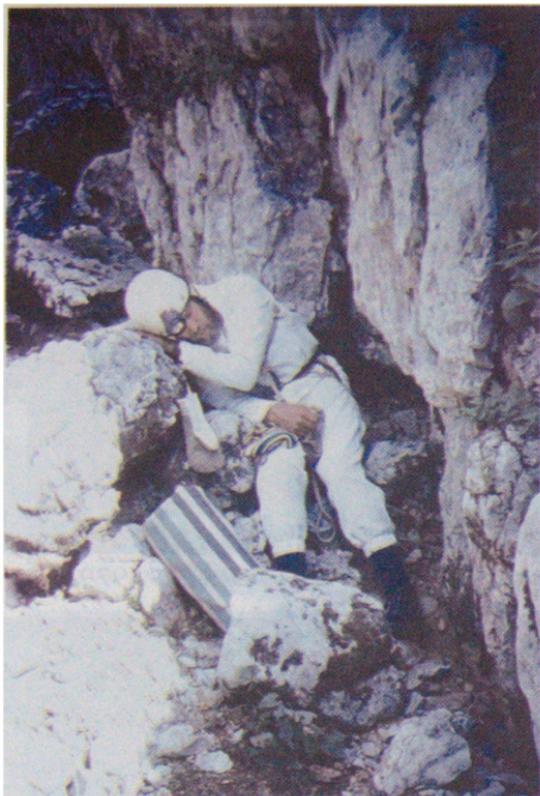
Въемка снаряжения из Снежной. Автор и Надежда Максимова. 1974 год.

Построение киноэкспедиции в лагере на Снежной. 1979 год.

Вадим Вязов снимает, Игорь Сыромятников записывает синхрон. Киноэкспедиция на Снежной. 1979 год.

*Олег Падалко,
утомленный
киносъемками.
Снежная, 1979 год.*

*Дивногорский
спелеолог Петр
Устинов транспор-
тирует в пещеру
кан с супом для
киногруппы.
Снежная, 1979 год.*

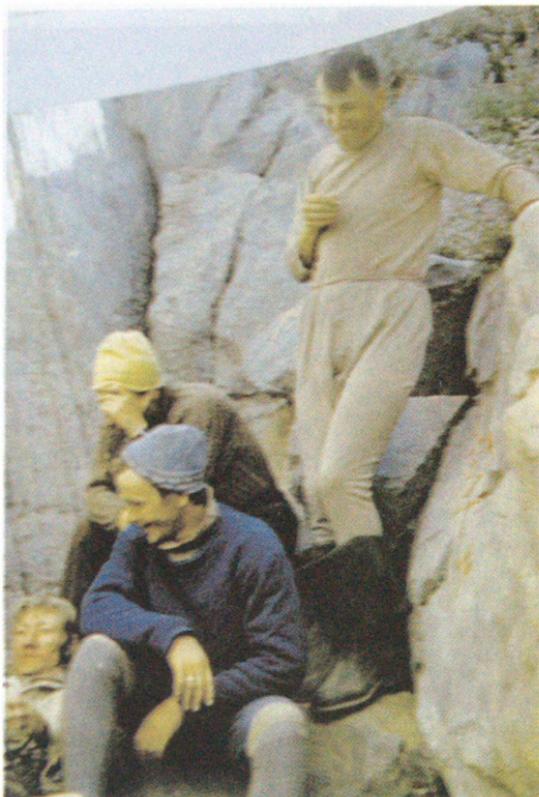
Утро в горах Узбекистана. 1977 год.

*Плато Кырктау.
Узбекистан, 1977 год.*

*Лагерь на Кырктау,
Всесоюзная
спелеологическая
экспедиция в пещеру
Киевская (КИЛСИ)
1977 год.*

*Перед штурмовым
выходом в КИЛСИ.
Слева направо:
А. Ефремов,
Ю. Лобанов,
Н. Коврижных,
В. Илюхин.
1977 год.*

*Первый опыт сма-
тывания веревки
«поросенком».
В. Киселев и автор.
КИЛСИ, 1977 год.*

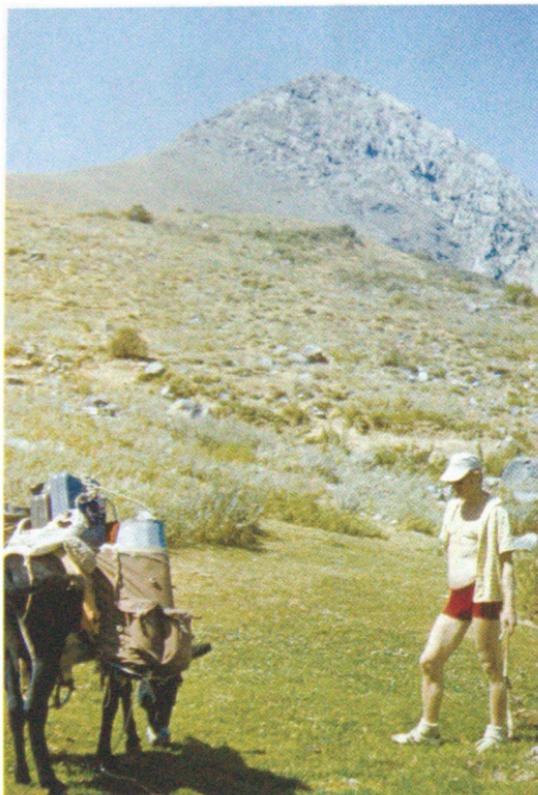
*Владимир Илюхин
после недельного
пребывания под
землей на дне
КИЛСИ. 1977 год.*

*После пещеры
комбинезон Миши
Дякина «стоит».
КИЛСИ, 1977 год.*

*А. Ефремов
выбирается
из пещеры. КИЛСИ,
1977 год.*

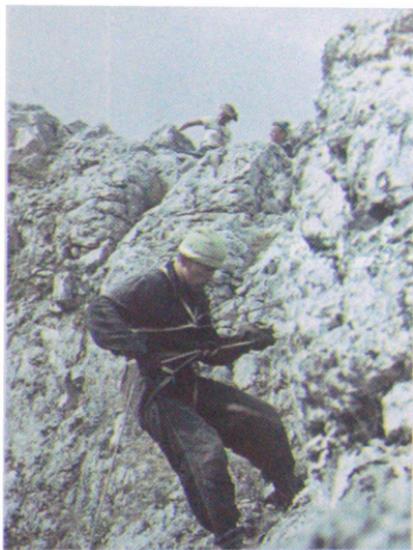
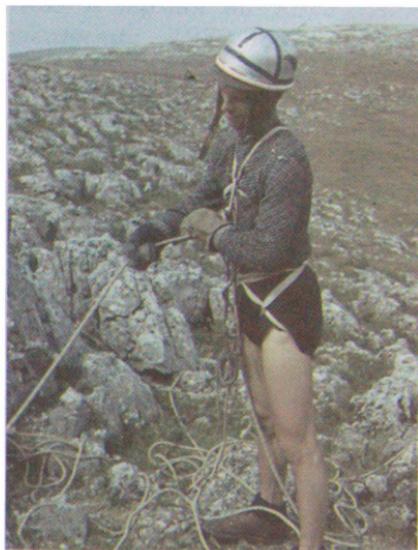
*Воду ишак Федя
привозил издалека.
У погонщика в
руках камча.
КИЛСИ, 1977 год.*

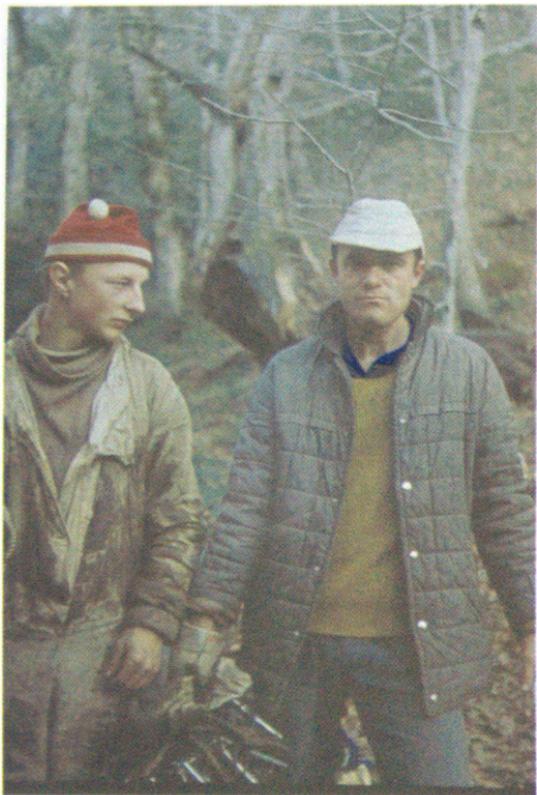
*«Апофеоз КИЛСИ».
Валя Касицкая и
вся веревка из
пещеры. 1977 год.*

Спелеолагерь на Караби-яйле. 1965 год.

Слева: спелеолог Анатолий Никитин перед спуском в пещеру. Караби-яйла, 1965 год. Справа: спуск на карабине в карстовый колодец. Караби-яйла, 1965 год.

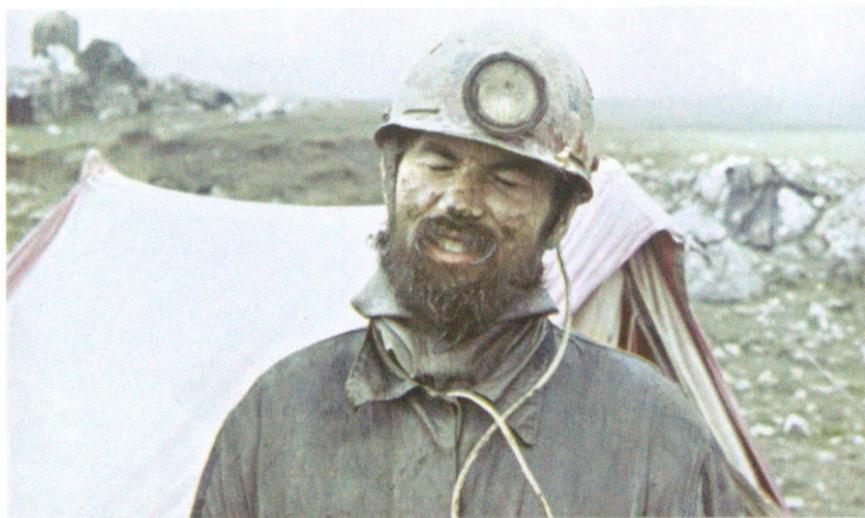
*Виктор Арсеньев
(Хобот) и Геннадий
Пантюхин.
Хребет Алек.
Кавказ, 1965 год.*

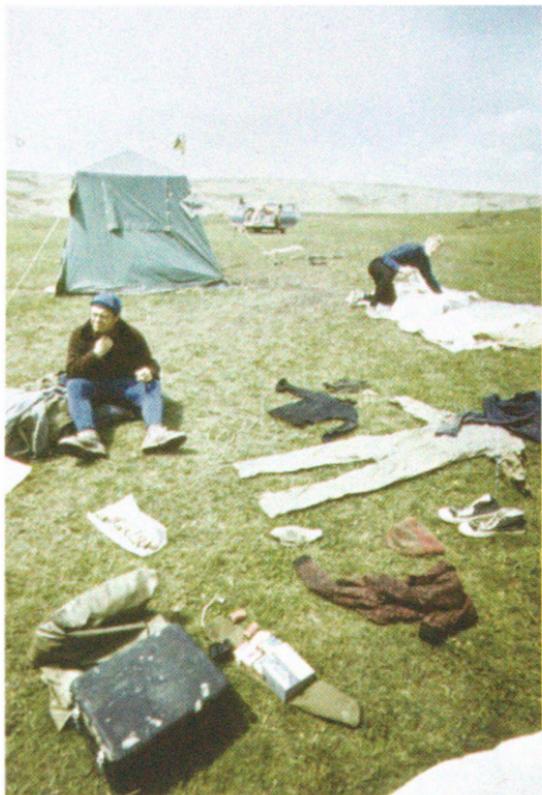
*У реки Подземная
Хоста А. Ефремов
и Г Пантюхин.
1965 год.*

Дождь и туман на Караби. В лагере свердловчан у пещеры Солдатская. 1972 год.

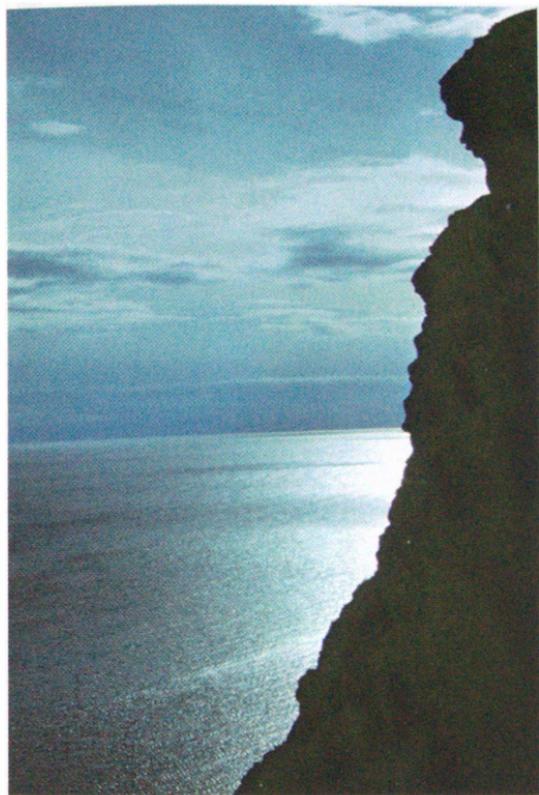
Олег Васильев после выхода из Солдатской. 1972 год.

Дождь кончился, все сушим. Солдатская, 1972 год.

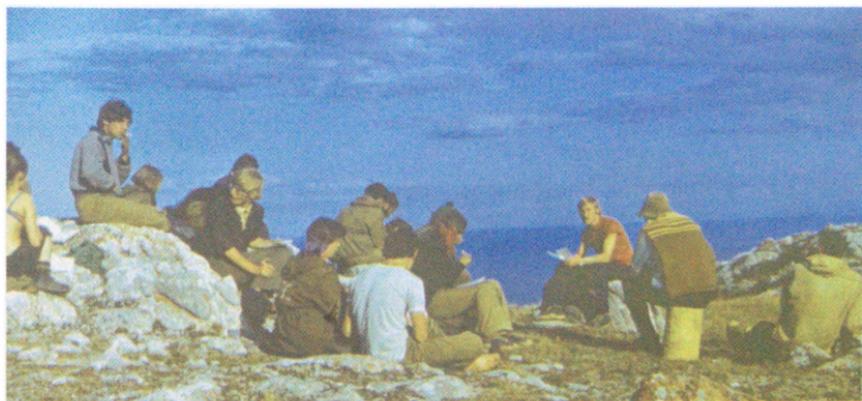

Владимир Киселев.

*Отвесные стены у
озера Байкал.
1975 год.*

*Лекция на природе.
Спелеолагерь на
Байкале. 1975 год.*

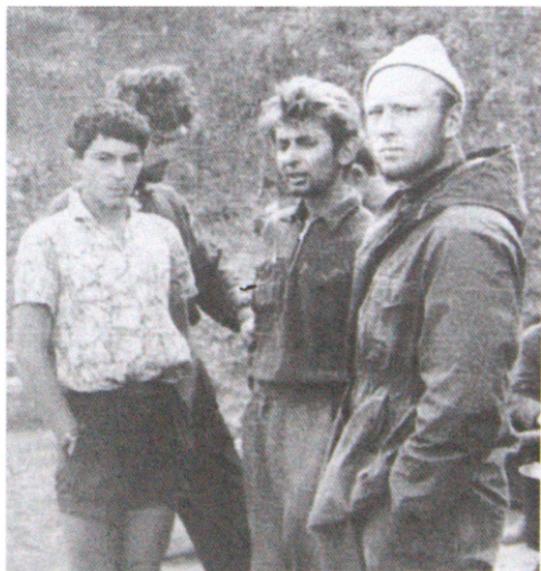
*Лагерь у пещеры
Мечта. Байкал,
1975 год.*

*«Необитаемый
полуостров» у
пещеры Мечта (вид
с катера). Байкал,
1975 год.*

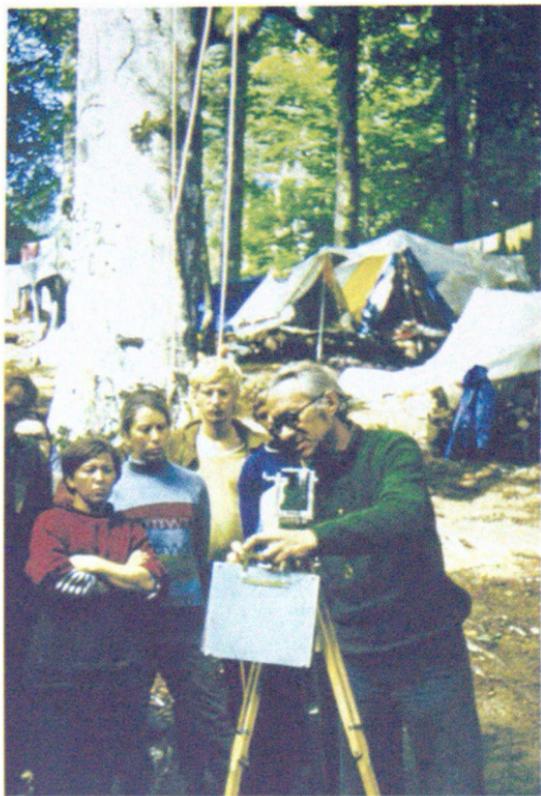

Поиск пещер в байкальской тайге. В. Илюхин, В. Фурман и школьница. 1975 год.

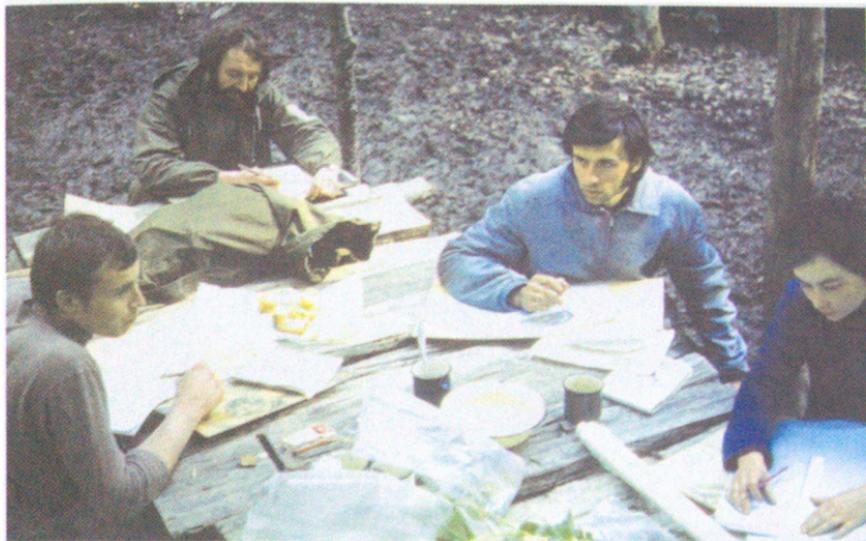
Экспедиции на хребте Алек. На переднем плане Даниил Усиков, Олег Николаиди, Юрий Колесников. Конец 60-х годов.

*Болгарин Петр
Трантеев учит
советских спелеоло-
гов.
Алек, 1976 год.*

*Всесоюзные сборы
инструкторов.
Виктор Леринман
(Граф) читает
лекцию. Алек,
1976 год.*

Спелеолагерь на Алека. Камеральные работы. Второй слева Г Баранов, третий Н. Невский.

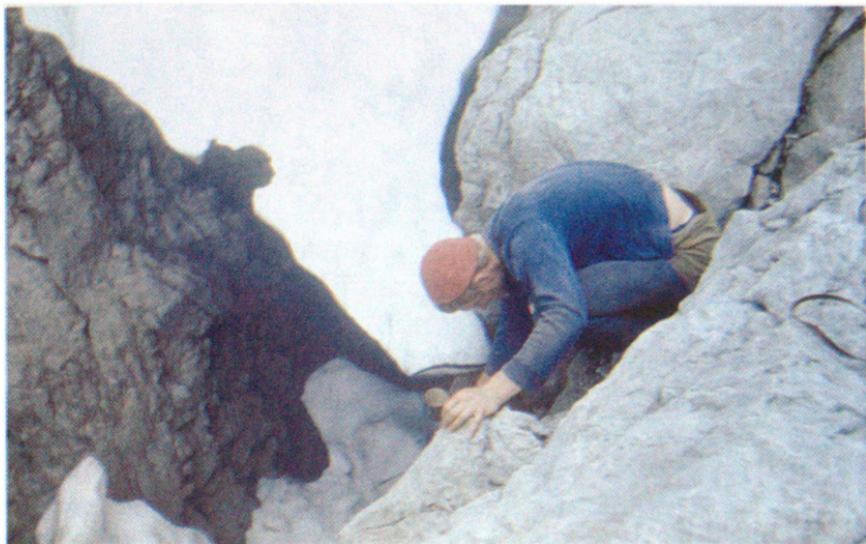
*Равиль Сайфи
(Папа Рауль)
с ведром ежевики
на массиве горы
Дзыхра. 1972 год.*

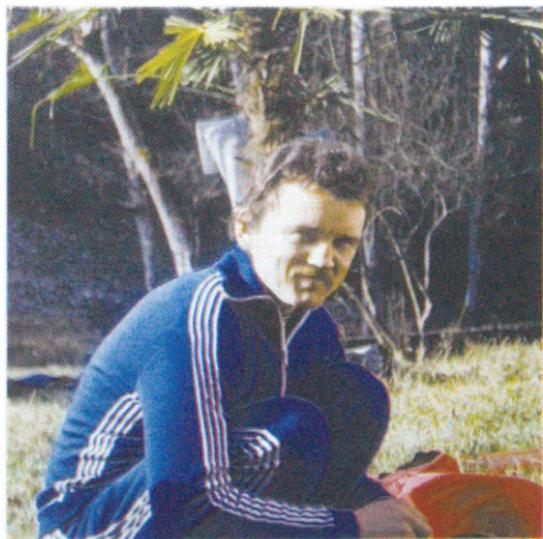
Вверху: автор (справа) и В. Илюхин перед спуском в глубокий колодец. Дзыхра, 1973 год.

Внизу Н. Невский на страховке. Дзыхра, 1973 год.

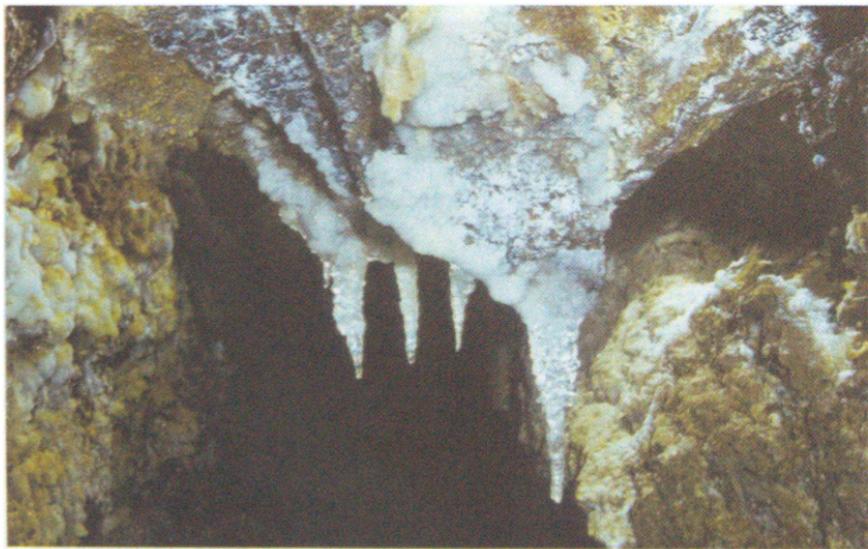
*Поиск пещер на северных склонах Гагского хребта.
Кацърха, 1973 год.*

Виктор Яшкин.

Вверху: В. Киселев, А. Ефремов, В. Жданов перед генеральным штурмом пещеры Майская. Северный Кавказ. Гора Дженту, 1981 год. Внизу: мирабилитовые кристаллы в пещере Майская.

АЛЕК В 1965 ГОДУ

Оглядываясь назад, я с удивлением вижу, что за сорок лет своей спелеологической деятельности ни разу и не поставил ни одного пещерного рекорда. Хотя возможностей для этого было более чем достаточно. В начале моей подземной карьеры в 1962 году рекорд составлял двести сорок шесть метров (Трехсотдевятка, или шахта Каскадная), сейчас, в 2004 году, – тысячу восемьсот тридцать метров (пропасть Крубера-на-Арабике). На полторы тысячи метров за сорок лет углубили карстовые полости счастливые спелеологи. Но мне удачи не было. Видно, по жизни – не чемпион. Вот чего всегда хватало, так это упрямства. Уже третий десяток лет езжу на Арабику в одну и ту же пещеру в надежде сделать из нее рекорд мира. И уверен: не я, так после меня сделают, хотя пока еще и сам, уже на почтенном шестом десятке, плаваю в холодных сифонах.

Но мне, конечно, не раз приходилось принимать участие в первопрохождении будущих рекордных пещер. Одна из самых ярких экспедиций состоялась в конце 1965 года, когда спелеологам впервые по-настоящему открылся Кавказ. Тот год для меня был насыщен поездками в пещеры: в январе – Анакопия, летом – Караби, осенью – хребет Алек. Про Анакопию уже было, черед рассказу о первой международной экспедиции, о первой спелеошколе и о пещере Назаровской.

Марлен и болгары на Караби

Когда меня спрашивают, что самое интересное в пещерах, я всегда – и честно – отвечаю: люди. По-моему, они вообще самые интересные в природе объекты. В спелеологию же приходят – и остаются в ней – сверхуникальные: от смешных чудаков до гениальных ученых и неустрашимых бойцов. Иногда все категории смешиваются в одной личности, и в зависимости от ситуации такой человек бывает то тверже камня, то нежнее розы.

В Московской городской спелеосекции я встретил редких людей, среди них был Марлен Павлович Аронов. К тому времени, надо сказать, про Марлена уже вышла книга «Путешествие на Тригле», которую написал его друг. Книга для детей и с юмором, но о серьезных подводных исследованиях в Черном море. Марлен был описан как строгий начальник. Автор там чем-то провинился, и в книге была глава, которая называлась: «Как мне попало от Марлена». Содержание главы состояло из единственной фразы: «Ох, и попало же мне от Марлена!».

В 1965 году Марлену было под пятьдесят. Во время Великой Отечественной войны он был разведчиком, получил ранение ног, но поправился. Потом стал биологом, защитил диссертацию и вел научную работу в Институте океанологии. Для всех нас, даже для Илюхина, Марлен Павлович был взрослым и авторитетным товарищем. Когда в 1964 году в Болгарии проводилась международная экспедиция в пещеры, именно он стал руководителем группы наших спелеологов.

Из Болгарии Марлен привез кучу впечатлений и две замечательные вещи. Первая была тяжелой латунной загогулиной, называлась рогаткой и являлась фрикционным устройством для спуска по веревке. Удобная штука. Пристегиваешь рогатку карабином к обвязке – и, пожалуйста, спускайся на здоровье. Только не торопись, чтобы веревка не оплавилась. Второй предмет являл собой некий механизм с алюминиевой ручкой, муфтой, стальным кулачком и пружиной; назывался «жумар». Нерусское название поначалу резало слух, и предмет стали называть «самохват». Он легко двигался по веревке в одну сторону, в противоположном направлении, наоборот, категорически тормозил. С помощью самохвата можно было страховаться на веревке, но к нему вначале отнеслись с недоверием: хлипкий на вид, он легко мог сломаться под нагрузкой и не удержать сорвавшегося человека. Так что по-прежнему страховались прусиками; к тому же жумар был в единственном числе.

К лету Мухин с друзьями изготовил несколько рогаток и жумаров: нельзя было ударить в грязь лицом перед болгарскими спелеологами, которые приезжали с ответным визитом. Начальником советско-болгарской экспедиции был, естественно, Илюхин, в состав ее вошли москвичи Марлен Аронов, Евгений Мухин, Олег Васильев, Павел Сотников и автор этих записок. Поскольку экспедиция планировалась на Караби, к ней подключался большой отряд крымчан во главе с Витом Дублянским.

Экспедиция начала готовиться еще ранней весной. Меня как самого молодого Илюхин уговорил стать завхозом, остальные наотрез отказались. Я уже имел неплохой опыт организации спелеологических экспедиций: летом 1964 года был начальником поисковки в Крыму на Бабугане, потом в январе 1965 года готовился руководить зимним походом на Караби (попали мы, правда, вместо нее в Анакопийскую пропасть). Так что составлять раскладку, покупать продукты и даже превращать их на кострах и примусах в нечто съедобное умел вполне прилично.

И для «болгарской» экспедиции я составил суровое походно-пещерное меню, основными ингредиентами которого явились гречка с тушенкой и чай с черными сухарями.

Марлен, увидев это пока что на бумаге, пришел в ужас. «Они этого есть никогда не будут», – сказал он. «Нужно нежное, вкусное и мало». Добиться от него, что именно нужно, мне не удалось. Поэтому пришлось придумывать самому. Придумались рассольник с говяжьими почками, сосиски с зеленым горошком и утренний кофе с шоколадом.

К моему удивлению, этот издевательский список был легко утвержден в Центральном совете по туризму. Закупки делались непосредственно в Крыму, и когда наша команда прибыла из столицы в Симферополь, Дублянский привел меня к горе ящиков и мешков, сквозь упаковку которых тускло, но призывно поблескивали серебряные обертки шоколадок и изумрудные наклейки на банках с горошком.

Вскоре в сопровождении эскорта в лице лучших советских спелеологов прибыли почетные болгарские гости: ветеран и лидер болгарского «пещерного дела» Петр Трантев, спортивный мужчина лет пятидесяти, второй ветеран Райчев – солидный и немногословный, потому что почти не говорил по-русски, и два парня лет по двадцать–двадцать пять, здоровые и веселые. Они тоже неважно говорили и понимали по-нашему, но отнюдь не комплексовали по этому поводу и всю старались расширить свой лексикон. Особенно живо их интересовала его ненормативная часть в русском переводе.

Несмотря на высокий статус международного мероприятия, экспедицию без претензий усадили в открытый кузов большого грузовика и повезли на Караби. Вообще все было по-простому. Марлен увидел огромный котел, который кто-то не донес до помойки и бросил на обочине дороги. Не долго думая, котел прихватили с собой, потом в нем варили рассольник и баранью шурпу. Что по поводу помоечного котла думали почти европейские болгары, не знаю, но шурпу они ели с видимым удовольствием.

Базовый лагерь поставили не в центре Караби, как обычно, поближе к пещерам, а в лесной зоне рядом с большим источником Суат. Лесники так и быть, пошли навстречу ради иностранцев, которые без воды и дров, как известно, существовать не могут. Илюхин откуда-то притащил высоченную жердь и сказал, что в лагере обязательно должны развиваться флаги стран-участниц, так что нужно установить для этого мачту. Стали думать, как ее поставить, чтобы упала не на второй день. Принесли лопату, начали было подкатывать камни.

Но тут я вызвался возвести мачту в одиночку. Однако поставил условием, чтобы все ушли – во-первых, это был мой секрет, а во-вторых, не хотелось, чтобы мешали, в том числе советами. Мне поверили и оставили трудиться.

А дело было в том, что я вспомнил, как бушмены охотились на слонов без ружья. Это из книги Майн-Рида «В джунглях Южной Африки». Они подпиливали дерево, о котором слоны привыкли чесаться, а за ним втыкали в землю невысокие острые колья. Слон облакачивался на любимый ствол, он падал, слон за ним, дальше понятно. Так вот, процедуру вкапывания острых колышков я и решил применить для возведения мачты.

Заточил небольшую палочку, очертил на земле окружность по толщине нижней части мачты и внутри круга стал рыхлить палкой почву. Потом выгреб ладонью труху. Потом разрыхлил глубже, опять выгреб. И так до тех пор, пока рука по самое плечо не ушла в узкую дырку. Потом с усилием воткнул в эту дырку жердь. Мачта стояла – и прочно, на ней можно было даже немножко повиснуть.

Прибывший на приемку работы народ долго чесал затылки, стараясь раскрыть тайну отверстия. Искали бур и следы от направленного взрыва. Разве что не гиперболоид инженера Гарина. Марлен сразу же почуял во мне родственную душу, отвел в сторону и доверительно сообщил, что только мы с ним вдвоем можем хранить такие секреты. Но у меня что-то не было настроения организовывать орден хранителей тайной истины, и я всему обществу честно признался, что с детства начитан. Пришлось открыть и секрет копания дыры, может, кому пригодится, когда завалит в пещере...

Начались будни, похожие на праздники. Каждое утро мы вкусно ели и на целый день покидали лагерь. Шли пешком километров по десять в центр плато, где спускались в небольшие, но самые красивые шахты, в которых я раньше не бывал.

Это была всего вторая моя поездка на Караби после экспедиции Великих открытий 1963 года. Тогда мы, мальчишки, и мечтать не могли о том, чтобы вместе с самим Дублянским или известным спортсменом Геннадием Пантюхиным сходить в Эгиз-Тинах-два или в шахту Виолы. И вот те-

перь, всего два года спустя, это происходило как нечто будничное. Было чем гордиться. Всего в девятнадцать лет как завхоз я вдруг оказался среди руководителей первой международной спелеоэкспедиции и работал в пещерах с самыми известными и уважаемыми спелеологами страны, даже двух стран!

В пещерах снимали фото, изучали мелкую подземную фауну, часами спорили о карстовых процессах. Но этим, в основном, занимались Дублянский, Илюхин и Грантеев. Молодежь развлекалась по-своему. В шахтах и колодцах пробовали новую технику: организацию растяжек над отвесом, спуск на рогатке, подъем по лестнице с автоматической верхней страховкой жумаром, а то и вообще с самостраховкой. Все это новье непревзойденно изобретал Евгений Константинович Мухин.

К вечеру собирались у метеостанции, где базировался большой спелеологический лагерь нашей московской городской секции. Это вообще был самый первый отечественный спелеолагерь, его первая смена – почти сорок человек. Вскоре намечалось прибытие столь же многочисленной второй смены. Столько было желающих, что лагерь в одну смену не поместился.

От метеостанции до лагеря на Суате нас подвозила машина. Если она задерживалась, болгары живо общались с московскими девушками, а Пантюхин занимался излюбленным делом – металл в длину тяжелые известняковые глыбы. Победить в этом его никто никогда не мог.

А вот Марлен глыб не метал. Демонстративно презируя эту простонародную забаву, он облюбовывал какую-нибудь назначенную на дрова доску, устанавливал ее вертикально и, отойдя метров на шесть, начинал бросать в нее нож. Когда я увидел его за этим занятием, пожалел, что не раскрыл ему одному секрет установки мачты и не основал тайного ордена из двух человек. Мы и впрямь были родственными душами, поскольку я тоже любил бросать в цель

всякие ножи. Напомню, что Марлену было под пятьдесят, мне – девятнадцать. И, тем не менее, мы здорово поладили, когда я показал старшему товарищу пару хитрых бросков, которых он не знал.

Потом выяснилось, что он, как и я, обожает накидывать на столбик лассо, сделанное из репшнура, и это еще более укрепило наш негласный союз. Союз, правда, подвергся суровому испытанию, когда в запале ристалища я с такой силой бросил марленову финку, привезенную из Болгарии, а потому драгоценную, что она с визгом и навсегда разлетелась на две составляющие части – лезвие и ручку. Марлен жутко расстроился, почти обиделся, но быстро оттаял, тем более что каждое утро у него всегда была возможность мне за что-нибудь отомстить.

Дело в том, что в той экспедиции я имел привычку спать не в палатке, а на свежем воздухе. Метрах в двадцати от мачты я соорудил себе нечто вроде лежбища: разровнял и пригладил грунт, уложил на него надувной матрас. А сверху – спальник, в коем и изволил славно почивать. В этом было много удобств. С вечера легко было считать падающие прямо на тебя звезды и успевать загадывать желания. К тому же рядом никто не храпел и не мучился от ночных кошмаров.

Но был и минус. Спалось так сладко, что я частенько не слышал подъема. Марлен – великий пунктуал и аккуратист, не терпящий неопорядка, ходил меня будить. Делал он это по-разному, в зависимости от того, с какой ноги встал. То ласковым окриком, то легким пинком. А на следующее утро после трагедии с его любимым холодным оружием, он бросил в меня средних размеров картофелину. Сырую, конечно. Где он ее взял, не знаю, но вдруг в мой сладкий предутренний сон ворвался ужасный термоядерный взрыв. Ничего не понимая, я бешено выскочил из спальника и понял, что не вижу левым глазом: в нем плавали круги и сильно болело. Пущенная с двадцати метров картофелина попала мне точно в глаз. С тех пор у меня по левой роговице бегают прозрач-

ные змейки. Но в тот раз можно считать обошлось. Почти через тридцать лет в экспедиции на зимний Алек я этот глаз все же добил, уже без посторонней помощи. Пришлось даже его вынимать и оперировать. Тогда же, на Караби, молодое здоровье удар вынесло, а Марлен озабочено и долго извинялся. Потом будил меня по утрам исключительно ласковыми словами.

Пещеры болгарам понравились, особенно шахта Виолы. Простенький колодец метров тридцать глубиной вываливается в большой зал с ровным глиняным полом. Места столько, что можно было бы организовать интересный пещерный футбол с налобными фонарями и каким-нибудь светящимся мячом. Единственное препятствие – большой сталагмит чуть ли не в середине поля. У этого сталагмита мы и собрались обсудить генезис столь необычной карстовой полости, каковой являлась шахта Виолы.

Пока Дублянский с Трантеевым выясняли истину, Илюхин делал фотографии сталагмита. Закон пещерного фотографического искусства требовал присутствия в подземном кадре предмета известных размеров – для сравнения. Так, рядом с пещерным жемчугом помещали копеечную монету, рядом с трубочкой-сталактитом – чей-нибудь нос. Но этот сталагмит был большой, и Илюхин использовал для масштаба не только выдающийся нос, но и в целом всего спелеолога Райчева. И тут обнаружилось, что форма сталагмита точно повторяет профиль позирующего болгарина.

Все повеселились, но было заметно, что народ слегка ошарашен этой картиной: посреди огромного черного зала рядом с невесть как сюда попавшим маленьким человечком стоит его огромный каменный бюст, стоит уже тысячи лет. Только я не удивился: всю жизнь меня преследуют самые невероятные совпадения, и я к ним уже привык.

Не знаю, как сложилась судьба Райчева – он в те-то времена был не молод, да с тех пор прошло почти сорок лет.

Но его бюст-сталагмит еще долго сохранится в подземелье на Караби.

Трагедия в колодце с водой

Болгарская экспедиция отработала две недели и закончилась. Но веселого конца у нее, к сожалению, не получилось. Дело было так.

В крымской столице, на турбазе готовились к прощальному банкету, жарили шашлыки и открывали коньяк. По столам раскладывали не съеденный шоколад в серебряных обертках. К мероприятию подтянулось местное начальство, была пресса. Вдруг во двор на полном ходу влетела синяя машина, из нее выскочили озабоченные милиционеры и начали выяснять, где тут люди, которые могут залезть под землю. Они рассказали, что часа два назад некий нетрезвый гражданин упал в колодец, потянувшись за ведром; сам вылезти не может, и вытащить его не удастся. Нужна помощь специалистов.

За пять минут собралась группа под командой Гены Пантюхина. Взяли лестницу, веревку, обвязки, каски, фонари – все, что нужно для работы под землей. Взяли и спасфонд: теплый спальник, носилки, примус. Пока тряслись в машине, договорились, какие двойки идут вниз, как будем поднимать носилки с пострадавшим.

Но ни лестница, ни носилки оказались не нужны. Человек упал не просто в колодец, а в узкую забетонированную скважину глубиной метров десять и сужающуюся книзу. Мало того, что плечи упавшего уперлись в стенки, он, когда падал, согнул в колене одну ногу, и ее прижало к груди. Уже более двух часов он находился в холодной воде и от переохлаждения был практически в бессознательном состоянии. На вопросы не отвечал, только время от времени постанывал. Жуткая картина, страшная ситуация. Но самый ужас был в том, что к утру вода в колодце должна была подняться почти

на метр и покрыть несчастного с головой. На спасательные работы оставалось всего четыре часа.

После недолгого обсуждения мы выбрали самого ма­логабаритного, но ловкого молодого симферопольского спелеолога. Привязали его веревкой за ноги и шестером спустили вниз головой в колодец. Он попытался обвязать пострадавшего абалаковским поясом, но с первой попытки это не удалось. Паренька вытащили наверх, его лицо покраснело, он тяжело дышал. Однако он наотрез отказался смениться, и это было правильно. Даже его щуплое тело с трудом проходило в скважину и слегка клинилось внизу, другие не пролезли бы вообще. После короткого отдыха его снова спустили в колодец. И опять неудача: брезентовый пояс застревал между бетоном и телом, одеть его не получалось. Но парень был не редкость упорный. На пятой попытке он все же ухитрился проташить концы пояса под мышками пострадавшего, но теперь никак не удавалось стянуть ремень и застегнуть пряжку.

Время не шло – оно просто летело. Несмотря на позднюю ночь, у колодца собралась толпа зевак, все норовили дать совет. Потом милиция оттеснила любопытных. Наш юный спелеолог был вконец измучен. Больше всего он страдал от нехватки воздуха: на дне скважины было уже почти нечем дышать. Откуда-то принесли маленький баллон с кислородом, приоткрыли и спустили вниз. Дело пошло быстрее. Еще несколько спусков, и парень пояс застегнул. Карбином пристегнули к поясу толстую веревку, перекинули ее через блок над колодцем.

Начинало светать, нужно было торопиться. Приехали Илюхин и Дублянский. Перед началом подъема поговорили с женой пострадавшего. Предупредили, что при вытаскивании может быть покалечена нога ее мужа. Она сказала – тащите.

За веревку взялись шесть человек и аккуратно потянули – ни с места. Потянули сильнее, потом изо всей силы – не идет. Подошли еще четверо, в том числе тяжелый, здоровый

Илюхин. Напряглись, потянули, снизу послышался стон, но тело не продвинулось вверх ни на сантиметр. Позвали самых крепких соседей и милиционеров, набралось пятнадцать человек. Начали тянуть, постепенно усиливая напряжение. И опять никакого движения. Ничего не оставалось, как тянуть на «раз-два, взяли». Раскачались, приноровились к ритму и начали. На третьем качке веревка потянулась, раздался треск и... раздираясь жилка за жилкой и со свистом раскручивая витки на колесике блока, новая двенадцатимиллиметровая капроновая веревка оборвалась. Это был конец.

На востоке поднималось быстрое южное солнце, и вместе с ним в колодце быстро поднималась вода. Мы даже не успели перестегнуть длинный конец веревки к карабину, чтобы повторить попытку выемки. Со дна скважины раздалась булькающие звуки, потом стало тихо. Спелеологам здесь больше делать было нечего.

Молча, мы вернулись на турбазу, где в зале нам оставили блюда вчерашнего неудачного банкета. К еде никто не притронулся, пошли спать. А я попрощался с товарищами по экспедиции, собрал рюкзак и снова направился на Караби, где начинала работу вторая смена нашего спелеолагеря.

Потом мне рассказали конец этой трагической истории. Оставлять тело в колодце было и не по-христиански, и недопустимо с санитарных позиций. Министерства по чрезвычайным ситуациям тогда не было, и за дело взялись пожарники. Из арматурной стали они изготовили длинный крюк и изловчились зацепить им тело под коленом согнутой ноги. Только тогда его удалось извлечь из скважины. Сложением мужичок оказался тщедушным, и невезучим не только по жизни, но вообще. Мертвое тело поместили в какой-то времянке. Так вот крыша времянки рухнула.

Полет к скелету

Спелеологический учебный лагерь раскинулся в долине под холмом метеостанции. Место было выбрано из-за

дефицита воды: метеорологам ее привозили на машине, они делились со спелеологами. Начальником второй смены был Виктор Владимирович Арсеньев, или просто Хобот. В лагере действовали три отделения, по десятку новичков в каждом. Инструктора отличались молодостью и умеренным спелеологическим опытом: Стас Козырев, аспирант Илюхина, занимался спелеологией полтора года, Володя Емельянов пришел в секцию два года назад. Только Рита Гаврилова к тому времени была ветеран – ходила в пещеры три года. И все были почти ровесники – двадцать–двадцать два года.

Школьники же, наоборот, все имели одинаковый нулевой опыт, но варьировались по возрасту: от юных девчушек до взрослых мужчин, даже отцов семейства. Среди них выделялись двое.

Один – плотный, кряжистый дядька, несколько похожий на снежного человека. Он был лыс, умен, дисциплинирован, необыкновенно силен и вынослив. Притом он был ровесником Илюхина, отцом юного отпрыска и владельцем автомобиля «москвич», на котором и приехал непосредственно на Караби. По профессии он был химик-металлург, а по имени звался Олег Вадимович Падалко.

Второй – невысокий молчаливый молодой мужчина с чуть восточным разрезом глаз, с первого взгляда чувствовалось, что он очень надежен; звали его Владимир Кучин.

Среди девчушек блистала Таня Ерошкина – как неподражаемой фигурой, так и детской непосредственностью. В нее тут же влюбился ее инструктор Емельянов, и они практически не расставались, ни в лагере, ни под землей. Этот горячий роман едва не стоил нам человеческой жизни.

Начальником спелеолагеря Хобот был впервые, от ответственности сильно волновался и в связи с этим, как он сам сказал, закрутил гайки до упора. Царила строжайшая дисциплина. Подъем – туалет – построение – зарядка -- выход на работы – обед – опять работы – ужин – вечерние песни – туалет – отбой. Немногочисленных нарушителей режима от-

страняли от пещер, и они маялись без дела у своих палаток. В пещерах учились лазить по лестницам (и вверх и вниз), страховать, делать топосъемку. И в целом все равно, несмотря на перегибы Хобота, в лагере было интересно и весело.

Я пристроился в отделение к Стасу Козыреву и помогал ему в обучении школьников немудреным спелеологическим хитростям. Как одним движением руки завязать узел булинь. Как переставить подсевшие батарейки и поменять лампочки в налобнике, чтобы они посветили еще день-другой. Как лазить под землей по скалам. Мы спускались в самые красивые и интересные пещеры: Кастере, Дублянско-го, Монастырь Чокрак.

Последний был известен с незапамятных времен и упоминался в знаменитой книжке Александра Крубера «Карстовая область горного Крыма». И не удивительно, вход в эту пещеру представляет собой восьмидесятиметровую карстовую шахту, открывающуюся широким отверстием прямо с поверхности Земли. Для спуска и подъема в этой шахте сцепляли между собой несколько тросовых лестниц. Вниз новички спускались довольно быстро. А там уж было, где побродить: широкие галереи, уступы, залы. Со стен свисают кальцитовые драпировки, с потолка – большие сталактиты. Пещера чистая, светлая. В ней проживали летучие мыши, притом оставались там до конца жизни.

В поисках окна и нового продолжения в дальнем зале я забрался по скале высоко под потолок и на одной из полочек увидел легкую конструкцию, составленную из сотен светлых мышинных косточек, скрепленных блестящим кальцитовым цементом. Ярко выраженный мотив бренности всего земного и подземного, звучащий в формах этой абстрактной скульптуры, еще более подчеркивался хаотически разбросанными вокруг малюсенькими черепушками летучих мышей. Я решил прихватить один черепок на память и сунул его в коробок со спичками.

Когда подошел к низу входной шахты, понял, что придется подождать: у лестницы собралась очередь из пяти человек. Каждый новичок вылезал с верхней страховкой минут по тридцать. Особенно медленно шли девочки, у них быстро уставали руки, и они через каждые десять метров повисали для отдыха на карабинах, которыми цеплялись за ступеньки лестницы. Я про себя посчитал, что своей очереди мне ждать не меньше трех часов, и стало невесело. Чтобы развеяться, я прокричал наверх, что готов прямо сейчас установить рекорд Караби по вылезанию из глубоких шахт. Прямо скажем, что никто и никогда рекордов здесь не фиксировал, но сидевший наверху молодой ученый Козырев сразу понял, в чем дело. Он крикнул в ответ, что мне слабо, потому что лучшее время выхода по лестнице из Чокрака, как известно, составляет пять минут. Я ответил, что готов заключить пари на три шоколадки, которые в случае проигрыша отдаю всему отделению. В случае выигрыша удовлетворюсь поцелуем самой красивой девушки.

Вся эта полемика чрезвычайно заинтересовала окружающих, ибо и поражение, и победа на жизни отделения отразились бы не слишком отрицательно. Кроме того, народ проникся азартом спортивного зрелища и, подозреваю, кто-то уже подумывал о ставках на беговую лошадку. Очередь мне тут же уступили, и я, пристегнув к груди узел верхней страховки, хотел уже давать команду на подъем. Но тут заметил, что здоровенный узел-проводник, которым заканчивалась страховочная веревка, лупит меня по карману, где лежит коробок с черепом мышки, и может его поломать. Не долго думая, я вытащил черепок из коробки и засунул в рот. Это, безусловно, способствовало сохранности ценного экспоната, но значительно затрудняло выполнение спортивного задания, так как дышать теперь приходилось через нос или в лучшем случае сквозь сжатые зубы. Более того, на подъеме нельзя было ничего говорить, тем более кричать, что стра-

ховка, например, ослабла или, наоборот, пусть так не тянут, а то почти придушили.

Шоколадок, честно говоря, мне было совсем не жалко – они являли собой остатки шика болгарской экспедиции, где я ими досыта наелся. Так что я был готов к проигрышу, и промышчал школьникам, чтобы они крикнули наверх о старте. Задомно чтобы засекали время и наверху, и внизу. И сам я отметил положение стрелок на своих часах в момент, когда оторвал ногу от глыбы на полу и встал на первую ступеньку. Координирован я был неплохо, подтягивался по тридцать раз, к тому же за последние две недели приобрел отменную закалку в многокилометровых переходах с болгарами по Караби. Поэтому наверх по лестнице не то чтобы быстро полез, а почти побежал. Лестница висела совершенно отвесно, нигде не касаясь стен, за исключением единственного выступа уже почти на самом верху.

Шлось легко, страховали меня отлично, и без приключений, разве чуть запыхавшись, я вскоре очутился на поверхности. Когда отстегнул страховку сравнили хронометры: часы в покоящихся системах отсчета показали четыре минуты двенадцать секунд, а мои часы – в движущемся с их точки зрения репере – дали цифры 4.17. Естественно, был зафиксирован больший результат, хотя физик Козырев отнес возникшую нестыковку к проявлению феномена спелеологического релятивизма и обещал написать на эту тему статью. Рекорд был определенно установлен и, по-моему, с тех пор больше не обновлялся. Никто из девушек на Караби мне особенно не нравился, и целовать я никого не стал. А узнав, что во рту я носил череп мыши, они, думаю, особенно и не горевали по поводу моих поцелуев.

В Москве в это время оставалась Таня Кузнецова, вот от нее я был абсолютно без ума. Но поскольку это обстоятельство скрывал, то вместо поцелуя по возвращении подарил мышкин череп именно ей. Правильно сделал или нет – не знаю, но через пять лет мы поженились.

Хобот водил новичков в шахту Гвоздецкого. Именем известного московского географа и карстооведа была названа довольно глубокая по тем временам пещера глубиной сто девяносто один метр. Вот какая точность, каждый метр был на учете! Пещера была почти вертикальная, с глубокими колодцами и узкими полочками. Где-то в середине шахты между стенками была расклинена каменная плита, на которой первопроходцы, открывшие пещеру два года назад, задерживались для приема пищи. По примеру альпинистов, имевших на Эльбрусе свой Приют одиннадцати, эта плита получила столь же романтическое, но более мелкое название «Приют четырех».

В группе Хобота был и Володя Кучин, который получил задание разведать один из нижних колодцев пещеры. Там колодцы как-то ветвились, раздваивались, и был шанс найти окно в новую систему. После нескольких часов работы группа собралась в Приюте четырех, из нижних колодцев извлекли все снаряжение – лестницы и страховочные веревки. Установили очередь наверх и уже начали подниматься, как вдруг Арсеньев понял, что не хватает Кучина. Расспросы школьников ситуацию не прояснили. Тогда начальник остановил движение наверх и начал поиски пропавшего. Снова спустили вниз лестницы и веревки, спустились в нижние колодцы и там увидели Володю, тихо сидевшего на камне. Он нисколько не волновался и спокойно пояснил, что лазил по шкурникам, когда вернулся к навеске, ее не оказалось. Тогда он стал ждать. Вот и все. Спокойствие и уравновешенность Кучина с того дня вошло в поговорку.

Емельянов водил свое несильное отделение в мелкие пещерки Эгиз-Тинахи. Так по имени озера, удовлетворявшего санитарно-гигиенические потребности местных овец, были названы три близлежащие пещерки. Эгиз-Тинах-три потом стал называться шахтой Виолы, а Первый и Второй так и остались под номерами. Однако Эгиз-Тинах-два существенно отличался от своего собрата, найденного первым. Он был

глубже, протяженной, а самое главное, там на дне в обрамлении из аккуратно выложенных камней лежал человеческий скелет. Туда-то и повел свою группу Емельянов; лагерь они покинули, как обычно, рано утром.

К вечеру все уже поужинали и собрались у костерка. Емельянов запаздывал, и Хобот с нетерпением поглядывал на часы: контрольный срок второго отделения был на исходе. Уже стемнело, и вдруг кто-то увидел далеко на холме одинокий фонарь. Это был тревожный знак: либо перенос контрольного срока, либо что-то похуже. Оказалось похуже.

Прибежал запыхавшийся школьник и сказал, что во входной колодец глубиной восемнадцать метров упал новичок Юра Стародуб. По словам гонца, выходило, что Юра упал в пещеру вместе со страховочной веревкой. Жив он или нет, неизвестно.

Хобот направился на метеостанцию вызывать «скорую помощь», я собрал отряд из восьми самых здоровых и технически способных мужчин. Мы взяли большую аптечку, веревку из спасфонда, спальник, и чуть ли не бегом направились к пещере. Хорошо, что не было тумана; в полной темноте по утыканным каррами склонам мы добрались до опасного отверстия, покато переходящего в отвесный колодец. На самом краю над обрывом склонились темные фигуры. Я оставил спасателей стоять поодаль и по полочке пробрался к понурой группе. В центре ее стоял инструктор, абсолютно без сил, а на его плечах висел пострадавший. Сразу после ЧП Емельянов сам спустился на дно колодца, подобрал лежащего рядом со скелетом Стародуба, взвалил его себе на спину и по лестнице с верхней страховкой вылез на поверхность. Кто когда-нибудь лазил по лестнице, представляет себе, насколько это физически нелегко даже одному. Подняться же с человеком за плечами можно только в сверхстрессовой ситуации, когда сам уже ничего не соображаешь, а действуешь на автопилоте.

К счастью Стародуб был жив, но на вопросы не отвечал. Моргал только. При наружном осмотре заметных переломов и ран у него не нашли. В пять минут соорудили носилки из двух жердей, вырубленных в соседнем кустарнике, веревки и спального мешка. Уложили упавшего в спальник и понесли по ночному плато: четыре человека в смену. Менялись через десять–пятнадцать минут, идти было тяжело. По дороге Емельянов рассказал мне, как произошло падение. Он навесил лестницу, а закрепить страховочную веревку поручил Ерошкиной, которая ухитрилась вместо буиня завязать какой-то женский бантик. Влюбленный в даму инструктор качество ее работы проверять не стал. Стародуб прицепился к узлу карабином, отклонился спиной к обрыву и улетел вниз вместе с навеской. В опасной позе – сидя – летел восемнадцать метров и упал рядом со скелетом. Остальное было известно; неизвестными оставались последствия падения.

Пострадавший лежал в носилках почти неподвижно и абсолютно тихо, что, скажем прямо, сильно действовало на нервы. На каждой пересменке я щупал его пульс и смотрел в глаза. Пульс был почти нормальный, глаза закрыты. Но когда я светил фонарем, они моргали. Вопросы он по-прежнему оставлял без внимания.

И вдруг после двухчасового молчаливого, почти траурного марша уже на подходах к лагерю Стародуб... запел. Мы даже остановились от неожиданности. Пел он тихо, но внятно. Песня была пролетарская-похоронная, любимая песня Ильича: «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил». Шутка это была или легкий психический сдвиг, не знаю. Я только подумал: раз поет, мозги – на месте, остальное заживет.

Так и случилось. Наутро приехал врач из Симферополя и зафиксировал отсутствие опасных повреждений. Даже синяков не нашли. Стародуба не взяли лечиться в больницу, и он остался в лагере. Быстро пришел в себя после шока, но в пещеры больше не ходил.

На инструкторском совете Хобот устроил суровый разбор полета и предложил отстранить Емельянова от руководства отделением. Но поскольку работа школы уже заканчивалась, решили все же не портить молодому Ромео спелеологическую карьеру, смягчить наказание и ограничиться выговором.

В самый момент жаркого обсуждения с метеостанции принесли телеграмму. Илюхин сообщил: только что, в августе 1965 года, на Кавказе в районе Сочи группа московских спелеологов во главе с Данилой Усиковым прошла новую пещеру до глубины триста шесть метров. Пещера называлась «Величественная» и в ней текла река. Это был новый абсолютный рекорд, черневшая неподалеку круглым входом шахта Молодежная – вчерашний рекорд – была мельче почти на пятьдесят метров.

Через пару дней лагерь завершил работу. У скупого горного костра собрался широкий круг друзей. Пели чьи-то авторские и самодельные песни. Хобот самозабвенно играл на гитаре. Над вечерним плато, над его каррами и воронками, над шахтой Крубера и гребнем «Динозавр» звучал не слишком стройный, но искренне влюбленный в горы, пещеры и песни хор:

Кто позабыл отцовский дом,
Кому уют пещер знаком,
Кто ходит в выходы тайком,
А на начальство ложит, –
Им жизни дешевле, чем капрон,
Им жизнь дешевле, чем капрон,
Нам жизнь дешевле, чем капрон,
А женщины – дороже.

Я тоже знал эти высокохудожественные слова спелеологической переделки, но мог только сидеть и слушать, потому что на спасработках простыл и напрочь охрип. Но участ-

зовать в действии хотелось, и, подтверждая изложенный в куплете тезис, я обнимал за теплое плечо какую-то совсем не нравящуюся мне девушку.

Назавтра Олег Падалко завел свой «москвич», загрузил в него почти все снаряжение, человек шесть спелеологов и поехал по плато на север, к Белогорску. Осевшая машина чем-то внизу ударилась о неровность дороги. Олег вылез из нее, взял в руки здоровенный булыган, залез под колеса и стал изо всех сил стучать. Потом он вылез обратно, сел за руль и поехал дальше. Я спросил его, в чем дело. «Карданный вал погнулся, – ответил он, – я его выпрямил».

Пещера Назаровская и йог Пантюхин

Слухи о новом рекорде глубины оказались отнюдь не преувеличены. Как рассказал уже в Москве Илюхин, он получил информацию о новых пещерах от местных геологов, которые много лет изучали предгорья Главного Кавказского хребта в окрестностях Сочи. Кстати, в тех местах, под хребтом Ах-Цу, давно была известна большая горизонтальная пещера – Воронцовская. Большая, но горизонтальная. А вертикальные пещеры неожиданно нашлись севернее, на соседнем хребте Алек, и пещеры глубокие, несмотря на небольшую высоту хребта над уровнем моря – до километра. Пару входов показал местный лесник Назаров, домик которого стоял на хребтике над Белым ручьем. Один пещерный вход замыкал русло небольшого ручейка, он был высокий и заметный, над ним возвышалась большая отвесная стена. Ручеек падал прямо в отверстие входа, пробираясь под навалом старых буковых стволов. Пещера со столь внушительным входом получила название «Величественная». Недалеко находился второй, более скромный вход, видимо, в более скромную пещеру; точных сведений о ее глубине не было. В честь лесника вторую пещеру назвали Назаровской.

Илюхин не стал откладывать исследование новых пещер на следующее лето. В начале ноября 1965 года смешан-

ная экспедиция москвичей и крымчан высадилась в Адлерском аэропорту. На местном автобусе мы доехали только до главной улицы Ленина. Нам нужно было в Хосту, но был поздний вечер, и туда общественный транспорт уже не ходил. Недолго думая, Илюхин свернул в кусты в десяти метрах от автобусной остановки, бросил на землю рюкзак и расстелил спальник непосредственно под кипарисом, уткнувшись в небо, как космическая ракета.

На следующий день прибыли в Хосту и на разболтанном голубом автобусе, хорошо подходящем для сельской, но не курортной местности, двинулись в сторону гор. Плосенькая асфальтовая дорога запетляла вверх по реке. Позади остались облупленные пятиэтажки и мрачноватая и горбатая гора Ахун с известной смотровой площадкой почти на самой вершине. А впереди раскинулась просторная долина с селами и полями; на северо-востоке ее замыкали высокие лесистые холмы, которые с некоторой натяжкой можно было назвать «горы». Это и был хребет Алек. Автобус дотряс экспедицию до селения Илларионовка, за которым раскинулись поля чайного совхоза. Из серой земли торчали облезлые кустики краснодарского чая, очевидно, второго и третьего сорта.

Отсюда начался пеший маршрут. Небо было серым и неприветливым, тяжелые рюкзаки давили на плечи нещадно, а петляющая по склонам тропа растопталась в жидкую грязь и скользила. Хорошо, что подъемы не слишком напрягали по высоте. Короче, первое впечатление от Алека было ниже среднего. У домика Назарова тормознули, чтобы выразить почтение. Тут пошел противный дождь со снегом, и во всей этой лепоте мы примерно через час прибыли на сравнительно ровную полянку, один из краев которой обрывался как раз ко входу в Величественную. Здесь поставили лагерь.

В экспедицию поехали сильнейшие. Из Москвы, кроме Илюхина, были Колесников, Мухин, Хобот, Валерий Фурман, два Анатолия – Климов и Никитин, и я. Была еще, правда, одна девочка – Таня Михайлова, бывшая школьница;

летом она повредила на тренировке в Царицыно и не смогла поехать в лагерь на Караби. В качестве компенсации за травму Илюхин взял ее на Алек, хотя новичкам тут было совсем не место. Крым представляли Гена Пантюхин, Вадик Душевский и Саша Назаров, московский студент, но родом из Севастополя. Прессу представляла корреспондент нового журнала «Турист» Юлия Кириллова, готовая освещать великие достижения спелеологов.

Хотя лес был насквозь мокрый и незнакомый – бук с каштаном, при наличии Мухина проблем с костром быть не могло. Михайлову определили на кухню, и жизнь в лагере закипела. Начали считать карабины, разворачивать лестницы, латать пещерную одежду. Было известно, что в отличие от пещер Караби, здешние дыры грешат водичкой. Но ветераны движения утверждали, что им преодоление подземных водотоков не в новинку. Несколько лет назад они целыми неделями путешествовали по реке в знаменитой Красной пещере, не собирались спасовать и здесь. Тем более, что в запасе было несколько гидрокостюмов.

Гидрокостюмы были двух сортов: первые – настоящие армейские ГК-2 из толстой прорезиненной ткани, каждый по семь килограммов весом, вторые – самодельные, почти невесомые, наспех склеенные из тонкой оранжевой клеенки, ее продавали в аптеках в качестве подстилки для грудных детей. Эту занятую коллекцию разглядывали с большим сомнением. Илюхин сразу взял себе костюм из детской клеенки; подозреваю, что клеила его будущая жена Владимира Валентиновича Лариса Малащенко, молодая, подающая надежды спелеологиня. Хотя контакты с ней Илюхин тщательно скрывал. Кто-то позарился на тяжеловесный ГК-2. Мы с Пантюхиным смотрели на все это и презрительно кривили губы. Закаленные в холодных ночевках и многочасовых бдениях на страховке, два самых выносливых и жилистых спелеолога легко вынесут близость благословенной подземной влаги!

Мне с Илюхиным, Колесниковым и Пантюхиным выпало идти в Назаровскую. Первый выход был акклиматизационным, уже тогда понимали, что к новой пещере нужно привыкать постепенно.

Погода изменилась: подул резкий ветер, прояснилось и похолодало. Полупрозрачную сетку голых буковых ветвей пробили солнечные копы. Оказалось, что унылая природа хребта может быть весьма привлекательной. По дну глубоких лощин струились чистые звонкие ручьи. В их светлой воде перекатывались созревшие плоды каштанов. Кстати, вымоченные в насыщенной известняком воде, они оказались очень вкусными. На желтоватых осенних склонах ярко зеленели жесткие стелющиеся кусты лавровишни и торчали лапы рододендронов. А самое главное – запах. Он был совсем не похож на запах Караби – запах нагретого камня. Здесь воздух имел острый привкус почвы и растений, приправленный неким специфическим медовым ингредиентом.

В привходовой части пещеры Назаровская ничего сверхъестественного не наблюдалось. Сухая наклонная галерея с уступами, колодец метров сорок, потом извилистый ход, опять с уступами, по нему течет ручеек тоненький. Идешь себе то скальным маршрутом, то по лестнице. Чистенько, стены светлые. Температура почти такая же, как в пещерах Караби – 6–7° по Цельсию. Так что все несложно. В первый раз далеко мы не пошли, сделали навеску, метров до ста, практически не промокли и вернулись в лагерь.

А там уже всюю шли рассказы о выходе в Величественную. Пещера, как выяснилось, мокрая и спортивная. Сплошные колодцы, уступы и меандры. Именно тогда впервые прозвучало это название извилистого пещерного хода – меандр. В пещере нет ни одного сталактита или сталагмита. Главная проблема – вода. Идешь все время по приличному ручью, в колодцах он поливает сверху. Гидрокостюм очень желателен, те, кто пошли в ГК-2, совсем не пожалели, хотя им было тяжело подниматься по лестнице. Еще одна

особенность – бревна. Мертвые стволы деревьев встречаются по всему пройденному пока участку, иногда перегораживают ход. До дна тоже не дошли, пробовали снаряжение в новых условиях. В рассказах очевидцев чувствовалось некое напряжение и одновременно – облегчение оттого, что они, наконец, на поверхности.

Экспедиционного времени было немного – всего несколько дней, поэтому назавтра с раннего утра в пещеры пошли с навеской следующие группы, а еще через день – снова наша команда, уже с топосъемкой. Вначале мы разбились на две подгруппы: Пантюхин и я как люди, презирующие «гидры», быстро ушли вперед с навеской – грелись высоким темпом; Илюхин с Колесниковым и Хоботом, облаченные в оранжевые детские клеенки, неторопливо снимали план и пытались искать продолжение в привходящих галереях. Но все галереи вели наверх, и через десяток-другой метров их бросали, и снова шли вниз по основному ходу. Уступов и мелких колодчиков было много, мешки с лестницами и веревками скреблись о стенки меандра и перетаскивались тяжело, поэтому тройка топосъемщиков довольно скоро нас догнала. Но догнали не только они. Сзади послышался шелестящий шорох, постепенно переходящий в напряженный гул, если не сказать рев. Светлый ручеек под ногами вдруг помутнел и стал быстро подниматься. За минуты уровень воды поднялся чуть ли не на полметра и, кажется, вода еще прибывала. В колодцах гремели уже серьезные водопады, на уступах разлетались грязноватые брызги. По-видимому, наверху прошел сильный дождь, и по всем притокам, как по канализационным трубам, дождевая вода ринулась в нашу галерею.

Все заметно занервничали, но решили не сдаваться и достичь дна пещеры. Глубина, на которой мы находились, по грубой оценке составляла около трехсот метров, но по пещере можно было двигаться дальше. Нечего и говорить, что мы с Пантюхиным в первые же минуты паводка вымокли насквозь. Остальные в своих смешных гидрах чувствовали себя

несколько комфортнее, хотя эти субтильные костюмчики уже во многих местах подрались о скалы, а кое-где просто расклеились по швам. Не умели тогда еще гидры клеить!

Дальнейший путь превратился в форменное мучение. Мы навесили еще пару уступов и остановились перекусить. По колено в воде развернули какую-то колбасу с сухарями. Меня и Пантюхина тряс лютый озноб. Пятнадцать минут перекуса – без движения – показались вечностью. Илюхин сочувственно посмотрел на наши синие физиономии и деликатно предложил выходить на поверхность – нам двоим. Сам он намеревался все же добраться до хоть какого-то дна. Для меня это было странно: я никогда не видел Володю столь увлеченным достижением рекорда. Мы с Пантюхиным без промедления согласились, и почти бегом побежали наверх, к выходу. Согреться все равно не получалось. Мутная вода лила нам прямо в лицо на всех лестницах и уступах, на которые мы забирались «скальником» с самостраховкой. Иногда веревку приходилось отыскивать прямо в потоке льющейся сверху холодной воды. С каким-то сладким ужасом думалось о прелестях подъема по лестнице под водопадом в сорокаметровом колодце. Но тут пещера дала нам передышку. В колодце водопада не было. Основной поток воды здесь выходил откуда-то сбоку, а в колодце всего лишь капало; по лестнице и страховочной веревке змеились тонкие струйки.

Я предложил Пантюхину идти первым. Он заявил, что готов, но категорически отказался пристегивать самостраховку. «Так я быстрее вылезу», – стуча зубами, сказал он. Я, стуча уже своими зубами, чуть ли не в императивной форме потребовал, чтобы он пристегнул страховку. Просто я представил себе, как уставший синий Гена срывается с лестницы и падает к моим ногам, и мне стало страшно. Минут пять мы поорали друг на друга, и в глубине души разумный, хотя и оторвано отчаянный Пантюхин уступил. Он пристегнулся и полез. Навряд ли можно было быстрее подниматься без страховки! Сорок метров вверх он пробежал без остановки за три

минуты. И конечно, у него ни разу не разжались от усталости пальцы и от неловкого движения не соскользнул со ступеньки сапог. Здоровый был дьявол! Но, заметим также, что и камни на него в колодце не падали.

Я последовал за Геной, и через четверть часа мы уже передевались на полянке перед входом. Здесь творилось что-то антигуманное по отношению к спелеологам. Сумерки еще не наступили, но казалось, что уже полная ночь. С черного, лохматого неба сыпался снег, его сырые хлопья еще на лету пробивались крупными каплями холодного дождя. Упав на землю, все это месиво тут же таяло. По склонам бежали грязные ручьи, на павшей листве стояли лужи. Дул сильный ветер, было холодно. Показалось даже, что в пещере лучше.

В лагере было тихо, народ забился по палаткам, наверное, спал. По-видимому, не так давно обедали: около потухшего костра стояли два ведра с кашей и бывшим чаем. Тоска, разруха, голод, холод. Пантюхин сдвинул в костре недогоревшее буковое бревно, и под ним счастливо обнаружилось множество красных угольков, аккуратно лежащих и мерцающих, вполне готовых, например, для поджаривания молодого шашлыка. Но вместо шашлыка его ожидал совсем иной объект.

Пантюхин сел на пенек и снял с ног сначала сапоги, потом абсолютно мокрые носки; под ними обнаружились фиолетовые ноги. Молча и неторопливо Гена поднялся, подошел к костру и встал на красные угли босыми ногами. Раздалось шипение, но, думаю, это был звук не сгорания плоти, а ее оттаивания. Когда угольки под ступнями потухли и, видимо, перестали греть, Пантюхин перешел на новую порцию красненьких, и так ходил несколько минут. Я решил, что он не только известный спелеолог, но еще и йог. Потом никаких ожогов у него не было.

Повторить что-то в том же духе я, конечно, не мог, поэтому попросту залез в свою палатку, в любимый пуховый спальник, согрелся и уснул.

Молоко и мед

Спал я часа три, разбудили громкие тревожные голоса. Не случилось ли чего? Я выглянул из палатки и увидел, что вернулась наша штурмовая тройка, слава Богу, в полном составе. Живописная группа в разодранных оранжевых одеждах, с висящими лоскутами и лентами кучковалась у дымного, но уже разгорающегося костерка. Поодаль в продуктовой палатке сутилась единственная московская девушка, пытаюсь обнаружить хлеб. Хлеба категорически не было по причине его бесконтрольного употребления в пищу, и по этому поводу недовольно и громко высказывался уставший Илюхин. В том смысле, что для русского человека, тем более спелеолога, еда без хлеба – не еда. Эта выразительная речь и извлекла меня из объятий Морфея.

Было уже совсем темно. Но Илюхин кричал, что уже завтра экспедиция умрет с голоду и что нужно срочно собирать группу спасения, которую он готов возглавить. Группа должна была срочно идти за хлебом в ближайший магазин. Эта неожиданная сентенция имела следствием гробовое молчание: после тяжелой работы в холодной пещере идти по горам за десять километров в снег и дождь в сумеречной надежде, что магазин будет открыт, а в нем при этом окажется хлеб, – все это казалось лишенным логики и рационального зерна. К тому же вылезать из теплых нор ради удовольствия впустую прогуляться по грязи и непогоде никому не хотелось. Начальник, однако, завелся и объявил, что раз желающих помучиться на благо общества нет, он отправляется за хлебом в одиночку. Я представил себе, как он тащится по мокрым тоскливым склонам с буханками за спиной и обижается на спелеологов за их бездушие и черствость. Пришлось надевать на теплые ноги сырые носки, на них с трудом натягивать задубевшие на холоде ботинки и сообщать Владимиру Валентиновичу, что он в своем порыве пострадать за народ не одинок.

Этот ночной рейд за хлебом остался в моей памяти как один из самых светлых и добрых эпизодов моей юности. Мы легко и быстро шли по темным, туманным холмам, болтая на разные темы. Володя был искренне рад, что я пошел с ним, и весело рассказывал о физике, об ученых-академиках, с которыми общался. За беседой не заметили, как пришли в Илларионовку. Магазин, естественно, был закрыт, но Илюхин в ближайшем доме узнал, где живет продавщица, разбудил ее и почти заставил ее продать нам хлеб, который, к счастью, в наличии имелся. И это был не какой-то черствый вчерашний хлеб – это были свежайшие воздушные караваи со сногшибательным ароматом деревенской пекарни. Животная алчность разыгралась в наших сердцах, дрожащими руками мы запихали в рюкзаки целую гору этих шедевров выпечного искусства и, согнувшись под их сладкой тяжестью, опять ушли в ночь.

За Белым ручьем тропа пошла круто в гору, и тут мы запыхтели: трудный день дал о себе знать. Когда на вершине хребтика увидели свет в окошке, не сговариваясь, свернули к дому лесника. Назаров был в городе, нам открыла его жена. Она оглядела наши промокшие одежды и хлюпающие водой ботинки, поохала, велела разуться и отвела на кухню. Потом поставила на стол две большие миски, в одну налила кислого молока, другую доверху наполнила темным каштановым медом.

Неизгладимая из памяти картина. Темное окно, на стекло налипают и тут же сползают с него тающие серые хлопья. По ту сторону стекла черный и холодный враждебный мир. Его не видно, но мы только что оттуда и знаем, что он есть. С этой стороны светло. Керосиновая лампа освещает покрытый клеенкой стол и прекрасное лицо пожилой женщины. В воздухе тают божественные ароматы теплого хлеба, козьего молока и горного меда. Тепло и покой. После суровых скитаний предводитель привел меня туда, где молоко и мед. То ли в землю обетованную, то ли непосредственно в рай.

Подземная Хоста

Экспедиция успешно заканчивалась. Глубину пройденных пещер двукратно измерили, и все с нетерпением ждали результатов камеральных работ. Их выполняла высокоинтеллектуальная группа под руководством молодого инженера-оборонщика Валерия Фурмана. Результат ожидался к концу дня, и, чтобы не слоняться без дела в поднадоевшем лагере, Илюхин предложил сходить на экскурсию в Подземную Хосту. С ним собрались Пантюхин, Хобот и я.

Было известно, что в восточном ущелье река Хоста имеет довольно протяженное подземное русло, в которое можно проникнуть через боковые отверстия. Одно такое отверстие Илюхин знал лично, и сказал, что для путешествия по пещере нужно взять гидрокостюмы. Мы взяли два гигантских и невредимых ГК-2, взвалили их на плечи и потащились по тропам, дорогам и склонам в восточное ущелье. Не нужно думать, что Илюхин шел налегке. Даже в подмосковных походах его рюкзак был неподъемным: не то, чтобы он любил комфорт, скорее, поддерживал форму. На этот раз он был нагружен большим количеством фотоаппаратов, объективов и блиц-ламп. Каждый аппарат содержал особую пленку: для черно-белых портретных фотографий, для цветных слайдов, для широкоформатных панорамных снимков. По правде сказать, я никогда не видел каких-либо выдающихся результатов фотографической деятельности Илюхина, но фототехнику он обожал и трясся над ней, как скупой рыцарь над своими сундуками.

Так что можно представить себе красу речи и нежность интонаций, которые заполнили гулкое ущелье, когда Пантюхин уронил драгоценный рюкзак с фотоаппаратами в пропасть. Нам нужно было спускаться метров сорок по крутому склону, а с рюкзаком это получалось плохо. Рюкзаки сняли и собирались передавать их по цепочке. Но отчаянный Геннадий Серафимович предпринял характерное для него авантюрное действие: схватил рюкзак с гидрой и пустил его

по желобу вниз. Потом схватил второй и акцию повторил. Во втором рюкзаке оказались фотоаппараты Илюхина. Рюкзак покатился, застучал железом о камень, потом раздался тяжелый финальный удар. Глядя на помертвевший лик владельца техники, можно было догадаться, что сейчас его самого хватит удар не меньшей силы. Но крепкий Илюхин выстоял и разрядился яростным трибунным выступлением, обличающим раздолбайство и отсутствие извилин. Он перестал ругать Гену плохими словами только тогда, когда обнаружилось, что слегка помятые аппараты, как ни странно, работают.

Ущелье впечатляло. Светло-серые стены уходили высоко вверх, над сухим руслом высились изрезанные морщинами уступы, на которые приходилось забираться отнюдь не простым скалолазанием. В глубоких ямах грудами были навалены большие каменные ядра, по калибру подходящие для крупных средневековых пушек. Наверное, в паводки гигантский водоворот крутил и бил эти глыбы друг о друга, обтачивая их до ювелирной круглости. Но сейчас воды не было. Зато в стене, действительно, чернел обещанный вход в пещеру. Рядом с ним в воздухе ощущалось беспокойство, витала какая-то едва ощутимая тревога. Мы прислушались: из отверстия в скале шел низкий гул, едва различимый, на грани чувствительности слуха.

Мы с Пантюхиным надели гидры, Илюхин с Хоботом вооружились фотоаппаратами и штативами, и вся компания направилась вглубь. Скоро еле заметный гул сменился настоящим ревом могучей подземной реки. Мы подошли к ней вплотную и, пока фотографы налаживали технику, попытались походить по воде. Но из этого ничего не вышло. Река вырывалась из узкого горла, полностью его перекрывая, проносилась несколько метров по глубокому желобу и с грохотом падала в круто-наклонную щель. В эту щель, по идее, залезть было можно, и Пантюхин тут же предпринял попытку. Он повернулся лицом к потоку, ухватился руками за выступы скалы и сунул вниз обе ноги. Воде стало тесно, и она

тут же начала подниматься, заливая грудь, плечи и подбираясь к плохо защищенному лицу. Пантюхин с усилием выбрался. Потом он попробовал заглянуть в щель вниз головой, но это было уже полное безумие, и в результате все изучение обводненной полости закончилось вообще бессмысленным бросанием вниз зажженной газеты. Бумага моментально гасла, ничего видно не было. Так что мы так и остались в неведении относительно возможности спелеологического прохождения подземного русла.

Фотографии, как ни странно, получились, и я даже получил одну из них в подарок, правда, почему-то от Пантюхина. Не исключаю, что среди фотоаппаратов в упавшем рюкзаке был и его собственный.

Результаты всей осенней экспедиции на Алек оказались довольно странными. Пещера Величественная, ко всеобщему удивлению, едва набрала по глубине двести метров, то есть не могла претендовать даже на место в десятке призеров. Те, кто работал в ней, в один голос утверждали, что не видели пещеры опасней. Действительно, во время дождя втекающий во вход маленький ручеек превращался в бурную реку, которая несла бревна и камни. В такое время в пещере могло не только затопить, но прибить тяжелым предметом. Нельзя исключать, что, «работая» в таком режиме, эта дренажная труба время от времени меняла свою конфигурацию: какие-то ходы затыкались бревнами и замывались песком, другие при этом, наоборот, были вынуждены промываться и открываться. Естественно, в таких условиях говорить о постоянной глубине пещеры не приходилось.

Что же касается Назаровской, то ее глубина оказалась больше трехсот пятидесяти метров, то есть рекорд все-таки был установлен. Но притом нельзя было определенно утверждать, что в пещере дошли до дна. Она пока закончилась какой-то невнятной узостью, куда уходила вода. При большом желании туда, по-видимому, можно было пробраться: или

расширить ход или попробовать отыскать обход. Кроме того, в основном русле пещеры обнаружилось много притоков, так что не исключалась возможность пробраться по ним в новые параллельные системы. А то, что такие системы в этом обширном и достаточно однородном по структуре массиве имеются, сомнений ни у кого не было. Московские спелеологи открыли для страны новый очень перспективный и легкодоступный карстовый район.

На такой обнадеживающей ноте официальная часть экспедиции завершилась. Она, кстати, была замечательно организована: вещи уехали в Хосту на грузовике, а усталых покорителей бездны вез нежный голубой автобус. В уже полупустой пищевой канистре приятно плескалась ароматная «Изабелла». Хобот играл на гитаре, остальные, кто умел и не умел, пели. Пели про каюров и ягель, про шикарную рыбу, Южный Крест и пролив Лаперуза. Песни про Караби, а тем более про Алек в репертуаре не числились.

Через полгода, уже в армии, я получил письмо: в большом пакете лежал первый номер журнала «Турист». Самая лучшая статья в нем была об экспедиции на Алек в ноябре 1965 года. Там один раз называлась моя фамилия и даже была помещена фотография, правда, со спины. Я этим гордился, но исключительно про себя. Ни мои товарищи, ни тем более начальство понятия не имели, что этот жилистый, упрямый парень неплохо соображает в спелеологии. Я не рассказывал: ну что они могли понять!

ПЕЩЕРА СОЛДАТСКАЯ – КРЫМСКИЙ РЕКОРД

Когда-то давно у меня была «своя» пещерная группа. Основу ее составили участники экспедиции на Бабуган-яйлу летом 1964 года: Володя Емельянов, Чингиз Арифулов, Сергей Пепекин, Саша Иванов. К этой дружной команде потихоньку подтянулись и «старички» – Зюзин с Урбаном, и молодежь следующего поколения: Вольф Денисов, Таня Кузнецова, Витя Касинов, Таня Ерошкина. Мы ходили в жуткие подмосковные походы в холод и непогоду, с ночными рейдами и по пояс в болоте. Молодые люди демонстрировали героизм перед девушками, те, в свою очередь, как могли, боролись за эмансипацию. Было необыкновенно интересно и весело. Мы всерьез планировали походы в пещеры Тянь-Шаня и на Килиманджаро. Кавказская спелеоэпопея только начиналась, а Крым казался навсегда пройденным этапом.

Прошло несколько лет. Бывшие молодые спелеологи пережились, походы и пещеры забросили. Группа распалась, так и не посетив Килиманджаро. Но тут Крым, который мы презрительно вычеркивали из списка, показал высокомерным юнцам, на что он способен. Спелеологическую общественность взбудоражило известие об открытии на Караби-яйле пещеры, претендовавшей на отечественный рекорд. Самыми глубокими тогда еще оставались пещеры Алека – до четырехсот восьмидесяти метров. Впрочем, уже прошел слух о семисотметровой пропасти на Бзыбском хребте.

Пещеру невероятной для Крыма глубины нашли на Караби спелеологи из Феодосии. За несколько лет они прошли ее до некоего внятного дна и по традиции того времени назвали патриотично: Солдатская. Утверждалось, что глубина превышает пятьсот метров. В мае 1972 года проверить это заявление намерилась гигантская экспедиция под руководством Дублянского и Илюхина. Приехали человек сто из

десять городов. Если бы они знали, какой узкий их ждет калибр!

Печальный старт

Той весной я довел до сравнительно успешного завершения двухлетнюю школу в МГУ. Илюхин был явно недоволен тем, что я помогаю клубу-оппоненту, и период работы школы ознаменовался резким похолоданием наших отношений. Это было странно и очень неприятно. Я не понимал, как спелеология – прекрасное и абсолютно неприбыльное дело, помимо ощущений красоты и силы, стремления к дружбе и товарищеской поддержке может вызывать негативные чувства. К счастью, бесперспективность отчуждения скоро понял и Илюхин. В апреле 1972 года он пригласил меня поехать на Караби в Солдатскую.

Московская команда определенно помолодела. Испытанных ветеранов в лице Илюхина, Ефремова, Олега Васильева, Риты Гавриловой «разбавили» воспитанники Олега Падалко, прошедшие курс пещерного обучения в Московском дворце пионеров и на Алеке. Мальчишки были начитанные и давали друг другу прозвища как книжных, так и реальных героев. Саша Игнатов прозывался Барон (имелся в виду барон Пампа из повести Стругацких «Трудно быть богом»), Андрей Петров-младший – Кадавр (желудочно неудовлетворенный: тоже Стругацкие, но из «Понедельник начинается в субботу»). Андрей Смирнов получил прозвание Моше, очевидно, в честь израильского одноглазого генерала. Молодой Арефьев имел замечательное имя Вольдемар, и в прозвищах не нуждался. Под своими именами шли по неровной пещерной тропе Виталик Шиманов и Леша Горьков. Эти здоровые парни болели пещерами и являли собой молодую гвардию городской секции спелеологов. Как на мою долю выпали счастливые открытия на Караби, так им повезло с Алеком, где они нашли и исследовали новые пещеры: Школьную, Гигантов, Медвежью, Заблудших, ТЕП. Последнее название –

по именам первооткрывателей: Татьяна Кузнецова, Евгений Мухин, Павел Сотников, все – ученики и друзья Илюхина. Пещера Осенняя оказалась вторым входом в Назаровскую; система Назаровская–Осенняя некоторое время – до Снежной – числилась в рекордах глубины.

Начало экспедиции в Солдатскую получилось более, чем печальным. Вся команда уже загрузилась в поезд Москва–Симферополь, но один спелеолог – Гена Баранов – запаздывал. Поезд так и тронулся без него, но тут же затормозил. Постоял минут пять и снова поехал. В купе шутили: Гена пришел, поезд остановил. Шутки обернулись ужасной правдой. Гена, действительно, остановил поезд. Он вбежал на перрон за секунду до отправления и успел уцепиться за поручни тамбура. Проводница на площадке не только ему не помогла, но вроде бы даже помешала забраться в вагон. В этот момент поезд дернулся и Гена не удержался. Вместе со своим огромным рюкзаком он слетел прямо на пути, под колеса попала его нога. В больнице ее ампутировали, потом сделали протез, и Баранов еще несколько лет ездил с нами в несложные экспедиции, хромая на этом протезе.

Вообще-то он был веселый и беззлобный человек, только очень безалаберный. С ним всегда случались смешные и грустные истории. Как-то он ушел с группой в подмосковный поход и в лесу совсем заблудился и потерялся. Чтобы его найти, Илюхин посылал специальный спасотряд. Потом был случай: Олег Падалко защитил диссертацию и устроил банкет, плавно перешедший в ночное гулянье. Естественно, там были спелеологи. Наутро изрядно выпивший Гена по дороге домой упал на лестнице подземного перехода и слегка – но до заметной крови – разбил лицо. На помощь упавшему и истекающему кровью гражданину поспешил какой-то ранний прохожий. Непохмеленный Гена что-то вдруг разгневался, быстрым движением отстегнул деревянную ногу и сильно метнул ее в непрошеного спасателя. Мужичок в

ужасе сбежал. Серия больших и малых неудач кончилась совсем плохо. Гена поехал за город, на хуторе выпил с хозяином много самогона и по дороге через поле упал и замерз.

Поезд шел из Москвы в Крым уже целый час, а мы еще ничего не знали о происшествии на перроне. Но потом пришел бригадир и рассказал, что наш спелеолог сам во всем виноват, а проводница, которая была на площадке тамбура, наоборот, не причем. Он зря беспокоился: в суд на железную дорогу никто подавать не стал. Так тяжело началась эта экспедиция, и совсем непросто она продолжилась.

Дождь на Караби

В Симферополе собралось столько спелеологов, что не хватило транспорта. Поэтому у северного подножия плато скопилось много разнообразного пещерного люда. Народ, впрочем, не скучал. Встречались старые друзья, образовывались новые знакомства и компании. Вечером, как всегда, пели песни; особенно громко они звучали там, где по кругу проходила бутылочка—вторая крепкого напитка. Выпивка вообще-то не поощрялась, потому не афишировалась, но дух неистовых шестидесятых уже начинал потихоньку выветриваться, и начальственные речи о сухом законе выслушивались с улыбкой. Кстати, поднять настроение было совсем излишне: тоску от печального старта усугубляла прямо-таки траурная погода. И без того низкие холмы карстового плато придавливало к горизонту тяжелое одеяло из темно-серых туч. Тучи сочились тонкодисперсным дождиком, проникающим в одежду, в палатки и в спальные мешки.

Картина была столь не располагающей, что отдельные впечатлительные спелеологи после некоторого, видимо, здравого размышления развернулись на сто восемьдесят градусов и уехали домой.

Два грузовика, по оси увязая в расхлябанной дороге, с натугой доставили засидевшихся спелеологов к месту работ.

Вход в Солдатскую располагался в борту широкой, почти плоской ложины, которая нижней своей оконечностью упиралась в мелкое и мутное озеро Эгиз-Тинах. По колено в озерной воде стояло и бляело стадо овец. Десятка три палаток беспорядочно разбросались на мокрой траве среди чахлах бутончиков горицвета. Окрестные карстовые воронки заливал белый туман, похожий на молоко.

Под землей было определено комфортнее, чем наверху, и желающих идти под землю прямо сейчас набралось человек пятьдесят. Но тут выяснилось, что имеющийся план штурма пещеры не годится, так как никто не предполагал наличия здесь такого столпотворения. Понимая, что меня сейчас будут припахивать к переделке плана, я решил провести время поинтереснее и улизнул к палаткам новых знакомых – феодосийцев.

Они как раз только что начали игру в буюк, предложили сыграть и мне. Дали в руки большую дубину, указали на четверых ребят в лыжных шапочках и сказали – это твоя команда. Пятеро без шапочек были командой противника. Все в руках держали здоровенные палки. Колышками, вбитыми в сырую землю, маркировались ворота. В ворота нужно было загнать дубиной пустую консервную банку. То есть игра – вид хоккея на траве, только по-нашему. Интеллектуальная. Игра началась. Через полчаса травяной газон превратился в грязную жижу, в нее время от времени в разных позах прикладывались игроки. Еще через полчаса при счете два ноль в нашу пользу самый азартный из команды недругов Гарик вдруг вместо банки со всей силы саданул меня по руке. Дубина выпала из руки в жижу и я, травмированный, но непобежденный, пошел мыться и переодеваться. К утру предплечье было в полтора раза толще нужного габарита, но это не остановило меня от выхода под землю.

Так и осталось тайной, кто же модифицировал план штурма. В той экспедиции я делил палатку с Илюхиным, но

он, хотя и был начальником, толком тоже ничего не знал. Более того, он как-то даже самоустранился от управления процессом, выдавал только общие сентенции. В результате воцарились некая разгульная демократия, не слишком далекая от анархии. В пещеру одна за другой уходили странные смешанные группы и потом этих людей в лагере как-то больше не было видно. Наконец наступила моя очередь, и я понял, в чем дело.

Наша группа – четыре человека – ввинтились в весьма непросторный вход Солдатской рано утром. Группа была сборная из разных городов, мы едва знали друг друга. Но как оказалось, это было совсем неважно: общаться было негде. От входа пещера шла длинным извилистым низким ходом, в котором главным образом приходилось ползти друг за другом. Это интересное занятие дополнялось удовольствием от переползания через острые ребра гуров – неглубоких ванночек, доверху заполненных водой. Наши резиновые гидрокостюмы вскорости порвались, и одежда под ними намокала. Пока двигались, было жарко, но стоило приостановиться, как начинал пробираться озноб. А останавливаться приходилось, так как движение в пещере было двусторонним. Время от времени из-за угла прорезался свет, потом раздавалось пыхтение и являлась грязная голова с вытаращенными глазами. Выходящие наверх были измучены и грустны, им уступали дорогу, вжимая тела в трещины и погружая в самые глубокие гуров.

За галереей пошла серия неглубоких колодцев, стены которых были совершенно нехарактерно для пещер Караби вымазаны темной глиной. Глина налипала на обувь и одежду, идти становилось тяжелей. Тем не менее, колодцы были достаточно просторны, и в них движение ускорилося. Когда снова встретились тесные горизонтальные участки, мы были хорошо разогреты и брали их с ходу. Одна узость носила название «глиняный сифон». Нависавшая сверху скала как бы продавливала ход вниз, под ней была яма, наполненная жид-

кой глиной. Приходилось ложиться туда чуть ли не лицом и протырывать сквозь эту гадость, задерживая дыхание.

Нашей команде предстояло дойти до дна пещеры и сделать там топосъемку; по пути пройти самые большие колодцы пропасти до пятидесяти и даже восьмидесяти метров глубиной. Поэтому мы двигались по пещере, стараясь выдержать высокий спортивный темп, и надо сказать, это неплохо удавалось. Но как вскоре выяснилось, торопились мы совершенно напрасно: посредине пещеры находился страшный шкуродер «линза». Мы почувствовали беспокойство метров за сто. Вдруг изменился вкус воздуха, он стал тяжелым, с явным привкусом табачного дыма. Впереди определенно перекуривала какая-то группа. И точно, группа была и перекуривала. Только это была не группа, а целая толпа, а перекур ее категорически затянулся. Толпа шла, в основном, с той стороны калибра.

Шкурник «линза» представлял собой осклизлую узкую щель сантиметров тридцать в самом широком месте, причем это широкое место было почти под потолком. Щель сужалась книзу острым клином, и если спелеолог расслаблялся в широкой части, то он соскальзывал вниз и надолго заклинивался. Но это было не все. Через три метра по горизонтали щель разворачивалась почти перпендикулярным отвесом и длилась еще метра три, пока не превращалась в более или менее просторный лаз. Спускаться вниз было, может быть, не так уж сложно, но вылезти обратно – задача совсем не тривиальная.

Над разрешением этой задачи и бились в течение многих десятков часов многочисленные спелеологи. Стало понятно, почему в базовом лагере наверху немного людей: большая часть экспедиции оказалась заперта под землей. Я быстро оценил масштаб бедствия. Один не самый толстый участник проходит калибр примерно полчаса. Туда и обратно лезли человек двадцать. Значит, чтобы пропустить всех, нужно не менее полусуток. В этой ситуации можно было бы по-

вернуть назад, но тогда следующий выход становился проблемным: наверху в ожидании своей очереди была копытами здоровая и довольно многочисленная московская молодежь. Оставалось ждать, что мы и сделали.

Я пишу эти строки про пещерные трудности и вот о чем думаю. Кто-то ведь может услышать в моих рассказах элемент неприязненного отношения к суровому подземному миру или, не дай Бог, к людям, которые его населяют. Могу уверить, это совсем не так. Однажды и на всю жизнь я был покорен таинственным мраком бездны и запахом сырого камня. Я искренне люблю эти бесконечные лабиринты, гигантские залы, шумные коварные водопады. Еще больше я люблю чудных и прекрасных подземных путешественников. Всех до единого, без исключения. И тех, с кем делил счастье дружбы, и тех, кого просто знал, и тех, с кем конфликтовал и ссорился. Все они мне дороги и нужны, и в памяти и в жизни. К сожалению, все время кто-то уходит – из спелеологии или насовсем, и я чувствую в душе все большую и большую пустоту.

Мы прождали своей очереди у калибра пятнадцать часов. При этом, поскольку места было мало, в основном, сидели, дремали; иногда что-то жевали. Короче, дождались. Я проскользнул сквозь хваленую узость с большой легкостью, минут за пять и на той стороне еще с час ждал своих товарищей.

За калибром снова начались колодцы, на этот раз довольно глубокие, метров по сорок. При подходе к самому глубокому опять возникла пробка. В него нужно было навесить лестницу, но делать это было опасно. Прямо над колодцем нависала большая глыба, она качалась, если ее трогали. Над глыбой колдовали свердловчане Юра Лобанов и Саша Рыжков. В той экспедиции я с ними только познакомился. Неторопливый и уверенный в себе Лобанов был ветеран и большой авторитет, его слушались. Он велел сбросить глыбу

в колодец, и молодые вот уже часа два пытались это сделать. Предварительно из колодца вытащили всю навеску, за исключением старой керченской лестницы; она висела в пещере уже три года, и ее не жалко было побить камнями. Однако глыба упиралась и определенно не желала покидать насиженное место. Вокруг нее подкапывали камешки, ее обстукивали скальным молотком, поддевали ломиком. Глыба шевелилась, качалась, но не падала.

Штурм полости остановился перед трилеммой: или возвращаться назад, или продолжать попытки сбросить глыбу, или лезть в колодец с угрожающей глыбой над головой. Последний вариант был довольно рискован, и трезвые свердловчане все больше склонялись к тому, чтобы всех отправить наверх, а здесь оставить группу по очистке верха колодца от возможного камнепада. Действительно, поведение камней в пещере непредсказуемо, бывает, они летят вниз вообще без видимых причин. Было похоже, что сейчас спускаться в колодец никому особенно не хотелось. Поэтому пришлось идти мне. Я попросил организовать мне верхнюю страховку и пошел вниз по керченской лестнице. Новую навешивать было очень долго, к тому же в случае камнепада лестница наверняка пострадала бы, и ход экспедиции оказался бы под угрозой срыва. Я почему-то был абсолютно уверен, что персонально на мою голову глыба ни за что не упадет.

Чем ниже я спускался, тем сильнее вытягивалась и поскрипывала сделанная из тонковатого троса керченская лестница. Тем не менее, метров сорок я прошел успешно и остановился передохнуть. Уже несколько лет все спускались по веревкам на рогатках, так что тело уже подзабыло архаичный спуск по лестнице и слегка утомлялось. Я встегнул карабин обвязки в ступеньку, крикнул наверх, чтобы страховку закрепили, и расслабился. Вот этого в пещере делать ни в коем случае нельзя, она тут же тебя поймает. К счастью, на этот раз пещера поймала меня не глыбой.

Подсевший налобник давал на стену колодца желтоватое пятно, и в этом пятне, как на сцене театра ужасов прямо перед моими глазами вдруг начало разворачиваться неторопливое действие разрыва лестничного троса.

Из медной втулки, обжимавший трос под ступенькой, одна за другой начали весело выскакивать обломанные стальные ниточки. Они освобождались из плена меди и тут же, раскручиваясь, заводили хоровод вокруг напряженного остова. Обломанных нитей становилось все больше, трос делался все тоньше. Зачарованный прекрасным кошмаром, я безучастно наблюдал все ускоряющийся танец оборванных проволочек, модельно напоминающий квантовый процесс испарения гравитационных черных дыр. Согласно теории Стивена Хокинга, дыры заканчивают испарение экспоненциально быстро. Первое действие закончилось за доли секунды: оставшиеся ниточки со свистом раскрутились, и трос оборвался.

Лестницу перекосило, мой карабин слетел со ступеньки, и я завис бы над бездной на одной – не очень-то надежной – верхней страховке, если бы обеими руками не уцепился за сложившиеся ступеньки. Натянутый трос больно и в кровь резал пальцы, но разжать их означало беспомощно повиснуть ниже места катастрофы и серьезно усложнить ситуацию. И тут опять-таки точно перед глазами началось второе неторопливое действие разрыва-испарения оставшегося целого троса. Из-под медной втулки начали выскакивать и весело кружиться сломанные проволочки.

Не знаю, какая сила заставила меня вслепую пошарить ногой по стене. И – о чудо! – здесь обнаружилась микроскопическая полочка, на которую удалось уместить половину ступни. Я вжался в стену и нагрузил весь свой вес на эти полступни. Трос незамедлительно отреагировал на облегчение: перестал рваться. Я замер над черной пропастью и прислушался. В гигантской трубе колодца гудел и резонировал оглушительный сигнал тревоги, будто железом яростно

дупили по рельсе. Я с трудом догадался, что это стучит у меня внутри. Стараясь не выказать излишнего испуга, я крикнул наверх, что оборвалась лестница.

Думаю все же, что в голосе было достаточно эмоций, и они были правильно поняты. Меня моментально придушили жесточайшей страховкой, а через минуту спустили вторую веревку с петлей на конце, куда я вддел одну ногу. И так, задыхаясь в грудной обвязке и с веревкой на ноге, выбрался наверх по еще целой верхней части керченской лесенки. Ее тут же вытащили из колодца, покромсали на куски скальным молотком и запихнули в транспортный мешок, который я потом вынес на поверхность. Так бесславно завершился наш утомительно долгий подземный выход.

Через неделю в пещере работать, наконец, научились. В нее стали посылать маленькие группы по три-четыре человека, с большим временным и пространственным отрывом друг от друга. Московская молодежь дошла до дна и сделала топосъемку нижней части. На дне обнаружилось нечто вроде сифона, а глубина пещеры определилась в районе пятисот метров.

Я еще раз ходил вниз, помогал выносить наше снаряжение и все то, что за три года скопилось под землей в предыдущих экспедициях. В этих работах особо отличился московский ветеран Олег Кириллович Васильев. Молодой мужчина с живыми глазами, он для пущей красоты отрастил себе длинную черную бороду по пояс. На поверхности борода всем на зависть свободно и гордо развевалась, а в пещере Олег заботливо заправлял ее под гидру: чтобы не пачкалась и не портилась. Однако в глиняном сифоне произошел непредвиденный конфуз. В самый момент проныривания борода предательски выскочила из-под резины и от души макнулась в глиняный раствор. Когда Васильев выбрался на поверхность, раствор уже схватился и борода отвердела. Расческа об нее тут же сломалась, банная же процедура отпадала в си-

лу отсутствия соответствующих запасов воды. Мыться в овечьем озере Олег побрезговал. Он понуро ушел из лагеря куда-то в сторону; когда вернулся, в глазах его томилась необычная для них грусть, а на лице топорщилась обстриженная не слишком острыми ножницами щетина.

Более мокрой экспедиции я в своей жизни не припомню. Всю неделю над плато стояла сырая, тяжелая мгла. Из окружавшего нас тумана шел бесконечный дождь. Ни высохнуть, ни помыться, ни согреться на ласковом майском солнышке! Впрочем, когда я выбрался из Солдатской, повисев на ниточке над бездной, даже этот туман показался мне прекрасным. Старшее поколение при такой погоде идти в пещеру не тянуло. Илюхин так ни разу туда и не залез, что объективно было очень правильно: его габаритное тело легко могло заткнуть и куда больший по размеру калибр, чем «линза».

Молодежь же относилась к сырости и дискомфорту индифферентно. Шиманов, Арефьев и Горьков обретались в большой палатке без дна, поставленной не на самом удачном месте. В сезон дождей на полу образовалась обширная и глубокая лужа. Переносить свой дом ребятам было лень, и они легко с лужей ужились, поскольку спали на легких туристских раскладушках, бывших тогда в моде. Складные кровати стояли на достаточной высоты ножках, и когда кто-то ложился спать, старался распределиться по площади равномернее, чтобы выдающиеся части не продавливали ложе ниже уровня воды. А для прохода к выходу и к очагу по луже были разложены известняковые плитки. Очагом являлась самая большая плитка, на которой днем и ночью гудел примус. В большом котелке на примусе варился калмыцкий чай ядреного кирпичного цвета.

В последний день экспедиции Караби сжалилась над нами и согнала с себя тучи. Солнце настигло нас в грузовике, заваленном грудой сырых рюкзаков, от них шел густой пар. На прощание нам кивнул ветвями кустарника мохнатый Иртыш. С верхнего плато сверкнула белыми скалами вершина

Тай-Кобы, а с запада, с той дороги, по которой девять лет назад я шел с Рыжим в свою первую экспедицию, кивали стрелами передвижные подъемные краны. Там начинали строительство ретрансляторов большой военной части.

В колодце вверх ногами

Всего я был на Солдатской дважды, и оба раза неудачно. Рассказ о первой экспедиции закончен. Вторая экспедиция состоялась через четырнадцать лет, в мае 1986 года. Литовские спелеологи решили повысить свой опыт и пройти пещеру сложной категории. Но руководителя соответствующей квалификации у них не было, и тогда мой друг Витас Гудайтис пригласил меня в качестве варяга.

Если честно, я ненавижу регалии, грамоты, звания и степени. Ну зачем нужен ярлык, если человек сам что-то собой представляет? Это вообще в жизни, а в спелеологии – тем более. Однако система письменного учета спелеологического опыта существовала, и с ней считались. Я согласился быть начальником у литовцев и в самом конце апреля – двадцать шестого числа – выехал на поезде в Крым. Со мной поехал новичок с авантюрными наклонностями Саша Рычков. Симпатичный общительный парень, он был художественной натурой: обожал стихи и песни, а также увлекался химией и разного рода взрывами. По этой причине у него с детства была несколько покалечена ладонь. Рычкову было обещано, что он получит возможность не очень глубоко залезть в Солдатскую.

Я просто уверен, что некая высшая сила перманентно отслеживает мою жизнь. Наверное, не только мою, я просто наблюдательный и всегда это замечаю. Так вот, в той экспедиции моментально сработали все негативные факторы: не слишком достойная цель поездки, присутствие юного анархиста-бомбиста, ну и конечно, сама пещера Солдатская, которая лично ко мне, наверное, была не слишком расположена.

Когда наш поезд проехал Харьков, по вагонам проносился смутный слух о какой-то серьезной неполадке, которая несколько часов назад случилась на крупной электростанции, здесь на Украине, неподалеку. Вроде бы что-то взорвалось, и теперь долго будут чинить. Радио пело советские песни, утренние газеты, которые я не поленился полистать, рапортовали о ходе посевной. Но неожиданно в нашем плацкартном вагоне заметно прибавилось пассажиров, несложно было сообразить, что все они ехали без билетов. От них мы узнали, что электростанция не простая, а атомная, и что находится в трехстах километрах отсюда, в дыре под названием Чернобыль. Рвануло сильно, есть выброс радиации, но ветер – в другую сторону, так что сюда пока не долетает. Но лучше все-таки отъехать подальше. Известные теперь трагические подробности мы узнали уже после возвращения в Москву.

Работа в пещере была рутинной и блеклой – как всегда, когда речь идет не об открытиях или творческой работе, вроде ныряния в сифон. Исполнительные балты честно мокли в гуровых галереях, навешивали веревки и даже тянули телефон. Не может Европа в пещере без телефона. Крупные литовские парни туго проходили в шкуродер «линза», но все же – с синяками и ссадинами – проходили, и упорно шли дальше, существенно повышая уровень своей спелеологической подготовки.

Моя задача была проста – составить план-график работы в пещере и провести, насколько захочется, по ней молодежь. Я довел их до сакраментального восьмидесятиметрового колодца, в котором когда-то висел на рвущейся лестнице, дальше они работали сами. Благо лестниц уже не было: все работали на тросово-веревочной технике. Основное время мне приходилось проводить на поверхности, проверяя готовность групп к выходу и контролируя выполнение графика. Телефон работал только до половины длины пещеры, где было единственное удобное место для подземного лагеря. Неизвестный художник вылепил здесь из глины живописную

скульптурную группу: Адам и Ева. У автора была неплохая рука, но чувствовался дефицит гуманизма, бедные библейские перволюди притулились у стенки холодной сырой пещеры совсем голенькие.

Последняя группа вышла на выемку снаряжения, и как было условлено, в нее был включен Рычков. Он просто рвался под землю. Во-первых, хотел насладиться ощущениями от пребывания в подземном мире, а во-вторых, он слушался сладострастных рассказов о замечательной подземной скульптуре. День был солнечный, я сидел у телефона и писал дневник.

С каких-то пор я завел эту странную привычку, думая, что именно письменные документы сохранят для потомков правдивую историю спелеологии. Прошло много лет, и я теперь пишу ту часть истории, в которой пришлось участвовать лично, безо всяких шпаргалок. Память отменно держит имена, события, факты и отдельные сцены. Как будто все было вчера. Впрочем, все дневники хорошо сохранились, и если кому-то будет не лень разбирать мой ужасный почерк, я дам их почитать.

Телефон вдруг подал признаки жизни: запищал. Я ткнулся ухом в трубку, и сквозь электронный треск еле разобрал смысл слов, которые орал с другого конца провода, как с того света, голос, искаженный балтийским акцентом и страшным волнением. Наконец, я понял: выходя из колодца, Рычков забыл прицепить к тросу ограничитель отбрасывания, и его отбросило. Он перевернулся в колодце вниз головой и уже с полчаса висит. Сам ничего сделать не может, как ему помочь, тоже неизвестно.

Я крикнул в трубку, чтобы они лезли по соседней веревке и скорее переворачивали Сашу обратно. Вверх ногами – опасная позиция, все могло кончиться очень плохо. К счастью, что-то подобное мы с Гудайтисом предполагали, поэтому в отдельной палатке хранился спасательный фонд – запас снаряжения и продуктов, а в лагере на поверхности

всегда находились два–три сравнительно опытных спелеолога. Я собрал спасательную тройку за пятнадцать минут, и как могли быстро, мы ринулись через узости и водяные плотники гуров, не слишком заботясь о целостности собственного кожного покрова. Добежали до места происшествия через час, это был первый колодец за местом подземного лагеря. Небольшой колодец, не глубже двадцати метров. Спутникам Рычкова все же удалось отцепить его от навески и аккуратно спустить вниз. Он лежал на спине, был бледен; дрожал, но соображал. Слава Богу, жив, остальное решается. Мы укутали его в теплый свитер и закипятили на примусе чай. Саша выпил пару кружек и сказал, что пойдет самостоятельно. Лет десять назад на Алеке я оказался в аналогичной, но еще более суровой ситуации, когда неожиданный паводок превратил учебные спасработы в настоящие. Поэтому я знал, что делать. Двое спасателей, сидевшие на верху колодца, организовали верхнюю страховку с автоматическим зажимом, благо в тех школах это пока еще проходили. На это пошла веревка, которую мы принесли с поверхности. Я самолично пристегнул Рычкова к страховке, а потом все его железки – к тросу. Сам пошел чуть ниже сопровождающим по висевшей параллельной веревке, страхуясь за трос.

Саша вышел довольно бодро, за ним – остальные, пока мы еще раз пили чай рядом со скульптурой. По покрытым ледяной влагой глиняным телам мужчины и женщины глаза Рычкова скользили равнодушно. Потом он без подтягиваний и подсаживаний сам добрался до выхода из пещеры, мы ползли рядом и только слегка подстраховывали. В лагере Рычков сбросил с себя все свои вещи, залез в спальник и не выходил из него до конца экспедиции. Сердобольные дежурные носили ему еду в постель.

Через пару дней экспедиция сбрасывалась с плато. Погода испортилась, потянулся туман с редким дождем. Прибалтам уже надоела голая неприветливая яйла, и они с несвойственной им живостью побежали по дороге на Крас-

носеловку, селение у подножья плато. Оттуда на машине или на автобусе можно было добраться до столицы Крыма за пару часов. Резон торопиться был: вечером все разъезжались по домам на своих поездах.

Но два человека идти быстро не могли: один – Витас Гудайтис, спортивная форма которого всегда остро конфликтовала с показателями упитанности тела, второй – Саша Рычков, как-никак травмированный пещерным сальто. Хорошо, что не мортале. С одной стороны, я морально не мог оставить своих товарищей грустно плестись одних в конце колонны. С другой стороны, в силу темперамента, идти медленно мне тоже была мука смертная. Поэтому поверх своих вещей я загрузил в рюкзак килограмм двадцать карбида кальция, брошенного литовцами за ненадобностью. Так убивалось сразу много зайцев: осуществлялся вывоз мусора с плато, приобретался карбид на летнюю экспедицию, а также надлежащим образом замедлялась скорость передвижения.

Витас шел чуть впереди, Рычков – недалеко сзади. Упал густой туман, но я старался держать обоих в зоне общения, вступая в беседу то с одним, то с другим. И вдруг в какой-то момент я понял, что с Рычковым получается скорее монолог, он не отвечал. Я крикнул Витасу подождать, сбросил рюкзак и побежал искать. Наконец, Саша отозвался, он сидел чуть в стороне и отдыхал. Мы снова соединились, и в сплошном тумане двинулись по дороге, наезженной грузовиками. Через некоторое время возникло беспокойство: спуска с плато все не было. Я посмотрел на компас, дорога шла вроде бы правильно, на север. Пошли дальше: час, второй. Стало ясно, что мы заблудились, видимо, пропустили нужную развилку. Только когда ветер чуть развеял тучи, мы увидели прямо перед собой, но еще километрах в трех, ажурные пики ретрансляторов.

Еще через час мы сбросили рюкзаки у ворот военной части. До нашего поезда оставалось три часа, и я обреченно пошел клянчить машину. Сержант на проходной сказал, что

машин тут всяким не раздают. Тогда я сделал загадочный вид и заявил, что требую встречи с командиром, есть важное сообщение. Меня отвели к мичману, которому я наврал, что сопровождаю ученых из Германии. В тумане они отбились от основной группы, страдают и опаздывают на самолет. Не знаю, что подумал симпатичный младший офицер, но уже через десять минут крытый «Газ-66» вез нас по дороге к Белогорску. В кузове нас сопровождал неприветливый дежурный сержант, и мы с Витасом вели оживленную беседу: он – на литовском, я – на английском. Строго предупрежденный не открывать рот общительный Рычков маялся, но молчал, как рыба. На поезд мы успели впритык.

Больше я не ездил в Солдатскую. Я чувствовал, что она меня не долюбливает, а созидательна только любовь взаимная. Дважды пещера дала предупреждение: не суйся. Что это – случайность? Я уверен, что нет. Такие совпадения вызывают на себя особые пещеры и люди. Кстати, один из таких странных людей – Рычков. С ним связаны еще два забавных, уже не спелеологических эпизода, которые произошли в том же 1986 году.

Я со своей женой Светой повел группу новичков в спортивный осенний поход под Москвой. Сергей Осипов, мой старинный друг, тоже захотел в лес, но собирался с семьей, и идти большой маршрут не мог. Мы договорились, что встретимся вечером и заночуем на слиянии рек Вори и Торгошы. В нашей группе был Саша Рычков. Так вот, в Сергеевом Посаде расстроилось расписание автобусов, и мы прождали три часа. Потом мы абсолютно сбились с дороги, хотя обычно и днем, и ночью я ориентируюсь одинаково хорошо. Никакой встречи с Осиповым не вышло. Наконец, на месте ночевки Света потеряла часы – мой подарок. Всякое бывает, можно сказать. Но история продолжилась. Жена так грустила о потере, что решила через неделю поехать на то место с подругой Леной Митиной, поискать часы. Мне ехать

не хотелось и я остался дома. Тут позвонил Колесников и предложил проветриться, поехать куда-нибудь на его машине. Мы поехали туда же, куда пошли две подруги. И что вы думаете? На место ночной стоянки в глухом лесу все четверо подошли одновременно и одновременно вскрикнули, увидев на палой листве часы-браслет! Совпадение или кто-то наколдовал? Я думаю, Рычков наколдовал.

Уже зимой я ехал в метро на работу. Как вдруг на станции «Площадь Ильича» в две разные двери моего вагона одновременно входят два спелеолога – Сергей Хореев и Саша Рычков. Они едут отнюдь не вместе и по разным делам. Мы весело здороваемся, и я обращаю их внимание на столь редкое совпадение. Но каково же было всеобщее удивление, когда оказалось, что мы все вместе едем до одной и той же станции «Парк культуры» и потом расходимся в разные стороны! Вот такие странные, хотя пока что безобидные совпадения. Но всякие в моей жизни бывали – и веселые, и ужасные, еще расскажу.

СПЕЛЕОЛОГИ НА БАЙКАЛЕ В 1975 ГОДУ

К 1975 году в московской спелеологии наметилась пора перемен. Городская секция вот уже десять лет занимала ведущие политические посты и в Московском городском клубе, и в Центральной комиссии спелеотуризма. Но по своему спортивному качеству она начала заметно уступать клубу МГУ, который за последние годы закалился и вырос в Снежной. Университетская молодежь делала в год несколько экспедиций разными составами. А «городские» еле-еле набирали народу на пару поездок; и то интерес к спортивным пещерам, в основном в Крыму и на Аалеке, находили молодые воспитанники Олега Падалко, которые его уважали и называли «Рекс». «Старики» же ездили в проверочные экспедиции: на Солдатскую, на Снежную...

Пещерный дуб

Из немногочисленных предыдущих школ остались несколько симпатичных молодых людей: Миша Дякин, Валя Касицкая и три друга – учителя физики Николай Невский, Андрей Митин и Георгий Неверов. Скоро они стали интеллектуальной элитой городской секции, легко сошлись со стариками и влились в их схоженный коллектив, тогда как независимые ученики Рекса чаще предпочитали собственную компанию. Илюхин понял, что для санации клубной жизни нужны кардинальные меры, и весной 1975 года начала работу новая спелеошкола. Всего набралось человек сорок. Я тогда начал учиться в аспирантуре, был занят научной темой и от руководства школой отказался. Но поскольку уже много лет проводил клубные тренировки, меня попросили организовать их и для новых школьников.

По доброй традиции я развесил лесенки и веревки под большим лыжным трамплином на Ленинских горах. Однако явилась администрация и потребовала освободить снаряд от лишних предметов. Договориться не удалось, и я послал самых общительных новичков на поиски адекватной замены – достаточно высокого сооружения или дерева. Общительность новичков проявилась в том, что они сами подошли знакомиться с главным тренером, то есть со мной.

Один – рослый плотный парень с круглым лицом и высоким голосом, флегматичный с виду, но с лукавинкой в глазах. Другой – среднего роста блондин с раскованной речью, на его голове красовался черный берет. Первого звали Володя Киселев, второго – Саша Полуянов. Они были приятели и гуманитарии: Киселев оканчивал экономический институт, Полуянов – институт кинематографии, куда он попал как сын известного кинооператора. Собственно говоря, тема их первого разговора со мной была как раз о кино, они хотели снять фильм в пещере. Я, естественно, обещал полную поддержку, но пока что нужно было куда-то повесить снаряжение для тренировки, и я попросил их найти что-нибудь подходящее. Они нашли дуб.

Дуб рос над ложбинкой, протянувшейся со средней террасы к реке, и, возвышаясь над остальной растительностью двумя высоченными стволами, далеко простирал свои толстые, надежные ветви. Забраться на них было непросто, но ловкие школьники быстро освоили «древозащитное», и уже через пару занятий летали по стволам вверх и вниз без страховки. Листва дуба давала тень и могла защитить от дождя, совсем рядом из-под земли бил родник с чистой водой, в соседних кустах было удобно переодеться, недалеко – станция метро. Короче, этот дуб стал центром нашей спортивно-тренировочной базы под открытым небом. И оставался им пятнадцать лет. На его ветвях

навешивались и лестницы, и веревки, и трос, испытывались первые карбидки и техника работы на одной веревке. Он был для нас живым собратом-спелеологом, почти родным. Естественно, никто и никогда не помышлял забить в него крюк. Дуб радовался этой дружбе, цвел и разрастался. Потом сменились поколения, закрыли станцию метро. Ездить к дубу стало далеко, и его бросили. И вот что произошло дальше, хотите – верьте, хотите – нет.

Я-то не покидал своих любимых Ленинских, или Воробьевых гор, название не важно; даже переехал жить поближе к ним. По-прежнему бегаю по их тропинкам, и просто гуляю. С этим прекрасным парком навсегда связана моя жизнь. Наверное, потому, что городской житель, родившийся и выросший в московских дворах, я нашел здесь единственное в мегаполисе место, отвечающее гармонии моей души: горы и карстовые источники с их вечной тайной. Самые любимые люди побывали здесь вместе со мной. Сюда я бегу от суеты, и старые пруды топят в зеленой глубине усталость и боль.

Не переставал навещать я и наш пещерный дуб. И через пару лет вдруг заметил, что дуб сохнет. Сначала листва навсегда опала с его нижних ветвей, потом оголились ветви повыше. Не знаю, сколько лет живут такие деревья, не исключено, что пришла пора стареть. Может быть. Но у меня полное ощущение, более того, я почему-то уверен, что дуб погибает не от старости, а от тоски по веселым ребятам и девчонкам, которые рассаживались по сучкам, как птички, и пели на них смешные песни юности.

Такая вот вариация на темы Андрея Болконского и оперы «Пиковая дама».

Катакомбы на реке Мокше

В большую летнюю экспедицию в том году поехать не удалось: руководство университета бросило меня затыкать ам-

бразуру в оргкомитете Международной ассоциации университетов, которая заседала в Москве. Собственно, ни в какие сверхглубокие пещеры старики московской команды и не собиралась, поскольку таковых, кроме Снежной, не было, а Алек уже навяз в зубах. К тому же в сентябре столичных господ-инструкторов пригласили провести спелеолагерь в Сибири, на славном озере Байкал, так что сезон отпусков ветераны проводили на грядах.

В июне мне позвонил председатель городской комиссии спелеотуризма Валерий Фурман и сказал, что грамотные спелеологи вдруг понадобились в Пензе. Это была неожиданная новость: по данным литературы, в восточном Черноземье неплохо вызревали злаковые, пещеры же не встречались. Валера пояснил, что пензенский обком всерьез заинтересовался местными подземельями для дальнейшего использования их то ли как туристские, то ли как стратегические объекты. Входы, по крайней мере, в два таких объекта они знают, но лезть туда боятся. Посему слезно просят Москву поспособствовать; взамен обещают царский прием, но без зарплаты, ибо денег нет.

Постановка вопроса была мне хорошо знакома по забывенной работе в Анакопии десятилетней давности. Но я всегда воспринимал спелеологию исключительно как любимое дело. Побороться в темноте с отвесами и водопадами или с самим собой – это с нашим удовольствием; на худой конец – с разными оппонентами, это придает процессу жизнедеятельности особый вкус, запах и цвет. Но использовать пещеры для личного возвышения или обогащения душе моей противно. Как-то – я еще был мальчишкой – отец предложил познакомиться с дочкой очень состоятельных родителей. Может, она и красавица была, в чем сомневаюсь, но сама мысль, что предмет обожания – не близкая женщина, а ее барахло, вызвала тошноту. И если уж потом я женился, то непременно по сильной любви. И, кстати, ни-

когда об этом не жалел. Но если женщины приходили и уходили, то спелеология одна, и с ней я – бескорыстно и навсегда.

Поездка в Пензу занимала от силы пять дней, это я мог себе позволить. В скорый поезд «Сура», отправляющийся с Казанского вокзала, загрузились четверо: Валера Фурман, Рита Шашурина, Володя Кучин и я. В Пензе нас встретила представительница власти и местный краевед. Отвезли на обкомовскую дачу, шикарную по тем временам. На следующий день автобус повез нас в город Наровчат на реке Мокша; значительную часть населения здесь составляет одноименная с рекой угро-финская народность. Стояла прекрасная погода, за окнами автобуса плыли возделанные поля и аккуратные перелески. Город являл собой милое и знакомое российское захолустье. По этой причине мы пренебрегли осмотром достопримечательностей и сразу направились к объекту №1. Он находился неподалеку, на холме, практически на самом берегу реки, где мы и поставили свой микроскопический базовый лагерь. Автобус с представительницей уехал, а с нами на все время остался краевед, он живо интересовался всем, что мы обсуждаем и что делаем, и каллиграфическим почерком заносил информацию в путевой дневник.

В тот же день мы облачились в комбинезоны, надели каски и залезли в узкий сыпучий вход. Открылся коридор искусственного подземелья. В отличие от прямых и сравнительно широких штреков промышленных каменоломен, этот ход был извилистым и неровным. Зато по нему можно было идти почти в полный рост, хотя плечи терлись о стены. Стены, кстати, сразу обращали на себя внимание: они не имели плитчатой структуры и, похоже, были чем-то выскоблены. Я потрогал рукой – со стены посыпалось. Это, конечно, был не прочный известняк, а какая-то серо-желтая аморфная, глинистая порода. Честно говоря, стало неудобно: трухлявая кровля запросто могла рухнуть.

Впрочем, потолок хода имел арочную форму, и такой свод, наверное, держал.

Мы начали вести нитку топосъемки прямо от входа, так в лабиринте никогда не заблудишься. А предположение, что это, действительно, лабиринт подтвердилось тут же. Коридор стал раздваиваться, ветвиться, но идти было легко: нет узостей, а под ногами на удивление ровный пол, как будто вытопанный тысячами ног. Поворот за поворотом, и вдруг впереди стало как-то странно светло. Мы даже бросили съемку и просто пошли на это свечение. То, что увидели, было поразительно. Перед нами открылась обширная полость правильной кубической формы, и эта полость была белая! Стены, потолок, даже пол были покрыты известью, какой на Украине и юге России белят в селах хаты. Но здесь, в подземелье, в лучах наших фонарей белая краска отсвечивала каким-то неземным фантазмагорическим сиянием. На этом воздушном фоне четко выделялись косые черные кресты. В углу комнаты – а это, без сомнения, была комната, точнее, келья – стоял выточенный из той же породы продолговатый блок, похожий на гроб. Ложе отшельника.

Так мы подумали вначале, но потом изменили мнение: конечно, здесь обретался не один человек. Оказалось, что каждая ветка хода, отходящего от главного коридора, заканчивается похожей комнатой. Мы насчитали их с десятков. Это был настоящий подземный христианский монастырь! Сложно сказать, какую ветвь религии поддерживали эти подземные монахи. Общего молельного зала мы не нашли. Видимо, из соображений безопасности большую полость в рыхлой породе копать не стали. Скорее всего, монахи выходили для общей молитвы на поверхность. К тому же им нужно было как-то добывать себе пропитание. Под землей не было ни остатков пищи, ни других отходов жизнедеятельности.

Мы продолжили исследование и снова остановились в изумлении. Пол одного из ответвлений, как в настоящей карстовой пещере, обрывался вертикальным колодецем. Посветили туда – не видно, бросили кусок глины – секунда полета и плеск воды! Колодец был узким, и мы рискнули спуститься туда без веревки. Внизу обнаружился еще один лабиринт. Но этот нижний этаж, в отличие от сухих монастырских коридоров, был почти по колено залит затхлой стоячей водой. К тому же в ходах нижнего яруса приходилось передвигаться, согнувшись в три погибели. Это сырое, неприветливое подземелье ручной работы даже отдаленно не было похоже на прекрасные карстовые пещеры с их светлыми реками и ревущими водопадами. Здесь возникло чувство потерянности и безысходности. Кошмарная тоска.

Заметных следов пребывания человека на нижнем этаже не было, и возникал вопрос, зачем монахам понадобилось мучиться, копая ходы этой никчемной шклевотины? Может быть, здесь был карцер для провинившихся, которых насильно пропихивали в единственное отверстие? Или самые неистовые фанатики считали своим долгом замаливать грехи рода человеческого в такой негуманной обстановке? Или они здесь друг друга хоронили, и сейчас под нашими подошвами захрустят косточки? Последняя мысль вызвала пароксизм отвращения, и, сняв компасом направления хода, мы ретировались через спасительную дыру наверх. К тому же находиться в залитом водой ярусе становилось небезопасно: затруднилось дыхание, да и намокшая кровля от удара каской снизу могла рухнуть на наши отчаянные головы.

На другой день все наслаждались прекрасной погодой и чертили план. Суммарная длина коридоров подземного монастыря не превышала пятисот метров, правда, нижние ходы мы так и не отсняли. После камералки пошли осмотреть окрестно-

сти холма над монастырем. И тут обнаружилась одна занятная деталь, которая все догадки окончательно завела в тупик. Неподалеку от входа в подземелье мы наткнулись на странное место. В густых зарослях кустарника из земли выпирали покрытые дерном продолговатые сводчатые конструкции, похожие на кладбищенские могилки. Мы так сразу и подумали: погост. Однако в некоторых холмиках виднелись темные отверстия, видно, обрушилось от времени. Заглянуть внутрь и хотелось, и не хотелось. Увидишь какие-нибудь гнилые мощи. Любопытство, естественно, взяло верх, я лег на могилку, затаил дыхание и засунул голову в дыру. Голова перегородила свет. Пришлось голову вытаскивать и надевать на нее налобный фонарь.

Фонарь осветил тесную камеру, плоскую по дну, а в верхней части повторявшую форму внешнего свода. В камере ничего не было, если не считать палок и старых листьев, упавших в пролом крыши. Тем не менее, интерьер отличался спецификой. И пол, и полукруглые стены были абсолютно черными и одновременно глянцевыми, будто их покрыли черным стеклом. Я умудрился засунуть в дырку руку и потрогал; действительно, на ощупь – гладкое, твердое стекло, но с мелкими периодическими бороздками. Я пошарил с минуту ладонью, и вдруг сообразил: кирпичная кладка. Простейшие раскопки подтвердили гипотезу. Все «могилки» оказались сложены из огнеупорного красного кирпича и совсем не предназначались охранять вечный покой праведников. Это были печи для обжига, брошенные остатки некоего кустарно-промышленного производства.

Вечером у костра обсуждались результаты находок, и надо сказать, мнения ученых разделились. Представители идеализма считали, что первичен монастырь, который монахи выкопали специально, а чтобы безбедно жить, организовали мастер-

скую по изготовлению керамической посуды. Материалисты, наоборот, ставили во главу угла добычу – закрытым способом – глины и создание поблизости сопутствующего гончарного цеха. Монахи могли заселить брошенные забои позже, придя, так сказать, на готовенькое. Таким образом, якобы, легко объяснялось наличие нежилого нижнего этажа катакомб.

Все эти гипотезы озвучивались неторопливо, в манере дружественной и атмосфере толерантной. А куда было торопиться? К чему уничтожать друг друга резким словом?

С высокого обрыва реки открывался пасторальный вид на заливные луга и раздольные нивы. Легкий южный ветер разливал по душам тепло и негу, в полной гармонии с прелестью дефицитного цейлонского чая. Впереди была, вообще говоря, целая жизнь, а в частности, бесконечный июньский вечер, которого вполне хватало на расписание двух, а то и трех пуль в преферанс. Чем мы с удовольствием и занялись, оставив труд разбираться в нюансах истории подземного монастыря любознательному краеведу.

На следующий день произошло два заметных события: грянул сильнейший ливень и за нами пришел автобус с представительницей. Мы было поехали к объекту №2, но милый черноземный проселок превратился в масляную жижу, по которой колеса бессовестно буксовали. Мужчины вылезли из механического транспортного средства и толкали его несколько километров до шоссе, а в нем – прекрасных дам, занятых светской беседой.

Второй вход привел нас в тривиальные промышленные катакомбы, короткие и вовсе не интересные. План мы отсняли и начертили всего за два часа. И вскоре, после приятного обеда в весьма приличном ресторане, мы направились в аэропорт. Гостеприимная пензенская земля провожала нас белозубыми улыб-

ками кочевых цыган, раскинувшими свой шумный табор непосредственно на летном поле.

Спасение Эйгеля в байкальской бухте

Спелеошколу в Иркутске собрал астроном Саша Индюков. Все же есть общее между заоблачными высями и подземными глубинами! Я ведь тоже попал в пещеры не откуда-нибудь, а из планетария. Да и профессию физика-теоретика выбрал вполне сознательно, чтобы заниматься изучением устройства вселенной. Так что в город на Ангаре направлялся вместе со своими товарищами-спелеологами к вдвойне родственной душе.

Слух о замечательном спелеолагере, где инструкторами будут самые лучшие московские инструктора, докатился до Дальнего Востока и нашел там ощутимый отзвук: кроме иркутян, подтянулась большая группа новичков из города Находка. Всего желающих обучиться собралось человек пятьдесят. Учителей тоже хватало. Поехали Владимир Илюхин, Евгений Мухин, Владимир Кучин, Владимир Шашурин, Александр Ефремов и Михаил Эйгель. Последний – один из самых колоритных персонажей ранней отечественной спелеологии. В отличие от остальных членов этой команды, Миша представлял гуманитарные профессии, работал в издательстве. Имел соответствующий характер – общительный, ироничный и всегда несколько оппозиционный. Еще он любил ловить рыбу, так что, кроме обвязок и карабинов, прихватил с собой спиннинг.

Несколько часов перелета навстречу времени, короткая ночевка в общежитии, и на следующий день машина забросила нашу достойную компанию на берег озера в бухту с лаконичным названием, состоящим из крайних букв русского алфавита, так что звучало оно жалобно-вопросительно: «Ая». Бухта пред-

ставляла собой залив, который вдавался в сушу по неглубокой, но широкой долине, перерезавшей прибрежную возвышенность. Растительности по окрестным холмам почти не было, изредка торчали свечками желтые уже лиственницы. Местные породы имели как осадочное, так и вулканическое происхождение, приозерный пляж был усыпан кусочками черного вулканического стекла – обсидиана.

В начале сентября Байкал еще держал скудное летнее тепло, погода отличалась мягкостью и редкими необильными осадками в виде дождя. В бухте, совсем недалеко от воды, кучковались несколько деревянных домиков-балаганов, где летом жили пастухи коров. Сейчас там никого не было, и по домикам разбрелись отделения школы; «господам офицерам», то есть инструкторам, предоставили самый комфортабельный – с целыми стеклами. Штаб-квартира не спала до глубокой ночи: составляли расписание работы лагеря. Задуматься было над чем. В противоположность крымскому и кавказскому местный карст отнюдь не изобилует подземными полостями. Если на Караби или на Алеке по ближайшим пещерам легко разводились большие толпы школьников, то в районе бухты Ая, например, имелись две малюсенькие дырочки, вертикальная и горизонтальная, а в целом на северном побережье в достижимых окрестностях были известны всего четыре пещеры. И достигались эти окрестности не просто: от одной к другой нужно было ехать на каком-либо транспорте и в среднем целые сутки. Так что нужно было два раза и продолжительно переезжать с места на место. Получался не обычный стационарный лагерь, а целый байкальский тур.

Мне досталось сильное отделение – десять ребят и девчонок из Иркутского политехнического института. Они хорошо знали друг друга и раньше ходили вместе в походы, меня ува-

жительно слушались. Так что работать с ними было легко и приятно.

Начали с изучения страховки на соседних скалах. Выпилили из бревна чушку килограмм в пятьдесят весом и привязали к веревке, другой конец которой держал будущий спелеолог. Он стоял или сидел – в зависимости от способа страховки: через плечо или через поясницу – на краю обрыва и сам был надежно пристрахован двойным репшнуром к скальному крюку, вбитому в скалу. Сотоварищи испытываемого так, чтобы ему не было видно, неожиданно бросали чушку с обрыва. Если позиция и действия были правильными, страхующий лишь слегка дергался, а болванка плавно тормозилась. В противном случае рывок нещадно сгибал двоечника и тот иной раз прикладывался лбом о скалу, к которой был пристрахован. Естественно, все манипуляции осуществлялись в касках. При этом было заметно, как нежно мужчины роняли бревно страхующим девочкам и, наоборот, как зверски метали тяжелый снаряд друг для друга.

На другой площадке под открытым небом осваивали спуск и подъем. Здесь, на тридцатиметровом обрыве, прямо над байкальской водой были развешены десяток лестниц и веревок. По ним, как молодые паучки, вверх и вниз бегали спелеологи как с верхней, так и с самостраховкой.

Дошла очередь и до пещер. Первая называлась так же как бухта – Ая. Горизонтальная дырочка, состоящая из серии милых гротиков и галереек с сухими блестящими стенами и полукруглыми потолками. Интерьер вызвал образ центральных станций московского метро. Эта ассоциация подкрепилась фактическим материалом: блестящие стены оказались ни чем иным, как самым настоящим мрамором, ибо пещера образовалась в плотных мраморизованных известняках. Ходы полости переплетались

легким лабиринтом, но в моем отделении собрались умные студенты, и вся топосъемка заняла не более трех часов.

Легкость обучения, приятность природных и погодных условий явно не удовлетворяли ни ищущих выхода энергии школьников, ни слегка скучающих инструкторов. Приморцы, дабы скрасить будни, оригинально праздновали день рождения одного из своих товарищей. Приодевшегося именинника неожиданно хватили за руки и за ноги и во всем параде тащили топить в Байкале. После неистовой борьбы по колено в воде его приносили обратно в лагерь и лупили калошей, считая удары по числу лет. Потом наливали кружку шампанского (Илюхин это разрешал лично), вручали подарок и отпускали целоваться с девушками. Разухабистая крестьянская забава вызывала скептические ухмылки интеллигентных студентов. «Господа офицеры», привыкшие за годы странствий ко всякому, сочувственно посмеивались и давали ехидные советы. Разбавить рутину они тоже умели, и в долгу не остались.

Наступил заключительный день пребывания в бухте Ая. С утра все отделения разошлись по своим площадкам, я со своими студентами направился к последнему объекту – вертикальной пещере. Пыхтя, мы тащили рюкзаки со снаряжением по крутому склону, как вдруг услышали звук выстрела и, оглянувшись, увидели, что над лагерем чертит параболу красная ракета. Это был сигнал тревоги, срочно созывавший всех без исключения участников к штаб-квартире.

Когда мы подбежали к инструкторскому домику, там уже скопилась толпа человек в тридцать. На крыльце в синей куртке стоял Илюхин и громовым голосом отдавал распоряжения. В суматохе удалось выяснить, что инструктор Михаил Эйгель, демонстрируя приемы скалолазания, сорвался со скалы и сильно повредил ногу, а может быть, еще и позвоночник. Миша лежал

на узкой полоске пляжа под обрывом и сам двигаться не мог. Это рассказал дежурному по лагерю запыхавшийся школьник, примчавшийся с места ЧП, дежурный рассказал Илюхину, а тот пустил ракету.

Уже через пятнадцать минут Эйгелю наложили шину на ногу и зафиксировали тело на носилках. Несмотря на серьезные травмы, он бодрился. Кучин и Шашурин подготовили веревочный полиспаст для подъема пострадавшего на верх тридцатиметрового обрыва. Полиспаст состоял из веревок, закрепленных одним концом наверху и спускавшихся вниз двумя петлями на расстоянии человеческого роста друг от друга. На каждой петле установили по подвижному блоку, ушки которых были привязаны к ручкам носилок: один блок у головы, другой – у ног. Свободные концы веревочных петель проходили через закрепленные жумары, за эти концы тянули, и носилки поднимались; когда усилие ослабевало, веревки зажимались кулачками жумаров и тормозили.

Скалистый обрыв был неровным, с щелями и выступами, носилки наверняка за них стали бы цепляться, могли и застрять. Чтобы этого не произошло, параллельно с поднимаемыми носилками по веревке должен был подниматься сопровождающий. Сопровождать выпало мне. Наверху за веревки взялись шесть человек, двое держали жумары, еще двое осуществляли верхнюю страховку пострадавшего и сопровождающего. По команде сверху подъем начался. Носилки пошли вверх аккуратно и почти горизонтально. Я «лягушкой» на двух жумарах шел рядом, держался за них одной рукой и при необходимости оттягивал от стены.

Пока Эйгеля поднимали наверх, Мухин закончил натягивать длиннющий семидесятиметровый троллей с верха обрыва вниз, на небольшую деревянную пристань, уже недалеко от ла-

герь. Троллей представлял собой две толстые капроновые веревки, натянутые со страшной силой десятком здоровых молодых людей с помощью небольшого полиспада. Предполагалось, что по троллею спустить носилки будет безопаснее, чем нести их по крутым склонам на плечах. Подъем занял минут десять, и вскоре Мухин уже пристегивал носилки к блоку, установленному на троллее. Блок был пристегнут карабином к длинной веревке, пропущенной через рогатку, рогатка обеспечивала необходимое торможение при спуске. Носилки аккуратно сняли с обрыва, и они повисли на тридцатиметровой высоте. Мухин ослабил натяжение веревки, она стала протравливаться через рогатку, носилки поехали. Белый, весь забинтованный Эйгель, как ангел небесный, легко парил над байкальскими просторами.

На пристани носилки уже ждали. Их аккуратно сняли с веревки, отстегнули от всех пут и на плечах торжественно понесли в лагерь, где собрались уже все участники спасательных работ. Вместо того, чтобы срочно вызывать вертолет «скорой помощи», Илюхин расположил носилки с пострадавшим на лагерьном плацу, и в течение часа занимался разбором полетов, указывая на ошибки и неточности, замеченные им в ходе этих учебных спасательных работ. Эйгель хлопал глазами и безуспешно просил скорее его распеленать: хотел в туалет по-маленькому. Только тогда, когда он галопом понесся к домику на отшибе, многие школьники поверили, что «спасы» были не настоящие.

На следующий день пришел грузовик, лагерь снялся и переехал на северо-восток, почти к острову Ольхон. Так что в вертикальную пещеру мое отделение так и не попало.

Веселый ветер и необитаемый полуостров

Целью переезда была пещера Мечта. По слухам – большая красивая пещера, хотя и горизонтальная. Она находилась на возвышенности почти в полукилометре от берега Байкала; к воде вела крутая тропинка, петлявшая по бортам глубокой лощины. Палатки отделений поставили звездой недалеко от входа в пещеру, для инструкторов и здесь нашелся небольшой деревянный балаганчик со стеклами. Замученный недавними спасработами Эйгель запросил покоя и в первый же вечер ушел по тропинке к озеру, гремя своими рыболовными принадлежностями. Сказал, чтобы ужинать его не ждали.

Утром Илюхин разбудил желающих встречать восход солнца. То есть разбудил-то он, конечно, всех, но глазеть на восход пошли избранные. Картина незабываемая. С лагерной возвышенности темная байкальская гладь и не менее темное небо сливаются на неясном горизонте воедино. И вдруг поперек этого абстрактного полотна возникает темно-красная нить, которая начинает быстро шириться и, розовея на глазах, превращаться в щель. Потом замедленная съемка: невидимый гигант-дискобол зашвыривает в эту щель огромный оранжевый снаряд, который медленно летит по кривой, превращая неясные тени в крутые скалы, волнение вод и в отдаленные снежные горы на том берегу озера. По слухам – Саяны.

Но как бы ни был прекрасен мир поднебесный, нас все же тянул к себе подземный.

Пещера Мечта по местным масштабам была огромной. Она достигала почти двухсот метров в длину и была довольно вместительна: в ней могли находиться сразу несколько отделений, не слишком мешая друг другу. Но для выдавших виды знатоков это была всего лишь симпатичная пещерка средней красоты. Местами на стенах можно было разглядеть скромные на-

течные образования, а в самых укромных углах даже погладить по шерсти теплую летучую мышку, спящую по мышиному обычаю вверх ногами. Мои студенты легко освоили все премудрости пребывания в байкальских горизонталках, а топольемку вообще щелкали, как семечки. Я оставлял их работать самостоятельно и лез в самые узкие дырочки и щели в поисках нового продолжения. Такового в бедном карсте не находилось, зато уже на поверхности мое вымазанное глиной лицо вызвало веселые улыбки школьников. Впрочем, они тоже не светились белизной, и вскоре отделение в полном составе и во главе с инструктором легкой рысцей сбегало по вьющейся тропинке к берегу озера. Нужно было основательно помыть тело.

Бежать вниз по тропинке было приятно и легко, в спину еще подталкивал свежий северный ветер. На берегу, усеянном крупным песком и камешками, лежала байдарка «салют» с веслом. Рядом с ней никого не было. Ребята пояснили, что в этих местах красть не принято, охотники и рыболовы просто оставляют свои лодки на берегу.

А у меня было прекрасное воспоминание: лет пять назад я один и единственный раз в жизни катался на байдарке по карельскому озеру. Был закат, вода легко рябилась, и я со своим приятелем Сергеем Дюбуа (так по-французски звучала его русская фамилия Дубков) вел за греблей приятную беседу о теоретической физике и о девушках. Или в обратном порядке. Было красиво, тепло и необычно.

На берегу Байкала это воспоминание отдалось в душе ностальгическим минорно-сладким аккордом, и жутко захотелось снова поплавать по озеру. Раб страстей, я попросил школьников спустить судно на воду. Те замаялись, то ли полагая, что я нарушаю традиции неприкосновенности чужих плавсредств, то ли тревожила их какая-то другая, может быть, самим не до кон-

ца ясная мысль. Колебания, однако, было недолгими, лодку за-тащили в воду, и я в нее тихонько забрался, стараясь не замочить обувь и одежду. По осеннему времени на теле был шерстяной свитер, но почему-то все же было очень прохладно. Пронизывающе как-то. Долго плавать я вовсе не собирался, так, пару минут погреться, помахать веслом. Развернул байдарку носом на юг и, вкладывая силу, сделал несколько удачных гребных движений. Лодка гладко и быстро пошла по морщинистой воде.

Нет ничего приятней ощущения скорости, когда твое тело непосредственно омывает атмосферный воздух. Я с раннего детства любил быстро бегать, потом научился ездить на велосипеде, без страха скатывался на лыжах с самых крутых и высоких гор. Одно время даже бегал на «норвежских» коньках спринтерские дистанции. Знаете, ветер в лицо, в ушах мелодия полета, пространство несется мимо. Красота! А под землей и подавно: в абсолютной черноте, в хороводе летучих мышей или в брызгах водопада ты летишь по тоненькой веревочке сквозь тугую атмосферу в бездонную пропасть, и только следи, чтобы накалившаяся от трения рогатка не плавил капрон. Тут, на озере, тоже здорово – лодка несется по водной ряби туда, где белеют на горизонте снежные горбы романтических Саянских гор... Разве что ветра в лицо почему-то нет.

Последняя мысль заставила насторожиться. Я оглянулся назад и увидел, что далеко-далеко, по невидимому уже пляжу мечутся и отчаянно машут руками маленькие темные фигурки. Это были мои студенты, которых я покинул всего полминуты назад. Стало страшновато: всего-то сделал с десятков гребков, а пронеслось мое суденышко метров триста. И хотя я сразу перестал работать веслом, лодка будто не заметила этого и неслась все дальше на юг. Сильнейший ветер стремительно гнал ее к середине Байкала. Я посмотрел туда и окончательно пришел в

ужас. Прямо передо мной, в какой-нибудь сотне метров зыбкая, но в целом ровная поверхность озера вдруг оживала и вздымалась в небо, качалась, ходила из стороны в сторону высоченными темно-серыми волнами. Каждая волна метра в три высотой, но может быть, мне со страху показалось. Эти волны поднимались могучим ветром, почти ураганом, который срывался со стометровых береговых обрывов и падал на воду почти в полукilометре от берега. К этому кошмарному шторму быстро подгоняло мою несчастную байдарку.

У меня не было сомнений в том, что до того берега, до Саянских гор я не доплыву. Даже здесь, в оберегаемой скалами зоне, вода все сильнее волновалась и раскачивалась. За низкими бортами лодки поднимали головы любопытные бурунчики и бросали свои светлые космы прямо мне на колени. На дне байдарки возникла мелкая лужица. Я догадывался, во что она превратится всего лишь через минуту. Поэтому не стал медлить и принялся разворачивать лодку носом к родному северному берегу. Это была грубая ошибка: ставшее боком к ветру судно резко накренилось и черпнуло воды, я из него чуть не выпал. С трудом удалось удержаться, но внутри была уже не лужа, а полкорпуса воды. Снизу сразу ожег холод, но зато лодка приобрела некую степенность и перестала вертеться от моих манипуляций с веслами. Спелеолог я способный, водник – просто никакой.

Пришлось учиться на месте и на своих собственных ошибках. Лодку по-прежнему несло к шторму, но чуть медленнее, поскольку она наполовину ушла в воду. Я все же умудрился ее развернуть носом к берегу и начал изо всех сил грести. Душа рвалась прочь из этой дьявольской ловушки, к тому же одежда насквозь промокла, и стало дико холодно. Но ничего не вышло, даже согреться не удалось. Я греб, упирался, как черт, чтобы уменьшить парусность, ложился в воду на дне, – все бесполезно,

лодка застыла на месте. Берег больше не удалялся, но и приближаться не думал. Через пять минут я выбился из сил и замер. Лодка тут же начала разворачиваться, крениться и обреченно заскользила навстречу волнам, жаждущим перебраться ее стрингера и шпангоуты. Впору было отчаяться.

Но тут я сообразил, что главный ток воздуха, который меня несет и переворачивает, идет из долины с тропинкой и пляжем, на котором все еще прыгали и махали руками мои школьники, наверное, прощались. Тогда я снова вцепился в весло и начал забирать левее, под защиту высоких отвесных скал. Этот маневр удался! Описав длинную дугу, байдарка оказалась в почти безветренной зоне, хотя и здесь ее сносило к вспененным гребням. До них оставалось всего метров пятьдесят. Или так казалось. Я ушел еще глубже в тень скалы и заработал, как машина Джеймса Уатта. Ура, скала пошла мне навстречу! Метр за метром я вырывал чужую лодку и самого себя из жадных лап коварной стихии, верил и не верил, что это удастся, удается, уже удалось!

Перед носом хлипкого судна с амплитудой полметра болтался вверх-вниз здоровенный валун. То есть мы с лодкой болтались, он был – спасительный берег. Не знаю, есть ли предел человеческим силам, кажется, нет. Я выпрыгнул из байдарки и, стоя по пояс в воде, выволок ее на гладкие камни. Потом перевернул и вылил изнутри полцентнера холодной байкальской воды. С посудиною обращался бережно, будто это у нее от ужаса инфарктно схватывалось сердце, а ледяной озноб заставлял зубы выбивать танец с саблями композитора Арама Хачатуряна.

Потом я отжал одежду и огляделся. Опять стало тоскливо. Устья долины и пляжа со студентами видно не было, они скрывались за поворотом берега. Заглянуть за угол возможным не представлялось, скалы падали в воду совершенно отвесно, а

сама мысль о плавании по воде существу моему была противна. Я посмотрел в противоположную сторону. Полная симметрия: отвес, падающий в волнующееся славное море. Поднял голову вверх – высоченный абсолютный отвес, иногда с отрицательным наклоном. Это когда скала не выпирает наружу, а наоборот, вдавывается сама в себя. Взглянул вниз. Под ногами – нагромождение гладких камней и глыб, меж коих плещется темная вода. Я оказался на необитаемом полуострове, и судьба моя теперь всецело зависела от моих товарищей. Летом, даже насквозь промокнув, еще можно побороться с холодом и ночь, и день. Дождаться окончания шторма. Сейчас же, в конце сентябрьского сибирского дня, температура едва ли была выше десяти градусов, вода – не теплее, к ночи еще и подморозит. А я тогда еще не умел сушить на себе мокрые простыни на ночном берегу замерзшего водоема. Только спустя три года великий спелеологический йог Юра Лобанов научит меня сосредоточиваться и излучать тепло. Так что на неопределенное время предо мной открылась грустная перспектива прыгать на одной ножке и, уподобляясь незабвенному Пантюхину, метать камни в длину. Впрочем, камней на полуострове было не так уж много.

И все-таки я никогда не устану петь гимн образованию! Особенно высшему, которое дает не только широту кругозора и технологическое знание, но и быстроту ума. Мои студенты действительно оказались не на шутку сообразительными. Примерно час я провел на полуострове в интенсивных физических упражнениях, и все равно моя уже отмытая чистыми байкальскими водами кожа начала синеть. Синеть и темнеть стало и невеселое серое небо. И вдруг на его фоне, высоко над обрывом показалась лохматая голова. Я было подумал, что школьники, наконец, поверили в возможность моего спасения и явились к наставнику за консультациями. Но ошибся: это была голова Жени Мухина.

За этот час отделение успело слетать в лагерь, сообщить о ЧП, и сейчас над обрывом стоял настоящий спасотряд. Он имел с собой все для подъема пострадавшего на носилках, а также веревку, обвязку и жумары для сопровождающего. Даже каску не забыли. Учебные спасы Эйгеля не прошли даром и теперь точь-в-точь повторились. Вспомните про совпадения.

Только сейчас вместо носилок на двух полиспадах вытягивали злосчастную байдарку. А я, как и в прошлый раз, лез рядом и сопровождал ее, любовно оттягивая от выступов и отворачивая от летящих камней. Для этих работ пришлось использовать всю имеющуюся в наличии основную веревку: высота обрыва оказалась семьдесят метров. Думаю, такого головокружительного путешествия не совершала никакая другая байдарка в мире. Потом школьники на плечах отнесли ее на место.

На утро следующего дня Илюхин выстроил лагерную линейку, и перед всем личным составом объявил мне выговор за «авантюрные действия, могущие привести к несчастному случаю». Что и говорить, я был расстроен! Не привык к выговорам. Чтобы утешить, Миша Эйгель отдал мне на хранение двух замечательных хариусов, которых он вчера отловил в озере, а сегодня засолил. А девушки моего отделения вдруг ни с того ни с сего подарили мне изумительной красоты веточку байкальской золотистой акации. Розовых хариусов съели с пивом уже в Иркутске, а золотая веточка до сих пор стоит у меня дома в глиняной вазе, слепленной под старину.

Потом иркутяне рассказали мне, что ветер, едва не унесший меня на ту сторону, называется Сарма, страшней и опасней его на Байкале нет* Это был первый случай, когда мне лицом к

* Двадцать пять лет спустя на Арабике произойдет следующее. Иркутские и красноярские спелеологи пройдут пещеру, которую назовут также «Сарма», спустятся там почти до рекордной глубины тысяча пятьсот тридцать метров

лицу улыбнулась костлявая. Второй – когда я в 1979 году заблудился в Снежной, об этом рассказано. Третий – на Арабике ровно через десять лет после Байкала. О нем позже.

Потом наш лагерь на барже с буксиром переплыл по байкальским водам к реке Голоустной, где в невысоких лесистых сопках таилась последняя цель – скромная пещера Политехническая с тридцатиметровым вертикальным колодцем. В нее по очереди залезли все школьники, и вышло, что у них это неплохо получается. Тогда назначили выпускной экзамен, который успешно приняли прямо среди прибайкальской тайги. Поздно вечером Эйгель пообедался гигантскими рыжиками, найденными на склонах в изобилии и жареными на сковородке. Ел в темноте и в одиночестве. В темноте, чтобы не было видно грибных червяков. А в одиночестве потому, что никто этого есть больше не хотел. На другой день ноги довели нас до шоссе, машина доставила в Иркутск, а самолет – в Москву.

и чудом спасутся от страшного паводка, который накроет пропасть во время ливней, пришедших с ледяным северным ураганом.

АЛЕК-1976: СПАСАТЬ – ТАК ПО БОЛЬШОМУ!

Десяток лет блужданий в ледяном мраке послали первое предупреждение моему здоровью: в марте 1976 года вдруг страшно разболелась спина, и я даже попал в больницу, где с неделю валялся, раскалившись до русской народной температуры 40°C. Не исключено, что драматическое плавание в байкальский шторм стимулировало проявление болезни почек. В грязноватой перенаселенной палате я от боли едва ли не лез на стену. Вообще говоря, по стенам лазаю хорошо, но тогда все же сдерживался. Еще доставал высоко-температурный бред. Грезилось отвращение к алкоголю, нехотение играть на гитаре и петь песни, безразличие к прекрасному полу. Господи, какой ужасный бред! Но всю эту чепуху неистребимо покрывало желание: глоток бы темного пещерного воздуха, щекой бы – к сырому камню. Вот уж, правда: кому нейдется – тот серьезно болен. Страсть к подземным путешествиям вошла в подсознание, и сильнейшие анальгетики не могли ее вытравить.

Поэтому сразу же после выхода на свободу, я ринулся в очередное приключение. Волею случая оно вновь оказалось связанным с байдарками, а может быть, меня в очередной раз о чем-то предупредила богиня загадочных совпадений.

Наташкины оверкили

Колесников перестал ходить в пещеры и временно занялся водным туризмом. С новыми друзьями покорял горные речки в Средней Азии. Но как-то между делом, основное время он тратил на выстраивание жизненной позиции и заработок денег: к сорока годам нужно было кем-то становиться. Поступил было в вечерний институт на инженера, но бросил; вместо ученья занялся деятельностью, которую тогда именовали «халтура» или «шабашка». Ремонтировал квартиры, циклевал полы, потом ушел в торговлю и стал чуть ли не директором магазина строительных материалов. Во времена

всеобщего дефицита это было дорогое место. Скоро Рыжий купил себе новую кооперативную квартиру и стал ездить на «жигулях», чуть ли не ежегодно менял машину. Заважничал, конечно, но не слишком. Мы навсегда остались с ним большими – если не ближайшими – друзьями.

В начале апреля 1976 года он предложил поплавать на байдарке по подмосковной речке Волгуше. Речушка эта нам была хорошо знакома по многочисленным летним походам: узкая, неторопливая, она вытекает из озера Нерского, недалеко от аэропорта «Шереметьево» и сливается с рекой Яхромой в районе Дмитрова. Я не очень себе представлял, как по этому ручейку может проплыть лодка, но согласился, рассчитывая на опыт новоиспеченного водного туриста.

В путешествие собрались четверо. Кроме Рыжего и меня, в команду вошли мужчина и женщина. Мужчина – Олег Николаиди, ровесник Колесникова, он лет десять ходил с ним в пещеры; к тому же был натуральный грек и яркий представитель советской инженерно-технической интеллигенции. В любых ситуациях он не повышал голоса и не произносил плохих слов, а американцы, думаю, хватались за голову, когда сделанные им ракеты выходили в космос по замысловатым траекториям. Женскую часть группы представляла девушка Наташа. Она училась на биолога и собиралась разводить голландские тюльпаны. Мы познакомились в компании, и пришлось ей так по душе, что она рискнула пойти с нами в авантюрный поход, хотя путешествиями не увлекалась. Зато она играла в волейбол, удар правой у нее был поставлен отменно. К тому же она была молода, независима и нравилась мужчинам; впрочем, предстоящий сплав амуров не предполагал.

Стояла необычно холодная, снежная весна. В лесах и полях лежали поясные сугробы, когда вдруг прорезалось солнце, и в долины Среднерусской возвышенности хлынула талая вода. Рыжий дал отмашку, и ранним утром 17 апреля из Москвы в сторону захолустного Рогачева выехал таксомо-

тор «волга» с кузовом типа «универсал». В кузов набились части двух байдарок: одна – уже известный мне по Байкалу плебейский «Салют», другая – красивая, с надувными бортами длинная лодка «Нептун». Я сразу сказал, что поплыву только на «салюте» и только впереди, как «чайник» и как человек, потерпевший от водных путешествий. Главным загребавшим и командиром в моей лодке стал Николаиди, потому что Рыжий командирским голосом велел девушке плыть с ним.

Не доезжая села Каменка, где в Волгушу втекает одноименная речка, мы выгрузились из такси, спустили груз к воде и с некоторой натугой собрали лодки. Они были не новые, и некоторые части плохо подходили друг к другу. Потом, согласно расписанию плавсостава, расселись по местам и поплыли: мы с Олегом впереди, Рыжий с Наташей – в кильватере.

Ну, до чего ж хорош неэкстремальный водный туризм! Пусть байдарки немножко тяжелые и их нужно поносить, зато потом всецело отдаешься размеренной водной стихии и созерцанию жизни. Река то расширится разливом и станет похожей на озеро, то уйдет в глубокую долину и плавно стремится по ней свои воды под действием гравитационных сил. На душе светло и тихо, вода журчит, солнце ласкает свитер. Ничего похожего на рев подземного паводка, и уж тем более – на байкальскую бурю.

С час мы плыли курортно, но вскоре заметили, что интенсивно таящего снега река вздулась. Это стало ясно, когда подплыли к мосту: в щель между его железной кромкой и водой по высоте могла пройти только лодка, матросы не пролезали. Но эти матросы были спелеологи! Олег изо всех сил затабанил веслом, я уперся руками в ржавое железо, залег на спину и стал перебирать руками, имитируя силовые упражнения со штангой. Как там извернулся Олег уж не знаю, но лодка вдавилась в воду, и мы не без труда процарапались сквозь шкурник перекрытия. Преграда вызвала некое

внутреннее удивление: значит, и на такой легкой воде есть с чем побороться? Тут же выяснилось, что кроме физических преград, жизнь могут портить и моральные. С задней байдарки донеслась энергичная жалоба девушки на ее рулевого. Рыжий, хотя и грамотно прошел под гильотинным мостом, но, по мнению Наташи, при этом недопустимо внятно комментировал происходящее ненормативными терминами. Объединившись с интеллигентным греком и будущей профессоршей в подобие партячейки, мы строго урезонили распоясавшегося директора магазина.

Вдруг река стеснилась высокими холмами, и байдарки безудержно понеслись в бушующих пенных струях. Мутноватая вода, отражая темнеющее небо, светилась недобрым блеском и дышала холодом. Пора было тормозить на ночлег. Я напряженно смотрел вперед, Олег крутил головой, высматривал, куда пристать. И вдруг крикнул:

– Они плывут!

– Хорошо, что не отстали, – подумалось мне.

Но что-то в его возгласе насторожило, я мельком оглянулся, и чуть не развеселился. В воде отдельно друг от друга плыли и комично кувыркались Рыжий, Наташа, пара рюкзаков и лодка «Нептун», последняя – вверх дном.

На самом деле, это было совсем не смешно. Оказаться в ледяном потоке, забитом по дну корягами, очень опасно, особенно без спасательных жилетов; кончиться такое плавание могло самым печальным образом. К счастью, Рыжий не растерялся, одной рукой ухватил Наташу и байдарку, а другой одному ему известным стилем выгреб к берегу. Рюкзаки, привязанные к лодке, подтянулись сами, а весла выловили мы с Олегом. Пришлось тут же заночевать. Несмотря на горячий костер, девушку трясло, как осинку на ветру – и от холода, и от ужаса. Рыжий, как мог, окружил ее заботой, но нам тихонько сказал, что она-то и вызвала оверкиль: уцепилась рукой за нависшую ветку.

На следующее утро, проскребаясь днищем лодки через бревно, Колесников и Наташа перевернулись еще раз. Девушку переделали уже в наши сухие вещи и дали сто граммов национального напитка. Она приняла его – первый раз в жизни, – перестала дрожать и, осмелев, заявила, что в одной лодке с Рыжим, хоть убейте, больше не поплывет. А плыть было еще далеко. Я посчитал себя везучим и предложил Наташе пересесть ко мне – первым номером. Сам я пересаживался на место Олега, а тот – в лодку Рыжего. Такая рокировка половине команды показалась сомнительной, но спорить не стали, и сплав понесся дальше.

Однако везения явно не хватало. К полудню наш «салют» напоролся на гвоздь. На одном из поворотов под килем зашуршало очередное бревно, и я увидел, как из тряпочного дна снизу вылез железный штырь. Он с секунду раздумывал, потом направился прямо ко мне, продирая в ткани узкую длинную щель. Еще через секунду в щель хлынула вода, и мы стали тонуть. Неистовыми ударами весел лодку удалось подогнать к берегу до того, как она ушла под воду вся. Ее вытащили на сушу и ужаснулись: дыра в полметра длиной, до ближайшего населенного пункта несколько километров по дикому лесу, а зашивать лодку нечем! Забыли ремнабор.

Я начинаю потихоньку понимать природу совпадений моей жизни. Чтобы они состоялись, нужно интенсивно напрячься. И я напрягся: очень-очень сильно затосковал. И что вы думаете? Сработало! Как только мы бросили обследовать безнадежную рваную рану нашего «салюта», из-за поворота, ковчегом-спасителем выплыла красивая байдарка. Одна единственная чужая байдарка за все время! В ней сидели настоящие водники, у которых с собой все было. И они не пожалели ни игл, ни бечевки, ни клея, ни заплат. Дали от щедрот и уплыли дальше. Пока Олег с Рыжим шили и клеили, девушка переделалась в предпоследнюю сухую одежду и приняла еще сто грамм, уже второй раз в жизни. Я просто отжал мокрое на себе. Несмотря на солнце, бил колотун, так

что пришлось составить Наташе компанию; огненную воду заели конской колбасой суджук высшего класса твердости.

Солнце склонилось к закату, когда мы вплыли в лесной массив. Разлив реки накрыл прибрежную рощу, и там потребовались навыки водного слалома меж толстых стволов. Таковых навыков наш экипаж не имел, и когда на очередном вираже лодка направилась напрямик в белую березу, Наташа не придумала ничего лучше, чем обнять дерево. Течение тут же перевернуло байдарку вверх дном, прижало ее к березе и стало ломать. Мы благополучно выпали за борт, но теперь нужно было не только спасти самих себя, но и лодку. Моя несчастная напарница отчаянно барахталась и подвывала. Парой чувствительных пинков я направил ее к берегу, потом пополз вверх по зыбкой ткани лодки к месту контакта с деревом. Выгнувшийся луком остов каким-то чудом удалось отодрать от растения, более того, я ухватился за веревочку, привязанную к носу. Как добрался до берега, не помню: от усилия и холода свело не только все члены, но и мозги.

На заснеженном берегу прыгала, согреваясь, переодетая во все сухое – мужское и последнее – Наташа. По движениям ее решительного лица было видно, что она заедает уже принятую водку деревянной колбасой. Когда движения лица кончились, любительница приключений рассказала нам, в каком месте она видела водные путешествия, а вместе с ними всех путешественников типа нас. Резюме было кратким: задача женщины – не плавать в студеной воде со всякими там, а иметь здоровое потомство, посему она дальше идет пешком, а мы можем катиться по волнам куда угодно. И она пошла. Еле-еле удалось уговорить ее не уходить одной, но взять провожатого до ближайшего населенного пункта. Рыжий и Олег, оценив мой бледный вид, вызванный частыми купаниями, миссию проводов поручили мне, а сами взялись перегонять лодки челноком. Если русская стилистика допускает такие метафоры. Кстати, отечественная байдарка «Са-

лют» совсем не пострадала от обнимания березы. В бой ходить на таких байдарках можно.

Нужно было спешить и греться, поэтому к цивилизации Наташу я вел легкой трусцой. Через три километра перед нами возник населенный пункт Парамоново; здесь на берегу заканчивали паковатья обогнавшие нас настоящие водники. Они успевали на последний автобус и любезно согласились доставить до столицы нашу девушку в целости и сохранности. Что и выполнили с честью.

А я побежал назад, угрюмо поглядывая то на темнеющее небо, то на студеную мятушуюся воду. В унисон этой воде металась моя нервная система, видно, что-то веселенькое ей предстояло. Ощущение не обмануло. За очередной излучиной я узрел привязанный к дереву «Нептун»; мужики, очевидно, перегоняли «Салют». Нужно было торопиться: вечерняя тьма прямо-таки рушилась с неба. Я залез в красивую красную лодку, взял в руки весло и отвязал веревку от дерева. Рассчитывал, что товарищи сообразят, кто увел судно, и надеялся на лучшее везение без женщины на корабле.

Думаю, что помогла мне только пещерная привычка к экстремальным путешествиям во мраке. Вода неслась сквозь частые кусты и стволы деревьев, и прямо на уровне глаз вдруг возникали толстые ветки, от которых я еле-еле успевал уклониться. Русло извивалось крутыми меандрами, у отвесных берегов течение турбулентно срывалось и кружило водоворотами. Лодка оказалась куда хуже управляемой, чем простецкий надежный «Салют». Она рыскала из стороны в сторону и, когда я делал неправильное движение веслом, она начинала крутиться так, что иногда я плыл спиной вперед! Тело в промокшей одежде колотил сильнейший озноб, я дико замерз и, вполне возможно, не выдержал бы еще одного купания. Но судьба смилостивилась, и через полчаса мучений я уже вытаскивал «Нептун» на пляж у поселка Парамоново. Тут меня и настигли злые, как черти, мои друзья. Олег смол-

чал, а Рыжий высказался со всей присущей ему деликатностью. Они очень боялись, что я мог утонуть.

Разбирали и паковали байдарки уже в ночи, при температуре воздуха существенно ниже нуля. «Салют» так и не разобрали, его плохо подогнанные соединения так смерзлись, что никакая сила не могла их разъединить. Да и сил-то не было: два дня бесконечной нервотрепки, холода и голода, из еды только водка да суджук. Неразобранный «Салют» тащили на плечах высоко в гору, и эта картина живо напомнила мне недавнее байкальское приключение. В ближайшей хате разбудили хозяйку-бабусю, и оставили лодку у нее во дворе. Бабка даже не удивилась, видно, ей было не впервой. Потом, чтобы успеть на последнюю электричку, мы бежали к станции бегом, давясь на ходу осклизлыми орешками кешью, целый кулек которых нашелся у запасливого куркуля Рыжего.

Через пару дней случились два следствия нашего путешествия. Первое: Колесников на своей машине перевез байдарку от бабки в Москву, второе: у меня из правой почки с кровью и дикой болью выскочил рогатый камешек размером с горошину. Его режущие кромки сверкали, как грани пещерного кристалла.

Спелеологи и бюрократы на турбазе Южная

Я думаю, что не просто так случились вышеописанные приключения: тематика воды явно довлела над спелеологами. В пещерах Алека самым сложным препятствием оказались не узкие калибры или глубокие пропасти, и уж тем более не температура воздуха и темнота – все это в избытке можно было встретить в любой пещере Крыма. Главной проблемой оказалась вода. Во время дождей с хребтиков в ложбины устремлялись целые потоки, которые собирались в реки и падали в многочисленные отверстия пещерных входов. При тщательном исследовании выяснилось, что многие ранее считавшиеся независимыми полости связаны между собой галереями и сифонами и по сути представляют собой части

единой гигантской дренажной системы. Постоянно текущая вода, рваные гидрокостюмы и мокрая одежда, десятки часов тяжелейшей работы под землей, не всегда с калорийным и регулярным питанием, – все эти факторы имели страшные следствия: в пещерах Алека стали погибать спелеологи. Усталость, постоянный озноб и голод приводили к потере контроля над ситуацией, потом – к роковым ошибкам.

В одной пещере под парнем при спуске перетерлась об уступ и оборвалась веревка, страховкой за вторую он пре-небрег. И разбился насмерть.

Похожее – если не хуже – произошло с другим. Человек стал подниматься на жумарах по одной веревке, та оборвалась, и он в положении сидя упал на острые камни. Переломы позвоночника и тазовых костей, но живой. На счастье для него, рядом был подземный лагерь. Упавшему оказали первую помощь, уложили в спальник, согрели и вызвали спасателей. А кто они – спасатели в пещере? Только сами спелеологи, из своей или из соседней экспедиции, чаще все вместе. Никакая служба спасения не умела тогда работать в суровых условиях обводненного карстового подземелья. Те спасательные работы были организованы сумбурно. В результате сорвался в колодец и погиб один из спасателей, хотя первого пострадавшего вынести на поверхность живым удалось. За ним выносили труп.

Совсем странным был случай с умершим просто так. Или казалось, что просто так. Несколько человек долго работали в обводненной пещере, потом стали выходить наверх. Один вдруг завис на отвесе. К нему подобрался, спустили на дно колодца: вроде живой, но тормозной какой-то. Посадили у стенки – пусть отдохнет, дали пожевать чего-то сладкого – не ест. Стали ждать, дождался до того, что тот умер. Потом разбирались, в чем дело. Ни инфаркта, ни инсульта, никаких видимых причин. Устал, измотался, замерз. Жизненная энергия вышла. Случай квалифицировали как смерть

от переутомления и переохлаждения. Опасной стала спелеология.

Но от того едва ли не более привлекательной. В старые и новые пещеры прямо-таки рвались сотни молодых людей. Как председатель Центральной комиссии спелеотуризма Илюхин обязан был контролировать процесс. Он действовал в двух направлениях: вел непримиримую и бескомпромиссную борьбу с нарушителями правил безопасности и старался как можно лучше развить систему спелеологического обучения – от школ для новичков до семинаров старших инструкторов. Самым действенным звеном в этой иерархии оказывались просто инструктора спелеотуризма – непосредственные учителя и тренеры молодежи. Они же, как правило, – руководители пещерных экспедиций. Сборы инструкторов всегда были событием: на них приезжали самые сильные и азартные люди со всей страны. В их глазах еще не успел скиснуть романтический огонек, в то же время некий опыт и заслуги в совокупности с молодецкой удалей давали почву для развития амбиций. Молодые мужчины и женщины одновременно и дружили, и соперничали – и в пещерах, и в социальной позиции, и в любви. Это была безусловная элита отечественной спелеологии. Высокая энергетика, накал страстей и дух борьбы – вот атмосфера сборов инструкторов и больших экспедиций тех лет. Впрочем, далеко не все успешно проходили испытание элитарностью. Пограничные случаи – самые неуверенные и наиболее неистовые – отсеивались. Одни не могли сдать выпускного экзамена школы, другие изгонялись за нарушение дисциплины. Из спелеологии эти люди уйти не хотели и не могли. Они либо вливались в какие-то неформальные группы, либо организовывали их сами. Постепенно рядом с официальной спелеологией возникла и начала активно действовать никем не управляемая, самостоятельная и все более и более заметная сила. Согласно многочисленным примерам из истории человечества, именно она и должна

была взять власть в свои руки, когда старая система окажется неспособной эту власть удержать.

Но тогда пещерная общественно-политическая формация страны казалась незыблемой. Как яркое подтверждение этой стабильности на лето 1976 года были назначены общенациональные инструкторские сборы на Алека. Материальное обеспечение сборов взял на себя Центральный совет по туризму, а тяжкая доля главного начальника легла на широкие плечи Олега Вадимовича Падалко. Ему, может, и не очень хотелось, но, как обычно, уговорил Илюхин. К тому же была и иная причина согласиться на такое хлопотное дело. Недавно могучий Олег решил перетащить с места на место большую бочку, что и сделал, но при этом так повредил спину, что врачи запретили ему поднимать груз больше трех килограмм. По пещерам с такими рекомендациями не очень-то полазаешь, руководить, однако, можно.

Олег пригласил меня поработать на сборах инструктором отделения. Я раньше на таких мероприятиях не бывал, подумал и согласился: спелеологическую жизнь следовало разнообразить, к тому же и мне было нелишне побережечь захиревшее на байдарочных водах здоровье хотя бы сезон.

Лагерь предполагалось ставить на хребте, а съезжаться спелеологи должны были в Хосту, на турбазу Южная. За неделю до начала сборов Олег выехал из Москвы в направлении турбазы на новенькой машине «жигули», за компанию прихватил и меня.

Путешествие по нашей стране на автомобиле – занятие не для слабонервных. Что сейчас, что в середине семидесятых – это всегда песня, причем грустная: от качества дороги и бензина до душевной красоты и скромности сотрудников ГАИ. Тем не менее, за два дня мы добрались до Черного моря, куда, по слухам, также выбрались организовывать наши сборы чиновники из Совета по туризму. Бюрократов пришлось разыскивать по пляжам всего побережья, хорошо Падалко был при машине. Впрочем, увенчавшиеся успехом

поиски дали мизерный результат: для начала работы сборов не оказалось ни снаряжения, ни продуктов.

Но не зря сообразительные ученики Олега дали ему грозное имя Рекс! С точностью вежливой королевской речи, прозвучавшей, однако, сквозь острые клыки, Олег изложил свою доктрину: он не двинется с места, пока все не доставят в лучшем виде. И тут же начал выполнять обещанное. А оно означало, ни много, ни мало, что на востребованной турбазе, в самый разгар курортного сезона драгоценные места в номерах и палатках займут полторы сотни весьма пассионарных путешественников, привыкших грызть сухари и бороться со стихией. Утренний омлет и пляжные пролежни не способствовали выводу энергии из горящих душ, и это могло сказаться на чинной атмосфере турбазы отнюдь не положительно.

И действительно, на турбазе быстро начали скапливаться шумные и дружные спелеологи. Притом, уважающие поесть. Утренние лекции по медицине и организации путешествий не могли развеять тоски по пещерам, и десятки здоровых парней бродили по Хосте с пивом, а по вечерам оттягивались на турбазовской танцплощадке. «Отдыхающиеся» мужского пола никак не могли составить им достойную конкуренцию, и у спелеологов начали складываться горячие южные романы.

Спелеологический разгул на скромном курорте возымел быстрое действие, на которое, надо понимать, и рассчитывал мудрый Рекс. Бесследно затерявшиеся по сочинским пляжам чиновники от туризма вдруг обнаружили, и на турбазе внезапно появились веревки, карабины, палатки, ведра и продукты. Все это добро вместе с повеселевшими любителями экстремальных путешествий погрузили на машины и доставили на Буковую Поляну – сравнительно ровную площадку среди редких деревьев, ставшую негласным столичным центром Алека. К тому же именно сюда подходила лесовозная дорога, по которой в хорошую погоду мог доехать и негрузовой автомобиль.

Носилки под водопадом

Школа инструкторов получилась могучая: сотня слушателей, полтора десятка наставников. Меня Рекс попросил быть не только руководителем отделения, но и ответственным за спасательные работы. Поэтому в палатках моих стажеров хранились новенькие веревки, блоки, карабины, а также целый транс особо ценных продуктов, включая сервелат, шоколад и курагу. Происшествий, однако, не случилось, и все лежало нетронутым. Амбиции спасательного отделения требовали хоть некоторого удовлетворения.

Поэтому были организованы учебные спасательные работы. Цель работ – выемка пострадавшего с глубины ста пятидесяти метров до верха пещеры под названием «Заблудших». Или до тех пор, пока хватит сил. В отделении собрались крепкие и уже достаточно опытные ребята: Игорь Новиков из Свердловска, Коля Васильев и Ренат Асбаув из Красноярска, другие. И я, конечно, как основная идеологическая и не последняя тягловая сила. Всего восемь человек. Вакантной оставалась кандидатура пострадавшего, или «трупца», как ласково именовали живого спелеолога, попадавшего в незавидную роль вытаскиваемого. Незавидную потому, что находиться в пещере без возможности самостоятельно двигаться довольно тяжело – и холодно, и всякого хотеться может, а тебя заклинит где-нибудь на отвесе...

Судьбу человека пострадавшего мужественно взялся вынести начальник сборов Олег Падалко. Напомню, что совсем недавно он перенес неприятную травму позвоночника, и врачи не рекомендовали ему чрезмерно напрягаться. Посчитали, что напрягаться не придется: мы намеревались оттранспортировать его в наилучшем виде. К тому же Рекс очевидно скучал без пещер, ему очень хотелось спуститься, а другого подходящего случая могло не представиться.

Понимая ответственность момента, отделение в полном составе посвятило день подготовке к выемке тела. Главным препятствием являлся сдвоенный колодец: отвес метров

двадцати, потом площадка, потом еще один десятиметровый отвес. И здесь у так называемой Щели (имя собственное) находилась начальная точка выемки. Щель – промытая водой тектоническая трещина – пересекала просторное дно этого сдвоенного колодца, и в нее нужно было протискиваться тем, кто намеревался достичь дна пещеры на глубине четырехста пятьдесят метров. На этот раз у нас была совсем другая задача. Мы набили с десятков скальных и шлямбурных крючьев, организовали полиспагст и потренировались работать в команде. Получалось неплохо, и, предвкушая завтрашний триумф спасательного совершенства, мы в прекрасном настроении вернулись в лагерь точно к ужину.

Наутро вся команда вместе с будущим вынимаемым бодро прошагала к входу в Заблудших – средней глубины воронке, угнездившейся в балке полусухого ручья. С небес покрывала морось, но настроение у всех было более чем боевое. Быстро переоделись в пещерную одежду и начали спуск. Стажеры остались на верху сдвоенного колодца, а трое спустились к Щели. Рекс залез в спальник. Мы с Ренатом Асбауым для надежности закатали его еще в полиэтиленовый лист и уложили на самодельные носилки, сделанные из веревок и двух буковых стволов средней толщины. Ренат остался внизу, чтобы сопровождать «пострадавшего» во время подъема, я поднялся к своей группе выемки. Распределили роли, пристегнули полиспагст к веревке и подали вниз условный сигнал. Асбаув ответно просигналил подергиванием веревки о готовности к подъему.

По команде начали тянуть. Метра три дело шло, как по маслу, нагруженная носилками веревка медленно выбиралась наверх. Удалось даже один раз перестегнуть петлю полиспагста. Но тут подъему что-то начало сильно мешать. Мы тянули изо всех сил, веревка – ни с места. Еще потянули – безрезультатно.

Вдруг сверху послышался дикий гул, и с каменного неба хлынул бурный поток. Мутная вода неслась по меандру

и с ревом улетала прямо в тот самый колодец, из которого мы вытаскивали носилки. Очевидно, на поверхности морось сменилась тяжелым ливнем. Мы прижались к стенам, ситуация стала крайне аварийной.

Я прокричал вниз запрос Ренату, но за грохотом воды ответа не услышал. Да и Ренат, надо думать, ничего не понял из моих криков, если вообще они до него донеслись. Минута летела за минутой, что-то срочно следовало предпринять, иначе Олега в носилках могло непоправимо залить.

Я еще раз дернул веревку, и она неожиданно чуть поддалась. Вроде освободились носилки. Я оглянулся на понурых уже стажеров и прокричал, что подъем возобновляется до полки, где можно уйти от воды. Все дружно схватились за полиспасть и потянули. Теперь все пошло быстро, веревка шла даже как-то слишком легко. На очередной перцепке полиспада мне в голову пришла дурная мысль, и вместо того, чтобы защелкнуть на веревке жумар, я просто потянул ее на себя. Мысль оказалась абсолютно верной: веревка свободно пошла вверх безо всяких усилий. Через несколько секунд в моих руках оказался ее размочаленный конец. Носилок не было.

Это был ужасный миг. Я представил себе, что могло произойти с человеком, упакованным в носилки, когда они отрываются и летят в колодец. Потом я заметил, что независимая страховка Олега тоже почему-то оказалась отстегнутой. Глыба рухнула?! Это было еще хуже.

Снизу по-прежнему не приходили никакие сигналы, а мой крик тонул в реве потока. Ничего не оставалось, как спускаться в колодец по остаткам навески. Прямо под водопадом. Делать обвеску воды было некогда.

Это был единственный (пока) случай в моей спелеологической практике, когда я слишком заторопился. Бросил вниз оборванный конец, пристраховался за него, вставил рогатку в рапельную веревку, сел на нее и ринулся вниз. Все за пять секунд. Еще через пять секунд почувствовал невесо-

мость, сильный удар снизу по подбородку, потом рывок, и мучительно больно сдавило ребра. Я висел на самостраховке над двадцатиметровым обрывом, а по моей дюралевой каске кувалдой долбил тяжелый, свинцовый водопад. Все это едва освещал бледный налобный фонарик. Но если бы не он, не ясно, чем бы все кончилось. Поднять голову было невозможно: залило бы все – и капюшон гидры, и глаза, и горло, в том числе дыхательное.

Так через несколько лет погибнет москвич Володя Панюшкин: станет спускаться в водопаде и захлебнется. Наверное, не удержался, наверх посмотрел.

Я не стал. Посмотрел вниз и в бледном свете увидел, что рогатки на карабине нет. Значит два варианта: либо она сломалась и улетела вниз, либо висит на веревке выше меня. Что-то же ударило меня по скуле! Я вытянул вверх руку и пошарил по веревкам. Вода тут же оттопырила резиновый манжет гидры и ворвалась в рукав. Но высоко над головой рогатку я нащупать успел. И стал про себя говорить ей разные хорошие слова и просить, чтобы она не слетала с веревки в колодец. К счастью, фрикционное спусковое устройство вняло моим мольбам. Я завязал стремя на страховочной веревке, сунул туда ногу, подтянулся на полметра вверх и нежно высвободил рогатку. Потом встегнул ее в карабин, снова заправил в основную веревку и спустился сначала на полку, потом к Щели. Все это под кошмарным потоком серой воды, часть которой мерзко хлюпала внутри гидры. Я до сих пор не знаю, почему рогатка вылетела из карабина. То ли впопыхах я забыл завинтить муфту, то ли она раскрутилась о веревку, после чего карабин встал в такую позу, что самопроизвольно раскрылся – не ясно. Цепь плохих совпадений.

Все приключение заняло не больше минуты, рассказывать дольше. Но до Щели я все же добрался. Здесь передо мной предстала жутковатая картина.

Чуть в стороне от грохочущего водопада лежали носилками, в плещущейся на них струе болтался конец обор-

ванной веревки. На носилках лицом вверх лежал Олег, лицо его было синеватого цвета. Вокруг носилок суетился сильно взволнованный Ренат. Я подбежал к Олегу, он сказал, что очень сильно замерз. В этот момент сверху спустился Игорь Новиков. Втроем мы с трудом распутали веревки носилок, которые, как пояснил Игорь, я завязал совсем неправильно.

В процессе развязывания Ренат телеграфно рассказал историю выемки. По его версии, подъем начался почти одновременно с паводком. Ренат пошел сопровождающим рядом с носилками, но вскоре все оказались точно под гигантской струей. Спальник, в котором был Олег, моментально пропитался водой. В грохочущем потоке носилки поднялись на метр от земли и намертво уперлись буковыми торцами в выступ колодца. Попытки сдвинуть носилки в сторону были тщетными, поскольку верхняя веревка натянулась со страшной силой (я потом подсчитал – до семисот килограммов силы). Для обоих появилась реальная опасность захлебнуться. И Ренат принял единственно правильное решение. Он отстегнул страховку Олега, потом скальным молотком, висевшем у него на поясе, перебил натянутую веревку, стараясь придерживать носилки. В вертикальном положении они полетели с высоты одного метра, потом упали прямо в водоток. По счастью, Олег не получил травм.

Рекс с трудом выбрался из развязанного спальника, медленно поднялся. Тело его бил сильный озноб, на мужественном лице читалось сомнение в возможности выйти наверх самостоятельно. Нужно было принимать решение: или накрыться полиэтиленом и пытаться греться свечками в абсолютно мокрой одежде, в пронизывающей и оглушающей водяной круговерти, или выходить наверх. Я дал команду на выход.

Может быть, это было не лучшее решение. Но оно было принято и исполнялось. Рубеж правильности выбора проходил через этот проклятый сдвоенный колодец: если мы его пройдем, тогда все обойдется. На верх десятиметрового

уступа выбрались Ренат и Игорь. Насколько могли, оттянули веревку от водопада и наладили верхнюю страховку для Олега. Я лично прицепил его жумары к основной веревке и жестко сказал: лезь! Можно было не говорить. Рекс медленно согнулся, подтянул ноги к груди, руками протаскил навверх стремени жумар, потом выпрямился. Полез! Ребята изо всех сил тянули сверху. Я же, нарушая все каноны, прицепился страховкой ниже Олега за его веревку и полез навверх скалолазанием, подталкивая и подправляя движения своего друга. Медленно, с отдыхом мы добрались до полки. На нее с двадцати метров гремела вода.

Кричать навверх и что-то объяснять оставшимся стажерам было бессмысленно, слов не разобрать. Поэтому информация пошла с Игорем. Он успешно вылез навверх, и уже через минуту в колодце повисла еще одна веревка – для сопровождающего. Рекс уже разогрелся, сам прицепил жумары, полез. Сверху подтягивали, Ренат двигался по параллельной веревке, подстраховывал.

Падалко прошел и сквозь воду, и сквозь притяжение земли. Он вылез из этого чертова колодца!

По растерянным лицам стажеров можно было догадаться, что в такой переплет они попали впервые. Прямо скажем, все остальные – тоже. Но деваться было некуда: мокрого и продрогшего Олега Вадимовича, да еще с незажившей травмой, нужно было выводить на поверхность.

Пик наводнения прошел, да и по привычке уже к реву потока и водяному туману. Ничего, можно жить. Растянулись по колодцам навверх и по очереди подтягивали на отвесах Олега. Он шел медленно, упорно. Потом, пока отдыхал, стажеры выбирались еще выше. Один из ходов был почти доверху залит водой, пришлось погружаться по шейку и под потолком проносить голову. Падалко проделал это наравне со всеми. Он уже немного согрелся от движения, поднимался легче, к же тому шоколад из самоспасов поели.

Трудно передать словами облегчение души, которое я испытал, последним выползая на поверхность. С серого неба сыпался мелкий уже дождь. В отверстие входа шла небольшая река с листьями и ветками; я полз по ней и, занырявая чуть ли не с головой, размышлял о том, как прекрасна жизнь, особенно жизнь спелеолога.

На следующий день светило солнце, из пещеры без проблем вытащили брошенное там снаряжение. Потом был разбор спасработ, по итогам Рекс написал шикарный отчет «учебного трупца», в котором делился пикантными подробностями своего заточения в спальнике на носилках под водопадом.

Этим отчетом современники зачитывались, как бестселлером. Копия его долго хранилась в библиотеке Московского клуба туристов, может быть, лежит там и поныне, если не украли любители настоящих раритетов.

ОДИНОКАЯ ДЗЫХРА – ТИХИЙ ОМУТ

Со дня моей первой экспедиции на Караби-яйлу прошло десять лет. Срок. Но, хотя о каких-то итогах и речи не было, списочек своих самых глубоких пещер я потихонечку пополнял. Вроде получалось в ногу со временем. В Крыму – Каскадная (Трехсотдевятка), Солдатская, на Алеке – Назаровская и Заблудших. В Абхазии – неповторимые Анакопийская пропасть и пещера Снежная, из которой я только что перевез в Сухуми на вертолете упавшего во входной колодец Сашу Муранова.

Да, только что я вернулся из Снежной, где провел несколько дней на глубине семьсот метров. Пока что глубже пещер не было.

И вот теперь я ожидал встречи с командой Володи Илюхина, чтобы ринуться в новый круговорот открытый подземного мира. Уверен и поныне – ничего прекраснее чувства от первого шага по вновь открытому пространству не бывает. Может быть, только открытие нового закона природы, например закона физики.

Именно этим – уяснением природы псевдотензора Папапетру, который якобы описывает энергию гравитационного поля в общей теории относительности Эйнштейна, я и занимался целую неделю в Адлере, посиживая на скамейке в Парке южных культур и ожидая прибытия своих московских друзей-спелеологов.

Контраст курортной благодати с ледяными подземными водопадами был настолько велик, что мысли мои постоянно уплывали в сферы открытий подземных, и результаты изысканий научно-теоретических оказались весьма скромными. Тем не менее, именно там я написал основную часть дипломной работы и первой своей статьи по теоретической физике, опубликованной в зарубежном журнале.

Наконец, поезд привез в Адлер экспедицию Илюхина. Прекрасный организатор, он устроил так, что прямо на во-

кзале вещи загрузили в кузов «Газ-66», сверху сели участники, и – с корабля на бал – отправились напрямик в район работ.

Райский уголок, Пасть Дракона

Стояла прекрасная солнечная погода. Машина петляла сначала по краснополянскому шоссе, потом у селения Монастырь свернула направо, перебралась по хлипкому мосту через речку Мзымту и начала подниматься по серпантину на горный массив, главная вершина которого называлась Дзыхра. Эту вершину, кстати, прекрасно видно с адлерского аэродрома как самую близкую «по-настоящему высокую гору».

Дзыхринский массив – относительно невысокая, порядка одного километра над уровнем моря горная зона – являет собой, с одной стороны, предгорье крутого хребта Аибга с могучей трехкилометровой вершиной Агепста в самом ее северо-восточном конце. С другой стороны, это что-то вроде продолжения перпендикулярной Аибге карстовой цепи хребтов Алек – Ах-Цу, где, как известно, находились рекордные по тем временам глубочайшие пещеры ТЕП и Нежданная. Тем не менее, известняки на Дзыхре, в отличие от соседней Ах-Цу были совсем другие: более «мягкие» и «легкорастворимые» – мел. Но и мощность их, то есть толщина слоя, оказывалась поменьше, не дотягивая до полукилометра. Так что ожидать здесь глубоких пропастей не приходилось, и, наверное, именно поэтому массив долго оставался вне поля зрения рвущихся к рекордам спелеологов.

Было и еще одно препятствие, в очевидной форме преградившее дорогу нашему грузовику: шлагбаум прямо за рекой Мзымтой. Рядом, в роще грецких орехов находилось местное лесничество, а выше, на горе – несколько богатых пасек. Местность славилась превосходным медом, который собирала на разнотравье и в каштановом цвету знаменитая серая кавказская пчела. Таким образом, Дзыхра являлась, ес-

ли не заповедником, то чем-то вроде этого. Свободного доступа не было.

Илюхин мог договориться с кем угодно. Шлагбаум чуть ли не под фанфары открыли, и набитая грузом и людьми машина празднично зарычала на крутоватых подъемах горной лесной дороги.

Состав экспедиции был просто блестящим – интеллигенция московской городской секции спелеологов. Закаленных бойцов представляли Илюхин, Андрей (Михайлович) Петров, Володя и Рита Шашурины. Спаянный коллектив «стариков» гармонично разбавило новое поколение: Нина Яковлева, широко известная своим сгоревшим под дождем комбезом, а также молодые учителя физики Николай Невский, Юрий Неверов и Андрей Митин. Они были высокоучены и умны, обладали тонким чувством юмора, к тому же были выносливы, сильны и с видимым удовольствием лезли в подземные щели. Но, пожалуй, главное – они знали сотни популярных тогда бардовских песен, отменно играли на гитаре и чудно пели на несколько голосов. Я так никогда не умел и испытывал наслаждение, слушая их вечерние концерты у костра. Моя скромная персона дополняла этот уютный коллектив и несколько будоражила его жаждой новых пещерных открытий, поиском новаторских технических приемов прохождения отвесов и... видом ободранного тела: одной курортной недели явно не хватило для заживления ран, нанесенных суровым высокогорным карстом экспедиции Снежной-73.

На Дзыхру мы приехали по следам разведчиков нашего клуба, посетивших эти места в прошлом году. Одним из главных разведчиков был Евгений Мухин. По его отзывам, местность пещеры определенно содержала. Найден вход в субгоризонтальную полость, очевидно, обводненную: прямо с поверхности в нее втекает небольшой ручей. Неподалеку есть глубокая карстовая шахта, куда, по слухам, когда-то спускались вездесущие и уважаемые в спелеомире суровые

красноярцы. Но о плане пещер, как и об их глубине никаких известий не было. Несколько ниже по склону горы в сторону реки Псоу была отмечена серия карстовых воронок с явными провалами на дне. Наконец совсем в другой стороне, уже около реки Мзымты находилось уникальное место, известное по топографическому названию как Глубокий Яр; в более поздние годы его для привлечения туристов стали называть «Пасть Дракона».

Трудно представить себе более райский уголок на Земле. Если идти от Мзымты, попадаешь в глубокое ущелье с отвесными известняковыми стенами. По дну ущелья вам навстречу бежит веселый ручеек средней полноводности. Пробираясь по камням, метров через триста вы попадаете в эту самую «Пасть». Ущелье расширяется, образуя цирк метров сто в диаметре. Со всех сторон над цирком нависают синеватые вогнутые скалы, а в одном месте метров с тридцати, с покрытого «малахитовым» мхом уступа падает изящный тонкий водопад, разбиваясь внизу на сотни струй. Струи растекаются по дну цирка, сложенного известковым натечным туфом, и образуют несколько мелких голубых озер с белыми берегами причудливой формы. С обрывов свисает разного рода зеленая растительность, в лучах солнца все это великолепие дополнительно играет многочисленными радугами, что в совокупности создает необыкновенно праздничное настроение.

Но отнюдь не вся текущая по ущелью вода порождается водопадом. В нижней части скала расщелена косою расщелиной, из которой истекает молчаливая зеленая речка. Сначала она впадает в причудливые озера, а потом, сливаясь с потоком от верхнего водопада, уже стремится по ущелью до впадения в Мзымту. Косая расщелина в скале есть не что иное, как вход в карстовую пещеру-источник, по ней можно довольно высоко подняться внутри горы.

Этот райский уголок так пленил в прошлом году наших разведчиков, что они решили провести на озерах самую

приятную ночевку в своей жизни. Не знаю точно, но подозреваю, что стаканчик качественного веселящего напитка весьма способствовал приятной беседе у дружеского костра в окружении ослепительно прекрасной природы. Не исключено, что и песни попели, а уж потом забрались в палатки, поставленные у истока пещерной реки, и сладко уснули под ее колыбельное журчание.

В полночь-заполночь спелеологов разбудил странный гул. Высунулись из-под крыш: с неба лил дождь. Но гул был явно не его. Какое-то седьмое спелеологическое чувство заставило ребят вылезти из палаток – и во время! Через несколько секунд с того самого малахитового уступа, откуда проистекал субтильный водопад, хлынула стена воды, несущая с собой гигантские бревна, глыбы известняка и других пород, и Бог весть что еще. В минуты весь цирк был полностью затоплен мутной бурлящей жидкостью.

Вспомнив весь свой спортивный опыт и тренировки на башне в Царицыно, спелеологи полезли по отвесным скалам прочь от наступающей воды. Удрать им удалось. На высоте нескольких метров нашлись площадки и ниши, куда вода уже не доставала. Там они и сидели всю ночь и еще полдня, пока вода спадала. А когда спала, то, что они увидели на месте своего лагеря, вызвало горькую усмешку. Не было лагеря, не было палаток, не было рюкзаков. Не было ничего, все унесло стремительным потоком.

Спелеологи долго бродили по ущелью, собирали с самшитовых веток спальные матрасы, извлекали из-под камней дражные резиновые матрасы, выколупывали из глины фотоаппараты. Раскладывали на камнях и долго сушили под неверным еще солнцем красные десятирублевые и фиолетовые двадцатипятирублевые бумажки. Рубли и трешки по легкости уплыли.

Потом всю жизнь вспоминали самую лучшую и красивую ночевку в своей жизни. Такая вот Пасть Дракона таи-

лась под личиной райского уголка у самого подножья Дзыхринского массива.

Наша экспедиция ехала на Дзыхру, уже зная все это, а также обладая информацией о чрезвычайном богатстве местных лесов зарослями ягоды ежевики отменнейшего размера и вкуса.

Деревья, пещеры и топорике Илюхина

Хорошая дорога позволила подрулить прямо к месторасположению входов в верхние пещеры. Когда, выгрузившись, мы помахали водителю на прощанье, пошел сильный дождь. Дзыхра вообще, как выяснилось, славится капризным характером. В смысле дождей. И это понятно: ближайшая к побережью заметная гора, она как бастион возвышается на границе между пляжной и горной погодой. Она берет на себя все шквалы, скатывающиеся с Аибги в ущелья Мзымты и Псоу, но с другой стороны, вынуждена участвовать во всех прибрежных грозах, над которыми заоблачная альпика гордо высится и презрительно их не замечает.

Так вот, пошел сильный дождь. К тому времени мы выбрали укромное место для лагеря среди каштановых и буковых стволов на берегу того самого ручья, который несколько ниже нырял во вход субгоризонтальной пещеры.

Ставили палатки, укладывали вещи, начали разводить костер. И тут я впервые увидел, каким коварным может быть ласковый горный лес. Совсем недалеко от меня стоял Юра Неверов и что-то такое сосредоточенно делал. И вдруг буквально в одном метре от него совершенно беззвучно упало огромное буквое дерево. С виду – абсолютно крепкое и здоровое. Прямо Дзен-Буддизм какой-то: «Чем крепче дерево с виду, тем вернее оно скоро умрет»* В шуме дождя дерево

* За эту фразу в учебнике по физике моего учителя профессора Н.В. Мицкевича в 1978 году чуть не выгнали из университета. Думали, что он про

упало так тихо, что Юра даже внимания не обратил – за его спиной упало. А если бы метр–другой в сторону... Но повезло.

Надо сказать, что быт в лагере мы всегда старались держать на высоте, даже если это отнимало много сил. После падения бука, который, как оказалось, совсем не годился на дрова, так как внутри совсем прогнил, а снаружи был сырой, исследования показали, что подходящих дров поблизости практически нет. Так, веточки и сучочки. Но на соседнем склоне стояло бывшее дерево, вполне подходящее для небольшого «подмосковного» костра (так назывался предназначавшийся для поджигания сруб, сложенный из нескольких сухих бревен трехметровой длины). Сухое – не гнилое внутри – дерево оказалось огромным буковым стволом без вершины, но зато такой толщины, что возникало сомнение в возможности спиливания его нашей двуручной пилой. Но выхода не было, и весь спелеологический отряд принялся за лесоповальные работы. Дерево пилили целый день. Оно, действительно, оказалось толще, чем длина пилы, поэтому пришлось заходить с разных сторон, опиливать сердцевину, вгрызаться в недоступную древесную глубину. Бук не поддавался ни в какую, и работа превратилась в соревнование: кто – кого. Естественно, победа осталась за млекопитающими, а не за растением. Когда пилить стало уже невозможно, бук начали раскачивать. И он упал. И не просто так, а точно поперек склона, и покатился... прямо на палатку учителей-физиков. Еще мгновение, и от брезентового домика осталось бы одно рваное воспоминание, но какой-то невидимый в траве гномик подправил неудержимое движение огромного ствола. Он подпрыгнул, извернулся и прикатился точно на заготовленную для костра площадку. Пилить на части его уже не стали, жгли целиком – по-мухински – в течение всей экспедиции.

советскую власть так, а он – про физическую теорию. Но по факту вышло – точно про власть.

Как ни странно, в этой лесной зоне обнаружилось проживание нехарактерных насекомых – комаров, немногочисленных, но довольно злых. Меня комары вообще не слишком трогают, и я спал в палатке, не закрывая входа. Физиков же полосатые вампирчики раздражали, не давали уснуть. Чтобы не страдать, поступали так. Митин, Неверов и Невский залезали в свою палатку перед сном, быстро зашивали вход куском марли, после чего Невский снимал рубашку, ложился на живот и замирал. Оказавшиеся в палатке комары по одному садились ему на спину и начинали кусать. Когда собирались все, Митин и Неверов быстро их побивали. Коэффициент полезного действия (КПД) процесса избавления от насекомых был чрезвычайно высок.

Походные разносолы, которыми экспедицию баловала завхоз Рита Шашурина, весьма украшал ежедневный компот из ежевики, которой здесь и вправду было настоящее изобилие. Вдоль тропок и лесных дорожек прямо-таки чернели покрытые спелой ягодой кусты. Ягоды были душистые и сладкие, но почти в каждой находился маленький беленький червячок. Впрочем, не портивший вкуса, если его случайно сжевать.

Но как бы ни приятен был отдых на пленэре, главная наша задача была – исследовать новые подземные полости. Начать решили с суровой вертикальной шахты, жерло которой уставилось в небо почти круглым отверстием метров пяти в диаметре. Камень в пропасть летел секунд пять.

Честь первого спуска досталась мне. К большому дереву на краю шахты привязали две стометровых веревки и бросили концы вниз. Я «сел» на рогатку, завязал вокруг второй веревки схватывающий узел и поехал вниз. Со стен на каску летели мелкие камешки и мох, на плечи капала вода. Запах сырости и подземелья заполнил пространство. Отверстие входного колодца быстро уменьшалось – хотя и не полагается смотреть на верх навески, я все же поглядывал, рискуя получить камешком по лбу. Но самое интересное было, конечно, внизу. Спуск-полет затянулся, очень глубоким ока-

зался колодец. Наконец я ощутил под ногами дно. Пологий глыбовый завал заканчивался внизу небольшим отверстием. Я крикнул наверх, что дошел до очевидного дна, но попытаюсь пройти дальше. Не слезая с веревки, я приспустился к отверстию и начал разгрести его ногами. Камни с шумом посыпались куда-то вниз, и вскоре образовался вполне просторный проход. Я сбросил туда остатки веревки – на первом «дне» лежало еще метров двадцать – и на свой страх и риск пошел в дыру.

Здесь было уже совершенно темно, из стен торчали подозрительные «живые» камни. Колодчик был узенький и довольно грязный, земля и глина моментально облепили веревку и мой комбинезон. Все же я еще протиснулся вниз метров на пятнадцать и тут уже окончательно затормозился в позе стойкого оловянного солдатика. Ни согнуться, ни повернуться возможности не было, я заполнил своим худым телом все свободное пространство. Определенно, это был конец вертикальной шахты. Но теперь следовало как-то выбираться отсюда. Мало того, что пришлось действовать в, мягко говоря, стесненных условиях, но еще и на ощупь: фонарь на каске не светил ниже уровня груди. Я припомнил, где и как расположено снаряжение для подъема, и после некоторой нервной возни все же умудрился установить на веревке самохваты, предварительно отцепив рогатку.

Это был первый раз, когда я испытывал в полевых условиях придуманный восемь лет назад способ подъема «гусеницей», или «лягушкой». Но только тогда – на Царицынской башне – я поднимался, цепляясь за веревку «пруссиками», а теперь в моем распоряжении были два прекрасных новых жумара, изготовленных Володей Будкиным – спелеологом, другом Мухина и таким же как он мастером на все руки. Жумары были один в один похожи на бельгийские, только, наверное, на порядок прочнее: потом они служили еще ровно двадцать три года.

Один жумар был растянут между беседкой и обвязкой на груди, другой прикреплялся к стременам. Я начал попеременно то приседать, то вставать на обе ноги, одновременно протягивая жумар со стременами по веревке. В результате каждого такого акта тело постепенно поднималось вверх, опираясь то на жумар стремян ногами, то всей тяжестью на жумар беседки. Теперь так ходят все спелеологи – и с вариациями, а тогда это был самый первый опыт.

Надо сказать, опыт вполне удался. Не прошло и пяти минут, как я выбрался из узкого каменного мешка и тут же, не сбавляя темпа, начал выходить из широкого колодца. По восхищенным возгласам, раздающимся сверху, можно было судить, что испытываемый способ подъема опытным спелеологам приходится по душе.

Делая быстрые полуметровые шаги, я поднялся почти до середины колодца, как вдруг увидел в стенке круглое отверстие. Любопытство тут же перекрыло желание и дальше небрежно демонстрировать шикарную технику подъема. Я крикнул, что нашел окно, и чтоб ждали. Затем выбрал снизу всю веревку и перебросил ее в это окно. Тем самым дополнительно показав неоспоримые преимущества подъема на жумарах: можно было комфортно освободить сразу обе руки.

За окном оказался точно такой же колодец, параллельный первому, но без выхода на поверхность. Я спустился на дно, но никаких видимых продолжений не обнаружил. После того, как мы сделали топосъемку и камералку, обнаружили, что пещера в разрезе весьма напоминает расклеванные штаны. В связи с этим, а также вспомнив, что первыми тут вроде бы были спелеологи из Центральной Сибири, шахту назвали «Красноярские штаны». В отличие от Пифагоровых, одна штанина здесь оказалась заметно короче другой. Впрочем, никаких следов пребывания людей ни в одном колодце, ни в другом не заметили.

Пока мы с Илюхиным и молодежью штурмовали «Штаны», группа Шашурина и Петрова исследовала субго-

ризонтельную пещеру, получившую условное, но яркое и запоминающееся название «Клизмотрон». Так ее называли в силу легкой узости, с одной стороны, и обводненности – с другой. В наклонный, идущий уступами ход тек милый ручеек, делающий всю полость необыкновенно сырой. Так, уступчиками и мелкими колодчиками пещера неспешно падала до глубины примерно сто пятьдесят метров, где утыкалась в длинный сифон. Все стены около этого водного окончания были покрыты жирной и скользкой глиной, потолок тоже. Кроме того, почти по всему ходу встречались стволы мелких деревьев, в том числе и в сифоне – прощупывались ногами. Все это указывало на то, что во время дождей милый ручеек вздувается до внушительных размеров и мало того, что несет с собой весьма габаритные остатки лесной растительности, но еще и затопляет пещеру до потолка, по крайней мере в нижней ее части. Эти наблюдения вызвали у первооткрывателей отрицательные эмоции, и после топосъемки работы в Клизмотроне быстренько свернули. Однако, как позже оказалось, напрасно. В спешке спелеологи проигнорировали целую серию ответвлений и ходов.

Через много лет я снова оказался на Дзыхре – в 1994 году и в этой пещере учил новичков делать топосъемку. Тогда выяснилось, что Клизмотрон – сложная лабиринтовая система со множеством пересечений и параллельных ходов. Один из ходов – абсолютно сухой – вел высоко вверх и заканчивался обширным гротом, в котором мы увидели остатки старого (так и хочется сказать – древнего) подземного лагеря. К тому времени в этом районе после нас уже поработали основательные ленинградские спелеологи, один из которых – Валентин Кимбер – так полюбил эти места, что навсегда осел поблизости, в Красной Поляне. Он-то и дал мне привязки входов пещер на Дзыхре и план лабиринта – бывшего Клизмотрона, который теперь назывался пещера «Печальная». Так, потому что исследователи взгрустнули по карабину, который в пещере потеряли. Вот ведь по каким несерьезным

поводам может получить имя серьезный географический объект. Я не поленился и вместе со спелеологом-новичком Сережей Аносовым сделал топосъемку нитки хода от дальних гротов до выхода. Каково же было общее изумление, когда оказалось, что один из ходов Печальной почти упирается в узкий нижний колодец Красноярских штанов! Всего несколько метров прокопать – и получится новая замечательная пещерная система. Пока что никто не прокопал...

Но за двадцать один год до того мы еще мало знали о дзыхринских пещерах.

Команда молодых занималась интенсивным прочесыванием лесного массива в поисках новых полостей. Нашли одну – прямо на середине лесной тропинки. Вертикальный колодец глубиной почти тридцать метров, притом диаметром тридцать сантиметров, и все. И залезли ведь, и топосъемку сделали!

Прямо скажем, пещерными дарами Дзыхра расщедривалась не слишком. Результаты ежедневного поиска и первопрохождений обсуждались за вечерним ежевичным компотом, а иногда даже и вареньем – Рита Шашурина умудрялась делать и его. Илюхин относился к исследованиям очень серьезно, вел дневник, собирал и анализировал все материалы топосъемки. Дни сменялись днями. Уютная, хотя и не слишком результативная экспедиция продолжалась. Не все время посвящалось выходам в пещеры или на поиск, были и «дневки».

В свободное время Илюхин делал топориче из прекрасного твердого букового ствола. Дома у него лежал необыкновенный топор, небольшой, но особой формы и заточки. Илюхин брал его в подмосковные походы и виртуозно рубил сухие сучья. Топориче тоже было особым, но оно сломалось, а хозяин не мог найти достойного. Здесь, на Дзыхре, мечта обзавестись новой ручкой к топору стала близка к осуществлению.

Топорище получалось изысканным, красивым, с изящным изгибом и удобным прихватом, с утолщением на конце, чтобы не вылетало из руки. Володя долго выкраивал из целого ствола нужный кусок дерева с определенным расположением волокон и особой ячеистой структурой, влагостойкий и очень прочный. Работа шла успешно – целую неделю. По вечерам и часик после обеда Илюхин нежно ошкуривал, шелушил и выдраивал новое топорище, как Папа Карло, высекал из полена нужные формы, не оставляя лишнего. Вылизывал до блеска.

Наступил судный день, когда занавеси упали, и ваятель явил свою деревянную Галатею обществу. Гордо, но непринужденно он вынес топорище из своей палатки и сказал: «Вот!». Общество восторженно ахнуло, изумившись чудной красоте изделия. Счастливый Илюхин решил удовольствие продлить. Он сказал, что более удобного и прочного предмета на земле нет. Когда на ручку посадят топор, им можно будет порубить не только черное, но даже железное дерево, и с инструментом ничего плохого не случится. В качестве примера прочности ручки он слегка стукнул ею по близлежащему бревну, тому самому, которое скатилось в костер неделю назад и все никак не могло догореть. Кто-то критично заметил, что топорищем по дереву лупить не дело, может и сломаться.

«Что?!» - вскричал возмущенный мастер. – «Сломаться?! Да никогда! Грош цена такому топору, у которого топорище ломается от удара. А это – тем более не сломается, потому что оно сделано из лучшей части самого лучшего бучка!» Все молчали. Тогда Илюхин протянул ручку мне: «На, ударь изо всей силы». Я с сомнением справился: «Точно – из всей?» – «Изо всей!» – твердо сказал Илюхин. – «Ну, как хочешь». Я ударил, и топорище сломалось. Оно расщепилось вдоль и распалось на две трудносоставимые части.

Нужно было видеть горе в глазах Владимира Валентиновича! Я проклял тот день и час, когда начал подтяги-

ваться, отжиматься, делать «пистолетики» и поднимать двухпудовую гирию. И проклял свою наивную детскую глупость. До сих пор жалею, что так обидел Илюхина. Но он не подал виду, сказал, что неважное дерево попало, потом взял половинки злосчастливого топорича, пытался их связывать, склеивать как-то. На том история ручки навсегда закончилась и канула в Лету. Но я ее помню.

Бросок на Кацырху и загадки гор

Когда все явные входы в пещеры кончились, начали заниматься раскопками. Один из объектов находился в километре от лагеря на склоне, среди кустов растения, похожего на дикий орешник. Продравшись сквозь заросли, оказываешься возле широкой и довольно глубокой карстовой воронки, в которую приходится спускаться, цепляясь за выступы скал. На дне – залежи сгнивших веток, перемешанных с землей. «Дресва» – так определил это вещество Андрей М. Петров, зрелый уже муж-спелеолог, неторопливо, но обстоятельно доводящий все дела до логического конца. Он первым спустился в воронку, обвязался на всякий случай закрепленной за дерево веревкой и обутыми в резиновые сапоги ногами начал сбрасывать эту «дресву» в щели между камнями. Скоро вниз посыпались и сами камни, так что Андрею пришлось быстро выскакать из воронки. Нашим взорам предстало жерло довольно глубокого колодца – камни громыхнули где-то внизу. Мы быстро сделали навеску и спустились.

Это была комплексная и одновременно уютная пещера, вполне соответствующая камерному характеру нашей экспедиции. Символ, так сказать. На дне просторного и чистого тридцатиметрового колодца начинался несложный лабиринт из трех-четырех ходов, в которых заблудиться было невозможно: их суммарная длина не превышала двух десятков метров. В одной из галереек тек прозрачный ручеек, ниже он падал с пятиметрового уступа в небольшой зальчик и

образовывал там самый настоящий, но притом совершенно игрушечный сифон: у стены стояло неглубокое голубое озерцо, точнее прозрачная милая лужица полтора метра диаметром. Кое-где встречались и натеки – сталактиты и драпировки. Короче, все было в этой пещере – и вертикали, и лабиринты, и красоты, и обводненность и даже сифон. Но все – в исключительной изящности и миниатюре. Топосъемка заняла всего один час. Найти подходящего названия этой пещере мы тогда так и не удосужились, сошлись только в одном: здесь замечательно тренировать новичков, особенно девушек.

Через двадцать один год, в 1994 году, идея была всецело реализована. В эту пещеру ходило отделение спелеолагеря, состоящее из одних женщин. Поэтому пещеру стали называть «Женская», что, кстати, весьма соответствует ее облику и характеру. Вот только в сифончик тот пока еще никто не нырял.

Судя по всему, достойные карстовые объекты на Дзыхре исчерпались, и Илюхин предложил сделать краткую вылазку в новый район, недалеко отсюда: «На Кацырху», – сказал он. Так называлась одна из ближних вершин Гагрского хребта, начинающегося прямо за рекой Псоу на территории Абхазии. В разведку вызвались идти трое – Андрей М. Петров, Володя Шашурин и я. Маршрут был такой: нужно дойти до Псоу километров пять потом доехать на попутной машине по лесовозной дороге до пятьдесят первого километра, где начиналась туристская тропа. По этой тропе предстояло подняться на северные отроги Гагрского хребта, где, по слухам, отмечались интенсивные проявления поверхностного карста: карры, воронки и висячие долины в чистом юрском известняке. «Только у Псоу идите направо», – настойчиво объяснял нам Илюхин перед выходом.

Мы проснулись в пять часов утра, повесили за спины смешные двадцатикилограммовые рюкзаки и двинулись в путь. Стояло чудесное солнечное утро, природа сияла чисто-

той и свежестью, души наполнялись восторгом дальних странствий. За разговором о науке и жизни мы быстро добежали до Псоу. Тут дорога определенно сворачивала влево, а вправо, вниз, шла какая-то неясная наклонка, то ли подсыпанная щебнем специально, то ли возникшая естественным путем. Мы посоветовались и пришли к выводу, что Илюхин ошибся. Конечно, нужно было идти налево. В хорошем смысле. Взбодренные горной свежестью и счастливые своим молодым здоровьем, мы весело зашагали по петляющей зеленой дороге вдоль высокого речного обрыва. Надеялись, что вот-вот нас догонит лесовоз, на котором за часик с небольшим мы доберемся до нужного места.

И впрямь, скоро сзади и сбоку послышался гул мотора, но потом он как-то затих. То ли машина остановилась, то ли свернула в сторону. Но куда? Ответвлений дороги мы не видели. Чуть позже опять послышался еще один явственный машинный звук. Определенно, где-то поблизости ехал грузовик. И опять все стихло. Нехорошие предчувствия начали закрадываться в душу, мы насторожились: никто нас не догоняет, никто не подвозит... Притом где-то в стороне едут невидимые машины. В чем дело?

Тут в кустах и деревьях над обрывом возник просвет, и предчувствия стали горькой явью: мы увидели правильную дорогу. На противоположном берегу Псоу. Широкою, укатанною, засыпанною свежим щебнем. По ней один за другим в нужном нам направлении проходили лесовозы, пока порожние. Мы с тихой печалью смотрели им вслед. Перебраться здесь через реку было невозможно: с обеих сторон берега являли собой отвесные обрывы высотой в несколько десятков метров. Попасть на ту сторону мы могли только в том месте, где полтора часа назад легкомысленно свернули налево. А нужно было направо – верно учил старший товарищ В.В. Илюхин. Но не идти же назад! Тем более, что в массе своей лесовозы в горы уже прошли. Пришлось плестись

дальше по неверному пути, впрочем, не оставляя зыбкой надежды на хоть какое-то везение.

Но ничего хорошего не случилось. Мы протопали еще пятнадцать километров до селения Аибга, там перешли по мосту реку и только тогда оказались на нужной дороге. По ней снова шли лесовозы, но уже груженные гигантскими бревнами и нам навстречу.

Потом еще пять часов мы шли по этой дороге и прошли еще двадцать километров. На отметке пятьдесят первый километр с дороги вверх, по горному склону, действительно, уходила туристская тропа. Ее вихляющая нить была промаркирована пятнами красной краски, нанесенными на стволах больших деревьев: буков, каштанов, выше – пихт. Еще выше, там, где лес кончался, краской были измазаны уже скалы и отдельные камни, кое-где были сложены туры. Но на альпийский луг мы выбрались только на следующий день. А пока, спотыкаясь и кряхтя от усталости, карабкались вверх по скользкой тропке, пытаясь подойти как можно ближе к подножью хребта именно сегодня, в день такого случайно великого пешего похода.

Несмотря на измотанность, успевали замечать особенности ландшафта. Одна из основных – большое количество ручейков, речек и даже приличных потоков, русла которых приходилось пересекать, иногда – с трудом. Эти поверхностные водотоки, несмотря на живописность и даже определенную красоту, вызывали ощущение некоего невнятного внутреннего разочарования, понятного, может быть, только спелеологам. Наличие всех этих речушек и речонков означало, что вероятность глубинного, подземного дренажа атмосферных осадков, в том числе тающих снегов, здесь существенно меньше, чем, например, на Караби-яйле в Крыму, где по склонам не течет ни одна речка, есть только несколько источников, и то существенно ниже среднего уровня плато. Здесь же оставалось надеяться, что до самого местного «плато» еще подниматься и подниматься. Не Крым все-таки.

К вечеру наша тройка устала просто чертовски. Ноги заплетались, языки сухо шуршали во рту, хотелось есть и пить одновременно. И тут с моим организмом случилось что-то странное. Я вдруг ощутил необыкновенную легкость, все мое естество – как душа, так и тело – наполнилось энергией и силой. В движениях появилась прецизионная точность, рюкзак за спиной не чувствовался вообще. Мысли стали ясными, дыхание – свободным. Никогда ни до этого долгого восхождения, ни после я не испытывал ничего похожего на это необыкновенное чувство. Почти как полет во сне. Но это было наяву. И что это было? Пресловутое второе дыхание – реакция хорошо тренированного организма на затянувшуюся физическую нагрузку? Или таинственное влияние гор и их неведомых подземелий, с нетерпением ожидающих своего открытия и последующей мировой славы? Или что-то более прозаичное? Именно к последнему варианту я и стал склоняться, но только сначала двенадцать часов, а потом еще три года спустя. Дело было так.

Уже в темноте мы набрали на лесную полянку, где, с одной стороны, тек ручей, а с другой – было достаточно ровного места для палатки. К тому же здесь была еще лесная зона, а значит, можно было комфортабельно отдохнуть у костра. Страшно хотелось есть, причем больше всего почему-то горохового супа с копченостями. Впрочем, за отсутствием последних всех устраивала и банка говяжьей тушенки, подогретой на огне, мелко порезанной и тщательно размешанной в чудной гороховой жиже, каковая, кстати легко готовилась из сухого концентрата, в наличии имеющегося. Пока вожаденное лакомство готовилось в скромном солдатском котелке над огнем костра, мы живо обсуждали планы на следующие дни.

Предстояло преодолеть еще с десяток километров и взойти на склон Гагрского хребта возле выдающейся скалы Монастырь. Там установить лагерь и сделать из него пару радиальных выходов в районы обнаженного карста, которые

с таким воодушевлением описывал нам Илюхин. На хребте должны быть глубокие и величественные пещеры! Именно это утверждалось в работах молодого, но уже известного карстоведа Тамаза Кикнадзе из Тбилиси. В то время он усиленно работал над монографией, посвященной карсту Гагрского хребта, неоднократно поднимался на закарстованную альпику и проводил как полевые, так и теоретические исследования. Из исследований вытекало, что агрессивные воды дренируются многочисленными пещерами и выходят из-под земли в виде источников, питающих бассейн реки Псоу, то есть как раз в том самом месте, где мы в настоящее время коротали вечер в ожидании божественного супа.

В ходе дискуссии стало очевидным, что перед нашей тройкой открываются необъятные перспективы. В атмосфере горного бивака тут же возникла аура радостного спелеологического возбуждения и даже восторга. Этот неумный положительный стресс, очевидно, требовал сбалансированности, каковая тотчас же реализовалась: палка над костром вдруг с треском обломилась, при этом котелок с почти готовым супом упал в огонь и практически залил его. Туристы знают, как это бывает.

Привычные к невзгодам несчастные спелеологи лишь горько вздохнули. Но легко представить глубину содержания и лексические формы речей, которые могли бы произнести их залитые соком желудка, если бы они могли хоть как-то говорить. Пришлось утолять голод водой и сухарями, намазывая на них не слишком-то аппетитную холодную тушенку.

Потом угрюмо ночевали в палатке, прислушиваясь к нытью в плечевых, голеностопных и вертлужных суставах и с трудом преодолевая навязчивый полусонный бред о съеденном гороховом супе.

Под утро я почувствовал сильную боль в правом боку. Как будто тупые клещи ухватились внутри за чувствительное место и изо всех сил его сдавили. Было еще темно, и я лежал

в правом углу тесной палатки, не имея возможности даже толком покорчиться, не затолкав своих мирно спящих товарищей. Тогда я еще не умел умственно изгонять или приглушать боль, к тому же мне пока не была известна природа столь сильных ощущений. В паре это неумение и незнание подарили мне час жестоких физических и моральных мучений. Боль пришлось терпеть, а дискомфорт от страха, что в организме случилось нечто серьезное, переживать в себе. Но вдруг боль неожиданно – и мгновенно – прошла, и я еще несколько лет ломал голову: что это было?!

Надо сказать, пару лет до этого случая меня уже посетил аналогичный недуг: справа внизу сильно заболел живот. К счастью, я находился в очень цивилизованном месте – поселке Шортанды в Казахстане, работал летом в составе студенческого строительного отряда своего университета. Будучи человеком уже почти образованным, сам себе поставил диагноз: аппендицит. Сельский доктор не стал возражать столичному студенту, но инструментов не имел и отправил больного на «скорой помощи» в областной центр Целиноград с соответствующей запиской. Хирург Центральной городской больницы кореец Цой вколлот мне местный наркоз и аппендикс аккуратно вырезал. Правда, над столом врачи как-то слишком долго совещались и были чем-то явно смущены. Чем совещание закончилось, не помню, поскольку непосредственно под ножом я благополучно уснул. Когда проснулся, отрезанный кусок кишки в банке мне почему-то не показали, хотя такой обычай в больнице определенно был: прооперированному больному приносили его воспаленный, но уже заспиртованный аппендикс и говорили: вот какая гадость была у тебя внутри. Меня этого удовольствия почему-то лишили, и это посеяло во мне великие сомнения в верности диагноза. Впрочем тогда все быстро выветрилось из молодой легкомысленной головы, и только через пять лет, ранней весной 1976 года, выяснилось, что все эти боли вызваны кристалликами, образующимися в застуженных пещерным экс-

тримом внутренностях. Кристаллики имели острые грани и сдвигаясь в организме, кололи мягкие ткани. Вот и болело – и в Казахстане, и тогда на склонах Кацырхи. В более поздние времена случались приступы и похуже, но, к счастью, такого никогда не было под землей или, не дай Бог, за сифоном. Во всяком случае, вот уже тридцать три года я хожу без аппендикса и благодарен доктору Цюю за филигранно выполненную работу: шов длиной десять сантиметров практически не заметен. Как косметический получился.

Собственно, в этом, видимо, и крылась загадка вчерашней легкости. От большой динамической нагрузки камешек внутри сдвинулся и перестал давить на что-то важное, управляющее усталостью. Отсюда и эйфория.

Как бы там ни было, но с утра дела пошли как нельзя лучше. Мы плотно позавтракали и двинулись в путь. Вскоре лес расступился, и вдали замаячили белые скалы Гагрского хребта. Из них особо выделялась живописная скала Монастырь, похожая на пирамиду, но разрубленную с макушки до основания. В срезе отчетливо прослеживались многочисленные трещины напластования, причудливо изогнутые древними процессами горообразования. Я искренне пожалел, что с нами нет моего друга Урбана, здесь бы он нашел не одну тему о последствиях разлива юрских морей!

К вечеру наша тройца забралась высоко на альпику, и в падающей мгле мы не без труда отыскивали ровнейшую площадку, заросшую травой. Основное впечатление от ландшафта – безумное количество самых разнообразных цветов. Будь я ботаником, насобираю бы целый гербарий. К тому же, по-моему, эти цветы – вкусные и полезные, поскольку коровы и козы, которые летом всегда здесь пасутся, с удовольствием их едят. Рек и ручьев здесь уже не было, но местами лежал снег, вполне подошедший для чая, который мы без потерь приготовили на примусе «Шмель».

На разведку пещер у нас остался всего один следующий день. И именно в этот день не повезло: на горы сел густой белый туман. Совершать сквозь него дальние выходы было нарушением всех правил безопасности, поэтому мы сделали всего один маршрут на ближайшее карровое плато. Это была наклонная плоскость в сотни метров длиной и шириной, испещренная трещинами и провалами. Однако все они были почти до верха забиты снежными пробками. В какие-то из провалов еще можно было забраться по щели между известняковой стенкой и снегом, но вскоре рантклюфт затыкался. Снег в тумане интенсивно таял, и текущие за шиворот ручейки ледяной воды вскоре притушили желание забраться в очередную узкую щель. Да и не было там очевидных пропастей!

Проскитавшись по туманным каррам несколько часов, мы вернулись в лагерь, заночевали и быстро ушли обратно к Псоу. Там на дороге уже безошибочно отловили лесовоз, груженный всего тремя, но огромными бревнами. Водитель, втиснув наши иссохшие тела в кабину и, видимо, сочувствуя, осведомился, сколько же нам платят за такую собачью работу: искать пещеры. Сказать, что мы гоняем по горам за свои кровные, язык не повернулся, и я соврал, что получаем по двести рублей в месяц. Шеф только усмехнулся в свои густые кавказские усы и денег за проезд брать с нас не стал.

Мы вернулись на Дзыхру и вскоре покинули ее в кузове того же геологического грузовика под проливным дождем. Спускаясь по крутому серпантину, слышали, как в ущелье начинает kloкотать очередной бурный поток, стремящийся с грохотом рухнуть в Пасть Дракона.

Сразу же после Дзыхры мы перебрались через Грачев перевал на Черногорье, на плато с названием «Спящий Черкес». Пробыли там неделю, и ничего не нашли. Так что можно было и не упоминать, но там в очередной раз сработал могучий и тайный механизм удивительных совпадений, с заведомой регулярностью появляющихся в моей жизни.

По дороге к Грачеву перевалу мы шли под бесконечным ливнем, мокрые до последней нитки. Шли уже вторые сутки. Наступала ночь, но ставить палатки на крутом и скользком склоне в совершенно сыром лесу не представлялось ни разумным, ни возможным. Тропа – а мы шли по известной тропе – тупо вела вверх, и конца ей не было видно. Мне не хотелось чавкать по грязи, и я двигался чуть в стороне, по траве и павшей листве. Это было несколько трудней, но чище. Весь усталый караван, состоящий из десятка понурых спелеологов и такого же количества тридцатипятикилограммовых рюкзаков, накрыла какая-то безысходность. Чтобы ей не поддаваться, я, хотя и уважаю помучиться, все же принялся страстно желать комфортного отдыха.

И ведь сработало! У подножия большого каштана в уже упавших сумерках я чудом разглядел аккуратно стоящую закрытую пробкой стеклянную бутылку. Она было до верха заполнена дизельным топливом – соляркой. Совершенно не понимая, зачем я это делаю, я прихватил бутылку с собой и поплелся дальше. И через несколько минут наткнулся на прекрасный балаган – легкий домик из каштановой щепы на буковом каркасе. Я заглянул внутрь: вдоль стен протянулись удобные нары, в центре стояла железная печь-буржуйка, рядом – наколотые дрова. Притом чисто и сухо. То есть страстно желаемого комфорта – хоть отбавляй. Из людей – никого. И тишина. Вот и думай тут о разных силах природы. Тем более, что с тропы балаган не просматривался, и мне пришлось, оставив рюкзак, сбегать за своими товарищами.

Только много лет спустя я осознал, что сезон четырех экспедиций 1973 года был ключевым в моей спелеологической биографии. Раскопки в пятом завале Снежной, чудесное спасение Саша Муранова, милые пещеры тихой, но коварной Дзыхры, длинные походы и бесплодный поиск на Кацырхе, на Черногорье – все это сложилось в один логичный сюжет.

За десять лет, прошедшие со дня моей первой экспедиции, спелеология органически вошла в мою жизнь, и я уже не мог представить ее себе без пещер, без скитаний в известняковых горах. Я вдруг понял, что горы стали моими учителями и близкими друзьями. Именно тогда впервые появилось подсознательное ощущение, что эти горы – живые. Они долго прислушиваются, присматриваются, выясняют, на что ты способен, кто ты есть на самом деле, – по сердцу и уму, а не по одежке и речам. Они понемногу учат быть не злым, не жадным, не завистливым, а главное – неторопливым и терпеливым. На это учение уходит много лет. И только потом, если из тебя выходит что-то дельное, наступает вторая фаза отношений: они начинают тебя любить, как любишь их ты. Не себя в горах, а горы в себе. Тогда они твои друзья и союзники навсегда. Они предупреждают об опасности, помогают в трудную минуту, доставляют радость и покой. Только нужно быть внимательным и аккуратным, понимать язык их знаков и, что очень важно ни в коем случае не превращать путешествие в военную атаку, во взятие рекорда любой ценой. Это может кончиться плохо, потому что пещерные горы также сильны и слабы, как люди. Про другие горы – не знаю, пусть расскажут другие...

И еще одно дзыхринское совпадение, растянувшееся на много лет. По возвращении в Москву Невский сказал мне: «1 августа, когда мы были на Дзыхре, у меня родилась дочь Анжела». Прошло ровно двадцать лет, и 1 августа 1993 года в спелеологической экспедиции Анжела Невская достала из своего рюкзака и красиво разложила в своей походной миске двадцать шоколадных батончиков – это был подарок всем, в том числе и мне, в ее день рождения. Хотите – верьте, хотите – нет, но произошло это именно на Дзыхре. Никто специально не подгадывал.

АРАБИКА, СРЕДОТОЧИЕ МИРА

Если читатель помнит, моя спелеологическая карьера – так я называю исследование по-настоящему новых пещер – началась в Крыму на Караби-яйле летом 1963 года. Потом я много раз бывал на Караби: в международной экспедиции с болгарами в 1965 году, потом со спелеошколой МГУ в 1970 и 1971 годах, в пещере Солдатской в 1972 году, заезжал и позже. Любил Караби и часто бывал там. Это привело к очередному замечательному совпадению. Если часто и быстро говорить слово «Караби», то получится:

Ка-ра-би-ка-ра-би-к-Ара-би-ка.

Вы понимаете?! «Арабика» получается. Мистика и все тут.

Про Арабику, конечно, знали. Тамаз Кикнадзе про нее книжку написал, пещера Вахушти Багратиони глубокая (но не очень) в начале 60-х там обнаружилась, и вообще – отдаленный, таинственный высокогорный карстовый район. Предсказание Мартеля о самой глубокой шахте мира на Арабике тоже помнили.

Начиная с 1964 года и позже в 60-х, несколько групп прошли по следам грузинских спелеологов. Однако ни москвичам во главе с Илюхиным, ни красноярцам, ни другим группам ничего такого обнаружить не удалось. Да и не удивительно: зима снежная, лето холодное, снегу во всех дырах по самое горлышко. Только и сделали, что пометили эти самые горловины.

В 1978 году я вместе с группой студентов Симферопольского университета, путешествующих под руководством Виктора Николаевича Дублянского, впервые попал на Арабику. Пещер тоже не нашли, но остался в памяти огромный карстовый цирк напротив самой горы; видел я его издалека, но очень он мне понравился, прямо в душу запал.

Спелеологическая революция и «тайная вечеря»

В 1979–1980 годах произошла великая спелеодемократическая революция. Илюхина как диктатора, зажимающего талантливую молодежь и не пускающего жаждущие массы в естественные подземные полости, чиновничья власть довольно невежливо попросила уйти с поста председателя Центральной комиссии спелеотуризма. Заодно попросили прихватить с собой всю его команду «ужасных бюрократов» и «бездельников».

Причем это была не планируемая «сверху» смена поколений и их руководителей, что, вообще говоря, для того времени было бы явлением нормальным. В данном случае люди, проводившие в спелеологии политику, аналогичную централизованной и жесткой политике государства, категорически заменялись на людей по сути того же возраста, но активно проповедовавших идеи демократического, а не «строеного» развития спелеологии в стране.

И спелеология, в самом деле, скоро стала очень даже демократичной. Многим молодым и не очень молодым людям, не прошедшим специальной подготовки в школах спелеологов, но посещавших пещеры, как тогда говорили «неформально», был официально зачтен их спелеологический опыт, а некоторым даже присвоено звание инструкторов. Число официально зарегистрированных спелеотуристов, так сказать, резко возросло, и чиновники из Центрального Совета по туризму имели все основания довольно потирать руки: в отчетах теперь фигурировали тысячи молодых людей, охваченных их неусыпной заботой и вовлеченных в полезное дело их тяжкими усилиями.

И действительно, было такое чувство, будто над страной (по крайней мере, пещерной) вдруг зареяла заря свободы.

Кроме широко известных «неформальных» спелеологов, открывших и исследовавших рекордное продолжение Снежной Саши Морозова, Даниила Усикова, Тани Немченко,

в спелеологических кругах громко зазвучали новые имена. Виктор Блинов нашел на северокавказском массиве Фишт пещеру Парящая Птица, Евгений Стародубов активно организовывал молодежные экспедиции, Евгений Снетков создал новый московский клуб, опытный уже спелеолог Женя Вайдоков уже тогда начал примеряться к пещерным сифонам. В сотни пещер по всей стране устремилось множество экспедиций, с легкостью выпущенные обновленными маршрутными комиссиями. В спелеологии, наконец, были введены спортивные разряды, чтобы добрым молодцам и красным девицам было за что бороться в тесных шкуродерах и под водопадами. Даже один (если не ошибаюсь) мастер спорта спелеолог появился – руководитель Томского клуба спелеотуризма Вячеслав Чуйков, впрочем, вполне заслуженный ветеран из старшего поколения.

К сожалению, в экспедициях и пещерах участились и несчастные случаи. Самым ярким печальным событием тех времен явилась гибель Саши Морозова и двух его товарищей на подступах в пропасти Снежная зимой 1985 года.

Они уехали на Бзыбский хребет и внезапно пропали. Многодневные поиски не дали результата, и только весной, когда снег частично уже сошел, их тела были обнаружены неподалеку от входа в пещеру. Предположительно, они попали в лавину.

Другой спелеолог стал спускаться скалолазанием в пещеру Малый Провал в Новом Афоне и сорвался. Невосстановимая травма позвоночника, инвалидность.

Вначале эти драмы и трагедии воспринимались очень остро, прямо-таки болезненно. Старые спелеологи, может быть, не слишком лелеяли собственное здоровье, но трепетно относились к жизни друг друга. Потом чувства притупились, потери стали восприниматься как норма, цена жизни упала. Приучает к этому демократия. Нынче уже ни у кого в России не вызывает чрезмерного нервного расстройства заказное убийство или тем более гибель в дорожно-транспортном

происшествии. Я уж не говорю о солдатах, павших в горячих точках или о сотнях погибших заложниках террористов. Попривыкли.

Кстати сказать, уже в самом начале спелеологической революции 1979–1980 годов мне стало абсолютно ясно, что наступает конец и всего коммунистического социализма. Спелеологическая общественность в этом смысле сыграла роль передовой части общества, и я горд, что принадлежу к этой части по сию пору. Хотя в те времена был скорее на стороне консерваторов, а отнюдь не революционеров. Но ведь все равно спелеолог.

И еще одно своего рода политическое наблюдение. Спелеологическая революция, как через десять лет и демократическая – в стране, была «мягкой», как потом говорили «бархатной». В спелеологии после революции диктатура не наступила, хотя новый сильный лидер мог бы занять место предыдущего – Володи Илюхина. Но этого не произошло. Я думаю, что это был неплохой знак, а возможно, что и незамеченный пример, пилотный проект будущего невозникновения сильной власти и в политической жизни страны. По крайней мере, прошедшие годы со дня изменения социального строя в России позволяют на это надеяться. Пока.

Я, естественно, вылетел из Центральной комиссии спелеотуризма вместе с Илюхиным. Однако, в отличие от него, воспринимавшего происшедшее как глубокую личную драму, несколько не расстраивался. Никогда терпеть не мог скучных заседаний, постановлений–решений, бесплодной чиновничьей суеты ни в туризме, ни в университетской жизни, которой отдался тоже самоотверженно, как пещерам. Поэтому в университете держался подальше от начальства и высших партийных органов, еще имевших определенную – и немалую силу. Освобождение же от еженедельных вечерних бдений в здании Центрального совета по туризму на Озерковской набережной воспринял с восторгом: теперь бу-

дем ездить в поисковые экспедиции за свои деньги. Тогда это стоило совсем не дорого.

Но мы тут же встретились с трудностями. В январе 1980 года, когда стало ясно, что туристическое начальство нас «кинуло», или, говоря цивилизованным языком, попросту предало. Илюхин собрал бывшую Центральную спелеокомиссию в центре Москвы дома у Равиля Сайфи, одного из старейших спелеологов отечества, за что он прозывался (и прозывается поныне) «Папа Рауль».

Интеллигентнейший Папа заварил крепкого чаю и рассадил всех вокруг стола в своей маленькой комнатке в коммунальной квартире на Суворовском бульваре. На чай собрались основные ветераны бывшей Московской городской спелеологической секции: Олег Падалко, Женя Мухин, Валерий Фурман, Андрей М. Петров, Валентина Касицкая. Не обошлось и без моей персоны.

Были заданы вечные вопросы: «что делать?» и «кто виноват?». Точнее, в обратном порядке. Как всегда, выяснилось, что среди присутствующих виноватых нет, а проблема последующих действий преобразовалась в формулировку: «куда ехать?». Имелось в виду – ближайшим летом. Илюхин прямо-таки горел желанием быстро совершить какое-нибудь резкое действие, чтобы продемонстрировать всему миру: он не сломлен, он в полной силе! Он не любил и не умел проигрывать, нужен был хоть какой-то реванш. Я же, наоборот, считал случившееся не проигрышем, а освобождением от не очень понятных и нужных рутинных дел. Поэтому предложил предварить обсуждение маршрута совещанием организационного порядка: нужно создать наш собственный клуб. Пусть он будет не центральным, но сильным, известным, с новыми спелеошколами и обязательно с новыми, нами открытыми замечательными пещерами.

Это предложение было воспринято как утопия: нет помещения, некому все организовывать. Все посмотрели на Илюхина, но он тоже не продемонстрировал энтузиазма. Со-

гласился лишь с тем, что сейчас, как никогда, нужен новый хороший карстовый район, желательно с новыми пещерами. И тут же предложил организовать еще одну экспедицию на Черногорье с тем комментарием, что пусть там семь лет назад не нашли пещер, но вероятность все же не равна нулю.

Я тут же вспомнил плато Спящий черкес, его отвесные стены, воронки по сто метров в диаметре, густую траву и непроходимую лавровишню. Еще вспомнились сомнительного качества известняки, а самое главное то, что высота всего массива не превышает тысячу шестьсот метров над уровнем моря. Ну, какие там могут быть великие пещеры?!

Как мог, я попытался отговорить товарищей от этой грустной затеи. И предложил поехать на Арабику. Вначале Илюхин недоуменно пожимал плечами, мол, там тоже 16 лет назад были и ничего не нашли. Потом, видимо, ему вспомнилась зеленая альпика, чистые белые скалы, широта горизонтов – и вопрос был решен. Мы поедем на Арабику. Илюхин вдруг резко загорелся идеей и тут же вспомнил, что давно не видел своих грузинских друзей во главе с Тамазом Кикнадзе, который много лет посвятил изучению этого карстового региона. Так что экспедиция наметилась как совместная с Тбилисским институтом имени Вахушти, тем более что грузинские коллеги, в известном смысле «местные и свои», могли посодействовать в организации глубокого поиска в новом и труднодоступном районе.

Три события в Москве 1980 года

Летом 1980 года произошло несколько знаменательных событий. Одни были замечены мировой общественностью, другие – только отечественной. О третьих знали единицы. Но по порядку.

Самое известное событие было в какой-то мере даже праздничным. Дело в том, что в 1960 году руководитель партии и правительства Н.С. Хрущев неосмотрительно пообещал

шал народу пришествие коммунизма через двадцать лет. В назначенный срок коммунизм почему-то не наступил, и тогда вместо этого в Москве организовали Олимпийские игры. Чтобы хоть как-то сгладить неловкость и продемонстрировать фрагменты светлого будущего, московские магазины завалили «дефицитом» – дешевой едой и шмотками. Но чтобы за всем этим счастьем не начали ломиться трудящиеся с ярославских электричек, иногородних в Москву пускать перестали. Закрыли границу в родную столицу. Заодно уж выселили за сто первый километр всех учтенных легкомысленных дамочек; сквозь строгий кордон обратно прорвались многие. Сельские парни, ясно, обрадовались этому факту, а вот иностранцы, наоборот, видимо, не оценили, так что некоторые промышленно развитые страны эти московские игры напрочь проигнорировали. Хотя, конечно, по официальной версии поводом бойкота послужила военная операция СССР в Афганистане. Но народ-то не обманешь!

Кстати, это самое известное событие очень скоро все забыли – и на родине, и во всем мире.

Второе событие – отечественного масштаба – было, наоборот, самым что ни на есть печальным. Умер Владимир Высоцкий. Суперпоэт, редкий певец и музыкант, блестящий артист, бесшабашная душа. Умер официально непризнанным, отчего, говорят, страдал. Но напрасно, не стоило мучаться по официозу. Вот уж больше двадцати лет прошло со дня его смерти, а на могиле в Ваганьково всегда гора живых цветов. Несут цветы люди, любят, знают. Может быть, со временем он даже классиком поэзии станет, хотя вряд ли скоро. Сегодня высокий штиль, красота и чуткость слога все быстрее съезжают в яму простецкий, как говорят, поп-культуры. Нынче ведь что главное? Чтоб понятно было, «о чем базар». А как и какие ты слова произносишь – этого уж и различать некогда. Да и оценить не сможем, слишком много нас, бедных, стало, всех не научишь

Те, кто любит Высоцкого, день его смерти не забывают. Хотя, что и правильно, предпочитают отмечать день рождения.

Но если два первых события были примерно равного вселенского масштаба, то третье оказалось прямо-таки мизерным. Оно было крайне спелеологическим, исключительно личным, притом моим. И произошло прямо перед началом экспедиции на Арабику.

Мне приснилась пещера. В затуманенном сне сознании вдруг явственно проявился большой скальный цирк, поперек его белая стена, за ней – высокая пирамидальная гора, а в стене – темный треугольный вход. Потом были невнятные движения, переходы – и, наконец, вода. Она заполняла глубокую черную бездну и маятником кольхалась всей поверхностью вверх–вниз, будто перетекала из видимого объема в другой, невидимый, потом обратно. Движение завораживало, увлекало, усыпляло. Но так как по факту я и без того спал, минус на минус, видимо, дал плюс, и наступило пробуждение. Было утро 8 июля 1980 года, когда я понял, что видел во сне Арабику и тот цирк, который запал в душу в походе с Дублянским и его практикантами.

Это истинная правда. С тех пор я не забывал об этом событии никогда. Ни на один день.

Лошади на перевале

Экспедиция на Арабику собралась небольшая, но представительная. Кроме Илюхина и меня поехали Олег Падалко (Рекс), Коля Невский, Валентина Касицкая и Надежда Игнатова, известная также под именем «Баронесса», поскольку ее муж Саша Игнатов, тоже спелеолог и ученик Рекса, как уже отмечалось выше, имел кличку «Барон». Еще поехал самый старший участник – приятель Илюхина Никита Сосфенов, жизнерадостный человек с большими мюнхгаузе-

новскими усами. К тому времени ему исполнилось пятьдесят лет, и он казался древним.

С группой тбилисцев Илюхин обусловил встречу в Абхазии, у моста по которому шоссе Новороссийск–Батуми пересекает речку Хошупсе, в поселке Гантиади. В назначенный день и час московский отряд, груженный тяжелыми рюкзаками, был на месте. Однако встречная группа не появилась. Илюхин бегал звонить, что-то узнавать. Группа Кикнадзе задерживалась...

Хотя продуктов у нас было в обрез, мы решили не терять время и подниматься на Арабику по двухгодичной давности пути Дублянского. Доехали на автобусе до Ачмарды, потом прошли по ущелью Сандрипша и по крутой лесной дороге поднялись до летника Гелгелук. Даже лагерь поставили на той же козьей поляне, что два года назад. Несмотря на значительное расстояние – больше тридцати километров и почти двухкилометровую высоту подъема, весь этот маршрут проделали за один день без большого труда: путешественники были тренированы и пока еще относительно молоды.

Чудесный вид горной страны – привершинной части Гагрского хребта – буквально покорила всю команду. Белые скалы, крутые склоны, висячие долины и многочисленные карстовые воронки являли, с одной стороны, – как дивный пейзаж – отдых для глаза и души, а с другой, – как геологические проявления – сулили надежду великих открытий. Козье молоко, которое совершенно бескорыстно стали приносить детишки из Гелгелука, еще более повысили настроение. Однако нужно было начинать поиск.

У Илюхина была хорошая пятисотметровая карта местности, кроме того, еще и подробная фотосъемка этой части Кавказа, сделанная с самолета в хорошую погоду. Секретные военные материалы в частном пользовании. Как они ему достались, можно было только догадываться. Вероятнее всего, купил. В те строгие времена копию почти любой карты

можно было купить в клубах туристов у людей, делавших на этом скромный бизнес.

Первый маршрут проложили по карте в сторону хребта Берчиля. По тропе прошли мимо летника Ортобалаган и поднялись на Кушонский перевал, чтобы обозреть местность с высокой точки. Стояла ясная погода, в прозрачном воздухе горная страна лежала как на ладони.

Южный склон Берчиля очевидного интереса не представлял: почти ровной наклонной плоскостью он протянулся далеко вниз, вода с него стекала, не задерживаясь, карстовые воронки не встречались. Входов в пещеры на таком «столе» ожидать не приходилось. Совсем другая картина открывалась на северном склоне, который плавно опускался в длинную и пологую долину. Даже с первого взгляда было ясно, что долина прямо-таки изобилует карстовыми проявлениями и к тому же является обширным водосбором без очевидного поверхностного стока. Талые и дождевые воды могли уходить из нее в море единственно через систему подземных каналов, и это место сразу приглянулось Илюхину. Он достал бинокль и долго рассматривал холмы и впадины, белые известняковые гребни и самые крупные воронки. Через некоторое время сказал, что там наверняка есть входы в пещеры, и еще, что он видит в долине коз, коров и другие шевелящиеся объекты, на них не похоже.

И только я высказал свежую мысль, что это могут быть потерявшиеся тбилисцы, как за нашими спинами раздалось лошадиное ржание. Мы обернулись и увидели, что по тропе, поднимающейся из поселка Гюзле, на перевал бредет небольшой караван из четырех человек и двух лошадей. Мы вспомнили о спелеологах из Грузии вовремя – это шли именно они, но с другой, вообще-то неожиданной стороны.

Впереди шествовал веселый плотный человек среднего роста и такого же возраста – Тамаз Захарьевич Кикнадзе, директор Института имени Вахушти Багратиони, доктор геолого-минералогических наук, знаток карста Арабики. За ним

двигался лысоватый мужчина с усами, видом постарше и по-серьезней. Друг и коллега Тамаза – Резо Раквиашвили, старый тбилисский спелеолог. Третьим был сын Тамаза, живой и смысленный юноша; четвертым – хозяин лошадей и проводник из Гюзле. Лошади везли вещи тбилисской группы, а также большое количество вкусной еды. Жизнь экспедиции определенно налаживалась.

Все страшно обрадовались этой неожиданной встрече, перезнакомились. Тамаз, сверкая в улыбке белоснежными зубами, сказал, что чуть-чуть не нанял в Ачмарде грузовик, поскольку узнал, что местный молодой шофер Сумбат, уже загонял «ГАЗ-66» на этот перевал. Мы с сомнением посмотрели на тропу, ведущую снизу, и заметили, что она, действительно, уже не совсем тропа, но почти дорога, прорубленная поперек склона, хотя и подзаросшая травой. Эта «трасса» заканчивалась на перевале, ниже, в сторону Гелгелука, вилась узенькая тропка, битая копытами лошадей и коз. Так что дальше машина все равно бы не прошла, и лошади были правильным транспортным средством.

За беседой спустились с перевала к домикам Ортобалагана, где остановились отдохнуть и попить мацони. Потом наша команда решила сбегать в карстовую долину, где было замечено нештатное шевеление. От летника до небольшой естественной плотинки, преграждавшей долину, добежали минут за двадцать и увидели... спелеологов! Да, это были настоящие исследователи пещер из Киева, небольшая группа, которую привел сюда наш старый знакомый Валерий Рогожников. Всего три года назад мы вместе работали на Кырк-тау в глубочайшей пещере Киевская, или КИЛСИ. Рогожников встретил нас на плотинке, в лагере, и сказал, что украинским спелеологам удалось расширить ход в известной уже много лет вертикальной пещере Куйбышевская. Пещера была названа так в честь первооткрывателей из города с аналогичным советским названием, хотя настоящее его название «Самара». В результате прохождения этого хода пещера углуби-

лась больше чем на сто метров, и киевляне с этого года «сдятся» на нее и будут исследовать до тех пор, пока хватит времени, сил и желания. Ввиду определенно имелись не пара недель нынешнего сезона, а предстоящие десятилетия.

Мы подошли ко входу и, прямо скажем, вначале были несколько разочарованы его скромностью. Небольшая круглая дырка диаметром как раз в размер туловища спелеолога средней упитанности. Невзрачная такая дырочка. Но из нее дул ветер, и какой! Как будто там, под землей, работал мощный авиационный компрессор или же, свихнувшись в сырых меандрах, хмурый Плутон уподобился буйному Посейдону. Киевляне были очевидно горды таким входом и своим достижением в пещере, но намеревались также найти новые пропасти, и в этой долине Ортобалагана, и вообще на Арабике.

Нам ничего не оставалось, как пожелать им успеха и удалиться, с завистью поглядывая на довольные лица, многообещающий вход и богатые хорошим карстом окрестности.

На одном из окрестных холмов мы наткнулись на широкий нивальный колодец с отвесными краями. Когда подошли ближе, снизу вылетела стая темных птиц, похожих на ворон. Скорее всего, это были галки. Тамаз сказал: «Это пещера имени Александра Крубера. Неглубокая, продолжения нет». Я сразу же вспомнил другую знаменитую пещеру Крубера на Караби, одну из первых в моей жизни, и подумал, что вполне логично быть двум пещерам, названным по имени этого неугомонного человека. Даже старика Мартеля из уютной Франции он умудрился вытащить в эти дикие места.

Тбилиссцам наш лагерь понравился. Они поставили свою палатку и по вечерам с наслаждением вспоминали свои арабские экспедиции почти двадцатилетней давности. Илюхин провел вечер наедине с картой местности и наутро предложил сделать дневной выход в район, который теоретически в смысле пещер выглядел очень перспективно. Прямо из летника в направлении этого района вела длинная тро-

па, вверх по диагонали подсекающая склон высокого северного хребта. «Каменный Клад», – сказал про этот хребет Илюхин, – «там посередине много висячих карстовых долин». В этот заманчивый район направлялась тройка Илюхин, Падалко и Ефремов. Все остальные желающие отправились побродить в ближайших к лагерю отрогах хребта Берчиль.

Почти два часа тройка «дальнобойщиков» обивала ботинки о каменистую тропу, которой, казалось, не было конца. По местным слухам, тропа все же заканчивалась высоко в горах у летника под названием Белый Ключ. Наконец, Каменный Клад раскрылся широкой долиной. Тропа уходила в сторону, и мы пошли непосредственно по проявлениям поверхностного карста: каррам, воронкам, трогам и ригелям. Последние два термина обозначали мелкие долинки местного значения, а также перегораживающие их естественные плотины. Именно за такими перегорodkaми зимой скапливаются большие массы снега, которые в весенне-летний период должны интенсивно таять, порождая потоки карстово-агрессивной влаги. Поскольку поверхностный сток прегражден плотиной, талой воде не остается ничего иного, как просачиваться по трещинам сквозь скалы, образуя подземные полости. Однако эта замечательная теория в данном случае практикой не подтверждалась: в карстовых воронках не наблюдалось не только крупных, но вообще никаких полостей, а за ригелями, как правило, обнаруживались обширные снежные поля. Пещеры там, наверное, были, но абсолютно не доступные. Бесплодно побродив среди снегов, камней и травы, мы вернулись обратно. Другие группы тоже вернулись ни с чем.

Мы сидели у вечернего костра, отдыхали и вели неторопливую беседу о том, как скупа природа на великие пещеры, как трудно сделать новое открытие. Ближайшие и даже некоторые отдаленные районы вокруг нашего лагеря не дали абсолютно ничего. Всего одно направление оставалось не

пройденным – от лагеря вдоль ущелья на восток, прямо к Арабике. Илюхин был там шестнадцать лет тому назад и ничего толком сказать не мог, только что снега было много. Но лично я ожидал завтрашнего дня с огромным нетерпением. Сильнейшее предчувствие, почти уверенность в том, что нас ждет великое открытие, переполняли все мое существо.

Явление бездны

Узкая козья тропа, множась на широких склонах и вновь соединяясь в теснинах, вела нас все выше и выше. Длинный «тягун», начавшийся почти от лагеря, сменился крутьями и высокими уступами – «взлетами», метров по пятьдесят каждый. Но, несмотря на сбитые ноги и легкую одышку, прозрачное солнечное утро, ощущение здоровья, силы и полноты жизни создавали праздничное настроение. Только знамен и оркестра не хватало, а то бы – чистая демонстрация.

Слева возвышался длинный травянистый склон Каменного Клада, перерезанный камнепадными кулуарами и далеко впереди переходящий в отвесные скалы. Правая, более низкая стена ущелья временами прерывалась долинными моренами, но впереди тоже становилась высокой и крутой. Эти возвышения образовывали что-то похожее на ворота, сквозь которые нам предстояло вскоре пройти. И как порог у двери, впереди преграждал нам путь перевал, к которому с неизбежностью вела козья тропа.

В самой долине нам уже встретились глубокие расщелины и карстовые воронки, но, как и все остальные, они были забиты снегом. Зато, когда мы прошли «ворота» и поднялись на перевал, перед нами раскрылась необычайная картина.

Это был, наверное, самый гармоничный горный пейзаж в мире. В центре, чуть ниже перевала, лежало небольшое почти квадратное плато. С запада на восток по его безлесной травяной поверхности протянулись белые гряды известняковых пластов. Перпендикулярно, с севера на юг плато пере-

черкивали глубокие следы тектонических трещин, так что в целом получались почти шахматные клетки, только вместо расцветки на черное и белое они различались впадинами и возвышениями – очевидными результатами интенсивных карстовых процессов. По облику плато очень напоминало незабвенную Караби-яйлу, только в десятки раз миниатюрнее.

Но на этом сходство кончалось. По четырем углам плато как суровые стражи стояли четыре великолепные горы: с северной стороны – скалистые безымянные вершины, с южной – гора, по форме похожая на египетскую пирамиду, и громадная великолепная Арабика. Вершину царицы, как и два года назад, венчала триангуляционная вышка, ажурно-прозрачная на фоне ярко-синего неба.

Между гор в три стороны света вели с плато вниз три глубокие долины: по первой – западной – долине мы пришли из Гелгелука, вторая уходила на восток в сторону реки Геги, третья падала прямо к морю. На карте вдоль этой почти южной долины было написано «Жове Квара» – по названию реки, протекавшей прямо через Гагру.

Но вид четвертой стороны света – северной – вызвал у меня сильнейшее душевное волнение. Над северной стороной плато от подножия одной безымянной вершины к подножию другой протянулась наклонная стена, высотой почти в сто метров, «выложенная» идеально белым массивным известняком и испещренная по всей поверхности бороздами карровых морщин. А еще дальше на север за этой стеной высоко в небо поднималась скалистая подкова грандиозного карстового цирка, того самого, что мы видели со студентами Дублянского два года назад с далеких отрогов Берчиля.

Вблизи цирк оказался еще более впечатляющим. Его лишенная растительности искривленная поверхность занимала полнеба. Острые пики самого гребня уходили крутыми склонами вниз, прерываясь темными линиями трещин, ребрами пластов и зеркалами гладких, почти отвесных обнажений. Ниже простирались длинные ровные плоскости глыбо-

вых и щебеночных осыпей. Еще ниже склоны выполаживались, искривлялись впадинами и горбами и вдруг трансформировались в огромное, необъятное круглое корыто, дно которого, усеянное воронками и глыбами, оказывалось существенно ниже северной стены плато. Так что стена являлась ничем иным, как плотиной, преграждавшей путь снежным лавинам и талым водам, дружно сбегавшим с крутых склонов огромного цирка, в самый центр которого с утра и до вечера ярко светило горячее южное солнце.

Как замороженные, мы стояли на перевале Гелгелукской долины, наблюдая этот суперсимметричный и такой многообещающий карстовый пейзаж. Потом мои товарищи разбрелись по плато в поисках входов, а я опрометью бросился на плотину-ригель – именно она явилась мне во сне дома, в Москве, 8 июля, я ее сразу узнал!

По диагонали я рванул по склону белой стены; на пути мне попала большая дыра с отвесными краями и со снегом внизу, но я даже не остановился, – это был не тот вход. По гребню плотины я добежал до ее середины и на самом верху увидел широкий овальный провал. На дне его тоже лежал снег, но обращенный к югу внутренний отвес был свободен. И в нижней его части над снежником чернело отверстие, имеющее форму треугольника, поставленного на основание, заглавная греческая буква дельта. Этот был тот самый вход!

Не скажу, что меня обуял суеверный страх, но, если честно, было очень не по себе, когда, выбивая вибрамами ступеньки в снегу, я спускался к черному входу в подземелье. И все же, несмотря на вешее предсказание, больше всего не хотелось, чтобы дыра сразу заткнулась. Поэтому я спускался, как мог, медленно, дабы не спугнуть удачу.

Прямо под отвесом, непосредственно в рамке треугольной дельты под ногами оказался высокий уступ, метров шесть. Цепляясь голыми руками за обледенелые зацепки, я

его прошел и повернулся лицом к пещере. Яркий дневной свет проникал глубоко под землю и, отражаясь от снежного языка у меня под ногами, заполнял все пространство голубоватым сиянием. Все было отлично видно и без фонаря, который пока праздно болтался на веревочке у меня на груди. Впереди открылась просторная галерея, круто спускающаяся вниз. На полу – толстый слой снега, из которого местами торчали ледяные сталагмиты до метра высотой. Сразу вспомнилось мое первое подземное путешествие в подмосковные катакомбы семнадцать лет назад. Да, именно столько лет понадобилось для открытия «своей» большой пещеры. А в том, что это открытие происходит, я не сомневался. Через пятьдесят метров спуска по снежной трассе ход сузился, так что пришлось нагнуться и переступить через большую глыбу. Стало почти темно, и я включил фонарь.

Пока глаза привыкали к полумраку, ноги уже почувствовали, что снег кончился. Вниз уходила темная каменная осыпь, состоящая из известняковых глыб средних размеров. Я осторожно спустился по ней – всего метров двадцать – и оказался в небольшом зальчике, ровный пол которого был аккуратно залит льдом. Почему-то подумалось о коньках. Вокруг стояли причудливые ледяные изваяния, впрочем, довольно хрупкие. Легчайшее прикосновение приводило к тому, что какая-то часть их со звоном рассыпалась.

Тело, одетое только в шорты и ботинки, давно покрылось крупными мурашками, но зуд открытия гнал меня все глубже. Горизонтальный зал опять перешел в наклонную галерею, на полу громоздились крупные глыбы, замороженные в лед. Я аккуратно перелез через одну, вторую, на корточках прополз по третьей и с некоторым ужасом замер на месте. Всю ширину хода перекрывала круто падающая в темноту холодная и гладкая ледяная река. Луч фонаря добивал только до ближайшего перегиба, за которым ледник наверняка был еще круче. Ничего не стоило со свистом улететь в неведомую глубину, сделав всего один неосторожный шаг.

Было очень холодно, но я еще немного посидел на этой последней глыбе. Прислушивался к пещерной тишине. Она была бы абсолютной, если бы не редкие звуки капли, срывающейся с потолка на ледяные сталагмиты, шелест собственного дыхания и стук сердца. Подумалось, что все это – настоящие пещерные звуки. Но рева водопада или свиста ветра слышно не было.

При выходе из пещеры нестерпимый солнечный свет обжег глаза. Пришлось и здесь посидеть на траве, адаптироваться. Потом я поднялся на самый гребень плотины и позвал друзей-спелеологов, занятых поиском. Ближе всех оказались Невский и Касицкая. Потом подтянулись остальные. Все по очереди спустились до крутого ледника. Горным компасом, с которым не расставался, Илюхин измерил направление заложения пещеры. Получалось, что ход ведет на юго-запад, прямо к морю. Тамаз Кикнадзе, главный специалист по региону, неуклюже топтался в зальчике на льду мини-катка. С одной стороны, он очевидно мерз, с другой – был исполнен сомнений, ибо направление хода полости, как и вся роза трещиноватости массива, явно противоречили родной ему идее дренажа подземных вод на север, в реку Псоу, а не на юг, куда вела пещера. После глубокомысленного научного размышления и осторожного заглядывания за перегиб ледника Тамаз авторитетно заявил: «Это каменный мешок!». Обоснованием этого вывода послужило большое скопление льда, характерное для замкнутых наклонных вниз гротов, где круглый год скапливается особо холодный воздух.

Но все – даже наш дорогой Тамаз – уже чутьем поняли, что это настоящая большая пещера, и что не случайно, а вполне естественно она находится здесь, в очевидном центре обширной карстовой страны, на прекрасной высокогорной альпике со столь симметричным расположением гор и долин. Многие, если не поняли, то почувствовали, что это место теперь приобретет особое значение в их жизни. А, может быть, и смерти. И те события, которые последовали за открытием

этой пещеры, полностью подтвердили высшую справедливость тех давних предчувствий.

После первого успеха народ проникся дополнительным энтузиазмом и с новыми силами ринулся на поиск. Невский с Касицкой пошли на восточную сторону плато, тбилисцы и Надежда Игнатова – на юго-запад. А трое оставшихся – Илюхин, Падалко и я – решили воспользоваться хорошей погодой в совокупности с прозрачной атмосферой и поизучать окрестности плато визуально, но с использованием сильного бинокля и с высокой точки, в качестве которой был выбран гребень карстового цирка. Заодно хотелось пройтись по склону грандиозной чаши: не встретится ли и там случайный вход? Хотя вероятность такой находки была невелика: сверху по склону катились вниз все камни и, если жерло пещеры там и раскрывалось, то почти наверняка оно было забито снежно-каменной пробкой. К тому же две большие удачи в один день случаются редко.

Мы поднялись уже почти к самому гребню, как вдруг услышали оживленную беседу, звучали два голоса: мужской и женский. Обернувшись, заметили на нашей (уже нашей!) плотине две крошечные фигурки. Гиперболоид цирка собирал и концентрировал звук далеко идущих людей, почти отдельные слова можно было слышать. Это явно были не наши спелеологи. Посмотрев в бинокль, Илюхин признал старого знакомого Валерия Рогожникова из группы киевлян, работавших в долине Орто-Балагана. Рядом с Валерием шла незнакомая нам, но очень симпатичная девушка. Эта двойка являла собой дальнюю разведку киевлян, которые, как нам и обещали, старались провести поиск по всему району Арабики.

Рогожников и девушка шли с восточной стороны вдоль плотины прямо по ее верхней кромке. Еще минута, и они окажутся точно над входом в новую пещеру, из которой мы только что вылезли. Отсюда, с высокой горы, пещера прямо-таки зияет, не увидеть ее невозможно. Но около пе-

щеры нет никакого знака, символизирующего факт ее открытия, – ни надписи, ни даже сложенного из камешков тура. Только следы на снегу, которые никаким свидетельством быть не могут. Можно считать, что их уже нет, стерлись. Если сейчас киевляне увидят вход и поставят на нем свою марку и занесут его в свой каталог, то пещера будет зарегистрирована ими, а значит, приоритет открытия и первопрохождения останется за ними.

Было заметно, как заскучало лицо Илюхина. Это ж надо: такая необыкновенная удача – нашли отменную дыру, и тут же дикая неудача – сейчас пещеру присвоят себе другие. Мы не оставили надписей и туров у входа, совершенно не ожидая столь невероятного совпадения: чтобы одновременно с нами здесь оказалась еще одна поисковая группа.

А на этой пещере, в этом районе можно было бы так здорово раскрутить свой клуб, такой нужный после ухода из Центральной комиссии, провести столько новых школ, сделать такие рекорды! Мне было ужасно жаль Илюхина, да и себя самого вместе со всеми моими снами, предчувствиями и совпадениями! Как-то очень не захотелось, чтобы нашу пещеру открыли еще раз. Очень сильно не захотелось.

И киевляне прошли мимо. Не знаю, что сработало – усилие воли или присутствие прекрасной дамы. Помахивая компасом на веревочке, Рогожников шел справа от нее и прошагал совсем рядом, буквально в одном метре от воронки входа. Но смотрел он влево, на свою попутчицу, и что-то интересное ей рассказывал. Она, видимо, тоже была увлечена, и на карст не обращала внимания. Входа в пещеру они не заметили.

Мы облегченно вздохнули, а Рекс даже пошутил, что, мол, все беды от этих женщин* Как бы там ни было, один

* В Книге Экклезиаста (Библия, Ветхий Завет, 7, 23) написано: «... нашел я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, и руки ее – оковы. Добрый пред Богом спасается от нее, а грешник будет уловлен ею». Вот и думай тут, кто в нашем случае добрый, а кто – в силках.

замечательный объект для исследований в наличии был. Но этим дело не кончилось. Когда мы собрались на поляне у подножья плотины, выяснилось, что были еще находки. Тамаз с товарищами обнаружили вход в горизонтальную пещеру недалеко от южного ригеля плато перед долиной Жове Квара. В пещеру залезли метров на двадцать и остановились перед колодцем. Направление хода в сторону моря. Первооткрыватели тут же назвали пещеру «Надежда» – по двум причинам. Во-первых, она по всем параметрам должна быть гигантской пропастью, а во-вторых, настоящие кавказцы не могли оставить без внимания даму, участвовавшую в открытии, и ее имя как нельзя лучше новой пещере шло. Таким образом, в тот день женский фактор буйствовал вовсю.

Интересное открытие сделали и Невский с Касицкой. Они нашли вход тоже в горизонтальную пещеру прямо посередине плато, в самой его глубокой впадине. Но уже через пять метров оказались перед глубоким колодцем, куда, конечно, спуститься не смогли. Но у этой пещеры была замечательно тонкая «крыша» – пласт известняка, с одной стороны, являющийся потолком грота, с другой – собственно поверхностью земли, покрытой зеленой травкой. По внешнему впечатлению, толщина пласта была меньше метра. Невский, который колодец и нашел, загнал Касицкую в пещеру, а сам вылез на травяную площадку и топал ногами. Потом слезал вниз и кричал во вход: «Валь, слышно?». Валя отвечала, что не слышно, тогда Невский лез обратно и топал еще сильнее. Тем не менее, ни установить акустическую связь, ни провалить потолок так и не удалось. После этой истории за данной карстовой полостью установилось название «Колодец Невского».

Арабика подземная

Через день мы вернулись на плато, но уже вместе со всем базовым лагерем. Палатки установили на сравнительно ровной площадке рядом с Колодцем Невского. Дальнейший

поиск особых результатов не дал, нашли только старые марки на предполагаемых входах. На стене перед горизонтальным гротом красной краской было написано: «Москва, 1964». На камне около отвесной дыры со снегом, мимо которой я пробежал, поднимаясь на плотину, надпись была лаконичней: «М-1964». Все эти метки шестнадцать лет назад нанесли московские спелеологи из команды Илюхина, когда приехали сюда проверять глубину грузинского рекорда в пещере Вахушти. Но сам Володя этих надписей не помнил, говорил только, что тогда было гораздо больше снега. Еще нашлась одна тупиковая пещера-грот с очень широким и высоким входом, куда, по идее, мог бы въехать паровоз. Грот был очень полезным для жизни, ибо содержал внутри залежи нетающего снега. По этой причине он, безусловно, заслуживал имени собственного, каковое и получил: «Паровоз».

Тамаз с сыном сделали попытку подняться на вершину Арабики по острому и крутому ребру, спускающемуся прямо на юго-восточный угол плато. Но через час они вернулись: путь наверх преградил скальный отвес, и Тамаз решил не рисковать. Вскоре тбилисцы и Илюхин ушли к морю, у них было много других дел.

Оставшейся пятерке предстояло начать исследование новых пещер. Падалко с Игнатовой направились в Надежду, Невский, Касицкая и я пошли в пещеру на плотине, с собой взяли все свободные веревки.

Спуск по леднику мы доверили Валентине. Молодая учительница химии к тому времени необыкновенно преуспела в спелеологической технике и в путешествиях вообще. Она с легкостью ориентировалась по карте и компасу в самых трудных условиях, за день без усталости могла прошагать десятки километров по горам, но самое главное – что приводило в отчаяние многих мужчин – могла низко присесть и встать на одной ноге до семидесяти раз. При этом она оставалась стройной, женственной и имела замечательный дружелюбный характер.

На верху подземного ледника мы обвязали основной веревкой большую глыбу и организовали верхнюю страховку. Валентина вставила веревку в рогатку, пристегнула карабином конец страховки к грудной обвязке и начала спуск. С минуту ее налобный фонарь светился во мраке, потом был виден лишь его отблеск, потом стало темно. Но по звону льдин и скрипу веревки можно было понять, что Касицкая упорно идет вниз. Потом она крикнула: «Дошел!». И мужчина и женщина должны прокрикивать под землей однотипные команды, иначе не будет понятно, о чем речь.

Нам было понятно, что Валя добралась до конца ледника. Наступил критический момент. Если Кикнадзе прав, и это действительно каменный мешок, то мы об этом узнаем очень скоро. Но минута шла за минутой, а крика «Тупик!» или «Вира!» – мол, страхуйте, выхожу наверх – не было. И наконец раздалась долгожданная команда: «Свободно!» – то есть «Спускайтесь, пещера продолжается!». Уговаривать не пришлось. Мы по очереди спустились к подножью ледника, длину которого оценили метров в шестьдесят. Ледяная река заполняла дно довольно широкой галереи, наклоненной к уровню горизонта градусов на тридцать, только в одном месте, почти посредине, ледник перетекал через крутой трехметровый уступ.

Валентина ждала нас у конечной морены – нагромождения влажных темных глыб. Снега и льда здесь уже не было. Наклонный ход продолжался дальше, но теперь он сужался и заметно снижался, сначала пришлось нагнуться, потом даже ползти по-прежнему все ниже и ниже. Затем каменный потолок соединился с полом, вперед хода не было. Но зато влево уводил низкий меандр, практически шкуродер, в который тело ввинчивалось с трудом.

От лазания и нервного возбуждения было жарко, но, оказавшись в узости, я почувствовал заметную прохладу. В шкурнике дул сильный ветер! И дул он вниз, значит было куда дуть: там, внизу, большая пещера. Из узости мы выва-

лились на гладкую наклонную плиту, проползли по ней несколько метров и оказались на краю высокого уступа. Пришлось повозиться, прежде чем удалось спуститься в грот средних размеров. К всеобщему удивлению, стены грота были покрыты инеем и сверкали в лучах наших фонарей яркими разноцветными искрами. В дальнем левом углу пол грота обрывался круглым отвесным колодцем глубиной метров пятнадцать, дно его можно было разглядеть. А прямо и чуть правее в стене виднелось небольшое круглое отверстие.

Иного спелеолога хлебом не корми, но дай поразбрасывать камни. Неспроста так любил эту забаву Гена Пантюхин! Сперва мы побросали камни в колодец. Летят, задерживаются на дне, некоторые, вроде, дальше куда-то летят. Неопределенность. Тогда я подошел к дырке в стене, взял камешек поувесистее и аккуратно туда его пропихнул. Наступила тишина. Через несколько секунд грохнуло. Я бросил еще один камень, Невский досчитал до четырех, грохнуло опять. За дырой был колодец глубиной около восьмидесяти метров. Зуд открытий достиг горячего накала, но у нас с собой не было ничего, чтобы сделать навеску. Зато был трансик с едой. Мы сели на камни и поели. Невский, как всегда лаконично, прокомментировал событие: «Грот Первого Перекуса». Сама пещера еще никак не называлась, а отдельные ее части начали получать прозвища. Пережевывая бутерброд, Невский еще как бы между делом заметил: «Здесь на семерках идет два куба». В том смысле, что пещера очень глубокая и обводненная. Настолько хватило его буйной фантазии или, может быть, он просто боялся спугнуть птицу счастья.

В лагере Падалко и Игнатова сообщили, что пещера Надежда представляет собой длинную галерею с высокими уступами, почти колодцами. Галерея приводит к верху гигантской шахты, куда камень летит очень долго, но сколько секунд точно – неясно, потому что стучит о стены.

До конца экспедиции оставались всего два дня, и нужно было решить, куда мы бросим основные силы. После

вечернего совета решили, что полезем в пещеру на плотине, ее вход расположен почти на сто метров выше, чем в другие пещеры, значит, больше вероятность глубже спуститься. На завтра назначили решающую разведку. Под землю собрались четверо: Падалко, Невский, Касицкая и я. Всем хотелось быть первыми в колодце Грота Первого Перекуса, поэтому бросили жребий. Из четырех спичек одну обломали и дали всем по очереди вытянуть. Короткую спичку вытянул Рекс.

На следующий день он и пошел первым в пятнадцатиметровый колодец, но за ним оказался камнепадный уступ еще метров пять и наклонная скользкая полка, стиснутая высокими известняковыми стенами. Дальний конец полки обрывался в огромный широченный колодец, верхняя часть которого скрывалась в темноте, а нижнего просто не было видно. Фонарь и до противоположной-то стены еле добивал. Где-то в пространстве колодца слышался шелестящий шум падающей воды, похожий на дождь. Я спустился на эту полку вслед за Олегом, привез с собой снаряжение. Потом примерно минут сорок забивал шлямбурный крюк, навешивал веревку и трос. Потом начал спуск.

Сначала я шел по стене, затем она резко оборвалась длинным карнизом, и я повис в пустоте. Веревка начала потихоньку скручиваться с тросом, так что спуск пришлось ускорить. Я приспустился до места, где можно было достать стену, тормознул, толкнулся ногой, чтобы раскрутиться в противоположном направлении, и быстро дошел до дна. На глаз глубина колодца была метров шестьдесят. Внизу открылась обширная площадка сложной формы, в плане, наверное, напоминающая лепестки клевера. Каждый лепесток – дно отдельного колодца уходящего своим жерлом высоко вверх. Таких колодцев я насчитал три. В самом дальнем сверху летели струи воды, ударявшиеся о поверхность мелкого озера, точнее лужи. Именно эти дождевые звуки и были слышны на полке.

Но один лепесток отнюдь не был дном колодца. Сюда устремлялась вода из лужи, просачиваясь между камнями и превращаясь в небольшой журчащий ручей. Ручей уходил в подземное образование, которое у большинства людей ассоциируется с классической формой пещеры: округлая галерея, похожая на трубу, где в основном можно было стоять во весь рост. Пещера шла, да еще как! Я крикнул: «Навеска свободна!» – исследования успешно продолжались.

Все вместе мы прошли Трубу, за ней серию опасных уступов, колодчиков и снова вышли на русло ручья. Ужасно тесный и нудный ход привел к кривой щели, в которую сначала протиснулась только Касицкая. Но сразу за щелью оказался десятиметровый колодец, куда без снаряжения спуститься было невозможно. На следующий день мы пошли туда с Вaley вдвоем, взяв запасную веревку. Щель оказалась по плечу и мне, но за ней через несколько метров обнаружился новый колодец, куда прямо сверху потоком лилась вся вода. По предварительной оценке глубина колодца была метров соток. Да еще на обратном пути подсекли невзрачный восходящий ход, довольно грязный, весь в жидкой глине. Удовлетворившись, однако, и этими скромными результатами, мы вернулись на поверхность вместе со всем не слишком тяжелым снаряжением. Продолжить изучение этой многообещающей пещеры предстояло в следующем году.

К вечеру пошел дождь. Арабика «заплакала», прощаясь с нами. Я поднялся ко входу в новую пещеру и трехгранным пробойником-шлямбуром выбил на скале надпись «М-80». Город и год. Вид наскальной письменности удовлетворил: теперь ясно, что это наша пещера. В лагере за ужином отмечали последний день экспедиции, совпавший с днем рождения Илюхина, хотя он уже уехал. Ели блинчики, пили чай. Невский пел под гитару грустные песни. Грустные не только из-за прощального дождя, но отчасти и потому, что колодец его имени заткнулся на первых тридцати метрах.

Ночью по палаткам била барабанная дробь и гроыхала гроза. А когда поутру мы проснулись и высунули наружу носы, окрест было белым-бело. Поверхность плато покрылась твердым слоем смерзшегося града. Невский сказал: «Крупеник!» – и пошел собирать рюкзак.

На самом финише, уже в Гагре, Тамаз устроил для нас торжественный ужин в летнем ресторане старинного Гагринского парка. В ассортименте были шашлыки и осетрина, баклажаны и сулугуни, «Твиши» и «Анакопия»; последнюю марку вина спелеологи дружелюбно называли «сталактитовка». Поднимали бокалы за друзей, за горы и, конечно, за новые пещеры. А через несколько месяцев в сборнике «Пещеры Грузии» вышла скромная статья об открытии новой карстовой полости на Арабике.

Перовский клуб, Майская и Яшкин

Тут стоит заметить, что после горестей спелеологической революции «городским» удалось не только открыть прекрасный карстовый район с пещерами. Отошедших от политики отставников встречал в Москве новый спелеоклуб. Миша Дякин, один из самых активных и сильных спелеологов городской секции, сумел договориться с клубом туристов Перовского района Москвы о принятии в свое лоно большой и сильной команды любителей подземных путешествий. Здание клуба находилось довольно далеко от центра города, добираться туда, на восточную окраину, было непросто. Тем не менее, всего через месяц-два число членов нового спелеологического клуба насчитывало человек сорок. Записались не только городские «старики» и их ученики, но и много новых людей, бывших «неформалов». Старшему поколению, особенно, Илюхину, это, безусловно, не нравилось. Настоящий спелеолог должен пройти школу и лагерь, а «самоучки», по его мнению, кстати, не далекому от истины, грешили излишней лихостью. Может быть, в частности, по этой причине Илюхин в Перовском клубе появлялся редко. Костяк но-

вого руководства составили молодые, но уже опытные спелеологи: Миша Дякин, Володя Киселев, Саша Игнатов, Сергей Белоусов. Я тоже числился в правлении, но основной своей задачей видел изучение нового района на Арабике.

Однако большой клуб, конечно, не мог заикнуться на одном районе, тем более, пока не слишком известном. Поэтому молодые руководители и лидеры групп стали проводить интенсивный поиск новых регионов – и по литературным данным, и по рассказам знакомых друзей-спелеологов. Все наиболее заманчивые районы обозначились на северо-западном Кавказе: массив горы Фишт, ближайшая к Гагре часть Бзыбского хребта и, как ни странно, ранее почти не известный широкой публике карстовый район горы Дженту – на северных предгорьях Главного Кавказского хребта.

На склонах Дженту спелеологи из Черкесска обнаружили несколько любопытных пещер. В самой большой – пещере Майской – достигли глубины четыреста метров, но до дна не дошли. В пещере были отвесные колодцы, подземный ручей, большие залы и какие-то уникальные кристаллы, которых раньше никто не видел. Но самое главное – эта пещера имела несносный характер. Не то, чтобы она заваливала кого-то камнями или заливала ледяными паводками. Скорее наоборот, в этом смысле она была весьма мирной и сравнительно теплой: 6–8° тепла. Но она была исключительно длинной и притом узкой. Ползание по ее бесконечным меандрам выматывало и силы, и нервы, так что до начала 1981 года так никто и не смог в ней добраться до какого-то очевидного дна.

Все это я узнал от Володи Киселева, который набирал в Перовском клубе группу для январской поездки в Майскую; меня он пригласил персонально. Я посмотрел на карту пещеры – длинную тонкую змею – и согласился: можно побороться. К открывательскому азарту примешивалось романтическое любопытство. В тех местах мне бывать еще не приходилось, к тому же, по слухам, нелегкая подземная доля там

полностью компенсировалась комфортом наземной жизни: мало того, что в красивом зимнем лесу, так еще и в настоящей избушке с печкой.

Группа набралась небольшая, но интересная. Кроме старших здесь Владимиров – Киселева и Жданова, уже набравшихся опыта в КИЛСИ, на Фиште, в Снежной и других пещерах, в экспедицию поехали молодые тогда выпускники спелеошколы при Дворце пионеров Сережа Белоусов, Витя Рейснер, Митя Семенов, Андрей Лучков, а также их друг, спелеолог из Венгрии Ференц Чепреги. В этой юной компании я считался чуть ли не пенсионером.

Все заботы по переездам взял на себя коммуникабельный и энергичный Киселев. На поезде среди ночи мы прибыли в Невинномысск, там, покемарив пару часов на вокзале, загрузились в автобус и поехали в сторону гор. Дорога шла вдоль бесконечных заснеженных полей Краснодарского края, за окнами мелькали станицы и прозрачные ряды пирамидальных тополей. Несколько осовевшие спелеологи пришли в веселое оживление при виде гидроэлектростанции на главной местной водной артерии. На плотине гигантскими буквами были написаны бесподобные стихи:

Течет вода Кубань-реки,
Куда велят большевики.

В вечерних сумерках уже на другом автобусе приехали к поселку Рожкао, бывшему золотому прииску в месте слияния Большой Лабы и речки Рожок. Промышленной добычи золота здесь уже не было, но небольшой поселок остался, жили распиловкой леса. Правда, говорили, что драгметалл частники подмывают и ныне, тайком, конечно.

Красноватый цвет окрестных скал, вздымавшихся над рекой, внешне хоть и впечатлял, но вызывал сомнение в качестве здешнего карста. Впрочем, вход в пещеру находился на отметке над уровнем моря почти на километр выше, туда

еще предстояло подняться. В клубе на лесопилке сбросили вещи и хотели было расслабиться, как Киселев, откуда ни возьмись, притащил трейлер, который еще пару километров волок груз в гору по заснеженной дороге, вихляющей по выступам ущелья. В полной темноте мы за несколько ходок и часов перетащили весь груз на брошенную пасеку, где в дырявом балагане с превеликим неудобством заночевали, страдая от тесноты и громкого храпа.

К концу следующего дня вся группа вместе с грузом поднялась ко входу в пещеру, конечно, не за один прием. Перед нами предстала сказочная новогодняя картина. Покрытый мохнатыми заснеженными пихтами склон горы, широкая терраса с журчащим чистым ручьем, на террасе приземистый домик, окошки светятся, из трубы идет белый дым. Вся эта благодать освещается ясной луной, совершенно не забивающей бриллиантовое мерцание близкого – рукой подать – звездного неба. Рядом с избушкой горит маленький костерок, вокруг которого сидят симпатичные люди, похожие на добрых лесных гномов.

Это были спелеологи из Ростова-на-Дону, где, как выяснилось, при заводе Ростсельмаш создан пещерный клуб. Руководитель ростовского клуба и нынешней экспедиции Виктор Яшкин встал от костра и сердечно поздоровался с каждым. Это был парень лет тридцати, среднего роста, с сильной ладонью. Глаза его были пронзительными серыми, движения – ловкими и точными. По всему было видно, что он рад знакомству, тем более, что много о нашем клубе слышал и заочно почти всех знал. В первопрохождении Майской его группа участвовать не предполагала, не было опыта работы в глубоких пещерах. Яшкин откровенно сказал, что рассматривает совместную экспедицию, как своего рода повышение спелеологической квалификации. И это было понятно и нормально: Перовский клуб наследовал не только традиции московской

городской секции, но и ее известность как организатора десятков общенациональных и региональных спелеологических школ. В 1976 году московские инструктора проводили школу даже в Приморье!

С Яшкиным на Майскую прибыл цвет ростовской спелеологии. Быстрый и жилистый Виктор Мысливец, неторопливый, но очень сильный и выносливый Коля Боровой, а также главная идеологическая сила клуба – две сестры-близняшки Ира и Оля Зенины, обе – ученые-астрономы.

Последнее обстоятельство, кстати, навело на мысль, что существует некая странная, а, может быть, наоборот, закономерная связь между космосом и подземным пространством. Первые российские спелеологи были профессионально близки или геологии, или физике. Да и позже «удельная плотность» астрономов среди спелеологов на много порядков превышала их относительное число среди обычных граждан. Астрономом был и руководитель иркутских спелеологов Саша Индюков, и молодой лидер спелеологов МГУ Юра Косоруков, да и что греха таить, я сам «спустился в пещеры» прямо из планетария, а на шестом десятке даже организовал Институт гравитации и космологии, где и поныне являюсь директором (правда, на общественных началах).

Как бы там ни было, дамы-близнецы являли собой интеллектуальную элиту ростовского спелеообщества, шпыняли Яшкина за употребление просторечных выражений и все происходящее рассматривали критически. Судя по любезному к нам обращению, новые знакомые понравились, так что происходящее элиту, в основном, удовлетворяло.

Гипотетического dna пещеры должны были достичь четверо: Киселев, Жданов, Белоусов и я. Остальные помогали делать навеску и устанавливать промежуточный подземный лагерь на глубине триста метров. Как всегда, сделали акклиматизационные выходы – для пробы снаряжения и знакомства с пещерой.

Рассказы не обманули, пещера и впрямь была нудноватой. Начинаясь с поверхности просторным колодцем сорокаметровой глубины, она затем шла бесконечным тесным меандром, который регулярно прерывался отвесами одинаковой глубины – по двадцать метров. Местами на стенах и потолке виднелись скромные сталактиты и кальцитовые драпировки. Натёки да летучие мыши были единственным развлечением в привходовой части пещеры.

Мыши были черные мелкие и многочисленные; предполагалось, что они вроде бы спят. Темными гроздьями они висели на потолке гротов и расширений входного колодца. При этом те, что были снаружи немилосердно орали: им было холодно. Они барахтались и, расталкивая дремлющих соседей, изо всех сил лезли внутрь клубка, где было тепло. Заторможенные сном сородичи пассивно уступали, и замерзшие зверьки пробивались к центру, где быстро закрывали глазки и начинали похрапывать. Вытолкнутые наружу сони через некоторое время вздрагивали от холода, издавали сердитый писк, и борьба за энергетические ресурсы повторялась по новому кругу. Круговорот мышей в пещере.

В пещере было не холодно, около восьми градусов тепла. По дну меандра тек ручеек с неизменным расходом воды литра три в секунду. Интересно, что на поверхности Земли, рядом с избушкой, тек вполне аналогичный мирный ручеек, причем русла наземного и подземного водотоков перекрещивались в пространстве: один располагался под другим. Такие вот карстовые чудеса.

В пещере было тихо, мирно, спокойно. Только узко и мокро: мы шли в гидрах и потели, таская мешки. Прошло уже несколько часов как штурмовая четверка начала свой главный маршрут – до дна. Где-то впереди и внизу ростовчане и московская молодежь поставили подземный лагерь, но нам предстояло туда еще добраться. Длинный и нудный меандр на глубине двести метров привел в просторный грот, куда вода падала небольшим каскадом. Потом ручей делал

крутой поворот и скрывался под стеной. Излучина являла собой песчаный пляж, на котором при желании можно было поставить палатку и переночевать. Хотя брызги каскада наполняли воздух легкой водяной пылью, и для лагеря было сыровато

Раньше здесь был конец пещеры. Спелеологи из Новочеркасска продолжили ее. Не просто нашли новый ход, а прокопали его в песке, затянувшем бывшее русло водотока. Под левой, если идти вниз, стеной грота виднелось узкое круглое отверстие диаметром как раз с голову умного человека. В пещере так: если в шкурник пролезла голова, то потом можно протащить все остальные части тела. Отверстие представляло собой как раз такой шкурник, но рукотворный и очень длинный, больше тридцати метров.

Именно сюда нам и предстояло лезть вместе с мешками. После живого обсуждения техники прохождения узости с грузом приняли вариант Володи Жданова, который два года назад в пещере уже был. Сняли с себя обвязки, беседки и карабины и уложили их в свои мешки. Потом каждый привязал мешок веревочкой себе к ноге. Так и поползли: человек, а за ним на привязи транс. Следующий ползущий помогает мешку предыдущего, если этот мешок за что-то цепляется. Последний ползет без поддержки, и если его транс застрянет, то замыкающий должен пятиться задом и освобождать свой транс энергичным ляганием ноги.

Самая узкая часть, действительно, оказалась длиной около тридцати пяти метров. Она была песчаной и абсолютно сухой. Мы проползли ее, насквозь вымокнув в собственном поту. Подумалось: лучше бы ползли без гидр. Но тут ход чуть расширился, и в него справа втек пропавший было ручей. Вода оказалась в точности под животом, а приподняться над ней не было возможности. Так и ползли по воде еще с десяток метров. Потом получилось встать на колени, еще дальше – передвигаться на корточках. И так почти двести

метров – то по-пластунски, то на карачках. Спортивная пещера.

Наконец ход расширился, но так и остался непохожим на верхний меандр. Здесь не было отвесов – всего один-два невысоких уступа, зато остальное разнообразие расслабиться не давало. Переход широких расщелин в распоре сменялся опусканием распаренного тела по горло в «купель», каковое банное действие логично дополнялось массажем болевых и неболевых точек в низких щелях, заросших острыми и твердыми кораллитами.

Так добрались до цепочки просторных гротов, связанных между собой галереей. Потому гроты носили название «Анфилада». Несколько вымотанный десятичасовым переходом Жданов узнал местность и продекламировал бессмертную фразу великого поэта: «Вновь я посетил!...». Здесь располагался подземный лагерь.

Главным объектом лагеря являлась тонкая капроновая палатка без дна, растянутая над выровненным каменным полом; на полу лежали надувные резиновые матрасы, на последних – спальные мешки. Матрасы и спальные мешки являли собой, соответственно, прошлое и будущее подземной спелеологии. На смену тяжелой резине вскоре придут пенополиэтиленовые коврики, а наличествующие в палатке спальные мешки уже были новым словом: сшитые из легкого синтепона, они быстро сохли и неплохо грели, особенно если в них заталкивалось сразу два человека.

Вторым центром внимания была кухня, где царил бензиновый примус «Шмель» – успешная советская копия австрийского «Эдельвейса», стояли кастрюльки и лежали продукты. Тушенку уже не брали, поскольку в магазинах появилось сушеное мясо «шрот». Не знаю, из чего его делали, но если замочить на сутки в холодной воде одну упаковку, а потом минут двадцать варить, то получалась объемная и достаточно калорийная масса со вкусом мясного бульона. Некоторым даже нравилось, особенно если потом поджарить с лучком.

Остальное лагерное пространство занималось личными вещами спелеологов. На растянутых тут и там веревочках были развешены комбинезоны, верхние рубашки, носки – сохли. Гидры грамотные путешественники, как правило, укладывали под голову вместо подушки. «Сбрую» – обвязки, карабины и решетки – каждый лично хранил на своем уступчике у стены. Отдельно стояли сапоги, поскольку тогда в подземном лагере было принято носить галоши.

Пока наша четверка тихо почивала, молодежь, выставленная из палатки, отправилась на фотосъемку нижних залов.

На следующий «день» (хотя над Землей стояла глухая ночь) в Большие залы спустились и мы. Теперь у нас было трансов побольше, мы несли с собой снаряжение для навески на будущие колодцы, штурмовой подземный лагерь, впрочем, не отличающийся от первого, запас топлива и еды, а также приборы для съемки новых ходов. Поэтому загруженных спелеологов залы поначалу не впечатлили: да, не тесно, но стены и потолок видно. В Анакопийке я видел объемы побольше. На стене черная надпись «НСС» – новочеркасская секция спелеологов. Оставили первооткрыватели, прокопавшие песчаный шкурник. За это можно простить и настенные письма.

Вскоре широкая череда залов повалила круто вниз. И тут все несколько оторопели: склон был засыпан... снегом! Точнее, снежной крошкой, скрипучей, как на хорошем морозе. Ноги вязли по щиколотку. Приглядевшись, можно было увидеть, что стены залов в свете наших фонарей тоже искрятся и переливаются тонкой радугой, будто в инее. Такого мы еще не видывали. Но, конечно, уже знали, что это вовсе не снег, а миллиарды и триллионы мелких сверкающих белых кристалликов мирабилита – десятиводной натриевой соли серной кислоты. Майская оказалась уникальнейшей пещерой: здесь, начиная с глубины триста метров от поверхности, русло подземного ручья пересекало мирабилитовый

пласт или линзу. Соль легко растворяется в воде, и не исключено, что большие залы, кстати, единственные в этой пещере, образовались как раз в результате ее постепенного вымывания как проточными, так и просачивающимися водами. Хотя, конечно, это не более чем умозрительная гипотеза, не подтвержденная исследованием.

В конце спуска по теплому «снегу» зал вдруг замкнулся и перед нами открылся проход в высокий меандр шириной до метра. По дну тек наш знакомый ручей, а вот стены меандра являли прямо-таки выставку шедевров пещерно-кристаллического искусства. Каждый сантиметр поверхности в буквальном смысле сплошь зарос полупрозрачными змейками, спиралями, гнутыми дугами и мельчайшими иголочками мирабилита, в основном белого цвета и кремовых тонов. Стена в кружевах – такого нигде не увидишь. Кристаллы были влажны на ощупь и хрупки. Большие дуги, размером с человеческую руку, уже не выдерживали собственной тяжести и падали в ручей и на уступы. Они постепенно рассыпались в прах, уходили во влагу, в пар, чтобы позже возродиться в молодых кристалликах. Местами встречались еще более удивительные образования – сталактиты, по внешнему виду чисто ледяные, только теплые, очевидно, состоящие из того же минерала. К сожалению, за много лет, прошедших со времени открытия кристаллических залов Майской, так никто всерьез и не занялся изучением процессов рождения, жизни и смерти этих редких подземных форм.

Восторгаясь необыкновенными красотами, мы, как могли аккуратно, протащили через всю эту лепоту свои грязные трансы. Для осторожности была еще одна причина. Местами на цветных завитушках вниз головой спали летучие мыши-одиночки, серые и довольно большие. Если до такой мышки слегка дотронуться, то она приоткрывает глаза, издаст злое шипение и скалит зубы. Но не улетает. Вполне понимая, как прекрасен отдых в пещере, мы старались мышей зря

не беспокоить. Конечно, не по-нашему – без спальников и вверх ногами, но если уж им так нравится, пусть поспят.

Хотя и приходила мысль в голову: как они здесь оказались? Не через главный же вход и двухсотметровый шкурник они сюда прилетели! Несколько километров под землей, потом назад? Впрочем, кто знает...

Так мы двигались вниз, наблюдая вторичные образования и пещерную фауну и не забывая навешивать на по-прежнему стандартных двадцатиметровых колодцах веревку и трос, протискиваться в узости и тянуться в распорах. Меандр нескончаемо вел вперед и вниз. Часы шли за часами, а подходящее место для лагеря все как-то не встречалось. К «вечеру» с трудом нашли углубление в стене – гротик, где можно было попытаться поставить палатку. Это удалось, но основным ощущением от лагеря была теснота. Если кто-то делал попытку подняться и взять какую-то вещь, то немедленно происходило существенное повышение энтропии. Что-то падало, рассыпалось или того хуже – разливалось, на чью-то ногу или на другую часть обязательно наступали. Чувствовалось утомление и, я бы сказал, раздражение долгой однообразной работой, конца которой не было видно.

На следующий «день» идти стало полегче, потому что с собой взяли только транс с навеской и топоприборами. И тут пещера продемонстрировала, что мы ей надоели. Меандр вдруг оборвался очередным колодцем, но совсем не похожим на все предыдущие. Этот не был отвесным, но шел уступами, и прямо по этим уступам лилась вода. Сверху над колодцем меандр продолжался, однако лезть по расширяющейся книзу скользкой щели было опасно. Быстро сделали навеску до первого уступа, вниз спустились Киселев, Жданов и я. Начали бить дырку для шлямбурного крюка. Дело это долгое и неприятное, особенно под водопадом, но делать было нечего. Киселев стучал молотком, мы со Ждановым доставали и разматывали веревку и трос.

Вдруг где-то впереди и внизу раздался легкий грохот, будто посыпались камни. Мы насторожились и озадаченно посмотрели друг на друга: что бы это значило? И тут снизу раздался звук голоса, но за шумом воды мы ничего не могли разобрать. На душе стало смутно и тревожно. Мы затаились, и тогда звук повторился, но это был уже крик.

И тогда мы его узнали, это был голос Сережи Белоусова. Он сообщал нам, что сверху колодец можно обойти и потом спуститься вниз безо всякой навески. Старшее поколение почувствовало себя глупо: мокнут чудачки под водопадом и долбят крючья, а молодой всех обскакал! Чтобы как-то компенсировать ущемленное самолюбие, Белоусову высказали порицание за рискованное хождение без страховки. Что не помешало строгим педагогам тут же последовать его примеру.

Под колодцем меандр продолжился, но явно почувствовалась близость конца пещеры. Мы шли по самому дну, но уже не по воде, а по жидкой глине, слой которой становился все толще и толще. Я брел впереди и оставлял на глине быстро затягивающиеся в жиже следы, самые первые в этом укромном уголке Земли. До нас здесь никогда и никто не был. Ради таких мгновений стоит жить.

Потолок хода стал быстро снижаться, ноги увязали уже выше щиколоток. За очередным поворотом хода увидели линию слияния кровли, глины и воды. Это был конечный сифон пещеры Майской. Нырять в него не хотелось.

По результатам топосъемки, которую мы в течение последующих двух дней честно сделали, глубина пещеры определилась в пятьсот пятнадцать метров.

Еще через пару суток наша четверка выбралась на поверхность. Темный ночной лес и белые склоны гор сказочно освещались белой луной. В избушке было тепло и тихо, большинство спелеологов ушли под землю на выемку лагерей и снаряжения. Мы, как могли, отмылись в холодном ручье, оделись в чистое и залегли в спальники на верхнем яру-

се. Киселев и Жданов решили усилить ощущение счастья стаканчиком национального напитка. Это, очевидно, удалось, потому что потом почти до утра Жданов очень хорошо пел под гитару песни Окуджавы. Мне спать не хотелось – я слушал всю ночь.

С Дженту мы уходили в пургу. Мелкий колючий снег со свистом летел параллельно земле, хлестал по щекам и быстро заносил следы, которые мы оставляли в сугробах, засыпавших дорогу. В Рожкао нас подобрал одинокий ночной грузовик и, сверля фарами мглу, понес к дому мимо седых пихт, плачущих талым снегом.

Еще дважды я был в Майской: в следующем 1982 году, где вместе со спелеологами из Каунаса снимал подземное кино про мирабилит, а потом еще раз – через четырнадцать лет, уже с видеосъемкой. Кино показывали в Клубе путешественников на Центральном телевидении, а про третью экспедицию в Майскую даже написана маленькая книжка*.

Июль 1981 года: чудеса на Люкивоху

Илюхин не поехал летом на Арабику, сказал, что сможет только через год. Молодые спелеологи Перовского клуба разъехались кто куда, не верили пока в потенциал нового региона. Поэтому в июле 1981 года на Центральное плато собралась группа, в основном, старшего и среднего поколений. Главные действующие лица – читателю уже известные Олег Падалко, Женя Мухин, Олег Васильев, Валерий Фурман, Андрей Митин, Миша Дякин, Валя Касицкая и я. Начиная с этой экспедиции, в спелеологии стали укрепляться династические тенденции. Падалко взял с собой сына Вадима – крепкого двадцатилетнего парня, а Мухин – сына пятиклассника Костю, который, несмотря на юный возраст, уже успел

* *Ефремов А.П.* Путешествие на Тхач. Третья экспедиция в Майскую. М.: Изд-во РУДН, 1996.

хлебнуть экспедиционных радостей. Попросились поехать и молодые: выпускник школы 1975 года Игорь Добровольский с женой Леной и спелеолог-новичок Оля Сундатова; женщин взяли, главным образом, на кухонные работы. Но помимо москвичей в состав экспедиции были включены трое наших новых знакомых ростовчан: Яшкин, Мысливец и Боровой. Здоровые и весьма даже умные ребята, все – рабочие завода «Ростсельмаш», хотели поучиться грамотной спелеологии у «московских дедов», а заодно уж поучаствовать в исследовании новых пещер.

Я изо всех сил постарался организовать экспедицию на «высшем уровне». Завхоз Касицкая прикупила лучших продуктов, Мухин-старший заготовил кучу шлямбурных крючьев и пробойников, а также протестировал подземный телефон. Веревки и карабины упаковали в новые трансы. Но, понимая, что залог успеха – успешная заброска в этот отдаленный район, я приложил к ее осуществлению максимум усилий: достал отличные крупномасштабные карты Арабики и договорился с директором Адлерской геологической станции Виктором Клименко, что он даст нам вездеход «ГАЗ-66», на котором вещи доедут до «тракторной поляны», где начинается тропа Сандрипш–Гелгелук.

Днем 19 июля 1981 года наша экспедиция собралась на станции Гантиади, в самом западном углу Абхазии. Это была не скромная платформа с будкой для продажи билетов, а самый что ни на есть настоящий вокзал, построенный в стиле советского ампира, столь сладкого сердцу Иосифа В. Сталина. Хотя, конечно, не он строил, но проект, скорее всего, утверждал – поблизости находилась одна из его любимых кавказских резиденций – дача «Холодная речка».

К вечеру мы с Касицкой уехали в Адлер за машиной, которая намечалась на раннее утро. Клименко слово сдержал. Нас определили переночевать в актовЫй зал геостанции, где мы комфортно провели ночь, закутавшись в занавески, а в девять утра уже ехали в сторону Абхазии на почти новень-

ком «газоне». Водитель Женя сказал, что ездить в горах для него – плевое дело и, демонстрируя знание киноклассики, произнес известное: «Машина – зверь».

Загружать и сопровождать груз были назначены 6 мужчин: Мухин, Дякин, ростовчане и я. Остальные во главе с Олегом Падалко поехали на автобусе до Ачмарды, оттуда – пешком вверх по Сандрипшу, до начала подъема в Гелгелук. Предполагалось, что по дороге мы их обгоним.

В скромный кузов груз поместился с трудом, над бортами возвышалась объемистая пирамида трансов, рюкзаков и коробок, ее пришлось долго увязывать веревкой, чтобы не рассыпалась по дороге. Мухин сел рядом с водителем, остальные распластались по горе вещей, и машина двинулась в путь. Тут же выяснилось, что поездка в кузове грузовика по комфорту заметно отличается от таковой в автобусе. Мало того, что трясло на неровностях хоть и асфальтовой, но все-таки сельской дороги, так к тому же встречные деревья хлестали ветками по чему попало. Эти неудобства, впрочем, отнюдь не ухудшали радужного настроения, который обычно возникает при удачном начале длинного пути. Тем более, светлым днем и в хорошую погоду.

Но нечто неуволимо-тревожное витало в воздухе и дрожало в душе. По крайней мере, в моей. Хотя машина легко брала подъем за подъемом, а солнце ослепительно сияло сквозь листву.

Мы проехали мимо поворота на Ачмарду, и там асфальт закончился. Вдоль грунтовой дороги потянулись дома длинного поселка, на карте значилось необычно интеллигентное для этих мест название: Менделеево. Из-под колес с визгом разлетались худые местные поросята невиданной горно-беговой породы. Про таких Невский в прошлом году говорил «эскалопчики». Километры наматывались за километрами, а ущелье Сандрипша все еще оставалось где-то в стороне. Дорога определенно уводила в гору.

После очередного подъема машина остановилась. Решив, что водитель Женя засомневался в правильности пути, я спрыгнул с горы вещей на землю. Честно говоря, мне уже и самому стало подозрительным отсутствие спуска к реке. Но дела обстояли гораздо хуже. «Машина-зверь» поломалась. Не категорически, правда: всего-то расслоился ремень гидроусилителя рулевого управления. Но даже те скромные горы, скорее предгорья, в которые мы заехали, привели нашего героического шофера в состояние заметного волнения, если не сказать мандража. Женя сказал, что без «легкого руля» на такой дороге делать нечего, а починить гидроусилитель в такой глуши может только волшебник.

Волшебник тут же нашелся: Мухин подумал и прошил ремень капроновой ниткой. Мы проехали еще с километр и снова встали. Ремень разорвался совсем, отказал передний мост и ко всему прочему в радиаторе закипела вода. Тогда Мухин сшил в кольцо кусок капроновой стропы, этот импровизированный новый ремень натянули на нужные шкивы. Руль закрутился, как смазанный божьим елеем. В радиатор долили из питьевых запасов. Однако эти необходимые условия не оказались достаточными. Было уже психологически поздно. Бедный драйвер честно признался, что так далеко и высоко в горы он никогда не заезжал, что ему страшно и что дальше он не поедет ни за какие шиши. Лишних «шишей» у нас не водилось, а уговоры не подействовали. Мы начали разгружать машину. Водителя, конечно, можно было понять, но наша жизнь из замечательно слаженной вдруг резко стала безысходной и беспросветной.

С горой тяжеленного груза мы оказались в густом лесу на узкой колее, подсекающей крутой склон. Солнце уже легло на закат, а здесь даже временный лагерь разбить негде, разве что посреди дороги. И разбили бы, да воды нет. Наша основная группа без еды, теплых и спальных вещей ушла далеко вверх по ущелью холодной горной реки. Они не знают, что машина сбилась с пути и сломалась, и будут нас ждать,

потому что искать – неизвестно где. Без еды и одежды долго не протянут, значит, вернуться в Ачмарду и к морю в Гантиади. Будем друг друга искать. Сколько времени пройдет?! А сроки экспедиции не резиновые, нам как можно скорее нужно выбраться наверх, на Плато. Как часто бывало в критических ситуациях, я опять почувствовал сильнейшее, неистовое какое-то желание выйти из кризиса. Даже «настоящие водники» из давней авантюры вспомнились – те, что явились с ремнабором по крику души, возопившей над порванной байдаркой на заснеженной апрельской Волгуше.

Никого и ни о чем я специально не молил, просто все мое существо самым естественным образом предалось отчаянию от ситуации, в которую мы влипли. Вы догадываетесь, что последовало дальше? Думаю, вряд ли!

В момент, когда погрустневшие ростовчане стягивали из опустевшего кузова последние трансы, до нашего слуха почти одновременно донеслись два звука. Первый – звук мотора. Второй – крик, которым только «городские» спелеологи Москвы созывают друг друга в темноте и в чаще: «Ку-у-у-у!!!».

Когда-то давно я спросил Илюхина, почему именно такой крик выбран для связи. Он наверняка читал Конан Дойля, который описывал такие позывные, но для пущей важности, а, может, и ради смеха объяснил идею с точки зрения физики и физиологии. Чтобы легче докричаться, нужна большая энергия звука, а она, внушал Володя, прямо пропорциональна квадрату частоты и квадрату амплитуды. Эти параметры максимальны, когда человек издает звук «у-у-у». Но для увеличения эффекта лучше, чтобы звук срывался с какой-нибудь согласной; практика показала, что физиологически наиболее благоприятным является согласная «к».

Со сладостью в сердце я вспомнил это чудное объяснение: не было сомнений, что снизу, без тропы, прямо к нам поднимается Олег Падалко с остальными нашими спелеологами. И в тот самый момент, когда они, продираясь сквозь

кусты, вышли на дорогу, снизу к нам подъехала... точно такая же машина «ГАЗ-66», только абсолютно исправная и порожняя. В ней сидел водитель в зеленой куртке. И хотя он имел ярко выраженную кавказскую внешность, так и подмывало заглянуть: нет ли у него под курткой крылышек?

Олег Вадимович деловито пояснил, что дорога по Сандрипшу перегорожена огромными буковыми стволами. Он понял, что машина здесь не пройдет, и повел свою группу интуитивно нам навстречу, сначала по тропе, потом просто через лес. И совершенно неожиданно попал точно на нас.

Что же касается пустой машины, то действительность оказалась еще богаче. Выяснилось, что развилку на Сандрипш мы давно проехали, что и неудивительно: она была очень незаметной. Дорога, на которой мы находились, шла по склону южного отрога Гагрского массива – хребта Люкивоху и вела – куда бы вы думали? Мимо летнего поселка Гюзле на хорошо знакомый нам Кушонский перевал, где год назад мы встретили лошадиный караван Тамаза Кикнадзе. И машина шла как раз на самый перевал! Цель поездки, правда, была весьма печальной: забрать тело пастуха, который погиб, сорвавшись со скалы. Обстоятельства прискорбные, но они способствовали решению наших проблем. Сработала примета: встретить покойника – к удаче. Сейчас нам лучше всего было попасть именно на перевал, откуда добираться до Плато гораздо легче, чем тащить на полуторакилометровую высоту море груза от Тракторной Поляны до Гелгелука, а потом еще на пятьсот метров выше до Арабики.

Невероятное стечение чудных и печальных обстоятельств привело к редчайшему пятикратному совпадению. К нашей сломавшейся машине одновременно (!) и практически случайно (!) вышли наши товарищи, направлявшиеся, вообще говоря, совсем в другое место, и подъехала точно такая же (!) пустая (!) машина, готовая забросить нас как раз туда, куда нам более всего (!) было нужно.

Это был, безусловно, знак свыше, и чтобы не спугнуть судьбу, мы быстренько загрузили порожний кузов, усадили на него сколько поместилось грузчиков и женщин и отправили вперед. Остальные широким шагом пошли на перевал. Позже узнали, что водитель Женя на мухинском капроновом ремне обратно до геостанции доехал успешно.

Это был первый раз, когда мы попали на перевал со стороны Гюзле. «ГАЗ» забрал мертвое тело, развернулся и уехал. А перед нами в лучах заходящего солнца открылась величественная картина вздыбленных скал и темнеющих долин Гагрского хребта. Те, кто был здесь впервые, не могли оторвать жадных взоров от грандиозной панорамы. Пришлось предпринять командирские шаги: нужно было устраиваться на ночлег. Ставить наши брезентовые палатки на перекрестке ветров было бессмысленно, легкий местный сирокко снес бы их, как пушинки. Вместо палаток сложили из ящиков и трансов стены в форме просторного каре, внутри ветра не было совсем. На случай дождя приготовили полиэтиленовое полотнище. Но ночью обошлось без дождя.

Совет умнейших, Жове-Квара и ослы

Утром собрался совет умнейших: выбирать маршрут на Плато. Было ясно, что за одну и даже за две ходки весь груз нам не унести. Прямо с перевала на север вела лошадиная тропа. Она спускалась на пятьсот метров до Ортобалагана, потом почти горизонтально вела вдоль склона к Гелгелуку, оттуда по западному трогу снова поднималась на те же пятьсот метров до Плато. Всего километров пятнадцать, со спусками и подъемами и с легким рюкзаком – часа четыре. Эту дорогу мы уже хорошо знали, и она нам показалась не самой оптимальной. Действительно: потеря высоты почти на полкилометра, потом столько же, если не больше, наверх. Умнейшие засомневались. Тем более, что был другой вариант. На восток, почти в направлении Арабики и на карте, и на длинном склоне Берчила виднелась наезженная машиной ко-

ля. За изгибом склона она, правда, терялась, но зато от этого поворота до Плато по карте едва набиралось километров пять – вверх по сухой долине Жове-Квары.

Почесав мыслительные места, мы с Олегом Вадимовичем приняли революционное решение: идем к Арабике по Берчилю и Жове-Кваре. Судя по расстоянию и горизонталям на карте, этот путь короче на треть, при этом практически не теряется высота.

Все-таки замечательные люди – эти смелые теоретики, поднаторевшие в походах по Истре и Москве-реке. Ничего не боятся, и как раз таким фортуна идет навстречу. Так мы рассуждали, пыхтя под тяжкой ношей и заканчивая свой третий километр вдоль Берчильской стены. Вот и поворот, за которым нам сейчас откроется просторная ровная долина. И долина открылась. Мы с удивлением обнаружили, что стоим на самом верху стены, которая почти вертикально обрывается под нашими ногами в глубокую котловину, испещренную гребнями, обрывами и глубокими карстовыми воронками. Вся эта красота заросла высоченной жесткой травой. Это и была долина Жове-Квары, по которой мы собирались достичь Арабики и Цирка Каменного Клада – эти последние объекты отсюда представлялись весьма миниатюрными и виднелись далеко впереди, в самом конце котловины. О том, чтобы идти туда без потери высоты, не было и речи: после поворота на север склон Берчиля стал непроходимо крутым.

Но отступать было некуда, и мы потихонечку начали спускаться со стены в котловину, иногда вставая на четвереньки и даже переходя на скалолазание под сорокакилограммовым рюкзаком. Тропы в Жове-Кваре, конечно, не было, но мы ее пробили. В целом – за двое суток, притом сумели сделать только одну ходку. Часть ветеранов так и не добралась в тот день до Плато, осталась ночевать в долине. После мы этой тропой больше не пользовались. Идея заброски через Жове-Квару оказалась воистину безумной. Однако через несколько лет наш рекорд безумия был навсегда побит.

По слухам, одна из московских групп тоже восходила на Арабику по Жове-Кваре, но начинали не от перевала, а прямо от Гагры. И даже дошли до искомой точки, но через неделю. Горный поход.

Андрей Митин и я первыми доплелись до Плато, и я его с трудом узнал. Воронки и мелкие долинки были покрыты ровным слоем чистого белого снега. Можно было кататься на лыжах. Но этого хотелось меньше всего. Хотелось пить. Мы брали пригоршнями чистый холодный снег и засовывали его в рот. Жажду это не утоляло, но первые несколько секунд было приятно. Мы бросили на Плато свои вещи и старым окольным путем направились на перевал, где оставалось еще много груза.

В Гелгелуке силы иссякли, смертельно захотелось есть, а с собой ничего не было. Мы с Андреем заглянули в ближайший балаган и поделились этим горем с хозяйкой. Она что-то сказала по-армянски, и ее миловидная дочь вытащила из ведерка сырой белый комок. Изюм всех сил она стала мять его руками, из кулачков капало. Через пять минут молча подала нам. Что это? – спросили наши голодные взгляды. «Сулугуни, сыр», – чисто по-русски ответила девушка.

О, это была небесная еда!

Мы птицами взлетели на перевал и до позднего вечера всей командой, кроме оставшихся на Жове-Кваре, перетаскивали вещи с перевала в Гелгелук. Перенесли все, вновь установили наше каре и заночевали, уже под полиэтиленом, поскольку дождь все-таки пошел, и сильный.

Рано утром к нашему лагерю подошел дед и предложил двух ишаков – за деньги. Мы спросили, сколько может нести каждый ишак. Дед сказал: «Сто килограмм». Этого было мало: мы сэкономили половину ходки, а нужно было – полторы. Прикинули финансовые возможности и спросили у деда, нет ли еще ишаков. Таковых не оказалось, но дед предложил еще четырех лошадей, на которых почему-то можно

было грузить меньше, всего по восемьдесят килограмм. В принципе, это решало проблему, и мы ударили по рукам.

К полудню из Гелгелука в сторону Плато потянулся караван. Вьючные животные чередовались с вьючными спелеологами. На каждую спелеологическую особь мужского пола приходился один четвероногий друг и один сорокакилограммовый рюкзак. Новый вид транспортировки груза осваивался нелегко. Препятствий было два: дождь и личные качества несущего, независимо от принадлежности к подвиду. Мне достался темно-серый ишак, увешанный рюкзаками и трансами. Поскольку я сам подвязал их, как мог, они болтались и мешали идти. По мокрой тропе копыта скользили, и ишак вставал. Тут мы оба проявляли упрямство. Я лупил его ладонью по крупу и на знакомых мне языках кричал: «Иди вперед!». Но он стоял, как вкопанный, и не двигался. Тогда я вспомнил опыт КИЛСИ, камчу и ишака Федю с Кырктау. Нашел на тропе палку, привязал к ней веревочку, и показал ишаку с Арабики. Представьте, ишак пошел! Не устаю удивляться великой мудрости пастухов. Впрочем, у них есть время поразмыслить о смысле жизни. Неспроста священников часто зовут пастырями.

Тропа вклинилась в теснину между Каменным кладом и отрогами Берчиля, пошли крутые взлеты. И тут ишак начал падать. Это было ужасно. Ишак делал несколько торопливых шагов в гору, тут мотнувшийся на серпантине рюкзак бил его по шее, и ишак валился на бок, в кровь обдирая о камни шкуру на лодыжках. При этом он могильно молчал, только дышал глубоко и сипло. Никогда мне не было так жалко живую тварь! Я сбрасывал с себя свою проклятую ношу, развязывал веревки на седле, помогал ослу подняться, потом по одной затаскивал все вещи на самый верх взлета, и мы отдыхали. Потом снова загружались и плелись дальше.

Вся заброска на Плато заняла четверо суток, и, признаться, в экспедиции 1981 года эта работа оказалась самой нервной и тяжелой.

Место нашего прошлогоднего лагеря оказалось под снегом, поэтому пришлось передвинуться на поляну прямо к подножью плотины, на верху которой находился вход в новую пещеру. Это место оказалось удобнее во всех отношениях: было ближе к пещере, не заливалось потоками воды во время ливней, а главное – изобиловало строительным материалом для лагеря.

Первой акцией новых колонистов явилось строительство общественной столовой. Все мужчины сконцентрировались у нижней части плотины и начали носить и кантовать известняковые глыбы различного размера. Один кусок скалы имел форму почти строгого прямоугольного параллелепипеда и весил около двухсот килограмм. Его волокли всем миром, и именно он стал краеугольным камнем столовой и всего лагеря. Из глыб выложили длинный стол и вдоль него сиденья. Привезенные с собой тонкие стволы подлеска, взятые в роще у Гелгелука, связали, изогнули дугами и накрыли полиэтиленом. Чтобы не унес ветер, все крепко-накрепко перевязали веревками. Похожая на увязший в земле дирижабль, столовая была готова.

Первые несколько дней еду готовили на примусах, но скоро бензин кончился, и каждый день два-три человека ходили в гелгелукский лес за дровами, за шесть километров. Так или иначе, быт налачился, наступила пора главных дел.

НАХОДКИ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Горя нетерпением, мы в первый же день собрались делать навеску в новую пещеру, которой, кстати, пока не дали названия. Первый вариант, предложенный еще год назад, – «Дружба народов» – то ли в честь моего университета (и, стало быть, неявно, в честь первооткрывателя), то ли в честь интернационального состава той экспедиции, как-то не прижился. Пафоса многовато, хотя Кикнадзе это имя в печати уже упомянул. Воодушевленный основанием нового клуба, Миша Дякин предложил назвать пещеру «Перовская». И хотя это название ассоциировалось с образами террористов-бомбистов, на нем решили временно остановиться.

Итак, скорее в пещеру! Но когда мы подошли ко входу, поняли, что не тут-то было. Входная воронка до самого верха была засыпана снегом. И только у самой кромки отвеса между снегом и стеной чернела узкая щель – «продох». Пещера дышала! Как хотелось верить, что она «живет» и интенсивно развивается в глубинах известнякового массива.

На откапывание входа ушло несколько дней. В этом нелегком деле отличились отец и сын Падалко. Они прорубили в многометровой фирновой толще длинный тоннель, нижняя часть которого вела во входную галерею. В конце тоннеля повесили веревку, и это была первая навеска.

Наконец наступил «день икс». Начался штурм новой пещеры.

Учитывая опыт и отличную физподготовку Дякина, я предложил ему возглавить группу первопроходцев, куда вошли также Касицкая и Яшкин. Предложение было воспринято с энтузиазмом, и 25 июля в 10 часов утра передовой отряд устремился в пещеру. За ними выступили «группы поддержки», в задачи которых входила установка пункта питания на глубине сто пятьдесят метров, на дне глубокого колодца, а также протяжка телефонной связи. Эти второстепенные ра-

боты были исполнены быстро, и все собрались в лагере, с нетерпением ожидая результатов разведки.

В 10 часов вечера на верху плотины показались огоньки, разведчики возвращались. Еще издали по походке и негромким голосам можно было понять, что двенадцатичасовое путешествие в холодном подземелье сладким им не показалось. Но когда мы увидели их побледневшие, вымазанные глиной лица и светящиеся жуткой усталостью глаза, стало ясно, что новая пещера отнюдь не склонна к сантиментам.

Рассказ был коротким. Когда они подошли к нижнему колодцу, в него шло много воды, причем после полудня поток увеличился чуть ли не в два раза. Сделали навеску по двойной веревке: один был закреплен, второй протравливался, чтобы не цепляться на уступах. Вниз спускался только Дякин, для надежности его еще страховали тросом сверху. Колодец неровный, идет наклонными уступами, практически не прокрикивается. На самом дне долго находиться было невозможно: сверху на человека обрушивался каскад ледяной воды, по ощущениям в тридцать—сорок литров в секунду. То есть так, если бы сверху на тебя опрокидывали одновременно пять ведер воды. В этом холодном потоке Мише не удалось с очевидностью понять, продолжается пещера или нет, но по первому впечатлению на дне имеется только каменный завал. На верх колодца он поднимался по тросу без приключений. Все дико замерзли.

Прямо скажем, это было не самое желанное сообщение! Но расстраиваться было рано. Многолетняя практика показывает, что с первого раза «шли» далеко не все глубочайшие пещеры. Достаточно вспомнить истории Снежной или Майской. Поэтому, все же не сомневаясь в успехе, я на следующий день направил за шель двойку Добровольский—Боровой с упакованным в два транса подземным лагерем. Уже до верха последнего колодца пещера была очень сложной, а за ним уже и достаточно глубокой, чтобы продолжать исследования, не вылезая каждый раз на поверхность.

Олег Падалко и Мысливец сделали топосъемку верхней части. Оказалось, что двухсотметровый рубеж глубины мы уже прошли.

Кардинальное исследование дна последнего колодца я решил провести лично и в сильнейшей двойке. Не сложно догадаться, что напарником стал Миша Дякин. Его живейший темперамент не давал покоя ни ему самому, ни его товарищам.

Он будит меня рано утром 27 июля. Вообще-то это не утро, а глухая ночь: 3 часа 45 минут. Всухую перекусываем холодным чаем с колбасой и в 5 часов начинаем спуск в пещеру. Так рано, чтобы не попасть под паводок, возникающий днем от тающего снега. Хочется спать, но в целом самочувствие отличное. Почти рысью бежим по пещере. Транс с перекусом практически не обременяет и не тормозит наше стремление вниз. Галерея, каскад колодцев, Труба, меандр с ручьем и щель позади. Мы стоим над широким черным отверстием, куда падает ледяная вода. Ее, как и ожидалось, немного, всего семь–восемь литров в секунду – одно ведро. Навеска сделана за «естественные опоры». Крючья бить не надо: за тысячи лет вода наточила в камне зацепы и дыры, нужно только обить молотком их острые края – и вяжи на здоровье проводники и булины. Пробуем выгащить веревку, которую позавчера бросили петлей вниз. Но она зацепилась за что-то и не идет. Тогда я плюю, надеваю капюшон гидры и начинаю спуск. По голове и груди бьет вода, но не смертельно, хотя ладони в брезентовых перчатках моментально промокают, холодно. Колодец идет уступами, на которых, если хочется, можно посидеть. Но не хочется. Свет Дякина пропадает за перегибом, только брызги подсвечиваются. На одном из уступов, прямо под водопадом, распутываю веревку. Гидра начинает течь по шву где-то на спине. Нужно будет сказать, чтобы петлей веревку больше никогда не бросали. Минута тянется за минутой, потом спуск продолжается.

Сколько же здесь метров? По ощущениям до дна метров пятьдесят. Я приземляюсь на груду камней. Дно овальной формы, стены сходятся с полом, продолжения нет. Тут ступала нога одного человека – Миши Дякина, я – второй. Но, сказать по правде, и одному делать тут особо нечего. Тем не менее, кричу наверх. Сквозь шум воды разобрать ничего нельзя, но слово из трех слогов, можно догадаться: «свободно». Миша понимает и быстро спускается. Мы внимательно изучаем каждую ложбинку, выискиваем дырки в стенах колодца. Тщетно. В прежнем порядке выбираемся на верх колодца. Глупо. Такая классная пещера и что – тупик? А это что за дыра? А, прошлогодний восходящий меандр с жидкой глиной. Черт побери! Вниз пути нет, только всякие грязные меандры наверх ведут! Ладно, возвращаемся домой, но навеску не снимаем. Еще поборемся!

На следующий день решили ухватиться за соломинку: Яшкин и Касицкая вызвались копать дно Мокрого Колодца. К вечеру они вернулись. Выкопали глубокую яму прямо в том месте, где вода падает на глыбовую пробку, но пробка не кончилась. Похоже, соломинка сломалась: пещера заткнулась. Это было очень неприятно, но отчаиваться не стоило. Мы занялись тщательной топосъемкой пройденных ходов и другими пещерами.

С прошлого года остался не пройденным большой колодец в Надежде. Но вход в Надежду потерялся. Там, где в прошлом году под скалой чернело отверстие, сегодня раскинулась широкая снежная поляна. Тщательно – метр за метром – мы ее исследовали, но пещерного воздуха не наблюдалось. В каком месте копать? Как и на Перовской, бригаду раскопок составили Олег и Вадим Падалко, к ним присоединился Евгений Мухин. Его творческая мысль весьма способствовала устранению снежного препятствия, потому что он придумал методику распиловки фирна. В заданном направлении в снегу лопатой прокапывались две узкие и глубокие

траншеи, после чего в ход шла изобретенная Мухиным пила: тонкий трос с навязанными на нем узлами. Барьер между траншеями пилился поперек: несколько раз вертикально и один – горизонтально. Получались снежные кубы, которые можно было переносить вручную. Правда, от тяжести брусьев и холода свежие запилы быстро смерзались, и работа шла не так быстро, как того хотелось. Вход в Надежду нашли только через три дня раскопок.

Чтобы не терять время, остальные участники экспедиции, свободные от похода за дровами, вели интенсивный поиск и делали поверхностную топосъемку самого Плато и окрестностей. Подробная карта местности помогала проследить направления подземных галерей и, возможно, подсказать точки их связей и ненайденных пока выходов на поверхность. Главным геодезистом стал Валерий Фурман, под его высокопрофессиональным руководством поработали абсолютно все, включая руководителя. К концу второй недели экспедиции в нашем распоряжении оказалась наиподробнеешая карта Плато с указанием каждой воронки, понора и тем более, пещерного входа.

Поиск же новых пещер плодотворностью не отличался. Снега было очень много, так что результаты равнялись круглому нулю. Я тоже старался не отстать от масс и с маленькой лопаткой прогуливался по окрестностям. Наконец мое внимание привлек тот колодец со снегом в борту плотины, которым я пренебрег год назад, направляясь к будущему Перовскому входу.

На камне около колодца выцветшей красной краской было написано: «М-1964». Город и год. Следы илюхинской экспедиции семнадцатилетней давности. Я взял веревку, фонарик, лопатку, оделся потеплее и, спустившись метров на пять по отвесу, оказался на плотной снежной пробке. Как и срез входа, пробка наклонена с севера на юг. Никаких видимых дырок, куда можно было залезть, нет. Даже рантклюфт – щель между снегом и скалой – тоненький такой, и только у

северной стены. Впрочем, снег в щели мне показался крупнозернистым, влажноватым с виду. Я потопал ногой и... рухнул вниз. Хорошо, лопата оказалась крепкой. Ручка уперлась в стену, штык вошел в снег, и этот турник я уж из руки не выпустил. Потом тихонько выбрался наверх и заглянул в образовавшуюся дыру. Подо мной был снежный уступ примерно пятиметровой глубины, дальше чернела узкая щель. Понимая, что улететь можно далеко, я пристраховался к веревке и начал осторожные раскопки. Чутье не обмануло: снег здесь был тяжелый и сырой. Расширяя щель и вырубая в фирне ступеньки, я спускался все ниже и ниже. Стало темно, пришлось зажечь фонарь.

И тут я ощутил, что волосы у меня шевелятся. Нет, не от страха. Просто что-то их шевелило. Я оглянулся и увидел ледяную стенку, которую пронзала круглая гладкая дыра диаметром сантиметров двадцать. Из этой дыры мне навстречу дул сильный ветер. Я бы даже сказал теплый, потому что сам уже промок в тающем снегу и несколько задубел, да простится мне это просторечие, точно выражающее состояние тела. В дыру я пролезть не мог, и стал крушить ее лопатой. Отверстие увеличилось, за ним обозначилось расширение. Все – в снегу. Я пробросил в дыру остаток веревки и, не отстегиваясь от нее, полез головой вперед. Минута протискиваний сквозь калибр, и я оказался на самом настоящем наклонном мини-леднике шириной в метр, длиной, насколько можно было увидеть, метров шесть, а высота потолка надо льдом – всего полметра. Так и поехал на животе вниз по склону, не забывая придерживаться за веревку.

Через шесть метров ледник кончился. Моя голова свесилась в отвесный колодец метров двадцать глубиной. Вниз с ледяного карниза, прямо под моим подбородком, свисали большие сосульки, все вокруг было белым, искрящимся и очень опасным. Лед и снег под землей – ненадежные соседи! Либо ты по ним скользишь и падаешь, либо они на тебя норовят обрушиться. Тем не менее, я определенно открыл но-

вую подземную полость, и не исключено, что большую. Об этом свидетельствовали и ток воздуха, и приличные объемы нового колодца, куда спуститься я уже не имел возможности – снаряжение кончилось, и вообще, в такие приключения одному лучше не пускаться.

Я вернулся в лагерь и рассказал о своей находке. Мол, пещера вся белая, сверкающая... Несколько позже кто-то из гелгелукских пастухов сообщил, что в этот давным-давно известный вход так же давно упали сразу четыре лошади. И не по причине ностальгической тоски по московским посиделкам или светским раутам в жестких рамках сухого экспедиционного закона, а просто сопоставив факты, мы решили поименовать новую полость не иначе как Белая Лошадь. Хотя компания производителей виски аналогичного названия так до сих пор никак не отблагодарила спелеологов за столь замысловатую рекламу их качественного алкогольного напитка.

На следующий день в «Лошадь» пошли трое. Я пригласил Митина и Сундатову. Они пока еще не участвовали в открытиях новых пещер, и не ощущали прелестей неизведанного: ни азарта и гордости первооткрывателей, ни их тяжелейших нагрузок. Надо сказать, что азарт у всех читался на лицах и, не сомневаюсь, тревожил души. Но после первого часа лежки в снежных ветродуйных щелях он заметно побавился, даже у меня. На ледяную катушку мы затащили два метровых кола, вырубленных из сырых буковых стволов – ходоки в лес за дровами принесли их по моему заказу. С большим трудом эти колья удалось вколотить в глубокие щели в самом начале мини-ледника, Во-первых, колья не хотели лезть в эту щель, а во-вторых, негде было размахнуться молотком, потолок нависал непосредственно над головой, хотя отважные путешественники лежали животами на полу. Пришлось сначала разбивать немножко ледяной потолок, потом заколачивать наши деревянные «ледовые крючья». Ничего лучше мы придумать не смогли. На колья навесили ле-

стницу с веревкой, застраховали их идущей вверх основной, и я начал спуск.

Первое, что пришлось сделать, – разбить замечательные большие сосульки, иначе они непременно обломались бы лестницей и упали на меня сверху. Лестница извивалась по изгибам ледяного колодца, идти по ней было ужасно неудобно и требовало значительных усилий. Я дошел до очевидной полки и, чтобы не подвергать своих друзей подобному испытанию, предложил им спускаться на рогатках по веревке, страхуясь за нее же, – это хотя несколько и противоречило правилам того времени, но, по моему мнению, все же было безопасней, чем корячиться на скользких ступенях. К тому же сам я остался пристрахованным за лестницу, поскольку больше закрепить было не за что.

Пока Митин и Сундатова спускались, я оглядел окрестности. Они были сказочно прекрасны. Дворец Снежной Королевы. Искрящиеся ледяные кристаллы, пики прозрачных сталактитов-сосулук, снежные покровы, из-под которых лишь изредка выглядывал грубый камень. Справа и слева – высокие готические своды. А прямо под моими ногами – длинный неширокий разрыв земли. До противоположной стены можно достать рукой, но пол такой скользкий, что любое неверное движение может вызвать срыв. Куда? Я попытался определить, какова глубина разверзшейся рядом пропасти. Но это оказалось невозможным. Куски снега и обломки льдышек, которые я бросал вниз, слегка шелестели о невидимые стены и беззвучно пропадали в бездне. С большим трудом я выковырнул кусочек скалы. Поточней прицелился и метнул вниз. Камень чиркнул о стену и беззвучно ушел к центру Земли. Что там?

Задаваясь этим вопросом, мы по очереди лезли назад на ледяную катушку. На новый колодец у нас не было навески, но также не было и возможности обсуждать проблемы открывшихся глубин: языки уже не выговаривали слова, зато

зубы громко стучали. Отогрелись только в лагере за вечерним чаем, где наметили план на ближайшие дни.

Итак, Перовская пока заткнулась, но там есть боковые галереи. Пусть те, кто еще в этой пещере не наработался, ходят с топосъемкой и заодно поищут обходы слепых и мокрых колодцев. Эта задача легла на испытанного в боях Володю Жданова, который пополнил состав экспедиции, самостоятельно поднявшись из Гантиади. В его распоряжение отряжалась способная молодежь.

Колодец Невского, несмотря на все усилия «стариков» и «молодых», остановил всех на отметке тридцать пять метров, впереди – узкая непроходимая щель. Здесь пока определилась некая безнадежность. Но, к счастью, продолжают Надежда и Белая Лошадь и обе – глубокими отвесными колодцами. Нужно выбрать, куда идти прежде всего. Однако эта дилемма неожиданно легко решилась. Я подумал, что будет правильно, если свое открытие самостоятельно сделают молодые спелеологи. Они запомнят его навсегда, ведь это так редко бывает в жизни! И поскольку Надежда своей грандиозной бездной притягивала меня несколько больше, я решил «подарить» Лошадь Яшкину.

Месяц Солнца

На один день выходы в пещеру отменили.

В пять часов утра всех разбудил неугомонный Дякин. Без завтрака и даже без чистки зубов экспедиция почти в полном составе быстрым шагом направилась через плотину в Цирк, потом по осыпям и скальникам – на самый верх Каменного Клада. В темных сумерках раннего утра живописно смотрелась цепочка из шестнадцати фонарей, растянувшаяся на сотни метров – каждый задавал свой личный темп. Примерно через час после начала подъема уже хорошо разогретые дорогой спелеологи расселись, как птички, на самом остром восточном гребне Цирка, на высоте две тысячи шестисот метров над уровнем моря.

Отсюда открывался замечательный вид на восток: Гегское ущелье, Бзыбский хребет, а севернее и дальше на горизонте четко прорисовывалась черная зубчатая пила Главного Кавказского хребта. Прямо над ним, подчеркивая идеальную сферичность планеты, протянулась длинная темная дуга – полоска слоистых облаков. Все остальное небо было темно-синее и абсолютно прозрачное, на нем мигали брильянтовые звезды.

Восток начал светлеть, прорезались лазурно-изумрудные тона. Зона света плыла все выше и выше, одновременно распространяясь в ширину, разливаясь за облачную линию и один за другим гася звездные светильники. Вскходило солнце, и ничего сверхъестественного в этом явлении не было.

Но тут началось невиданное действо. Рассвет вроде бы затормозился. Из-за пики гор на несколько секунд выполз какой-то тонкий слепящий предмет и тут же скрылся в облаках. И разлившийся было по небу свет снова начал убывать! Световое пятно съжилось и померкло, на небе вновь начали зажигаться звезды. Время пошло вспять. Ровно в 6 часов 45 минут 31 июля 1981 года на Арабике снова наступила ночь! Ну, скажем, не крошечная, но вполне темная и с надлежащими атрибутами: и темно, и спать хочется, и ночные светила – все в наличии. Это было давно предсказанное на этот день почти полное солнечное затмение, видимое на территории страны только в Кавказском регионе. Конечно, романтические души спелеологов не могли отказать себе в удовольствии приобщиться к такому вселенскому празднику, столь редкому и любопытному.

Потом рассвет повторился еще раз, но он был какой-то не настоящий. Светлело медленно и неуверенно, из туч выглядывали тонкие рахитичные лучики, звезды посмеивались над ними и определенно не желали исчезать. И когда главное небесное светило, наконец, явилось нашим взорам, вся эта тормозная картина стала понятна. Вместо полновесного шара из-за полосы облаков выполз худенький серпик,

правда, ослепительно сверкающий, хотя смотреть на него можно было без темных очков – глаза не ломило. Такого никто из нас, точно, не видел. Серп быстро поднимался в небо, притом с каждой минутой заметно поправляясь. Солнечный «месяц» на наших глазах проходил все фазы за полчаса.

Довольные спелеологи щелкали затворами фотокамер, снимали небо, друг друга, пейзажи с неземной подсветкой. Наша полная открытий экспедиция дополнительно подтвердила свой уникальный статус посредством серьезного небесного знамения. Расположенный таковым фактом к романтическому настроению, я даже сочинил в честь этого события короткий стих в форме шекспировского сонета:

Всходило Солнце через тень Луны.
И блики рдели, как знамена к бою,
И тучи жались траурной каймою
Невиданной зарей изумлены.

Их них лились косматые лучи –
Предвестники великого знаменья,
И всплыл ущербный лик, как откровенье,
Как пламя задуваемой свечи.

И в этом чуде немо грохотал
И дико танцевал в безумном пенье
Неудержимо грозный, лютый шквал
И в небо рвал валы тяжелых скал,
И пел: замри, прекрасное мгновенье!

На гребне белопенной кутерьмы
Как заново – рождались мы.

Торжественности, может, и многовато, но зато душевное волнение, вызванное великим природным явлением, получило внятный материальный отклик.

Белая Лошадь и Надежда

Утром 2 августа из лагеря вышли сразу две команды. В одной сконцентрировались многоопытные спелеологи: Олег Падалко, Евгений Мухин, моя персона и Миша Дякин. Наш путь лежал на юго-запад Плато, в пещеру Надежда. Вторая группа – Виктор Яшкин, Андрей Митин и Ольга Сундатова – проложили свой маршрут под прямым углом, на северо-запад, к пещере Белая Лошадь. Таким образом, в один день должны были состояться сразу два открытия. Ветеранам предстояло исследовать глубокий колодец, куда камень без стука летит пять секунд, а молодежь нацелилась в ледяную щель подземного дворца Снежной Королевы.

Впрочем, это все громкие слова: маршрут – туда, маршрут – сюда. От лагеря до каждой из пещер идти от силы пять минут. Так что не прошли и эти минуты, как мы уже надевали комбезы и увешивались «железом» у вождеденных входов.

Молодые долго копались перед спуском в колодец Лошади, это хорошо было видно от входной воронки Надежды. Так что старшие ушли под землю раньше, и, поскольку мне выпало быть среди них, об этом выходе и первый рассказ.

До Глубокого Колодца идем всего полчаса. Веревку с тросом принесли и закрепили раньше, но вся навеска пока смотана. Разматываю и бросаю вниз стометровую веревку, тросом будут страховать сверху. Я пойду первым, Дякин – вторым. Падалко и Мухин страхуют. В колодце слышен шум воды, слов понятно не будет, поэтому договариваемся о системе сигналов. Будем свистеть: один свисток – «стоп», два – «понял», три – «пошел вниз», четыре – «вверх», пять – «спускается Дякин», шесть – «ЧП, вынимайте полиспастом». Поехал! Перед глазами стена – белый массивный известняк, между метровыми слоями толстые темно-коричневые прожилки. Хрупкий, решетчатый материал, отдельные фрагмен-

ты похожи на пальцы руки или, скорее, на рожки чертика. Условное название «кремнезем». Проехал метров двадцать пять, уступ, на нем застряла веревка. Свищу один раз, сверху два ответных – и страховка замерла. Слегка опираясь на нее, сбрасываю основную вниз. Куда летит, можно не смотреть, дна не видно. В этот момент сверху приходит шипящий звук, и я получаю сильнейший удар по каске, потом по руке выше локтя. Сорванная тросом глыба «кремнезема», уже вращаясь от удара по мне и с еще более мерзким шипом, летит в бездну. От боли хочется повыть, но уж нет, пусть чертова глыба воеет в одиночку. Глубоко внизу слышен удар и щебет разлетевшихся осколков. Радуюсь: конец гадине! Рука болит, но цела, едем дальше. Через секунды съезжаю в абсолютный отвес, в бесконечную черную пустоту. Букашка в космосе. Но скоро опять «прибивает» к стене, и тут начинает поливать дождь. Потекла гидра, подранная в Перовской, по спине – «холодная речка». Вдруг страховка стопорится и сверху раздается свист. Под ногами еще метров двадцать веревки, значит, кончился трос. Его длина – восемьдесят метров, проверено рулеткой лично. Свищу два раза и соображаю, что предпринять. За спиной безбрежное пространство, колодец все еще продолжается вниз. Но очередное совпадение: я стою на полке, а в двух шагах справа – огромный белый уступ. Отстегиваюсь от троса и хожу по уступу на веревке, как собачка на поводке. Зажигаю свечу и даю сигнал: пусть спускается Дякин. Пока он едет, бросаю вниз камешки: летят секунды три, значит около пятидесяти метров.

Миша везет транс с навеской и тянет телефонной провод, старается спускаться аккуратно. Тем не менее, вокруг меня свистят кремнеземные бомбы, и я прячусь от них в гротике. Вместе мы забиваем в Белый Уступ пару шлямбурных крюков, вешаем еще одну веревку с тросом и я вдоль стены без приключений спускаюсь еще на сорок пять метров вниз. Торможу на огромной глыбовой осыпи, здесь лежат остатки троса и веревки. Свищу два раза и иду на разведку. Дно Глу-

бокого Колодца – зал метров двадцать на пятьдесят. С разных сторон на дно падают четыре ручья, сливаются в один; водоток убегает под камни. Пытаюсь поковыряться: камни все мельче и мельче, щебенка. Иду по периметру зала: хода нет. Очередной тупик. Надежда, так сказать, заткнулась. Но мы еще поборемся!

Штатно выбираемся с Дякиным сначала из Глубокого колодца, потом все вместе на поверхность. Результат невелик, но глубину колодца определили – сто двадцать пять метров. Кстати, точно соответствует формуле свободного падения $h = gt^2/2$: $g = 10$, $t = 5$, $h = 125$. Снаряжение не снимаем, пусть молодежь поищет продолжение. Заодно пещеру посмотрит.

Группа Яшкина в лагере еще не появилась. Это, вообще говоря, был неплохой знак: пещера идет. Лишь бы ничего не стряслось... Уже смеркалось и все сидели за ужином, когда над входным колодцем Белой Лошади раздался голоса. Троица разведчиков в полном составе выбралась наверх. Глаза их светились детским счастьем. То ли от того, что они снова оказались в столовой, то ли от первопроходческого восторга. Рассказывал начальник выхода.

Понадежней пристраховавшись, Яшкин заколотил два шлямбурных крюка в гроте, по ту сторону снежного колодца. Потом всей командой навесили веревку с тросом и по очереди спустились вниз. Туда, куда я бросал снежные комья, которые беззвучно исчезали. Оказалось, что это тридцатиметровый колодец, но приводит он на вершину огромного снежного полуконуса высотой и радиусом метров двадцать. Поэтому брошенные на него куски снега и льда, и даже камень либо увязали в рыхлом снегу, либо съезжали по нему вниз практически бесшумно. Влево и вправо от конуса уходят серии просторных и высоких залов, на дне которых торчат ледяные сталагмиты высотой в рост человека. А в сторону ведет длинная и широкая галерея, заканчивающаяся колодцем

метров пятнадцать глубиной, но туда они не лазили – не было снаряжения. Воды в огромной пещере практически нет, только в одном месте с потолка идет дождь. Зато глыбы там лежат!.. – Яшкин посмотрел вокруг в поисках сравнения и не нашел. Рук ему тоже не хватило, и он сказал: «Как трамвай!».

Через пару дней Жданов закончил топосъемку Перовской и увел свою команду с базовым лагерем на дно Надежды. А мы сбегали в Лошадь. Стометровые залы и высокие галереи произвели впечатление: это, действительно, была большая, достойная пещера. Но нам-то нужны были рекорды глубины, и мы ринулись в последний непройденный колодец. Туда спустился Дякин и обнаружил только тупик в каменном завале. Жданов проковырялся на дне Надежды пару суток и тоже впустую. Арабика едва приоткрыла свои тайны и тут же дала нам по рукам: не спешите, ребята.

Экспедиция заканчивалась. С пещерами мы рассчитались, осталось отдать должное царице. В заключительный день, как ни странно, стояла ясная погода. Сразу после завтрака из разобранного уже лагеря в сторону главной высоты массива вышла группа поджарых, быстрых на ногу путешественников. Цель – вершина Арабики. Памятуя прошлогоднюю неудачу Тамаза Кикнадзе, мы взяли с собой веревку для преодоления отвесных участков, которые, кстати, были отчетливо видны на пути подъема. Путь пролегал по северному ребру гигантского многогранника и выглядел довольно длинным. Но к всеобщему удивлению, мы пробежали его всего за час, ни разу не навесив веревки – зря носили. На самой макушке горы высилась сваренная из стальных уголков триангуляционная вышка высотой метров пять. Мы пофотографировались около нее, побросали для забавы камни в соседние пропасти и с новой точки обозрели открывшуюся панораму массива.

Виды на запад и на север были изумительно хороши, но не новы: длинная дуга Берчиля с Пирамидой над Плато и

скалистые «штормовые волны» Каменного Клада. Тут, правда, глаз несколько задержался: из-за гребня Цирка высунулась туповатая вершина горы, по впечатлению превышающей высоту Арабики. Тут же вспомнили, что еще в прошлом году Кикнадзе говорил о ней: действительно, на семьдесят метров выше и поэтому называется «Пик Спелеологов». На карте такого названия, конечно, не было, но раз уж где-то здесь находится самая глубокая пещера мира, то имя для высочайшей горы – самое подходящее.

Зато юго-восточная панорама сразу вызвала живой интерес. Перед нами открылась серия мелких и глубоких долин, наштигованных карстовыми воронками и карровыми «столами». Это был еще один, совершенно новый район поиска. Если о пещере Вахушти, Колодце Крубера, Куйбышевской и даже о гротах на Центральном Плато раньше хоть что-то было известно, то о пещерах на Гагрском хребте южнее Арабики не слышал никто. Этот вполне девственный участок имел форму треугольника, в вершинах которого находились высоты местного значения: с севера – сама Арабика, с запада – гора Зонт, с востока – гора Хырка. Так что, не долго думая, я предложил назвать новый регион «Треугольник». Поразмыслив о том, как неплохо было бы запустить сюда пару экспедиций Перовского клуба, мы начали спуск: пора было уходить. Сначала в лагерь, потом – по домам.

Мы спускались в ущелье Сандрипша, сгибаясь под невероятной тяжестью. Часть участников сбросилась раньше, и они унесли только свои вещи. Самым стойким досталось на полную катушку – тащить на себе все, заменяя собой и машину, и ишаков.

У озера на притоке устроили ночевку. Собрали по речным пляжам сухие стволы плавника и к изумлению ростовчан, не знающих в своих степях избытка дров, сложили «маленький подмосковный костер». Расселись вокруг. По-

ужинали. Тихо пели под гитару подходящую моменту новую народную песню:

К морю пора –
Лето кончается,
Дом наш в горах
С нами прощается.
В облачный дым
Укуталась белая крыша
Плачут под ним
Холодные воды Сандрипша...

Синее пламя с ревом вздымалось к самому небу. Было тепло и спокойно. Оба этих чувства, присущие походным посиделкам у костра, весьма стимулировал волшебный напиток, по особой технологии и с большой любовью изготовленный Олегом Падалко из пахучей травы чабрец и этилового спирта.

Потом я часто анализировал эту экспедицию несбывшихся надежд. Что она дала? Несколько новых, но неглубоких пещер? Радость открытия и горечь неудачи? Дополнительные синяки и шишки, да тревожную неопределенность на душе? Да, конечно, все это. Но еще вот что. Совершенно неожиданно для себя в окрестностях Арабики я почувствовал необычайную гармонию своего внутреннего естества и окружающего меня мира. И понял, что надолго, если не навсегда, эти благословенные места вошли в мое сознание, в мое сердце, в мою жизнь. Где бы я ни был, во все времена меня будут магнитом притягивать эти суровые скалы и холодные, неприветливые пропасти.

Но кроме такого, если угодно, персонального информационно-физиологического результата, был и вполне объективно полезный для спелеологии в целом. В тяготах и лишениях высокогорного пещерного путешествия вполне зака-

лились и возмужали сильные молодые спелеологи, по-настоящему влюбленные в пещеры. В непростой экспедиции прекрасно зарекомендовали себя молодые – и москвичи, и ростовчане, в первую очередь несомненные лидеры Михаил Дякин и Виктор Яшкин. Именно они стали настоящими героями последующих экспедиций на Арабику.

Сезон аномальных совпадений

Наступил 1982 год, один из самых сложных в моей жизни. Прошло уже пять лет, как я защитил диссертацию и работал преподавателем в своем родном Университете дружбы народов. Занимался и своей любимой гравитацией – печатал несколько статей в год, и не менее любимой спелеологией – ежегодно успевал съездить в две-три экспедиции. Так всем прямо и говорил: у меня одна жена – теоретическая физика и одна любовница – спелеология. Шутил, конечно.

Перовский клуб проводил свою первую школу. Естественно, я был там инструктором, читал лекции, проводил тренировки. Зимой один из руководителей клуба – Саша Игнатов (Барон и муж Баронессы Надежды) вместе со спелеологами из Каунаса организовал экспедицию в мою старую знакомую пещеру Майская снимать кино. Идея была богатая. Я рассказал о ней моему другу Стасу Покровскому – редактору Клуба путешественников первого канала Центрального телевидения. Он загорелся идеей, предложил пленку и гарантировал показ десятиминутного сюжета. Я было собирался поехать с Бароном, но в моей семье случилось несчастье – сильно заболел отец. Днями и ночами несколько недель моя мать, сестра и я, сменяя друг друга, сидели в больнице, помогая ему справиться с недугом. Вопрос о моем участии в подземных съемках практически отпал. Но судьба распорядилась иначе. Отцу вдруг стало лучше, его забрали домой, и семья отпустила меня в Майскую.

В экспедиции я познакомился с замечательными литовскими спелеологами. Руководил группой из Каунаса Ви-

таутас Гудайтис – жизнерадостный молодой мужчина с бородой и весьма плотного телосложения. Он с удовольствием откликался на сокращенное имя Витас, был гением техники и самых сложных электронно-оптических устройств, а по изобретательности мог потягаться даже с самим Мухиным. При этом, являясь настоящим природным литовцем, он был вполне по-русски отчаянным и даже несколько бесшабашным. Не исключаю, впрочем, что именно эти два качества всецело свойственны обоим вышеупомянутым нациям.

Каунасцы привезли с собой тяжелые аккумуляторные батареи, кинокамеру и специальные осветительные приборы, которые предполагалось проташить сквозь мучительные узости для съемок мирабилита. Тащить предполагалось совместной команде – всем, кроме Витаса. Он руководил работами сверху, так как не смог протиснуть свое нетонкое тело в первый же шкуродер.

Я, естественно, был среди тех, кто тащит, тем более, что хорошо знал дорогу. Но тут произошло странное и неприятное совпадение. В лагерь экспедиции пришел житель Рожкао и сказал, что на почту был плохой телефонный звонок. У кого-то из спелеологов умер отец. Номер телефона, по которому звонить, – в поселке на почте. Нечего и говорить, что я с группой ребят помчался вниз, и можете представить себе те слова, которыми я винил себя и проклинал решение уехать из Москвы. Но беда коснулась не моего дома! Скончался отец одного из литовских спелеологов, и тот сразу же уехал.

И вся экспедиция пошла наперекосяк. Место лагеря в Анфиладе оказалось занятым параллельной группой ростовчан. нам пришлось искать и полдня разравнивать новую площадку прямо в зале НСС. Как уже говорилось, главный мастер киносъемки Витас в пещеру не пролез. Но самое главное, тяжелейший труд по транспортировке автомобильных аккумуляторов по почти двухкилометровой дыре оказался напрасным: батареи оказались подсевшими. Светиль-

ники тлели бледным желтым светом, и съемки мирабилитовых зарослей превратились в сплошное мучение. Хотя пару дней мы на них все же потратили. На обратном пути так вымотались, что вынуждены были поставить лагерь на «старом дне» перед прокопанным в песке шкурником. От усталости я неважно соображал: стал заливать бензин прямо в горящий примус. Хорошо не из канистры, а из маленькой пластиковой баночки. Банка тут же польхнула, и хорошо, что я догадался бросить ее в дальний угол грота, а не засунуть в карман! Так что все не клеилось...

Только наверху, в избушке, душа слегка отогрелась. И теплом печки, и чудными песнями, которые вечерами у замерзшего окна пела под гитару Катя Коробкина, слушательница нашей новой школы. И еще была там одна девушка земной красоты – Света, которая мне безумно нравилась.

Как и обещал Стас Покровский, выступление по телевидению состоялось. 19 мая 1982 года в студии собрались разные путешественники – от погонщиков собачьих упряжек до мастеров сплава по водопадным рекам. Вел встречу Дмитрий Шпаро, руководитель первого перехода на лыжах через Северный полюс. Я рассказывал о спелеологии и о пещере Майской. Но главную роль в моем выступлении играл не текст и тем более не блеклый киносюжет, а большой сверкающий кристалл мирабилита, подобранный в зале НСС и с великими предосторожностями перевезенный в Москву. Перед началом передачи он был омыт водой и лежал на столе в специальном блюде. Когда все рассказы подошли к концу, камеру опять нацелили на блюдо. В нем была лишь горстка белого порошка: великолепный кристалл рассыпался в прах.

Так часто случается в этом мире.

В Перовском клубе шла интенсивная подготовка к летнему сезону 1982 года. На Арабику собрались сразу две команды: на Центральное плато – для дальнейшего исследования уже найденных пещер, и на Треугольник – для поиска

новых. В обеих группах предполагалось также провести лагерь спелеошколы первого года. Руководить лагерем на Плато вызвался Миша Дякин, на Треугольник, в район горы Зонт, собралась группа во главе с Сашей Игнатовым.

Я не занимался организацией этих поездок сознательно и по двум причинам. Во-первых, молодым руководителям клуба все хотелось сделать самим, и это стоило поддержать. Они занимались спелеологией уже почти по десять лет, нужно было обрести самостоятельность. Я это хорошо понимал, не забывая, что сам повел свою первую экспедицию на Бабуган-яйлу в 1964 году, всего лишь через год после того, как попал в настоящие пещеры. Во-вторых, по линии научного обмена я в конце лета собирался поехать на год в Америку. В те времена это была величайшая редкость – попасть в число тридцати молодых ученых, по государственной линии направляемых во «вражескую» страну. Тем не менее, пара десятков статей в отечественной и зарубежной периодике сделала мои исследования достаточно известными, и профессор Хьюстонского университета физик-теоретик Роберт Кин пригласил меня поработать вместе. Тщательно изучив мою незамысловатую биографию, партийные и другие органы решили, что я от родины не сбегу, и разрешение на поездку дали. Так что все лето я должен был заниматься совершенствованием английского языка на специальных курсах Министерства иностранных дел.

К тому времени у меня уже был диплом переводчика с английского на русский, и на курсах я скучал. Преподавательница с легкостью разрешила мне прогуливать занятия, но просила придти через месяц на экзамен. Я тут же решил воспользоваться этой свободой и сгонять хоть на неделю на Арабику вместе с Дякиным. Но тут возник искуситель в лице Володи Киселева. Он сказал, что на Бзыбском хребте, в западной его части нашли глубокую пещеру Напра, и что мне неплохо бы поруководить московской группой, которую пригласили для исследования этой пещеры красноярские

спелеологи. Глубина Напры подтягивалась к километру, и, хотя мне к тому времени уже не сильно нравилось ездить по чужим следам, я не смог устоять.

Наша команда числилась московской весьма условно. Кроме Киселева и меня в нее вошли Валя Касицкая, старый друг Киселева кинооператор Саша Полуянов и Женя Мухин с сыном. Остальные «москвичи» были ростовчане Яшкин с Боровым, бывший томич, а теперь житель Твери Виктор Леринман (Граф) да наш венгерский друг Ференц Чепреги. Мы начали интенсивно тренироваться и готовить снаряжение к прохождению глубокой и трудной пещеры. Но тут случилось событие, поставившее под удар все мои планы и надежды.

Параллельно с подготовкой к экспедиции на Напру и к поездке в Америку я занимался еще двумя серьезными делами. Из интереса и для денег переводил на русский язык научно-популярную книгу английского автора о космологии. Кроме того, у меня развернулся бурный лирический роман с красавицей Светой, моей будущей женой. Но, видимо, взял я на себя слишком много.

В метро по дороге на работу в университет (а я еще и работал!) вдруг почувствовал сильнейшую боль в левой стороне груди. Подумал – инфаркт. Но выдержал боль и характер, доплелся до университета и сел на лавку в холле. Там бледного и плохого меня обнаружили озабоченные коллеги. Они вызвали «скорую помощь», которая привезла в какую-то больницу, где мне сделали кардиограмму. Она, к всеобщему удивлению, оказалась хорошей, пульс был ровным и полным, дыхание размеренным. Симулянт я вроде. Получив вердикт: расстройство вегетативной сердечно-сосудистой, а может, даже и нервной, системы я был отправлен на такси домой. Хорошо, деньги с собой были.

Сердце больше не болело, но что-то определенно плохое с организмом случилось. Я днями лежал пластом, не имея сил пойти в магазин или что-то себе сготовить на обед. В этот сложный период мне очень помогла моя юная Света.

Но здоровье не улучшалось. Наблюдавший меня врач из поликлиники ничего внятного не говорил. Через неделю я начал ходить, даже один раз пришел на тренировку, но делать ничего не смог. Начался сильный сухой кашель. Врач, очевидно, считал, что я притворяюсь и совсем собрался меня выписывать на службу, но в качестве заключительной проверки послал на рентгеновский снимок грудной клетки.

Наутро у меня в квартире раздается телефонный звонок: «Это Ефремов?». Отвечаю, что вроде я. Следует неподобный вопрос передовой советской медицины: «Вы еще живы?». Услышав, что говорят не с покойником, в телефоне велют лечь и не двигаться, за мной сейчас приедут. Пытаюсь выяснить, в чем дело, отвечают, что у меня болезнь с замысловатым названием «пневмоторакс». Приехавшая бригада «скорой» поясняет, что на снимке у меня не нашли левого легкого – лопнуло и съежилось, как воздушный шарик.

В городской больнице «Медсантруд» доктор Смоляр проткнул мне ножом дырку в боку, вставил туда трубку и присоединил к насосу. Потом сказал: «Вдыхай». Следующие несколько секунд были худшими в моей жизни. Воздух через трубку вышел из плевральной полости, слипшееся легкое с хлопком расправилось. Так с этим насосом я и лежал на железной койке в коридоре, поскольку в палате мест не было. Света приносила мне еду и часами дежурила. Приходившие проведать убогого многочисленные спелеологи с удивлением на нее косились – наш союз до поры был тайной.

Я пробыл в клинике всего пять дней, но вышел из нее живым человеком. Больничная слабость вполне компенсировалась удовольствием вбирать воздух всем объемом системы дыхания. Доктора, естественно, до конца жизни запретили любые физические нагрузки. Но не спелеологам же их слушаться! Через две недели нагруженный тридцатикилограммовым рюкзаком я уже садился в самолет и мчался на Кавказ: экспедиция на Напре была в разгаре.

Но еще за неделю до того ко мне домой заехал Володя Илюхин. Он направлялся на Арабику провести экспедицию Дякина. Хотел залезть в пещеры, но его старый налобный фонарь вышел из строя. У меня был лишний налобник, и я с радостью предложил его своему другу и учителю. Володя заехал часов в пять вечера. Взял фонарь, предложение попить чаю отверг – как всегда куда-то торопился. Мы традиционно пожелали друг другу четности – сколько спусков, столько же подъемов, и предположили, что через пару недель встретимся на Кавказе.

Я добирался до Напры в одиночку, предварительно расспросив Киселева о подходах. Выйдя из абхазского села Блабурхва, направился по наезженной дороге в гору. Скоро дорога превратилась в тропу, последняя начала ветвиться, и я бы непременно заблудился, если бы не стрелки, выложенные из камешков чьей-то заботливой рукой. Я заночевал на склоне и на следующий день поднялся к вершинной части хребта, где встретил первый лагерь красноярцев. Руководитель поисковой группы Миша Карначев связался с главным лагерем по рации, сообщил, что на Бзыбь пришел Ефремов, и в деталях разъяснил, куда двигаться. Эта информация была жизненно необходима: вершинные холмы хребта закутал плотный туман.

Все равно я немного плутанул, но мне навстречу вышел Женя Мухин и, перекрикиваясь, мы нашли друг друга. В пещере дела шли полным ходом: Полуянов с красноярцами снимал кино на самом дне. Нам досталась легкая работа – подбросить пару трансов до лагеря на глубине пятьсот метров. Пещера, однако, оказалось местами заметно узкой, и наша тройка – Киселев, Чепреги и я – потратила на спуск и подъем почти двое суток. Я при этом настолько вымотался, что еще два дня бродил по хребту, приходя в себя.

Тут совершались интересные открытия. Граф с Касицкой отыскиали под скалой дырочку, в которую по очереди залезали и пытались прокопать. Удавалось это не слишком,

но пещера потихоньку углублялась. Потом в честь первооткрывателя ее назвали «Графский Провал». Другие спелеологи обнаружили на одной вершине кладку камней – абхазский ацингуар. В надежде найти клад, его не поленились разобрать. Под камнями, действительно, обнаружился клад – старый керамический сосуд. Но в нем были вовсе не золотые пиастры, а сотни гнутых и ржавых наконечников для стрел. Их, конечно, тут же разобрали по рюкзакам.

Стояла прозрачная безоблачная погода. С пологих и гладких холмов Бзыбского хребта беспокойный ландшафт Арабики смотрелся сказочной декорацией со скальными взлетами, рыцарскими замками, пропастями и перекидными мостками через них. В последний день вечером я выбрался на ближайшую вершину и с любовью взирал на эту далекую и дорогую мне горную страну. Но то ли пиратское разорение древнего ацингуара, то ли что-то сбывшееся, но неизвестное, то ли еще совсем не сбывшееся вызывало ощущение сильнейшей душевной тоски. Может быть, просто я еще не вполне выздоровел.

Утром я уходил из экспедиции. Меня провожала Касицкая, помогала нести рюкзак. На крутом склоне нам встретился парень-спелеолог. Он шел снизу, от шоссе, узнал меня и сказал: «Вчера погиб Илюхин. Попал под машину». Я окаменел. Валя заплакала. Потом я доехал на автобусе до Гантиади. На вокзале увидел Кикнадзе и Раквишвили, но не удивился. Происходили события, в которых участвовали высшие силы. Тамаз и Резо ехали за телом Володи в Гагринский морг. Вместе с ними я грузил тяжелый гроб сначала в машину, потом – в Адлере в самолет. Самолет улетел. Мы пошли в ресторан, выпили водки. Тамаз сказал, что Илюхин спустился с Арабики, остановил автобус до Адлера и убежал из-за него взять вещи. Встречная машина сбила его сразу насмерть. Тбилисские спелеологи случайно оказались рядом,

и им пришлось все устраивать: экспертизу, морг, машину, самолет...

Я простился с тбилиссцами и побежал на Арабику. От Ачмарды по Сандрипшу через Гелгелук по ущелью на Плато. К вечеру того же дня доплелся. Сообщил Дякину о гибели Володи. Утром рванул на Треугольник. Рассказал о трагедии Барону и своей обожаемой Свете. Потом брел один по хребтам и долинам и обо всем рассказывал Арабике. Облегчения души не было. Я вернулся в Адлер и, с боем вырвав в кассе Аэрофлота билет на самолет, улетел в Москву.

В начале сентября я отбывал в Америку. Дальняя страна, другая жизнь, долгий срок – что еще нужно человеку, чтобы избавиться от кошмара, накрывшего его на перекрестке жизни?!

Перед отъездом встретился с друзьями-спелеологами, которые уже вернулись из своих экспедиций. Дякин рассказал, что нашел в Перовской продолжение: от верха Мокрого колодца залез в восходящий грязный меандр, прополз по нему и обнаружил посредине хода узкую дырку, в которую дует ветер, а в самом конце – балкон над жерлом отвесного колодца. Кроме того, ростовчане нашли на плотине недалеко от главного входа еще один вход – пещеру «Волчья», галерея которой вывалилась в известные колодцы над Трубой. Таким образом, перед нами была настоящая пещерная система с несколькими входами и с хорошей перспективой продолжения.

Посоветовавшись, мы написали обращение в топонимическую комиссию Российского географического общества с просьбой утвердить окончательное название новой карстовой полости: «Пещерная система имени Владимира Илюхина».

СОВСЕМ НЕМНОГО АМЕРИКИ

Совершенно неожиданно Америка оказалась скучноватой. Похожие друг на друга города, размеренный темп жизни, спокойные, довольные люди, в магазинах все есть. Не за что бороться. Короче, богатая, ухоженная, сверкающая яркими огнями страна поначалу мне понравилась не слишком. И только два обстоятельства спасали: работа и Федор Склокин.

Профессор Кин ожиданий не обманул, работать с ним было сказочно легко. Он появлялся раз в неделю, спрашивал, счастлив ли я, и если у меня возникали сомнения в правильности выбранного математического метода, советовал: попробуй вот так. И пропадал на неделю. Я сидел в отдельном офисе без окон и дверей, только с телефоном и кондиционером. Мне никто не мешал, и я пробовал так, эдак, еще и по-другому, и внезапно набрел на такую целину в матфизике, что до конца не распахал ее еще в течение последующих двадцати лет.

Федор Склокин, как и я, прибыл с группой молодых ученых, и его также «выбрал» Хьюстонский университет. Он явился еще одним ярким воплощением тайной природы великих совпадений. Мало того, что он тоже был москвичом, тоже физиком, правда экспериментатором, одного со мной возраста и роста, правда, брюнетом с бородкой, но к тому же еще и известным путешественником! Он участвовал в нескольких полярных экспедициях знакомого мне Дмитрия Шпаро и часами мог рассказывать о ледовых ночевках, белых медведях и питьевом спирте. Его легкий характер, живой ум и правильное понимание жизни весьма способствовали нашему весьма дружескому сосуществованию в маленьком домике хьюстонского латинского квартала. Если мы слегка и ссорились, то только тогда, когда я злился, проигрывая ему в большой теннис, которым мы неожиданно увлеклись.

ФБР, пещеры и аллигаторы

Теннис начался с того, что агенты ФБР принесли нам ракетки. Как натуральные советские граждане, а не какие-нибудь эмигранты «третьей волны», мы вызывали у федеральных органов живой интерес. Что-то нужно было с нами делать: то ли вербовать, то ли, наоборот, разоблачать в шпионаже, то ли уговаривать остаться на вечное поселение. Органам определенно требовалось отчитаться перед начальством, а также перед сенаторами и конгрессменами в расходах на свое содержание.

В те времена какой-то русский сатирик придумал смешной термин: «си-бур-де». Французское словечко с ударением на последнем слоге. Но на самом деле – аббревиатура эссенции советского строя конца 70-х: «симуляция бурной деятельности». В Техасе неожиданно выяснилось, что советские и американские чиновники очень похожи. ФБРовское начальство совершенно наплевательски отнеслось к своей тонкой работе и в суперпростецкой форме – якобы соседи – определило к нам своих сотрудников. Замечательные скромные ребята нашего возраста – парень Ричард и девушка Кэтрин – тут же начали с высокой эффективностью выполнять все наши пожелания. Теннисные ракетки были первым даром джинна дяди Сэма. Потом пригласили в ресторан, потом принесли великолепно иллюстрированную книгу про космос.

Нам с Федей стало совестно, мы начали приглашать Дика и Кэт к себе домой, скоро почти подружались. Угощали жареной картошкой с овощным салатом, немножко икрой и водкой. Как истинные американцы, они вскоре пригласили нас и в их дом, кстати, не в соседний, а на другой конец города. В чем мы, впрочем, и не сомневались.

И можно было бы не утомлять читателя этим сторонним рассказом в книге про пещеры, если бы в Хьюстоне у меня не случилось спелеологического обострения. Жутко захотелось в пещеру. Ну, невозможно захотелось, хоть в какую! Я сказал об этом Дику. Он обещал непременно что-

нибудь придумать, и на следующей встрече был уже всецело в курсе местного карста. Согласно полученным сведениям, ближайшая пещера оказалась в двухстах километрах на запад, в районе города Сан-Антонио, главного центра сопротивления белых ковбоев-повстанцев с регулярным мексиканским войском в период войны за независимость Техаса от Мексики в XIX веке. Вашингтонский госдеп, получивший от нас с Федей письменный запрос о поездке, возражать не стал, и прекрасным осенним утром мы покатали на «додже» Дика в сторону штата Аризона.

Конечно, миновать город боевой славы Сан-Антонио не следовало, тем более что путь был не близкий, и следовало заночевать в приличном месте. Таковое нашлось: отель «Мариотт» в самом центре. По сто долларов за номер. Для нас, да я думаю, и для наших друзей, по тем временам это была вполне сумма, но в данном случае союз Россия–Америка был природе по нраву, так что на федеральные штатовские денежки она не скупилась. Не нужно, однако, считать, что мы с Федором оставались в долгу. На «жентакки фрайд чикен», т.е. на фирменную жареную курицу из штата Кентукки, у русских с собой было правильное российское контрпредложение в виде «Московской особой» или «Столичной». Понимаете чего.

Картина. В шикарном номере высотки, на двадцать пятом этаже, накрыт стол. Огненные местные огурчики «галопинья» приятно соседствуют с нарезанными помидорами в сметане, пресным еврейским хлебом и кусочками цыпленка. Пластиковая емкость с кока-колой, в свою очередь, весьма гармонирует со стеклянной тарой, содержащей чистейшую живую воду. Кстати по-французски, кто не знает, водка называется именно так: *l'eau de vie* – живая вода! Вокруг стола живописная группа: трое мужчин и дама. Все хорошие. Говорят очень громко, но по-английски. Перебивают друг друга. По коридорам «Мариотта» разносится: «Когда я был на Северном полюсе...!», – это Федор. Его не слушает Ричард:

«Не, погоди, когда я был во Вьетнаме..!» Это истинная правда. Знаю, потому что водки не хватило, и мы с Кэт пошли за второй. Я взял «Столичной», другой родной тут не продавали. И по возвращении в гостиницу мы слышали этот звучный диалог чуть ли не с первого этажа.

В семь утра в наш номер постучала Кэт и попросила быстренько собраться и ехать в пещеру. Чуток тяжелые после вчерашнего, мы с Федей вежливо справились, что за спешка. Смущенная Кэт пояснила, что перед сном они с Диком повеселились – устроили легкий бой подушками, которые случайно выпотрошились. Тогда в расход пошла также французская пудра «Рашель», вероятно, в качестве пороха или дымовой завесы. Так что сражение вполне удалось. Но во избежание неприятностей пришлось выметаться из номера рано утром, до прихода горничной. Посему убедительная к нам просьба уезжать, как можно скорее. Понимая неопытных американских друзей и душевно им сочувствуя, мы не заставили себя долго ждать.

Нечего говорить, что весь следующий день за рулем была леди, а сэр Ричард скукожился на переднем сиденье, умудрившись при этом забросить свои длинные мослы на торпеду авто.

И все же мы приехали в пещеру! Это была цивилизованно обустроенная горизонталка, посещаемый туристский объект. Название чисто по-американски оригинальное: «Natural Bridge Cavern» – «Полость естественного моста». В честь плоской известняковой плиты, нависшей над входной воронкой. Запотевшая стеклянная дверь, бетонная дорожка, ведущая вдоль подземного каньона с умеренными натеками, простенький рассказ экскурсовода о том, как вода камень точит... Тоска зеленая, Анакопийке и в подметки не годится! Но, господи, как я был счастлив вновь оказаться в моем любимом нелюдимом мире, пусть за десятки тысяч километров от родных моему сердцу кавказских и крымских пещер!

Посещение карстового подземелья возымело результатом творческий порыв, и я придумал песню про горный перевал:

Здесь нет пред сильными смущенья
И долгой памяти к врагам,
Здесь тени падают в ущелья,
А звезды падают к ногам.
Но сам дойди до перевала –
Поддержка дяди тут слаба,
И деньги стоят так же мало,
Как и красивые слова.

Ясное дело – Арабику вспоминал...

К середине срока – а американская ссылка, как и служба в армии, почему-то интуитивно воспринимались как «срок», – у нас с Федей уже было полно друзей и знакомых. Мы купили на двоих машину, получили техасские водительские права и стали очень свободны. Каждый день куда-то ездили, с кем-то встречались, были нарасхват. Тут боссы Дика и Кэт, видимо, приказали им заняться другими делами, и они перестали к нам ездить. Жаль, хорошие ребята. Когда мы с Федей уезжали домой, оставили им с благодарственной запиской теннисные ракетки, но не знаю, получили ли они их...

В Америке было еще два события, связанных с путешествиями. Одно – со столь любезным мне плаванием на байдарках, другое – с техасскими спелеологами. Но по очереди.

В Хьюстонский университет из Флориды приехал с докладом известный физик Леопольд Гальперн. Доклад я выслушал, задал пару вопросов, и мы познакомились. Русские

теоретики, как оказалось, в Америке ценились, и Гальперн предложил мне подвезти во Флоридский университет и выступить с сообщением об энергии гравитационного поля. Нельзя сказать, чтобы я так уж горел желанием докладывать на эту спорную тему. Но, во-первых, поездку и доклад неплохо оплачивали, а во-вторых, выступать нужно было не где-нибудь, а на семинаре лауреата Нобелевской премии Поля Дирака! В современном списке физиков-теоретиков сразу после Эйнштейна стоит Дирак, это все знают. Для рядового советского физика познакомиться с ним лично и сделать доклад на его семинаре – это больше, чем колхозному парторгу доложить на Политбюро и пожать ручку генсеку. Я тут же дал согласие, и через месяц получил приглашение из Теллахасси, столицы штата Флорида.

Дело было в марте. Самолеты в Теллахасси не летали, и я поехал на автобусе вдоль всего южного побережья: Техас, Луизиана, Джорджия, Флорида. Унылый весенний пейзаж. В конечный пункт прибыл поздно вечером, меня встретил Гальперн и на гремучем «жучке-фольксвагене» привез в отель «Источник Вакулы». Номер в старинном здании без холодильника и телевизора отличался необычайной высотой потолка, за окном темнело какое-то озеро. Я сильно волновался перед ответственным выступлением, и чтобы успокоиться, утром вокруг этого озера побегал по тропинке. Сделать полный круг не удалось, озеро оказалось очень длинным.

Доклад у Дирака прошел на славу. Человек сто пятьдесят в глубоком и, боюсь, прискорбном молчании выслушали варианты подсчета энергии гравитационных волн и после, скорее из вежливости, задали пару легких вопросов. Резюмируя мой часовой бенефис, гений спинорного поля профессор Поль Адриен Морис Дирак заметил, что многое из того, о чем я рассказывал, он слышит впервые. Потом – уже в частной беседе – справился, давно ли я видел такого-то русского академика. Я в жизни своей вообще ни разу не видел ни од-

ного академика, только по телевизору, в чем честно признался. Тогда мы немного побеседовали о гипотезе больших чисел, после чего, поддерживая светскую беседу, Дирак спросил, есть ли у меня хобби. Я ответил и потом с полчаса рассказывал ему о спортивной спелеологии. В финале встречи мы сфотографировались на память, и это фото теперь висит над моим рабочим столом.

Наука кончилась, но время еще оставалось – полтора дня. Назавтра Гальперн предложил мне экскурсию по воде, а остаток дня я провел в самостоятельном изучении окрестностей.

И вот даже неловко становится перед читателем за навязчивую идею о совпадениях, которую постоянно поминаю в этом эпическом произведении. Но ничего не могу поделать. Правда есть правда, и она состояла в том, что приехал я во Флориду с единственной целью: сделать доклад о гравитации на семинаре у нобелевского лауреата. Это, и только это имелось в виду.

Но возле гостиницы, куда меня поселили, оказалось совсем не озеро, а самый что ни на есть мощнейший карстовый источник, выходящий из сверхъестественно гигантской подводной пещеры! Из-под земли вытекала широкая и глубокая река, пересекала половину флоридского полуострова и впадала в океан. И все это при том, что ландшафт вокруг хоть и был слегка холмистым, но отнюдь не горным. Совершенно не понятно было, откуда взялся этот грандиозный источник.

На берегу, рядом с отелем, притулились пристань и небольшой кинотеатр. За десять долларов по источнику катали на катере и за столько же показывали про него кино. Я, естественно, с большим интересом ознакомился с американским подводным карстом. Во время плавания, однако, экскурсовод уделял внимание не столько научным пояснениям, сколько аллигаторам, во множестве ползавшим по окрестным пляжам. Прямо скажем, с крокодилами тут было все в порядке! Одиночки, пары и целые семьи жирных ящеров

мирно грелись на вечернем солнышке, не обращая на плавание, набитое вкусными двуногими, никакого внимания. Это было забавно, но не более. Зато кино привело меня в полный восторг. Фильм снимали спелеологи-аквалангисты, которые несколько лет тому назад осмелились погрузиться в шахту входа. Шахта оказалась очень глубокой – почти семьдесят метров, уже по этой причине нырять было трудно и опасно. На этой глубине шахта повернула и превратилась в гигантский естественный тоннель, заполненный идеально прозрачной водой. Далеко заплывать туда на такой глубине не удалось, поэтому ограничились исследованием ближней части. И, представьте себе, обнаружили среди ила скелеты чуть ли не целого стада мамонтов! Хорошо, не динозавров, а то спелеология могла бы претендовать на новую версию об их исчезновении: под землю провалились и все тут.

Залитое неизвестно откуда берущейся водой таинственное подземелье, остовы ископаемых слонов, многочисленные и ужасные крокодилы – вся эта нестандартная экзотика весьма впечатляла туристов, и они сюда в массовом порядке и с удовольствием наезжали, принося хозяевам комплекса неслабый доход. Хотя не обходилось и без проблем.

Один аллигатор жил там много лет – чуть ли не триста. Старый был и мудрый, почти ручной, звали его Старина Джо. По-нашему – Дядя Ваня. Единственному из сородичей ему разрешалось выползать из воды на пляж прямо к отелю и брать еду у туристов, потому что он их не кусал. Один приезжий джентльмен принял виски и пошел прогуляться. Тут на него из реки пошел крокодил. А надо сказать, что к своему почтенному возрасту Старина подрос до пяти метров, в длину, конечно. Джентльмен не понял, вынул кольт и пальнул в живность. Джо спасти не удалось – ко всеобщему пригорюнию, в том числе и собственно киллера. За стрельбу в пьяном виде мужик прилично посидел в тюрьме нестрогого режима, а из Дяди Вани сделали чучело в натуральную величину и поместили в холле гостиницы под стекло с соответ-

вующей пояснительной запиской. Как назидание следующим поколениям нетрезвых и вооруженных гостей флоридской столицы.

Следующим утром Гальперн привез на багажнике своего «жучка» неразборную байдарку. С ним был друг Альберто, итальянец, тоже физик. Как было обещано, мы отправлялись поплавать по реке. Выехали за охраняемую туристскую зону, загрузились в лодку и отчалили. Гальперн и Альберто непринужденно гребли, а я на правах гостя оглядывал пейзаж. Мы шли по еле очерченному руслу среди странных деревьев: средней высоты и довольно стройные, они росли прямо из воды и в нижней части были чуть ли ни в три раза толще. «Red wood», – сказал Гальперн, – «Красное дерево. Каждому стволу по двести лет». Лодка лавировала между деревьями, и эти маневры, как и местность, живо напомнили мне пятилетней давности березовую рощу в полноводной апрельской Волгуше.

И тут мне стало сильно не по себе. Я заметил, что рядом с нами – буквально в сантиметрах – из воды высовываются болотного цвета горбики с парой полусфер на макушке. Поторчав несколько секунд около лодки, горбики тонули, оставляя на водной глади длинные ламинарные волны. Я вытянулся в тонкую струнку и поднял локти как мог выше – к самой шее. Между подмосковной Волгушей и флоридской рекой Вакулы была существенная разница. Там, обняв дерево, байдарочник просто купался в холодной воде. Здесь аналогичное действие имело дополнительный эффект в лице голодных крокодилов. Гальперн причалил к поваленному дереву, предложил перекусить сушеными финиками с кокосовым орехом: будучи экстравагантным вегетарианцем, ничего иного он не ел. Потом сказал, что неплохо бы искупаться, он это регулярно делает. Сославшись на излишнюю свежесть ветра, я вежливо отклонил это любезное предложение. Перед глазами маячила виденная вчера картина. В трех метрах от бере-

га на палке торчит из воды ободренный фанерный щит с надписью: «Аллигаторов не кормить, опасно для жизни!».

Слет техасских спелеологов

Через пару месяцев опять начала душить пещерная тоска. Володя Киселев тогда активно налаживал международные связи и прислал мне номера телефонов местных кейверов. Я позвонил и познакомился с симпатичной спелеологической семьей: Пол, президент городского клуба, жена Мэри, тоже спелеолог, и маленькая дочка. Как водится в Техасе, сначала сходили в ресторан, потом побывали друг у друга в гостях. Позже Пол пригласил меня на ежемесячное собрание клуба – пресноватое мероприятие с информацией: «кто, с кем, где, когда, как» и показ кино о мастерах-самodelкинских по спелеоснаряжению. Я вежливо все это посмотрел–послушал, но хотелось странствий. Поэтому с энтузиазмом воспринял предложение Пола посетить весенний слет техасских спелеологов.

За двадцать лет моей пещерной деятельности – а в 1983 году исполнилось именно столько – я насмотрелся на самые разные отечественные слеты, от мелких клубных и средних городских до широкомасштабных всесоюзных. Их основное время занимали соревнования и конкурсы: по спелеотехнике, подземному ориентированию, спасработам, лучшей кухне, лучшей самодеятельности, лучшему слайд-фильму и все такое. Социально-активные путешественники участвовали в каких-то бесконечных заседаниях, вели хитрую политическую интригу. Конечно, интересно было посмотреть, как это происходит в Техасе, и сравнить. Но более всего просто хотелось проветриться и пообщаться «со своими».

Поздно вечером Пол заехал за мной на «джипе». В машине, кроме него и Мэри, сидела их подруга – красивая девушка Дэйн, замужем, но муж в Австралии. Почетное место на приборной доске «джипа» занимал большой жидкостной компас, и я еще больше зауважал Пола, как человека,

умеющего ориентироваться на местности. Пара часов блуждания в ночи, и по карте с компасом мы отыскивали нужное шоссе и заезд на место слета. Это был не дикий лес, как у нас, а огороженный участок земли, поросший травкой. На нем стояли десятка три машин и столько же палаток. Однако увидеть или понять, где здесь и что, было трудно: кромешная тьма, вокруг слоняются толпы народа и спят глаза светом фонарей; те, у кого фонарей нет, друг о друга спотыкаются и перекрикиваются во мгле. И хотя на поляне не было привычного костра, я сразу почувствовал себя в своей тарелке – это точно были «свои». Над этим беспорядком, как бывает на больших спелеологических сборищах, незримо реяла смутная тревога. Я ее почувствовал и вспомнил Малый зал Снежной перед выемкой снаряжения. Но если двенадцать лет назад Вселенная предупреждала об истощении запасов еды, то здесь явно звучал совсем другой мотив.

Ветер. Поднялся сильный ветер, и в небе бегом помчались тяжелые осмиево-ирридиевые тучи. Самые тяжелые тучи в мире. Стоит заметить, что штат Техас – широкое открытое пространство – имеет мировую метеорологическую известность. Здесь легко и непринужденно образуются и движутся в атмосфере воздушные вихри. На Руси они почему-то называются «смерч», а здесь более понятно – «торнадо». В переводе – турбулентное нарушение голономных свойств трехмерной газовой среды. Над расположением техасского спелеологического слета сгущался смерч. Только этого никто не знал.

Мэри выдала мне микроскопическую палатку с двойной крышей и легкий спальник. Идентичные аксессуары получила Дейн; семья разместилась в машине. Я долго соображал, брать на себя инициативу или нет. В смысле – зачем две палатки, если муж в Австралии? Но, черт его знает, какие порядки у здешних спелеоледи! Первое знакомство все-таки. Да и дама, прямо скажем, заманчивая, конечно, но весьма нехрупкая, заметно в физической силе. Если что – так вре-

жет!.. В общем, поставил я свой грустный домик особняком, заполз в хлипкий спальный комплект и попробовал уснуть. Это удалось, но не надолго.

Сначала по крыше застучало. Я встрепнулся, подумал – дождь, но ошибся. Палатку долбили кулаки ветра. Двойной потолок стрелял погромче бича деревенского коровьего пастуха. Не поспишь. Потом так дунуло, что палатка расправила крылья и вознамерилась воспарить в небо. Я налег на дно всей своей скромной тяжестью, горько сожалея, что рядом нет соседней девушки, не только приятной, но и увесистой. К счастью, домик остался на месте. Ураган как-никак был не в Канзасе, да и в стране жевунов род волшебницы Гингемы, видно, угас. Но тут в небе открылся кран, и заработал душ. Кстати «дождик» и «душ» по-английски одинаково. Я люблю дожди, особенно в палатках, поэтому расслабился и задремал.

Но смерч не дал. Он прошел мимо места слета километрах в десяти и не унес честных спелеологов. Но зато устроил невиданное ливневое омовение. Пропитанная специальным непромокаемым составом двойная крыша палатки протекла насквозь в несколько минут. Потоки воды ринулись сверху, и через мгновения я вместе со спальником плавал в глубокой луже, доходящей мне до ушей. Пришлось принять позу классического борца в партере. Вода все прибывала, и я подумал, что, несмотря на двусмысленную позу, любое самое завлекательное тело было бы здесь абсолютно лишним. Беспросветный ливень гремел всю ночь, и, склонясь пред судьбой, я до утра простоял в воде на коленках и локтях.

Утренний Техас, как ни в чем не бывало, голубел отстиранными небесами и сиял солнышком. Невыспавшиеся спелеологи смотрели на этот прекрасный мир сквозь узкие щелки припухших век. У всех палаточников одежда вымокла до нитки, на нее наложились глинистые разводы, а также краски других предметов. Но все эти погодные, точнее непо-

годные, неурядицы праздника не испортили. Спелеологи испили кофейку и снова стали жизнерадостными и веселыми.

Караван машин направился на центральную площадь ближайшего городка. По русским меркам – села, пятьдесят домов. В центре площади высилась отдельно стоящая открытая веранда: навес, под ним столы и стулья, на стене – экран. Конференц-зал. Часа два шли заседания с отчетами и докладами. Наибольший интерес вызвала экспедиция в мексиканскую пещеру Уаутла глубиной около километра и с хорошей водой. Мне вспомнились ледяные водопады Снежной и рваные гидры, и я сочувственно поинтересовался, в чем ходят покорители таких глубин? Ответ был несколько неожиданным: в трусах. Температура в пещере, расположенной не слишком далеко от экватора, была около 20° по Цельсию! Просто жарко, хотя насчет трусов они, конечно, загнули. Драть шкуру о грязные скалы?..

В самом Техасе тоже оказалось много пещер, но горизонтальных и с текущими по галереям многочисленными речками. Спелеологи загружались в эти речки и по несколько дней плыли по течению и против него. На слайдах и фотографиях демонстрировались темные тоннели и люди с фонарями в мокрой одежде. Потом показывали планы пещер, распластавшиеся во весь экран тонкой паутиной.

В углу веранды размещалась выставка-продажа снаряжения. Бухты потрясающе красивой разноцветной веревки чередовались с наборами подземных сапог разного назначения: от лазания по скалам до хождения по жидкой глине. Отдельной кучкой группировались дорогие даже для американцев европейские жумары, шунты и бобины для спуска по веревке. В качестве сувениров предлагались латунные карбидные лампы древнего образца: прямо к цилиндрическому бачку припаян большой круглый отражатель, в фокус которого выведена форсунка. Рядом с форсункой – обычная кремниевая зажигалка. Я примерился купить этот исторический шедевр на память, но техасские коллеги, решив, что я намерен

ходить с ним в пещеры, отговорили: лампа ненадежно работает, плохо светит, к тому же может еще и взорваться! Последнее звучало убедительно.

После деловых заседаний накрыли столы на общий весьма скромный, но бесплатный обед. На десерт – по номерам мест за столом (а они были!) – провели лотерею с розыгрышем милых пустяков. Самым ценным был алюминиевый карабин. Мне тоже фортуна улыбнулась: милая девушка вытащила из мешка приз моего стула: наклейку на бампер автомобиля с надписью: «speleopower» – читай, машина приводится в движение пещерной энергией. Шутка.

В целом, респектабельный такой получался слет. Но к вечеру все потихоньку встало на свои пещерные места. Когда кортеж авто уже в сумерках вернулся на поляну, здесь шли активные приготовления к не менее активному отдыху. На большой экран настраивали слайд-проектор, а неподалеку раскладывали большой костер, к которому почему-то тащили здоровенную стальную посудину, метров пять на пять. Я начал соображать, что за национальное блюдо тexasских спелеологов в нем будут готовить, но зашел в тупик и спросил Дейн. Скучающая без мужа красавица слегка зарделась, верно, от оказанного внимания и ответила невнятно, типа «hot tub» – «горячее корыто». И впрямь, в корыто налили воды и стали разводиться под ним огонь. Я не стал докучать вопросами и обратился к показу слайдов с пивом – его раздавали всем желающим в алюминиевых банках. Слайды шли без звукового сопровождения и были смешные.

Ко мне подсели новые знакомые и завели беседу о жизни в СССР. Про пещеры уже наговориться успели, так что темы пошли политические. Техасцы, в основном, склонялись к тому, что под гнетом тяжелой социалистической несвободы жить невозможно. Я согласился с тем, что запретов и ограничений в Стране советов, действительно, хватает, но веселой жизни, и тем более спелеологии, они особенно не мешают. Этот тезис вызвал недоумение, и я пояснил. У нас,

сказал я, есть строгие правила и законы, но их никто не выполняет. Ни руководители страны, ни граждане – это традиция. В качестве примера привел дореволюционное изречение: «Строгость российских законов компенсируется необязательностью их выполнения». Слабо знакомые с классикой законопослушные американцы недоверчиво и с явным осуждением качали головами.

Тут наступил апогей праздника. Раздалась команда, и человек тридцать спелеологов быстро разделись догола и прыгнули в горячее корыто. И мужчины и женщины, некоторые – с детьми. Посидев там минут пять, они выскакивали, чтобы охладиться и хлебнуть пива. Их место тут же занимали запоздавшие, которые зябли голышом у края и кричали сидевшим внутри, чтобы те скорее убирались. Шел круговорот, весьма напоминающий зимнюю спячку летучих мышей в пещере Майская.

В душе мне было близко и понятно желание спелеологов как следует отогреть свои тронутые пещерным ознобом кости. Мы и сами после трудных экспедиций сразу же старались попасть в баню, чтобы испытать в парилке краткое счастье. Но здесь, в Техасе, послеэкспедиционная помывка, видимо, приобрела характер языческого ритуала, маркирующего принадлежность к касте. Конечно, примешивалась и дополнительная острота ощущений. Можете себе представить вид. На большом экране меняются яркие красочные картинки, человек сто благопристойных граждан в красивых спортивных одеждах расположились на травке с пивом, смотрят на экран и тихо беседуют. А между ними бродят мокрые, абсолютно голые люди, в том числе девушки. Многие, кстати, очень ничего.

С некоторым ехидством мои собеседники поинтересовались насчет горячих корыт на спелеологических слетах России. Чтобы не расстраивать их цитатами из «морального кодекса строителя коммунизма», я ответил, что «hot tub» –

смелый шаг вперед в развитии мировой спелеологии, мы в России до этого еще не доросли.

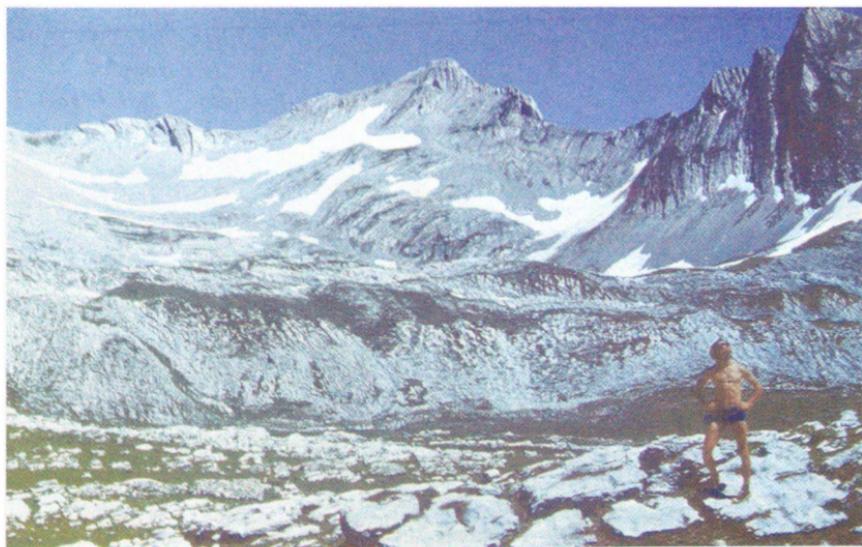
На следующий день мы уехали со слета, но перед возвращением в Хьюстон Пол решил показать мне красивые и спелеологические места родного штата. И, действительно, места были сказочные. Пологие зеленые холмы, глубокие ущелья речек, озера с карстовыми источниками на дне. Вдоль прекрасной дороги тянулись аккуратные ровные заборы. Пол показывал: вот там – вход в одну пещеру, там – в другую. Я спросил, нельзя ли подъехать и посмотреть поближе. Оказалось, нельзя. Вся земля вокруг – в частном владении, и для проезда или прохода по ней требуется обязательное разрешение хозяина. Разрешение нужно тем более для того, чтобы залезть в пещеру. Обычно хозяева благожелательно относятся к исследователям недр их земли. Но бывает, что и посылают.

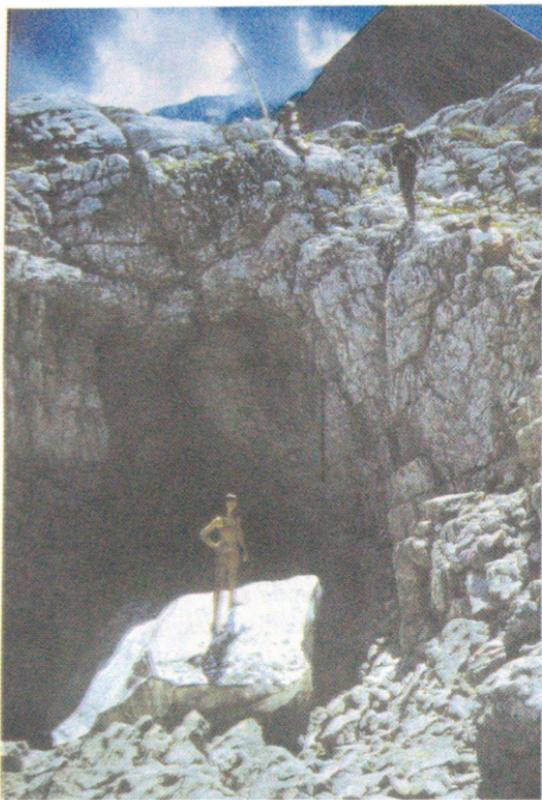
Под занавес нашего путешествия мы свернули с шоссе и по грунтовой дороге заехали в грубо сколоченные из бревен ворота, которые Пол собственноручно открыл. Мы оказались в зарослях низких лиственных деревьев и кустарника на берегу чистой речки. «Эта наша земля, – сказал Пол, – мы с Мэри купили». На земле Пола не было ничего: ни домика, ни садика, ни грядки, ни даже тропинки. Я поинтересовался, зачем им этот участок в двухстах километрах от дома. Ответ был поразительный: «Мы сюда ходим в поход, с костром и палаткой, больше нигде».

Я и так скучал по дому. Теперь мне еще больше захотелось на родину. Партийные органы, дававшие разрешение на поездку, во мне не ошиблись.

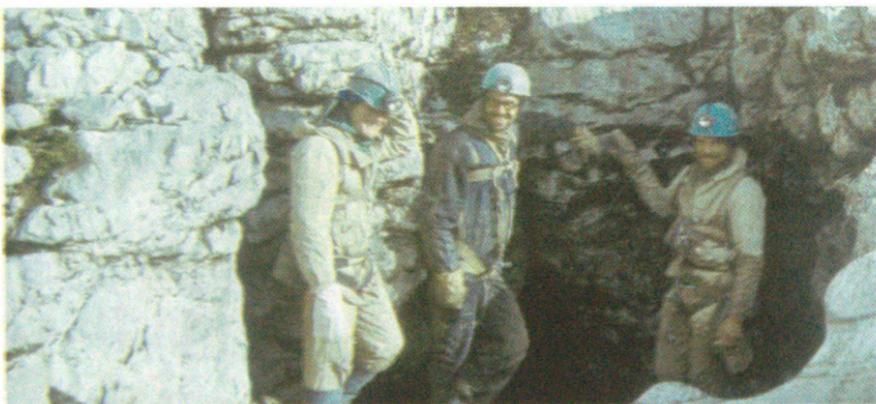
Вверху: перед ночевкой на Кушонском перевале. Гагский хребет, 1981 год. Внизу: Центральное плато, плотина-ригель и Большой цирк Каменного Клада.

*Вход в Систему
Илюхина.*

*У входа в пещеру
Надежда.
Н. Боровой, М. Дя-
кин, В. Яшкин.
Арабика, 1981 год.*

*Что видит
спелеолог, выходя из
Системы Илюхина
на поверхность в
Снежный год.*

*Вид на север
с гребня хребта
Каменный Клад.
Ольга Сундатова.
Арабика, 1981 год.*

*Спелеологи на
вершине горы
Арабика. 1981 год.*

*Отель «Источник
Вакулы».
США, Флорида,
1983 год.*

Вверху: каное у источника Вакулы. Леопольд Гальперн автор. Флорида 1983 год. Внизу: аллигатор искупался и выползает заторать. Источник Вакулы Флорида 1983 год

*Поль Дирак
и Александр
Ефремов.
Фото на
память
после
научного
доклада.
Флорида,
Теллахасси,
1983 год.*

*На слете
техасских
спелеологов.
Утро после
торнадо.
1983 год.*

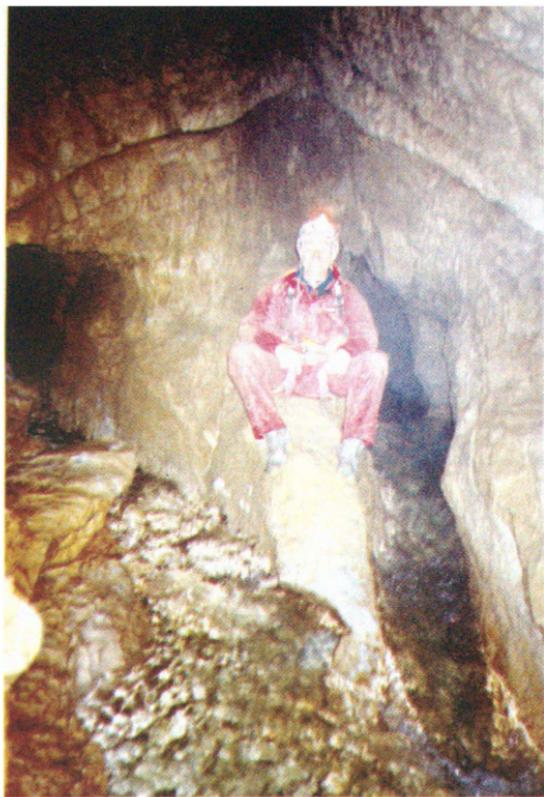

Михаил Дякин.

*Палатки
спелеологической
экспедиции на
Центральном
плато.*

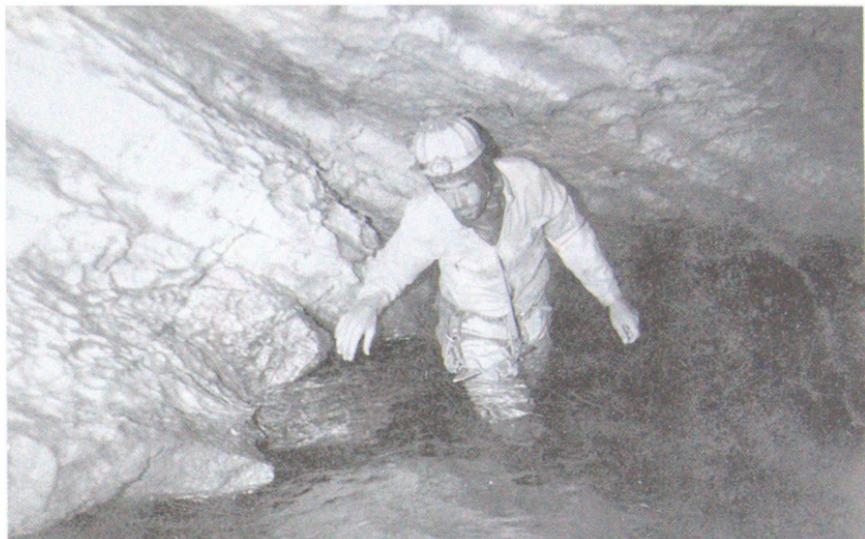

*Грифон в Системе
Илюхина на глубине
700 метров.*

*Подземный лагерь-600
в Системе Илюхина.*

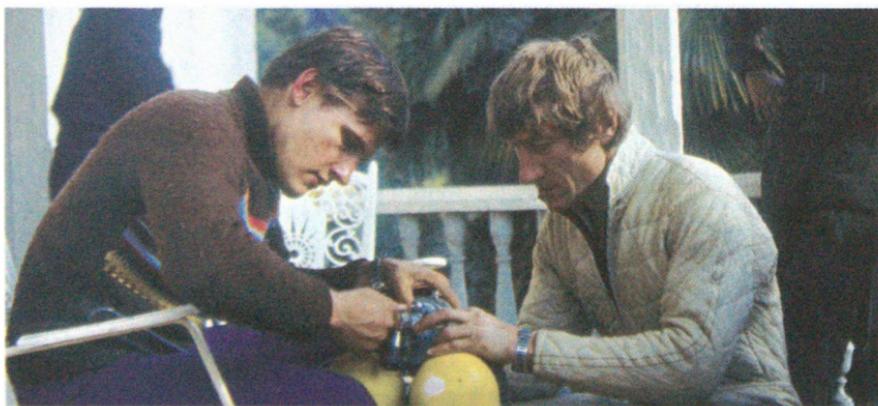
*Вверху: Игорь Новиков исследует первый сифон Систе-
Илюхина 1984 год Внизу, встреча итурмовых групп Си-
стеме Илюхина на глубине 800 метров.*

Тренировочные погружения под лед с аквалангом. Подмосковье, 1985 год.

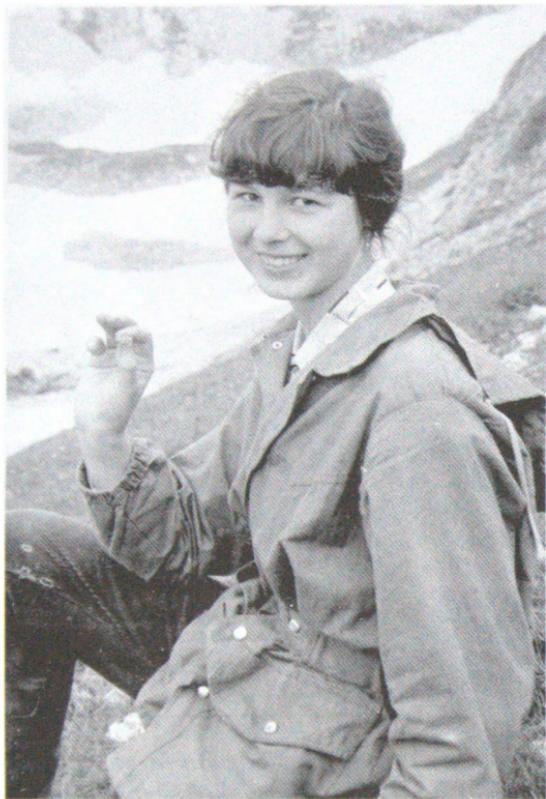
Подготовка аквалангов к погружению в Мчиштинский источник. Н. Боровой и автор. 1985 год.

*В. Яшкин и
В. Киселев в
пещерном сифоне.*

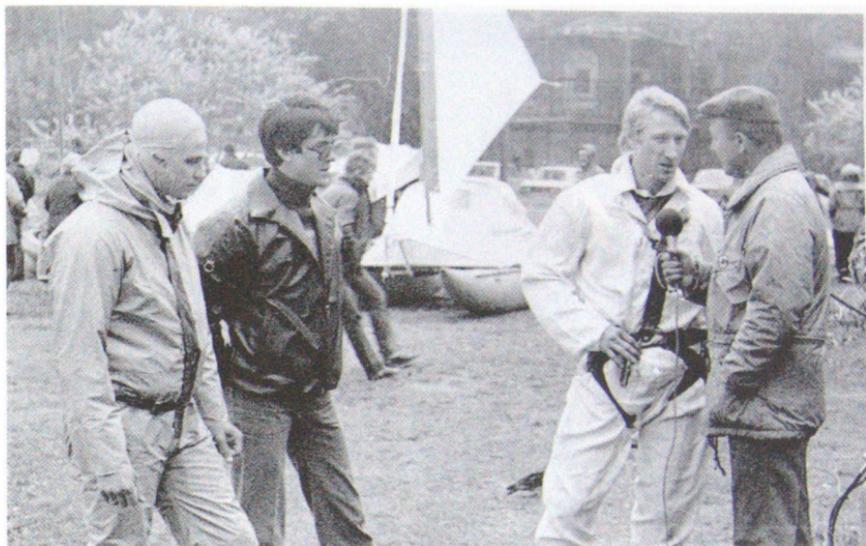
*Подводные погруже-
ния в Цхалтубской
пещере. 1986 год.*

*Светлана Климова
(Ефремова) на
Арабике. 1982 год.*

*Надпись на глине
за первым сифоном.
Фото 18 лет
спустя.*

Вверху: Юрий Сенкевич и спелеологи на Останкинском пруду. 1985 год.

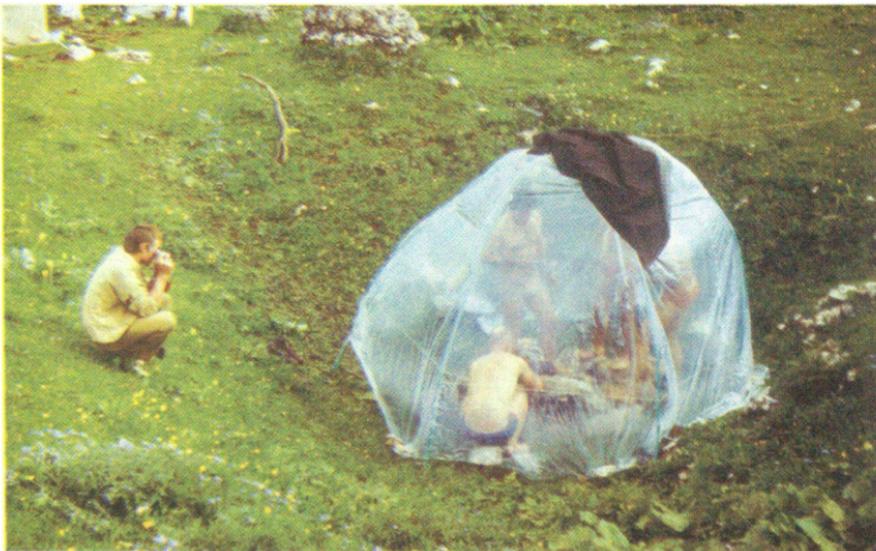
Внизу: участники экспедиции в Систему Илюхина. 1986 год.

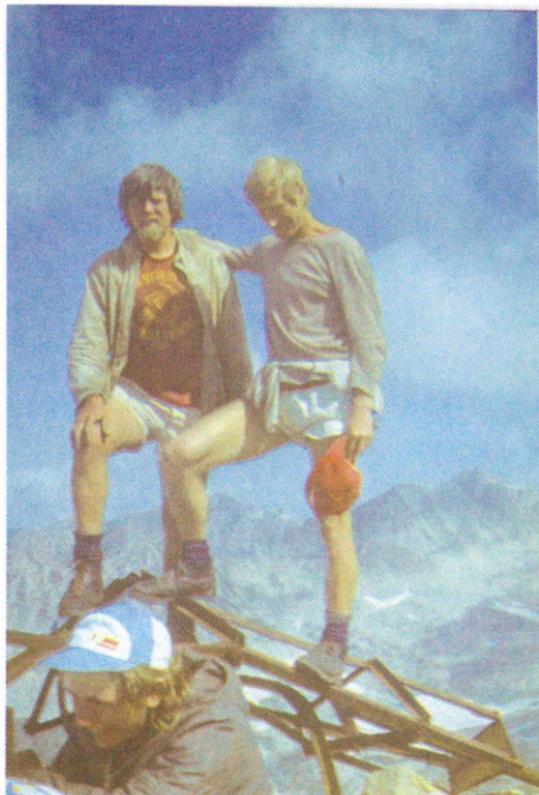

Вверху: встреча первопроходцев. М. Дякин, В. Киселев, А. Ефремов, И. Александров, С. Илюхин. Арабика, Система Илюхина, 1986 год.

Внизу: баня на Центральном плато Арабики. 1986 год.

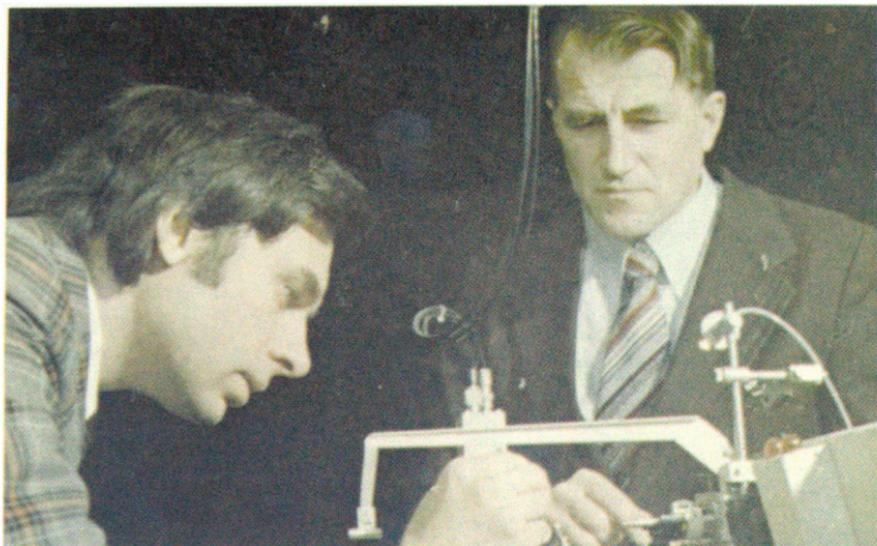

*Прошло 26 лет...
В. Зюзин и А. Еф-
ремов на вершине
Арабики. 1989 год.*

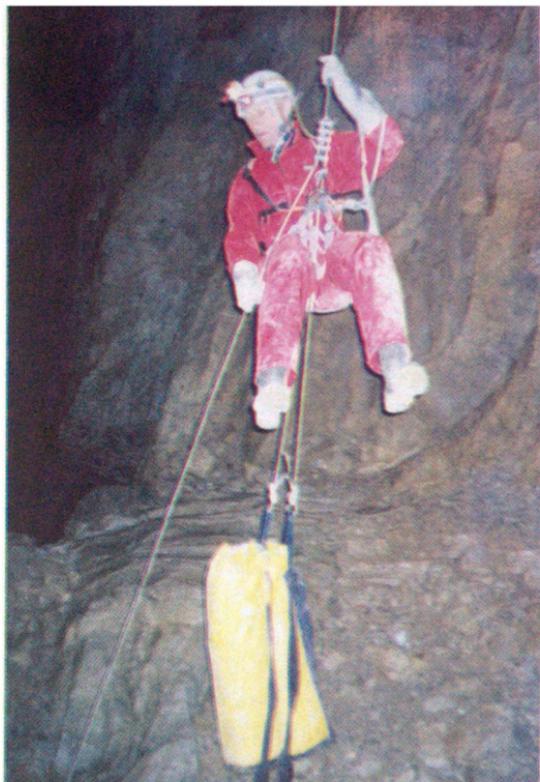
*«Самая короткая
река в мире» Ис-
точник Реброа.
Абхазия, г. Гагра.*

*Вверху: В. Илюхин и Н. Невский в научной лаборатории
Института кристаллографии АН СССР 1980 год.
Внизу: друзья-спелеологи после экспедиции. 1977 год.*

*Автор в Системе
Илюхина. 2002 год.*

*Владимир Илюхин,
ученый и спелеолог.*

Спелеолог в Системе Илюхина на глубине 800 метров. 2002 год.

Спелеоподводник перед погружением в сифон. Система Илюхина, 2002 год.

ГОЛОВЫ ПОДЗЕМНОГО ДРАКОНА

Несмотря на более чем скромную американскую сти-пендию, я умудрился привезти с собой из Штатов столько денег, что их хватило на автомобиль «Запорожец». Непревзойденное произведение отечественного машиностроения отличалось малыми габаритами, низкой скоростью и большим расходом топлива на сто километров. Притом даже отдаленно оно ничем не напоминало свой прототип – горбатый итальянский «фиат». И все равно это была замечательная машина! Своими большими колесами она легко подгробала под себя любую грязь, будучи сверхпростой, не сказать – примитивной, практически не ломалась, а отсутствие водяного охлаждения только подчеркивало ее неприхотливость.

Довольно долго я учился ездить по улицам Москвы, постоянно вступая в конфликт с гаишниками: за регулярное нарушение правил движения («за систему») права у меня отбирали три раза. Не скажу, что мне так уж нравилось крутить баранку, хотя некое чувство дополнительной свободы появилось. Но одновременно – и несвободы, поскольку двигаться можно было только по дорогам. Я же более всего на свете любил пересекать пространства в том направлении, в каком хотелось, а не в каком было задано. Даже по своему родному городу перемещался по максимально спрямленным траекториям, срезая углы улиц по дворам и временами даже перелезая через заборы (причем часто почти в смокинге).

Но для чего-то эта машина мне все-таки была нужна. Логически это ниоткуда не следовало, но интуитивно чувствовалось: для каких-то будущих пещерных нужд.

1983 год. Палатки на плато

Ничто так не стимулирует жизненные силы, как предвкушение желанной новизны. Новые страны, новые друзья, новая формула, новая мелодия, новая любовь... Они будора-

жат душу, делают полным ощущения бытия. Ожидание novelty иной раз слаще, чем ее явление.

В высшей степени это касается пещер. Одно дело – со сладостным предвкушением представлять себе, как снега сойдут, дороги подсохнут, и ты высоко в горах откроешь еще одну тайну подземного мира! Совсем другое – тискаться по шкурникам или часами мокнуть под водопадной навеской в ожидании, пока наверх вылезут твои товарищи. Счастливейшее мгновение открытия вообще кратко. Но это и не важно, зато удовольствие от ожидания растягивается на целый год. И я не очень понимаю тех, кто торопится «сделать» пещеру в один сезон: весной нашли, летом спустились, зимой – уперлись в тупик. На следующий год делать уже нечего. К чему лишать себя маленьких радостей, если знаешь, что все пещеры так или иначе имеют конец?! Наверное, сомневаются эти спелеологи, в том, что смогут приехать сюда еще и еще. Не верят в себя или упрямства не хватает. Что ж, упрямство – это тоже дар божий.

К лету 1983 года Арабика стала широко известна среди спелеологов. В первую очередь, этому способствовала информация из экспедиций в пещеру Куйбышевскую, где киевляне под руководством Саши Климчука и Валерия Рогожникова открыли грандиозные колодцы до трехсот метров сплошного пролета и уже прошли отметку глубины пятьсот метров.

Конечно, не осталось в тайне и открытие продолжения в Системе Илюхина. К тому же на Треугольнике нашли несколько интересных входов. Перспектива поиска пещер на широких просторах Гагрской альпикки казалась бесконечной, и не было сомнения, что скоро здесь развернется настоящая «золотая пещерная лихорадка».

Но пока все было довольно скромно: поездки на Арабику организовывали всего два клуба – Киевский и Перовский. Климчук и Рогожников, как и обещали, плотно «сели»

на долину Орто-балагана, москвичи сконцентрировались на Центральном Плато и у горы Зонт.

Насиженное место под плотиной все плотнее уставлялось палатками самого разного кроя и цвета. Вначале самые неприхотливые и неопытные ставили свои домики на площадке в непосредственной близости от столовой. За это они жестоко расплачивались: по вечерам романтики громко пели в столовой песни. А глубокой ночью, бывало, из пещеры выходили озверевшие от усталости, холода и голода спелеологи, которым дежурные разогревали еду и воду для мытья. Зная, что завтра им дадут выспаться, возбужденные путешественники чуть ли не до утра загибали друг другу байки, попивая чаек и поглаживая сытые животики.

По этой причине палатки постепенно расползлись от столовой в радиусе сотни метров, образовался довольно обширный лагерь со своими тропинками, дорожками и даже площадями. Я тоже нашел для себя укромный уголок под западной скалой Цирка, недалеко от входного колодца в Белую Лошадь. С тех пор на этом месте в течение многих лет располагается лучший номер самого высококлассного отеля на прекраснейшем в мире горном курорте – моя палатка.

Основная тяжесть подготовки летней экспедиции 1983 года легла на Мишу Дякина, и он, естественно, стал одним из руководителей. Надо сказать, что система руководства исследованиями Системы Илюхина стала весьма демократичной. Тому были две причины. Во-первых, в Перовском клубе, кроме привычных командовать «стариков», выросли молодые лидеры, и с этим нужно было считаться. А во-вторых, в нашей экспедиции уже не первый год принимали участие спелеологи из других городов, и у них были свои первые лица. Так что принятие стратегических и тактических решений по исследованиям пещер Арабики происходило коллегиально, как правило, под председательством всеми уважаемого Олега Вадимовича Падалко.

Навеску в известной части сделали за пару дней. В пещере использовалось ставшее традиционным снаряжение: веревка и стальной трос, зацепленные карабинами на верху колодцев за шлямбурные крюки или за веревочные петли. Последние часто обвязывались вокруг больших глыб, которые по всем признакам не должны были съехать со своего места и обрушиться на поднимающегося спелеолога.

Поднимались по этим «линейным опорам» на универсальных самохватах методом «колено-стопа», который достиг необыкновенного совершенства. Мало того, что для него изготовили отличные титановые самохваты, но к тому же еще придумали специальное приспособление с колесиком: ограничитель отбрасывания, который вдевался в обвязку на груди и при вставлении в него троса не давал поднимающемуся человеку сильно от него отклоняться.

А вот спускались уже на новых устройствах, напоминавших миниатюрную лесенку с откидывающимися ступеньками. Через ступеньки пропускали веревку – то с одной, то с другой стороны, так, чтобы она под весом спелеолога прижимала эти ступеньки к стальным направляющим, на которые они были надеты. Первый экземпляр такой штуки еще несколько лет назад с международного спелеоконгресса привез Володя Илюхин и сказал, что на таких американцы спускаются в четырехсотметровый колодец Ласточкин провал в Мексике. Экземпляр имел длину почти полметра и весил чуть ли не килограмм. Но поскольку, в отличие от рогатки, это устройство совсем не крутило веревку и казалось очень надежным, наши мастера вскоре изготовили русские модификации. В пику буржуйским они оказались маленькими, тоненькими и легкими. К тому же ступеньки у них иногда вылетали. Но страховка-то для чего!? Непросто давалось освоение мирового опыта. Еще сложнее оказалось с названием. По-английски спусковое устройство называлось *gask*. Читается «рэк», в переводе – рама или решетка. После размышления склонились к имени «решетка». Но всплывала и «рама».

А через несколько лет в среде молодых спелеологов появился еще один замечательный термин: «ретрам». Догадываетесь? Точно, скрестили ежа с ужом, то есть «рэк» и «раму».

В начале 80-х зуд новаторства был неутолим. Повсеместно шли пробы оригинальных обвязок и беседок, новых пробойников и шлямбурных крюков. Пробойники делали из специальной углеродистой стали и закаляли до наилучшей твердости. Таким шлямбуром дырка под десятимиллиметровый (по диаметру) крюк пробивалась в верхнеюрском известняке за тридцать–сорок минут. Крюк же представлял собой втулку из алюминиевого сплава, на которую надевалось стальное ушко, лучше из нержавейки. Втулка с ушком вставлялась в пробитую в скале дырку длиной четыре–пять сантиметров, после чего в отверстие втулки молотком загонялся стальной дюбель. Он распирает втулку изнутри, и крюк намертво заседает в камне. За ушко цеплялся карабин, за него – веревка или трос. На одну навеску требовалось, как минимум, два крюка. Такая техника навески, спуска и подъема, модифицируясь и совершенствуясь, продержалась почти до середины 90-х годов!

Стадо трансов в Грязном Меандре

Кроме москвичей в экспедиции 1983 года участвовали ленинградцы. Ими руководил наш старый знакомый Сергей Илюхин. Прошло уже десять лет со дня первой встречи с ним на осенней Воронцовке, когда питерцы прошли шахту Нежданная. С тех пор манера Сережи управлять коллективом не претерпела изменений. Иные боссы стремятся направить деятельность своих коллег в нужное русло посредством убедительных интонаций и громкого, если не громового голоса. Сергей же Илюхин говорил спокойно и тихо. И его слушались.

Среди питерцев был врач Павел Петрович Горбенко. Один из организаторов и руководителей Солотвинской подземной лечебницы на Западной Украине, он приобрел на

этой трудной стезе научную известность, переехал в северную столицу и стал одним из ведущих сотрудников Института пульмонологии. Главной задачей ленинградцев был, конечно, поиск, но врач Горбенко имел свой медико-биологический интерес. Он спланировал эксперимент по изучению влияния пещерного воздуха на самочувствие человека. Для проведения исследования нужно было прожить в пещере минимум десять дней. Не теряя времени, питерцы одними из первых ушли на отсидку в пещеру. Подходящее место для лагеря нашлось легко. На глубине сто семьдесят метров, сразу за Грубой над основным ходом была относительно ровная площадка, на которую падал ручеек небольшого притока. Здесь установили палатку и чуть ли не впервые в истории спелеологии постелили под спальники тонкие и легкие коврики из пенополиэтилена. Лагерь был тесноват, тем не менее, человек шесть в нем размещались.

И тут опять образовалось странное совпадение.

Посмотрев на небедных американских спелеологов, после возвращения из Техаса я решил, что нужно подтягивать к подземным исследованиям финансы родного Отечества. Наиболее обеспеченным и близким по духу, стало быть, подходящим представлялось космическое ведомство и, воспользовавшись своими связями на телевидении, я, абсолютно независимо от Горбенко, предложил одной закрытой научной организации совместно поизучать, как влияет на человека суровый пещерный экстрим. Организация проявила заинтересованность, предложила краткую, но емкую программу, методику ее реализации и приборы. Но денег на первый случай не дала. Позже я понял, что практически вся советская наука, даже самая нужная, жила весьма скудно. И оторвать от сердца пару тысяч рублей (нынешние полторы тысячи евро) научный чиновник был просто не в силах. Впрочем, предложенные исследования можно было провести играючи, без отрыва от поиска продолжения пещеры, так что я уговорил своих друзей помучиться бесплатно. Тем более что жал-

кие медико-биологические мучения ни в какое сравнение не шли с тяготами и лишениями обычной подземной жизни, за которую мы вообще платили свои кровные.

Таким образом, в Системе Илюхина двумя разными группами должны были проводиться два независимых, но похожих научных эксперимента. Привычный к частым в моей жизни удивительным дублям, я подумал: «Хорошо хоть, что не в одном подземном лагере!»

Наша штурмовая группа должна была выйти на самое перспективное продолжение пещеры. В ней оказались первооткрыватель продолжения Дякин, Валя Касицкая, я и Витя Рейснер, один из давних выпускников школы спелеологов во Дворце пионеров. Именно этой группе выпадала печальная судьба провести над собой серию запланированных научных наблюдений. Найденный Дякиным в прошлом году вход в новый колодец был уже довольно далеко от входа в пещеру, так что мы решили прихватить с собой заранее заготовленный подземный лагерь, продукты и приборы для снятия со своих тел физиологических показаний. Приборы под расписку мне вручил лично директор закрытой организации, видимо, не догадываясь, что им грозит. Всего под землю на четверых у нас набралось трансов десять.

«Жаворонок» Дякин, как обычно, поднял всех рано утром, когда самую нелюбимую процедуру – облачение в жаркие пещерные одежды на солнцепеке – можно было осуществить в благословенной тени на прохладном привходовом снежнике. Кстати, уже второй год снега на Плато было совсем немного, и самый неудачливый поисковик легко бы нашел здесь кучу входных отверстий в вожделенные подземелья.

Одежда спелеолога вместе со «сбруей», как мы называли обвязки и навешенное на них железо, в сумме весила килограмм пятнадцать. Я не поленился и взвесил на безмене завхоза. На голое тело надевалась маечка-сеточка, специаль-

но вязанная из тонкой шерсти, а также, у кого были, такие же трусы. Неимущие носили плавки. Потом надевался легкий шерстяной же свитерок и рейтузы, на них – «изотермик» – сшитый из синтепона комбинезон, как правило, с подкладкой и внешней оболочкой из парашютного шелка. Некоторые на изотермик сверху натягивали хлопчато-бумажные тренировочные костюмы, имея в виду, что они должны были вбираться в себя пот тяжело работающего спелеолога. Потому что поту больше деваться было некуда: сверху шел резиновый гидрокостюм, а на нем уже – комбинезон из прочной и выносливой ткани. Обычно это был средней толщины капрон или лавсан. Поверх всего пристраивалась сбруя: беседка-обвязка, карабины, решетка, ограничитель отбрасывания. На голову надевалась каска с электрическим налобным фонарем, блок питания которого, спаянный из нескольких круглых батареек, засовывался в карман. Некоторые ходили с «коногонкой» – шахтерским аккумуляторным фонарем, яркая лампочка которого заменялась на более экономную. На один из карабинов вешалась небольшая сумочка с необходимыми предметами внутри: запасной самохват, спички или зажигалка, несколько таблеток сухого горючего, полиэтиленовый колокол, кусок копченой колбасы и шоколада. Это был «самоспас», без которого любой подземный выход категорически запрещался. В очередной раз засовывая в сумочку свою колбасу, я с нежностью вспоминал животворную «кукумбу» из исторической – двенадцатилетней давности – экспедиции в Снежную.

Мы без мучений оделись, и штурм начался! Трансов было больше, чем два на одного человека, так что их пришлось передавать по цепочке и спускать по веревке вниз. Грустная, нудная работа, известная каждому настоящему любителю пещер. На спуск до лагеря ленинградцев ушло часа три с половиной. Питерцы ночевали первую ночь. Они уже проснулись и кипятили чай. Мы к тому времени уже забыли легкий утренний завтрак и не отказались попить чайку вместе. В хорошей компании приятное дело приятно вдвой-

не. Чаепитие и разговор не затянулись более часа. Ленинградцы шли проходить соседнюю щель, а нам нужно было гнать стадо своих трансов по ручью, потом вверх по Грязному меандру до нового колодца. Обсудив перспективы пещеры, научных экспериментов и возможной связи мы разошлись по своим делам.

В узкой шклевотине ручья мы процарапывались еще часа два. Потом долго пропихивали свои трансы через щель, спускали в десятиметровый колодец. Но самым приятным участком маршрута стал, конечно, Грязный Меандр. Свое имя он заслужил стопроцентно. Во-первых, по нему можно было только ползти, в крайнем случае, встать на карачки. Во-вторых, хотя текущая вода здесь и не наблюдалась, зато она стояла лужами, а местами, впитав в себя глинистую взвесь, образовывала протяженные грязевые ванны, в которые по очереди погружались то трансы, то спелеологи. Проталкивая мешки друг другу, мы плескали ржавой грязью друг другу в лицо, и это нельзя было считать обидным. Меандр вел все выше и выше, местами ветвился, сужался до размеров шкурника и все никак не кончался. Прямо скажем, транспортировка груза затянулась. Мы выпарили из себя весь чай, жутко хотелось пить. Усталость начала сводить мышцы и веки глаз. Но расслабляться было нельзя: с одной стороны, нас ожидали новые прекрасные открытия, с другой – ценные приборы должны были остаться в целости.

В одном месте меандр расширился, и повеяло свежестью. В левой стене хода мы увидели отверстие, в которое при очень большом желании удалось бы протиснуть голову. Желание, может, и было, но мы его не осуществили – сейчас это не была наша цель. В отверстии дул сильный ветер, что Дякин заприметил еще в прошлом году. Сюда мы еще вернемся, чтобы расширить дыру и залезть в нее. А пока что группа шла «на готовенькое» – ко входу в новый колодец!

Через пару часов работы в уже замедленном темпе мы, наконец, оказываемся в желанном месте. Широкая, поч-

ти ровная площадка, похожая на балкон, поскольку в дальнем ее углу – барьер, за которым просматривается отвес – девственный колодец; дна за перегибом не видно. Все сухо, чисто – старая, вернее древняя, часть пещеры. Это несколько обескураживает, ибо, если здесь ставить подземный лагерь, то где брать воду? Пить хочется смертельно. На полу – мелкая лужица воды, одному не напиться. И кружкой не зачерпнуть, так что доставать запакованную в трансе кружку бессмысленно. Я вытягиваю из кармана комбеза полиэтиленовый пакет и пытаюсь зачерпнуть из лужи. Со дна поднимается ил, и в пакете оказывается полтора глотка полупрозрачной мути. Закрыв глаза, выливаю это себе в глотку. Кто хочет, следует моему примеру. Тишина, вечный мрак и покой. Что делать дальше? Почти за десять часов работы мы забрались в такую глушь... Сидим, чего-то жуем, думаем, спускаться в колодец или нет. Где ставить лагерь?

И вдруг Касицкая тихо так говорит: «Ой, там кто-то ходит!». Мы оглядываемся по сторонам, смотрим вниз, в колодец, потом назад в меандр – никого. Устала девушка. «Нет, нет, там», – шепчет Валя и показывает пальцем вверх. Мы дружно поднимаем головы: стена, вверху узкая щель, никого не видно. Только вроде водичка потекла по стене, не иначе, как дождь на улице. Что ж, благословенной влаги мы рады, сейчас нам ее не хватает. Ладно, сегодня с этой переживем, а завтра посмотрим.

Но что-то странное и с паводком, вдруг кончился. Перестало течь. И в глубокой, немой тишине мы тоже услышали странный звук. Шарканье какое-то. И тут же увидели блеклый желтоватый свет. Прямо над нашими головами околечивалось привидение!

К тому времени, надо заметить, среди любителей пещер уже давно ходили слухи о Белом спелеологе. Мол, был такой классный парень, сорвиголова, по отвесам бегал без страховки, по пещерам – без света, на маршрутные комиссии плевал, начальство посылал. За это его отовсюду изгнали, он

обиделся и навсегда ушел под землю. Теперь всем плохим спелеологам он всячески мстит и пакостит, а хорошим, наоборот, помогает. За несколько лет до этого происшествия я даже песенку шуточную про него написал:

Стал цвета он белого, белого,
Под землю ушел навсегда,
И нынче от этого беглого
Любителям много вреда.

И вот эти шуточки как-то серьезно стали оборачиваться. Не Белый ли там над нами сгруппировался и готовится к прыжку?

Смелый пионер Рейснер крикнул: «Эй, ты кто?!». Привидение явственно испугалось, отпрянуло от края стены и, не отвечая, скрылось за уступом. Свет пропал, но было ясно, что оно не ушло. Демонстрировать страх было просто неприлично, и мы с Дякиным в вариациях прокричали аналогичный вопрос. Бледно-желтый свет снова показался над стеной, и мы услышали тихий трепетный голос: «Это я, Эдик!». Говорили по-русски, но кто – разобрать не удавалось еще с полминуты. Лишь дальнейшие дипломатические сношения позволили установить, что существо наверху – старый ленинградский спелеолог Эдуард Алекас, с которым несколько часов назад мы вместе пили чай в питерском подземном лагере. Услышав вопрос, как он оказался в такой далекой пещерной глуши, Эдик, поглядывая на нашу девушку, замялся, стал заикаться, и из его путаного ответа мы с трудом поняли, что у него вроде тут туалет. «В каком смысле туалет? – взревел Рейснер. – Когда я на поиск иду, у меня в пещере в любом месте может случиться туалет!». На это Эдик тихо ответил, что он на поиск не пошел, а дежурит по лагерю. «По какому лагерю?», – взревел уже я. Оказалось, по ленинградскому подземному лагерю, который находится в

десяти метрах отсюда, если подняться на стенку и пройти по щели.

Это был сокрушительный удар, страшный спелеологический позор! Самые лучшие, то есть самые здоровые и умудренные, вместо того, чтобы спокойно побродить в окрестностях Трубы и пройти ближайшие спуски и подъемы, щели и меандры, ринулись по самому трудному, длинному и грязному пути с десятью трансами и за полсуток сделали с грузом полное подземное кольцо! Коэффициент полезного действия меньше нуля. Господи, как весело будут ржать над нами вся наша экспедиция, экспедиция на Треугольнике и все киевляне в своем Орто-балагане!

Нам ничего не оставалось, как бросить свои трансы у Колодца Балкона, подняться по сброшенной веревочке в лагерь питерцев и логически замкнуть рондо очередным чайком, принятым, кстати, с большим наслаждением. Воистину, худа без добра не бывает.

Последний тезис подтвердился, когда мы поняли, что от входа в пещеру до Колодца Балкона добираться налегке – не больше получаса, так что изучение нового продолжения без сожалений и сомнений можно отложить на следующий выход. Только вот подземный лагерь, если его придется здесь ставить, окажется совсем рядом с лагерем ленинградцев, и наши медицинские изыскания пойдут уж совсем параллельно. Но я уже не удивлялся этому очередному – теперь уже смешному – совпадению.

Позже я встретил в Москве Володю Жданова, который в 1981 году делал первую топосъемку в районе ленинградского лагеря. Жданов сказал, что тогда, два года назад, он спускался со стены на Балкон и, конечно, видел колодец. Но посмотрел вниз, решил, что там тупик, и то ли забыл, то ли не посчитал нужным об этом сообщить.

Калейдоскоп открытий и ректальная температура

Чуть ли не на следующий день мы с Дякиным пошли на разведку. На уступ от лагеря ленинградцев в Грязный меандр и в Колодец Балкона повесили лестницы. На дне колодца оказалось сверхузкое отверстие, зато в его середине открывалась широкая ровная полка, за которой начинался ход, где легко можно было ползти на животе. Что мы и сделали. Через несколько метров на пути встала преграда – глыба почти правильной геометрической формы прямоугольного параллелепипеда. Длиной метра три, она лежала вдоль хода, как павший обелиск-стела. При этом одно ребро четырехгранника, острое, как нож, протянулось вдоль потолка, всего в одной пяди от него. Голову можно было проташить сбоку, руки–ноги тоже, но само туловище подвергалось мерзкой процедуре скальной обработки. Сверху его, как шабер скреб потолок, а снизу острым резцом проходило ребро стелы. Мало того, что резец с легкостью продираал комбинезон и мог протереть обвязку, он еще чувствительно впивался в нежные телесные места. Вспомнив братьев Стругацких и их «Пикник на обочине», я тут же обозвал это приспособление для уродования сталкеров «мясорубкой». Несколько позже здесь побывал Граф Виктор Леринман, и он дал инструменту более точное название: «яйцerezка».

За этим кухонным комбайном ход повернул вправо, и вскоре мы оказались над заросшей сталактитами щелью, за которой угадывался внизу большой объем. Щель расширили скальным молотком, навесили веревку и трос, и я первым пошел на отвес. Нечего и говорить, что волновался. Не от страха, конечно. Страшно мне в пещерах уже давно не было, но было страстное ожидание нового открытия.

Протиснувшись сквозь затекшие кальцитом края щели, я повис под потолком небольшого зала, дно его просматривалось метрах в двадцати ниже. Аккуратно приземлившись на каменную осыпь, я отстегнулся от навески и пошел

вдоль стены. Неровный пол заставил спуститься к дальней стене, и под ней я увидел широкое прямоугольное отверстие нового колодца. Взял камень, бросил его вниз. Удар услышал через три секунды: передо мной был более чем сорокаметровый колодец. В зале, где я находился, было абсолютно тихо, даже не капало. Но далеко внизу чуткое ухо различало шелест текущей воды. Это было серьезное открытие: пещера опять пошла в глубину и к тому же развивалась по постоянному водотоку! Нас ждали новые галереи, залы и колодцы. Я прокричал Дякину что-то радостное, и через пару минут он разделил со мной удовольствие побросать камни в неведомую пока бездну. Однако снаряжения на этот колодец у нас уже не было, пришлось возвращаться на поверхность, какая процедура заняла не более трех часов.

По пути мы заглянули к питерцам и с волнением узнали, что по высокой щели им удалось пройти над Колодцем Балкона и далеко за ним обнаружить другой колодец, ведущий вниз. Но туда они еще не спускались. Глядя в глаза ленинградских друзей, мы увидели в них жадный, едва ли не хищный блеск, свидетельствующий о том, что охота началась удачно. Теперь добыча не уйдет. Не сомневаюсь, что в наших очах читалось то же самое.

На поверхности в базовом лагере дела шли полным ходом. Подранные пещерой спелеологи дружно зашивали и заклеивали дырки на комбезах, на гидрах и на собственном теле. Олег Падалко гонял по мелким пещерам новую школу. Нерадивым доставалась не обидная, но самая нудная работа: делать топографическую съемку Плато с настоящим теодолитом.

Среди новой молодежи выделялись двое. Первый – Алексей Арчаков, которого из-за высокого роста и флегматичного темперамента звали также Степа, «дядю» по его юному возрасту пропускали. Второй – Илья Александров, атлетически сложенный юноша, умеющий неплохо петь под гитару и философского склада ума. Последнее качество, од-

нако, на первых порах ему слегка вредило, и он чаще других трудился у теодолита или даже ходил с рейкой. Предполагалось, впрочем, что это его любимое занятие, поскольку он учился в институте на профессионального геодезиста. Понятно, что известие о найденных продолжениях в экспедиции было воспринято с большим энтузиазмом.

Наша команда собиралась вниз на несколько дней с проживанием в подземном лагере. Но сначала нужно было провести контрольное тестирование участников: на поверхности проверить состояние здоровья и психики. Для этого у всех четверых проверили давление, пульс, температуру тела, а также заставили каждого в письменной форме ответить примерно на пятьсот вопросов психологического теста. Вопросы были очень смешные, потому что тесты – американские.

Наконец мы снова оказались у Колодца Балкона, перебросили на полку посредине его отвеса наши трансы и разбили на этой полке лагерь. Здесь было очень сухо и, казалось, тепло, поэтому палатку не ставили. Только выложили из камней подобие топчана, на котором уместился один двухместный спальник, второй – размещался непосредственно на полу. После сна, как и полагается в лучших домах, спальники сворачивали. Иначе не было места для приготовления пищи. К тому же такая ежедневная уборка помещения весьма стимулировала борьбу с ленью, которая частенько овладевает путешественниками в слишком уж комфортном подземном лагере. За водой бегали с маленькой канистрой к ленинградцам. Причем настолько осмелели, что делали это в домашних одеждах и совсем без снаряжения: достаточно было преодолеть по лестницам два пролета по шесть метров.

Одна из задач эксперимента состояла в наблюдении биологических часов человека под землей. Из книг известных французских спелеологов Норбера Кастере и Мишеля Сифра все знали, что в пещере время для человека вроде бы течет медленнее. То есть сидишь в подземелье и считаешь один час. Потом смотришь на часы – а прошло уже два. Ут-

рирую, конечно. Лично у меня всегда были сомнения на это счет, хотя точно проверить не удавалось. Сейчас такая возможность была, и мы договорились, что каждый день по несколько раз будем делать «слепой отсчет времени». Все, как они это себе представляют, отсчитывают про себя шестьдесят секунд и только после этого смотрят на часы. Разность внутреннего и реального времени записывается по каждому участнику отдельно.

Вторая составляющая научной программы заключалась в наблюдении объективных биологических показателей. С той же регулярностью, что и наблюдение времени, измеряли пульс, а в лагере – утром и вечером – еще и температуру тела. В другое время последний замер сделать было никак нельзя, потому что ученым из тайной организации требовались не любительские показания ширпотребовского подмышечного градусника, но сведения о натуральной температуре внутренних органов. Для этой цели имелся тонкий профессиональный прибор – ректальный термометр, который и использовался по назначению. Процедура замера внутренней температуры обычно затягивалась, поскольку прибор был в единственном экземпляре и тщательно обрабатывался спиртом после каждого замера. Вся операция вызывала определенное оживление, связанное с умеренным потреблением спирта внутрь, в данном случае вполне законном, несмотря на суровые антиалкогольные ограничения, принятые в наших экспедициях. Кроме того, спелеологи выражали глубокое удовлетворение как нормальностью своей температуры, так и возможностью лишние полчаса поваляться в спальном мешке.

Были еще несколько приборов для менее интересных измерений и к ним целая кипа карточек с теми же психологическими вопросами, на которые мы уже отвечали на поверхности. На них под землей нужно было ответить трижды с интервалом в один день. Я сразу подумал, что только американцам могло придти в голову, что в разное время и в раз-

ных местах ответы могут быть разными. Не знаю, как другие участники, но лично я, видимо, в силу некоторой простоты характера, на все одинаковые вопросы поставил крестик в одном и том же месте. При этом старался быть объективно честным.

Один за другим полетели счастливые дни открытий.

Группа разбилась на пары: я работал с Дякиным, Касицкая – с Рейснером. Второй двойке как более молодой досталось очко в Грязном меандре, а старшие товарищи вновь прошли через «мясорубку» к новому прямоугольному отверстию в глубокий колодец. Рутинная навеска уже была доведена до автоматизма. Забывается пара крюков, на них цепляются карабины. На конце основной веревки недалеко друг от друга вяжутся три узла, как правило, простые «проводники» или «восьмерка». Первый и третий узлы вставляются в карабины. Второй узел «висит» между ними как на нижнем конце латинской буквы V, и к нему на дополнительной карабине за «ухо» прицепляется специальный клин, в котором закреплен трос. Трос аккуратно разматывается и концом спускается в колодец. Может быть, он где-то застрянет, при спуске его следует поправлять. Потом разматывается уже пристегнутая к крюкам веревка. Ее нижний конец собирается в петли «змейкой» на правой руке – примерно на одну треть длины – и эта змейка швыряется в колодец. Если через секунду–две уложенная на полу ровными кольцами верхняя часть веревки со свистом уходит вниз и основная натягивается, значит, навеска сделана хорошо, можно садиться на решетку и ехать. Если веревка съезжает медленно, нехотя или вообще тормозит, то ее нужно вытащить и повторить операцию. Если же она обратно не вытягивается, то это совсем не хорошо. Веревка зацепилась, и всю навеску придется поправлять непосредственно в отвесе. В наиболее тяжелых случаях висели и поправляли часами.

На дно нового колодца откуда-то с полки падал небольшой ручей, именно этот шум был слышен наверху. Потом вода уходила в отверстие еще ниже. Я без труда протиснулся по течению и оказался на краю трехметрового уступа. Скалолазанием сполз еще ниже, и передо мной открылось жерло следующего отвеса. Тем временем Дякин спустился следом за мной и принес транс с веревкой и навесочный комплект. Я выбрал подходящий участок стены и начал долбить дырку под крюк. Но «коренная» на первый взгляд скала оказалась покрыта какой-то коркой, которая начала крошиться и отслаиваться. Я выбрал другое место – результат тот же. Наконец, обстучав молотком все, до чего дотягивалась рука, я решил пробиваться вглубь на максимальную глубину. Только странный здесь оказался известняк! Пробойник довольно быстро ушел в стену и там заклинился. Все попытки вытащить его не удались, а после очередного неосторожного удара он обломился. Запасной шлямбур мы не взяли, вешать снаряжение было не за что, так что пришлось возвращаться в лагерь.

Там мы встретили Валентину с Виктором. Им удалось расширить ветровое отверстие скальным молотком и залезть внутрь. Впечатление оказалось весьма острым. Ввинтившись в тесное «очко» головой вперед, Рейснер увидел прямо под собой довольно глубокий и абсолютно сухой колодец. Будучи хорошим скалолазом, он уцепился за выступы скалы и на страховке Касицкой протиснулся в отверстие целиком. Там удалось извернуться и встать ногами на узкую ступеньку. Спуститься вниз без навески тут было невозможно, и, раскорячившись в неудобной позе, Виктор забил в стене пару крючьев. На все это ушел почти целый рабочий день.

Все последующие дни каждый новый выход «углубляя» пещеру на несколько десятков метров. В нашем продолжении мы с Дякиным прошли второй сорокапятиметровый колодец, а за ним еще один отвес, похожий на вытянутую щель, тоже не менее сорокаметровой глубины. Самое

дно щели оказалось тупиком, однако на тщательный осмотр протяженных отвесных стен не хватило ни снаряжения, ни времени. А именно в стенах колодцев иногда открываются «окна», за которыми можно найти продолжение пещеры.

Некоторое разочарование от продолжения за «мясубкой» полностью компенсировалось открытиями за «очком» Рейснера и Касицкой. Виктор и Валя спустилась метров на семьдесят и вышли на верх очень глубокого колодца, по первому впечатлению едва ли не стометрового. И пока наша четверка заканчивала программу эксперимента, в новое продолжение ринулась очередная группа, которая на поверхности уже давно «била копытом» в ожидании своей очереди за глотком сладкого воздуха девственной бездны.

Эту группу составили два человека – Володя Киселев и Алексей Арчаков, или « Степа ». К тому времени Киселев уже имел за плечами опыт многих спелеологических экспедиций. Он посвящал им практически все свое время и потихоньку становился настоящим профессиональным спелеологом. Он успешно налаживал международные контакты и даже умудрился съездить в экзотическую Эфиопию, где исследовал большую карстовую полость, кажется, по заказу тогдашнего императора. Но самое главное, Киселев самозабвенно любил пещеры, был смел и вынослив, мог работать под землей сутками и, по крайней мере, внешне почти не уставал. Жилистый, здоровый « Степа » был ему очень подходящим напарником.

Несколько дней работая практически на износ, Володя и Степа сделали феноменальное открытие. Отвес, на краю которого остановилась предыдущая двойка, оказался шахтой стодесятиметровой глубины. В сорока метрах от верха была небольшая полка, и здесь шахта разветвлялась на две огромные трубы. В одну трубу частыми брызгами летела вода ручья, появляющегося из какой-то дырки в стене, в другую – чуть-чуть капало. Спустившись в более сухой колодец, спелеологи обнаружили за ним короткий крутой меандр, кото-

рый обрывался в новую большую шахту. Промерили лотом глубину, оказалось шестьдесят шесть метров. Навесили трос с веревкой, спустились на дно. Сюда, видимо, из обводненной стодесятиметровой ветви притекал ручей и образовывал глубокую лужу, за которой просматривался ход. Чтобы пролезть туда, пришлось по самое горло в буквальном смысле сесть в лужу. За этой купелью оказалась короткая галерея с ручьем и парой уступов, и она тоже оборвалась колодцем, на этот раз сорокапятиметровой глубины.

Ниже пещера изменила характер. Вода ушла в нижние этажи, идти пришлось по длинному сухому ходу, в котором встретилось несколько тихих и не очень глубоких колодцев. Ход закончился в небольшом зале. Из стены тонким водопадом вырывался ручей и тут же пропадал в глыбовом завале на дне. В дальней части пол был более или менее ровным. В углу чернело отверстие очередного колодца. Спелеологи прикинули набравшуюся глубину пещеры, получилось около шестисот метров. Идти дальше не было ни времени, ни сил. На этот год – все! Сделано главное: доказано, что пещера «идет», и найдено прекрасное место для подземного лагеря.

Экспедиция 1983 года оказалась очень плодотворной. Кроме самого первого хода, пройденного два года назад и заканчивающегося Мокрым колодцем на глубине около трехсот метров, были обнаружены сразу три перспективных продолжения. Все они начинались в верхней точке Грязного меандра. Одно – за Колодцем Балкона и за «мясорубкой» – ушло на глубину четыреста метров. Второе – за узким «очком» – серией глубоких колодцев и шахт «провалилось» до шестисот метров. Третье продолжение открыли настойчивые питерцы. Они нашли целый лабиринт галерей с уступами и мелкими колодцами. Этот лабиринт, получивший название «Ленинградский ход», был пока обследован до глубины двести пятьдесят метров.

Во всех продолжениях самым тщательным образом была проведена топографическая съемка, по ее результатам

прямо в базовом лагере «откамералили» первую сводную карту подземелья. На разрезе-развертке пещера была похожа на гигантского четырехглавого дракона, дробящего челюстями каменное чрево Земли.

Столь плодотворный результат был воспринят общественностью с большим энтузиазмом. Система Илюхина обещала еще много открытий и сюрпризов, и, надо сказать, они были совершенно необходимы. Пока москвичи путались в своих ответвлениях и лабиринтах, соседи-киевляне в пещере Куйбышевская уже пробились до глубины семьсот метров и имели перспективу скоро подойти к километровой отметке. Между экспедициями возникло своего рода соревнование: чья дыра глубже? Нам отставать очень не хотелось.

Не менее интересными оказались и результаты биологического эксперимента. Сотрудники научной организации, получив и обработав данные наблюдений, ознакомили нас с аналитическими материалами, но предупредили о невозможности их широко обнародовать, в первую очередь в интересах самих участников. Действительно, хотя американские тесты и были дурные, но психо-биологические «портреты» спелеологов, представленные в очень узком кругу и анонимно, оказались очень точны, каждый смог это про себя оценить. Более того, для всех был сделан примерный жизненный прогноз, и, сейчас, двадцать лет спустя, можно сказать, что в значительной степени он оказался верным!

Но было одно небольшое открытие, которое мы сделали без помощи академиков. Собственно, ума особого и не требовалось. Просто мы проанализировали замеры отсчета времени вслепую. И тут обнаружился удивительный факт, о котором, я, как выше говорилось, подозревал и раньше. Факт состоял в том, что под землей, в холодной пещере время замедлялось отнюдь не всегда, хотя французские авторитеты утверждали обратное. Наши наблюдения показали, что для каждого человека его «слепое» время шло по-разному в зависимости от двух причин: от того, чем человек был занят в

момент «слепого отсчета», и от темперамента. Мы могли заметить разницу потому, что замеры времени делали часто и с высокой регулярностью, и в нашей группе были разные по темпераменту спелеологи.

И вот краткий вывод. «Внутренние часы», действительно, могут замедлиться, но только во время спокойного состояния человека: комфортного отдыха или просто неторопливого пребывания в подземном лагере. В период же активной работы и в стрессовой ситуации картина меняется на противоположную. Время для человека начинает идти быстрее. Спелеолог отсчитывает вслепую одну минуту, потом смотрит на часы, а прошло всего сорок секунд. И чем интенсивнее работа, чем сильнее стресс, тем быстрее работают «внутренние часы». Известно, что и пульс при этом учащается, хотя о прямой зависимости между частотой сокращения сердца и ощущением скорости течения времени вряд ли можно говорить с определенностью. Но не менее интересное наблюдение состоит в том, что наибольшее отклонение скорости течения времени в ту и в другую сторону наблюдалось у участников эксперимента с более выраженными признаками темпераментов крайнего типа. Так сказать, меланхолики и холерики реагируют на изменение статуса активности острее, чем флегматики и сангвиники. Хотя, конечно, зависимость от темперамента требует дополнительного подтверждения: подопытная группа была всего одна, а в ней – только четыре кролика.

1984 год. Бесконечный путь вниз

На следующий год ажиотаж вокруг Арабики заметно усилился. На массив стали подтягиваться минчане, красноярцы, другие московские клубы. Но основными оставались две экспедиции – в пещеру Куйбышевская и в Систему Илюхина. Любая из этих пропастей могла дать рекорд глубины, и это, как магнит, привлекало сюда все больше и больше людей.

Наша экспедиция тоже очень разрослась. В нее добавилось много московской молодежи, были, как и прежде, ленинградцы, но также мы дали «добро» на участие и свердловчанам, тем более, что среди них было много наших старых друзей. Желающих работать в пещере было так много, что пришлось делить состав на два заезда. Иначе тем, кто ждет своей очереди идти под землю, пришлось бы с полмесяца загорать в базовом лагере, впуская переводя драгоценный газ, на котором теперь готовили еду. Использовать газ придумал Дякин, а Женя Мухин смастерил прекрасную походную газовую плиту. Газовые баллоны покупали на побережье, довозили на машине до возможной верхней точки, откуда переносили на станках – металлических рамах с ляжками, которые были одно время очень популярны и применялись вместо рюкзаков. Один раз я видел своими глазами, как, вообще говоря, не слишком могучий Миша Дякин нес на своем станке в гору два полностью заправленных двадцатилитровых газовых баллона. Килограммов шестьдесят нес. Был запал и задор соревнования со старым рекордом в пещере Снежной – одна тысяча триста семьдесят метров.

После жарких дискуссий на кухне у Олега Вадимовича Падалко – именно там чаще всего собирался оргкомитет экспедиции – было решено, что в главное продолжение Системы Илюхина первыми пойдут Киселев, Дякин и два молодых спелеолога из Перовского клуба – Саша Вильф и Володя Цыганов. Я, хотя и с некой ревностью, но уступил им «право первой ночи». Что ж, думалось, годы подпирают, скорости, наверное, не те. Да к тому же на мою долю уже и так выпало столько новых пещер, пусть другие тоже порадуются.

Так что я прибыл на Плато в начале августа 1984 года во второй команде. Стояла сырая, тяжелая погода. Низкие, лохматые тучи, казалось, зависли над базовым лагерьем навсегда, и из них то обрушивался громовой ливень с градом, то сочился нудный дождь, то вилась мелкая изморось. Те, кто делал заброску в первой группе, рассказывали, что при

переезде через Кушонский перевал так лило, что образовался небольшой сель, который мгновенно унес в небытие упавшие из кузова на дорогу консервные банки с говяжьей тушенкой. В словах очевидцев этого драматического события звучала боль.

Направлений главного удара было, как и в прошлом году, три. Ленинградцы ушли с подземным лагерем в свой ход. Они продолжили биологический эксперимент, но теперь его основное содержание состояло в проверке действия витаминов. Одна группа начала принимать витамины за месяц до поездки и продолжала до конца экспедиции. Другой – контрольной – группе их не давали вообще. У тех и других регулярно измеряли показатели адаптации к подземному микроклимату. Москвичи как ближайшие соседи питерцев тоже попали под исследование, и им было выделено несколько больших банок с вкусными шариками, в которых, впрочем, ощущалась и небольшая интригующая горечь. Но московские спелеологи так ни разу ничего у себя и не поместили, а только лишь сообщали о самочувствии. Самочувствие оказалось отличное, и польза витаминов была определенно установлена.

Группа Дякина и Киселева уже работала в глубокой ветви, ее выхода ждали со дня на день. Судя по длительности их пребывания под землей, пещера продолжалась. Наконец четверка выбралась на поверхность. Усталые глаза, ободранные руки, грязные и рваные комбинезоны – все знакомые атрибуты трудного подземного путешествия были в наличии. И еще были сложные выражения лиц – и довольные, и грустные. Причина оказалась простой: главную ветку удалось углубить еще метров на триста, но закончилась она самым настоящим сифоном.

Несложно представить себе, что это известие вызвало в экспедиции некоторое уныние. Действительно, глубина пещеры стала уже очень большой – по грубым оценкам, около километра. Из бывших здесь спелеологов так глубоко под

землю никто еще не ходил. Само по себе путешествие на «дно» по тем временам было уже трудной задачей. Да к тому же на этом далеком дне еще и сифон! Это был настоящий вызов.

Но для следующих экспедиций. Пока же оставалось сделать два дела: умственное и физическое. Первое – произвести топосъемку пещеры от сифона до лагеря-600, второе – извлечь из нижней части все снаряжение.

На эту непростую работу направились Игорь Новиков, Саша Бабанин, Вася Мерзляков – все трое из Свердловска, и я. Никто из нас в новой ветке пока не был, только в акклиматизационные выходы транспортировали груз до верха стометровой шахты. Вниз несли небольшой груз: пару комплектов легких топографических приборов, питание и топливо. Но стоит напомнить, что не зависимо от этого, на каждого приходилось еще почти двадцать килограммов одежды, сбруи, света и «железа».

В этом году проходила успешные испытания очень серьезная техническая новинка. Миша Дякин сконструировал и изготовил пробную партию современных карбидных ламп – агрегатов для освещения подземных пространств. Каждая лампа состояла из бачка, шланга и «горелки». Бачок, куда засыпался карбид кальция и заливалась вода, назывался «генератор», поскольку здесь в ходе химической реакции вырабатывался газ ацетилен. По гибкому пластиковому шлангу газ поступал в фарфоровую или металлическую форсунку, где поджигался искрой из пьезоэлектрического кристалла. «Генератор» на веревочке вешался на пояс или через плечо, а форсунка с отражателем и электронным «поджигом» укреплялась на каске как налобный фонарь. На всякий случай рядом располагался обычный электрический налобник.

Конечно, прототипом лампы Дякина явилась некая зарубежная модель. Однако наш отечественный образец имел существенное отличие. Если в корпусе западного «генератора» была дырка для выпуска лишнего ацетилена, то в

нашем бачке такой дырки не было, а избыток газа направлялся обратно внутрь, что ускоряло поступление воды за счет повышенного давления. При этом из форсунки вырывался все больший язык яркого белого пламени, и в критический момент она начинала реветь и бесноваться, как двигатель реактивного истребителя. В этот момент хозяин лампы должен был подкрутить винт регулировки подачи воды до минимума и ждать, пока пламя не спадет, потом винт отворачивался обратно. Этот русский тип карбидной лампы получил название «карбидка закрытого типа» и успешно использовался любителями пещер в последующие годы, хотя к каждому отдельному экземпляру требовались привычка и индивидуальный подход.

Появление карбидных ламп было своего рода революционным шагом в деле исследования больших и глубоких пещер. Во-первых, карбидка давала яркий свет и позволяла по-новому увидеть любую, даже самую большую пещеру. Во-вторых, теперь у спелеолога всегда рядом был живой, горячий огонь, по всем параметрам превосходящий холодное электричество. В трудную минуту при правильном использовании он мог обогреть, а все остальное время поддерживал морально и добавлял уверенности, столь нужной человеку в экстремальных условиях. Пещерные люди изобрели огонь.

Конечно, были и в этом светлом деле теневые стороны. Огонь опасен, и кое-кто не раз обжегся на белом пламени сам, прожег дыру в палатке подземного лагеря или, еще хуже, в своей или чужой гидре. Карбид кальция тяжел для переноски, взрывоопасен и к тому же химически агрессивен. Не раз уставшие спелеологи помогали посчитать оставшиеся драгоценные «камушки» в раскрытом бачке своего товарища, при этом светили туда, естественно, своей карбидкой. Хорошо, обходилось опаленными бровями и ресницами.

Карбидная «отработка» – едкий белый порошок – кучками начал разбрасываться по пещере, причем из года в год таких «белых пятен» становилось все больше, и со вре-

менем они не «рассасывались». Пришлось принимать административные меры убеждения – для старых бродяг – и принуждения – для молодежи. Спелеологи перестали бросать отработанный карбид, где попало, но только в установленных местах или в поток воды, хотя последнее, по слухам, вредило проживающей в потоках пещерной фауне. Кто-то поначалу даже выносил «отработку» на поверхность и высыпал на помойку, но потом это заглохло, потому что дожди смывали порошок все равно под землю, к фауне.

Итак, с легким грузом, сверкая огнем новеньких карбидок, наша четверка направилась на исследование нижних галерей пропасти. Будучи ветераном, я значился в журнале выходов формальным начальником, но в этой команде руководить не было нужды. Высший уровень техники и физической подготовки, всегда характерный для свердловских спелеологов, подчеркивался энергетикой и быстротой действий, а также оттенялся хозяйственной жилкой и чувством юмора всех участников. Бабанин неподражаемо быстро готовил вкусную еду, Мерзляков, хотя и был самым натуральным милиционером, знал анекдотов и правдивых веселых историй больше любого конферансье, а Новиков так лазил по скалам, что оставалось только завидовать.

Путь до лагеря-600, хотя и был для нас нов, но больших сложностей не вызвал: туда уже тянулся тоненький зеленый проводок временной телефонной связи. Связь была однопроводная, то есть один проводок прикручивался к самодельной телефонной трубке, второй – закапывался в землю или, еще лучше, опускался в воду. Нажатием кнопки можно было вызвать абонента на другом конце провода, при этом раздавался нежный писк. Как правило, этого писка на том конце не слышали, так что пришлось договариваться о времени связи. Дежурный наверху сидел с трубкой около уха и держал перед собой тетрадь для записей телефонных разговоров. Имелась инструкция записывать только приличные выражения, но все равно, когда в конце экспедиции кто-

нибудь начинал в столовой вслух читать текст переговоров, все вокруг покатывались со смеху. Потому что экспедиция была безаварийной, а все остальное не могло вызвать огорчения у здоровых молодых людей, только что успешно преодолевших невероятные трудности.

В лагере-600 нас ждала мокрая капроновая палатка и не менее сырые синтепоновые спальники. К счастью, синтетика быстро сохла от человеческого тепла, но при первом заползании в мешок ощущался сильный холод. Для облегчения участи, мы разложили на пенополиэтиленовых ковриках камни, на них положили кусочки сухого горючего и подожгли. Несколько едко пахнущих факелов согрели в палатке воздух, и на несколько минут в мокром подземном домике создалось ощущение относительного комфорта. Пока Саша Бабанин готовил ужин, мы привели в порядок спальные места и зашили перчатки, которые успели порваться по пути в лагерь. На следующий день группа направилась к сифону.

Новая часть пещеры радикально отличалась от верхних этажей. Обширных и глубоких колодцев – как не бывало. Вместо них вниз повела извилистая галерея с небольшими уступами и колодчиками по десять–двадцать метров. Но, в отличие от верхней части, здесь постоянно текла вода. Шелестя по полу, шумя и разбрызгиваясь на отвесах, вглубь земли тек чистый холодный ручей. Температура воды и воздуха здесь не превышала 3–4° по Цельсию – более чем прохладно. Особенно, когда тебя сверху поливают два–три ведра воды в секунду. Все были, конечно, в гидрокombineзонах, но все равно промокали – от собственного пота и из-за мелких дыр в защитной одежде.

Двигаться по галерее было несложно, но сыро и, я бы сказал, несколько опасно. Первопроходцы повесили снаряжение только там, где пройти без него нельзя было совсем никак. Однако на пути оставалось довольно много спорных уступов, при подходе к которым охватывало сомнение в возможности сюда спуститься и не улететь в лужу или, того ху-

же, на острые камни. Колебаний хватало секунд на тридцать. Потом под промокшей гидрой начинала бить дрожь замерзания. Тогда, плюнув на все, приходилось натягивать на голову капюшон, цепляться руками за край отвеса и повисать прямо в льющемся на него потоке. Потом, постепенно разгибая локти, лихорадочно нащупывать кончиками сапог камень или ступеньку. Скалолазание в ледяном водопаде.

Спустившийся чисто вымытый спелеолог счастливо отфыркивал залившую лицо воду и подстраховывал товарища. Кто-то, раскорячившись до шпагата, пытался обойти водопад по верху. Если ноги проскальзывали на мергелистой прослойке, гимнаст летел пару метров вниз. Но, к счастью, обходилось без травм.

Потеряв счет уступам и мелким навескам, мы через пару часов нудного маршрута спустились в десятиметровый колодец и оказались в небольшом гроте. Ход из грота вроде бы уперся в стену, но оказалось, что это совсем не так. Из грота была видна задняя стена узкой галереи, пересекавшей ход в перпендикулярном направлении. Подойдя ближе, мы увидели, что по этой галерее совершенно беззвучно слева направо несется небольшая стремительная река, в которую наш, как нам казалось, полноводный ручей вливается тонкой струйкой. К всеобщему удивлению река начиналась всего в нескольких метрах от грота и появлялась не из-под глыбового завала и не из узкой щели. Она вытекала из вертикального колодца, едва ли в метр диаметром и, очевидно, глубокого. Пригнувшись под низким сводом, мы подползли к его краю и высветили в идеально прозрачной воде только уходящие далеко вниз и расширяющиеся стены. Это был исходящий подземный источник – грифон. Где-то выше по течению, на другой стороне, вода уходила в аналогичное отверстие, полностью перекрывая собой подземный ход. Но попасть туда было невозможно.

Темная вода источника, как живая, притягивала взор, и мне вдруг вспомнились слова Николая Невского, сказан-

ные им три года назад в Гроде первого перекуса: «Здесь на семистах идет два куба!». По самой примерной оценке, от лагеря-600 мы спустились вниз еще метров на сто, то есть оказались как раз на глубине семьсот метров. И именно здесь «из-под земли» вырывался мощный поток. На «два куба» он, конечно, не тянул, но, как оказалось, только на первый взгляд. Через несколько лет мне и моим товарищам пришлось с огромным трудом и большим риском для жизни точно в этом месте преодолевать течение черного бешеного потока по грудь в воде. Но эта история уже из другой книги... Сказанные в шутку слова Невского оказались более чем пророческими.

Сейчас же наш путь лежал совсем в другую сторону, вниз по реке. Галерея была почти горизонтальной и вела ровно, как стрела. Сразу захотелось так ее и назвать: «Стрела». Несмотря на почти стометровую длину, она была едва ли не самым простым для прохождения участком пещеры. Взвалив на плечи трансы, мы просто брели по щиколотку в воде – то по ровному дну, то по широкой скальной полке и наслаждались тишиной – вода по-прежнему текла бесшумно. В правой стене время от времени открывались отверстия притоков и уходящих вверх колодцев. Все это мы исследуем потом, а пока – вперед и вниз!

Не знаю, что чувствовали мои спутники, я же переживал сильнейший душевный подъем, смешанный с ощущением тревоги. Но это не была тревога опасности или страх перед бездной. Нет, пещеры давно уже не казались мне враждебными, это был момент прислушивания к самому себе. Сможет ли мой, сравнительно уже не молодой организм без сбоев преодолеть трудный подземный путь до почти километровой глубины? На данный момент я чувствовал себя совсем не плохо, но абсолютной уверенности не было. Вспоминалось напряжение, прямо-таки борьба с самим собой, в двух моих глубочайших «снисхождениях» под землю – в пропастях Снежная и Киевская. Было над чем задуматься:

спасительный подземный лагерь остался где-то позади а до дна было еще далеко.

Тишину Стрелы нарушил еле заметный шум, который с каждым шагом становился все громче. Несколько шагов по ставшему узким ущелью, и ход резко повернул вправо. Перед нами открылась широкая и высокая галерея со стенами, полом и потолком изумительно чистого кремового цвета. Но эта галерея была полной противоположностью Стреле. Она извивалась в теле камня, как прихваченная за голову змея, и при этом вела вниз и вниз крутыми неровными ступенями. Из стен торчали острые зубцы и длинные выступы, похожие на слои гигантского торта «наполеон». Ход то сужался, то расширялся так, что ни рукой, ни ногой нащупать опору не удавалось. А опоры были нужны необыкновенно, потому что по полу галереи текла река.

Это прозаическое словосочетание «текла река» самым бледным образом отражает то, что действительно происходило в кремовой галерее. Идеально чистый, прозрачный поток несся по наклонным желобам и срывался гремучими водопадами с уступов, сверкая золотыми брызгами. Повсеместно на дне галереи обнаруживались глубокие ямы. Вода собиралась в эти бездонные темно-зеленые омуты, копила силы, чтобы еще яростней обрушиться с очередного отвеса или пенной струей уйти в перегородившую ход глубокую трещину. Потом река снова являлась из-под земли и неистово билась о стены, вырубая ниши и вырезая из камня замысловатые фигуры.

Пребывать в этом царстве бушующей водной стихии было прекрасно, но передвигаться – очень трудно. Эстетика стоит дорого. Вначале мы старались обойти уступы, водопады и водобойные ямы, цепляясь за скалы и распираясь между стенами. Но это было весьма небезопасно. Под скалолазом вскоре оказывалось более чем десятиметровое свободное пространство, куда легко было упасть, сделав неосторожное движение или поскользнувшись на глине. К тому же скаль-

ный маршрут быстро выматывал: всего через несколько минут после начала движения мы уже изнемогали от жары, и из всех отверстий наших гидрокостюмов валил пар. Тогда тактику поменяли, попробовали идти по самому дну. Но тут пришлось иной раз брести по пояс воде, местами даже плыть. Тело сразу же охладилось, однако возник еще худший дискомфорт: гидра текла, и обостренные рецепторы кожи тут же передали в мозг карту ледяных капель, расплывающихся по влажной одежде. Центр управления не заставил мышцы долго ждать, и мы моментально повыскакивали из луж, теперь уже дрожа от холода. Хорошо, что трансов с собой было немного, их можно было нести за спиной. Если бы груз пришлось передавать друг другу, сложить его было бы просто негде.

По несчетному числу водобойных ям – мармитов – этот выдающийся ход получил название «Мармитовая галерея». Мы с трудом перебрались через очередное глубокое отверстие под ногами, прошли небольшой скальный маршрут почти под потолком и оказались на верху пятнадцатиметрового колодца, в который с грохотом падала река. Спуск по сделанной нашими предшественниками навеске не занял много времени. Река врезалась сверху в небольшое озерцо, переливалась через край и уходила в горизонтальный ход за угол. На дне колодца стоял такой шум, что разговаривать можно было только крича друг другу в ухо. А воздух являл собой сплошную круговерть водяной пыли и ледяного ветра. Находиться здесь долго совсем не хотелось, и мы поспешили вниз по реке. За углом нас ждал очередной сюрприз.

Здесь в реку вливался ручей, приходящий из длинной боковой галереи. Мы быстро пробежали вверх по течению притока метров пятьдесят, но до конца не дошли, вернулись. Река становилась еще более полноводной и, описав полукольцо, скрывалась за монументальной колонной. Слева от нее возвышался невысокий глыбовый барьер, а за ним открывалось огромное черное пространство, в котором слы-

шался шум водопада. Первопроходцы справедливо решили, что следующую навеску лучше всего сделать именно здесь, и не ошиблись.

Один за другим мы спустились в отвес по веревке, страхуясь за трос. Это был огромный колодец глубиной метров сорок и едва ли не большего диаметра. Примерно на половине глубины из стены выступала широкая серповидная полка, на которой сделали перцепку снаряжения. Но чтобы попасть туда, приходилось висеть в неудобной позе и качиваться на несколько метров в сторону. Этот акробатический трюк дался непросто, тем более что к тому времени мы шли по пещере уже много часов. Тем, кто оказался на полке, ничего не оставалось, как отстегнуть страховку и, плотно прижавшись к стенке, осторожно пробираться до второй части навески. Под ногами спелеолога зиял двадцатиметровый обрыв, а рядом с ним грозно ревел и норовил достать брызгами могучий водопад. Занятие не для слабонервных.

Дно колодца представляло собой большой вытянутый зал, на дне – обломки гигантских сталактитов, слетевших сюда с невидимого потолка неведь когда. Сколы огромных деформированных глыб, потерявших свою первоначальную, видимо, квазиконическую форму, напоминали спилы стволов старых деревьев с годовыми кольцами. Пещерные секвойи, окаменевшие за миллионы лет.

Любоваться не было времени. Мы прошли несколько десятков метров вниз по залу, или, точнее, по широченной галерее, и оказались у очередного водопада. Повешенные на шлямбурных крюках веревка и трос на этот раз шли в непосредственной близости от потока. Но как ни жутковато было начинать спуск всего в полуметре от грохочущей воды, все же ни в одном месте человек под нее не попадал – навеску Дякин и Киселев сделали мастерски.

Спустившись, мы оказались в очередном высоком зале. В дальнем его конце река ныряла в глубокую и широкую яму. Из всех сил упершись ногами в одну стену, а руками –

в противоположную, мы не без труда перебрались через опасную ловушку и остановились перед очередным препятствием. Галерея опять расширилась, и все пространство заполнила разлившаяся вода. Мы стояли на высоком берегу пещерного озера, светящегося в лучах наших карбидок и фонарей темно-зеленым светом. Вода в озере была спокойна, и только под нашими ногами, где втекала река, поверхность волновалась и морщилась.

Попытки обойти водоем по скальной стене закончились срывом в ледяную воду. К счастью, глубина оказалась достаточной для того, чтобы амортизировать падение, и в то же время не слишком большой. Погрузившись в самом глубоком месте по грудь, мы проворно выскочили на «сушу» и... тут же попали под сильный «дождь»: с потолка обильно лился еще один приток. Еще через десяток метров река спряталась в глубокое узкое ущелье и глухо шумела там, срываясь с уступов. Погружаться в эту мрачную теснину совсем не хотелось. К счастью, под потолком обнаружилась дыра, в которую мы по очереди протиснулись. Потом пришлось скальным способом спуститься в сухой грот, и здесь мы в изумлении затормозили. Перед нами открылся обширный зал, и наша четверка оказалась на маленьком балконе посредине отвесной стены. Очевидного потолка не было видно, а вниз уходила горбатая стена, из которой торчали огромные скальные ножи, похожие то ли на хребтовые зубцы древнего стегозавра, то ли на каменные перья другого неизвестного науке пещерного ящера.

С балкона вдоль Перьев висела всего одна хлипкая веревка. Одна, видимо, потому, что прошедшим до нас товарищам это место, по сравнению с предыдущими водопадными отвесами, показалось просто курортным. Однако спускаться по этой веревочке пришлось метров двадцать!

Очутившись на дне зала, мы рассмотрели две его особенности. Первая состояла в том, что левая вниз по ходу стена, перпендикулярная той, с которой мы только что спусти-

лись, представляла собой один сверхгигантский кальцитовый натек. Темноватого цвета, но гладкий и блестящий, он круто поднимался в пещерные небеса к невидимому потолку. В следующий раз, если таковой представится, можно было попытаться туда залезть, хотя наверняка это было непростое и опасное скальное восхождение. Вторым отличием зала Перьев была тишина. Действительно, здесь было почти тихо, река ушла сквозь камни и урчала где-то в стороне и внизу. Я живо представил себе разочарование первопроходцев, так неожиданно упершихся в тупик! Но под противоположной стеной в полу среди глыб чернела дыра. Здесь из уже привычного простора большой карстовой полости опять приходилось становиться на карачки и протискиваться в узкий «подземный ход». Представляете подземный ход в пещере? Подземелье, так сказать, второго порядка.

Тесный ход шел ступенями вниз и вбок вдоль одной протяженной щели, заваленной каменными глыбами. Проклиная усталость, и свою собственную ненормальность, загнавшую нас к черту на рога, мы упрямо ползли вниз и вперед, сбрасывая друг на друга мелкие камешки. Вдруг под ногами снова зашелестела вода, и ход расширился. Открылся новый объем, впереди явственно обозначился очередной отвес. Пока первый цеплялся за навеску, остальные расположились на камнях передохнуть.

Если бы по пещере были расставлены видеокамеры, то какой-нибудь подземный академик мог узреть такую картину.

Огромная черная пустота. Не видно ни каменного неба, ни далеких стен. Слева в кадр попадает крутая осыпь, состоящая из тяжелых темно-желтых глыб. Верхние глыбы выдвинуты из узкого коридора, самые нижние зыбко опираются на край скалы, образующей отвес. Вертикаль пересекает нижнюю границу экрана, и глубина отвеса тоже не просматривается. Над отвесом копошатся маленькие, почти микро-

скопические существа, очевидно способные к мимикрии: их цвет в точности совпадает с цветом камней. Ясно, что так им легче скрываться от естественных врагов. Но также нет сомнения в том, что существа застигнуты в период гона. На верхней части их туловища то вспыхивает, то гаснет красноватый свет, у некоторых он еле тлеет. Назначение света очевидно: так существа привлекают особей противоположного пола. Интенсивность свечения определенно демонстрирует самке (если существа – самцы) силу возникающего желания. И эти световые сигналы, наоборот, делают букашек крайне уязвимыми перед лицом их биологических оппонентов. Вот яркий пример иерархии жизненных задач: инстинкт самосохранения легко подавляется императивом продолжения рода.

Общая глубина колодца оказалась около сорока метров, но сверху больше половины пришлось преодолевать скалолазанием, цепляясь за скользкие камни и подстраховываясь за тонкую восьмимиллиметровую веревку. На дно спустились по тросу и нормальной веревке и оказались в небольшом гроте. За спиной был тупик, а впереди – шумящий и звенящий сплошной занавес. Летящий сверху водопад перекрывал выход, чтобы пройти дальше, нужно было идти прямо под водой. Ничего другого не оставалось. Мы натянули капюшоны, зажгли электрические фонари и попытались как можно быстрее пройти под ледяным пещерным ливнем. Однако это была не простая задача: под ногами в месте падения воды оказался круто спускающий навал мокрых глыб, и следовало соблюдать осторожность, чтобы не подвернуть или, не дай бог, не сломать там ногу. Тем более что двигаться приходилось практически на ощупь, поскольку карбидки моментально залило, а подсевшие налобники не высвечивали ничего, кроме серебряных водяных стрел.

За водопадом пошла почти круглая наклонная галерея, несколько напоминающая далекую отсюда Трубу, только гораздо объемней. Река неслась вниз, иногда уходя в щель

у стены, иногда разливаясь по всей ширине. Мы топали по воде, уже привыкнув в этом бесконечном маршруте к влаге и холоду. Еще один меандр, поворот, еще один каскад, и... потолок хода стал неумолимо снижаться. Галерея в последний раз расширилась, образуя некоторый даже пляж, затем ход превратился в круглое горизонтальное отверстие, более чем до половины залитое водой. Чтобы пройти дальше, нужно было либо корячиться над водой в самом неудобном, почти лежащем распоре, либо входить в реку. В поклоне перед неимоверной подземной глубиной мы пригнули под сводом наши головы и погрузились в воду. Через десяток метров впереди загремел еще один каскад. Мы спустились с уступа и увидели средних размеров грот. Все стены его, кроме той, откуда мы пришли, опускались в воду, стоявшую спокойным прозрачным озером. По направлению к дальней стене грота зеленая вода становилась все темнее и темнее, и у самой стены была просто черной. Там чернело отверстие, через которое река уходила в неизведанные недра горы, полностью перекрывая собой подземный ход. Это и был конечный сифон Системы Илюхина, открытый в экспедиции 1984 года.

Прелести топоъемки и выемки снаряжения в глубоких пещерах

Мы достигли дна и тем самым удовлетворили свои спортивные амбиции. Теперь спортивный восторг должен был уступить место рассудочному научному мышлению, а азарт стремления к рекордам – смениться терпением и выдержкой. Еще никто в мире не знал, на какой глубине находится новый сифон. Нам предстояло дать ответ на этот живо-трепещущий вопрос.

Надо сказать, предыдущая четверка сделала первый вариант, практически набросок, топографической съемки пещеры. Но одного измерения, как известно, всегда мало, поскольку напичканным адреналином и уставшим людям

легко сделать ошибку. Наша топосъемка была, в известном смысле, и базовой, и контрольной.

Начали с того, что померили глубину сифонного озера. Игорь Новиков как самый высокий и отчаянный залез в озеро по самую шею, но при этом он далеко не дошел до черного отверстия под дальней стеной. Попытки покрутить головой в поисках обходящего сифон, пусть самого что ни на есть узкого хода успехом тоже не увенчались. Поэтому Игорь вылез на берег с грустным выражением лица. У меня был с собой фотоаппарат и я сделал несколько запечатлевающих историю снимков.

По наблюдениям получалось, что дно озера постепенно понижается до глубины более двух метров, а в самом сифоне, наверняка, и глубже. Мы с Бабаниным произвели обмеры сифонного грота, от каскада до дальней стенки получилось около пятнадцати метров, ширина – метров шесть. Потом, поделив нижнюю пещеры на два примерно равных участка и разбившись на пары, наша команда потянула нить топосъемки вверх, обратно к «дому», как мы уже непринужденно величали подземный лагерь-600.

Кто бывал в путешествиях, знает, что новый путь всегда кажется длиннее, чем знакомый. Так же и в пещерах. Путь к сифону был для нас новым, и поэтому казалось, ему конца не будет. Обратная же дорога, напротив, представлялась знакомой, довольно простой и была бы короче, если бы не проклятая топосъемка! По всем правилам делать замеры разрешалось только тогда, когда оба участника находятся в визуальном контакте. Иначе говоря, когда один другого видит. И это правильно и понятно. Но если ты уже часов восемь гуляешь по пещерным скалам под водопадами, то ничего, кроме плохих мыслей, а то и слов, эти правила не вызывают.

Пещерный ход извивался совершенно не допустимо. Иногда от одной точки измерения до другой было не больше двух метров. И это притом, что весь подлежащий съемке маршрут растянулся на километры! Держать горный компас,

делать замеры и записи приходилось задубевшими, ободранными в кровь пальцами. Потом после каждой точки прятать все причиндалы за пазуху, надевать ни драную кожу не менее драные рукавицы и двигаться до следующего чертова визуального контакта с партнером. Великое терпение должен иметь человек, претендующий на то, чтобы его называли спелеологом.

Через восемнадцать часов после выхода из лагеря-600 мы в него вернулись. Все кошмарно устали. Теперь раздеться, есть и спать, спать, спать... Спать можно хоть целый день, потому что нам осталась большая, но не самая страшная работа: вытащить вверх на двести метров – до дна ста-метрового колодца – все снаряжение. Ребята расслабились и даже чуть небрежно вспоминали каскады Мармитовой галереи, куда они, может быть, вернутся, но явно не скоро.

Отмокшие в воде пальцы пока еще сгибались, и я, сбросив комбез и гидру, забрался со своей карбидкой в сырую палатку, чтобы в этой пародии на комфорт заняться важным делом. У подземных исследователей есть строгое правило: переписать начисто все данные топосъемки из маршрутных блокнотов-пикеташек в отдельный аккуратно хранящийся журнал. Иначе данные могут пропасть – замзаться, стереться, не прочитаться. Не исключено, что и сам блокнот выпадет из кармана и его унесет река.

Я достал из своего транса новую сухую тетрадочку и начал методично перечерчивать таблицы и вносить в них номера пикетов, длины, азимуты и углы наклона. Прошло несколько часов. Все уже поужинали и улеглись отдыхать, а мои сотни пикетов все не кончались. И вдруг на очередной странице пикеташки, вместо записей, подлежащих описывать морфологию самой длинной и самой нижней галереи, я увидел лишь туманные разводы. Произошел тот самый случай, когда данные топосъемки безвозвратно пропали.

Конечно, это не была катастрофа. С кем не бывает? Можно было плюнуть и продолжать намеченный график ра-

бот. Но для меня это было невозможно. В палатке раздавался здоровый храп сильно уставших спящих мужчин. Только Новиков сразу почувствовал что-то неладное, видимо, мое волнение таинственным образом передалось и ему. Я тихонько сказал, в чем дело. Игорь понял сразу и предложил, не теряя времени, спать. Завтра мы повторим нашу работу.

Наутро мы вышли из лагеря к сифону в 10 часов утра. Ровно через двенадцать часов уже карабкались обратно по последним уступам ручейной галереи. Игорь шел впереди и ждал, когда над водой появится мой свет. Потом бежал дальше. Я выбирался в распоре на отвес, затем на длинной веревочке поднимал за собой транс с топокомплектom и самоспасом. Тащить мешок на себе, как это делал Игорь, сил у меня уже не было. Зато за пазухой завернутая сразу в два полиэтиленовых пакета лежала пикеташка, в таблице которой шариковой ручкой с самыми яркими и стойкими чернилами были записаны драгоценные данные топосъемки нижней части пещеры. Главным моим ощущением этого вечера в лагере был стойкий озноб, не проходящий ни от горячего какао, ни от теплого бока товарища по спальнику. Но пикеташку в журнал я все-таки переписал.

Без сна я лежал в палатке и думал о том, как прекрасна эта грандиозная, такая разнообразная и глубокая пещера. И о том, каких невероятных трудов стоит увидеть и оценить ее красоту, ее первозданную, вдохновенную природу. Как немного людей могут пройти по чудесной подземной реке и порадоваться, удивиться ее чистоте и силе. Они могут все это увидеть и порадоваться только в том случае, если не вся их деятельность под землей посвящена трудам преодоления препятствий, борьбе с усталостью, с голодом и холодом, борьбе с собственным страхом. Красоту можно увидеть только тогда, когда у человека есть свободное время, есть ощущение относительно комфорта и безопасности. Да и не

только к пещерным путешествиям это рассуждение применимо, но вообще к жизни.

Система Илюхина, безусловно, была одной из самых трудных и глубоких пещер из тех, в которых мне пришлось когда-либо бывать. Но, наверное, и самой эстетически мне близкой – ведь не просто же так она явилась мне во сне. И сон тот не обманул. Широта горизонтов здесь тонко сочеталась с необъятностью близкого неба, глубина пропастей – с высотой горных пиков, а красота наземного пейзажа – с гармонией подземного мира. Я зяб в палатке глубоко под землей и думал, как хорошо было бы в этой редкой по красоте пропасти построить теплые стационарные приюты, сделать удобные навески, провести надежный телефон. Тогда эти запредельные глубины не казались бы такими безумно дикими и враждебными, а спуститься и оценить их прелесть могли бы не только путешественники, затратившие на подготовку к таким походам многие годы. Да и я, уже сейчас не молодой, смог бы еще долго захаживать в эти полюбившиеся мне подземелья.

Но помимо этих благостных мыслей, бессонницу подпитывало ощущение надежды: сегодня на обратном пути от сифона я все же исхитрился залезть на гладкий сталактит в зале Перьев и обнаружил под потолком отверстие в стене. Я засунул туда голову и услышал шум воды. Хотелось верить, что это была параллельная система галерей, обходящая сифон.

Назавтра, несмотря на мое протестное ворчание, Новиков поднял лагерь в 5 часов утра. Туалет и завтрак вместе с упаковкой лагеря заняли немного – всего шесть часов. В полдень по земной жизни караван с десятью мешками потянулся наверх. Трансы складировались в куче. Четверка выстраивались цепочкой и передаваемые из рук в руки мешки переезжали на семь метров вперед. Потом первый брал мешок, уходил еще на семь метров дальше и бросал мешок на землю. Второй тоже брал мешок и уходил на пять метров. Третий – тоже с мешком – шел на два метра. Пока второй и

третий по команде передавали свои мешки вперед, а первый их укладывал, последний загорал. Наконец и ему кричали «передавай!», и он начинал передавать. Последний транс он взваливал на плечо и шел с ним до места складирования. Таким образом, получалось, что все, вроде, работают поровну. Всем было тепло, если не сказать, жарко.

Совсем иное наблюдалось на отвесах. Покуда трое по очереди выбирались из колодца наверх, последний тосковал в одиночестве. Наконец сверху раздавался крик «готово!». Крайний надежным специальным способом прицеплял к веревке мешок, а то и два, и кричал «вира!». Сверху начинали тянуть. Это было тяжело, и после каждых пятнадцати-двадцати «качков» полагался «передых». Чтобы в момент передыха мешки не упали вместе с веревкой, последняя направлялась на противоходе в самохват, привязанный к навесочному крюку. Тогда при отпускании рук самохват веревку зажимал, и мешки болтались в колодце на достигнутом уровне. Иной раз висящий в широком колодце трос натягивали по диагонали, встегивали в него карабин и тащили транс вдоль троса. Тогда груз не застревал в расщелинах стен, и к тому же так оказывалось легче пробросить пустую веревку ожидающему внизу крайнему.

Все эти хитрости транспортировки груза под землей придумывались на ходу и давали неплохой эффект. Не сложно догадаться, кому из группы поручили ответственную роль крайнего. Правильно, самому немолодому. Но это была совсем не завидная роль. Конечно, тащить транс на веревке вверх тяжело. Но сидеть и ждать, когда сверху раздастся шелест по тросу карабина с привязанным кончиком веревки, — очень холодно! Я делал гимнастику, прыгал, лазил по скалам, но после отпотевания в горизонтальной сухой части согреться не удавалось. И тут я вспомнил, что у меня во лбу горит огненная звезда. Я поудобнее уложил пару мягких трансов, уселся на них, достал из личной сумочки кусок полиэтилена, накрылся им с головой и поставил каску с пламе-

нем карбидки между колен. Воздух под полиэтиленом моментально нагрелся, я его вдохнул – и мне почти сразу стало тепло. Это было спасительное открытие. Впрочем, открытие – для себя. Нет сомнений, что в разное время точно то же самое придумали многие спелеологи.

Но сейчас это было неважно. Тормозившее было время стремительно понеслось. Я уже совсем не мерз, а наоборот, грелся, и даже ласковые грезы начали навещать. Снились запахи травы, луна над горами и девушки. К сожалению, от этого приятного занятия приходилось отрываться, когда сверху гремел вопрос, заданный озверелым голосом: «Ну что, дошла?». Я продираю глаза, карабин с веревкой дрожали на тросе в метре от меня, наверное, уже давно. Вверх уносилась успокоительная информация, что «дошла», потом «вира», и меня накрывал очередной виток сонной спирали. Все-таки по ночам нужно спать, а не мучиться маниловскими выдумками!

К 9 часам вечера мы со всем грузом были в заданной точке на глубине четыреста метров. Здесь все нужно было бросить и как можно скорее вылезать на поверхность. Но вначале были сказаны четыре скупых и святых слова – пароль тех счастливых лет: чай, шоколад, сухарь, колбаса. И только за ними последовал неудержимый рывок из бездны на волю. Усталость, жажда, рваная кожа ладоней, негнущиеся пальцы, ломающиеся самохваты – ничто не могло даже приостановить стремительное движение вверх. Новиков выскок из стометрового колодца за пятнадцать минут, Бабанин пробежал семидесятиметровый каскад отвесов за полчаса, Мерзляков просвистел Грязный меандр снизу вверх за восемь минут, я вылетел из пятидесятипятиметрового колодца над Трубой за десять минут. Грот первого перекуса, Ледник, коток, каменная осыпь, снежник, входная воронка, звездное небо, луна над горами, запах травы. Сделано!

Всего пять суток под землей, а впечатлений – на всю жизнь. Правда, отходили мы от этого марафона несколько дней, впрочем, виду никто не подавал. Но руки не слушались, синяки ныли, есть хотелось все время, хотя еды для нас не жалели.

Экспедиция заканчивалась. Ленинградцы пока безрезультатно копались в своем продолжении: нашли несколько новых ходов, но сильно не углубились. В ветку за Мясорубкой ходила группа с подземным лагерем, но только съела продукты. Нового вообще ничего. Организовали массивный поиск продолжения в Белой Лошади, но он не был плодотворным.

Не могли похвастаться особыми достижениями и наши перовские друзья на Треугольнике. Там нашли несколько пещер, из которых только одна ушла глубже трехсот метров. И это было все.

Зато в Орто-Балагане Александр Климчук со своей командой уверенно углублялся в пещеру Куйбышевская. Упорные киевские мужики рылись в глубоком колодце среди «живых» глыб и ледяных ручьев на глубине восьмисот метров, копали гигантский «Угрюм-завал». Работа шла медленно, но успешно. Еще немного, и они выйдут на новые горизонты.

Чтобы выяснить наши позиции, мы с Володей Киселевым сверили нашу топосъемку. По его данным, поверхность сифонного озера находилась на глубине около километра. Наша топосъемка дала результат девятьсот восемьдесят метров. Мы посоветовались. Ошибка измерений лежит в пределах пяти–десяти процентов. Я предложил отнять от километра пять процентов, тогда никто не обвинит нас в намеренном завышении глубины. Все главные спелеологи – Падалко, Дякин и Киселев – согласились. И мы объявили значение глубины Пещерной системы имени Владимира Илюхина в нулевом приближении: девятьсот пятьдесят метров.

Если киевлянам удастся пройти их Угрюм-завал, то на следующий год они, без сомнения, пройдут километровую отметку, и мы в нашем негласном соревновании останемся позади.

У нас оставался единственный выход: готовиться к нырянию в сифон.

ГОНКИ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

До того времени я держал в руках акваланг всего два раза. Первый раз – в 1963 году, когда после Экспедиции великих открытий на Караби-яйле помогал первым русским спелеоподводникам Виктору Бровко и Павлу Боровикову носить акваланги в Красной пещере. Второй раз я имел дело с аквалангом только через пятнадцать лет, осенью 1978 года, когда на совещании в Сухуми красноярские спелеологи дали мне понырять в Черном море. Но эти два случая так и остались исключением из правила. Моя спелеологическая карьера сложилась так, что весомых причин для освоения подводного плавания не наблюдалось. Более того, вид сифона в Красной пещере в свое время произвел на меня жуткое впечатление, вплоть до животного страха. Так что нырять под землей особого желания не было.

И вот теперь нужно было нырять в сифон на самом дне в Системе Илюхина. Конечно, для ускорения процесса можно было пригласить варягов из числа самых известных по тем временам спелеоныряльщиков, что, собственно, и было сделано. В ответ было получено письмо, в котором выражалась благодарность за лестное приглашение, но одновременно звучал определенный отказ. Мотив был по-талеярновски витиеват: мы к вам нырять не поедem, потому что очень вас уважаем и даже любим; поэтому хотим, чтобы вы сами развивали у себя спелеоподводное дело. Следовало понимать, что иначе оно вроде бы у нас никак не сдвинется. Удивительно, что это письмо пришло не с дипкурьером, а по обычной почте.

Нырять правильно!

Выполняя наказ друзей, спелеологи Перовского клуба стали интенсивно изучать подводное дело. На всю подготовку оставалось меньше года. За несколько месяцев нужно было научиться не только плавать с аквалангом, но в теплой

одежде, в гидрокостюме, в комбезе, в каске, в полной темноте, видимо, в мутной воде и в узких коридорах. Хотя никто из нас даже просто плавать под водой не умел.

Но задача была поставлена, и, как всегда, самым инициативным оказался Миша Дякин. Он познакомился с тренером подводного плавания Юрием Корнеевым, который за смешные деньги организовал подготовку спелеподводников в Центральном морском клубе Москвы. Желающих набралось достаточно – и более опытных: Дякин, Киселев, Арефьев, Рейснер, Семенов, – и молодых: Арчаков, Александров, Климова. Я вообще был полный ветеран – сорок лет.

Корнеев тренировал жестко, если не сказать жестоко. Сначала учил просто нырять под водой. Двадцатипятиметровый бассейн нужно было проплыть на одном дыхании по дну туда и обратно без маски и ласт. Лично мне это удавалось редко – воздуха не хватало. Но молодежь плавала! Потом Юра заставил прыгать в бассейн с десятиметровой вышки. Это было очень страшно, потому что с такой высоты ванна бассейна казалась маленькой, и не было уверенности, что в нее удастся попасть.

Каждое занятие начиналось с теории, которую тренер вдавливал в нас, как таблицу умножения. Потом начали работать с «аппаратом» – так несколько торжественно профессионалы называют акваланг. Корнеев, действительно, готовил профессионально. Он учил не только плавать под водой, но требовал, чтобы мы изучили устройство всех составных частей аппарата, умели разбирать и собирать его, делать регулировку, находить и устранять неисправности.

Казалось, что несколько месяцев мы ничем другим и не занимались. Собрав денег, купили подержанные баллоны, редуктора, легочники и шланги. Дякин у себя на работе изготовил хомуты, ремни и застёжки. Собирали, где могли, чугунные и сами отливали свинцовые груза. В результате в клубе сформировался довольно приличный парк подводного снаряжения. Все оно было или стандартным отечественным,

как правило, военным, или самодельным. В том числе изготавливали самодельные редукторы, понижающие давление воздуха между баллоном и легочным автоматом. В то время самым надежным считался рычажный редуктор от акваланга «АВМ-1М», едва ли не первой модификации. Но в стандартном аппарате этот редуктор был объединен в один блок с легочником, который лучшим, наоборот, не считался. И тогда спелеологи отдирали хороший агрегат от плохого, немножко его переделывали и использовали с отдельным легочным автоматом. Еще дальше пошли ростовчане. Виктор Яшкин настолько проникся идеями подводной спелеологии, что начал не только нырять, но даже изготавливать собственное подводное снаряжение на заводе. Не исключаю, что подпольно. Ростовские редуктора и легочники были вполне доступны – и по количеству, и по ценам, но качество их все же страдало. После нескольких погружений некоторые выходили из строя, поэтому мы использовали их только на тренировках.

К спелеологическому нырянию приступили еще зимой. Облюбовали заброшенный песчаный карьер километрах в восьмидесяти на восток от Москвы, заполненный поднявшейся грунтовой водой. Вода была чистой, глубина умеренной, зевак по удаленности от мегаполиса не наблюдалось. Основная сложность состояла в том, что везти на электричке, а потом еще тащить на себе с километр кучу заправленных воздухом баллонов, тяжелых грузов, редукторов, легочников и арматуры для нескольких человек было не самой простой задачей. Тем более, что тренировки проводились в течение дня, а вечером все хозяйство нужно было транспортировать обратно в Москву и развозить по домам.

Вот тут-то и понадобился мой маленький вездеходный автомобиль. Когда багажник и кабина были загружены подводным оборудованием, машина несколько проседала, но надежно доезжала до места погружения, а вечером обратно.

Во льду прорубали прорубь – по правильному «майну» – и по всем правилам погружались под лед. Это было со-

всем не похоже на занятия в бассейне, потому что на себя нужно было надеть все, что требуется в натуральной пещере. Практика показала, что самое трудное – во всей одежде «утонуть», то есть целиком погрузиться под воду. Потому что под гидрокостюмом скапливался воздух, и выпустить его изнутри было нелегко, поскольку гидры мы клеили из резины сами и никаких выпускных клапанов, конечно, не предусматривали. Приходилось залезать в воду и плавать по поверхности, задрав голову максимально вверх и одновременно оттягивая рукой капюшон на щеке. Через образовавшуюся дырку воздух постепенно выходил. Но тут нужно было не упустить момент, когда начинаешь тонуть, и вовремя капюшон отпустить. Потеря бдительности грозила получить внутри гидры хорошую порцию свежей водицы.

Нюансов и тонкостей хватало. Наденешь грузов больше – на глубине давлением обожмет так, что никакие ласты не помогут, нужно поддувать гидру из маски. Даже трубочку поддува специальную из-под гидры в маску вставляли. Если каска на голове сидит глубоко, то маску она в самый неожиданный момент непременно собьет. Ласты полагаются привязывать веревочкой, поскольку они с ног часто слетают и уходят на дно. Под водой нужно не меньше двух герметичных электрических фонарей: чем мощней, тем лучше. Хорошо также иметь запас резиновых рукавиц, которые легко рвутся о камни, после чего приходится плыть в одних шерстяных перчатках, а это очень холодно. И много чего другого нужно было знать и уметь. Ко всему прочему нас подстерегали стандартные, так сказать, подводные опасности: баротравма уха или, не дай Бог, легких, а то и кессонная болезнь.

Но самое главное отличие спелеолога от простого ныряльщика состояло в том, что в подземных сифонах ему нужно было иметь большой запас воздуха и две независимые системы дыхания, чтобы при поломке одной системы можно было использовать вторую. Поэтому каждый подводный ап-

парат составлялся из трех баллонов, два из которых были соединены между собой, двух редукторов и двух легочных автоматов. Весило это сооружение вместе с грузами и арматурой за пятьдесят килограммов. И это на каждого ныряльщика! Подводников должно быть как минимум двое, лучше трое. Значит, для погружения в сифон в нашей пещере на глубину километр нужно было занести не меньше ста килограммов «спелеологически нефункционального» хрупкого и взрывоопасного груза. Я не забыл падение баллона со сжатым воздухом в пещере Киевская.

Все это требовало практических навыков, и в январе 1985 года на Кавказ выехала небольшая тренировочная экспедиция, главной задачей которой было попробовать свои силы в настоящей подводной пещере – в источнике Мчишта. Конечно, поехали главные зачинщики – Киселев, Дякин и я.

Полноводная Мчишта, или в переводе с абхазского Черная речка, истекает из самого подножья Бзыбского хребта, недалеко от Гагры. По ученым предположениям, она аккумулирует воды, собирающиеся в карстовых полостях западной части хребта, в том числе, вроде бы, и воду из пещеры Напра, которую я посетил в незабываемом 1982 году. Мощный источник чистой воды – несколько кубометров в секунду – безусловное богатство, не оставшееся не востребованным. Здесь уже много лет было организовано так называемое «форелевое хозяйство»: вырывающийся из-под скалы поток развели по искусственным бассейнам, в которых разводили вкусную горную рыбу. Место отличалось отдаленностью от большого города и гостеприимством директора предприятия, так что сюда частенько наезжали «шишки» различного ранга – и выпить, и хорошо закусить. Но в зимние времена здесь было тихо и безлюдно. Без дела простаивала небольшая вилла и отдельные сарайчики. К тому же хозяйство начало потихоньку приходить в упадок, и начальники не видели ничего зазорного в том, чтобы в несезонное время сюда заглядывали спелеологи и ныряли в источник с аквалангами.

Первыми, видимо, это место заметили красноярцы и открыли здесь отечественную эпопею «Мчиштинского во-клюдза», не менее интригующую, чем эпопея исследований настоящего французского источника Воклюз. Как раз на 1985 год планировалось решающее погружение в этот знаменитый бездонный колодец, заполненный водой. Вероятно, понимая, что на этом почти столетняя история изучения Воклюза кончается, и на их долю рекордных погружений там определенно не выпадет, красноярские подводники нашли не худший отечественный объект. Даже по внешним параметрам Мчиштинский источник похож на Воклюз: вода выбивается из-под скалы, а чуть выше находится спокойное стоячее озеро, куда, собственно, и следовало нырять: по предварительным оценкам, дна у озера не было.

Компанию красноярским ныряльщикам составили активные и любознательные ростовчане во главе с нашим другом Виктором Яшкиным. Они довольно быстро освоили технику подводных погружений в подземные полости, и в силу географической близости Ростова и Мчиштинского форелевого хозяйства тоже стали там частыми гостями. Именно Яшкин предложил нашей команде совместно потренироваться на Черной речке к будущему прохождению сифона в Системе Илюхина. При этом, несомненно, имелось в виду, что группа ростовских спелеологов – первых, можно сказать, исследователей Системы – примет участие и в первопрохождении сифона.

Вместе с нами на виллу пустого форелевого хозяйства прибыли спелеологи из Каунаса, с которыми мы подружились три года назад в пещере Майской. Лидер литовцев Витас Гудайтис, как выяснилось, тоже оказался большим энтузиастом подводного дела, хотя нырять в пещерах ему пока не приходилось. Но кроме погружений, у него, как у большого любителя подземной киносъемки, была еще одна задача: снимать кино вместе с Сашей Полуяновым.

Если читатель помнит, два друга – Полуянов и Киселев – пришли в спелеошколу Московской городской секции с идеей сделать про спелеологов правдивое кино. Первые шаги в этом направлении они уже предпринимали. В частности, в пещере Напра они снимали эпизод для научно-популярной ленты режиссера Виктора Викторова «Человек загадочный» – о загадках человеческой психики. Спелеологов авторы считали яркими представителями аномального мышления, и уделили им в фильме видное место. А меня как активного ветерана попросили рассказать в объектив о движущих мотивах и соображениях любителя подземелий. Легко поняв задачу, я изложил красочную сагу о том, что душа настоящего спелеолога полна глубокой неразрешимой тайны, и вообще – потемки. За что университетские сотрудники потом на меня некоторое время опасливо косились, поскольку фильм по телевизору крутили раз десять, и посмотреть его смогли все желающие.

Но теперь главный пещерный режиссер и оператор Саша Полуянов ни от какого начальства не зависел и был в свободном творческом полете. Дефицитную пленку «Кодак» нам достал для кино мой друг из «Клуба путешественников» Стас Покровский, профессиональную кинокамеру Полуянов выцыганил у знакомых. Правдивое кино про спелеологов предполагалось снимать здесь, на Мчиште, а потом еще в пещере Ткибула, недалеко от города Кутаиси. Не теряя времени, киногруппа уехала на рейсовом автобусе к Черкесскому водопаду, чтобы запечатлеть для заставки фильма этот падающий с многометровой высоты полноводный поток. А ныряльщики занялись сборкой аппаратов и подгонкой снаряжения. На всякий случай, я решил потренироваться еще и вечером, в полной темноте. Но не в источнике, а в открытой воде, в речке. Однако хорошей тренировки не получилось, потому что река оказалась слишком мелкой и быстрой. Быстрая работа ластами не помогала удержаться на месте, поэтому пришлось хвататься за камни на дне. Но тогда течение

сразу же выносило на поверхность. Со стороны я, наверное, был похож на испуганного водяного страуса: все снаружи, голова – под водой.

Ночь перед первым в жизни погружением в пещеру прошла наполовину бессонно. Причина была в том, что киногруппа потерялась. В назначенный срок – 12 часов ночи – на Мчишту она не приехала, и по всем правилам ее нужно было спасать. В хозяйстве был «УАЗик» и шофер, но не было бензина. Вечная проблема на Кавказе – есть все, нет только бензина. Пришлось добираться до шоссе и часа два отлавливать желающих продать топливо. Вдвоем с водителем мы поехали по шоссе вдоль Бзыби по направлению к озеру Рица. Километров через пятнадцать увидели живописную картину. По ночной дороге шли три человека. Один тащил на плече очевидно тяжелый транс, другой бережно, как ребенка, нес драгоценную кинокамеру, а третий – сам Полуянов – медленно шел впереди и освещал дорогу трепетной свечой. Другого света у них не было. На последний автобус они опоздали. Еду съели. Теплой одеждой не запаслись. Ничего не оставалось, как топтать по трассе сорок километров до Мчишты. Почти половину они уже прошли.

Прохладное утро начисто смыло ночные тревоги. Мы стояли у небольшого озера, из которого струился тонкий ручей. Главная река была из камней ниже по ущелью. Но озеро было не главным входом в колодец Черной речки, а всего лишь местом для тренировки «чайников». Матерые спелеологи, но самые настоящие «чайники» в подводном деле строем стояли на берегу, внимательно слушая наставления Виктора Яшкина. Параллельно шеренге новобранцев по мелкой гальке протянулась цепочка необходимых вещей: маски, груза, манометры, глубиномеры, кольца, ремни, гидры и, наконец, баллоны, только что забитые до ста пятидесяти атмосфер на новеньком компрессоре, который красноярцы всегда берут с собой. Сами же герои подземной Мчишты налаживались к глубоководному погружению около соседнего непри-

мечательного омута, который, на самом деле, и был главным колодецем. Ко времени нашей встречи красноярцы уже провели ходовой конец до глубины тридцать метров. А колодец шел и шел вертикально вниз. С ощущением некоторой неполноценности мы поглазели на великолепных ныряльщиков и обратили взоры к наставнику, а мысли – к своей жалкой тренировке.

Первая проблема возникла в процессе одевания. Выяснилось, что без посторонней помощи натянуть одежду и навесить на себя все необходимое практически невозможно. Как уже отмечалось, все вместе тянуло за пятьдесят килограмм, но мы все-таки были настоящими путешественниками, и такой вес каждый мог и поднять, и довольно долго нести. Но не в ластах. И застегивать на рукаве тонкий ремешок глубиномера пальцами рук, одетых сначала в шерстяные, а потом в резиновые рукавицы ни у кого тоже не получалось. Поэтому в процедуре подготовки к нырянию всегда участвовали двое: ныряльщик и страхующий. Они сначала помогали друг другу все надеть, потом один, обвязанный веревочкой, нырял под воду, а другой ему эту веревочку выдавал. Поддерживая ходовой конец, они могли обмениваться условленными сигналами, и в нужный момент страхующий имел возможность веревочку выбрать назад, если ныряльщик, пройдя сифон, не привязывал ее с той стороны.

Уже облаченный во все подводное, с тремя баллонами за спиной, я еще раз про себя повторил значения сигналов и проверил, совпадает ли это с тем, как их понимает страхующий. Понимание совпало. Тогда я аккуратно опустил тело в озерцо и, оттянув резиновый шлем от щеки, выпустил воздух из гидры – «обжался». Число грузов было подобрано правильно, и я легко «вывесился» под водой – мог удерживаться на любом уровне, лишь слегка шевеля ластами. Вода была сравнительно теплой, градусов семь по Цельсию, и чуть мутноватой. Но это было уже знакомо: почти такая же вода была в подмосковном песчаном карьере. И так же сверху светил

дневной свет. Но прямо передо мной в скале чернела широкая дыра. Я знал о том, что под водой размеры предметов сильно увеличиваются, и, прежде чем всплывать в отверстие, на всякий случай примерился. Больше всего опасался за баллоны, уложенные пирамидкой на спине. Похоже, все в дыру проходило не цепляясь. Дышалось легко, два фонаря – один на каске, другой в руке – давали достаточно света, и я поплыл в неизвестность. Вообще-то меня предупредили, что этот подводный подземный ход тянется на много метров и довольно глубок. Но до конца он исследован не был, и это вносило в мое первое погружение определенную интригу.

Все три баллона были только что забиты, и давление в каждом я проверил отдельным манометром перед сборкой аппарата. Но рабочего манометра, показывающего изменение давления, на акваланге не было, так что мне оставалось поглядывать всего на три прибора – глубиномер, компас и часы. Компас навесили на руку скорее для порядка, так как отцепляться от ходового конца я не собирался, равно как его и терять. К тому же ориентироваться по компасу под водой мне показалось очень трудно – несмотря на все потуги, азимут движения почему-то не запоминался. Японские часы «Сейко», которые я купил еще пару лет назад в Вашингтоне, имели на корпусе надпись «100 m», что, согласно инструкции, означало глубину, на которую с ними можно было нырять. Часы успешно отсчитывали минуты и секунды, подерживая своей привычной ритмичностью ощущение уверенности, но смотреть на них было неинтересно. Зато глубиномер внимание привлекал.

Преодолев дыру, я оказался в гроте, где, судя по зеркальному блеску воды, вверху был воздушный пузырь. Плыть нужно было вниз, куда вел просторный ход. Я поработал ластами и начал углубляться. На глубине четыре метра уши заныли от давления, я остановил движение и, зажав через маску пальцами нос, сделал через него попытку выдоха. Боль в ушах сразу же отпустило. Есть еще одно правило ны-

ряния под землей: в сифоне никогда не делай резких движений. В этот раз я его хорошо помнил и спускался в наклонный колодец, как мог аккуратно. К тому же заметил, что каждое энергичное движение смахивает со стен мельчайшую взвесь, и вода сразу мутнеет. Вскоре почувствовалось, как тело со всех сторон сжала невидимая сила, и с глубиной придавливает все крепче. Одежда под гидрой начала впиваться в тело и сковывать движения. Плаучесть упала, я стал погружаться все быстрее. Столб воды высотой десять метров действует на площадку в один квадратной сантиметр силой в один килограмм. Гидростатика, физика для девятого класса. Поддуть гидру не получилось, а движение вниз по колодцу все ускорялось. Стало жутковато, и я начал разворачиваться головой к выходу, в то же время погружаясь все глубже. Но в этот момент ходовой конец три раза дернули, он натянулся, и медленное падение в подводную бездну остановилось. Веревка длиной сорок метров кончилась. Я покрепче укусил загубник легочника и с наслаждением вдохнул большую порцию воздуха, такого вкусного в этой прорве. Потом посмотрел на глубиномер, стрелка стояла на отметке семнадцать метров, не так уж и плохо для первого раза. Подал сигнал о выходе и, почти не работая ластами, начал подниматься вверх. Страхующий выбирал конец добросовестно, с силой.

По очереди в тренировочный ход поныряли все желающие, и у всех получилось неплохо. После каждого погружения толпа новичков живо обсуждала нюансы подводной техники и правильного поведения. Давали друг другу советы, как лучше поддуть гидру, сколько грузов добавить, как лучше привязать ласты. Во всем чувствовалось возбуждение от приобщения к высокой касте пещерных подводников и радость первого успеха. Голоса замолкли только тогда, когда от соседнего – главного – колодца Мчишты двое здоровых парней под руки провели третьего, только что неудачно нырявшего. Он был бледен и пошатывался, из его левого уха текла кровь.

Тренировочная аква- и киноэкспедиция закончилась в Грузии. Там, в течение нескольких дней Полуянов снимал кино про отважных пещерных исследователей. При этом Александрова заставили спускаться по веревке с восьмидесятиметровой скалы в стороне от входа в пещеру, Киселева – подолгу качаться в гамаке, растянутом над подземным потоком, и делать вид, что он крепко спит, а Гудайтиса – под сильным водопадом забивать в стенку скальные крючья, якобы чтобы вылезти наверх из колодца. Чуть в стороне в том же колодце посуху были грамотно навешены веревка и трос. Лукавое искусство кино.

Через месяц пленку проявили и, как ни странно, почти все на ней получилось в лучшем виде. Я приехал к Полуянову домой, и за ночь на детском монтажном столике с помощью скотча мы смонтировали короткометражный фильм. Даже испорченную туманную часть пленки вставили в том месте, где Володе Киселеву по сюжету полагалось видеть сон. Желто-зеленое и красное мельтешение – натуральные пещерные глюки. Бесподобный по своей правдивой жуткости фильм частично показали по телевидению, потом он несколько раз завоевывал призовые места на любительских фестивалях.

А замечательные японские часы «Сейко» не выдержали «русского» сифона, затекли и навсегда остановились.

Ничего не бойся

Один из моих учеников, спелеолог нового поколения, любит одежду с надписями. Часто носит футболку с предупреждением нового времени: «Не стреляйте, я журналист!». А мне недавно подарил майку, на спине которой написано: «Ничего не бойся!». И я опять подумал о совпадении. Ко мне вернулся совет, или даже девиз, который в моей жизни однажды уже сработал – в 1985 году.

В Москве мы продолжили интенсивные подводные тренировки. Надев только плавки, маски и ласты, ныряли на дно бассейна и плавали, не выходя на поверхность, по пятнадцать минут, изредка присасываясь к аквалангу, лежащему на глубине пять метров. Иногда у аппарата образовывалась очередь из жаждущих глотнуть божественного воздуха. На очередном круге я перетерпел кислородный голод чуть больше, чем надо, и, взяв в рот загубник, вдохнул изо всех сил. Слева в груди рванула острая боль, и я поспешил всплыть. Но было поздно. Старая эмфизема дала рецидив, в легком снова образовалась дыра. С тяжестью в груди и в душе я вернулся домой и вызвал «скорую помощь».

Прибыла женщина в белом, померила пульс и стала меня слушать прибором. Потом сказала, чтобы я не волновался, сердце работает ровно, и никакого пневмоторакса нет. Возможно, есть небольшое затемнение в легком, следствие пневмонии. Я сказал, что такой болезнью не страдал лет тридцать, и что левое легкое все-таки прорвалось. Мадам вынула спирометр и велела в него дуть. Прибор показал три с половиной литра. Последовала раздраженная нотация с требованием не вводить специалистов в заблуждение, потому что 3,5 литра – нормальный объем здорового человека. Или здоровый объем нормального. Ну, как объяснить, что тут чистая аномалия – шесть полных литров да еще у спелеолога. Еле уговорил позвонить в больницу, где лежал три года назад. К счастью, на другом конце провода нашелся тот самый врач, который делал мне операцию и едва ли не первый в Москве применил для лечения метод торакоскопии. Как ни странно, хирург меня прекрасно помнил. Более того, мне из больницы, оказывается, посылали открытки с просьбой явиться на «техосмотр». Но я сменил квартиру, и открытки не дошли. Доктор велел «белой даме» срочно отконвоировать меня к нему в больницу, и только тогда она сдалась, хотя и ворчала, что ее дурят.

Обследование показало печальную картину, и профессор сказал, что придется делать большую операцию под общим наркозом, потом два месяца провести под наблюдением в больнице и еще года два приходиться в себя. Этого кошмара, подумал я, допустить никак не возможно. И стал просить еще раз прорезать между ребрами дырку и вставить в нее насос. Доктор злился и ругал меня за беспечность, но потом дал согласие при условии, что я подпишу отказ от операции. Я подписал, и уже через день корчился на койке, стараясь не задеть торчащий из бока шланг. Под кроватью стояла колба с розовой жидкостью, из нее булькало.

Солнечным мартовским утром, снова дыша полной грудью и поддерживаемый юной невестой Светой Климовой, я покинул гостеприимный храм здравоохранения. Недели две пришлось отсидеться дома, после чего неудержимо повлекло на работу, на тренировки и в путешествия. Все руководство предстоящей экспедиции в Систему Илюхина, за исключением пострадавшего, было единодушно в том, что ценные кадры нужно беречь, и начисто исключило мою фамилию из списков ныряльщиков в сифон. Внутренне с ними согласный, я не мог смирить свое проклятое упрямство и для себя решил, что нырять все равно буду. Каждый день, начиная с малого, стал поднимать гантели, потом легкую штангу, потихоньку бегать. На начало мая был назначен первый летний заплыв с аквалангами в знакомом песчаном карьере. Для вхождения в форму я сводил группу новичков новой Перовской спелеошколы в изнурительный подмосковный поход и в назначенный день прибыл к месту ныряния. Коллеги изумились, но возражать против пробного погружения не стали. Ныряние, в том числе ночное, прошло более чем успешно. Впереди были еще почти три месяца тренировок, и я не пропустил ни одной. В перерыве между погружениями – 17 мая – во второй раз женился. И не упоминал бы об этом, если бы не совпадение: никто ничего не подгадывал, но развод произошел тоже 17 мая, только на год раньше.

Экспедиция все же уехала без меня. Но друзья меня не кинули, а тактично освободили от бесполезного для пошатнувшегося здоровья труда по переноске сорокакилограммовых рюкзаков на заброске. К тому же образовалась веская причина задержки с отъездом: я сопровождал на Арабику известного писателя Леонида Борисовича Репина. Того самого корреспондента «Комсомольской правды», с которым мы подружились двенадцать лет назад, когда транспортировали с Бзыбского хребта в сухумскую больницу упавшего во входной колодец Снежной Сашу Муранова.

Репина очень заинтересовало известие о том, что впервые в нашей стране может быть пройден пещерный сифон на глубине почти одного километра. Будучи уже заслуженным литератором, он без труда оформил себе командировку в родной газете, но вылететь к месту событий смог лишь 27 июля, почти через неделю после отъезда основной группы. В его творческие планы входил большой разворот и серия сопряженных статей на тему об экстремальных путешествиях. Моя скромная задача состояла в том, чтобы показать дорогу до базового лагеря. О транспорте можно было не беспокоиться: удостоверение ведущего сотрудника центральной комсомольско-партийной газеты открывало любые двери и добывало любые вездеходы. По крайней мере, в теории.

Теория с блеском начала подтверждаться уже в Адлере, куда мы прилетели на самолете в середине дня. Райисполком немедленно выделил нам полноприводный «УАЗ-469» вместе с водителем для доставки в далекий горный район. Шел дождь, но Репин довольно улыбался и гордо на меня поглядывал. Такой стремительный темп заброски, утром – в теплой московской койке, вечером – на Арабике, спелеологам и не снился. У меня, правда, были сомнения, поскольку заколдованного места на склоне хребтика Люкивоху, где в 1981 году сломался «ГАЗ-66» и где произошло невероятное пятикратное совпадение, мы еще не проехали.

В районе аномальной зоны машина встала. Шофер сказал, что у него совсем кончился бензин, и что дальше он не поедет, не смотря ни на какие высокие полномочия пассажиров. В качестве свидетельства истинности сделанного заявления и твердости намерений водитель вынул из-под лавки ведро и пошел добывать бензин, хотя вокруг были горы и лес. В ближайшей деревне Менделеево водились только поросята-эскалопчики, но заправки не было, так что найти там бензин представлялось проблематичным. Но тут сработала хорошая традиция Люкивохской аномалии. В дождливых сумерках и отчаянии сзади подъехала машина «нива», хозяин которой отлил нашему шоферу немного топлива и посоветовал быстрее ехать домой. Нас с Репиным он чуть ли не силой усадил в кабину и за час довез до летнего поселка Гюзле, где мы, испив настоенного на травах чаю, переночевали в его домике.

Пробудившись с рассветом, мы вышли в путь. Дождь кончился, проглядывало солнце, но ехать в Гелгелук было не на чем. Дорога была пустынная. Вообще-то Репин – спортсмен, легкоатлет. Он силен и вынослив. Но горный маршрут, хотя и с небольшой сумочкой, утомляет. До нашего базового лагеря на Плато нужно было пройти почти двадцать километров, при этом то подниматься, то спускаться по крутым склонам. В надежде на то, что нас догонит и подбросит какой-нибудь транспорт, я решил применить к моему спутнику метод постепенной правды.

Показав на Кушонский перевал, скрывавшийся в облачках, я сказал, что наш лагерь находится за ним, что было безусловной истиной. Когда через пару часов мы забрались на высшую точку, панорама была в тумане, и я объяснил, что теперь нужно спуститься вниз, тут недалеко два летника, а лагерь уже за ними. Что тоже отнюдь не было враньем. Еще через час, сверкая испариной на лбу и принимая из рук пастуха в Орто-балагане второй стакан мацони, Репин уже безнадёжно поинтересовался перспективами нашего прибытия в

лагерь. Понимая, что обратно в Гюзле он уже не пойдет, я честно признался, что мы прошли чуть меньше полпути. Писатель тяжело вздохнул и пообещал мне когда-нибудь за все это отомстить.

На Плато под Арабикой творилось невообразимое. Среди воронок и холмов стоял целый палаточный город, столовая удлинилась чуть ли не вдвое. По лагерю бродили человек пятьдесят, но, что существенно, все выполняли общественно-полезные работы. Строгий начальник экспедиции Олег Вадимович Падалко имел в наличии поименный список всех участников вместе с графиком их повременной занятости. График неукоснительно отслеживался и выполнялся.

В Системе Илюхина объединили усилия команды четырех городов – Москвы, Ростова-на-Дону, Ленинграда и Свердловска. Москвичи и ростовчане ныряли и носили снаряжение в главной ветви, питерцы продолжали неторопливо обследовать свой пока еще второй по глубине ход и продолжали медицинские эксперименты, свердловчане наметились в помощь ленинградцам, потом им предстояла выемка снаряжения. Ко всему прочему здесь же проходили полевую практику новички, изучившие за прошедшую зиму теоретический курс. Все эта видимая суета и толкучка вызывали ощущение полноты жизни и поднимали дух. Необыкновенно приятно было присутствие и живейшее участие во всех делах известных спелеологов первых поколений, горячо любимых мною Евгения Мухина, Маргариты Шашуриной, Володи Кучина, Виктора Леринмана.

Самая тяжелая работа досталась четверке первых ныряльщиков, в которую вошли Дякин, Киселев, Яшкин и Боровой. Со дна стометрового колодца, то есть с глубины четырехста метров они несли вниз двадцать пять трансов, большую их часть – до сифона. По дороге нужно было установить два подземных лагеря, на глубинах шестьсот и девятьсот пятьдесят метров. Потом им предстояло испытать острые

ощущения: попытаться пройти сифон и, если там обнаружатся новые галереи, по возможности их обследовать.

До четырехсот метров снаряжение забрасывали все, кто был на это способен, включая и самих ныряльщиков: акклиматизация никому не была лишней. Разнородных рабочих групп и снаряжения под землей было много, и временами возникали неприятные казусы. Неуклюжие спелеологи рвали телефонный провод, и для его восстановления приходилось направлять ремонтные двойки. Неаккуратно сброшенный камень перебивал веревку, и ее перевешивала другая аварийная команда. Рассеянные девушки забывали под скалой мешок с частью подземного лагеря, и его приходилось срочно посылать вдогонку.

Леня Репин по очереди терзал своими интервью и великих спортсменов, и желторотых новичков. Яростно фотографировал пейзажи и лица. Всклакивал до рассвета и бегал по Плато в поисках экзотики. Таковая в наличии имелась, днем на альпийском лугу было влажно и тепло, по ночам прорезался лютый мороз. Репин удовлетворенно фиксировал на пленку жутковатый натюрморт: лепестки утренних незабудок, как щеки мертвой царевны, бледно голубели в прозрачном саркофаге ночного льда.

Четверка ныряльщиков ушла под землю 1 августа, обещав приложить все силы для достижения амбициозной цели и по ходу дела сообщать по телефону о результатах.

Вечер 3 августа застал меня в «пункте питания-150». Так называлась утлая хижина, построенная Мухиным-старшим из пластиковых труб и полиэтилена в уединенном гроте около Трубы, под пятидесятиметровым колодцем. Здесь можно было попить чайку и передохнуть перед подъемом. Чем мы и занимались с Ильей Александровым, вернувшись из Грязного меандра, куда в качестве акклиматизации только что отнесли груз для нашего предстоящего глубинного выхода.

В ПП-150 лежала прикрученная к проводу телефонная трубка. Я нажал вызов и сообщил в базовый лагерь о нашем скором выходе. Дежурный сказал, что из лагеря-950 получено волнующее известие. После нескольких попыток Виктор Яшкин пронырнул сифон и вышел на его противоположную сторону. Но, к всеобщему удивлению, вынырнул он на той стороне не из реки, а из стоячего озера, и галерея, которую он увидел, вела не вниз, а вверх. Параметры сифона впечатляли: глубина более десяти метров, длина – более сорока.

Это одновременно была и победа, и поражение.

До того дня в истории отечественной спелеологии не было человека, который преодолел бы сплошную водную преграду и вышел в новую полость на километровой глубине под землей. Чтобы это произошло, понадобилось почти сорок лет развития научно-спортивных подземных путешествий. И вот оно – сделано!

В то же время праздничного настроения не получалось. И сифон оказался значительно сложнее, чем хотелось, и идущий вверх засифонный ход не сулил ожидаемого рекорда глубины. Но что поделаешь с природой?!

Дежурный телефонист передал также просьбу штурмовой четверки – принести к сифону запасные баллоны с воздухом. Исследования за сифоном нужно продолжить. Я быстро шел вверх по тросу из пятидесятиметрового колодца и прислушивался к себе. Тело работало штатно, в груди ничего не болело. Послезавтра нужно идти вниз, к сифону, и нырять. И тихий, слышный только мне, голос сказал: «Ничего не бойся!».

Жуткое приключение в Системе Илюхина

Следующий день прошел в сборах. Ефремов, Арчаков и Александров паковали вещи, подгоняли снаряжение, напоследок мылись в бане. Банную хижину по образу и подобию ПП-150 построил неутомимый Евгений Константинович Мухин, и у нее был только один легкий недостаток относи-

тельная прозрачность. Впрочем, он никого особенно не пугал, и столь сладостную процедуру, как помывка теплой водой в напаренном пространстве, пусть даже несколько на виду, не пропускали ни леди, ни тем более джентльмены.

От четверки первопроходцев пришло очередное сообщение. Дякин и Киселев тоже прошли сифон и сделали первое исследование новой полости. Галерея за сифоном оказалась субгоризонтальной и абсолютно изолированной от мира: в ее дальнем конце спелеологи увидели еще одно стоячее озеро, полностью перекрывающее дальнейший ход. Все благополучно вернулись в лагерь-950. Срочно нужен воздух для того, чтобы попытаться нырнуть во второе озеро и сделать полную топосъемку засифонного хода.

Нечего и говорить, что новое препятствие никого не порадовало. Леонид Репин, у которого уже сложился план репортажа о небывалых рекордных погружениях, тоже несколько расстроился и убыл в Москву.

Поздно вечером 5 августа наша тройка с десятью мешками ужинала в подземном лагере-600. Сверху мы дошли сюда за 11 часов, правда, сделали крюк и, потратив часа три, по дороге забежали к питерцам: справиться о новостях. Ленинградский ход оказался длинным, а лагерь не слишком комфортным – мало воды, только капеж с потолка. Зато питерцы нашли интересный вертикальный колодец, в котором потихоньку разбирали глыбовый завал. За ним ожидалось серьезное продолжение.

Ночевка в лагере-600 оказалась не слишком комфортной. Употели, бегая по пещере, и теперь пытались согреться во влажных спальниках и мокрой капроновой палатке. Со стороны было видно, как от палатки исходят клубы пара.

От лагеря-600 до сифона дорога мне хорошо знакома. Но теперь мы шли по ней с приличным грузом – восемь трансов на троих. Баллоны, груза, горючее, еда, личные вещи. Увесистый пакет с красителем. Краситель для воды пе-

редал Саша Климчук и попросил высыпать в реку около сифона. Киевляне, в свою очередь, собирались пометить воду в Куйбышевской, но другим красителем. К тому времени во всех известных источниках Гагрского хребта расставили ловушки для краски. Через нужное время ловушки соберут и в лаборатории определят, какая краска в каком месте вышла. Этот серьезный научный эксперимент назывался «трассирование подземных вод» и должен был пролить свет на туманную картину систем подземного дренажа и карстовой разгрузки, что лишний раз подчеркивало важность успешного завершения нашего маршрута.

Маршрут, однако, затягивался. Хороший вначале темп напрочь сбила Мармитовая галерея. Мешки класть было абсолютно некуда, и приходилось разрешать им плыть – тем, которые не тонули. А те, которые тонули, оставалось класть себе на ноги или вешать на плечи. Сейчас нечего было и думать лезть в распорах по стенкам. Шли по самому низу, по воде. Было неимоверно жарко, и я садился по шейку в заполненные водой ямы: охлаждался. Благо на этот раз шел под землю не в хлипкой самодельной гидре, а в новом «сухом» гидрокостюме «Тигур», выпускаемым отечественной промышленностью специально для любителей плавать в холодной воде. «Тигур» имел массу недостатков, но был прочен, и именно в нем я намеревался нырять в сифон.

В конце Мармитки на перилах над последним ее колодцем висели еще семь трансов, их не донесли до сифона. Проведя тщательный отбор, мы выбрали из них четыре, и теперь на каждого пришлось по четыре мешка. Прогуляйтесь по пещере, господа, только не забудьте надеть на себя двадцать килограммов и прихватить с собой еще сорок! Группа поплелась вниз черепашью шагом. Хотелось есть, спать, бросить к чертям собачьим эти проклятые мешки в пропасть. Мешки, однако, не хотели не только падать, но и даже тихонько спускаться по веревке – цеплялись за каждый уступ, и я лез вверх и под водопадом их отцеплял.

Время потерялось, силы быстро шли на убыль. В укромном сухом месте я предложил попить чаю и что-нибудь сжевать. Несмотря на пробиравшую голодно-холодную дрожь, мои спутники встретили это предложение с живым интересом. Я снял с бачка своей карбидной лампы нержавеющий полулитровый стаканчик, налил в него воды и ухватил за край хирургическим зажимом, которые тогда были у спелеологов в большой моде. Потом отвернул винт карбидки, и тут же из форсунки рванулся столб ревущего синего пламени. Автоген, да и только! Я сунул в этот автоген стакан с водой, и через десять минут он зашелся белым ключом. Чай со щербетом и колбасой лег отменно, и работа по переноске тяжестей закипела с новой силой. К некоторому моему изумлению, место перекуса оказалось всего в двухстах метрах от лагеря-950, к которому мы подошли через полчаса после трапезы.

Лагерь вызвал сложные чувства. Между стенами галереи, занимая всю ширину хода, на слегка подровненном полу стоит палатка. Сверху – полиэтиленовый тент. Река громко шумит совсем рядом, в ложбине, а в столовой струится между камнями, на которых стоит посуда. Единственное удобство – за водой далеко ходить не надо. И еще не понятно, что здесь происходит во время паводка. Хотелось бы верить, что ничего плохого.

К всеобщему удовольствию, палатка и спальники были абсолютно сухи и теплы. По простой и весомой причине: в них отсыпались отважные первопроходцы. Заслышав наши голоса, они по очереди повывлезали из теплого гнезда. Миша Дякин сварил гречку с тушенкой, каковую кашу мы с великим желанием съели. Попили чаю и залегли в нагретые спальники. Яшкин, Боровой и Киселев взяли принесенные нами баллоны и отправились нырять во второй сифон. Наша очередь завтра. Засыпая, я подумал: что-то не припоминаю я таких темпов работы. За двое суток с тяжелым грузом дойти

до девятисотпятидесятиметровой глубины, и на третий день нырять! Или, может, действительно, старею?..

Боровой и Киселев поныряли во второй сифон, но пройти его не удалось. Они вернулись в 12 часов следующего дня. Еще раньше, ночью ко мне под бочок подлез Яшкин. Очередной раз ныряя, он не смог «продуться» и давлением воды потянул барабанную перепонку. Усталость и стресс делали свое дело.

Осталось нырнуть мне и, если потребуется, Илье Александрову. 7 августа 1985 года к трем часам дня мы уже были у сифона.

Моя задача – сделать топосъемку самого сифона. Для этого у меня есть компас, непромокаемая пикеташка и специальное приспособление для измерения длины – бегунок по ходовому концу. На мне минимум одежды: изотермик, теплые носки, шерстяная шапочка, синтепоновые перчатки; сверху резина – гидра и тонкие перчатки, потом – комбинезон. Жесткий «Тигур» стесняет движения. Негибкость и неповоротливость усугубляется висящими за спиной баллонами, десятком килограммовых грузов на поясе, веревочными петлями, которые держат на шее два легочных автомата. На поясе висит бачок карбидки, на голове – каска с форсункой и электрическим налобником. Каска съезжает и сбивает с лица подводную маску. Яшкин, выполняющий функции инструктора, помогает подвязать каску дополнительной веревочкой. Веревочек, вообще, хватает. На них болтаются блокнот, карандаш и герметичный фонарь. Еще одна – репшнур с карабином и бегунком на конце – служит для пристегивания к уже протянутому ходовому концу. На запястье – глубиномер и компас. Хронометр тоже есть, но это уже, понятно, не погибший на Мчиште «Сейко». На груди под гидрой простые часы «салют» отечественного производства, с большим циферблатом и крупной секундной стрелкой. К голени привязан большой пиратский нож. Каждому подводнику Дякин

изготовил по тесаку и, более того, честно зарегистрировал их в милиции. На ступнях – ласты.

Кажется, все. Я одет, акваланг, проверен. Он собран из двух неполных баллонов, с ними совсем недавно плавал Киселев. Яшкин посмотрел давление в одном баллоне – сто атмосфер, второй – запасной, в нем тоже что-то есть. На одно ныряние туда и обратно воздуха должно хватить. Яшкин и Александров ютятся на скалах над озером, ждут развития событий. Илья – номинальный страхующий, у него течет гидра и нет грузов.

Я еще раз проверяю на работоспособность обе системы дыхания, захожу в воду по грудь и пытаюсь выпустить из гидры воздух. Перетянутая многими лямками и веревочками, она обжимается плохо. Пробую тонуть – слегка выталкивает на поверхность. Но терять времени больше нельзя, я пристегиваю свой реп с бегунком к ходовому концу и ныряю в черную глубину.

Здесь одежда обжимается, плыть можно, не напрягаясь. Первое ощущение – холод. Мороз пробирает до костей. Но терпеть можно, тем более, что начинает преобладать второй фактор – любопытство. Вода прозрачна, ход идет вниз, сверху нависают скалы, и между ними приходится лавировать. Ходовой конец отличный – металлический провод в белой виниловой оплетке, его хорошо видно. Вспоминаю, что нужно снимать сифон, смотрю на компас, бегунок и глубиномер. Заполняю строчку в пикеташке. Погружаюсь еще глубже: десять метров, подо мной – черная бездонная глубина. Но потолок, похоже, начинает уходить наверх. И тут я понимаю, что не могу сделать вдох. Мышцы грудной клетки напрягаются, а воздух в легкие не идет.

Без паники! Второй загубник плавает прямо перед лицом. Одной рукой убираю ото рта неработающий легочник, другой вставляю запасной, нажимаю на кнопку. Воздух пузырями идет в воду, я делаю полный вдох и тут же сбиваю рукой маску. Вода заливает глаза, ничего не видно. Гидра

сильно обжалась, и меня влечет на дно. Повисаю на ходовом конце в нижней точке. Из-за спины идет свистящий гул, вокруг по воде разлетаются тысячи мелких пузырьков. Становится очень страшно.

Пытаюсь не мельтешиться, но не выходит. Внутри концентрируется неуправляемый ужас, и какая-то высшая сила заставляет тело работать изо всех сил. Я неистово гребу ластами и плыву вдоль белого провода куда-то вверх в узком туннеле, в мутной желтой воде. Пробую продуть маску, но она тут же снова наполняется. Подводный ход все не кончается, хотя я плыву очень быстро. Или так кажется. Из выпускного клапана вырывается частая струя выдыхаемого воздуха, сзади по-прежнему гудит.

И вдруг сквозь муть в маске вижу впереди зеркало. Оно волнуется и переливается, как ртуть. Секунды, и моя очумелая голова высовывается над поверхностью воды. Не медля, срываю маску: дышать! Не то, чтобы из аппарата воздуха мало шло, – запыхался от сумасшедшего спринта. Без сил валюсь боком на глиняный берег. Сердце вырывается из груди, но первая мысль радостная: выплыл! Потом слышу за спиной шипение, из баллона выходит последний воздух. С трудом сбрасываю баллоны на глину и с ужасом обнаруживаю, что один покрылся толстой коркой льда. Лихорадочно соображаю: быстрый термодинамический процесс с падением температуры. Тут шипенье стихает, и наступает тишина.

Тишина за сифоном особенная – мертвая. Не слышно даже позвякивания косы о камни. Хотя, может быть, еще чуть рано. Снимаю с себя все подводное и оглядываюсь. Но темновато, в электрическом свете видно плохо. Машинально щелкаю зажигалкой карбидки. О чудо, ацетилен загорается ярким факелом, хотя через открытую форсунку во всю систему должна была попасть вода. Я обнаруживаю себя на скользком берегу грязной лужи диаметром метра полтора. Вверх от лужи идет галерея, в которой можно встать. Рядом со мной лежит акваланг, наполовину ледяной и наполовину

якобы работоспособный. Сколько воздуха в неповрежденном баллоне – неизвестно. Удары в грудной клетке замедляются, и я от нечего делать вытягиваю из-за пазухи часы. Считаю пульс: сто семьдесят ударов в минуту. Надо еще успокоиться, хотя с каждым мгновением безысходность накрывает все круче.

Я один за самой страшной под землей преградой. Может быть, обвал страшнее, не знаю. У меня осталась всего одна система дыхания, и в ней, возможно, уже нет воздуха. Но давать сигнал тревоги смысла не имеет. Спасать меня не приплывут. По крайней мере, в ближайшее время: на той – теперь уже не моей – земной стороне нет запаса воздуха, нет грузов. И нырять некому, кто мог, свой ресурс исчерпал. Что делать? Вспоминается байдарка на Байкале и лабиринт Снежной. Надо все решать самому. Но в первую очередь, придти в себя, убить ужас внутри. Действовать.

Я встаю и иду осматривать засифонный ход. Подъем, длинный горизонтальный меандр, спуск метров шесть, грот, еще одна лужа, глубокая. За ней скальная перемычка и второй сифон. На поверхности плавают две желтые пластиковые ласты. Их бросили в озеро вместо монет, чтобы вернуться. Вернуться... Кому – как. Медленно бреду назад к своему аквалангу. Идти не хочется. В меандре останавливаюсь около пластичной глиняной стенки. Снимаю мокрую перчатку, пишу пальцем на глине: «Москва-85, Ростов-на-Дону, Свердловск, Калинин, Ленинград». Из Калинина, то есть из Твери, – один Граф Леринман. Может быть, это моя последняя запись.

Спускаюсь к мутному озерцу и заставляю себя быть хладнокровным. Гашу карбидку, включаю ручной фонарь и налобник. Снова подгоняю маску. Теперь могу завязать все веревочки сам, потому что резиновые перчатки порвались в ключья. Лезу в воду, обжимаюсь. С трудом надеваю на себя аппарат и все остальное. Опять плохо тону, засовываю под комбез пару камней. Пристегиваю к ходовому концу карабин

и зачем-то счетчик длины. По дороге туда он ничего не показал. Даю сигнал возвращения. Там ждут: ответили.

Погружаюсь и ухожу вниз головой в сифон. Дышу и тону хорошо, но новая беда – потекла гидра. Тело охватывает озноб, кисти рук дубеют. Вода сильно мутная, вытянутую руку не видно. Цепляюсь за ходовой конец и иду как можно медленнее. И дышу через раз. На что-то натыкаюсь каской, и маска опять полна воды. Внутренний ужас вновь начинает рваться из клетки. Теперь совсем ничего не видно. Если сейчас ударюсь о скалу редуктором акваланга – это все. Спокойно! Торможу, ложусь на дно, продуваю маску. Плыву дальше. И вдруг – вокруг меня голубая вода, простор, а впереди и вверху огни. Всплываю в сифонном озере и встаю уже над водой во весь рост. Хорошо все-таки, что воздуха в баллоне хватило. По скалам ходят Александров и Арчаков, нервничают. У меня тоже срыв, впадаю в сентиментальность. Господи, до чего ж хорошие ребята! Какие милые лица! Как они мне рады! Арчаков достает фотоаппарат, щелкает и сверкает. С момента моего ухода в сифон до возвращения прошел один час двадцать минут. Бегунок опять ничего не показал.

Степиных фотографий я никогда не видел.

Нас обогнали

После сифона вся оставшаяся работа в пещере показала детскую забавой. Колодцы, водопады, шкурники... Все так просто и безопасно! Первая четверка ныряльщиков ушла на поверхность, а мы еще пару дней провели в лагере-950. Илья и Степа залезли под потолок зала Перьев, где в прошлом году на самом верху натека я обнаружил дыру в неизвестную полость с шумом воды. По веревке, которую ребята не забыли взять с собой, Александров спустился с потолка зала к реке. Но это оказалась та же река, только выше по течению, недалеко от большого озера. Надежда обойти

сифон по верхним этажам не оправдалась. Ничего не оставалось делать, как запустить в реку краску.

Телефонная связь, хотя и однопроводная, работала совсем неплохо, и мы имели возможность связаться не только с базой, но и со всеми группами, работающими в пещере. Так что, кроме сведений о хорошей погоде на поверхности, мы еще в лагере-950 узнали от ленинградцев, что они прокопали-таки в глыбовом навале вертикальный шкуродер и вышли к пятидесятиметровому колодцу. А под ним оказалась грандиозная галерея, похожая, как они сказали, на тоннель метрополитена. Только, если бы в этом тоннеле положить рельсы, а на них поставить поезд, то этот поезд тут же понесся бы с огромной скоростью, потому что угол наклон пола тоннеля к горизонту составлял 45° Очень круто. Я сразу предположил, что рельсы положить будет непросто, так как пол, скорее всего, является каменной осыпью – именно для осыпей характерен такой наклон к горизонту. И не ошибся, это, действительно, была самая настоящая осыпь, состоящая из огромных известняковых глыб. Питерцы прошли вниз до ее конца, там ход продолжался, но у них резерв времени был исчерпан. Глубина ленинградского хода достигла четырехста пятьдесят метров. На смену питерцам вышла сильная команда из Свердловска, тон в которой задавали наши старые друзья Шуша Вишневецкий и Игорь Новиков. Их группа прошла еще серию уступов и небольших колодцев и уткнулась в сифонную лужу где-то на полукилометровой глубине. Северная голова дракона вгрызлась в глубь земли еще на несколько сотен метров. «Отработав» ленинградский ход, питерцы и свердловчане ушли нам на смену, на выемку лагеря и снаряжения от сифона.

Работали в экспедиции и уральские ветераны Сергей Голубев и Саша Рыжков, почти десять лет назад внедрившие в отечественную спелеологию тросово-веревочную технику. Сейчас с группой коллег они увлеченно работали над новым научно-прикладным проектом – испытывали подземную ин-

дукционную связь. Качество изобретения Голубев проверял лично, для этого прошел пещеру сверху до сифона и составил целую таблицу с оценками связи и отчет. Вот некоторые выдержки из отчета Сергея Голубева.

«Работы с частичным выносом снаряжения проводились с 11 по 16 августа 1985 года. Перед выходом в Перовскую были проведены следующие работы:

по плану и разрезу пещеры были выбраны точки связи,

проекции этих точек были вынесены на поверхность,

на поверхности расположение этих точек было уточнено с помощью рамок (методом лозоходства).

Условия работы: на поверхности десять дней стояла устойчивая сухая погода. В пещере – постоянная вода. По всей длине пещеры протянут телефонный провод.

Выводы:

устойчивая двусторонняя связь наблюдалась до глубины сто восемьдесят метров, а устойчивая слышимость под землей – до шестисот метров. На поверхности с глубины двести девяносто метров связь неустойчивая, слышимость неразборчивая,

устойчивая двухсторонняя связь в телеграфном режиме – до глубины шестьсот метров».

Несмотря на применение лозоходства и столь оптимистические результаты, индукционная связь почему-то в пещерах не прижилась. А может быть, русский гений, как всегда, обогнал время.

Наша тройка выбралась на поверхность ночью 11 августа. А на следующий день двое из моей группы уже опять собрались под землю. Экспедиция шла к завершению. Осталось сделать уточненную топосъемку нового продолжения и вытащить весь груз из пещеры на поверхность. Уточнять и вытаскивать вызвались Киселев, Сергей Илюхин, Илья

Александров и его напарник по нырянию. Пещера, выпустившая меня из-за сифона, казалась теперь такой домашней и манила новыми открытиями.

За несколько часов без заметных усилий мы достигли крутой галереи Метро. В самом конце огромной осыпи на крохотной ровной площадке стояла палатка подземного лагеря свердловчан. Сухо, тихо, я бы сказал, уютно. Только с водой неважно: приходится набирать из ручейка, текущего тонкой пленкой по стене метрах в двадцати вниз по осыпи. После здорового сна и плотного завтрака вышли вниз – на поиск возможного продолжения и на топосъемку. Колодцы, узости, уступы, тонкий ручей, уходящий в сифонную лужицу. Ничего похожего на продолжение этого огромного интереснейшего хода. Может быть, ищем не там. Но большего позволить себе было уже нельзя. Увертюры и интермеццо отыгрались. Наступило время заключительной части – симфонии выемки снаряжения.

Пока аккуратный Киселев переписывал в палатке пикеташку, а я готовил ужин, Александров и Илюхин паковали трансы. Получалось штук восемь, и после некоторой дискуссии было принято решение, что перед хорошей работой нужно хорошо поспать. Потом, конечно, хорошо поесть. По этим веским причинам мы еще сутки провалялись в палатке и тронулись из пещеры, как золушки, ровно полночь.

Музыка выемки началась торжественно и героически. Четверо сильных мужчин плавно и степенно несли, поднимали в колодцах и передавали друг другу сначала восемь, потом одиннадцать, потом четырнадцать трансов. Первые диссонансы прозвучали в вертикальном шкурнике среди глыб, которые шатались и норовили придавить тех, кто внизу. Не попадающие в гармонию голосовые связки злобно дребезжали и срывались на фальцет. К полудню накопилось шестнадцать трансов, а до того места у Трубы, где их можно бросить, было еще далеко. Величавая мелодия начала рассыпаться в мелкотравчатые абстрактные этюды. Киселев с дву-

мя мешками за спиной упрямо тискался в непроходимую щель. Сергей Илюхин в полной автономии сматывал петлями уже вторую веревку: свободные транс кончились. Главный тяжелоатлет Александров тянул с очередного уступа сразу три мешка, а параллельно им снизу шел скальником и без страховки четвертый «музыкант» и следил, чтобы мешки не застряли. Еще через три часа аккорды сложились опять, но это был уже чистый Сен Санс, «Умиравший лебедь». Без перерыва за восемнадцать часов тяжелейшего труда мы подняли с четырехсот пятидесяти до ста пятидесяти метров около двух центнеров мерзко грязного, скользкого, рассыпающегося в руках груза. В базовом лагере счастье – горячая мухинская баня.

Еще через несколько дней длинная цепочка спелеологов протянулась от Грота Первого Перекуса до входной воронки пещеры. Один за другим из пещеры вылетали потрепанные транс. Их складывали друг на друга пирамидой. Пирамида поднялась выше человеческого роста. Экспедиция закончилась.

Когда мы уходили с Плато, Арабика плакала, не хотела расставаться. Так случалось почти каждый год. Горный вальс в ритме дождя.

Так вот живем, убеждая себя и смущаясь:
Да та ли дорога, которой так долго бредем?
Но как бы там ни было,
гора не смеется, прощаясь,
А снова и снова нас провожает дождем.

У Орто-балагана шофер Сумбат на минуту тормознул «ГАЗ-66», доверху груженный нашими мешками и людьми. Возле коша стоял Александр Климчук. Я спрыгнул на землю и поздоровался. Климчук сказал, что в пещере Куйбышевская киевские спелеологи прошли гигантский завал, который копали почти три года. На глубине восемьсот восемьдесят

метров они подошли к семидесятиметровому колодезю, спустились на полку и остановились в огромном объеме. Отвес продолжается глубоко вниз. Пещера Куйбышевская определенно «ушла» за километр. Гонки в глубину земли продолжаютя. Киевляне нас обогнали.

Осенью того же года стал известен результат трассирования подземных вод. Краску из Куйбышевской и из Системы Илюхина удалось обнаружить, по крайней мере, в двух местах: в воде глубокой искусственной скважины в ущелье Холодной речки, недалеко от Гагры, и в самой Гагре, точнее в источнике Репроа, из которого по трубам вода идет в город. Но ее хватает и для поверхностного стока. Говорят, Репроа – самая короткая река в мире. Она выбивается мощным потоком из-под скалы, течет тридцать метров по пляжу и впадает в морской прибой. Но это – самая настоящая река, в ней можно искупаться и даже поплавать на лодке, только недолго: за шесть секунд снесет в Черное море.

РЕЗИНОВЫЕ ЛЮДИ ПОД СНЕЖНЫМИ ПАЛЬМАМИ

Открытие второго сифона и приключения на дне Системы Илюхина вызвало в клубе прилив творческого упрямства. Без всякого сомнения, второй сифон нужно было проходить. Одновременно – улучшать снаряжение, совершенствовать технику погружений, а также тренировать молодых спелеологов, готовить их к условиям работы в рекордно сложной подземной полости, каковой наша пещера, безусловно, оказалась.

Приступ подводной лихорадки заметно поддержала все возрастающая известность участников глубочайших подземных погружений и сделанных ими невероятных открытий. Вначале по нервам обывателя ударила серия сенсационных публикаций Леонида Репина, в частности обещанный газетный разворот «Ледяные незабудки Арабики», где речь шла не столько об альпийских цветочках, сколько о «ягодках» глубинного карста, то есть о сифонах и их героях. Потом появилась статья в журнале «Горизонт» с приложением в виде пластинки, на которой сквозь шум воды и грохот камнепада счастливые соотечественники могли слышать голоса своих пещерных кумиров.

Последний информационный штурм публики состоялся на телевидении. Возле пруда у Останкинской телебашни с самыми известными авантюрами путешественниками беседовал знаменитый ведущий «Клуба путешественников» Юрий Сенкевич. Там были полярники, водники, яхтсмены. Среди приглашенных оказалась и наша команда: Стас Покровский, организатор и режиссер программы, посчитал, что спелеологи – авантюристы почище некоторых. У пруда было холодно, ветрено и дождливо. Элегантно одетый Юрий Александрович определенно мерз, но виду не подавал. Мы с Дякиным демонстрировали свое убийственное оборудование в изотермиках, а Киселев даже надел гидру, в которой к удо-

вольствию многочисленной детворы плавал по пруду. Успех передачи был средний.

Пик тренировочной активности пришелся на середину зимы, когда спелеологи, в большинстве своем студенты, отгуляв Татьянин день, могли поправить пошатнувшееся в сессию здоровье на подземном курорте.

В конце января 1986 года на Кавказ уехали сразу три клубные экспедиции.

Первую команду ныряльщиков собрал Киселев и она отправилась в подводное турне по грузинским пещерам Ткибула и Цхалтубская. И если первая годилась только для тренировок, то вторую – горизонтальную и обводненную – власти интенсивно изучали на предмет оборудования ее в качестве туристского объекта. По этой причине спелеологи всемерно там приветствовались, тем более что за каждым новым сифоном удавалось обнаружить девственно-красивые гроты. В турне поехали как молодые подводники, в том числе Виктор Рейснер и моя жена Света, так и опытные – Вольдемар Арефьев и Виктор Комаров. Главным тренером был красноярец Петр Миненков, невозмутимый и отчаянно смелый подводник, погрузившийся в Мчиште уже на сорок метров.

Во второй группе с десятков спелеологов-новичков под начальством Миши Дякина отправились в Келасурский район Абхазии, где должны были поучиться переноске трансов в длинных горизонтальных пещерах. Одна из них носила название «Лаврентьевская», якобы по имени сталинского наркома внутренних дел, когда-то проживавшего в тех краях.

Меня же вдруг потянуло в места светлой юности. Я решил понырять в Новоафонской пещере, как теперь называлась бывшая Анакопийская пропасть. Но стоило вспомнить родную Анакопийку, как тут же сработала теория совпадений. Мне позвонил мой друг с телевидения Стас Покровский и предложил взять с собой необременительное профессиональное кино. Что такое необременительное кино в пещере, я знал отлично. Аккумуляторы, светильники, тяжеленные дра-

гоценные чемоданы, бесконечные часы подготовки, дурацкие дубли, а по вечерам непереносимый спирт для протирания оптических осей. Погружаться в эту непродуктивную суету не было никакого желания. Было желание погружаться в озеро Анакопийки, и я уже собрался дать отказ. Однако Стас сказал, что оператор и шеф киногруппы Анатолий Федорович Клементьев – сам отличный ныряльщик и хочет снимать спелеологов в пещере под водой. Идея сделать правдивый документальный фильм о первопрохождении настоящего сифона показалась мне занятой, и, поразмыслив, я дал согласие. Действительно, с удобным проживанием для избалованных киношников проблем не было: на безлюдном зимней курорте все турбазы стояли пустые. Задача переноски тяжелых грузов существенно облегчалась наличием асфальтированных подъездных путей, поездом метро во входном тоннеле пещеры, а также группой физически здоровых спелеошкольников и еще более здоровых литовских спелеологов, которые неосмотрительно присоединились к нашей авантюре. Наконец, сами съемки кино могут служить хорошей рекламой как для самой пещеры, так и для нашей экспедиции, которую по этой причине будут возить по тоннелю и в пещеру пускать бесплатно.

Так и вышло. Директор пещеры Валерий Воуба по зимнему безделью был в отпуске и оставил на хозяйстве главного инженера Владимира Гумбу. Владимир, неторопливый кражистый мужчина, глянул сначала на наши бумаги, потом – на отборных молодцев спелеологического племени, которых я прихватил в представительских целях. Бумажек он в жизни не рассмотрел, но выдающийся рост, ширина плеч, а также сметливые лица юношей произвели на него впечатление, и он без колебаний предоставил нам все необходимое на абсолютно безвозмездной основе. Юноши, и впрямь, были неслабые: Арчаков и Александров. Несмотря на философский склад ума и полное отсутствие амбиций, они уже стали заметными фигурами в спелеологии и в этой экспедиции во-

шли в состав группы ныряльщиков. Но поскольку у спелеологов из Москвы и Каунаса, по нашему собственному пониманию, подводного опыта не хватало, начать погружения в подземные озера пригласили Яшкина. Для него это не составило большого труда, поскольку ростовчане, как и в прошлом году, вместе с красноярцами продолжили исследование Мчиштинского воклюза и по этой причине находились поблизости.

Ветераны экспедиции, киногруппа Клементьева, а также европейские литовцы разместились на пустой турбазе, в панельной пятиэтажке. Других туристов там не было, а проживание стоило копейки. Но московская молодежь с глубоким презрением проигнорировала сухое помещение с теплым туалетом и твердо решила обосноваться на природе. Посему на террасе у истока реки Псырцхи был разбит самый настоящий палаточный лагерь. Январская погода отличалась умеренным теплом и ясностью небес, что существенно усиливало романтическое удовольствие от ночевки в горном лесу и песен у костра. Наличие двух баз не вызывало никаких организационных проблем, потому что от турбазы до палаток можно было пройти неспешным шагом минут за пятнадцать. Все снаряжение складировалось, естественно, на турбазе, и поутру бодрые розовощекие романтики подтягивались в город, чтобы осуществлять переноску груза в пещеру.

Несмотря на зимний период, в Новоафонскую пещеру ежедневно подвозили группы любознательных отечественных и зарубежных граждан, отдыхающих в санаториях и домах отдыха по всей достижимой береговой линии Черного моря. А так как длина линии зашкаливала за триста километров, трудящихся из мест рекреации набиралось много. Раз в два-три часа к пещере подъезжали автобусы с туристами, из которых формировали группы до семидесяти человек. Группу сажали на поезд пещерного метро, везли до ближайшего зала и минут сорок вели по пещере. В дальнем ее конце снова

сажали на поезд и вывозили на волю. Туристам удавалось увидеть очень немного, но они все равно пищали от восторга.

Спелеологов повезли на поезде отдельно. Акваланги, подводные боксы, гидрокостюмы, веревки и осветительные приборы заняли целый вагон. Непосвященная публика чрезвычайно любопытствовала и дивилась. Гордые спелеологи небрежно рассказывали девушкам и молодым женщинам об ужасных безднах и жутких приключениях.

К историям прислушалось пещерное начальство и от полноты уважения разрешило нам ходить по пещере не только по бетонной дорожке, но в любом месте, где захочется, только организованно.

Анакопийка, как всегда, была неподражаема. Ее залы в свете мощных прожекторов вначале показались несколько скромными по размерам. Но как только группа с аквалангами спустилась к озеру, людям на смотровой площадке сразу стало видно, сколь грандиозно это подземелье: далеко внизу на берегу зеленого водоема копошились маленькие человеческие фигурки. Неспроста в первое мое посещение пещеры она воспринималась как подземная горная страна. Так оно на самом деле и было.

Пока ростовчане с литовцами готовили аппараты, я пробежался по местам боевой славы. Залез в ветвящуюся Рыжую галерею, у которой мы поджигали спустившийся с пещерных небес водородный шарик. Посидел на Каменном олене над бездной зала Эхо. Приложил ладонь к кораллитовой гребенке, навсегда оставившей на моей ладони план Анакопийки. Господи, как быстро летит время: с тех счастливых пор прошло больше двадцати лет!

Киногруппа быстро привыкла к пещерным условиям и бродила по пещере в поисках ракурсов. Объем ракурсы полностью забивал. Поиск самолучшей декорации закончился естественно – в Геликтитовом гроте. Клементьев загнал статистов в угол грота под низкий сталагматовый занавес, и они там часа два корчились на дублях, как узники за решет-

кой. Под вечер к нырянию было все готово. Но погружение отложили на завтра, поскольку гидрокостюмы текли и требовали подклейки. Их пришлось взять обратно на турбазу.

Я проснулся рано утром следующего дня и взглянул в окно. В глаза ударил слепящий белый свет. Нелогично подумалось: русская зима. Интуиция не обманула, вся окрестная местность была покрыта толстым слоем девственно белого снега. Наступила настоящая зима, только кавказская. Над Иверской горой кружились туманные облака, из них наземь летели сероватые хлопья. Вечнозеленые лапы пальм обвисли под снежной тяжестью. Такого на Черноморском побережье я никогда не видел и решил, что это знак. Природа поняла, что сегодня свершится что-то необычное, и столь же необычным образом выражала свое отношение. То ли поддержку, то ли осуждение. Это нам предстояло скоро узнать.

Несмотря на ранний час, в холле турбазы толпилась нахохлившаяся стайка суровых романтиков. Ночной мокро-снежный буран жестоко накрыл их гнезда, скудный буковый костер не разводился, так что им пришлось пересилить гордость и завтракать вместе с «пляжниками». Пока экспедиция заканчивала утренние дела, разведка высунула носы на улицу и донесла, что «белый снег лепит по-черному». Незащищенная одежда промокала в одну минуту. Посоветовавшись, старейшины приняли соломоново решение. Чем мокнуть и нести груз, лучше нести его и не мокнуть. Практически эта древняя эдигма разрешалась примитивно: участники экспедиции напялили на себя все имеющиеся в наличии гидры – «тигуры», «садко» и самоклейки, – а больше в пещеру нести-то было и нечего, только кинокамеру Клементьева.

Правдивая жизненная картина. Туманный день, мутный воздух, в нем – крупные белые мухи. В гору ведет дорога, по которой сверху вниз течет пленка жижи. Под пленкой угадывается асфальт. По сторонам дороги стоят деревья невнятной породы. Каждое растение имеет голый ребристый

ствол, который венчает подобие мочалки, обвисшей под грудой серого вещества. Из вещества течет. Это пальмы под снегом. По жиже чавкает цепочка чудных резиновых существ с задумчивыми головами и в сапогах. С резины, как и со всего окружающего мира, тоже стекает, при этом – прямо в сапоги. Но существа бредут сосредоточенно и не обращают внимания. Будь у них ласты, их можно было бы принять за мигрирующих лягушек. Большие разноцветные лягушки упрыгали от холодов к южному морю, но лютая зима достала их и тут. Теперь они от безысходности скрываются под землю. Из-под занавесок сонных жилищ эту драму с жалостью наблюдают и на всю жизнь впечатывают в память большие черные глаза детей.

Нырание в озеро происходило при большом стечении публики. На смотровой площадке сгрудились десятки туристов и не желали двигаться с места, не взирая на яростное понукание экскурсоводов. Все взоры были обращены к двум главным персонажам – Виктору Яшкину и Анатолию Клементьеву. Облаченные в громоздкие неземные одежды, они, как астронавты на Луне, медленно двигались по глиняному пляжу спиной вперед. Так, потому что идти вперед лицом в ластах не получалось. Каждый был привязан за веревочку. Веревочки держали в руках какие-то худые невзрачные личности, балансирующие на скользком берегу; на них внимания никто не обращал. Над перилами сверкали вспышки блиц-ламп и стекла театральных биноклей.

Клементьев снимал долго и только в открытой воде. Так его просили: на всякий случай глубоко не погружаться. И без того не слишком светлая, вода в озере от вторжения инородных тел возмутилась дополнительно, и в результате нужный ракурс определился как «объектив – лицо». Все тело в кадр не помещалось. Подводники живописно бултыхались в озеро и напоминали тюленей, играющих в догонялки. При этом почему-то из-под воды фантазмагорически светилось.

Наконец, усталый, но довольный Клементьев под аплодисменты публики выбрался на берег и выволок на него свой подводный бокс, похожий на мину времен второй мировой войны. Для Яшкина работа только начиналась. Он немного передохнул, подождал, пока в воде осядет муть. Потом проверил давление в баллонах акваланга, с минуту повыбирал легочный автомат, взял в рот нужный загубник – и ушел под воду.

Александров выдавал ходовой конец, а я, облаченный во все подводное, тихо сидел на бережку в полной готовности осуществить страховочные мероприятия, если таковые понадобятся. Минут через пятнадцать Яшкин вернулся. По его информации подводный ход идет под южную скалу вниз и вниз. Глубина погружения подошла к двадцати метрам, а воздух – к концу, и он решил не рисковать. Наступила моя очередь, Яшкин остался на страховке, его почти пустой баллон поменяли на новый.

Что за прелесть, это подводное плавание в пещерах! Особенно когда знаешь, что почти все, что обеспечивает твою жизнь, сделано собственными руками. За спиной громоздятся сложенные пирамидкой три стареньких ободраных баллона от «АВМ-1М». Кстати, знаете, как расшифровывается? Автономный – Воздушный – Морской, первой модификации. Военная вещь середины века. В каждом баллоне теоретически по сто пятьдесят атмосфер сжатого воздуха. В реальности – меньше, потому что баллоны после заправки остывают, и давление падает. Вентили баллонов от предыдущей жизни заедает, и их приходится отворачивать и заворачивать плоскогубцами. Переходнички и трубочки, соединяющие баллоны, а также кольца, пряжки и ремни сваял в мастерской Миша Дякин. Редуктора и легочники отрегулированы лично посредством отвертки. Чтобы проверить давление, приходится с баллона все снимать и навинчивать на

него манометр. Потом снова все устанавливать. И хлопотно, и под водой постоянного наблюдения за давлением нет.

Но нырять надо. Обвязываюсь веревкой, пячусь спиной в воду. Дно под ластами медленно понижается. Плавно, чтобы не мутить лишнего, захожу по пояс и опускаюсь под воду. Температура комфортная, 11°, с ледяным сифоном в Илюхинской в сравнение не идет. Но видимость плохая, метра полтора. Прямо перед маской дрыгается белая полупрозрачная пещерная живность. Креветка или бокоплав, точно не знаю. Грузов навешено достаточно, гидра обжалась нормально, и я хорошо вывесился. То есть не всплываю, не тону, плыву прямо над дном. Дно ровное, широкое, ход просторный, не видно ни берегов, ни потолка. Поглядываю на глубиномер, уже пятнадцать метров, но ход по-прежнему идет вниз. Все штатно, дышится и плывется легко, курорт какой-то. Но что я жду? Конечно, перегиба, только не по потолку, а по нижней части хода. Потом поплыву за перегиб, если хватит ходового конца. Где всплыву, понятно и без карты: в озере зала Сюрприз, задраенного бронированной дверью. Именно оттуда двенадцать лет назад вышла вода, смывшая часть Нового Афона. Так что все эти экстремальные ныряния – чистая тренировка.

И пещера тут же поддерживает эту оригинальную мысль. Я вообще перестаю что-либо видеть. Фонарь – в руке, я поворачиваю его лампочкой к себе – горит, но очень тускло. Подношу к лицу – нет, накал нормальный. Просто вокруг меня черная муть. Черная и какая-то мерзостно вязкая. Ориентировка полностью потерялась, дно вроде как на уклон больше не идет. Значит, я в самой нижней точке, копошусь в скоплении придонного ила. Осветить глубиномер и посмотреть, куда меня занесло, не получается. Куда двигаться дальше, тоже не видно и не понятно. Пробую всплыть над подводным иловым озером. Но гидру обжало так, что плавучесть сильно отрицательная. Ласты не справляются, тело извивается на месте и снова уходит на дно. До чего же здесь

противно! Понимаю, что барахтание подняло муть до потолка, и бросаю идею плыть дальше. Но, видимо, это все-таки получилось само собой, потому что по ходовому концу вдруг раздается сигнал: дергают три раза. Это значит, веревка кончилась, нужно возвращаться. Даю ответный сигнал, и меня начинают вытягивать из черной прорвы. Делать ничего не надо, даже лапами шевелить. Только чуть пальчиками отталкиваться от дна. Как истинный исследователь не отрываю глаз от глубиномера. Наконец с трудом различаю на шкале цифру глубины: двадцать четыре метра. Это предположительно уровень поверхности илового отстойника. Снова начинаю видеть, и вода теперь кажется идеально чистой, а белые рачки – родными. Еще родней – лица товарищей. Интересуюсь новостями. Мне сообщают, что длина ходового конца составляет семьдесят метров, заплыв продолжался двадцать минут.

Что ж, хоть это и была тренировка, но увенчалась она пусть скромным, но настоящим географическим открытием. Я доложил Владимиру Гумбе о результатах ныряния и проиллюстрировал доклад крупномасштабным рисунком: зал в разрезе, озеро, уходящий под стенку подводный тоннель с черной кляксой внизу и маленький человечек над ней. Доклад пещерному начальству возымел действие. Уже на следующий день экскурсоводы, показывая на нас пальцами, рассказывали туристам о том, что измеренная с лодки глубина озера десять метров в действительности не отражает порядка вещей. А истина установлена вот этими вывоженными в глине ребятами, которые, рискуя жизнью, добыли для вас бесценную информацию про двадцать четыре метра. Впрочем, по возвращении из отпуска директора старая круглая цифра озерной глубины была восстановлена приказом по пещере.

Поныряли и в загадочное озеро бывшего свистящего зала Эхо. Но к всеобщему разочарованию, от его поверхности до самой нижней точки едва набиралось семь метров, и к

тому же там ничего больше не свистело. К концу экспедиции из Цхалтубо приехал Вольдемар Арефьев, по тем временам – один из самых опытных ныряльщиков нашего клуба. Его большая фигура без всплесков и волн ушла в недра озера в нижнем зале. Зная об иловой яме, он поточнее вывесился и поплыл под потолком. Все затаили дыхание в надежде на то, что ему удастся пройти сифон насквозь. Но это не получилось. Только через несколько лет этот сифон пронырнул французский ныряльщик.

Зато после погружений в Анакопийке по популярной туристской трассе Арефьев заехал в Бзыбское ущелье и нырнул в Голубое озеро, о бездонности которого слагались легенды. На глубине восемнадцать метров Вольдемар достиг заваленного глыбами и засыпанного песком дна, где за полчаса насобирал столько металлических денег, что их хватило на обратный билет до Москвы.

Особенности национальной забивки

Забивать можно много чего. Самое ужасное – скот. Гораздо симпатичнее – «козла». Не в прямом смысле, конечно, а в домино, кто не знает. Хорошо забивать свай. От этого веет стабильностью жизни. Наоборот, забивание стрелок, нынче говорят, совсем не к хорошему здоровью участников процесса. В молодежном новоязе есть и такая парадоксальная идиома как «забивать на что-то». Например, «забить на кайф» значит отказаться от употребления наркотиков. Наверно, это трудно, не знаю. В те времена, о которых идет речь в этой книге, проблема наркотиков не стояла. И в первую очередь перед спелеологами. Какие там наркотики, о них никто не слышал и знать не хотел! И в алкоголе-то спелеологи были полные скромняги – как в городской жизни, так, тем более, в походах, где блюли строгий «сухой» закон. Чего зря мозги туманить? «Кайф» был не от «дури», а от открытий, гор, пещер, костров, песен и любимых людей. Читайте в любом порядке.

Перед серьезными спелеологами стояла совсем другая и тоже серьезная проблема: где забивать аппараты? Так, потому что наполнять баллоны акваланга сжатым воздухом – это тоже забивать. Сложность состояла в том, что организации, имевшие «подводный» компрессор и сопутствующие воздушные фильтры, исчислялись на пальцах одной руки. И на больше, чем сто пятьдесят атмосфер в каждом баллоне, можно было не рассчитывать – любительский предел. Объем баллона – семь литров, при ста пятидесяти атмосферах там всего семьсот реальных литров воздуха, если его выпустить на волю. В минуту работающий человек пропускает через легкие литров тридцать пять. Значит в одном баллоне запас воздуха всего на двадцать минут, и то, если дышать на поверхности. На глубине расходуется больше, в наших сифонах, считай, в среднем раза в два. Три баллона – на полчаса жизни. При массе тридцать килограмм, которые нужно занести на глубину один километр, потом обратно. Таскать вам, не перетаскать.

Простенькие расчеты озадачили. В следующей экспедиции погружаться в сифоны собрались как минимум шесть человек. Нести для них тридцать баллонов? Не хватит никаких кишок. Нужно было найти выход. Неутомимый Дякин навел справки. Оказалось, что на подмосковном заводе можно достать баллоны, в которые можно забивать воздух до двухсот атмосфер. Стоят баллоны копейки, только они без вентиляй. Купили штук десять подржавевших цилиндров, долго драили их шкуркой до металлического блеска. Отдельно достали вентиля и сами – на свинцовом глете – ввернули их в горловины. В автомобильной мастерской покрасили в желтый цвет. Потом опрессовали. Проверили на малом давлении – поплавали в подмосковном озере – вроде все нормально. Теперь нужно было подумать о том, как их под завязку забить.

И тут я вспомнил про брата Мишу. По рождению, надо сказать, я принадлежу к большому и разветвленному кла-

ну со своей историей, в которой на сегодняшний день прослеживаются семь поколений. Среди многочисленных родственников был и троюродный брат Миша, мичман и подводник. Он проживал в подмосковном поселке Монино, а служил не где-нибудь, а в самом Звездном городке, где велась подготовка космонавтов. В обязанности Миши входило обучение будущих космических героев невесомости и выходу в открытый космос. И то, и другое примерно имитировалось в огромном цилиндрическом резервуаре, заполненном водой, так называемой гидролаборатории.

В силу отдаленности родства мы с Мишей были знакомы не слишком тесно, и прежде чем приступить к выполнению главного задания, я поехал к нему в гости, налаживать контакт. Меня радушно встретил молодой гигант с истинно русскими чертами лица и бесшабашным характером. Пока я рассказывал о наших скорбных проблемах, жена Миши приготовила поесть. Стол просто ломился под огурчиками, грибочками, селедочкой, салатами и винегретами. Брат сказал, что военные подводники так просто за стол не садятся, и рядом с выставленной мною скромной поллитровкой выкатил космический выпел. Это был небольшой шарик, диаметром сантиметров пятнадцать, спаянный из нержавеющей пятиугольников с выгравированными на них гербами отечества, и изнутри по-настоящему серебряный. Если в шарик-вымпел налить воду, то она быстро становится, если не святой, то «живой». Но никому из военных подводников никогда не придет в голову делать такую глупость. В шарике хранилась совсем другая «живая вода» – чистый этиловый спирт ректификат, который ежедневно выдавали для протирки нежных частей аквалангов. Спирта было больше литра. И мы его выпили. При этом не только остались живы, но и пришли к полному консенсусу по вопросу о категорической необходимости нырять во второй сифон. Без чего человечество останется на хрен без прогресса и, как пить дать, зачахнет. В

этом судьбоносном деле военные моряки обязались оказать полное и безоговорочное содействие.

Суровая дипломатическая акция не пропала даром. В назначенный воскресный день я крутанул руль влево и свернул с общегражданского шоссе под «кирпич» на строго секретную трассу. У железных ворот ждали. Мы с прапорщиком обменялись паролем, и солдат открыл шлагбаум. Машина покатила по ухоженным дорожкам знаменитого космического городка. В багажнике позвякивали десять семилитровых двухсотатмосферных баллонов. Пустых. Хотя быть там могло что угодно – досмотра никто не делал. Брат Миша ждал меня у задней двери гидролаборатории. По длинным коридорам и крутым лестницам мы начали носить баллоны в компрессорную. По дороге останавливались с экскурсионной целью: Миша показывал мне огромный стеклянный аквариум, на дне которого располагалась кабина настоящей космической станции и подробно пояснял, кто откуда выплывает, что делает и какие бывают ошибки. Потом мы забивали баллоны. Компрессор давал только двести тридцать атмосфер, при этом металл воздушных емкостей сильно нагревался. Когда забитые баллоны остыли, в них оказалось ровно по двести атмосфер, но я сказал, что этого мало. Миша почесал затылок, пробормотал, что там вроде четырехкратный запас прочности, и поставил баллоны на ручной дожим. Еще примерно час он двигал туда-сюда длинный рычаг, вручную заталкивая в баллоны еще по сто атмосфер воздуха. Раскраснелся, употел, но для здоровяка-мичмана это была лишь легкая гимнастика. Потом он бегом летал по лестницам с баллонами наперевес, чтобы побыстрее завершить опасное дело: несмотря на воскресенье, обходной патруль мог нас застукать, и чем бы это кончилось, не знал никто.

Напоследок, когда все забитые баллоны уже лежали в багажнике, Миша презентовал мне профессиональный военный гидрокомбинезон, не новый, но в отличном состоянии. Брат был очевидно доволен тем, как честно и самоотвержен-

но он участвует в решении насущных задач человечества по освоению космических пространств – как межзвездных, так и подземных. Так оно и было, Миша не просто участвовал в подготовке экспедиции, он по-настоящему, высокоэффективно содействовал осуществлению безумных идей по исследованию мира в самых экстремальных его направлениях. При этом совершенно бескорыстно: за уникальную работу и большой риск не взял ни копейки. Никогда не перестану удивляться загадочной русской душе, готовой на самые чудные и немислимые подвиги!

Атака на сифон

Два года интенсивной подготовки дали результат: в клубе набралась хорошая команда спелеологов-подводников. Михаил Дякин, Владимир Киселев, Илья Александров, Дмитрий Семенов. Себя я тоже включил бы. Хотя как старый пещерный волк отлично знал, что за столь короткое время набраться достаточного опыта нельзя, ни под водой, ни тем более в пещерах. Лично я себя чувствовал не слишком уверенно в сифоне ни в смысле техники, ни по ощущениям. Не то, чтобы страшно было, просто настоящей практики не хватало. Это подсказывала логика. Да и на подсознательном, нелогичном уровне были сигналы: жуткий «последний час» за первым сифоном снился мне весь год с высокой регулярностью. Не знаю, что чувствовали другие, потому что на эту тему дискуссий никто не вел. Бодрились, однако, все без исключения.

Впрочем, заметную поддержку москвичам составляла ударная двойка – Виктор Яшкин и Николай Боровой. Часто и глубоко ныряя в Мчиштинском источнике, ростовчане приобрели там значительный опыт и, прямо скажем, в подводном деле обошли своих былых пещерных наставников.

Понимая важность и невероятную сложность задачи, план будущих действий в сифонах предварительно обсудили. Прежде чем сразу соваться во второй сифон, решили сначала

поискать другой выход из первого сифона. Там на потолке у перегиба была замечена щель, куда можно было потискаться. Если щель пройти не удавалось, то не оставалось ничего другого, как искать продолжение пещеры за двумя сифонами.

28 июля 1986 года с поезда Москва–Сухуми на солнечную платформу вокзала Гантиади высадились три десятка спелеологов. На этой неглавной станции поезд обычно стоит минуты две. Но в этот раз для спелеологов сделали исключение и подержали поезд еще минут десять, пока из забытых тамбуров вагонов не выгрузили все вещи. На платформе образовалась целая гора, которую путешественники долго переносили под резную крышу вокзальной веранды, кряхтя под тяжестью огромных рюкзаков, до упора нагруженных «станков» или просто обвешавшись гроздьями трансов. Москвичам активно помогали уже ждавшие их в Гантиади спелеологи из Ростова-на-Дону, Каунаса и Ленинграда. Голые блестящие спины, утомленные вагонной духотой и оживленные встречей лица, шутки и смех, шум и неразбериха большой экспедиции – как все это было знакомо и грело душу! Но в воздухе чуялся и новый элемент.

Почти на месяц мы отправлялись высоко в горы, чтобы там спуститься глубоко под землю, и в километровой бездне уйти за невиданные доселе опаснейшие водные преграды. Семь человек намеревались проделать это сознательно, в трезвом уме и ясной памяти, а зачем – каждый, наверное, сформулировал бы по-своему. Кто-то хотел сделать открытие, быть первым и прославиться. Кому-то требовалось самоутвердиться. Другой жаждал рекорда и победы в гонках в глубь земли. Но всем – абсолютно всем, даже тем, кто не мог и не собирался нырять – было нестерпимо интересно: а что там, за вторым сифоном?

После переноски тяжестей под палящим солнцем массы двинулись на соседний пляж – освежиться в море и пообщаться с киевскими друзьями, которые, в отличие от моск-

вичей, облюбовавших вокзальную веранду, ставили временный лагерь на морском песочке. Киевляне серьезно намеревались устанавливать в этом году рекорд в своей Куйбышевской и почти наверняка были уверены, что встретившиеся нам в Системе Илюхина препятствия практически не преодолимы. Поэтому они относились к нам по-доброму, так сказать, по-отечески. Как к заведомо проигравшим наши многолетние гонки. Валерий Рогожников даже подарил мне компактную лампу-вспышку для съемок фотографий за сифоном.

В один грузовик экспедиция уже не помещалась. Вспомнив старые связи на Адлерской геологической станции, мы с Киселевым поехали туда добывать один вездеход. Второй обеспечивал наш старый знакомый Сумбат, но только от своего дома в Ачмарде, – выезд в прибрежную курортную зону грозил ему какими-то неприятностями с ГАИ. Поэтому часть людей под начальством Дякина отправилась к нему на автобусе.

Как ни странно, начальник геостанции Виктор Иосифович Клименко в очередной раз согласился предоставить в наше распоряжение свой «ГАЗ-66», только предупредил, чтобы бензин мы покупали сами. Утром следующего дня наш набитый вещами и спелеологами грузовик весело промчался мимо полянки у Сандрипша, где в ожидании второй машины загорали наши товарищи. Проезжая заколдованный Люкивихский треугольник, я старался не вспоминать о присутствующих ему неприятностях и вообще не думать ни о чем плохом. И это помогло. Повиляв часа полтора по лесной дороге, машина бодро взяла крутой подъем перед Гюзле, и вынырнула на просторы Альпики. Над пихтами встала зеленая стена хребта, перечеркнутая белой лентой серпантина. Восторг быстрой езды и горного пейзажа овладел моим сердцем, и я негромко сказал в пространство: «Как отменно мы едем!». В этот самый момент машина встала. Шофер вылез и, косясь исподлобья на заоблачный хребет, принялся копать под

капотом. Потом велел разгружаться. По его словам, произошла такая поломка, что даже вернуться – порожняком и под гору – ему вряд ли удастся. Тем не менее, он развернулся и быстро уехал. А мы начали загорать. Через пару часов нас весело обогнала точно такая же машина Сумбата. Он довез до места своих пассажиров, потом вернулся за нами, еще раз проехал по крутым подъемам и спускам, потом успешно вернулся домой. И машина у него не сломалась. Такие были непростые автомобильные заброски.

Наконец экспедиция в полном составе собралась на Плато. Пещерная система имени Владимира Илюхина, соскучившаяся после долгой зимовки, с ждала нас. В ней ничего не было, кроме телефонного провода. И нам предстояло сделать от начала до конца огромную работу:

навесить снаряжение, подправляя при этом точки навески,

установить как минимум два подземных лагеря на глубине шестьсот и девятьсот пятьдесят метров,

- занести к первому сифону все подводное снаряжение, пройти первый и, если удастся, второй сифон, а в случае крайнего везения – еще и новую часть пещеры за вторым сифоном,

вынырнуть обратно,

вынести из пещеры все подводное снаряжение,

собрать и вынести на поверхность подземные лагеря и мусор,

снять и вынести на поверхность тросы, веревки и карабины.

К тому же для геологов предстояло выполнить серию научных наблюдений, в частности сделать отбор проб воды на всех участках пещеры. Для этой цели адлерский спелеолог Владимир Резван выдал нам штук тридцать литровых пластмассовых фляг.

Ну и последнее. И на этот раз мы не устояли перед соблазном телевидения и взяли с собой киногруппу. Снимать

у сифона собрались наши проверенные спелеологические киношники Александр Полуянов и Витас Гудайтис. Естественно, с ними к сифону должны были прибыть хрупкая кинокамера, нежная пленка, увесистое освещение, свет и, как и для всех других, – еда, топливо, спальные места. Потом, конечно, все без потерь нужно было вытащить обратно.

На всю эту сумасшедшую работу было три недели чистого времени и полсотни мужчин и женщин. Даже команда Саши Игнатова и Сергея Белоусова, давно обосновавшаяся под горой Зонт в своих пещерах, тоже приняла участие в заброске снаряжения – и нужда была, и самим им хотелось отметить у сифона. Волонтером по переноске трансов с ними вызвался идти наш старый знакомый со времен экспедиции в КИЛСИ Геша Иконников, единственный в экспедиции спелеолог из Красноярска.

Начало работ ознаменовалось стихийными катаклизмами. Шли ливни, гремели грозы, над Плато стоял рваный туман. По всей пещере шла неплохая вода. Первой отработала группа спелеологов с Зонта, которые прибыли сюда независимо и раньше всех. За несколько дней они сделали в пещере навеску, поставили подземные лагеря и сильно усталые выбрались на землю 30 августа.

На следующий день начальник экспедиции Олег Вадимович Падалко устроил торжественную линейку с поднятием флага. Флаг был реликтовый – мои спелеошкольники сделали его еще в 1965 году – и походил на японский: белое полотнище, посредине красное солнце. И небо, и часть светила перекрывает своим силуэтом черная летучая мышь. Пятьдесят человек застыли в молчаливом строю, отдавая дань началу знаменательного события в истории отечественной спелеологии: столь сложных, смертельно опасных и комплексных экспедиций до сих пор в нашей стране не бывало. И назавтра под землю уходила первая группа ныряльщиков во второй сифон: Яшкин, Боровой, Семенов и Ефремов.

Вот странички из подземного дневника, простые и честные. С небольшими купюрами.

«01.08.86. В дыру вошли в 17.00. Сначала шли дружно, только у Мити (Семенова) плохо ехала бобина Петцеля. А я взял решетку у киношников, съезжал нормально. Группа заброски встретилась у верха Грязного меандра, донесли мешки до «Очка». Там, на колодцах, мы заторчали часа на два – всё застревало на уступах. На перцепке в стасемиметровом колодце я в течение сорока пяти минут долбил дыру для нового крюка новым шлямбуром. Запотел. Потом, спускаясь по веревке диаметром десять миллиметров с двумя трансами, хотел добавить еще одну ступеньку на решетке; забился в угол колодца и чуть не завис: веревка стала скользить в решетке, я – на самостраховке. Справился усилием воли и сказал себе: больше так не делай! Догнал группу на К-66. Долго спускались в К-44, там троллей, нужно трос защелкнуть в карабин, иначе не едешь: вес мешков распирает между тросом и веревкой, страховка держит. Перед Л-600 погасла карбидка. Прибыли в Л-600 в 1.30 ночи 2 августа.

02.08.86. Ночевали в одном спальнике с Яшкиным. Было тепло, но спальник коротковат – задувало. Ночью заболело горло (правая сторона, левая заныла еще вчера). Некоторое нездоровье. Я встал в 11.00, позвонил на базу. Слышимость хорошая. Сварил поесть: рожки, молоко, мясо, чай. Поели, потом – туалет. Как ходить в туалет: на камушек, камень – под водопад, тогда чисто. В лагере порядок. Вышли вниз в 15.00. Вначале двигались медленно. Начали с того, что устроили обвал из Л-600 в колодец, чуть не прибили Яшкина. Потом колодец чистили. Стали спускать трансы, уронили баллон – с двух метров соскользнул. Он стал травить, вентиль – набок. Бросили его. **Баллоны транспортировать только в мешках!** За грифоном остановились поесть сухомятку. Оставили там фляжку для Резвана. Я заметил, что травит еще один баллон – замерз. Проверили – в нем сто пятьдесят атмосфер. Завернули вентиль, решили нести. По

Мармитке спускаются все долго. Сижу и смотрю: Митя – за- дом к обрыву враскорячку. Капли в свете карбидки падают, как светлячки. Пока восстанавливали телефонный провод на К-20 (предпоследняя навеска), у меня уплыла красная перчатка – плохо стал соображать, вот и упустил. Народ погруст- нел, стал молчалив. Устали. Наконец Л-950. Новый удар: он снесен паводком и мокр, видимо, во время ливня с грозой. Мы пришли сюда в 2.00 ночи уже 3.07, но пока ели, восста- навливали палатку, пытались сушить спальники и легли, бы- ло уже 5.00. Я положил в спальник бачок карбидки и так его раскалил, что лампа пошла в разнос, загорелся фонарь- налобник и шланг. Пришлось все потушить.

03.08.86. Спать было трудно: влажно, прохладно. Яш- кин толкался, мерз. Тем не менее, спали долго, до 15.00. Се- менов встал готовить еду, я связался с базой. Сделал зазем- ление: тросовый клин обвязал проводом и бросил в речку, слышимость отменная. К нам вниз готовится идти киногруп- па в составе: Полуянов, Гудайтис, Ефремова, Зеленков. Олег Падалко с группой забрасывает для них семь трансов до трехсот метров. Не знаю, как они – кино – дойдут вниз, и как потом выйдут! После завтрака у нас чинка снаряжения и одежды. Яшкин полез в транс за карбидом рядом с огнем – и взорвался. Весь черный, пульс – сто двадцать. У меня с гор- лом вроде лучше, но болит голова. Сижу пишу.

Тот же день. Сходили к сифону, отнесли аппараты, арматуру. Собрали два аппарата: один с поясными баллона- ми (малыми), другой – с большим красным* и малым – за спину Вернулись в лагерь, поели, легли спать.

04.08.86. Встал первым Митя, приготовил есть. По- шли к сифону. Я с телефоном, рассказывал о событиях, а Яшкин нырял. Боровой страховал, Митя – на подхвате. Яш-

* Красный баллон имел емкость четырнадцать литров, забивался до ста пятидесяти атмосфер и весил около восемнадцати килограммов. Он был изготовлен посредством сварки из двух пожарных баллонов ростовскими умельцами.

кин пробовал пройти щель с черной катушкой, но она заела. Тогда он вынырнул, взял конец веревки и ушел с верхней страховкой, но скоро вернулся: было мутно. Все вернулись к полусифону. Я оделся, размотал провод с катушки, надел на голову шлем-лягушку, в руки – фонарь, на пояс – яшкинский аппарат «в штанах». Нырнул (шесть килограммов грузов). Дошел до щели, попытался протиснуться в нее, но не смог: голова не проходит из-за легочника. Вверху видно расширение и еще одно очко. Вернулся назад. Все в порядке, говорю. Потом решил пойти еще раз за перегиб, посмотреть дырку там. Точно в месте перегиба вдруг раздался шум в редукторе справа, и из легочника перестал поступать воздух. Как в прошлом году точь-в-точь, и в том же месте. Уже замутилось вокруг. Я нащупал второй загубник и долго не мог попасть им в рот. Попал, и то – косо. Начал хлебать, думаю – каюк. Но немножко идет воздушная струя, правда, вместе с водой. Развернулся, дал сигнал три раза: «выхожу назад». И вышел вместе с пузырями. Родился в третий раз, думаю. Вышли из сифона, разделись. У меня – полное спокойствие, как будто ничего не произошло. Как будто я уже привык менять в сифонах загубники. Пришли в лагерь, созвонились с базой. Киногруппа Полуянова спускается в Л-600. А времени уже 22.00. Завтра Яшкин и Боровой плывут во второй сифон.

05.08.86. Мало карбида. Синяя банка с дырой – карбид ушел в шлак. И мы много расходует. Я встал, подежурил. Пошли к сифону. Решено: идем втроем. Семенов остается на связи в Л-950. Яшкин промок; пронырнул первый сифон с одним баллоном (там осталось двадцать атмосфер после того, как он стравил). Боровой, потом я пошли за ним. Я проскочил удачно, хотя в месте перегиба показалось, что воздух идет плохо. За сифоном стало страшно жарко. Мы взяли с собой катушку с проводом и трубку. Пока Яшкин и Боровой несли баллоны, я тащил мешок с арматурой и тянул провод. Надпись прошлого года сохранилась: «Москва-85, Ростов-на-Дону, Свердловск, Калинин, Ленинград». В гале-

рее, действительно, душно, а может, кажется от жары. У второго сифона стали собираться. Сифон – красота!!! Глубокая огромная яма, заполненная прозрачайшей голубоватой водой. Лунный мир, космос! Наладили связь. Тут увидели, что Коля разбил свою маску. Пришлось мне сбегать за своей к первому сифону. Яшкин молчалив, дрожит – протек, кроме того, ему сейчас нырять, а видно – не хочется. И холодно, и страшновато. Но пошел! Боровой стоит у края озера в полном снаряжении, я сижу на уступе над водой, выдаю смотанный восьмеркой семидесятиметровый ходовой конец. Чувствую движение Яшкина вниз. Неторопливое, опасливое, но твердое. Уходят минуты. Тишину перебивает сильное и гулкое хлопанье воды в сифоне и треп в телефонной трубке: Полуянов из Л-600 говорит с Семеновым и с базой. Ходовой конец останавливается. Долго ждем. Наконец, не выдерживаю, дергаю два раза: как дела? Ответ три раза: возвращаюсь. Сифон не пройден?* Хватаясь за конец, который я держу в руках. Яшкин потихонечку всплывает. Появляется на поверхности воды, рычит, фырчит. Забивается в щель, где стоит Боровой, сбрасывает карабин с ходового и бегом к озеру перед сифоном. Там начинает прыгать, скакать – замерз, все затекло ниже пояса. Потом хватает акваланг, и только его и видели – удрал. Сказал, что пойдет сразу за первый сифон. Боровой тоже пошел, не снимая акваланг, я тащу остатки вещей в транс и телефон. У первого сифона слышны только «бульки» Яшкина, он уже уплыл. Коля собирается, берет транс, в него баллон и телефон. Уплывает. Я сижу один без всякого снаряжения за сифоном. Отрезан от мира совсем. Ощущение неслабое. Пока успеваю пописать и начать застегиваться, приплывает назад Боровой с аппаратом Яшкина в руках. Я кладу в карман камень, чтобы лучше тонуть, наде-

* Яшкин всплыл в воздушном пузыре и закрепил там ходовой конец. Потом увидел, что сифон продолжается и впереди – совсем рядом – зеркало выхода. Но, оценив свое состояние, он решил вернуться назад. Так что второй сифон был почти пройден.

ваю груза, рукавицы, но они рвутся при натягивании на кольца. Плюю: пусть руки померзнут. Плохо пристегиваю поясной ремень аппарата, кажется, не попал в дырочку стержнем. На голове – шлем-лягушка; там все подмокло, замкнулось. Поэтому лампочки горят даже при отключенных тумблерах. Боровой уплыл, я жду несколько минут – и за ним. Сплошная муть, ничего не видно. С ушами и лобной пазухой – порядок (удивительно: болезней, как не бывало!). Прохожу муть, но все время стучусь баллонами о камни. Страшновато, но что делать! Это поясной ремень расстегнулся, и баллоны, всплывая, бьются о потолок. Кажется, что все время плывешь в шкурнике. Наконец, перегиб. Здесь белый ходовой конец туго натянут, можно зацепиться. Прохожу свое роковое место довольно спокойно, хотя здесь придется повернуться лицом вверх. Всплываю уже в чистой воде, вижу: плавает Коля, поджидает. Выхожу из воды и понимаю, что руки отваливаются от холода. Яшкин греется под накидкой у полусифона, Митя кипятит чай. Переодеваемся, идем в Л-950. Там долгая тройственная связь: база и Л-600. Никак не можем понять, как быть со сроками. Договариваемся: Яшкин и Боровой ждут кино до утра 07.08. Если кино нет, они уходят. Потом открываем флакусьюку с элеутерококком. Разговоры, споры, перебранка Яшкина с Боровым. Пере-нервничали, тормоза спустились. Спим.

06.08.86. Безделье с утра. Поели, налаживаем гамак, сушим спальники, ждем группу кино. Я пишу. Хотели с Митей идти на погружение, но после обеда решили пойти на помощь киношникам. С Полуяновым связи нет с утра: они вышли из Л-600 в 10.55. Мы с Митей оделись и перед выходом позвонили на базу. Оказалось, что группа кино поела в конце Мармитки и уже идет ниже. Мы пошли навстречу. Только поднялись на первую навеску, кончился карбид в бачке, пришлось «перетряхиваться». На Перья я взлетел скалолазанием и усилием рук; сердчишко заньло. Через десять минут встретили Полуянова под К-20. Тут же я нашел свою

красную перчатку. Света (Ефремова) спустилась с самым тяжелым мешком. Наверху слышны Зеленков и Витас. Вскоре собрались все вместе в Л-950. Веселый ужин, потом ко сну, но как спать? Боровой залез в гамак, остальные набились, как сельди в бочку: Полуянов, Гудайтис, Яшкин, я, Света, Зеленков, Митя. Заснули в 1.30.

07.08.86. Не ночь, а мученье: мало места, трудно повернуться. Яшкин всю ночь кряхтел под ухом и говорил: ужас, кошмар. В 7.00 Витас отправился готовить завтрак. Все встали, мнутя, не выспались. Собрались и пошли к сифону снимать кино. Все, в основном, на поверхности. Я фотографировал, садясь в воду по шею. Вспышка Рогожникова работала отлично. Но потом я уронил фотоаппарат в сифон и достал. Он щелкал, но из него текло, пленка, наверное, пропала. Закончили съемки в три часа дня, вернулись в лагерь. Яшкин и Боровой простились и убежали наверх. Полуянов и Витас копаются с кинокамерой и подводным боксом. Мы чего-то устали, легли спать в 18.00.

08.08.86. Проснулись в 8.00, спали четырнадцать часов, выспались. Но побаливает голова. Пришлось принять анальгин. Он не помог, выпил таблетку пенталгина. В 12.00 вышли на завершение киносъемок к сифону. Карбид на исходе. Киногруппа принесла четыре килограмма, но часть мы отдали Яшкину и Боровому. В сифоне нужно нырять с кинокамерой. Я надел на зеленую гидру обвязку-беседку, чтобы было за что страховаться. На руки с помощью Светы натянул трехпалые резиновые рукавицы. Взял бокс с камерой, аккумулятор, грузов четыре килограмма. Слегка обжался и пошел в сифон. Тону страшно. Дошел до щели, отснял ее, стал выходить назад – да трудно! Тянет вниз аккумулятор. Вдобавок в легочник стала откуда-то поступать вода. Может, кнопка засорилась? Но, снимая кино, все-таки выплыл. Отдал все съемочное. Руки протекли, сильно замерзли. Бокс разобрали: камера сухая, но неясно, работала или нет. Отмотана только треть пленки. К погружению (и впервые) готовится Митя. Он

должен запустить чайники, чтобы проверить, куда идет ток воды. Митя плохо обжарился и не тонет. Плещется, как русалка, лапами по сифону. Дали ему еще три килограмма груза. Наконец, он взял пакет с чайниками, пошел под воду. Свет его виден, но он уже возвращается. Дошел до перегиба и пустил чайники у щели. Говорит, плывут вниз. Прямо в лапах Митя вылез и встал в распоре, его снимали. Все в Л-950, поели. Много халвы, она не очень идет. Начинаются сборы. Кто читается, кто так сидит. Рассказывают сны, байки о совпадениях, обсуждают жизнь. Я залез в палатку, пишу. Сейчас подготавливаю свои трансы – и спать. Вторая штурмовая четверка на подходе к Л-600: Дякин, Киселев, Александров, Илюхин (Сергей)».

Только через три дня ночью 12 августа остатки первой штурмовой группы выбрались на поверхность, в базовый лагерь. Мы с Семеновым провели под землей почти двенадцать суток. По сложившейся традиции и не без контроля Олега Падалко в экспедиции поддерживался строгий порядок встречи участников подземного штурма. В любое время суток вышедших из пещеры спелеологов ждали дежурные. Грели воду, помогали помыться, давали поесть. Не было исключением и наш выход. Девушки-спелеологи Лена Митина и Лада Шеянова все обустроили в лучшем виде. Но они не только дежурили: всего через два дня в составе группы выемки они уже спускались на глубину восьмисот метров под землю, чтобы оттуда нести вверх полтора десятка тяжелых трансов. Заодно они оказывали моральную и физическую помощь некоторым молодым людям, которые «ломались» под грузом снаряжения, усталости и недосыпа. А девушки держались.

Потом мы узнали, что Яшкин с Боровым выскочили от сифона на поверхность без ночевки в лагере-600 за двенадцать часов. Зато киногруппа выходила из-под земли долго и тяжело. В карбидной лампе есть деталь с тоненькой дыроч-

кой – форсунка. Она являет собой терминал пути ацетилена, здесь он вырывается на волю и горит, давая свет. Иногда огонь плохой, коптящий или сверху на пламя падает вода. Тогда дырочка форсунки забивается, и ее нужно прочищать. Делается это стальной проволочкой – целый пучок их специально прикручен к зажигалке. У Саши Полуянова на выходе карбидка часто гасла, и он регулярно прочищал форсунку. Когда это пришлось делать в неудобном положении на навеске, он промахнулся и ткнул тонкой стальной проволокой себе в глаз. Уже на поверхности, в базовом лагере Полуянова уложили в палатку и лучшие русские и литовские девушки несколько дней лечили красную царапину на его роговице.

Наши киношники – веселые и общительные ребята – пользовались большой популярностью на Арабике. Заслышав об их проблемах в базовый лагерь, который находился на перекрестке всех путей, потянулись гости. Пришли с Треугольника старые знакомые – красноярцы, сообщили, что у горы Зонт нашли пещеру глубиной пятьсот метров, на дне завал, в котором нужно копать. Потом из Гегского трога заглянули белорусские спелеологи; они нашли пещеру Минская, которая тоже «хорошо идет». Конкуренция обострялась. Дошли сведения и от киевлян. В пещере Куйбышевская они спустились по серии отвесов и оказались в огромном зале, заваленном обломками глыб. По результатам топосъемки достигнутая глубина составила тысячу сто пятьдесят метров, ход дальше не просматривается.

Конечно, это был не рекорд мира, и даже не рекорд страны. Но это был безусловный рекорд Арабики, превышавший глубину, достигнутую в Системе Илюхина на сто пятьдесят метров. У нас оставался призрачный шанс на то, что второй штурмовой группе за сифонами повезет хоть сколько-то углубиться. Все внимание экспедиции обратилось к подземному телефону. В столовой, куда к громкоговорящему динамику был подведен телефонный провод, постоянно, даже ночью, толпился народ. Но динамик упорно молчал.

Почти двое суток связи с группой Дякина–Киселева не было. Народ заметно нервничал и вслух подозревал киногруппу, что она на выходе оборвала провод. Линию ходили проверять, обрыва не нашли.

Вечером 13 августа вдруг раздался сигнал. Из лагеря-950 говорил Миша Дякин. Он сказал всего две коротких, но сразу ставших историческими фразы: «За вторым сифоном пошли отвесы. Конец связи». На плато поднялся невообразимый гвалт. Одни закричали ура, другие возопили от отчаяния. И только минуту спустя, сообразили, что фраза Дякина загадочна и двусмысленна. Отвесы пошли куда: вверх или вниз? И тот, и другой вариант оказывался равновероятно возможным. За первым-то сифоном галерея сначала пошла вверх! Но, поразмыслив, решили, что отвесом, скорее всего, называется то, куда нужно спускаться. К тому же, если бы отвес шел вверх, то о нем было бы сказано в единственном числе. Стало быть, пещера повалила вниз. Какие все же великие логики и казуисты эти спелеологи!

Вскоре результат дедукции блестяще подтвердился. 14 августа в 12 часов дня наш динамик опять заговорил и сообщил потрясающие новости. Киселев первым нырнул во второй сифон. Через несколько метров за воздушным пузырем Яшкина, действительно, оказался выход из второго сифона. Здесь объемы пещеры резко увеличились, и она большими уступами пошла круто вниз. Было решено, что за первый и второй сифон пойдут Киселев и Александров. Михаил Дякин и Сергей Илюхин оставались как группа поддержки в Л-950. Штурмовая двойка взяла с собой веревку и комплект для навески снаряжения. Оставив акваланги у сифонного озера, ребята пошли с навеской вниз по неизведанной пещере. Уступы сменялись небольшими колодцами и короткими галереями. Потом опять один за другим шли бесконечные уступы. В верхней части, если не считать озера, пещера была сухой и безводной, ниже из щели опять появилась река. Спать и отдыхать было некогда: пещера широким стволом врзалась в

толщу светлых известняков и уходила все дальше в глубь земли. Впервые во все времена русские спелеологи на километровой глубине под землей смогли преодолеть два сложнейших водных затвора и продолжить путь в глубь гигантской черной бездны. Это было экстремально опасное предприятие. Никто и никогда не смог бы помочь никому из них в случае несчастья. Только они сами себе и – друг другу. За очередным уступом они увидели как вода реки уходит под стену, образуя озеро третьего сифона. Путь вниз преграждали сифоны. Нужно было возвращаться. В пещерах Киселев не расставался с горным компасом, и на обратном пути они делали топосъемку. Без сна и отдыха они работали девятнадцать часов. Целыми и невредимыми, но смертельно уставшими вернулись в лагерь-950. Прежде чем ложиться спать, часа два переписывали журнал топосъемки начисто – так полагалось. Через некоторое время из-под земли по телефону сообщили результат просчета вертикали: от входа до третьего сифона глубина пещеры составила тысячу двести двадцать метров! Получалось, что за вторым сифоном Киселев с Александровым ушли вниз более чем на двести сорок метров. Такого никто не ожидал. Система Илюхина стала самой глубокой пропастью на Арабике и на семьдесят метров «обошла» пещеру Куйбышевская.

Предсказание Мартеля о рекордных глубинах начинало сбываться. Но каким небывало тернистым оказывался этот путь, и каких трудов он стоил! Отвесные колодцы и шкуродерные лабиринты, водопадные уступы и горы, горы, горы мокрых, тяжелых и взрывоопасных транспортных мешков. Наконец, глубокие кривые и узкие туннели, доверху заполненные ледяной, часто мутной водой, с клыкастыми стенами, цепляющиеся за одежду, с уступами, норовящими разбить хрупкие подводные аппараты. И бесконечная, давящая засифонная тишина, обостряющая понимание того, что ты находишься за смертельно опасным пределом, преодолеть который – тяжелое испытание умения, силы, воли и надеж-

ды. И никакие земные и неземные средства не способны здесь помочь, ты все должен сделать только сам.

Великая жажда открытий, рекордов и познания самих себя неудержимо влекла нас под землю, под воду, в неуютный и страшный подземный космос, совсем не расположенный к тому, чтобы его вселенский покой нарушали и в нем копошились люди, на редкость беспокойные существа. Не нужны мы были и государству. Для изучения подземного космоса никакая научная или военная организация не давала нам ни денег, ни специального питания, ни снаряжения. Мы все мастерили, зарабатывали и добывали сами. И сами были подземными космонавтами, неимоверно тяжелый и опасный труд которых имел результатом простые награды – новое открытие, знание того, что мы это сделали, и уверенность в том, что мы это можем.

Наш космос неистов и злобен,
Нет бога в подземном раю,
И мало таких, кто способен
Без страха стоять на краю.

В экспедиции воцарился необыкновенный душевный подъем, вызванный подвигом наших товарищей. Встречать выход на поверхность второй штурмовой четверки собрались все, кто был в базовом лагере. В пять часов вечера 16 августа на плотине у входной воронки толпились десятка три спелеологов, девушки – с цветами, мужчины с фотоаппаратами. Даже Полуянов, щуря свой оцарапанный глаз, выполз из палатки и устроился на камушке с кинокамерой. И вскоре измотанные, грязные и голодные герои подземного космоса появились в рамке входа. Не торопясь, с осознанием своей роли в истории, они один за другим выползли на привходовый снежник и тут же попали в объятия и в объективы. Поздравления, рукопожатия, шутки, веселые возгласы и смех –

так прекрасно закончились и трудный пещерный маршрут, и томительное ожидание его результата.

Гонки в глубь земли шли к своему завершению. Система Илюхина оказалась не только глубже Куйбышевской, но сверхсложной и опасной пещерой со многими сифонами. Даже если бы она была «мельче», она все равно заняла бы – и по факту заняла – одно из первых мест в мире по сложности спортивного прохождения.

Теперь из пещеры нужно было извлечь все то, что в нее с таким трудом затащили. На выемке снаряжения, лагерей, баллонов и мусора работали несколько сильных групп. Но лавры рекордсменов достались большой команде Графа Виктора Львовича Леринмана. На нее легла задача поднять около тридцати трансов со дна стометрового колодца к Трубе, то есть с глубины четыреста метров на глубину сто пятьдесят метров.

В час дня 18 августа восемь спелеологов во главе с Графом ушли под землю выполнять нелегкую, но почетную задачу. Ровно через сутки, в час дня 19 августа, Граф по телефону сообщил, что мешки вытащили только из стометрового колодца и потихонечку тянут выше. При этом они, конечно, не спали, хотя и поели. Еще через десять часов я повел вниз команду из четырех человек – то ли мешки вытаскивать, то ли спасти графскую группу. Мы быстро пробежали Трубу, Грязный Меандр – никого нет. Пролезли в Очко, и только там услышали неторопливые поскребывания мешков по стенам и полусонные команды: «Вира!», «Дошел!». Сомнамбулические спелеологи на полном автомате вытаскивали груз. Я тормознул их замедленное кино, заставил сделать крепкий чай и плотно перекусить, благо было чем. Спелеологи тут же встрепенулись и вознамерились было продолжить свои монотонные действия. Но мы погнали их на выход, чтобы не создавать затор на следующих колодцах. А стадо грязных поросят сами быстрее перекидаем.

«Графские» ушли, а наша четверка, не покладая рук, принялась передавать, тянуть и пропихивать трансы в щели, узости и меандры. К утру с облегчением подошли к Трубе в надежде на скорую поддержку свежей вспомогательной бригады. Но когда выбрались на дно пятидесятиметрового колодца, с великим ужасом обнаружили здесь команду Графа почти в полном составе. Под полиэтиленовым тентом мухинского пункта питания они уныло пили чай! Глядя на ввалившиеся глаза и скорбные синяки под ними, не было сил ругаться или укорять уставших людей. Пришлось ждать, пока последний из графской группы не выйдет из колодца наверх и не освободит навеску. Всего мы ждали шесть часов. Последний выходил пятьдесят метров по тросу и веревке полтора часа. Он плохо соображал, и ему снизу кричали последовательность действий: «Пристегнись к перилам! Открой ограничитель отбрасывания! Отстегни нижнее стремя!...» И так весь процесс перестежки на уступе.

В 18 часов 20 августа последний спелеолог из графской группы выемки вышел на поверхность. Без сна, выполняя тяжелейшую работу, они провели в пещере пятьдесят три часа. Это был абсолютный рекорд спелеологической трудоемкости! Почти догнав окончательно обессилевших ребят, мы вместе с подоспевшей группой поддержки вытащили из пещеры весь груз – тридцать восемь трансов. Солнце уже ушло за гору, на изумительно синем небе загорались звезды. И пахло травой.

На следующий день с утра весь лагерь был собран, упакован и перенесен к месту посадки на машину – метров на четыреста ниже Плато. После обеда Сумбат пригнал «ЗИЛ-157», и мы счастливо преодолели подъем на Кушонский перевал и спуск с него, протряслись по лесной дороге мимо Люкивской аномалии, проехали Менделеево и поворот на Ачмарду. Машина весело бежала по асфальту, и вот в вечерних сумерках заблестело близкое море. «Ну до чего же быстро мы едем!» – громко и с очевидным восторгом сказал

я. И тут же «ЗИЛ» встал. У него сломался бензонасос. До любезного сердцу гантиадского пляжа под реликтовыми соснами оставался всего один километр. Мы выгрузили все на шоссе и устроились спать на обочине. Ехавшая навстречу «Нива» зацепила тяжелый грузовик за трос, пару раз от натуги подпрыгнула, но вес взяла и потихонечку потянула его к месту приписки и ремонта – обратно в Ачмарду. Только на следующий день к вечеру все удалось перебросить на пляж.

ПУТЬ ВНИЗ ПРЕГРАЖДАЮТ СИФОНЫ. ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Если вы не бывали в сифоне, то это существенное жизненное упущение. Есть в подземном нырянии нечто абсолютно неповторимое, если говорить о человеческих ощущениях. Вы легко парите в темном пещерном пространстве, яркие фонари высвечивают в девственно-прозрачной воде выступы и закоулки прохода, которые вы элегантно облетаете, чуть шевеля крыльями, ходовой конец придает уверенность в завтрашнем дне, а прохладная вода нежно ласкает разгоряченную кожу щек. Когда сифон загибается вверх и сужается, вы начинаете ластиться к стенкам и дну, чутко прислушиваясь к туповатому, но все же музыкальному звону – это ваши баллоны за спиной слегка ударяются о свод подводного шкурника. Восторг полета лишь чуть-чуть портит транс с двумя запасными баллонами, его приходится тянуть по узкому ходу вверх, волоча по дну. Дно покрыто вечной глиной, но назад вы пока не смотрите, потому что не только развернуться, но и повернуть голову невозможно. Все это на глубине километр под землей и уже в пятидесяти метрах от той стороны жизни.

Еще немного, и впереди иверху показывается сверкающее и переливающееся, как ртуть, зеркало потустороннего сифонного озера. И если в этот момент из вашей второй системы дыхания вдруг ни с того ни с сего с ревом начинает выходить запасной воздух, поверьте, ощущения еще более обостряются.

Почуввав эту остроту, вы с возможной поспешностью выскакиваете из озера, так сказать, на волю, срываете с себя маску, сбрасываете брасовый ремень и пытаетесь стряхнуть с плеч аппарат, но он не идет. Вы неожиданно вспоминаете, что на шее у вас резинка, на которой болтаются два легочных автомата (из одного со свистом продолжает вырываться воздух). Вы срываете с шеи резинку, но аппарат все равно за

что-то цепляется. Наконец в голову приходит выдернуть из грудного штуцера шланг поддува, и тогда аппарат падает вам прямо на ногу. Боли не слышно: вы, не разбираясь, закручиваете один вентиль, но воздух еще свистит. Только теперь вы совершаете единственно правильное действие: закрываете нужный вентиль.

Наступает мертвенная тишина. Вы оглядываетесь и понимаете, что сидите на краю мутной лужи метра полтора диаметром. Наверх и вправо уходит неширокий покрытый глиняным налетом ход. Рядом в луже лежит подтопленный красный транс с двумя полными баллонами, но это не радует. Потому что ваш взгляд падает на аппарат. Один редуктор превратился из стройной суперсовременной конструкции в комок льда. Быстрое падение давления идеального газа привело к сильному понижению абсолютной температуры. Баллон тоже покрылся ледяной пленкой. Правда, внутренний голос подсказывает, что газ не очень-то идеальный.

Извечный наш вопрос: что делать? Попробовать согреть редуктор? Вы греете его руками, мочите в луже, греете опять. Лед спадает кусками. Греете еще. Потом открываете вентиль, и из загубника вырывается предпоследний вздох: манометр показывает тридцать атмосфер. На этом назад уже не доплывешь.

Тут вы замечаете, что ходовой конец нервно вздрагивает. Это напарник не понимает, что у вас стряслось. Нужно успокоить: дергаете один раз. Значит, по крайней мере, жив. Даже без телефона чувствуется, как на том конце провода полегчало. Там, но не вам. Потому что нужно действовать. Можно дать сигнал тревоги, тогда он приплывет. Но тогда у вас окажется три системы дыхания на двоих, и кому-то придется плыть обратно за запасным редуктором. Потом опять сюда, потом опять обратно. Четыре холостых опасных рейса. Где гарантия, что у него по неизвестной причине не произойдет то же самое: три редуктора из пяти не были на профилактике два года.

Еще подумав, открываете вентиль под исправным редуктором, надеваете аппарат и все, что в таких случаях нужно, потом вытаскиваете на берег транс с запасными баллонами и три раза дергаете ходовой конец. Получив аналогичный ответ, вы аккуратно ложитесь в лужу и начинаете погружаться под воду, не забыв пристегнуться карабином к ходовому концу. Хотя никакая сила в природе, кажется, не способна оторвать от черной витой пары вашей левой руки.

Теперь острота чувств достигает апогея, с чем бы сравнить? В абсолютно непроглядной мгле, в заполненном черной глиняной взвесью узком тоннеле вы еле-еле продвигаетесь вниз головой вдоль спасительной тонкой нити. Только она одна и ничто более не выведет вас обратно на нужную сторону жизни. В маску с поврежденным обтюратором затекает вода. Вы аккуратно продуваетесь, печально радуясь тому, как это хорошо у вас выходит. Вода снова затекает. Вы повторяете прием. И медленно ползете вниз по наклонному узкому ходу. Брасовый ремень отстегнут специально, чтобы баллоны горловинами прилегали к спине, точнее к шее, а другим концом пусть бьются о свод. Последнее хорошо слышно и добавляет остроты блюду. Очень хочется жить. Это вы ярко осознаете, когда в голове вдруг ни с того, ни с сего слышится: «Над ночной рекой, речкой Истрою нам бродить с тобой дотемна...». Тут вы твердо решаете, что с ума сходить не будете, а будете плыть.

И это вознаграждается: через пару минут мгла рассеивается, под вами открывается широкая черная дыра, уходящая глубоко вниз, а впереди и вверху видны проблески яркого света – но не вашего. Это свет напарника, видный в прозрачной проточной воде за двадцать метров. Нижняя точка погружения, теперь – вперед и вверх, благо видно, как уворачиваться от острых скал, протянувших хищные пальцы прямо ко второму – пока целому – редуктору.

Потом вы выплываете и рассказываете товарищу свою незамысловатую историю. На этом ныряние пока заканчивается.

Приведенная выше маленькая поэма в прозе – тоже о прохождении первого сифона в Системе Илюхина. Не сложно догадаться, что участник событий – автор сих строк. Потому что опять под водой – и почти в том же месте – полонился акваланг. Только произошло это опасное погружение уже через шестнадцать лет после событий, описанных в предыдущей главе, в августе 2002 года. Совсем другие спелеологи ходили в дорогу мне пещеру и ныряли в ее сифоны. Изменился и автор: за многие годы подземных странствий он привык и к коварству подводных лабиринтов, и к удивительным совпадениям. Да и сама пещера стала другой.

Во-первых, она стала глубже. В 1997 году Володя Киселев и московский спелеоподводник Женя Войдаков прошли третий сифон, который оказался глубиной тринадцать метров и около шестидесяти метров длиной. За сифоном в пятидесяти метрах прямо по току воды оказался следующий сифон – четвертый. На страховке Войдакова Киселев нырнул и туда и прошел около ста метров. Но на баллонах акваланга не было манометра и, следовательно, не было возможности отследить расход воздуха непосредственно под водой. А так как за спиной оставались еще три сифона, из осторожности пришлось возвращаться. До первого сифона поддержку обеспечивал руководитель экспедиции Михаил Дякин, а за вторым сифоном штурмовой группе помогал Илья Александров. Ему в этом выходе кошмарно не повезло: сильно порвался гидрокостюм, и заклеить его не удавалось. Илья, выплывая из очередного сифона, с трудом выбирался на берег – в каждой штанине гидры скапливались килограммы ледяной воды. Ко всему прочему не работал телефон, и у Киселева отказали единственные в группе часы. Подводники жили, ориентируясь на биологическое время, и отсчитывали сутки

каждый по-своему. Потом оказалось, что в среднем ошиблись на сутки: думали, что провели за сифонами неделю, а были там шесть дней и ночей. В 1989 году Володя Киселев и Виктор Яшкин опять ушли за второй сифон. В четвертом сифоне им удалось проплыть более ста метров, но выхода они не обнаружили и вернулись обратно. Володя еще рассказывал, что между третьим и четвертым сифонами есть ход, который приводит к «подвешенному» пятому сифону со стоячей водой. Но и этот сифон не удалось пройти. По показаниям глубиномера максимальная глубина погружения в четвертый сифон составила около двадцати метров. Таким образом, общая глубина пещеры от входа до нижней достигнутой точки в четвертом сифоне составила тысячу двести сорок метров. Прямо скажем – скромная глубина. Но если на дно всемирно известных пропастей-рекордов чуть ли не ежегодно спускаются десятки спелеологов, то около пятого сифона Системы Илюхина, кроме Киселева и Яшкина, до сих пор не был никто. Такая вот не самая глубокая пещера.

Во-вторых, она стала почти домашней, по крайней мере, до первого сифона. За прошедшие годы спелеологи, мои ученики, как могли, обустроили грозную пропасть. На глубинах шестьсот, восемьсот и девятьсот пятьдесят метров поставили три стационарных подземных лагеря, и теперь там ночуют не в мокрых капроновых палатках, а в пенополиэтиленовых домиках, где газовая горелка поднимает температуру до 20° тепла за несколько минут. Самый нижний лагерь паводки больше не смывают. И вовсе не потому, что они больше не несутся с ревом по колодцам и галереям. Нет, пещера, как и прежде, активно живет своей карстовой жизнью. Но Л-950 теперь стоит на прочной металлической платформе в восьми метрах над потоком.

От базового лагеря по всей пещере до второго сифона протянулась двухпроводная телефонная линия. На отвесах петлями, от одного шлямбурного крюка – «спита» – до другого, висит новая веревка, по которой ходят, используя тех-

нику одной веревки – «SRT». За день можно сбегать с грузом до первого сифона и выйти обратно на поверхность.

Да и заброска на Плато стала почти курортной: своя машина «Урал» везет, когда нужно, и почти до базового лагеря, далее груз следует на лошадях.

А те спелеологи, где они?

Из четверых мальчишек, спустившихся с «планетарских» небес сразу под землю, остался один. Урбан, Осипов и Зюзин оставили этот мир. Ушли мои дорогие друзья-учителя Володя Илюхин и Юра Колесников. Ушли Валя Алексинский и Лена Алексеева. Ушли Марлен Аронов, Тамаз Кикнадзе, Гена Баранов, Володя Шашурин, Саша Морозов, Витя Благодатских, Володя Киселев, Саша Полуянов, Андрей Митин, Юра Неверов, Витя Леринман, Миша Эйгель. И еще многие, с кем делил последний подземный сухарь и радость открытий.

Но я счастлив тем, что на «последних грибочках», засоленных Ритой Шашуриной, могу чокнуться рюмочкой с могучим Рексом – Олегом Падалко, поспорить об истории с мастером Женей Мухиным, сыграть в ночной футбол на «декретный спелеоновый год» с Володей Кучиным и с Папой Раулем, послушать на Арабике романтические песни Коли Невского. Я счастлив переброситься электронным письмом с Виктором Николаевичем Дублянским и, как в былые годы, спросить его совета. Мне греют душу встречи с Мишей Зверевым, Шушей – Сашей Вишневым, Мишей Дякиным и Валею Касицкой. С великой радостью я встречаюсь с моим старинным другом в Новом Афоне: Гиви Смыр – не только признанный художник, но и директор подземелья – пускает меня побродить в одиночестве по милым мне залам и галереям Анакопийки. Мне приятно вспомнить молодость с Сашей Мурановым и Колей Чеботаревым, получить привет из Америки от Даниила Усикова. Хорошо повстречать на Арабийском плато Сережу Белоусова, который возглавляет один из

московских спелеоклубов. И так приятно поточить по телефону лясы с отчаянным ныряльщиком Виктором Яшкиным или с обстоятельным литовцем Витасом Гудайтисом. Дай им всем Бог здоровья!

Друзья, мы не считаем лет,
Они нас вьюгой окрутили,
Мы продирались – след не в след
Сквозь бурелом в крови и мыле,
А кто вознесся в светлый дым –
Он в вышине парил незримо,
И мы не расставались с ним,
Так было нам необходимо.

Судьба сыграла: чет – не чет,
И вот вам двери и оконца,
Тепло, и крыша не течет, –
Приют убогого чухонца,
Но у каминов нам не нить,
А за детей просить у Бога,
Чтоб не прервалась жизни нить
И связь времен, а нам – дорога.

Друзья, мы не считаем лет,
К чему бесцельные занятия?
Во мгле побед своих и бед
И не друзья уж мы, а братья,
И пусть в запоях и пальбе
Земля безвидна, нелюдима,
Останьтесь верными себе,
Мне это так необходимо.

Все изменилось, все. И люди, и времена, и нравы. Даже железная пирамидка триангуляции на вершине Арабики пала ниц под огненными поцелуями молний. И только сама

Арабика и светлые хребты ее свиты по-прежнему высятся над миром, с любовью взирая на согревающую их подножья пленительно-бесмысленную суету.

ВЛАДИМИР ИЛЮХИН – СПЕЛЕОЛОГ

Владимир Валентинович Илюхин – человек, за короткий срок сделавший для спелеологии нашей страны (не знаю, как правильно: СССР? России? СНГ?) неимоверно много. Больше, пожалуй, пока не сделал никто. Это начинаешь понимать через годы, когда безумство, упрямство и неистовый азарт молодости, увы, начинают уступать место неторопливой рассудочности.

Зададут вопрос: что же это такое – много, что сделал в спелеологии Илюхин? Пропастей гигантских вроде не открыл. Под землю ходил, конечно, но «монстром» пещерным не числился. Демократию давил, понимаешь. Так что же? Попробую объяснить.

Представьте, что вы в поиске на «новом» карстовом плато, обшариваете воронки, заглядываете в трещины карров. С надеждой спускаетесь в очередной вход. Колодец, щель, тупик. Ищем дальше.

Вот грот, меандр с уступами; ручей по полу побежал и – срывается в колодец. Камень летит долго: веревки бы хватило. Со сладким предчувствием бездны идем вниз, стены расступаются, в черном пространстве слышен звон воды о камни. Приехали! Дно покрыто ровным слоем крупной щебенки, сквозь нее покорно фильтруется пара тонких водопадов. Копать вам, не перекопать. Конец пещеры.

Сколько их, попыток открыть систему, упирается в тупик разочарований! Из сотен кажущихся надежными путей лишь малое число ведут в лабиринты и дворцы. Илюхин выбрал путь безошибочный: он создал систему. Не один, конечно, и не в сольном авторстве. Но всегда в любимом своем состоянии: в борьбе. Эта система – жесткая, действенная, конкурентная – отработала без капитального ремонта полторы декады и, уходя, оставила в отечественной спелеологии лучшее: пять поколений спелеологов по всей стране,

тысячи новых пещер и историю великих экспедиций. Плохое постепенно забывается.

Перебираю в памяти людей, оставивших заметный след в нашей спелеологии – тех, кого знаю и знал. Виктор Дублянский, Юрий Лобанов, Гиви Смыр, Валерий Голод, Юрий Колесников, Геннадий Пантюхин, Валентин Алексинский, Тамаз Кикнадзе, Юрий Ковалев, Михаил Зверев, Олег Падалко, Александр Вишнеvский, Александр Морозов, Витаутас Гудайтис, Даниил Усиков, Владимир Киселев, Виктор Яшкин, Петр Миненков, Валерий Рогожников, Александр Климчук... Да не обидятся те достойные, кто здесь не упомянут: их имена еще назовут.

Эти люди знали Илюхина, и не просто знали. Он был, как сейчас говорят, человек авторитетный. Для одних – соратник, учитель, друг. Для других – оппонент, противник, даже враг. Он был сильный человек и вызывал сильные чувства.

Но над этим Володя Илюхин задумывался мало. Физически крепкий человек и неплохой аналитик, он еще в юности обнаружил не занятую спортивную нишу и этого было достаточно. Мощно и прямолинейно, как танк в бою, он пошел к цели: создать в спелеологии структуру, сделать спелеологию уважаемой и известной, обучить спелеологии молодежь. По умолчанию предполагалось, что попутно в суровой борьбе за место без солнца сотни соревнующихся экспедиций откроют на девственных просторах родины новые карстовые районы и бездонные пропасти.

Когда эта задача полностью и с опережением графика – всего за двадцать лет – была решена, Илюхин ушел из спелеологии. Заодно – из жизни.

Не так важно, какими побуждениями он руководствовался в своей деятельности, но можно поразмышлять. О материальной корысти думать смешно: спелеология – не

торговля, не наворуешь. Кроме того, Володя был человек разумный и понимал, что деньги – ничто. Тогда что? Путь наверх, власть над людьми? Возможно, отчасти. Он был лидером по природе и, будучи уверенным в своей правоте, стремился руководить. Не жалел сил и не очень аккуратно отбирал средства в борьбе за право быть первым. Но это было тщетное стремление, вызывающее сочувствие. Быть вождем спелеологов – иррациональных романтиков и самоуглубленных индивидуалов с малопонятными рефлексами – в глазах сильных мира того не только не было почетным, но настораживало. С другой стороны, на упрямых спелеологических лбах, как Божья правда на моисеевых скрижалях, всегда горела печать априорного несогласия и протеста. Ждать благодарности от масс и памятников от умиленных потомков явно не приходилось. Великий вождь пещерного племени обречен на низложение. Что и вышло.

Илюхин самоутверждался? Безусловно. На определенном этапе жизни это делают все без исключения мужчины и женщины – кто как может. Илюхин самоутвердился по высшему разряду. В науке: сотни статей по физике кристаллов, докторская до сорока лет, прямой путь в академики, даже в партию для этого вступил. В семье: дочь и сын; не все складывалось гладко, но он нашел свой идеал женщины и был счастлив. В друзьях: двери его просторного дома всегда были открыты для близких. В спелеологии: он возглавлял официальный спелеотуризм страны пятнадцать лет, потому что этого хотел. В желании жить: он горел действием и хотел успеть все сразу. Торопился не зря – долго жить не вышло.

Но самое главное – и я в этом абсолютно уверен – Илюхин просто любил путешествия, любил спелеологию. Может, не так уж ему нравилась суровая, но простоватая подземная краса, волнующая нежные юношеские души, не слишком сладко было ощутить себя великолепным покорителем черной бездны. Он просто любил быть в походе, чувствовать физический дискомфорт, контраст тепла и

стужи, решать головоломки нечаянных опасностей и хитросплетений маршрута. Он не умилялся цветочкам и не обращал внимания на ледяной дождь. Он любил преодолевать пространство. Это, пожалуй, была его страсть. Она обострялась, когда пространство становилось невидимой абстракцией – в подземных пропастях.

Я познакомился с Владимиром Валентиновичем в мае 1963 года, когда по объявлению пришел с друзьями в Московский клуб туристов записываться в спелеологи. Нас, семнадцатилетних юнцов, для начала послали тренироваться на Ленинские горы. Руководил мероприятием председатель секции высокий, атлетически сложенный мужчина с профилем римского императора. Это был Илюхин. Он предложил нам пробежать пару кругов по импровизированному стадиону. Когда, высунув языки, мы доплелись до финиша, он строго, но несколько замысловато заметил, что используемый нами вид передвижения нельзя назвать бегом, и посоветовал поработать над собой, если хотим в пещеры. Сам он почти без усталости мог пробегать десятки километров, за что иногда его звали «лось». Илюхин не делал из здоровья культа, но считал святым поддерживать физическую форму. Он никогда не курил, редко в компании мог едва пригубить сухого вина. Каждое утро делал зарядку и два-три раза в неделю устраивал обязательные для всех членов секции тренировки. Сам прекрасно играл в футбол и баскетбол. Треть площади его маленькой комнаты на Арбате занимала настоящая сорокакилограммовая школьная штанга.

Эта комната в коммунальной квартире была вторым клубом спелеологов. Без преувеличения: здесь собирались ежедневно! Пили чай, обсуждали планы походов. Володя легко знакомился с людьми, быстро переходил на «ты». Но если человек поступал как-то не так, категорически нарушая внутренние эстетические, а чаще целевые установки Илюхина, он без антимоний, резко, со скандалом с ним

расставался. Как правило, приятельские отношения потом не возобновлялись.

Он много знал, был отличным рассказчиком и умел весело шутить. Впрочем, в компании за чаем не стремился быть единственным центром, умел внимательно слушать и при необходимости держаться в тени. Над созданием коллектива секции работал неистово, не считаясь со временем. Он собирал членов секции три раза в неделю: два раза на тренировке (это было обязательно), и один раз – по желанию – в клубе; там были и общие разговоры для удовольствия, но также всегда обсуждались конкретные секционные дела.

Несомненно: Илюхин чувствовал себя счастливым в пути. Он просто млеял от удовольствия, пробираясь по бурелому в подмосковном лесу или покрывая десятки километров по снежной целине на лыжах. В такие короткие походы тогда ходили каждые выходные. Не будучи москвичом, Володя тем не менее хорошо знал Подмосковье; кроме того, он умел прекрасно ориентироваться по карте и компасу и научил этому нас – спелеологический молодец. Знаменитые сорокакилометровые лыжные маршруты «Морозки–Березки» или «Пальчино–Абрамцево» по мартовскому насту пробегали за шесть–семь часов, в город возвращались очень уставшими. Но Илюхину было мало: он предлагал на последний сеанс пойти поплавать в бассейн «Москва» – и все шли плавать!

Когда вдруг выпадало свободное от похода воскресенье, Володя тащил молодежь в Музей изящных искусств и там с упоением – и знанием предмета – рассказывал об импрессионистах и жизни Гогена. Романтические «Скалы в Бель-Иле» Клода Моне и яростные «Красные виноградники» Ван Гога стали любимыми нашими картинами.

В электричке, по дороге в поход, он извлекал из рюкзака книжку стихов Хайама и читал вслух. В смешных местах сам заразительно смеялся. «Самые лучшие книги они в рюкзаках хранят», – написано как раз в то время.

Илюхин любил петь и слушать, как поют. Туристские песни, конечно. У него не было, что называется, ни слуха, ни голоса, и он это знал. Поэтому сам старался петь на ходу – на маршруте. Картина: поздний вечер, черный и сырой осенний лес, путаница просек. Под ногами – лужи, сверху – мелкий дождь. До станции невесть сколько километров, а придти нужно обязательно сегодня. Наохлившаяся стайка туристов бредет под всем этим ненастьем. Впереди вышагивает крупных габаритов человек с увесистым рюкзаком за плечами и, подфальшивливая, дискантом выводит: «Прощай, родная моя! Дорога снова вдаль зовет меня!».

Женщин Илюхин по молодости нарочито презирал. В какой-то степени это была такая туристско-альпинистская мода. «крутой» стиль того времени. Однако, я думаю, что у Володи на этот счет был и некий комплекс; в душе он дам побаивался. К созданию семьи он относился – как и ко всему – основательно, легкомыслия не допускал. Не помню, чтобы участвовал в какой-нибудь любовной интриге или флирте. Но реминисценции юношеской настороженности остались: чем симпатичней и популярней была спелеошкольница, тем больше было у нее шансов с треском вылететь из илюхинской школы.

Володя с видимым удовольствием шутил. Он мог подшутить и над товарищем, и над собой. При этом – удивительно – его шутки никогда не были обидными, но какими-то добродушными, что ли. Есть люди, которые подсмеиваются над другими с долей чуть заметной злости, как бы принижая их. Чтобы самим себе казаться выше. Илюхин этого никогда не делал. Он был человеком уверенным в себе и, наверное, считал ниже своего достоинства ехидно «уедать» друзей за их промахи.

Самоуверенность Володи доходила, порой, до смешного. Вот пример. Однажды он взялся переводить с английского британского карстоведа. На встрече, бывшей тогда внове, в конце 70-х присутствовали человек пятьдесят, все с

неплохим высшим образованием и, конечно, с определенным представлением об английском языке. Переводя докладчика, и, видимо, не вполне улавливая суть, но не желая этого показать, Володя так samozабвенно импровизировал и откровенно врал, что публика внутренне – но заметно – содрогалась. Чтобы не поставить гостя в неловкое положение, перевод комментировать не стали.

Я подозреваю, что он выучился не стесняться. Быть может, когда-то усиленно боролся с «детским комплексом» робости и успешно его одолел. На чей-нибудь день рождения он писал откровенно плохие стихи – и торжественно, с видимым удовольствием, зачитывал их. Представляя одних своих знакомых другим, считал необходимым зависить значимость этих людей. Так, студент техникума в его устах превращался в аспиранта, простой преподаватель – в заведующего кафедрой. Вообще, многое из той информации, которую выдавал Володя, стоило пропускать через фильтр, отсеивающий искажения. Сухой остаток истины иногда бывал весьма невелик. Самое интересное, что все старые знакомцы знали эту его особенность – и приятели, и неприятели; знал про себя и он сам, и знал, что другие знают. Но ничего не мог с собой поделать.

В резкие спелеологические конфликты Илюхин вступал, как правило, по двум причинам. На первом этапе развития организованной, «государственной» спелеологии – в процессе карабканья на ее сомнительный олимп. Позже – если в выстроенной системе подготовки кадров и проведения экспедиций вдруг проявлялись грубые нарушители. Инсургентов Илюхин преследовал и спешил прилюдно сурово покарать.

С непримиримыми противниками в спелеологии он сражался неистово и до конца. Как безжалостный средневековый полководец, побеждая войско врага, он гнал и старательно добивал его – не из ненависти, но чтобы впредь не расходовать силы и время на повторные битвы. И чтоб

другим неповадно было. Эта прямолинейная генеральская тактика была очевидно порочной: и для дела, и для самого Владимира Валентиновича. Талантливые, но несогласные спелеологи предавались анафеме и «навсегда» отлучались от официальной спелеологической «церкви». Направить их неуемную энергию в мирных целях бескомпромиссный Илюхин не хотел и не мог. Поэтому с каждым годом отлученных становилось все больше. Они были молоды, упрямы и ходили в пещеры без санкции маршрутных комиссий. Правила старой игры стали тесны. Невидимые капли свободы размывали карстующуюся толщу спелеологической системы и, хотя сверху она была еще прикрыта зелененьким дерном благополучия, провал был неминуем.

В декабре 1964 года в Сухуми на пленуме Центрального совета по туризму и экскурсиям была образована Центральная комиссия спелеотуризма. Предполагалось, что она объединит спелеоклубы страны, расклассифицирует пещеры, выстроит схему выпуска экспедиций на маршрут и зачета путешествий, разовьет систему подготовки кадров. Пост председателя комиссии в яростной борьбе завоевал Владимир Валентинович. Все, что намечалось, комиссия выполнила. Не без ошибок и перегибов, не без чиновничьей чванливости и волокиты – но выполнила все.

В декабре 1979 года, сразу после прекрасно проведенного Всесоюзного слета спелеологов в Каменец-Подольске Тернопольской области, пленум Центрального совета по туризму сместил Илюхина с поста председателя спелеокомиссии и избрал нового – Александра Морозова, ранее вычеркнутого Илюхиным из списков официальных спелеологов. Этому непосредственно предшествовали сборы подписей и жалобы номенклатурному туристскому начальству от лица общественности о зажиме спелеологических масс.

Но детонатором событий был ошеломляющий успех Морозова и Усикова в преодолении Пятого завала Снежной и продолжение пещеры еще на несколько километров.

Триумфальные публикации об этом в центральной печати вкупе с мощным наступлением «снизу» вынудили руководство ЦС полностью сменить состав Центральной спелеокомиссии. Произошла революция, старая система рухнула. Тогда, в конце 70-х, успех спелеодемократии внятно показал: конец всего «развитого социализма» не за горами.

Илюхин дрался до конца, разве что до суда не дошло, хотя с юристами он советовался. Но все сложилось против него, он проиграл, чувствовал это и очень переживал.

Впрочем, долго унывать и вообще проявлять слабость претило ему. Уже через месяц после отставки он собрал «оставшихся в живых» и спросил: «Куда идем летом?» Я предложил Арабику, и это была самая счастливая в нашей жизни поисковая экспедиция. В ригеле гигантского карстового цирка мы нашли вход в пещеру, которая теперь носит имя Владимира Илюхина. Широкий вход как бы сам притянул нас к себе. Мы проникли вглубь по снежному языку на полсотни метров и уже нутром чуяли дух вечности и бездны.

Как бы в награду за многолетний труд и в противовес всем невздам природа подарила эту пещеру именно Володе. Втроем – Илюхин, Олег Падалко и я – мы вылезли из пещеры и забрались на самую вершину цирка, откуда вход выглядел гигантским черным провалом. Вдруг видим: по гребню ригеля движется поисковая двойка параллельно работавших киевлян – наш друг Валерий Рогожников и с ним, как всегда, симпатичная девушка. Я с замиранием сердца – найдут, не найдут? – следил, как они приближаются к отвесу над входом в пещеру. Илюхин смотрел в бинокль с легкой усмешкой человека, привыкшего к потерям. На входе не было наших меток, только внутри – следы на снегу, так что киевляне имели все основания занести пещеру в реестр поиска как «свою». Непринужденно болтая – это было слышно – и помахивая горным компасом, Рогожников с

дамой спуститься в воронку не удосужились и чинно прошествовали мимо. Входа они не заметили.

Володя так и не побывал на хорошей глубине в этой пещере. В год открытия – 1980-й – глубины еще не было. На следующий год он в экспедицию не поехал, был где-то в командировке. А в 1982 году прибыл на несколько дней в спелеолагерь на Арабийском плато – подышать горным воздухом и порадоваться на молодежь. Тем летом усилиями Михаила Дякина в системе, достигшей глубины триста метров, «нащупали» мощное продолжение. Но Володя об этом уже не узнал. Спустившись с Арабики в Гантиади, он неосторожно переходил шоссе Новороссийск–Батуми, попал под машину и погиб.

Судьба подгадала и тут. В тот самый его последний день рядом случайно оказались друзья-спелеологи – Тамаз Кикнадзе и Резо Раквиашвили. Они быстро – за хорошие деньги – сделали все, что нужно. На следующий день, перемещаясь с Бзыбского хребта на Арабику, я тоже совершенно случайно встретил опечаленных тбилисских друзей на гантиадском вокзале и вместе с ними переносил цинковый гроб с телом Володи из гагрского морга в самолет Адлер–Москва.

Илюхин не ходил под землю еще в одной экспедиции. Это было в мае 1972 года на Караби-яйле, когда вблизи озера Эгиз-Тинах собралось человек восемьдесят для прохождения до дна пещеры Солдатская. Экспедиция длилась дней десять и все эти дни непрерывно лил дождь. Мокрые спелеологи лезли в не менее мокрую пещеру и работали там сутками. В основном, ждали друг друга, потому что пещера была узкая, а народу много. На вылезавших из-под земли было больно смотреть: измученные, грязные и мокрые, они не имели возможности как следует отмыться и обсушиться на поверхности и лезли в сырые спальники. Володя «руководил» всем этим действием с земли. В кавычках,

потому что никем управлять не требовалось: все и так заранее знали, что и как делать. Постоянные затыки в узостях и сбой графика штурма нервировали Илюхина, но он практически не вмешивался. Кроме того, он, видимо, не чувствовал себя готовым спускаться в пещеру, и не делал этого. Это было верное решение: крупногабаритный Владимир Валентинович надолго заткнул бы своими плечами и не самый узкий калибр.

Получилось так, что в той экспедиции мы обретались с ним в одной палатке, и длинными дождливыми вечерами беседовали, лежа в спальниках. Он говорил совсем об отвлеченных от спелеологии вещах: о своей маленькой зарплате научного сотрудника, о бытовой неустроенности и вообще о сложностях жизни. Странно было слышать эти откровения, почти жалобы, от человека, который внешне был уверен в себе и вполне благополучен. Простота и открытость Володи – обычно человека весьма дистантного – подкупала, и мы за эти дни заметно сблизились. Это было странно, потому что почти два года мы с ним резко конфликтовали.

Дело было так. В конце 1969 года тогдашний председатель московской секции спелеотуризма Леонид Королев – стопроцентный «человек Илюхина», сказал, что клуб МГУ провел бы спелеошколу первого года, но не может найти начальника, имеющего необходимые регалии. Поскольку таковые у меня были, Королев предложил возглавить школу мне. Я подумал и согласился. Подумать стоило: демократически настроенные спелеологи МГУ на дух не переносили авторитарного Владимира Валентиновича и его команду, окопавшуюся в Московском городском клубе. Илюхин воздавал им сторицей, до упора зажимая административными рычагами все благие начинания конкурентов. Была надежда, что мое участие в работе школы Университета даст шанс на установление человеческих отношений между клубами.

В МГУ меня приняли благосклонно, и работа началась. Слух о необычной школе прошел по Москве, и в нее, кроме спелеологов МГУ, среди которых, кажется, стажерами были Булат Мавлюдов и Коля Чеботарев, пришли ребята со стороны: известные неформалы Антонов (имя забыл, поскольку все его звали просто Ант), Дима Никифоров и целая группа изгнанников из школы Илюхина – Костя Фирсов, Женя Кудрявцев, Женя Цыбиков, Андрей Лебедев, всего человек двадцать. Понимая сложность задачи, я старался, как мог. Мы честно провели все теоретические и практические занятия, регулярно тренировались, ходили в походы и съездили в две учебные экспедиции в Крым.

Зимой 1971 года все документы по школе были представлены в московскую спелеокомиссию, и выпускники ожидали присвоения первой спелеотуристской квалификации. Не тут-то было! Илюхин внимательно следил за нашей деятельностью и был, очевидно, раздражен, что школа не рассыпалась, что в ней не халтурят, что в результате из выгнанных им «бездельников» образовалась довольно сильная схоженная команда во главе с рассудительным Фирсовым. Более того, желая навести мосты дружбы, я пару раз приглашал Володю прочитать лекцию в школе. Он обещал, но на лекцию не приходил. Зная характер Илюхина, я на этот случай всегда имел домашние заготовки и читал лекции сам.

Ссылаясь на плохо оформленный отчет, спелеокомиссия в присвоении квалификации выпускникам школы отказала. Это был уже вопрос чести, и дополнив документы до требуемого, я вызвал Илюхина на дуэль: обратился в кадровую комиссию Москвы с требованием пересмотреть дело в этой высшей инстанции. Комиссию составляли уже не только спелеологи, но и водники, горники, пешеходники. Со всеми Володя был, что называется, на короткой ноге, и, конечно, постарался заранее настроить на отказ. Что удивительно, при всем этом ажиотаже мы с Илюхиным не рвали дипломатических отношений: перезванивались, пытались

убедить друг друга. Но не вышло. Из бесед я понял, что главная его цель – не давать «путевку в жизнь» выпускникам школы. Володя не хотел дружить с МГУ, не считал нужным учить «дикарей-неформалов»; по-видимому, для себя он окончательно решил, что этих людей никаким учением «не исправишь» – не сделаешь законопослушными в рамках системы – и отметал саму возможность контакта с ними.

На кадровой комиссии я рассказал, как работала школа, что мы сделали за год, где были. Илюхин вновь выступил с резкой критикой отчета и предложил в иске отказать. Признаться, отчет был действительно, слабоват: в нем не было методических материалов, не хватало камералок. Я сказал, что впервые руковожу школой самостоятельно, и в силу недостатка опыта по оформлению документов готов понести за это кару: незачет руководством школы. Но ребята – вполне грамотные спелеологи – из-за меня страдать не должны, они вполне заслуживают своей квалификации. Эта незамысловатая речь нашла отклик, и все, кроме моих одноклубников-спелеологов, проголосовали именно за такое решение. Володя, может быть, впервые в своей жизни на стезе путешествий оказался в меньшинстве. Он был определенно расстроен, вел себя корректно и холодно.

Сегодня, оглядываясь назад, я с чувством глубокого сожаления воспроизвожу в памяти эту никчемную ломку копий. Подготовленные в той школе спелеологи много лет успешно ходили в пещеры, были довольны своей планидой и ничуть не мешали административно-политической активности Илюхина. И что он их так боялся?!

Впрочем, нельзя отвергать мысль, что Владимир Валентинович питал глубокую склонность к букве закона, к форме. Установленные правила он выполнял сам и не позволял нарушать их другим. Весьма характерный эпизод имел место зимой 1965 года.

В один из воскресных дней мы тренировались в Царицынском парке на декоративной башне «Руины». На ее плоской макушке за вделанный намертво крюк навесили с пяток веревок и учились спускаться по ним на рогатках с самостраховкой пруссиком. Это был революционный шаг того времени в технике работы на отвесах: до того спускались в карстовые колодцы, как и поднимались, по лестницам. Образцы рогаток привез из Болгарии Илюхин; он и руководил тренировкой. Трое—четверо ребят теснились на крыше башни, выбирая из путаницы свои веревки, обвязывая их схватывающими узлами и заправляя рогатки. Вдруг раздался глухой тяжелый удар. Один из спелеологов – Виктор Арсеньев, только что стоящий рядом, в секунду исчез. Сломая голову, мы бросились вниз по скользким ступеням. Витя лежал под десятиметровым отвесом на утоптанном снегу; его рогатка была вставлена в самый нижний конец веревки. Ранее веревка была выбрана наверх, и Арсеньев по рассеянности «сел» на не закрепленный, а на свободный конец, и вместе с ним улетел вниз. Мощные мужики Евгений Мухин и Виктор Шеблаков быстро выломали спинку парковой скамейки, уложили на нее Арсеньева и бережно донесли его по снежной тропинке до «скорой помощи». Виктор долго лежал в больнице, восстанавливая повреждение позвоночника.

На следующий день после этого происшествия по Московской комиссии спелеотуризма был объявлен приказ, в котором за халатность объявлялся строгий выговор председателю Центральной комиссии руководителю тренировочного занятия инструктору спелеотуризма В.В. Илюхину; последний также на несколько месяцев отстранялся от руководства тренировками и походами. Что и было неукоснительно выполнено.

Илюхин был убежден, что заслуженное наказание не должно вызывать обид. Поэтому не считал возможным спускать проступки или промахи ни далеким от него людям,

ни друзьям, ни себе самому. Это, по его мнению, укрепляло авторитет системы.

Дружбой и расположением близких ему людей он, однако, очень дорожил. Имея сотни самых разных знакомых, к близким друзьям относился с трогательным вниманием: помнил все их дни рождения и не забывал поздравлять, был в курсе личных дел, в трудных ситуациях помогал, чем мог. В поздние годы собирал в своей новой квартире на вечеринки с хорошей выпивкой и закуской, слайдами и песнями под гитару. Сам по-прежнему алкоголь не употреблял. Как-то закусывали грибочками, до которых ветераны спелеодвижения весьма охочи. Под водочку, естественно. Володя не пил, но в закуске не отставал. Наутро с сильным отравлением «скорая» доставила его в больницу, где он неделю приходил в себя. Остальные любители – не только грибов, но и сопутствующего напитка – как ни в чем не бывало ходили его навещать.

Всю жизнь Володя был очень скромн в быту, в одежде, в пище. Не любил носить галстук, хотя по необходимости, например снимаясь для телевидения, галстук надевал. Существенную часть его комнатки на Арбате, а потом квартиры в Матвеевском, помимо штанги, занимали полки с книгами на самые разные темы; особое место принадлежало письменному столу, всегда заваленному бумагами. В кажущейся неразберихе Володя легко находил нужный документ. Ел он все, что дадут, по крайней мере в экспедициях, никогда не жадничал. Одной их его походных шуток было «бросить на пальцах», кому достанется лимон, брошенный в кан с чаем. Участвовать в «рулетке», как правило, вызывался кто-нибудь из молодых, но азартных. Тренированный Илюхин легко его обыгрывал, после чего половину лимона с видимым удовольствием съедал сам, а половину щедро дарил проигравшему. Отказаться от подарка было неловко, и юниор, кривясь, жевал кислятину.

Володя прекрасно ориентировался по карте и компасу. Мог выйти в любое наперед заданное место с высокой точностью, быстро запоминал маршрут. Вечером в ноябре 1965 года абсолютно мокрые и измученные, мы вышли из пещеры Назаровская, где без гидр делали первопрохождение. С неба сыпался холодный дождь. Гена Пантюхин согревал заочневшие ступни, прохаживаясь непосредственно по малиновым уголькам притухшего костра. Вдруг оказалось, что в экспедиции кончился хлеб. Не менее уставший Илюхин тут же вызвался сбегать в Илларионовку – несколько километров в полной темноте по еще не знакомым горам до магазина. Я пошел с ним, и уже через час разбуженная продавщица сонно пересчитывала мятые трешки, а мы набивали рюкзаки теплыми круглыми булками. По пути в лагерь Володя неожиданно свернул с черной скользкой тропы к дому лесника Назарова, и мы провели один час в раю у печки, макая душистый деревенский хлеб то в простоквашу, то в горький каштановый мед. И в ненастной ночи Володя умел сделать праздник.

Выход в Назаровскую был полной авантюрой. Дожди не прекращались над Алеком, по бесконечным колодчикам и уступам пещеры шумели водопады. Предусмотрительный Илюхин прихватил в экспедицию пару военных гидрокомбинезонов ГК-2 и склеенные из розовой детской клеенки гидроштаны. Но носить на себе почти десятикилограммовой ГК никто не хотел, а в гидроштаны сначала быстро натекала вода, потом они рвались. Поэтому ходили в пещеру, как всегда, – пара свитеров и комбез х/б. Мерзли под землей невероятно, но терпели, поскольку тяготы и лишения были нормой. Володя честно мерз вместе со всеми. Но он отнюдь не торопился наверх, а наоборот, прямо-таки рвался вниз, в глубь пропасти, к новому рекорду. Это состояние яростной атаки, не характерное для обычно уравновешенного Владимира Валентиновича, удивило многих. Убежден, что нормальное человеческое честолюбие Илюхина здесь подо-

гревалось высоко ценимым мною чувством – азартом первооткрывателя пещер. К глубокому сожалению, это был последний раз, когда Володя был поглощен этим чувством.

Почти все остальные подземные экспедиции Илюхина были по чужим следам. Сам он спускался очень глубоко. В 1974 году – до пятого завала Снежной, на глубину семьсот метров. В 1977 году – до сифонного озера на дне Киевской, почти на километровую глубину. Володя очень хорошо умел работать под землей, не только не отлынивал от самого тяжелого труда, но старался что-то делать сверх положенного. И в Снежной, и в Киевской, кроме горы транспортных мешков, которую несла по пещере его группа – и он, естественно, тоже, – в его багаже обязательно был гидронивелир. По дороге вниз несли мешки, по дороге вверх измеряли глубину пещеры. Он тщательно записывал каждое измерение, и потом сам камералил результаты съемки. Часто лукавил: измеренные им пещеры оказывались метров на тридцать «мельче», чем их объявляли первопроходцы.

Свою штурмовую группу, уходящую глубоко и надолго вниз, Володя аккуратно формировал исключительно из людей, ему приятных и надежных. Сам он ни при каких обстоятельствах духом не падал, выглядел твердым и уверенным, несмотря на усталость. В Киевской на глубине четырехста метров мы провели первую отвратную ночевку. Предыдущая группа оставила нам насквозь промокший подземный лагерь. Мы разжигали маленькие, но злые примуса «Турист» и на полном форсаже засовывали их в набухшие водой лежачие спальники. Минут через пять из спальников начинал валить пар, вода в них нагревалась. Стремглав мы ныряли в эту баню и вмиг забывались. Через час, стуча зубами, процедуру повторяли. На «следующий день» – после трех таких манипуляций – несли вниз двадцать шесть трансов: с лагерями, запасами одежды и еды, снаряжением для ныряния в подземное озеро. Весь этот груз точно и в срок попал, куда нужно: к тому самому озеру. Володе было тогда сорок три года, впрочем почти столько же и Олегу

Падалко, и Юрию Лобанову, казалось бы, немало для такой тяжелой работы, но все они были настоящими лидерами в нашей шестерке, ни в чем не уступавшими «молодым» Николаю Коврижных из Питера, Ренату Асбауву из Красноярска и мне. Как и все, обычно осторожный Илюхин впервые в жизни вылезал с километровой глубины по тонкому металлическому тросу на еще не испытанных до конца тросовых самохватах. Ни страха, ни неуверенности в его действиях и словах не было. Признаюсь, что настроенный к чисто спелеологическим качествам Владимира Валентиновича весьма критично, я очень заужал его в той тяжелой экспедиции именно как спелеолога.

Минуло двадцать семь лет. Из них уже двадцать два как Владимир Валентинович Илюхин ушел из этого мира. Перед последней своей экспедицией в июле 1982 года он заехал ко мне домой взять какое-то снаряжение, которого у него уже не было. Как всегда стремительный, он вбежал в квартиру на минуту, и наотрез отказался задержаться и попить чаю. Уходя, на пороге махнул рукой: «До встречи!» Больше мы не виделись.

Все проходит. Прошли годы, прошла острая боль потери.

За это время переболела, изменилась наша спелеология. Стали известными – и, к несчастью, тоже ушли замечательные спелеологи: Саша Морозов и Володя Киселев. Что бы ни говорили, оба они прошли школу Володи Илюхина. Тяжело переболела – еще не переболела – вся страна. Вместе с нею помучились и спелеологи, особенно те, кто постарше. Одних эта болезнь надломилась, они на последние деньги пьют и умирают, не успев стать стариками. Другие от тумана и запаха тайги уехали за тоскливыми деньгами на чужбину. Третьи еще пыжятся и пересчитывают крупинки пороха в пороховницах. Всем им, повторяю – всем! – доброе слово и хорошая память. За ними сотни открытий, тысячи учеников, статьи и книги, за ними почти полувекковая исто-

рия, целый пласт не бывшей до них высокой человеческой культуры, которую называют странноватым словом – «спелеология».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	7
ПРОЛОГ. ОТКРЫТИЕ ПОДЗЕМНОГО МИРА	11
Катакомбы	11
Илюхин и Колесников	19
Первая пещера	21
Пещера Желтая и Большой Каньон	28
Бросок на Караби	31
Карабийские страсти	35
ВСТРЕЧА С АРАБИКОЙ	46
Воронцовка и Нежданная	46
Сандрипш и Гелгелук	55
Гагрский хребет сквозь дождь и туман	60
Пещерная модель советского строя	64
Спелеологи на конференции	69
АНАКОПИЯ	73
Сэр Пачулия и подземный космос	73
Метод замкнутого полигона	84
Месть Анакопийской пропасти	95
СНЕЖНАЯ – НАСТОЯЩАЯ ПРОПАСТЬ	103
Клубы-конкуренты	103
Снежная тропа и водопад в Большом Колодце. Ноябрь 1971 года	109
Глыба над палаткой и полет в бездну. Июль 1973 года	122
Вертолетные посиделки. Июль 1974 года	134
Холодная война жарким летом. Июль 1979 года	138
Жуткое приключение в Снежной	146
Развитие SRT в России	155
Лукавое искусство кино	158
ПРОПАСТЬ «КИЕВСКАЯ», ИЛИ ПРОСТО КИЛСИ	165
Русская революция в технике прохождения отвесов	165
Вавилонская поляна	170
Акклиматизация	176
Русская баня в спальном мешке	180
Подземные поросята, гидронивелир и взлетная полоса	183
Полиспаг и гирлянда	192

АЛЕК В 1965 году	201
Марлен и болгары на Караби	201
Трагедия в колодце с водой	209
Полет к скелету	211
Пещера Назаровская и йог Пантюхин	220
Молоко и мед	227
Подземная Хоста	229
ПЕЩЕРА СОЛДАТСКАЯ – КРЫМСКИЙ РЕКОРД	233
Печальный старт	234
Дождь на Караби	236
В колодце вверх ногами	245
СПЕЛЕОЛОГИ НА БАЙКАЛЕ В 1975 году	252
Пещерный дуб	252
Катакомбы на реке Мокше	254
Спасение Эйгеля в байкальской бухте	261
Веселый ветер и необитаемый полуостров	267
АЛЕК-1976: СПАСАТЬ – ТАК ПО-БОЛЬШОМУ!	275
Наташкины оверкили	275
Спелеологи и бюрократы на турбазе «Южная»	282
Носилки под водопадом	287
ОДИНОКАЯ ДЗЫХРА – ТИХИЙ ОМУТ	294
Райский уголок, Пасть Дракона	295
Деревья, пещеры и топориче Илюхина	299
Бросок на Кацырху и загадки гор	307
АРАБИКА, СРЕДОТОЧИЕ МИРА	318
Спелеологическая революция и «тайная вечеря»	319
Три события в Москве 1980 года	323
Лошади на перевале	325
Явление бездны	331
Арабика подземная	338
Перовский клуб, Майская и Яшкин	344
Июль 1981 года: чудеса на Люкивоху	356
Совет умнейших, Жове-Квара и ослы	362
Находки и разочарования	367
Месяц Солнца	375
Белая Лошадь и Надежда	378
Сезон аномальных совпадений	384

СОВСЕМ НЕМНОГО АМЕРИКИ	393
ФБР, пещеры и аллигаторы	394
Слет техасских спелеологов	402
ГОЛОВЫ ПОДЗЕМНОГО ДРАКОНА	409
1983 год. Палатки на плато	409
Стадо трансов в Грязном Меандре	413
Калейдоскоп открытий и ректальная температура	421
1984 год. Бесконечный путь вниз	430
Прелести топосъемки и выемки снаряжения в глубоких пещерах	445
ГОНКИ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ	454
Нырять правильно!	454
Ничего не бойся	465
Жуткое приключение в Системе Илюхина	472
Нас обогнали	480
Резиновые люди под снежными пальмами	486
Особенности национальной забивки	496
Атака на сифон	500
ПУТЬ ВНИЗ ПРЕГРАЖДАЮТ СИФОНЫ. ВМЕСТО ЭПИЛОГА	519
ВЛАДИМИР ИЛЮХИН, СПЕЛЕОЛОГ	527

Александр Петрович Ефремов

ПУТЬ ВНИЗ ПРЕГРАЖДАЮТ СИФОНЫ

Хроника

Редактор *М.М. Пронина*
Компьютерная верстка *М.М. Пронина*
Технический редактор *Е.В. Коврижных*
Дизайн обложки *А.А. Арианова*

Подписано в печать 29.11.04 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,87. Уч.-изд. л. 32,6. Усл. кр.-отт. 35,37.
Тираж 500 экз. Заказ 1122

Издательство Российского университета дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография ИПК РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

ISBN 5-209-04081-X

9 785209 040811